

Русский Академический Союз в Болгарии
Представительство Россотрудничества в Болгарии

БЕЛОЭМИГРАНТЫ В БОЛГАРИИ. ВОСПОМИНАНИЯ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ В.В. ЧУМАЧЕНКО,
П.В. ЧУМАЧЕНКО, С.А. РОЖКОВА

Москва
2013

www.elan-kazak.ru

ББК 63.3(2)6-4
УДК 9=00(082)-05
Б355

Б35

Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания / подред. В.В. Чумаченко, П.В. Чумаченко, С.А. Рожкова. – М.: Новые печатные технологии; Синержи, 2013. – 794 с.

ISBN 978-5-905742-39-2

Личные воспоминания представителей русской эмиграции и их потомков представляют интерес не только для их семей, но и являются тем конкретным фактическим материалом, на котором можно проследить историю русского зарубежья.

Сборник дает возможность на примере конкретных судеб рассказать удивительную историю русской эмиграции в Болгарии.

ISBN 978-5-905742-39-2

ББК 63.3(2)6-4
УДК 9=00(082)-05

ISBN 978-5-905742-

© Указанные авторы, текст, 2013
© «СИНЕРЖИ», 2013

www.elan-kazak.ru

Содержание

<i>С. Рожков.</i> Бесценная информация – в нашей памяти	5
<i>В.В. Чумаченко.</i> Белая эмиграция в Болгарии	9
<i>С. Мрочковская-Балашова.</i> Храм князя Мещерского.....	15
<i>Д. Бендерев.</i> Из «Воспоминаний о Софийской Русской гимназии (1924–1934)»	51
<i>С. Букасова-Богословова.</i> Воспоминания о жизни родителей и белой русской эмиграции в Варне	89
<i>Ю. Бурицов.</i> Русский клуб «Сокол» в Софии	107
<i>И. Гюров-Ерулки.</i> Клуб русской интеллигенции в Пернике в 20–30 годы XX века	119
<i>Б.Е. Комаров.</i> Воспоминания	127
<i>В. Краснокулов</i> Исход и возвращение: мои семейные российско-болгарские хроники	145
<i>Е.В. Левкова-Бесчастнова.</i> Воспоминания о семье врача	
<i>В.А. Левкова</i> и его брата врача <i>А.А. Левкова</i>	193
<i>А.Г. Литвиненко, Н.Г. Литвиненко.</i> Болгарская сага. Воспоминания об отце	213
<i>Т.К. Пчелинцева, А.А. Попчева.</i> Семья Морозовых	255
<i>Т.К. Пчелинцева</i> Русские врачи-белоэмигранты в Болгарии	283
<i>П. Чумаченко, С. Петрусенко, П. Лысенко-Чехларова.</i> Болгарские геологи белоэмигрантского происхождения	385
<i>Т.К. Пчелинцева.</i> Воспоминания о семье	412
<i>С. Петрусенко, В.П. Петрусенко.</i> Династия Петрусенко в Болгарии	433
<i>П. Чумаченко.</i> Семейство Чумаченко в Болгарии.....	444

<i>Ю. Словацкий. Жизнь, описанная в письмах, или Разлука длиной в сорок лет</i>	463
<i>Ю. Словацкий. Моя мама Анна Георгиевна Верченко</i>	521
<i>Н. Трейман. Семья Трейман в Болгарии</i>	550
<i>С. Третьяков. Школа Русского детского дома (воспоминания)</i>	556
Воспоминания о моих белоэмигрантских знакомых.	
<i>Интервью С. Рожкова с П. Чумаченко</i>	563
<i>С. Чакалов. Записки болгарского кадета (1911–1921 годы)</i>	655
<i>Ю. Буцков. Помещик Голиков</i>	782
Об авторах	787

Бесценная информация – в нашей памяти

Личные воспоминания представителей русской эмиграции и их потомков представляют интерес не только для их семей, но и являются тем конкретным фактическим материалом, на котором можно проследить историю русского зарубежья. Великолепным примером тому служит книга князя Леонида Ратиева «То, что сохранила мне память», основанная на личном фонде князя в Центральном государственном архиве Болгарии. Но такие фонды единичны и являются, скорее, исключением из общего правила. Большинство представителей русского зарубежья имеют пусть и не всегда большие, но свои ценные семейные архивы и воспоминания. Именно к ним и обращено внимание в этой книге.

Заниматься сбором и публикацией воспоминаний русских в Болгарии мы начали давно. Собственно это была одна из целей созданного около 10 лет тому назад «Русского академического союза в Болгарии». Сначала это были небольшие интервью, отдельные публикации на страницах «Русской газеты» в рубрике «Зарубежная Россия». В 2009 г. в Болгарии на средства гранта фонда «Русский мир» вышла уникальная книга-альбом «Русское зарубежье в Болгарии: история и современность». В одном из разделов этого издания, носившего название «Русские династии и фамилии в Болгарии», были описаны истории некоторых русских семей в Болгарии. Работая над всеми этими материалами я каждый раз удивлялся тому, как много ценного находится в семьях потомков представителей русского зарубежья, как бережно

хранится память о них. Я был поражен уникальностью и качеством данных, аккуратностью и бережностью, с какой были сохранены документы и вещи. И не нужно забывать, что не всегда можно было их спокойно сохранять у себя дома. Были времена, когда их насильно забирали. В лучшем случае передавали в государственный архив, в худшем – просто уничтожали.

Специально для этих целей – сбор, сохранение и обсуждение воспоминаний современников о своем русском прошлом, «Русским академическим союзом в Болгарии» стал проводиться и историко-научный семинар «По волнам нашей памяти» в Российском культурно-информационном центре в Софии. Пользуюсь случаем и хочу поблагодарить всех участников наших собраний. Без их поддержки семинар не смог бы действовать, и эти воспоминания не были бы опубликованы. При подготовке материалов часто оказывалась техническая помощь при сканировании документов и написании текстов. Это существенно облегчило задачу по сохранению этих воспоминаний и сопровождающих их иллюстративных материалов на электронных носителях. Кроме того, и сами авторы более охотно шли на такое сотрудничество, так как сканирование очень часто происходило в их присутствии, и ценные для семейного архива документы и фотографии не покидали домов и своих хозяев. Позже по просьбе главного редактора «Нового журнала» был подготовлен специальный номер по Болгарии, в который вошли воспоминания участников этого семинара. Однако небольшой объем журнала не дал возможности опубликовать все материалы полностью. Кроме того, отсутствовала возможность и сопровождения текстов иллюстрациями из семейных архивов.

Пользуюсь случаем и хочу поблагодарить авторов, с которыми мы с самого начала стали работать по вопросу издания историй русских семей в Болгарии. Это, прежде всего, Платон Чумаченко, Юрий Словачевский, Татьяна Пчелинцева. Они не только сами написали замечательные материалы о своих семьях, но и вдохно-

С. Рожков на семинаре «По волнам нашей памяти». Фото 2012 года

вили на этот труд и своих друзей. А Платон Чумаченко взял на себя нелегкий труд составителя этого сборника воспоминаний.

Бесценная информация находится в нашей памяти! Но как хотелось бы видеть большую активность со стороны проживающих в Болгарии русских эмигрантов и их потомков. Часто приходится слышать, что имеющаяся информация в семейных архивах представляет интерес или для одного человека, или только для самых близких членов этой семьи, и что она – эта информация – не имеет общественного значения. Я сам абсолютно уверен, что это не так, да и читатели этого сборника легко могут убедиться в правильности моей позиции, прочитав хотя бы несколько воспоминаний.

Надеюсь, что совместными усилиями вместе с другими авторами можно будет продолжить эту работу, а настоящий сборник будет первым такого рода, но далеко не последним. По согласованию с авторами их воспоминания будут расположены и на

готовящимся сайте по русскому зарубежью в Болгарии. Что значительно расширит их читательскую аудиторию.

Я хотел бы поблагодарить всех авторов настоящего сборника. Без их понимания значимости публикации воспоминаний, большого и кропотливого (но очень приятного и важного!) труда по сбору, упорядочению и описанию имеющихся в семейных архивах документах, этот сборник не смог бы увидеть свет. Хочется верить, что это издание даст понять многим важность описания истории русских семей в эмиграции. И делать это нужно сейчас, не откладывая. Чем ближе по времени к событию и источнику находится автор, тем больше он может вспомнить и описать. Следующим поколениям это будет сделать гораздо труднее. Сделайте это сначала для себя и своей семьи, а потом... поделитесь радостью своих воспоминаний с другими. Это даст возможность на примере конкретных судеб рассказать удивительную историю русского зарубежья в Болгарии, а потомкам русских эмигрантов в других странах послужит примером для проведения аналогичной деятельности у себя.

В заключение я хотел бы выразить слова искренней благодарности Ирине Чумаченко – директору издательства и типографии «Синержи» в Москве, Юрию Чумаченко, который за свой счет взялся издать этот сборник. И особенно Василию В. Чумаченко, соавтору этой книги, который, вложив свой титанический труд, бескорыстно сделал редакцию текста и художественное оформление сборника. Многие фотографии были в очень плохом состоянии и то, что они выглядят сейчас иначе – его абсолютная заслуга. Для всех, и в первую очередь для них самих, ясно, что это не будет прибыльным с финансовой точки зрения издание. Однако трудно переоценить важность этих материалов для сохранения памяти о русских эмигрантах в Болгарии.

Белая эмиграция в Болгарии

Белая эмиграция возникла вследствие событий шестилетней Гражданской войны (1917–1923 гг.) в России и с 1919 г. приняла массовый характер, пройдя в несколько этапов. Первый связан с эвакуацией Вооружённых сил Юга России под командованием Генерального штаба генерал-лейтенанта А.И. Деникина из Новороссийска в феврале 1920 года. Второй – с эвакуацией Русской Армии под командованием генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г., третий – с поражением войск адмирала А.В. Колчака в 1920–1921 годах. Общее количество эмигрантов из России составило на тот момент примерно 5 млн человек, в эту цифру включены и около 2 млн жителей польских и прибалтийских территорий, входивших в состав Российской империи.

После эвакуации Крыма остатки Русской Армии были размещены в Турции, юридическое положение Русской Армии было достаточно сложным, поэтому Врангель принимает решение о переводе своих войск в славянские страны. Весной 1921 г. он обратился к болгарскому и югославскому правительствам с запросом о возможности расселения личного состава Русской Армии

Главнокомандующий Русской Армией генерал-лейтенант барон Петр Николаевич Врангель

Могила ген. Врангеля
в Белграде

Венок от русских студентов в Болгарии перед
могилой ген. Врангеля в Белграде

на территории этих государств. 1 сентября 1924 г. П. Н. Врангель издает приказ об образовании Русского Общевоинского Союза (РОВС). С этого момента можно говорить о превращении Русской Армии в эмигрантскую организацию.

Вся история русской эмиграции в Болгарии складывается из отдельных судеб и тесно переплелась с историей Болгарии. В период с 1920 по 1922 г. в Болгарию прибыло около 35 000 русских беженцев, из которых более 17 000 составляли солдаты и офицеры Русской армии.

Расселение и обустройство беженцев осуществлялось Славянским обществом, которое, вместе с Болгарским Красным Крестом, занималось первостепенными нуждами людей – расселение, одежда, еда и т. д. Также помощь оказывалась на средства, выделявшиеся Советом российских послов в Париже, Всероссийским Союзом Городов и Всероссийским Земским Союзом.

Обосновываясь в Болгарии, эмигранты испытывали огромные трудности. Отношение болгарской администрации к ним отличалось сложностью и непоследовательностью. Оно определялось непростыми взаимосвязями между Болгарией и СССР, с одной стороны, и между Верховным Комиссариатом Лиги Наций и болгарскими го-

сударственными органами, с другой, а также между беженцами и болгарским государством. Важным фактором в политике Болгарии в то время являлся и ее ограниченный суверенитет как побежденного государства после 1 Мировой

Эвакуация дроздовцев и корниловцев из Крыма. С картины Дмитрия Белухина (1991 г.)

войны, государства, находившегося под контролем Международной Комиссии Антанты. Сильное влияние на правительственные решения оказывала эмоциональная поддержка российских беженцев большинством политической элиты и общественностью, для которых эмигранты были, прежде всего, потомками освободителей Болгарии от турецкого владычества. Премьер-министр Александр Стамболийски (до 1923 г.) смотрел на русских как на временных, непрошенных пришельцев, которые вскоре должны вернуться домой. Надеясь, что активная поддержка Лиги Наций поможет Болгарии выйти из международной изоляции, правительство партии ЗНС (Земледельческий Народный Союз) под руководством А. Стамболийского, безукоризненно выполняет указания Верховного Комиссариата по вопросам беженцев. В конце 1922 г. создан Комитет по делам русских беженцев, со смешанным болгаро-русским составом служащих. Членами Комитета стали видные представители эмиграции Б.С. Серафимов, проф. И.А. Базанов, кн. И. Лобанов-Ростовский, проф. С.М. Богаевский и др.

Болгария присоединилась к решениям Лиги Наций, касающихся юридического статуса русских беженцев. Русские эмигранты получили нансеновские паспорта, некоторые привилегии в трудоустройстве, гарантированное бесплатное лечение бедных и т. д. Расцветает система русских учебных заведений, считавшаяся в Болгарии «исключительным, особым явлением». Русские школы сохранили русские учебные программы, при получении дипломов об образовании и поступлении в болгарские высшие учебные заведения выпускники школ пользовались такими же правами, как и их болгарские ровесники. Была сформирована целая сеть русских общественных организаций. Болгарское правительство ведет с ними активную совместную работу и опирается на их опыт при распределении государственных субсидий для эмигрантов.

23 апреля 1920 г. по частной инициативе С.И. Кононовича в Варне была основана русская гимназия. В июне Русско-болгарский культурно-просветительский комитет во главе с епископом Стефаном открыл гимназию в Софии. В конце июня 1920 г. в Варне уполномоченный ВСГ в Болгарии А. Арцишевский взял на себя организацию и финансирование русского учебного дела. В 1920–1921 гг. ВСГ создает детские сады и подготовительные школы в Софии, Варне, Плевне, Созополе, Лясковце, Бургасе и в других городах, а в 1921–1922 гг. – средние и сельскохозяйственные школы и гимназии в Болгарских монастырях.

Во многих отношениях русские оказались самой привилегированной диаспорой в стране. Такая политика Болгарии предопределила возможность расцвета русской эмигрантской культуры. Однако мировая экономическая депрессия конца 20–30-х гг. XX в., охватившая и Болгарию, ухудшает положение русских эмигрантов. Государство, придерживаясь строгой политики национальных приоритетов на рынке труда, приравнивает русских эмигрантов к другим группам иностранцев. Это длилось до сентября 1944 г. и привело многих беженцев к сильному обнищанию. Хотя государство и продолжало помогать им, доля денежной помощи вынужденно сокращается, ликвидируются некоторые

эмигрантские учреждения. С конца 1930-х гг. начинается новая государственная политика по отношению к русским беженцам. В 1938 г. Лига Наций принимает положение о том, что русский беженский вопрос «исчерпан», закрывает Международный Нансеновский офис и рекомендует государствам, принявшим русских эмигрантов, начать политику, на повсеместную натурализацию русских. На этом заканчиваются благоприятные отношения к русской эмиграции, русские приравнены к другим иностранцам. Новая политика, наряду с репрессиями против русских беженцев во время 2-й мировой войны, отмечает начало процесса ассимиляции русских эмигрантов.

После нападения гитлеровской Германии на СССР часть русской общины, около 2 000 мужчин записывается в Русский охранительный корпус (РОК), являвшийся частью немецкой армии и действовавший на территории Югославии. Среди членов РОК – князь Дмитрий Мещерский, Семен Чернорубашкин, Дмитрий Гончаров, Борис Гоголев, Александр Павчинский и др. Другая часть русской общины сознательно присоединяется к антигитлеровской борьбе и активно участвует в коммунистическом движении сопротивления в Болгарии. В болгарских партизанских отрядах сражались М.И. Плавацкий, В.А. Юревич и др. Подавляющая часть эмигрантов заняла нейтральную позицию, и с тревогой наблюдала за развитием событий. Под влиянием побед Красной армии среди них постепенно возрастают симпатии к СССР.

В 1944 г. в Болгарию вошли части Красной армии. Создаются новые органы контроля и управления. Советские представители в Болгарии изымают у государства решение всех проблем, связанных с русскими эмигрантами. Закрыты все русские школы, остановлена деятельность эмигрантских организаций, их имущество конфисковано и отдано просоветскому Союзу советских граждан в Болгарии. Несмотря на это, СССР обязывает Министерство социальной политики выделить средства из государственного бюджета для бедных и нетрудоспособных беженцев.

События, последовавшие после 9 сентября 1944 г., самым болезненным образом затронули русских эмигрантов, которые в той или иной форме сотрудничали с немецкой армией во время Второй Мировой войны. Их выслали в воспитательно-трудовые общежития, созданные по подобию лагерей ГУЛАГа. Так же были репрессированы и другие русские, чье мировоззрение не совпадало с официальной политикой и которые позволяли себе критиковать новый путь развития Болгарии. Среди них были Борис Угаров, князь Андрей Ливен, Нина Карпинская, Мария Ерохина, князь Николай Лобанов-Ростовский, граф Николай Игнатъев, Всеволод Вишняков, Николай Покровский и др.

К середине 1950-х гг. соответствующие советские органы готовы поставить точку на русском эмигрантском вопросе в Болгарии. В сентябре 1954 г. части эмигрантов разрешают вернуться в СССР – «участвовать» в освоении целинных земель. До конца 1958 г. уезжает около 5000 человек. В начале 1958 г. Союз советских граждан в Болгарии упразднен. Построенный Дом советских граждан в Софии подарен Болгарии для работы созданного в 1957 г. комитета болгаро-советской дружбы. Возглавила комитет известная болгарская коммунистка Цола Драгойчева. На этом русский эмигрантский вопрос был практически закрыт.

История взаимоотношений Болгарии с русскими эмигрантами разворачивает перед нами неизвестные страницы болгаро-русских и болгаро-советских связей в XX веке. Несмотря на некоторую непоследовательность, в целом до сентября 1944 г. болгарское государство благосклонно относилось к русским эмигрантам. Доказательством тому могут служить постоянные ассигнования на нужды эмигрантского сообщества. До конца 1951 г. на русскую общину было израсходовано 343 797 189 левов. Эта внушительная для Болгарии сумма не нуждается в комментариях.

Храм князя Мещерского

«К чему
дорога, если
она не приве-
дет к храму?»
(мотто филь-
ма Тенгиза
Абуладзе
«Покаяние»)

Робкими, неуверенными шагами шли первые годы перестройки. К русским людям возвращалась память о прошлом. Вспомнили и про наших отверженных соотечественников, раскиданных по всему белому свету. На запретную ранее тему «русская эмиграция» жадно накинулись журналисты: воскрешали из небытия другую Россию – иной мир, еще совсем недавно «враждебный», безграничный, неведомый.

В ту пору я познакомилась с живущим в Софии потомком славного княжеского рода Андреем Павловичем Мещерским – вначале как с очередным героем моей серии очерков об «Отверженных». О них уже немало было опубликовано в газете «Советская культура» (ныне «Культура»), где писалось о бароне Фальц-Фейне из Лихтенштейна; князе Никите Лобанове-Ростовском из Лондона; Сергее Сергеевиче Набокове из Брюсселя – кузене знаменитого Владимира Набокова; графе Сергее Михайловиче Толстом из

Брат отца Сергей Степанович Хрулёв Петербург, банкир, крупнейший промышленник... Хрулёв Сергей Степанович (?–), действ. статский советник, брат предыдущего, председатель правления Полтавского земельного банка; видный общественный деятель. Юрист по образованию, был товарищем прокурора в Полтавском окружном суде, прокурором Орловского суда, Полтавского окружного суда членом Петербургской Судебной Палаты, а с 1901 – председателем правления Петербургского Международного коммерческого банка, членом комитета съездов представителей учреждений русского земельного кредита и членом совета съездов представителей промышленности и торговли),

один из крупнейших промышленников дореволюционной России: директор об-ва Тульских меднопрокатных и патронных заводов, член правления Жилковского об-ва каменноугольных копей и рудников, учредитель частных об-в Алтайской, Северо-Донецкой и Черноморской железных дорог.

Род Хрулёвых – один из древнейших русских дворянских родов и, по «Государеву родословцу» (см.: С.Б. Веселовский Исследование по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969), происходит от общего с Пушкиным предка Ратши. Их роды разделились после правнука Ратши Гаврилы Алексеевича. От правнука последнего Григория Пушки (VIII колена от Ратши) пошел род Пушкиных, а от другого сына Гаврилы – Акинфа Великого зачался род Остей, основателем которого стал его правнук Александр Андреевич Остей, получивший боярство от Дмитрия Донского. Внук же его – Андрей Романович по прозвищу Хруль и стал родоначальником Хрулёвых

Парижа – внуке Л.Н. Толстого, президенте «Общества друзей Л.Н. Толстого» во Франции, о его сыне Александре Толстом – профессиональном рыболове и новеллисте (теперь он переселился из Парижа в Уругвай); об Александре и Екатерине Серебряковых – детях Зинаиды Серебряковой, унаследовавших от матери не только имя, но и талант художника. Одной из первых статей этой серии стала публикация об угасавшем в Лозанне знаменитом балетмейстере Сергее Лифаре – «Жизнь, отданная танцу, или Печальная история пушкинской коллекции». Нелицеприятный рассказ о том, как советская Россия потеряла это уникальное собрание Лифаря*. И я продолжаю описывать

* Необходимо уточнить: позднее пушкинское собрание Лифаря было откуплено Министерством культуры СССР за \$1 млн у аукциона «Сотсби», на который его выставила вдова

судьбы тех, кто в годы лихолетья были хранителями истинной русской культуры, как ни парадоксально это звучит. Именно они сохранили для России ту самую, наработанную веками, передаваемую из поколения в поколение совокупность ценностей, высоких идеалов, обычаев, верований, традиций, этики поведения. Пресекавшихся революцией, но еще теплившихся то тут, то там на необъятных Российских просторах. Очаги эти поддерживались вплоть до перестроечных времен. А затем вдруг угасли вместе с жизнями их хранителей. Но жива еще вера в Россию. В ее прекрасное будущее. Придет время, и зародыши семян, посеянных радетелями великой русской культуры, прорастут новыми пышными всходами. Как верил в это один из самых замечательных людей, с которым меня когда-либо сводила судьба, – Андрей Павлович Мещерский.

Не татары, а болгары – странички Родословной

Он часто вспоминал «Барскую горку», на которой стоял дом его раннего детства. Вокруг густые леса, перелески, полные рыбы озера, хлопотливый ручеек под горкой, душистые луга, пашни, благодатные пойменные почвы, с которых дед князь Павел Николаевич Мещерский с помощью новейшей агротехники собирал неслыханные урожаи. Бары слыли зажиточными. Само село Дунино, где находилась усадьба, раскинулось вдоль берега маленькой речки Бисерки. Рядом, с восточной стороны, пролегал оживленный старинный тракт Медынь–Гжатск. Как свидетельствуют документы, в 1817 г. прежний владелец села Дунино и нескольких окрестных деревень надворный советник Александр Афанасьевич Долгов построил новый православный храма Казанской Божией Матери с двумя приделами – Иоанна Предтечи и Николы Чудотворца*.

(вернее, многолетняя спутница) балетмейстера гр. Лилиана Алефельд.

* Сведения об истории Дунино, ее усадьбе и ее владельцах почерпнуты из статьи науч. сотрудника регионального фонда «Возрождение калужской усадьбы» Юлии Пионтковской / сайт

30 июня 1798 г. род князей
Мещерских вместе с гербом внесен
в число российско-княжеских родов во
вторую (утвержденную новым царем)
часть Общего Российского Гербовника

«Имение наше было большим и очень богатым. Дед хорошо относился к крестьянам, часть своих доходов тратил на богоугодные дела. Основал для крестьянских детей начальную школу. Верно, только для мальчиков. Наиболее способных определял на помещичий кошт в гимназии. Самых одаренных в университеты, опять же на свое иждивение. В Дунино была больница, обслуживали ее врачи, а не фельдшер, как в обычных сельских пунктах. Крестьяне платили барину добром и почтением...»

«В усадьбе к концу войны жили мама, я и брат Дмитрий, наша тетя и няня Татьяна. Отец был на фронте...»

Рассказ этот я записала сразу же после возвращения от Андрея Павловича домой. Он, человек удивительной скромности, никогда и никому не позволяя записывать беседы с ним.

Мальчик Андрей, как записано в метрике, родился 22 мая 1815 г. в Гжатске (ныне районный центр Гагарин) на Смоленщине. До него от Дунино рукой подать – каких-нибудь 30 верст. Мама, княгиня Наталья Степановна, поехала туда рожать своего второго ребенка. Без мужской опоры нелегко – муж на войне, отец Степан Степанович Хрулёв уже два года как умер*.

Калужской областной газеты «Знамя», 27.8.2008: <http://znamkaluga.ru/content/view/63/19/>

* Хрулёв Степан Степанович (02.07.1860–28.03.1913), д.с.с., нижегородский губернский прокурор (1897 – март 1900), прокурор Харьковской, Московской и Петербургской судебных палат, в 1909–1913 гг. – начальник Главного тюремного управления Министерства юстиции России, автор нескольких работ о деятельности судов присяжных в России. Был женат на Прасковье Александровне Володимеровой, дочери орловского помещика А.Н. Володимерова и его жены

А Гжатск как-никак город, больница получше, да и родственников вокруг много – Мещерские, Хрулёвы, Володимеровы, Мусины-Пушкины, Демидовы, Тенишевы, Урусовы – кузены, кузины (так в те времена именовали сородичей – двоюродных, троюродных, а то и вовсе седьмой воды на киселе, родственников), всех не счесть... Жили они кто-то в ближних, кто-то в дальних усадьбах – Дугино, Валуево, Лотошино, Василево, Острога, Рудихово, Ивановское...

Разрасталось древнее родословное древо Мещерских, ветвилось, плодоносило. Проследим «этапы большого пути», сформировавшие личность князя Мещерского.

Князья Мещерские давно заселили среднерусские края... Как известно, их первоначальной вотчиной была Мещера. *«Род Мещерских произошёл от Усейна князя Ширинского, сын которого Бахмет пришёл из Орды на Мещеру и “засел в ней” в 1298 г. Его сын Беклемиш крестился; потомки его до 1398 г. сохраняли за собой владение Мещерой»**.

Но Мещерские, как и некоторые другие выходцы из Орды, были не татарского происхождения, а *болгарского*. Что удостоверено последними исследованиями ученых.** Как писал в 1300 г. персидский историк Вассаф, позабытое старое вновь открывается сегодня. В 1237 г. татаро-монгольская Орда окончательно покорила Волжское болгарское царство: *«От множества войск земля стонала и гудела, а от многочисленности и шума полчищ столбенели дикие звери и хищные животные»****. *«Тое же осени придоша от восточные страны в Болгарскую землю безбожные татары и взяли славный Великий*

Наталия Афанасьевна (1844–1932), урожденной Матвеевой.

* Общий гербовник дворян России (далее – ОГДР), ч. II, 1798 г., с. 8.

** По версии болгарского ученого архитектора Слави Дончева, болгары обитали в Центральной Азии еще до н. э. *«Называть болгар тюрками – большой лингвистический и хронологический парадокс. Когда тюркские племена появляются в Центральной Азии (510–520 гг.), болгары уже тысячу лет существуют на территории Европы. Язык гуннов-болгар сложился в претюркскую эпоху. Его единственной параллелью может быть чувашский язык»* (из интервью С. Дончева газете «Македония», 21.10.1998, № 38). О народе «булоцзи» (идентифицируемым с «булгарами» и определяемым как «рабы гуннов», т. е. «чужеродное племя, покоренное гуннами») находим сведения в китайских хрониках уже во 2 в. н. э.

***. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. т. 2. М–А., 1941. С. 22–23.

город Болгарьский и избиха оружьем от старца до унага и до сушаго младенца, и взяша товара множество, а город их пожогша и всю землю их плениша**.* Великая Булгария перестала существовать как отдельное государство. Уцелевшее население, укрываясь в дремучих лесах и непроходимых урочищах, совершало набеги на Орду. Впоследствии часть болгарского племени растворилась среди вединов (чувашей), меровийцев (марийцев), мордванов (мордвы).

Язык и обряды – пожалуй, самое убедительное свидетельство об этносе. Позволю себе небольшое отступление. Несколько лет назад мне довелось с болгарской телевизионной группой снимать фильм о быте и обычаях Чувашии. Красочные пестротканые национальные одежды с типичным болгарским орнаментом, народные музыкальные инструменты: бубны, барабаны – копия болгарских «гыпанов», колокольца – ни дать ни взять «хлопатарри» – в Болгарии пастухи подвешивают их к шее домашнего скота. Их перезвон – музыка балканских горных пастбищ! Но самое поразительное из увиденного, это привязанные к иконам мартеницы! «Что означает этот обычай?» – спросила я хозяйку дома, где проходили съемки. «Не знаю, но у нас так принято спокон веков», – ответила она...

Другая часть *булгар* переселилась к *буртасам* в Пойдовину (Подолія) и на русские земли. Еще в конце XIV в. кн. Александр Юрьевич Мещерский (VI колено от Уссейна) уступил владетельные права на большую часть княжества Мещера Великому князю московскому Дмитрию Донскому – первому собирателю Московии. Его праправнук – князь Юрий Семенович с согласия родного брата князя Василия Семеновича и двоюродных – Константина и Ивана Борисовичей передал оставшуюся часть Мещеры Великому князю московскому Ивану III – внуку Дмитрия Донского. Взамен князья Мещерские получили вотчинные волости на Руси. И таким образом стали вассалами Московского

*. «Унага», старослав. «оного» от «онак» (гоноша).

** . Полное Собрание Русских Летописей (ПСРЛ), Т. 1. Лаврентьевская летопись. С. 459.

государя. Так, князья Борис и Василий Ивановичи (XV и XVI колена) «были помещены в Новгородской земле». «В 1540 году в округе Твери отмечаются земли нововыходцев, возможно новокрещённых, Аксамита и Бархата Ивановичей Мещерских»*. Следует заметить, что тюркские имена и ислам булгар – отнюдь не свидетельство их татарского происхождения, а плод продолжительного влияния могущественной Орды. «Эти Мещерские были в родстве с Карамышевыми и имели земли по речке Ликова по границе Московского и Тверского уездов. Из этих Мещерских Юрий в 1563 году был князем – приставом при епископе Арсении Полоцком»**. В начале XVII в. они породнились с Валуевыми, как пишет тот же Веселовский***.

Большинство знатных переселенцев назначалось воеводами. Кто в Казань и Кострому, кто в Рязань, Вятку, Тулу или Новгород-Северский, а кто и в Мещеру. В браках с русачками плодились, размножались потомки болгарских ханов, расселялись по соседним землям, обустривали новые вотчины. Верой и правдой служили на военном и гражданском поприще русскому царю.

Немало генералов Мещерских прославили своими подвигами Восемнадцатый век. Один из них князь Платон Степанович (08.11.1713–23.12.1799), прямой пращур кн. Андрея Павловича, был записан в военную службу еще при Петре I. При Екатерине II он уже в чине генерал-аншефа. Звание это учреждено Петром I и в Воинском уставе 1716 г. определено как «главнокомандующий, равный фельдмаршалу». Одна из его обязанностей – возглавлять «консилию» (совет генералов). «Табелью о рангах», принятой в 1740-х, генерал-аншеф приравнивается к «полному генералу» и заносится в категорию 2-го класса, что рангом ниже фельдмаршала. После смерти Екатерины II звание генерал-аншефа заменено генеральскими чинами по родам войск: генерал от инфантерии, кавалерии, артиллерии, инженер-генерал.

* Веселовский С.Б. Ономастикон. Древнерусские имена, прозвища и фамилии. М.: Наука. 1974. С. 11.

** ПСРА, вып. 29. С. 312.

*** Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 105, 263.

Однако чиновная субординация не меняет сути отношения царя к славному генералу. С 1769 по 1775 князь Платон Степанович – правитель Малороссии. Затем последовательно занимает посты наместников – Казанского, Симбирского, Пензенского и Вятского. В 1792 г. выходит в отставку «по возрасту». Возможно, это обстоятельство заставило Павла I вернуть генерала к службе, как возвращал он всех разжалованных его матерью. Первым делом император награждает его за заслуги перед Отечеством высшим российским орденом Св. Андрея Первозванного. А потом назначает на пост Казанского генерал-губернатора.

Но будет несправедливым объяснить милости Павла I к отставному генералу от инфантерии кн. Платону Степановичу лишь стремлением нового государя действовать наперекор решению нелюбимой матушки. Вопреки культивировавшемуся о нем мнению, Павел Петрович умел отличать золото от мишуры. Житие кн. Мещерского, лаконично выраженное в нижеприведенной эпитафии, – редкий в истории случай, когда оценка человека монархом и власть имущими совпадает с мнением о нем самых близких ему людей – родных и друзей:

«Въ память почивающему здѣсь князю Платону Степановичу Мещерскому, генералу отъ инфантерій и орденъ Св. Андрея Первозваннаго, Св. Александра Невскаго, Св. Владиміра 1 степени и Св. Анны кавалеру, мужу, любви къ Богу, вѣрности къ Монархамъ, ревности къ службѣ и состраданія къ ближнимъ исполненному, 8 ноября 1718 г. родившемуся 23 декабря 1799 г. скончавшемуся, оплакивающія кончину его супруга и дѣти сіе надгробье воздвигли».

Эту, казалось бы, типичную велеречивость похвального слова усопшему подтвердит спустя полвека отзыв первого русского генеалога кн. Петра Долгорукова – человека скупого на похвалы и строгого судью своих соотечественников: Князь П.С. Мещерский – *«один из самых почтенных людей своего времени и по характеру и по личным качествам»**.

* Российская родословная книга, издаваемая кн. Петром Долгоруковым, часть 2-я. СПб., 1855. С. 24.

Женой П.С. Мещерского была Овцына Надежда Александровна (1736–1824) из древнего боярского рода, причисляемого к потомкам Рюриковичей. Родоначальник бояр Овцыных – Дмитрий Овца был сыном Владимира Красная Сабля (см. приложение 2).

Прожившие в любви и мире супруги произвели на свет двоих сыновей да трех дочерей: Петра, Алексея, Прасковью, Наталью, Анастасию. Прасковья Платоновна вышла замуж за своего дворянского дядю кн. Юрия Федоровича Мещерского – сына кн. Федора Юрьевича Мещерского, кузена ее отца. Трагичная судьба этой семьи поведана в эпитафии на могильной плите их дочери:

«Лѣта 1789 года февраля 27 дня представилась отъ кратковременный сея жизни въ вѣчное блаженство младенецъ княжна Анна Юрьевна, рожденная 1787 г. іюня 6 дня отъ князя Юрія Ѳеодоровича и княгини Прасковьи Платоновны Мещерскихъ. Оставлена сиротою по кончинѣ обоихъ родителей на другомъ году своего возраста» (Зашт. г. Воскресенскъ (ныне Истра) Моск. губ., Ново-Іерусалимскій монастырь, въ Христорождественскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Избіенія Младенцевъ» (Провинциальный некрополь, с. 549).

Через вторую дочь Анастасию Платоновну Мещерские породнились с князьями Тенишевыми. Предки мужа Анастасии Дмитрия Александровича Тенишева также считаются выходцами из татарских князей.

Самым известным представителем этого рода был кн. Вячеслав Николаевич Тенишев (1844–1903) – промышленник, этнограф, музыкант (закончил СПб консерваторию по классу виолончели), основатель Тенишевского реального училища в Санкт-Петербурге, комиссар от России на Всемирной выставке в Париже в 1900 г., владелец имения Талашкино в Смоленском уезде.

Того самого Талашкина, которое прославлено его второй (с 1892) женой Марией Клавдиевной, урожденной Пятковской (1864–1928). Эту исключительно одаренную женщину современники называли «гордостью всей России». Оперная певица, худож-

Портрет кн. М.К. Тенишевой работы
И. Репина (1896)

ник, коллекционер, писатель, меценат. Она превратила Талашкино в художественный центр, где трудились знаменитые художники Репин, Рерих, Врубель, Коровин. Коллекция княгини стала основой созданного ею в 1911 г. в Смоленске музея «Русская старина».

Третья дочь Наталья породнила свой род с Мусиными-Пушкиными – потомками новгородца Ратши, родоначальника многих русских фамилий, в том числе и Пушкиных. Она вышла замуж за Ивана Михайловича Мусина-Пушкина – внука лю-

бимца Петра I смоленского и астраханского воеводы Ивана Алексеевича Мусина-Пушкина (1661–1729), боярина, после участия в Полтавской битве пожалованного в 1710 г. в графы, ставшего сенатором, действительного тайного советника. Эта ветвь рода Мусиных-Пушкиных также славна своими предками. Отец гр. Ивана Алексеевича – Алексей Богданович Мусин-Пушкин, комнатный стольник, был собирателем древностей и писателем.

Блестящая поначалу карьера младшего сына генерал-аншефа Мещерского – Алексея Платоновича (1779–1839) быстро завершилась: 3 января 1797 г. 18-летний юноша был назначен флигель-адъютантом императора Павла и штабс-капитаном Измайловского лейб-гвардии полка, но через два года был отставлен от службы. Можно только гадать, что было тому причиной: некая ли шалость молодого человека, вызвавшая гнев взбалмошного императора, или потеря монаршего фавора. Но, вполне возможно, оставить армию его заставили дела управления многочисленными имениями, доставшимися ему в на-

следство: Ивановское, Бахарево, Беляево, Горка, Емельяниха и 12 деревень в Бежецком уезде, Тверской губернии. От брака с Анастасией Александровной Петрово-Соловово (1779–1810) имел двоих сыновей: Платона* и Александра**. Упоминаю о них лишь потому, что оба они вошли в летопись жизни А.С. Пушкина. Засвидетельствованы их встречи с поэтом у Зинаиды Волконской и у почт-директора А.Я. Булгакова. А кн. Платон на масленице 1 марта 1831 г. вместе с молодоженами Пушкиными участвовал в московском санном катании, устроенном супругами Пашковыми. О нем Пушкин спрашивал П.А. Вяземского в своем письме из Петербурга в Москву. «*Правда ли, что моя Гончарова выходит за “архивного” Мещерского?*» (январь 1830 г.).

Старший сын кн. Платона Степановича – Петр Платонович (1763–1839) пошел по стопам отца, дослужился до чина генерал-майора. В жены облюбовал соседку по имению – Александру Николаевну Аксакову. Их сын Николай Петрович (1806–1870), штабс-капитан в отставке, помещик Медынского уезда, прапрадед князя Андрея Павловича. С него-то и началась медынская династия Мещерских и их пресловутая любовь к земле. Он дважды был женат: на Ольге Васильевне Нееловой (1806–1831) – брак без потомства, второй раз на Александре Михайловне Ларионовой (1809–1890). Она родила ему двух дочерей Софью (1837–1846) и Ольгу (1842–1850) и наследника Николая Николаевича (1834–1893). Камер-юнкер Двора Его Императорского Величества, в дальнейшем статский советник, был женат на Александре Павловне Тучковой (1837–1881, Лозанна) – дочери Павла Алексеевича Тучкова (1803–1867) – генерал-адъютанта, генерала от инфантерии (1859), московского военного генерал-губернатора (1859–1864), члена Госсовета и его жены Елизаветы

* Кн. Мещерский Платон Алексеевич (26.11.1805 – 6.7.1889) служил в Московском главном архиве Министерства иностр. дел (за что именовался «архивным юношей»), впоследствии чиновник особых поручений при министре внутренних дел, статский советник, камергер.

** Кн. Мещерский Александр Алексеевич (7.3.1807 – не ранее 1864) службу начал в том же архиве МИДа, впоследствии полковник, генерал-лейтенант (так у Руммеля, т. 2, с. 52). Был женат на Марии Валерьяновне Новосильцовой (1825 – 18.12.1897).

Ивановны Веригиной (1805–1875) – кавалерственной дамы ордена св. Екатерины.

Мечта Андрея Павловича Мещерского, лелеемая им все годы эмигрантского бытия, наконец-то сбылась – он побывал на Родине. Очень надеялся посетить родовое имение – не пустили: в ту пору «иностралец» *не имел права отъезжать от Москвы далее чем на 25 километров*. Выручили московские приятели. Съездили вместо него в Дунино, и описали князю увиденную жуткую картину великого разора. От барского дома не осталось даже фундамента – стены селяне разобрали на кирпичи для хозяйственных нужд. Храм Казанской Божией Матери, закрытый для богослужения в 1937, – в развалинах, проломами зияют два его придела, Иоанна Предтечи и Николая Чудотворца. Он не восстановлен и поныне. А ведь некогда чудотворная икона Богородицы привлекала в эту главную церковь округа тысячи богомольцев. В приход входило 340 дворов из десяти близлежащих деревень с более чем полутора тысячами жителей. Прежде богатое село Дунино превратилось в крохотную деревушку о десяти дышащих на ладан душ. Заброшенное сельское кладбище, порушенные надгробия, могильные плиты – те, что не растасканы, – валяются на земле. Среди них и обнаружились княжеские с высеченными на них датами смерти княгини Александры Михайловны, ее дочери Софии Николаевны и брата княгини Ивана Михайловича Ларионова (1803–1823). Вероятно, после его преждевременной кончины имение Дунино и перешло к сестре Александре. И она принесла его в приданое своему мужу Николаю Петровичу... Плодородные пойменные земли мединского поместья пленили его. Особенно после малой пригодности для земледелия суглинков и подзолов Костромской губернии, где в Михеевском – усадьбе деда Платона Степановича – прошло его детство. Став хозяином Дунино, он решает оставить армию – а было ему в ту пору всего лишь 32 года, поселиться в деревне и заняться сельским хозяйством. К этому времени у них с женой уже было двое детей. Так князья Мещерские стали земледельцами.

«При этом рачительными, – заметил кн. Андрей Павлович, рассказывая мне о родовом имении. – Осушали заболоченные луга, применяли многопольный севооборот. Сеяли не только зерновые, лен, коноплю для производства пеньки, но и развивали скотоводство. Завезли высокоудойные породы коров, стали производить сыры, по примеру родичей – лотошинских князей Мещерских. «Мещерский сыр» – ныне забытое в России понятие. А до революции и даже до второй мировой войны он пользовался большим спросом. В 1812 году в Лотошине Тверской губернии был построен первый в России сыроваренный завод. В производстве сыров Мещерские первыми стали использовать молочнокислые бактерии, выведенные конце в XIX века профессором А.С. Севереном. Сыр “Мещерский” выпускался тогда огромными 100-килограммовыми кругами. Варили его с мая по октябрь, а осенью и зимой готовили другие сорта – “Тильзит”, “Бакштейн”, “Голландский”. Подобные сыроварни возникли затем и в имениях других Мещерских. Николай Петрович внес лепту в производство “Медынского” сыра – разновидности “Дорогобужского”. Изготавливали его для себя, а позднее и для продажи. Сыроделие стало одной из отраслей сельскохозяйственного производства. Но я, кажется, увлекся описанием нашего утраченного рая...»

Горестные воспоминания о начале крушения этого рая стерли с лица Андрея Павловича разнеженную улыбку.

«В годы войны матушка Наталья Степановна энергично заправляла всеми делами имения. Разруха в Дунино началась после революции. В деревни возвращались с фронта солдаты. Сразу же принимались агитировать крестьян за большевистскую власть и свержение помещиков. Озлобляли, настраивали против “эксплуататоров”. Сделать это было нетрудно. Изнуренному тяготами войны народу нужна была отдушина. Ею для дунинских селян стали мы, владельцы усадьбы. Ворвались в нее, разграбили, а нас, ее обитателей, заточили в лесной сторожке и даже окна зашпательли, чтоб все чин чином, как положено, содержат преступников: трех женщин да двух мальшей – трехлетнего Дмитрия и меня, его годка. При этом посулили, что скоро всех нас расстреляют. О добром отношении к ним деда Павла Николаевича и моего отца Павла Павловича, как это и бывает, начисто забыли. Однако верные люди остались. Ночью

они взломали дверь, усадили нас в сани и, выбравшись окольными путями из губернии, довели до самой Москвы. Там мы встретились с отцом. На семейном совете решили – смутные времена пережить на юге. Еще была вера в недолговечность власти большевиков. Отец остался возле своей больной матери Натальи Львовны – не мог бросить ее одну. Больше мы его не видели. Два года мытарств по южным краям, прежде чем в 1920 г. мы с матерью оказались в Болгарии...»

Андрей Павлович помолчал. А потом, вопреки своей обычной мужественной сдержанности, сокрушенно промолвил:

«Я до сих пор иногда кричу по ночам – снятся кошмары детства... А ведь оно – фундамент нашей будущей жизни... Но разве можно назвать детством ужасы пережитого в сторожке, и последовавших скитаний по Новороссии, Турции, безотцовщину.... Так что детства – в привычном понимании как самого светлого и беззаботного периода жизни человека – у меня не было...»

Подобные впечатления от первых детских лет могли заложить лишь один фундамент – настороженность к окружающему миру и убеждение в его враждебности. Злоключения эмигрантской жизни в Болгарии не только углубили эти чувства, но и превратили их в «кирпичик» генетической памяти. Позднее, общаясь с единственной дочерью Андрея Павловича Натальей Галь, я постоянно «спотыкалась» об эту суровую, почти непробиваемую, сдержанность ее характера. Даже 45 лет жизни в свободной стране Швейцарии не сумели истребить в ней это качество...

В XIX в. потомки генерала П.С. Мещерского словно охладели к военной карьере – подвизались все больше в придворной службе: сенаторы, гофмаршалы, обер-прокуроры, камергеры, церемониймейстеры. Другие в предпринимательство ударились – крупное землевладение, промышленность.... А если иные и служили в армии, то, скорее всего, по воинской повинности и в невысоких чинах. Впрочем, возможно, мое заключение преждевременно – родословное древо Мещерских все еще до конца не изучено. Ведь род Мещерских был очень плодовитым, во многих семьях до десятка и более детей рождалось. Неведома не только их судь-

ба, но часто даже и имена. В изданной в 1886 г. «Истории родов российского дворянства» *действительного члена Императорского русского археологического общества* П.Н. Петрова, в обзоре о князях Мещерских читаем: «Нам известно еще несколько имен представителей этого рода, но до получения более обстоятельных известий об этих лицах мы теперь привести их удерживаемся». Почти 130 лет минуло с той поры, а «обстоятельных известий» так и не прибавилось. К примеру, от дочери Андрея Павловича Натальи Андреевны я узнала, что ее прадед кн. Павел Николаевич Мещерский (1861–1905) служил на военном флоте, был заядлым путешественником, побывал в Америке, Индии, Океании. Его кузен кн. Александр Александрович Мещерский секретарь отделения статистики Русского географического общества, был одним из самых близких друзей Николая Николаевича Миклухо-Маклая еще со времени обучения обоих в Иенском университете. Организовав сбор средств, князь Александр помог путешественнику снарядить экспедицию в Новую Гвинею. Вел с ним оживленную переписку (в его архиве сохранилось 406 писем от Н.Н.). А Миклухо-Маклай назвал именем друга князя Мещерского Ново-Гвинейские мыс и банку (губу). Вполне возможно, что кн. Александр рассказами о Миклухе пристрастил своего кузена Павла к морским путешествиям и помог ему отправиться в плавание на том самом российском корвете «Скобелев» (бывшем «Витязе»), что в составе эскадры военных кораблей Тихого океана под командованием контр-адмирала Н.В. Копытова участвовал в Ново гвинейской экспедиции. По возвращению из плавания Павел Николаевич вышел в отставку, долго жил в Западной Европе, имел квартиру в Париже, дом во Флоренции. В Вене повстречался с баронессой Лёвенштейн*, обвенчался с ней в русской посольской церкви. Возвратился с молодой женой в Россию и «засел» с ней в провинции. Остепенился. Посвятил себя сельскому хозяйству. Занимался делами земской управы, благотворительностью. Нарожал с ба-

* Баронесса Элиза Лёвенштейн, в православии – Наталья Львовна княгиня Мещерская, скончалась в Москве в 1918 г.

ронессой четверых детей: Николая (1885–1918), Павла (1887–?), Юрия (1898–?) и Наталью. Князь Павел Павлович и стал отцом Андрея Павловича.

Времена великих испытаний

Наступил XX в., а вместе с ним эпоха крушений: привычного российского уклада, помещичьего быта, зачавшегося было экономического расцвета страны. Революции, войны, падение империи. Начало чудовищного социального эксперимента – диктатуры большевиков. Эпоха Хаоса, в которой нет победителей. Хаоса, из которого России придется еще долго выбираться.

И если с грехом пополам мне удалось собрать хоть какие-то сведения о князьях Мещерских, живших в XVIII–XIX вв., то представляется почти невозможным восстановить связующее звено с их уцелевшими в XX в. потомками. Обратите внимание на вопросы в датах жизни детей Павла Николаевича. Ответ на них вряд ли когда-нибудь будет получен. Следы почти всех его потомков теряются в вихре революционных и после революционных событий... Вот, к примеру, его дочь Наталья Павловна. Дата ее рождения, как дата и место смерти, неизвестны. В записях кн. Андрея Павловича значится, что она вышла замуж за кн. Вадима Николаевича Урусова, от которого в 1912 г. родила сына Игоря Урусова. В полном списке захоронений русского кладбища Сент-Женевьев-де Буа под Парижем присутствует некая Урусова Н., ум. в 1984 году*. Но разве можно утверждать, что она и есть княгиня Наталья Павловна, которая после революции, надо полагать, эмигрировала во Францию? В таком случае, где похоронен ее муж кн. В.Н. Урусов, какова судьба их сына? Трагична участь и другого отпрыска Павла Николаевича – кн. Николая Павловича Мещерского (1885–1918). Из Адресных книг Калужской губернии на 1913 и 1917 г. узнаем, что в 1912

* Грезин И. Алфавитный список русских захоронений на кладбище Сент-Женевьев-де Буа. Париж, 1995. С. 397.

он служил земским начальником 2-го участка Медынского уезда Калужской губ., в 1914 – там же земским начальником 3-го участка, гласным от 1-го Медынского земского собрания, в 1916–1917 гг. – член Землеустроительной комиссии Медынского уезда, почетный член уездного епархиального училищного совета, гласный от 1-го губернского уездного собрания. Был женат на княж. Елизавете Михайловне Голицыной – дочери кн. Михаила Александровича Голицына (1849– после 1918) и его 2-й жены Елизаветы Петровны Урусовой (1846–1915). Благодаря родству с Голицыными – потомками вел. кн. Гедимина – имена кн. Н.П. Мещерского и его супруги вписаны в Готский альманах*.

О послереволюционной судьбе Н.П. и Е.М. Мещерских, как и о большинстве их родственников, можно говорить лишь в солагательном наклонении. В книге С.В. Волкова «Офицеры российской гвардии» в списке жертв «красного террора» упоминается князь Мещерский Николай Павлович – поручик лейб-гвардии Измайловского полка, расстрелян большевиками в 1918 году. Возможно, речь идет именно о сыне П.Н. Мещерского. Как и при каких обстоятельствах это могло произойти, рассказывается в заметке «10 лет на чекистском посту», опубликованной 16 мая 1928 г. в чекистской газете «10 лет ВКП(б) – ВЛКСМ Донецкого окр. О ОГПУ»:

«Впервые с Болотовым Степаном Архиповичем мне пришлось работать в Черноморье в г. Новороссийске, где он был председателем ЧК. В то время Черноморье было насыщено бежавшей за границу русской белогвардейщиной, с целью новой интервенции и реставрации, с целью проведения своей гнусной работы подготовки реванша. Эти остатки в тот период представляли из себя чрезвычайно серьезную организованную силу. Ликвидированная под руководством Степана Архиповича Болотова, контрреволюционная организация со своим центром в городе Новороссийске, во главе которой стояли князь Мещерский, княгиня Мещерская, князь Гаузен, штабс-капитан Дворжеск, поручик Огневой и др. подтвердили

* The Almanach de Saxe Gotha. 2008. Vol. III, P. 7.

эту серьезность. Эта организация, руководимая международной буржуазией, в лице соответствующих органов, была тесно связана с армией барона Врангеля в Крыму, имела своих агентов на Кубани, Тереке, и т.д. Только успешная её ликвидация дала возможность быстрого пресечения высадившегося на Черноморье (Суко, подле Анапы) и других пунктах Азовского моря десанта барона Врангеля. Хотя трудности были чрезвычайно велики, но Чер. ЧК, совместно с местным гарнизоном, вела решительную борьбу с надвигающейся угрозой белогвардейщины. И выполнила с честью свою задачу. В течение полутора месяцев Новороссийск был отрезан от центра, и только благодаря решительной борьбе, не на жизнь, а на смерть, славной Черноморской ЧК и её бойцов, белогвардейские полчища были разбиты. Черноморье освобождено.

Столь же трагична участь, постигшая отца Андрея Павловича после отъезда его семьи на юг России. Кн. Павел Павлович готовил себя для мирной жизни земледельца. Как всякий молодой человек, он легче впитывал требования новой эпохи (в отличие от своего отца, сломленного крушением веры и чаяний и добровольно ушедшего из жизни в 1905 г.). Прекрасно понимал, что вишневые сады продолжат гибнуть, если बारे по-прежнему с пренебрежением будут относиться к труду. Только *индустриализация* и модернизация *сельского хозяйства* помогут помещику выжить. Поэтому поступает в Петрово-Разумовскую сельскохозяйственную академию. Окончив ее, успешно продолжает дело отца в своих имениях. После начала Первой Мировой войны был призван на военную службу. В адресной книге Петербурга на 1917 г. имеется запись: «*Князь Павел Павлович Мещерский, Балт. ж. д. ст. Дудергоф. и.д. земск. нач. 4 уч. Царскосельского уезда.*»

После смерти матери Натальи Львовны Павел Павлович Мещерский не сумел эмигрировать из советской России. По семейным преданиям, учредил вместе с другими бывшими офицерами рыбацкую артель в Новгородской обл. В 1921 г. женился вторым браком на Софье Григорьевне, от которой имел двух сыновей. Проживал с новой семьей в Москве, в 1927 г. был арестован, отправлен на строительство Беломорско-Балтийского

Незадолго до войны он женился на Наталье Степановне Хрулёвой (Москва 1893–1970, София) – дочери известного юриста Степана Степановича Хрулёва – с 1909 начальника Главного тюремного управления Мин-ва юстиции России. Венчание состоялось в Парашкино – бывшем орловском родовом имении деда невесты, помещика Афанасия Матвеева. К этому времени оно перешло во владение дяди Натальи Степановны по матери – Володимерова Святослава Александровича (1868–1917 или 1919) – правого депутата Думы, члена «Союза русского народа», с 9.03.1915 – Томского вице-губернатора, «растерзанного революционной чернью»

канала (1931–1933), где и погиб, как погибали тысячи его строителей – заключенных ГУЛАГа.

Идея этой затеи принадлежала М. Горькому, выразившему ее в личной беседе со Сталиным. Другой «визитер» специально подготовленного для этих целей советский писатель и журналист Лев Никулин, будущий лауреат Сталинской премии, после возвращения из «художественного путешествия» высокопарно изложил свои впечатления в письме наркому внутренних дел Г.Г. Ягоде: «“Человечность” и “гуманность” всё же большие слова, и мне кажется, не следует от них отказываться. Высшая человечность и гуманность сделана Вами — первым строителем ББК. Она заключается в пре-красной работе над исправлением человека. Она заключается в беспокойстве и создании лучших условий жизни для трудящегося народа...»

В списке жертв политического террора в СССР имя П.П. Мещерского отсутствует, но имеется запись о Мещерской С.Г. (вероятно, его 2-й жене): «Мещерская Софья Григорьевна. Родилась в 1901 г., г. Смоленск; русская; кустарь одиночка, вязальщица, бывш. княжна. Проживала: г. Москва. Подписка о невыезде 28 марта 1928 г. Приговорена: обв.: 58-11. Приговор: 4 мес. Дело прекращено Особым совещанием 27.07.28 г. с освобождением из-под стражи»*.

* Книга памяти Нижегородской обл.

Дедом Натальи Степановны был знаменитый генерал-лейтенант, участник Среднеазиатских походов, герой Севастопольской обороны (1854–1855) Степан Александрович Хрулёв (1807–1870, Петербург). Он погребен в Севастополе, согласно его завещанию «похоронить на солдатском кладбище, а на могильной плите написать: “Подвиньтесь, братцы, лягу вместе с вами”». Слегка поэтизированные, эти слова высечены и на его памятнике: «Пораздайтесь, холмы погребальные, потеснитесь и вы, благодетели. Вот старатель ваш пришел доказать вам любовь свою, дабы видели все, что и в славных боях, и в могильных рядах не отстал он от вас...

До своего ареста Софья Григорьевна Мещерская переписывалась с обосновавшейся в Софии первой женой П.П. Мещерского – Натальей Степановной. Последнее от нее письмо получено в 1927 г. из Нижнего Новгорода. В нем она сообщала, что теперь с семьей живет здесь, не объясняя причины «переселения». Причина же до банальности типична для эпохи красного террора. Вот что сообщила мне Ольга Владимировна Дёгтева – директор Церковно-археологического музея Нижегородской епархии. По просьбе моей виртуальной знакомой Натальи Дмитриевны Мещерской (актрисы Нижегородского ТЮЗа, засл. артистки России – однофамилице Мещерских, принявшей близко к сердцу ее судьбу), она включилась в поиски следов С.Г. Мещерской в архивах Нижнего Новгорода.

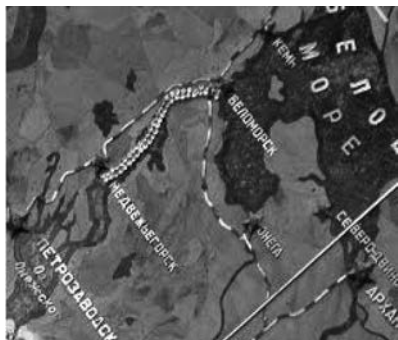
Вслед за этим письмом я получила от О.В. Дёгтевой копии документов по следственному делу С.Г. Мещерской как «соучастницы шпионажа» в группе лиц, высланных из Москвы и «временно» проживающих в Нижнем Новгороде, а именно: Каншин Иван Анатольевич, Урусов Юрий Дмитриевич, Сабурова Мария

Андреевна, Шлиппе Карл Владимирович, Врангель Николай Платонович, Бедлевич Елена Александровна.

28 февраля 1928 г. уполномоченный ОО ОГПУ 17-го Стрелкового полка в Нижегородской губернии Батраков издает постановление: «*Указанных выше лиц (вместе с С.Г. Мещерской – 7 имен) произвести тщательный обыск и их всех арестовать*».

Из протокола допроса Мещерской от 3 марта 1928 г. проясняются некоторые подробности о ней. *27 лет, бывшая помещица, дворянка, окончила Московский дворянский институт (вероятно, Екатерининский институт благородных девиц). С конца 1918 по 1921г. служила в РКИ (РАБКРИН, Рабоче-крестьянская инспекция). Беспартийная, без каких-либо убеждений. В 1921 г. вышла замуж за П.П. Мещерского, после чего оставила службу. Имеет двух детей – 5-и и 4-х лет. Осенью 1927 выслана ОГПУ из Москвы на три года, виновной себя не признает. В Нижнем Новгороде занималась, по ее «чистосердечному признанию», «кустарным делом – вязанием кашне и в среднем в месяц зарабатывала рублей 60, каковых на проживание с семьей не хватает, и я стремлюсь получить находящиеся в Москве, в Ильинском банке деньги, которые я положила туда на имя мужа Мещерского Павла Павловича в сумме трех тысяч рублей. Эти деньги я одновременно, начиная с 1925, 1926 и 1927 получила из Англии; всего за эти три года я получила десять тысяч рублей приблизительно. Остальные деньги в количестве 7000 руб. приблиз. я за эти годы прожила... Деньги эти перевела мне моя тетка Романова Екатерина Владимировна, умершая осенью 1927 года в Ницце (Франция), как оставшиеся от ее сестры Меллер-Закомельской Клавдии Владимировны, умершей за год до революции в России...»*

Сестры Меллер-Закомельские были дочерьми генерал-майора барона Владимира Петровича Меллер-Закомельского (05.1811–25.06.1862) и его жены Клавдии Александровны Зотовой – дочери потомственного уральского купца А.Г. Зотова и внучки владельца Кыштымских чугунолитейных и железоделательных заводов Пермской губернии Л.И. Расторгуева. Несколько его наследников в июне 1900 г. создали Акционерное «Общество

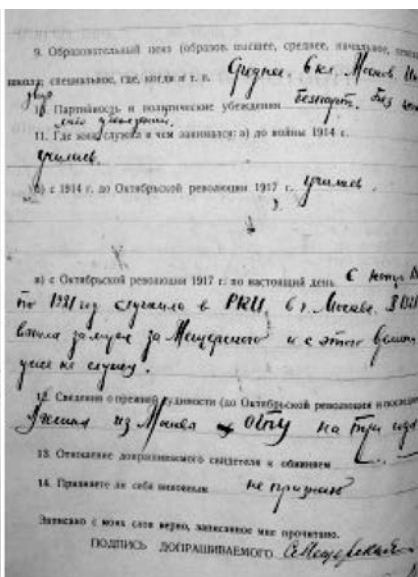
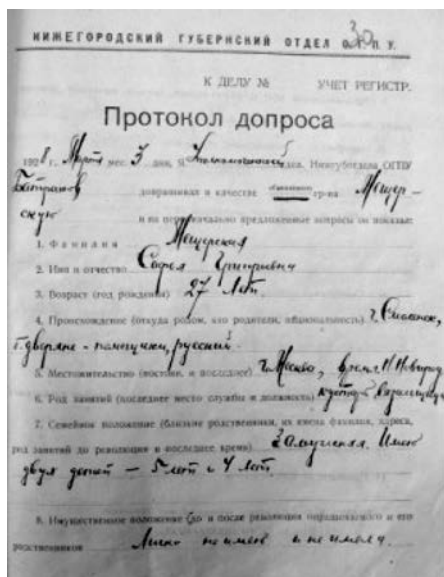
Любопытная, фразеирующая своей циничностью подробность из изданной в конце 1934 г. специально к XVII съезду ВКПБ «Памятной книги «Беломорско-Балтийский канала имени Сталина»: «Я ошалел от увиденного достатка ударников-каналостроевцев. На больших блюдах под прозрачной толщиной заливного лежали осетровые рыбины. На узких тарелках купались в жире кусочки тешки, сёмги, балыка. Большое количество тарелок были завалены кольцами колбасы, ветчины, сыра. Пламенела свежая редиска...» – писал Александр Авдеевко, один из участников показательной поездки советских писателей на строительство канала

«Гуманные» условия жизни зэков-каналостроевцев

Кыштымских горных заводов». Семье Меллер–Закомельских – матери и ее шестерым детям принадлежало 50 % его акций. После революции заводы были национализированы, его владельцы предусмотрительно держали свои сбережения в Английском банке.

Из дальнейших показаний С.Г. Мещерской узнаем и о других ее родственниках, сведения о которых (впервые вырвавшиеся из потайных закров НКВД) могут пригодиться будущим исследователям. Двоюродная сестра С.Г. Мещерской Шмидт Ольга Федоровна, проживавшая в Москве по 3-й Тверской-Ямской ули-

«Тогда я вновь заказала в Нижегородском архиве дело под номером 21 396 (на оригинале № 513420). И вот маленькое чудо: в этих документах действительно есть данные о бывшей княгине Мещерской, которая была арестована в Нижнем Новгороде в 1928 г., куда она с двумя малолетними детьми была выслана из Москвы после ареста ее мужа. Проживала она на съемной квартире (по адресу: Троицкая пл., д.3/34, кв. 8), вела переписку с мужем и родственниками, живущими за границей. После краткосрочного ареста ее отпустили под подписку о невыезде, а затем полностью оправдали. Но в этом деле не хватает некоторых документов, они просто уничтожены. Дальнейшая судьба Софьи Григорьевны пока неизвестна, как и ее детей»...

Страницы следственного дела С.Г. Мещерской

це, д. № 50, кв.9; ее муж Шмидт Борис Николаевич, сосланный в Сибирь (Иркутская обл., Нижнеилимский р-н). Двоюродная сестра С.Г. Мещерской Одинцова Варвара Федоровна (род. в 1883 г.) после эмиграции сначала жила в Югославии, (где ее муж полковник Глеб Николаевич Одинцов служил в л.-гв. Кирасирском ее Величества полку), затем в Бельгии и, наконец, во Франции. Тетка П.П. Мещерского Федорова Маргарита Александровна – жена Федорова Философа Александровича, служившего «в каком-то кооперативе», проживали в Москве на Покровке в доме № 38...

27 июля 1928 г. Нижегородским ОГПУ вынесено решение: Дело в отношении гр. С.Г. Мещерской прекратить, из-под ареста освободить, подписку Мещерской о невыезде аннулировать.

Первая жена кн. П.П. Мещерского Наталья Степановна также вступила во второй брак с русским эмигрантом в Болгарии Липкиным Александром Александровичем (1893–1975), участником гражданской войны, воевавшим на стороне Белой армии (командовал батареей). В одном из боев был ранен осколком мины и потерял ногу. В Софии заведовал Русским инвалидным домом (предместье Княжево). В последние годы жил в нем с женой*.

Хороша страна Болгария...

Таковы «кирпичики», заложенные в основу храма князя Андрея Павловича, – генетические и закаленные в горнах жизненных перипетий. Этот фундамент и помог ему достойно продержаться в годы лихолетья в Болгарии. По-иному и не назовешь выпавшую ему здесь участь «белоэмигранта». Предвижу возражения со стороны тех, кто сумел безболезненно вписаться в болгарское бытие. Бесспорно, многое зависит от характера, от умения поступаться принципами, мировоззрением и даже нередко нравственной этикой. Способность к мимикрии дается не каждому...

* Сведения от А.П. Мещерского.

Но речь сейчас не об этом, а об объективной ситуации, в которой оказалась русская эмиграция в Болгарии. Чтобы не быть голословной, приведу высказывание болгарского исследователя д-ра филологии доцента Христо Манолакева: «В Болгарии забота о русских изгнанниках была преимущественно делом отдельных личностей и общественных организаций, а не объектом целенаправленной государственной политики ... Правительство не разрабатывает стратегию для привлечения выдающихся представителей русской эмиграции», и в результате «*София воспринимается как эмигрантская провинция*»*. Безразличие официальных властей к судьбе даже *выдающихся представителей русской эмиграции* переросло после 9 сентября 1944 г. в открытое гонение этих «*недобитых буржуев*». Без скидки на их заслуги, значимость, происхождение, статус. Впрочем, статус у всех был одинаковым – беженец из России, замененный при «социалистах» на «белоэмигрантский подонок». Титулы и чины остались лишь в семейных сказаниях и уже не имели никакого значения. Скорее даже наоборот – чем они были выше, тем хуже приходилось их обладателям. Выдающийся русский ученый – историк и филолог – проф. Петр Михайлович Бицилли** (тесть) в 1949 г. был уволен с кафедры новой и новейшей истории, которой он заведовал с 1924 г., без права на пенсионное пособие. И медленно в лишениях и забвении угасал от неизлечимого недуга. Потомок Рюриковичей князь Никита Лобанов-Ростовский двенадцатилетним мальчиком попадает в тюрьму, а после освобождения в связи с прогрессирующей дистрофией, зарабатывал себе на кусок хлеба чисткой обуви на софийских улицах. Князь Александр Ратиев, талантливый резчик по дереву, чтобы прокормить семью, освоил ремесло краснодеревщика. Изделиями его украшались дворцы и апартаменты

* Манолакев Х. Руската емиграция в Чехия и нейните български рефлексии. Цит. по ст. М.А. Бирмана «Российские интеллектуалы-эмигранты в Болгарии 1920–1930-х годов» // Новая и новейшая история. М., 2002, № 1. С. 179.

** Бицилли Петр Михайлович (Одесса, 01/13.10.1879 г. – 25.08.1953, София) – филолог, историк. В 1920 г. эмигрировал из Одессы сначала в Сербию (в 1920–1924 был проф. кафедры истории ун-та Скопье), а затем в Болгарию, где до 1949 г. был профессором Софийского ун-та.

новых хозяев Болгарии. Беженцы – а это в основном интеллигенция, дворяне, офицеры – хватались за любую работу: профессора учительствовали в начальных школах, шли в церковные службы, устраивались страховыми агентами. Многие, особенно военные, не имевшие гражданских профессий, батрачили на селян, работали в строительстве, на рудниках и каменноугольных шахтах. Бывшие «барыни-белоручки» шли в официантки и судомойки, в лучших случаях – боннами в богатых болгарских семьях, воспитательницами в детских садах, нянями...

Андрей Павлович, подобно большинству русских беженцев, воспринимавших свой «побег» как временное явление, окончил Русскую гимназию в Софии. Мама, благодаря владению несколькими иностранными языками, сумела устроиться секретарем в посольство США в Болгарии, затем, по конкурсу, переводчиком в Английскую дипломатическую миссию. Это дало возможность ее сыновьям получить высшее образование. Дмитрий (01.02.1914 – 16.07.1977, София) закончил химический факультет Софийского университета. Андрей поступил в новооткрытое (05.07.1920) частное высшее учебное заведение экономическо-правового профиля – Софийский Свободный университет. Вскоре грянула война, за ней сентябрьский переворот 1944 года. Болгария искупила свой грех приспешника немецких фашистов (единственной из стран Берлинского пакта не участвовала во вторжении в СССР) и в октябре 1944 г. вступила в войну против гитлеровцев. И тогда князь Мещерский, с самого начала 2 Мировой войны отказывавшийся служить в болгарской армии, ушел добровольцем на фронт и доблестно (был удостоен ордена) воевал до дня победы над нацистской Германией.

Но и это обстоятельство не смягчило отношения к нему новой власти. По возвращению с войны молодой балканист безуспешно пытался найти работу. От попытки занять должность по профессии он, в конечном счете, отказался. Был согласен на любое место.

«Должен признаться, характер у меня скверный, ссорился с начальством и уходил, – рассказывал мне позже А.П. – А дома семья: жена, дочь,

*старики (оставшиеся без всяких средств, к существованию) тесть и теща Бицилли. Как положено мужчине, я должен был всех их кормить. Другое дело, что не имел возможности исполнить этот долг. Так что перебивались на скромную зарплату жены. И это угнетало меня... Прочитал в газете объявление о наборе персонала на строительство водохранилища «Тискър». Среди вакансий было место бухгалтера. Подал документы. Последовал отказ «Не подходите». Тут же спросил, как пройти к главному бухгалтеру стройки. Постучал в дверь – никто не отвечает. Вхожу. Вижу благоустроенный кабинет – кожаные кресла, диван, письменный стол. За ним человек, прикрыт газетой, читает. Покашливаю. – Что надо? – спросил голос из-за газеты. – Пришел узнать у вас, почему меня на работу не берут. – Звать-то как? – Андрей Мещерский. – А-а, белогвардейское отродье, – и опустил газету: – Дай-ка на тебя взглянуть! Бесцеремонно оглядел: – Интеллигент, значит... – хитрый самодовольный прищур, усы во всю ширину надгубья, пробор посредине – ни дать ни взять распоясавшийся приказчик. – Куда ж ты сунулось, буржуазное отребье! Мало вас били в Советском Союзе, да, видать, не добились! И ты хочешь, чтобы я сам себе свинью подложил – взял на ударную стройку социализма шпиона, завербованного иностранной разведкой! Диверсии устраивать, контрреволюцию разводить? Забирай свои документы, руки в ноги и мотай отсюда, пока милицию не вызвал. Может, хочешь работать здесь в наручниках, как некогдашний градоначальничек Иван Иванов – нынешний главный проектант нашей стройки?!»**

Но не на того человека попал «приказчик». С тем же вопросом А.П. Мещерский обратился в советское консульство в Софии. Было сделано соответствующее «разъяснение» переусердствовавшим болгарским чиновникам. И Андрей Павлович известное

* Иван Николов Иванов (1891–1965) – мэр Софии с 1934–9.9.1944, гидроинженер, получил образование в Мюнхене. После 9 сентября был осужден народным судом на смерть, затем приговор заменен пожизненным заключением в замену на разработку гидропроекта водохранилища «Искър». Столь «гуманное» решение было принято не без содействия Советского Союза, как признают сами болгарские источники. На просьбу болгарских властей прислать им для этих целей советских специалистов Москва ответила: «В Болгарии имеется свой всемирно известный гидроинженер Иван Иванов». Под милиционерским надзором он и стал работать над созданием проекта, после завершения которого был окончательно помилован. Водоохранилище было пущено в эксплуатацию 6.09.1954.

Мария Петровна (26.06.1917, Одесса – 10.07.1996, Женева) – старший преподаватель русского языка в Софийском ун-те (1951–1977). Преподавала русский язык на филфаке, написала и опубликовала несколько учебных пособий для студентов-русистов, в том числе дважды изданный болгаро-русский словарь, русскую хрестоматию, руководство по развитию русской речи и др

время проработал бухгалтером на водохранилище имени Сталина – «великого гидролога» БеломорГУЛАГа.

Этот рассказ я также записала по горячим следам после очередного визита к нему.

Должна признаться, что еженедельные встречи с ним в его доме для меня были сродни посещению храма. Высокая духовность, душевность, дружеская исповедальность, давно изжитый из человеческого общения политес, несколько старомодный на фоне современной развязности, на целую неделю заряжали меня глотком свежего воздуха, особенно живительного в атмосфере последних дней диктатуры Т. Живкова. Об одном довольно курьезном проявлении благовоспитанности князя до сих пор вспоминаю с улыбкой. Как-то раз я пришла к нему на две минуты раньше урочного часа – лифт не подвел и быстро поднял меня на 5 этаж. Позвонила. Дверь тут же открыл сам Андрей Павлович. Смущенно пробормотал: «Ах, простите ради Бога, что встречаю вас в шлепанцах – как раз собрался переобуться в штиблеты. Да вы проходите, проходите, я мигом управлюсь...»

Лихолетье потому-то так и называется, что соткано из сплошного лиха. В отличие от мигов счастья оно не столь быстро стирается из памяти, червоточиной проедает душу. Почти полвека спустя Андрей Павлович кручинился об одном лихе так, как будто соприкоснулся с ним вчера. Однажды в январе 1945 г. он решил зайти в русскую библиотеку на бульваре Евлогия Георгиева. Подойдя к зданию, остолбенел. На тротуаре полыхал костер, в который советские солдаты бросали пачки библиотечных книг.

Семья проф. Бицилли. Справа налево: Маша Бицилли, ее мама Мария Тимофеевна Бицилли, ее старшая сестра Анна и отец – проф. П.М. Бицилли. Начало 1920-х годов. Фото из личного семейного архива Елизаветы Петровны Ивановой-Аначковой. Заимствовано с сайта «Пётр Бицилли. Фотоархив» (<http://liternet.bg/publish6/pbicilli/salimbene/fotoarhiv.htm>), автор Галина Петкова

Одна из них отлетела в сторону. Когда сжигатели замешкались, Андрей Павлович быстро подобрал книгу и засунул ее за пазуху. Солдаты исполняли распоряжение Союзной контрольной комиссии (СКК), действовавшей в Болгарии вскоре после подписания ею 28 октября 1944 г. Соглашения о перемирии с государствами антигитлеровского блока.

Одной из первых акций СКК была ликвидация семи частных русских библиотек, в том числе и таких популярных у русскоязычного читателя, как библиотеки им. Пушкина, имени Гоголя, «Зарница», библиотека при Русском инвалидном доме. Все они были открыты их владельцами для свободного пользования русской диаспорой. Перед окончательным опечатыванием библиотечные книгохранилища *«прочищались от фашистской и антисоветской литературы»*. «Украденная», как стыдливо признался мне Андрей Павлович, а, в сущности, спасенная от уничтожения

После развода Андрей Павлович женился на женщине, ставшей его добрым ангелом-хранителем, – Славе Пулевой, величаемой на русский лад Славой Федоровной

«Русская идея» Н. Бердяева, как и все произведения русских религиозных философов, на долгие годы попала в список запрещенной литературы...

После развода Андрей Павлович женился на женщине, ставшей его добрым ангелом-хранителем, – Славе Пулевой, величаемой на русский лад Славой Федоровной*. А она действительно словно обрела от мужа русскую душу.

Научилась говорить по-русски. Пристрастилась к чтению русской литературы. В кроткой, доброй, безоглядно преданной супруге Андрей Павлович нашел то, что называется второй половинкой.

Дочь Наташа жила с матерью. С отцом виделась часто, но отношения с ним были напряженными. Девочка остро реагировала на его постоянные поучения жить не как все, а по собственному уставу. Быть достойной представительницей фамилии Мещерских. Именно этого она чуралась – хотелось быть как все,

* Слава Федорова Мещерская, урожд. Пулева, в 1-м браке Гешева (род. 08.11.1920).

«Мое нежелание принадлежать к той категории представителей российского дворянства, которые, как Вы сами говорите, не перестают кичиться своим происхождением, – очень давнее явление, уходящее корнями в самое детство. И мне очень не хочется ворошить все это. Многие мои знакомые меня не понимают, упрекают и даже ссорятся со мной по этому поводу. Если меня кому-нибудь представляют княжной Мещерской, реакция моя, в большинстве случаев, бывает, мягко говоря, резкой и – для окружающих – не совсем понятной... Я была и остаюсь Наташей Галь – кошкой, которая гуляет сама по себе. То, что я княжна Мещерская, возлагает на меня, в первую очередь, ряд обязанностей и лишь в редких случаях несколько помогает жить и выживать, не более...»

не выделяться. Позднее, когда мы с ней познакомились, эта тема не раз всплывала в наших разговорах.

В 1965 г. Наташа поехала погостить в Швейцарию к подруге. И не вернулась. Закончила в Женеве школу переводчиков, работала синхронистом в международных организациях при ООН. Увлечлась альпинизмом, который по ее признанию, *«сыграл очень важную роль в ее жизни»*. В альпинистском лагере познакомилась со швейцарцем Жаном-Франсуа Галь (15.3.1947–17.2.1973), в 1972 г.

вышла за него замуж. Но скоро он погиб в горах. Позднее от друга Пьера Торласко родила двух детей, Александра и Марию. Но дала им фамилию Галь, оставшуюся от первого мужа. Сын закончил Лозанский университет, преподаватель физкультуры и географии. Женат на аргентинке Мае Богнер. Дочь после окончания филологического факультета Женевского университета (специальность «французская и сравнительная литература») продолжает обучение в магистратуре того же университета.

Наталья Андреевна, кажется, нашла свое истинное призвание в деятельности благотворительной организации «Ночлежка, Солидарная Швейцария» (Nochleзка Suisse Solidaire – N.S.S.)). Она была создана в августе 2008 г. в Женеве в поддержку петербургской РБОО. Новая российская аббревиатура расшифровывается как Региональная благотворительная общественная организация помощи лицам без определенного места жительства. В уставе ее швейцарского отделения записано: *«Помочь выжить бездомным, людям без документов, и на втором этапе, предоставить им возможность вернуться в активную жизнь».*

А таких людей, как оказалось, только в Санкт-Петербурге десятки тысяч человек. В женевском филиале «Ночлежки» Наташа Галь взяла на себя роль советчика и переводчика. Накануне последнего приезда в Болгарию в мае нынешнего года Наталья Андреевна потратила немало сил, чтобы получить разрешение швейцарских таможенников на бесплатный провоз вещей для софийского детского приюта.хлопоты увенчались успехом. По прибытию в Софию сразу же передала их по назначению. И узнала-то я об этом случайно из невольной вырвавшейся ее реплики. Когда по телефону мы договаривались с ней о встрече в Софии, она вдруг простодушно выпалила: *«Только должна вас предупредить, не ожидайте увидеть элегантную княжну. Еду налегке, почти без личного багажа, потому что везу два мешка с одеждой для бедняков».* Ну разве не истинная дочь своего отца, засмутившегося своими шлепанцами?! В ее жилах течет кровь общих пращуров с Гёте. Это удивительное генетическое скрещение судеб пред-

ков в личной судьбе Натальи Андреевны не просто обязывает, но и многое объясняет в ней. Мать великого немецкого писателя и мыслителя Катарина Элизабет Гёте, урожденная Текстор, была родной сестрой Иоганна Йоста Текстора, доктора права, адвоката, бургомистра Франкфурта-на-Майне – прапрапрадеда Натальи Андреевны. Разобраться в родословной этих предков нелегко, но попробуем с помощью автобиографии бабушки Наташи – Марии Тимофеевны Бицилли (написанной ею для повторного ходатайства о предоставлении ей советского гражданства) и пояснения к ней, составленного ее старшей дочерью от первого мужа – Анной Ореховой (удочеренной профессором Бицилли). Итак, у Иоганна Текстора была дочь Анна, ставшая женой Александра Штайнхаузера. Их дочь Мария Александровна вышла замуж за польского дворянина Тадеуша Юзефа (Тимофея Осиповича) Полянкевича. От этого брака родилось трое сыновей Иосиф (Юзя), Александр, Михаил и две дочери Елизавета [позднее Елизавета Тимофеевна Жихарева (1875–1967), с 1939 г. заслуженная артистка РСФСР] и Мария Тимофеевна Бицилли*. Представители рода княжны Наталии Мещерской по материнской линии заслуживают отдельного рассказа. В резюме отмечу лишь главное: все они были высокообразованными художественными натурами, музыкально одаренными, с замечательными голосами. Пела и играла на рояле прапрабабушка Анна Францевна, пела и музицировала прабабушка Мария Александровна, а у бабушки Марии Тимофеевны было великолепное меццо-сопрано. Она окончила Одесскую музыкальную академию по классу вокала, а затем совершенствовала пение в Италии. После возвращения в Одессу выступала с концертами. Ее музыкальный талант выручал семью в годы эмигрантской юдоли – сначала в Сербии, затем в Софии: она давала уроки пения и фортепьянной игры.

Результатом первой поры общения с кн. Мещерским стала моя статья «Унесенные вихрем», опубликованная в газете «Советская

* Более подробные сведения о «Гётевской» линии предков изложены в приложении 1 к статье.

Петр Михайлович Бицилли в последние годы жизни

культура» в 1989 году. Однако темой ее была не судьба Андрея Павловича, а судьба его тестя и дело, которому он посвятил всю свою оставшуюся творческую жизнь.

После завершения Биобиблиографии П.М. Бицилли Андрей Павлович занялся подготовкой материалов из архива ученого к публикации. Так, в 1961 г. в журнале Академии наук СССР «Русская литература» была напечатана статья «Неизвестные письма Бунина» (из переписки с П.М. Бицилли) за скромной подписью А. Мещерский. Сам он, по своему разумению, не достоин быть героем какого-либо повествования о своей особе. Затем он принялся за исполнение последнего обета – передачу всего архива Бицилли на родину. Она проходила в несколько этапов. Прежде всего, в 1977 г. в дар Пушкинскому дому в Петербурге переданы Биобиблиография проф. Бицилли и библиография русской периодической печати в Болгарии 1920–1944 годов. В конце 1979 г. на основе «Разрешения Главного Управления архивов при Совете министров Болгарии (за № 4600/41 от 22.11.1979), по описи, составленной А.П. Мещерским. В Пушкинский дом поступают архивные документы и личная корреспонденция П.М. Бицилли (в основном письма различных лиц к нему – 180 штук, 333 листа), сборники и журналы с опубликованными статьями профессора, отдельные копии его статей (общее число отправленного – 509 книжных единиц). Также книги по истории русской литературы за рубежом с автографами авторов. В ведение Академии наук СССР передаются 312 книг. Из библиотеки П.М. Бицилли, его дочери М.П. Бицилли (около 30 названий) и его зятя А.П. Мещерского. 4 февраля 1985

г. через А.В. Керестеджиянца – советника по культуре посольства СССР в Болгарии в 1978–1986 гг. передана в библиотеку АН СССР в Ленинграде и библиотеку Института истории АН СССР в Москве оставшаяся часть книг из семейного собрания.

И лишь тогда Андрей Павлович спокойно вздохнул и позволил себе расслабиться. Последние семь-восемь лет жизни позволил себе «вкушать» обычные земные радости. Самой упоительной из них было чтение возвращаемых из долгого забвения произведений. Толстые журналы перестроечной поры наперебой изощрялись в публикации запрещенных в советские годы авторов. Андрей Павлович и близкий круг его друзей скинулись на коллективную подписку этих возрождающихся к жизни изданий. И жадно, поочередно, поглощали их от корочки до корочки. Именно в тот период оголтелого чтения мы и познакомились с А.П. При встречах мы беседовали о прочитанном. Однажды я спросила его: «Почему вы так рано отказались от исследовательской работы?» – «Рано? По-моему, даже слишком поздно! Когда мне исполнилось 70, я сказал себе: “Стоп! Пора заняться подготовкой души к Уходу. Очистить ее от грехов...”» – и вдруг взволнованно воскликнул: – *Если б вы только знали, какая грешная у меня душа! Как мне страшно предстать перед Судом Всевышнего!»*

Я оторопела от услышанного. Боже мой, что же остается сказать нам, великим грешникам! И это изрек человек, всю жизнь шагавший по прямой дороге! Идти по ней трудно. Но он не сворачивал на извилистые и пологие тропы. Они могли увести от Храма – цели его пути. Храм все ближе и ближе. Исходящий от него Свет освещал дорогу. Манил. Давал силы двигаться вперед. Он упорно шагал дальше. И достиг Храма. Зажег в нем неугасимую лампаду. И осветил ею всё и всех вокруг себя.

Он и ушел из жизни, как святой. Сел в кресло после завтрака и заснул навеки...

Приложение 1 – Таблица ветви Мещерских, к которой принадлежит А.П. Мещерский

Приложение 2 – Таблица бояр Овцыных

Из «Воспоминаний о Софийской русской гимназии (1924–1934 гг.)»

Гимн Софийской русской гимназии

*Судьба и братское влечение
В страну нас эту привели;
В ней обретаем мы ученье,
Храня завет родной земли.*

*Невзгоды тяжкие, страдания
Взойдут добром и красотой,
Окрепнувши под стягом знания
Творить вернемся мы домой.*

*В России помнить будем вечно
Тот край, где молодость прошла,
Где мы поверили сердечю
В бессилье тьмы, в непрочность зла.*

*Как бегутся талисманы,
Как святы юные года,
Так Плевна, Шипка и Балканы
В нас не померкнут никогда.
Крум Димитров*

...Я же, со своей стороны, должен признаться, что, будучи воспитанником Софийской Русской Гимназии (с I по VIII класс включительно – XIII-й выпуск), никогда не интересовался, при

каких обстоятельствах в 1921 г. была основана наша гимназия, несмотря на то, что я всегда с большой любовью вспоминаю свои гимназические годы. Поэтому я попробую изложить мои предположения об ее основании.

Во время революции, когда на юге России создавалась Белая армия, часть интеллигенции, спасаясь от красного террора, стала переселяться на юг. Когда стало ясно, что все уже потеряно, многие, в одиночку или группами, стали покидать Родину, главным образом морем, а так как Болгария была близка по сердцу русскому народу и, кроме того, чрез нее открывался путь на Запад, то в Софии и в Варне первоначально собрались довольно большие группы эмигрантов. Многие из них сразу отправлялись на Запад, главным образом во Францию. С частями Белой армии, кроме военных приехали члены их семейств, госпитали с ранеными и духовенство. Болгария, как побежденная страна в 1 Мировую войну, должна была исполнить один из пунктов условия мирного договора, согласно которому ей надлежало приютить до 30 000 русских эмигрантов.

Первые несколько лет (до введения «Нансеновских» паспортов) Россию представляла так называемая «Русская Миссия», которая помещалась в бывшем посольстве России (наш паспорт, по прибытии нашей семьи, был помечен так: «явлен, 20 июля 1920 г. – Русская Миссия в Софии»). Дипломатических отношений между Болгарией и СССР в то время не было. Болгария признала СССР только после 19 мая 1934 года.

Сюда прибыло много профессоров, ученых, артистов и много другой творческой интеллигенции, большинство из которых вскоре уехали на Запад. Позже, в 1923 г., большая часть этих людей была выслана Советской властью за границу (напр., профессор Бицилли с семьей и др. как нежелательные элементы). Я, конечно, позабыл много имен даже тех, которые остались в Болгарии. Несколько профессоров были приняты на преподавательскую работу в Болгарские университеты. Например: П. Милюков известное время преподавал политическую эконо-

мию (но вскоре уехал во Францию), Д. Крылов – патологию, Янишевский-невролог, Базанов-юрист, Попруженко-филолог, Бицилли – историк и др. Профессор Д. Голубь был коррепетитором артистов оперы, Бельмер и Долинский – экономистами в Варненском университете, профессор Богаевский в Софии создал Свободный университет.

Среди артистов и музыкантов: Масалитинов и его супруга Краснопольская (стали штатными артистами Болгарского народного театра, а позднее Н.О. Масалитинов стал главным режиссером и постановщиком Народного театра), Померанцев был постановщиком в Народной Опере (в 1925 г. уехал во Францию), а позже Веков был тоже (кажется) постановщиком в Народной опере.

Среди врачей нельзя не упомянуть д-ра Берзина, который создал хирургическую больницу и как хирург славился не только в Болгарии, но и за границей. Главного врача Белой армии, генерала медицинской службы Ф.Ф. Треймана, который переустроил русскую клинику и создал в г. В. Тырново известный санаторий для лечения легочных больных. Он покончил с собой, когда в 1944 г. большевики пришли его арестовывать. На его похороны пришел весь город).

В Софии обосновалось много эмигрантских семей с детьми, и было много желающих получить аттестат среднего образования (в основном из недоучившихся в России воинов-добровольцев). На основании этого, при содействии Земского Городского Комитета, представителем которого в Софии был Александр Владиславович Арцишевский, и деятельном участии Анатолия Павловича Стефанова – бывшего директора одной из Одесских гимназий (как я слышал), при большой помощи Русско-Болгарского благотворительного комитета под председательством софийского митрополита Стефана была создана Софийская гимназия и детский сад. При гимназии был создан маленький мужской интернат, руководить которым, был приглашен полковник Федор Александрович Потто, (бывший начальник или воспитатель) Владикавказского кадетского корпуса.

Полковник Ф.А. Потто

Первоначальное
помещение мужского
Интерната в Борисовом
саду

Так, по моему предположению, была создана Софийская Русская Гимназия и думаю, что я не ошибаюсь.

Прежде чем начать писать свои воспоминания о Софийской гимназии, необходимо дать некоторые объяснения о различии между ней и остальными русскими гимназиями, особенно в первые годы их существования. Основное различие было в том, что в других гимназиях интернаты и учебное заведение представляли собой один общий комплекс. Поскольку провинциальным русским гимназиям болгарскими властями были предоставлены в пользование пустовавшие после войны казарменные помещения

или лазареты. Поэтому там почти все учащиеся были интернатчиками, а приходящих, т. е. живущих с семьями в городе, было очень мало. В то же время в Софийской гимназии приходящих, особенно в первые годы, было гораздо больше, чем интернатчиков, кроме того, помещения гимназии и интернатов были на довольно больших расстояниях друг от друга.

С 1921 до 1944 г. уроки в Софийской гимназии проводились всегда после обеда, так как нам предоставлялись для пользования помещения болгарских учебных заведений, которые были свободны только после обеда. В этот же период времени болгары, в зависимости от своих нужд, перебрасывали нас 5 раз в различные помещения. Почти такое же положение было и с интернатами, но здесь все зависело и от числа интернатчиков, которое постоянно увеличивалось из-за ликвидаций других гимназий. Мужской и женский интернаты четыре раза меняли помещения.

Летом 1924 г. мы приехали в Софию, нам пришлось всей семьей остановиться у тети, мама работала учительницей в провинции. Миша, наш двоюродный брат, первым делом записал Юру (моего старшего брата) в скауты, а меня в волчата, дескать, я еще не дорос до скаутов. Начальником русских скаутов был полковник Николай Викторович Карпинский, впоследствии наш учитель по черчению. Он также заведовал и Пушкинской библиотекой.

Скауты тогда были массовой организацией и среди русских детей пользовались большой популярностью. Я коротко опишу мое членство в этой организации и некоторые события, связанные с ним, несмотря на то, что забегу немного вперед по времени.

Я увлекся скаутами, мне все было интересно: мы играли в игры, занимались следопытством, изучали азбуку Морзе, вязали узлы, учили законы, пели гимны, ходили в походы и т. д. Летом 1924 г. для скаутов был устроен палаточный лагерь, нас, «волчат», привезли туда на телеге (лагерь был в 5 км от Софии на берегу р. Искр над селом Враждебна – теперь квартал Софии). Устроили нас

всего на одну ночь, в палатке, а на следующий день увезли обратно. Нам, конечно, было обидно, что нас не оставили на более продолжительное время. В 1926 г. (если не ошибаюсь) в Софии, в Борисовом парке был проведен международный сбор скаутов. Вся площадь парка от пруда «золотые рыбки» до теперешнего памятника «Борцам против фашизма» (Братская могила) была заполнена группами палаток с соответствующими государственными флагами. Какие вопросы решались на этом «джамборе», чем они занимались, не знаю – нас, «волчат», опять лишили участия; помню только, что Русский лагерь получил первый приз за организацию, устройство и внешний вид лагеря. Зимой 1925 г. 25-го февраля скауты устроили «Спектакль-концерт». Декорации были подготовлены художником Ростовцевым, тогда еще студентом Художественной академии. Он ходил в черной бархатной беретке на голове. Почти все имена участников спектакля мне знакомы – это были учащиеся нашей гимназии. Как мне было смешно смотреть и слушать Аркадия Башмакова (по программе должен был петь И. Попов, но почему-то он был заменен Башмаковым). Когда он пел романс «Ямщик, не гони лошадей», на сцене была нарисована тройка на фоне трех сосен, ямщик – неподвижный усач в тулупе и такой же неподвижный седок в папахе с дыркой вместо лица, из которой торчала и крутилась голова Башмакова. Я круглый год посещал почти все сборы скаутов, но постепенно они становились все скучнее и скучнее. Значительно уменьшилось число старших членов и на сборы приходили больше малыши, из интернатчиков остался только я один. В 1926 г. я решил покинуть эту организацию.

В начале сентября 1924 г. мама повела нас в интернат. Мне показалось, что он был далеко, т. к. шли мы к нему очень долго. Мы шли через парк Борисовый сад и, дойдя до пруда с золотыми рыбами, по широкой аллее свернули направо, дошли до ограды, там, у входа нас встретила с лаем большая рыжая собака – большой породистый дог. Это была Джильда – впоследствии хороший и ласковый друг. Наконец, мы увидели здание,

в котором нам предстояло жить и учиться. Оно было похоже на запущенный ресторан. Бросается в глаза большое окно – это комната воспитателя; над ним маленькое окошко – это мансардная комнатка заведующего хозяйством поручика Федора Николаевича Крижицкого проживающего с супругой и двумя сыновьями: Николаем (Кот) и Сергеем (Серж); внизу, слева, навес мешает увидеть дверь на кухню и маленькую келейку повара Ефима Васильевича Яковенко. Правее окна воспитателя видно небольшое крыльцо с двумя-тремя ступеньками, на котором дверь с левой стороны вела к воспитателю, а другая дверь, напротив, в общежитие, крыша которого едва виднеется над крышей крыльца. Справа, под елками, виден летний навес. ...Теперь там ничего нет – все разрушено и обращено в парк при общественной купальне (бассейне) «Мария Луиза». Место это находится над теперешним велодромом, а тогда там был полицейский участок и школа дрессировки полицейских собак.

Мама подвела нас к двери и слегка постучала, ответа не последовало. Тогда она постучала посильнее, послышалось немного нервное «да». Мы вошли и увидели нашего будущего воспитателя – полковника Федора Александровича Потто. Он сидел за столом и проверял какие-то документы. Увидев маму, он встал, извинился за свое нервное «да» и объяснил: «У нас принято постучать и входить, не ожидая ответа, дверь всегда открыта, заперта она только, когда я после обеда отдыхаю, или когда меня нет дома». Перед нами стоял человек, немного выше среднего роста, с идеальной выправкой молодого гимнаста (а ему тогда уже было 60 лет). С чуть закрученными седыми усами среднего размера и седыми зачесанными вверх и чуть назад волосами, с пробором точно посередине головы, одетого в гимнастерку военного образца, туго стянутую кушаком, в темно синих бриджах и сапогах. Все на нем было идеально чистым и аккуратным. Его можно увидеть и на карточках приложенного альбома.

Так в сентябре 1924 г. началась моя жизнь в интернате в Борисовом саду. В этом же месяце было освящение Собора

Александра Невского. Этот собор был построен несколько лет назад и наконец, в сентябре 1924 г. его освятили. Интересно то, что накануне было объявлено, что собор будет посвящен св. Кириллу и Мефодию, от купола до купола была надпись на черном фоне «Храм св. Кирилла и Мефодия», которая впоследствии исчезла. <...>

Несмотря на то, что полковник был очень строгим и ввел воинскую дисциплину, мы всегда чувствовали его заботу о нас. Он терпеть не мог, чтобы старшие издевались над малышами, как это бывало в Тырново-Сеймене. Конечно, и здесь не все шло гладко и без происшествий: были и драки, споры, ссоры и т. п., но все проходило и забывалось. При обращении к нему, он ввел военную терминологию. Нужно было говорить: «Господин полковник, разрешите...», «Господин полковник, честь имею явиться...», «Господин полковник...» и т. д. Он замечал каждое упущение в твоём туалете, например: нет пуговицы, нечищенные ботинки, развязанный шнурок, не гладко постелена постель и т.п. У него было только одно ругательное слово – «институточка». Ой! какой позор, тебя называли «институточкой». Он наказывал, обыкновенно давая 1 или 2 наряда, редко 3, или оставлял «без отпуска» – это тогда, когда ученики получали неудовлетворительные отметки. Я ни разу не видел, какого-нибудь недостатка в его туалете. Он всегда вставал рано утром, и уже чистый и побритый выходил из своей комнаты, будил дежурных за 15 минут до подъема и точно в 7.30 давал распоряжение звонить подъем. Давалось 30 минут на одевание, мытье, чистку, уборку. В 8 часов звонок на чай (к чаю полагались 3 кусочка сахара и четвертушка хлеба). С 9 до 11 – шла подготовка уроков. С 11 до 12 свободное время. Обед в 12.30 обычно из двух блюд – борщ на костях или постные щи, или какой либо суп и второе, иногда мясное с рисом, картошкой, часто котлеты. В постные дни давали все постное. По большим праздникам было третье блюдо – компот, кисель или какао, и хлеба $\frac{1}{4}$. Ужин в 19.30 – обыкновенно фасоль, чечевица, жженка, а по субботам большая котлета с гарниром, всегда чай и 3 кусочка сахара.

Я особенно ненавидел жженку – это была каша из пропеченной манной крупы, которая прожаривалась, чаще всего на смальце. С этой жженкой произошел такой случай: прибежал в панике к нам в общежитие наш повар Яковенко и говорит: «Ребята, спасайте - сегодня у меня пригорела манная крупа, а полковник пришел на кухню и увидел что-то темное и спросил меня: «На ужин будет чечевица, что ли?, а он чечевицу не любит, – мне, говорит, не надо» Вот мы и спасали Яковенко – ели эту горькую жженку, давились ею и все слопали, но повара не выдали.

Свободное время считалось с 11 до 12 – для тех, кто успел подготовиться к урокам. В хорошую погоду (весной или осенью) уроки можно было готовить снаружи, под навесом, зимой в общежитии, где были поставлены столы, которые служили для занятий, за которыми мы также и ели. После обеда, в 13 ч. все уходило в гимназию, спешили, чтобы попасть на общую молитву и к началу уроков в 14 ч., которые продолжались до 18.30 ч. Обычно было по 5 уроков, редко 6. Для младших классов, раз или два раза в неделю было по 4 урока. Уроки длились по 40 минут. После каждого урока была перемена на 5 минут, а после третьего – 15 минут. Расстояние от интерната до гимназии было приблизительно 2,5 км. Не буду описывать весь маршрут, т.к. те, которые знают Софию, знают, как пройти от велодрома до угла бул. Витоша и ул. Хан Аспарух (тогда мы пользовались старым помещением Второй болгарской мужской гимназии), а тем, которые не знакомы с Софийскими улицами, их перечисление все равно ничего не скажет. Как-то, из-за какой-то провинности, наша классная наставница Ольга Николаевна Стефанова (супруга директора гимназии) меня наказала, оставив после уроков, сидеть в пустом классе и учить грамматику. Наверное, наказание было за незнание какого-то грамматического правила. Прозвенел звонок окончания последнего урока, и гимназия опустела, а я все еще сидел пока она, уходя, не догадалась меня отпустить. Была зима, на дворе было очень темно и холодно, чтобы не опоздать на ужин, мне пришлось идти через лес одному, в полной темноте

по глубокому снегу – тогда мне было очень страшно. Конечно, такое не забывается, – особенно когда тебе нет еще и 10 лет.

После ужина мы садились за подготовку уроков, а малышам разрешалось ложиться спать после 21.30 ч. Старшие же должны были сидеть до 22 ч., но могли и до 23 ч.

Двор нашего интерната был огорожен колючей проволокой и занимал довольно большое пространство, приблизительно 150 x 150 метров. Вдоль ограды, было много кустов, росли несколько деревьев, в их числе и елочки. В 10–15 метрах от входа в здание была небольшая утоптанная площадка, в которую были вкопаны примитивные параллельные брусья и перекладина (турник). На них часто можно было увидеть Федора Александровича подтягивающегося и делающего «скобку». В ограде двора было две калитки: северная, через которую мы первоначально вошли и встретили Джильду, и южная, которая выводила нас на довольно просторную полянку с небольшим наклоном в сторону города (мы ее использовали для игры в футбол). Раза два в неделю приходил полковник Андреев, бывший чемпион фехтования России, и проводил учебные занятия на эспадронах, это было недолгое время (осенью 1924 г.). Иногда приходил г-н Ричард Тэрмен, который всегда был рад помочь кому-нибудь с французским языком. Полковник Андреев впоследствии был тренером болгарского национального состава сборной фехтовальщиков, один из его воспитанников, Василев, стал чемпионом мира по фехтованию на шпагах. До этого я особо спортом не занимался, но позже полюбил футбол, прыжки в длину, волейбол, бег на короткие дистанции, потом все бросил и увлекся туризмом. Что касается нас, тогда малышей, то мы играли во дворе в различные детские игры: казаки и разбойники, жмурки, прятки и др., иногда в футбол. Да, забыл сказать, что за нашей футбольной площадкой, параллельно южной ограде шла дорога, а за ней был лес. Дорога эта входила в лес с восточной стороны парка.

Мы очень любили Пупсика – это была наша вторая собачка. Если Джильда всегда сидела на цепи у северной парадной ка-

литки или чуть выше поближе к кухне, то Пупсик был свободен почти всегда, все время находился в движении и любил поиграть с малышами. У него были ласковые, любящие глаза и мы всегда готовы были с ним побегать и поиграть. Породы он был неопределенной: шерсть гладкая темно-коричневая, почти черная, с более светлыми коричневыми пятнами под глазами и на плече, он более всего походил по росту на фокстерьера, но мордочка у него была менее острая – одним словом, «дворняжка». Хотя он был дружелюбен и игрив, он очень не любил болгарских офицеров в форме. Тогда офицеры должны были выходить от нас, накидывая на мундир пелерину. Вот такой у нас произошел случай: На футбольной полянке старшие играли в футбол, а мы сидели у куста черемухи и смотрели. Пупсик лежал рядом с нами и блаженствовал на осеннем солнышке. Вдруг я услышал, что Пупсик начал рычать и весь задрожал, пока мы пришли в себя, он вскочил, и бросился за наши спины, ухватился мертвой хваткой за пелерину подходившего щеголеватого офицера, и повис на ней. Офицер закрутился, стараясь добраться до револьвера, пелерина раскрылась веером, и Пупсик полетел по кругу как на карусели. Спутница офицера завизжала: «Гошо, Гошо, не надо!» Мы втроем вскочили, поймали Пупсика на лету и с трудом разжали его челюсть, на пелерине остались следы зубов. Добротное оказалось сукно – нигде не порвалось. Парочка поспешила исчезнуть, а мы долго успокаивали Пупсика и хохотали.

Сравнительно недалеко от интерната находился (в 1924–25 гг.) стадион, на котором проводились футбольные встречи. Он носил название «Стадион «Юнак»» и по тогдашним понятиям был лучшим стадионом страны, а фактически это было примитивное сооружение: деревянные трибуны, представляющие собой поставленные столбы и к ним ступенеобразно приколоченные доски вместо сидений, без всяких спинок, а только с некоторыми подпорами. Его несколько раз ремонтировали, немного расширяли, и только в середине прошлого века построили рядом но-

вый стадион под названием «стадион “Васил Левски”», который к концу века уже был перестроен в современном европейском стиле. Сам стадион «Юнак» был переоборудован сначала в ледяной каток, а позже в дискотеку (два-три года тому назад там произошел несчастный случай, погибло несколько детей по вине и халатности содержателей). В 1923–1925 гг. «Юнак» был огорожен колючей проволокой и во время матчей охранялся конной полицией. Трибуны задних стенок не имели. Матчи всегда были платными, но... не для нас – у нас был свой вождь и организатор бесплатных зрелищ наш повар Яковенко. Во главе с ним мы, в зависимости от числа желающих попасть на матч, предварительно сговорившись, делились на две, три группы и выбирали в колючей проволоке слабые места. Первая группа, в малом составе или в одиночном, делала фальшивый прорыв. Туда сразу же спешили конные полицейские. В это время основная группа в большем составе пролезала через проволоку и бежала под трибуны. Из под ног сидящих они вылезали наружу. Полицейские, конечно, спешили верхом к прорыву, но лезть под трибуны не могли, а в это время и малая группа успевала проникнуть на стадион.

Кроме футбольных матчей, на стадионе «Юнак» проводились и конные состязания. Вот когда наш заведующий хозяйством Федор Николаевич Крижицкий был в своей стихии. Его нанимали разогревать лошадей перед состязаниями. Мы наблюдали его скачущим различными аллюрами от стадиона по аллее до восточного леса.

Вообще Яковенко, сравнительно молодой (ему было не более 30 лет), относился к нам всегда доброжелательно и по-дружески, и никогда не отказывал, когда мы у него просили: «Яковенко, сушарик, дайте сушарик». Всегда после еды на столе оставались недоеденные кусочки хлеба и относились на кухню, где Яковенко их припекал и потом молот для заправок. Позже, когда интернат переехал в другое здание (на ул. Черно-море, 1) и там откармливали свинью, тогда и сухари прибавлялись к помоям, но это продолжалось только 2 года (1927 и 1928). Вообще нас кормили

сравнительно хорошо, в рамках отпускаемых средств от З.Г.К. и ограниченных помощей от болгарского правительства. Опять-таки из-за нехватки средств, позже начали закрываться русские гимназии и уже с 1934 до 1944 г. в Болгарии осталась только одна Софийская гимназия.

На следующий учебный год 1925/1926 нас попросили освободить II-ю Мужскую гимназию. А нам предоставили помещение школы для глухонемых, на углу улиц Царя Шишмана и Генерала Паренсова. Учиться, конечно, пришлось опять после обеда.

Здание гимназии находилось вблизи церкви Св. Седмочисленици, названной в честь семи болгарских и славянских просветителей: св. Кирилла и Мефодия и их учеников св. Наума, Климента, Саввы, Ангелария и Горазда. Церковь была перестроена по плану архитектора Момчилова из турецкой мечети, которая называлась «Черната джамия (Черная мечеть)». До освобождения Болгарии от турецкого ига (1878 г.) под тем же названием, занимая довольно большей участок рядом с мечетью, находилась тюрьма, где побывало много патриотов, боровшихся за Освобождение Болгарии. В 1925–1926 гг. от тюрьмы остались почти полностью разрушенные стены. Все пространство было заполнено строительным мусором, кое-где валялись ржавые орудия пыток («груши», пыточные клещи, кочерги и т.п.). Теперь на этом месте, против церкви, разбит небольшой садик (между улицами 6 Септември, Генерала Паренсова, Графа Игнатиева и Царя Шишмана).

Позже, Болгарским Святым синодом во главе с Митрополитом Стефаном, настоятелем церкви Св. Седмочисленици был назначен протопресвитер Георгий Иоаннович Шавельский – наш преподаватель Закона Божия. С 1932 до 1934 г. он был директором нашей гимназии, и одновременно был классным наставником нашего класса (XIII – выпуск 1934 г.). Настоятелем этой церкви, если не ошибаюсь, он был назначен в 1931 г. и с тех пор по воскресеньям и праздникам Гимназию водили в эту церковь. До этого мы посещали посольскую русскую церковь на бул.

Царя-Освободителя каждое второе воскресенье. Она была очень посещаемая русской эмиграцией, и там всегда не хватало мест. Поэтому, в одно воскресенье водили старшие классы, а в другое – младшие. В посольской церкви служил епископ, впоследствии архиепископ, Серафим Богучарский со всем клиром: архим. Сергей – брат еп. Серафима, протоиерей Ливен, протоиерей и протопресвитер Василий Флоровский, позже протопресвитер Владимирский и др. Нельзя не упомянуть незабываемого протодьякона Ионникия, бас которого никто никогда не забудет – при провозглашении, «Многая лета» дрожали стекла церкви. При особенно торжественных службах Софийский Митрополит Стефан приглашал архиепископа Серафима и протодьякона Ионникия участвовать в службах в Соборе Св. Александра Невского. Когда нас (малышей) водили в Русскую посольскую церковь, нас всегда ставили слева от алтаря, против иконы Божьей Матери. Первый раз мне бросилось в глаза, стоящая в правом углу амвона щупленькая фигура черного монаха. У меня сердце вдруг защемило каким-то чувством жалости, сострадания к нему. И было любопытство – у него под рясой побрякивали кандалы – что за юродивый? Мне потом сказали, что это архиепископ Феофан, который ввел Распутина в царскую семью (впрочем, я не уверен, что правильно запомнил имя). Хор в посольской церкви был замечательным. В первые годы эмиграции им дирижировал Сергей Жаров. Он был небольшого роста, из-за чего ему подставляли скамеечку, чтобы он мог дирижировать. Это был тот самый Жаров, который позже создал большой русский хор, прославившийся на весь мир. После его отъезда хором в церкви дирижировал Савельев.

В 1925–1926 г. число желающих поступить в гимназию, особенно в интернат, сильно увеличилось. Интернат не мог поместить всех желающих, и руководству пришлось искать дополнительное помещение. Было нанято помещение недалеко от Подуенского моста на ул. Регентской (теперь бул. Мадрид). В одном из внутренних двориков нашли небольшую трехэтаж-

ную постройку, с одним фасадом, задняя часть и боковые стены здания были присоединены к другим домам, одним словом, все комнаты в одной плоскости, коридоры выходили к соседям, ну вроде большой папиросной коробки. Не могу вспомнить точного расположения, приблизительно так – 1 этаж: кухня, столовая, склад, помещение для обслуживающего персонала (кухарка, повар) там же умывальник; 2 этаж: 2 комнаты (в одной из комнат жил заведующий Д.Н. Савченко-Боженко с супругой воспитательницей Еленой Александровной) и одна комната для интернатчиков, туалет, маленькая комната для занятий; на 3 этаже по 2 комнаты для интернатчиков.

К сожалению, у меня нет фотографий интернатчиков 1924–1925 гг. и всех их не помню. Про некоторых у меня кое-что осталось в памяти, это были братья Сулимовские. Михаил, Борис, Георгий и Николай (который не жил в интернате из-за поврежденного позвоночника, был полуинвалидом и из-за гипса ходил как столб). Самый младший из них Георгий, я их всех очень хорошо помню, мой брат очень дружил с Георгием (Жоржем). Два брата Герке - их имена не помню, братья Гойеры Олег и Юрий (мой одноклассник, в те времена, когда его вызывали отвечать урок, объявляли: «Пусть выйдет к доске Барон фон-Боот Гойер»); Гирский Алексей; Ильвов Владимир; Зубов Леонид и т. д. и т. д. В старом интернате в Борисовом парке остались интернатчики старших классов (V–VIII) и вновь поступившие ученики.

В новое помещение интерната перевели всех учеников младших классов (с I по IV), но не знаю, по каким причинам прибавили еще троих из последнего VIII класса – это были Савченко Сергей, Васильев Александр и Бородин Степан. Нам пришлось расстаться с любимым воспитателем Ф.А. Потто. Не знаю, кто пожертвовал эту одежду, но вскоре нас всех одели в серые бумазейные рубашки в темно-серую полоску (мы говорили, что стали арестантами). Откровенно говоря, рубашки были очень хорошие, теплые и прочные – свою рубашку я носил еще долгие годы.

Прибыли новые воспитатели: Даниил Наумович Савченко-Боженко и его супруга Елена Александровна (потом мы узнали, что ее девичья фамилия была Иконникова и что она из Киева). Заведующим интернатам стал Даниил Наумович, а воспитательницей Елена Александровна. К сожалению, я совершенно забыл про весь вспомогательный персонал (кто был заведующим хозяйством, кто поваром, артельщиком и т. д.). Чересчур быстро промелькнул этот год. Д.Н. был типичным украинцем – часто вставлял украинские слова: «отож», «тудь» и т. д. Уже через несколько дней мы прикрепили им прозвище «Святое семейство». Был такой случай: как-то пришел посторонний человек во двор и спрашивает нас: «Здесь живет Савченко-Боженко?», а кто-то из нас ему и ответил, что, дескать, Савченко здесь, а Боженко нет такого.

Даниил Наумович был очень порядочным, честным и внимательным человеком, мы почти его не замечали, так как заниматься нашим воспитанием он всецело предоставил своей супруге, в гимназии он преподавал математику в старших классах.

У нас впервые появляется гимназическое знамя. Это было 22 мая – день св. Николая Чудотворца. Утром оно было освящено в посольской церкви, и св. Николай Чудотворец стал патроном нашей гимназии. Знамя было голубое с одной стороны с иконой св. Николая, с другой стороны с золотой надписью: «Софийская Русская Гимназия З.Г.К. и В.С.Г. (Земско-Городского Комитета и Всероссийского Союза Городов)». Было объявлено, что вводится гимназическая форма. Для мальчиков: черная гимнастерка, к воротничку которой пришивалась белая полоска, черные или темно-синие брюки и темно-синяя фуражка с белыми кантами и с гербом – две скрещенные оливковые веточки, между которыми, посередине вензель из букв С.Р.Г. Для девочек: черные переднички с белыми воротничками, темно-синяя беретка с гербом. Летом допускалось для мальчиков белая рубашка, опашка, с отложным воротничком, для девочек белая блузка с черным бантом и черная юбка. Зимой пальто или шинель допускались,

различные, в зависимости от возможностей родителей. Для молитвы, перед занятиями, была доставлена икона с ликом св. Николая Чудотворца. Было объявлено, что патронный праздник гимназии – 22 мая, но потом выяснилось, что эта дата не особенно удобна в связи с окончанием учебного года и усиленной подготовкой к экзаменам. И так, патронный праздник автоматически перенесся на 19 декабря, тоже в день св. Николая Чудотворца. 1926 г., 22 мая праздновали особенно торжественно. Торжества были проведены в Борисовом парке в районе старого интерната. Об этих торжествах напишу ниже.

После освящения знамени вся гимназия отправилась в Борисов парк, в район мужского интерната старших мальчиков. Были приглашены все прихожане церкви, которые присутствовали при освящении знамени и, конечно, родители гимназистов. Прежде всего, сфотографировали в парке всю гимназию, а затем была исполнена программа, которую коротко опишу. Подробно очередность номеров не помню. Традиционно были танцы и, конечно, «казачок». Кто отплясывал из ребят этот танец, не помню, из девушек – наша чудесная Тамара Казанли. «Русскую» блестяще танцевали сестры Александровы, обе изящные, стройные блондинки с русыми косами. Были декламации, сольное и хоровое пение и т. д. Нам, малышам, было поручено подготовить три басни Крылова. Первая басня «Три мужика» прошла более или менее нормально, было немного смешно. Ну, вторая басня «Гуси» для зрителей прошла скучновато, зато последняя басня была «Квартет» и к ней мы готовились очень старательно. Были специально приготовлены соответствующие маски: Алеше Спижакову дали маску мартышки, мне оказали честь быть «ослом», Юре Соколову всучили «козла», а Хмарину, как самому представительному, дали «мишку». Вместо, баса, альта и двух скрипок всем дали по скрипке, взятых у музыкантов, с предупреждением обращаться с ними осторожно. В конце прилетает соловей – это был Макаровский, которому была дана соловьиная маска. Начало было, как следует в басне: «мартышка» нас усадил и мы

стали драть струны, «а толку нет». Надевая маску, я почувствовал, что она мне очень широка, я ее кое-как закрепил. Тут пришла очередь моей реплики: «Постойте ж, я сыскал секрет!» Я резко вскочил, и в это время у меня маска повернулась на 180 градусов. Оказавшись в темноте, я схватился за маску, и давай ее крутить во все стороны, чтобы поправить. «Мартышка»-Спижаков помог усадить всех и мы закатили такой концерт, что все струны полопались и смычки оборвались... Когда возвращали скрипки, не знаю, какие были разговоры между нашей руководительницей Ольгой Николаевной Стефановой и оркестрантами.

После окончания официальной программы, были организованы встречи родителей с преподавателями, были и танцы, главным образом под навесом интерната. Были и баскетбольный матч, и другие массовые игры: лапта, городки и т. д. Этим праздником закончился 1925/26 учебный год.

1925/26 учебный год оказался последним годом для Галипольской гимназии (Гырново-Сейменской). Напомним: она была создана в 1923 году при слиянии Горно-Паничеревской и Петропавловской, то есть она просуществовала три года и дала три выпуска. Весь персонал и ученики до VII класса включительно были распределены между остальными русскими гимназиями в Болгарии. На долю Софийской гимназии достался весь знаменитый балалаечный оркестр с его руководителем, талантливым музыкантом Борисом Петровичем Колчановским. Я подчеркнул «знаменитый», так как он был уже известен всей Болгарии своими концертами, которые проходили по городам с громадным успехом. Этот оркестр пополнился несколькими мальчиками из Софии.

Естественно, что помещения интерната были не в состоянии принять всех новоприбывших, и руководство было вынуждено искать более широкое и удобное здание для интерната. Таковое было найдено на углу ул. Черно море (в настоящее время Виктора Юго) и бул. Николая Николаевича (т. н. Цариградско шоссе). Это был (он и теперь стоит) трехэтажный дом, имеющий на каждом

этаже по 3 комнаты-спальни, холл-переднюю, комнатку-кухню, комнатку архивную, ванную и туалет, который находился рядом с кухней, коридор от черного входа и коридорчик от холла до двух комнат и ванной. Холл-передняя нам служила помещением для занятий, кухня – лазаретом и спальней фельдшера, ванная комната (несмотря на то, что там был котел для нагревания воды) служила только как умывальня, а маленькая архивная комнатка служила спальней для двух человек.

На каждом этаже по одной комнате были предоставлены для воспитателей. «Сутерен» – подвальный этаж был использован так: три комнаты для столовой, две маленькие для хозяйственного персонала, отдельно кухня и прачечная. Распределение учеников было следующее: 1 этаж – занимал почти весь оркестр, в основном ученики старших классов, и воспитатель он же дирижер: Борис Петрович Колчановский. 2 этаж – мы, малыши, учащиеся до IV класса включительно, воспитатель Елена Александровна Савченко, она занимала одну из комнат вместе с мужем Даниилом Наумовичем, «заведующим интернатом» и сыном Костей; и 3 этаж – все остальные с воспитателем Федором Александровичем Потто. Таково было первоначальное распределение, которое впоследствии менялось. На каждом этаже помещались около 20–25 учеников. Хозяином этого дома был известный и заслуженный болгарский генерал, участник Апрельского восстания против турок в 1876 г. Грынчаров. Во дворе был довольно большой сарай или конюшня с отдельным помещением для извозчика или для кареты. Этим сараем пользовались как складом для угля, дров, капусты, картофеля и как столярной мастерской. С 1927 года до сентября 1934 года, то есть до закрытия Шуменской гимназии в этом здании интерната помещались все мальчишки. После, когда в Софийскую гимназию влились и шуменцы, пришлось нанять дополнительное помещение на ул. Ивана Вазова, 18, куда поместили старших учеников. Малыши остались в старом здании на ул. Черно-море, 1. Тогда же, в 1927 г., болгары снова перевели всю гимназию с ул. Царя Шишмана в чудесное и очень

удобное здание III болгарской прогимназии Васи́ла Априлова, на углу улиц Шипки и Васи́ла Априлова, у которой был огромный двор для игр.

Прибыв из Тырново-Сеймена, Борис Петрович Колчановский, как только устроился в новом помещении интерната, начал пополнять свой оркестр, так как одни его покинули, окончив учение, другие из-за перехода в другие гимназии. Пополнял музыкантами любителями, главным образом из воспитанников интерната. У нас было несколько человек, имеющих собственные инструменты. С большим удовольствием он принял Володю Скворцова, который великолепно играл на гитаре и еще несколько учеников, в том числе и моего брата, который играл на мандолине. Я хочу рассказать про Женю Щербакова и его трагическую судьбу. Несмотря на то, что он был старше меня, мы были большими друзьями еще по Тырново-Сеймену. Он был жизнерадостным, веселым мальчиком, никогда никого не дразнил, ко всем относился дружески. Не обижался, что все его называли «Жучкой» – это прозвище он получил в Тырново-Сейменской гимназии благодаря собачке-дворняжке, с которой он постоянно играл и кормил из своего пайка. Он горько плакал, когда какой-то олух отравил его Жучку, подсыпав в хлеб дробленого стекла. Он был лучшим балалаечником в оркестре, в его руках балалайка просто пела. Он окончил гимназию с XI выпуском в 1932 году. В начале сентября этого года я встретил его на улице, мы разговорились. Он сказал, что все лето подрабатывает на стройке, где гнет железо для арматуры и что через неделю будет поступать в университет. Через несколько дней я узнал, что он убит на стройке. Когда он переходил двор, на него с верхних этажей сбросили толстую доску. Верно, что он переходил через двор, а там было предупреждение, что опасно проходить, но было сомнение, что доска была нарочно сброшена рабочим-коммунистом. Николай Михайлов, того же XI выпуска, будучи студентом, в 1937 г. подрабатывал в должности секретаря у братьев Солоневичей. Во время их отсутствия принял для них пакет

от курьера, который при вскрытии взорвался, он и супруга Ивана Солоневича погибли на месте.

Оркестр Колчановского просуществовал до 1930 года. Он распался после отъезда Бориса Петровича во Францию, в Канны. Там он организовал небольшой оркестр, по-видимому, по выгодному контракту. Большинство его оркестрантов окончили гимназию и разъехались кто куда, а двое или трое уехали вместе с Борисом Петровичем в Канны. В нашем оркестре не было ни скрипок, ни пианино. Он состоял из 2–3 мандолин-прима, 2–3 мандолин-секунда, 2–3 балалаек-прима, столько же секунда, альт и баса, 2 мандол, нескольких гитар, большого и маленького барабана, бубна и треугольника. Ведущими были: на мандолине Шаховский; на балалайке – Щербаков; на гитаре В. Скворцов. Репетиции проводились два-три раза в неделю по вечерам, после ужина, на первом этаже интерната. С большим успехом были представлены один или два самостоятельных концерта в Военном клубе. Когда приезжала Надежда Плевицкая, наш оркестр сопровождал её. Мы с особенным удовольствием слушали её, особенно русские песни и песни белой армии, трогательную до слез: «Замело тебя снегом Россия, закружило седою пургой, и холодные ветры степные панихиды поют над тобой». И вдруг она оказалась советским агентом и участвовала вместе с мужем генералом Скоблиным, командиром Корниловского полка, в похищении главы русской эмиграции генерала Миллера. Она окончила свою жизнь во французской тюрьме.

Репертуар оркестра был не бедным. Обычно к концертам подготавливалась разнообразная музыка, как русских композиторов (у меня в памяти осталась увертюра «12-ый год», кое-что из «Лебединого озера», из «Щелкунчика», отрывки из русских опер, вальсы и др.), так и иностранных композиторов (напр. «Музыкальные моменты» Шуберта, марши, особенно марш «Старые друзья», и вальсы Штрауса, «Легкая кавалерия», «Кавалерия Рустикана», отрывки из опер Верди и т. д.). Обыкновенно концерт заканчивался, сокомпозированными лич-

но Колчановским попури из болгарских песен, хоро и рыченицами под названием «Българска китка (*Болгарский букет*)», под восторженные аплодисменты публики. После отъезда Бориса Петровича на его место воспитателем был назначен доктор Александр Димитриевич Михайлов.

Почти год после отъезда Колчановского в гимназии не было оркестра, но в 1931 г. по инициативе ученика VII класса Ильи Юнина и под его руководством был создан небольшой оркестр, который не выступал с самостоятельными концертами, но участвовал с короткими музыкальными программами на больших гимназических праздниках. В 1933 г. Юнин окончил гимназию, и оркестр снова распался.

Возвращаясь к 1927/1928 учебному году. В этом году случились два-три события, которые, так или иначе, отразились на жизни гимназии. Скончался наш батюшка, преподаватель Закона Божьего в младших классах, отец Василий Флоровский и на его место был назначен протопресвитер отец Георгий Иоаннович Шавельский, который уже преподавал в старших классах, так он стал единственным преподавателем Закона Божьего на всю гимназию.

Зима 1928 г. была очень холодной – мороз достигал до -30° и нас распустили на некоторое время по домам. Весной, во время Пасхальных каникул, в Болгарии произошло сильное землетрясение, от которого очень пострадали города: Чирпан, Борисовград (сейчас Първомай) и Пловдив. В Софии разрушений не было, но толчки чувствовались довольно сильно, так что даже местами была паника. Нас, нескольких мальчиков, послали на кухню помогать при расфасовке только что зарезанной свиньи. Из кухни меня отправили в столовую, где на столе были положены куски мяса и привинчена мясорубка. Яковенко мне говорит: «Вот тебе мясорубка, вот мясо, накрути на колбасу». Крутил я, крутил и вдруг вижу, стены начали как-то нагибаться, стол опускаться, а я никак не могу сообразить, в чем дело и подумал, что от кручения мясорубки у меня закружилась голова. Услышал какие-то крики, грохот на лестнице и снова стены начали качаться. Только

тогда я сообразил, что это землетрясение и скорее выбежал на двор. Интернат опустел, все собрались на дворе. Потом мне рассказывали про моего брата (он тогда жил на третьем этаже), что он вскочил и бросился держать кафельную печку, которая была высокой почти до потолка. Ему показалось, что печка падает, и только когда услышал крики «землетрясение», оставил печку и бросился бежать по лестнице вместе с другими во двор.

После землетрясения правительство призвало население страны оказать помощь пострадавшим. Через два-три дня Даниил Наумович собрал всех нас и сказал: «Вся Болгария жертвует, кто чем может, пострадавшим и мы должны помочь, поэтому мы жертвуем по кусочку хлеба и по кусочку сахара. До тех пор мы получали по четвертушке хлеба и по три кусочка сахара к чаю утром и вечером». Эта норма так и осталось («жертвование на землетрясение») до 1944 года.

Средства З.Г.К. и В.С.Г., на которые содержались гимназии, быстро исчерпались, что сильно почувствовалось. Первой была закрыта Тырново-Сейменская гимназия в 1926 году. Следующим в 1928 г. оказался женский интернат Варненской гимназия. Все девочки были разбиты на две группы, из которых большая была переведена в Шуменскую гимназию, а остальные вместе с заведующей Ольгой Владимировной Федоровой, воспитательницей Зинаидой Константиновой Олениной, зав. хозяйством и милосердной сестрой Эллой Оскаровной Смедс, были переведены в Софию. Здесь был открыт женский интернат, который пополнился кроме варненскими, еще и проживающими в Софии и в ее окрестностях, девочками.

Вообще, писать об интернатской жизни можно было бы много, если заставить свою голову побольше вспомнить и все описать, но я стараюсь писать в хронологическом порядке (что мне не всегда удается), только о том, что вспоминается, и может быть, это покажется скучным и неинтересным, но вы уж извините меня за это. Вот, например, Коля Коржец был круглым сиротой. Кто был его попечитель и как он появился у нас в интернате в 1927

г., он нам никогда и ничего не рассказывал, знаем только, что прибыл к нам из города Белоградчика, о котором часто говорил. Через несколько дней по прибытии в интернат он исчез, но вскоре его вернула назад болгарская полиция, найдя его в этом самом Белоградчике. У Коли учение, как и у Спижакова, не шло, и он вскоре, в 1932 г., покинул гимназию и интернат и уехал работать на шахты в Родопы, где окончил шоферские курсы и в 1945 или 1946 г. погиб в катастрофе, о чем я уже написал. Другой случай бегства из интерната был значительно позже, приблизительно в 1932 году. Фамилию мальчика я не помню, мы его просто звали по имени Афоней. Его мать работала глазным врачом в Тегеране и хотела дать сыну русское воспитание и поэтому привезла его в Софию. Откровенно говоря, он нам показался, как говорится, немного «не того». Его приняли в гимназию во второй класс, а в интернат, как малыша, на второй этаж к воспитательнице Елене Александровне Савченко, с которой он с первого же дня не поладил: был очень избалован, непослушен, все делал по своему, упрямился, не выдержав постоянных замечаний и наказаний, в конце концов убежал из интерната. Полиция сразу его нашла и вернула, но через несколько дней он снова сбежал, захватив с собой какой-то большой нож. Полиция его опять вернула. Какие мотивы были у руководства, но на этот раз его перевели на третий этаж к полковнику Федору Александровичу Потто (я предполагаю, что Ф.А. сам взялся за воспитание мальчика) и удивительно: Афоня стал просто неузнаваемым: послушным, старательным и писал матери восторженные письма о своем воспитателе. Мать Афони снова приехала осенью 1933 г. и предложила Ф.А. поехать с ними в Тегеран и стать воспитателем сына, на что Ф.А. сразу согласился. Приехав, после летних каникул к началу занятий, я уже, будучи в VIII классе, не застал Ф.А., а на его место был назначен Василий Васильевич Кладов. Какие были причины у полковника принять это предложение, для меня и многих интернатчиков были ясны. Во-первых, более высокое жалование, а во-вторых, он столько лет не мог при-

норовиться к методу воспитания детей в интернате и гимназии, каковое зависело от людей милюковского толка – председателя З.Г.К. и В.С.Г. А.В. Арцышевского и др., которым не особенно нравились военные методы Ф.А. Заведующим интернатом тогда (в 1926 г.) назначили нового, приезжего: Даниила Наумовича Савченко (вместо уже существующего заведующего интернатом полковника Потто), глубоко штатского человека, который даже в «Сокол» пускал на гимнастику без особого желания. Федор Александрович бывал почти всегда среди своих воспитанников, Он позволял себе только иногда, по вечерам в субботу и воскресенье пойти в Русский Дом на собрание георгиевских кавалеров или в Союз русских офицеров. Только два раза во время летних каникул он ездил к сестре в Польшу. Он уехал в Тегеран и мы его уже никогда больше не видели.

Фотоистория Софийской русской гимназии

Гимназия в конце 1924/1925 учебного года: 1 – Завьялова С.В.; 2 – кн. Лобанов-Ростовский; 3 – протопр. Флоровский В.; 4 – Флоровская К.В.; 5 – Жуковский В.А.; 6 – Куровец А.П.; 7 – Александров Ф.Г.; 8 – Мерзлякова В.А.; 9 – ?; 10 – Стефанова О.Н.; 11 – Агура А.Д.

Воспитатели и воспитанники младшего возраста мужского интерната. 1926/1927 учебный год: 1 – Ушаков Евгений; 2 – Власик (Волков) Евгений; 3 – Бендерев Димитрий; 4 – Генкулов Юрий; 5 – Терентьев Ростислав; 6 – Позднышев; 7 – Рагулин Юрий; 8 – Павленко Георгий; 9 – Байгушев Владимир; 10 – Гойер Юрий; 11 – Мануйлов Александр; 12 – Бендерев Юрий; 13 – Савченко Д.Н.; 14 – Арцишевский А.В.; 15 – Стефанов А.П.; 16 – Савченко Е.А.; 17 – Спижаков Алексей; 18 – Соколов Юрий; 19 – Скворцов Владимир; 20 – Савченко Константин; 21 – Гирский Алексей; 22 – Григорьев Юрий; 23 – Григорьев Игорь; 24 – Терентьев Всеволод; 25 – Гойер Олег; 26 – Макаровский Николай; 27 – Васильев Александр; 28 – Чернов Глеб; 29 – Савченко Сергей; 30 – Момякин (Керемидчиев) Александр; 31 – Бородин Степан; 32 – Горбатов Димитрий

Гимназия в конце 1925/1926 учебного года: 1 – Покровский С.И.; 2 – Нилов И.П.; 3 – Свечников Н.Н.; 4 – Куровец А.П.; 5 – Стефанова О.Н.; 6 – Кн. Лобанов-Ростовцев; 7 – протопр. Фроловский В.; 8 – протопр. Шавельский Г.И.; 9 – Рязанов А.А.; 10 – Арцишевский А.В.; 11 – Стефанов А.П.; 12 – Александров Ф.Г.; 13 – Савченко Д.Н.; 14 – Глиноедский; 15 – Карпинский Н.В.; 16 – Потто Ф.А.

Общий снимок гимназии в конце 1926/1927 учебного года: 1 – Потто Ф.А.; 2 – Стефанова О.Н.; 3 – Нилов И.П.; 4 – Карпинский Н.В.; 5 – ?; 6 – Куровец А.П.; 7 – Савченко Е.А.; 8 – Кн. Лобанов-Ростовский; 9 – Стефанов А.П.; 10 – Арцишевский А.В.; 11 – Протопр. Фроловский В.; 12 – Протопр. Шавельский Г.И.; 13 – Флоровская К.В.; 14 – Мерзаякова В.А.; 15 – Савченко Д.Н.; 16 – Иванов К.И.; 17 – Глиноедский; 18 – Свечников Н.Н.; 19 – Колчановский Б.П.; 20 – Рязанов А.А.; 21 – Завьялова С.В.

Воспитанники мужского интерната. 1926/1927 учебный год: 1 – Коржец Николай; 2 – Власик /Волков/ Евгений; 3 – Чернов Глеб; 4 – Коноводов Борис; 5 – Рагулин Юрий; 6 – Бендерев Димитрий; 7 – Шлее Георгий; 8 – Савченко Е.А.; 9 – Савченко Д.Н.; 10 – Колчановский Б.П.; 11 – Кельнер Олег; 12 – Гаврилов Михаил; 13 – Генкулов Юрий; 14 – Карпов Евгений; 15 – ?; 16 – Фетисов; 17 – ?; 18 – Щербаков Евгений; 19 – Проичев Тодор (Теодор); 20 – ?; 21 – ?; 22 – Цицерошин Павел; 23 – Эйсмонт Владимир; 24 - ? ; 25 – Терентьев Ростислав; 26 – Манякин Александр; 27 – Ползиков; 28 – ?; 29 – Флоров; 30 – Лашенов Димитрий; 31 – Бендерев Юрий; 32 – Михайлов Николай; 33 – Цицерошин Николай; 34 – Кондратьев Вадим; 35 – Карпов Михаил; 36 – Савченко Константин; 37 – Яренко

Новый гимназический оркестр. 1931/1932 учебный год: 1 – Кельнер Олег; 2 – Джанаев Георгий; 3 – Шундрий; 4 – Щербаков Евгений; 5 – Олигер Борис; 6 – Гойер Юрий; 7 – Мануйлов Александр; 8 – Юнин Илья – дирижер; 9 – Макарский Николай; 10 – Федоров Юрий; 11 – Левицкий Михаил; 12 – Сердюк Юрий; 13 – Трендафилов Иван; 14 – Сидорович Юрий

Русские студенты. Парад 24-го мая в день св.св. Кирилла и Мефодия, 1936 г.:
1 – Мильчо Юрий; 2 – ?; 3 – ?; 4 – Панкратов Дмитрий; 5 – Нежадов Михаил;
6 – ?; 7 – ?; 8 – Лосев Василий; 9 – Тронько Игорь; 10 – Фелицин Александр;
11 – Демянович; 12 – Левков Василий; 13 – Белевич Михаил; 14 – Кристи
Константин; 15 – Станков; 16 – Михайлов Николай; 17 – Лосев Андрей; 18 – ?;
19 – Бендерев Дмитрий; 20 – ?; 21 – Белин Всеволод; 22 – Згонников Николай;
23 – ?; 24 – ?; 25 – Гречко Василий; 26 – Богачов Андрей; 27 – Простов Борис;
28 – ?; 29 – Левшин Олег; 30 – Гурари; 31 – ?; 32 – Турингер Анатолий

Футбольная команда гимназии. 1932/1933 учебный год: 1 – Ипатов Всеволод;
2 – Руммель Борис; 3 – Мильчо Юрий; 4 – Федоренчик; 5 – Банаки Аркадий;
6 – Мануйлов Александр; 7 – Павленко Георгий; 8 – Крылов Павел; 9 –
Кривенко Василий; 10 – Булгаков Андрей; 11 – Свечников Николай (младший)

Женский интернат. 1928 год: 1 – Николаева Анна; 2 – Мясоедова Мария; 3 – Поздникова; 4 – Позднышева; 5 – Кривоносова Надежда; 6 – Редрикова Галина; 7 – Мясоедова Зоя; 8 – Мануйлова Евгения; 9 – Кириченко Ирина; 10 – Хомина Татьяна; 11 – Рима-Лява; 12 – Черноглазова Елена; 13 – Лукова Вера; 14 – Соломатина Лидия; 15 – Бакалова Елена; 16 – Люменарская Галина; 17 – Слабодяникова Ольга; 18 – Черныш Нина; 19 – Смедс Э.О.; 20 – Федорова О.В.; 21 – Смыкова З.К.; 22 – Кривоносова Мария; 23 – Данилевская Надежда; 24 – Носикова Галина

Шуточный оркестр на 3 этаже мужского интерната. 1930 г: 1 – Невейнов Боян; 2 – Лашенов Димитрий; 3 – Скворцов Владимир; 4 – Бендерев Юрий; 5 – Погануци; 6 – Марианов Георгий; 7 – Григорьев Игорь; 8 – Гирский Алексей; 9 – Григорьев Юрий

Во двореке
рядом с интер-
натом. 1930 г:
1 – Щербаков
Евгений; 2 –
Коржец Николай;
3 – Олигер Борис;
4 – Бендерев
Димитрий;
5 – Симаков
Константин;
6 – Спижаков
Алексей; 7 –
Олигер Валентин

III и IV классы. 1927/1928 учебный год; 1 – Усова Клавдия; 2 – Войцеховская София; 3 – Редрикова Галина; 4 – Петрова Наталия; 5 – Мильчо Инна; 6 – Фоменко Лидия; 7 – Стефанова О.Н.; 8 – Тарновская Наталия; 9 – Никитюкова Татьяна; 10 – Коноводов Борис; 11 – Гойер Юрий; 12 – Федоров Юрий; 12а – Крижицкий Сергей; 13 – Михайлов Николай; 13 а – Яровая Любовь; 14 – Бакунин Александр; 15 – Иваней Вадим; 16 – Спижаков Алексей; 17 – Крижицкий Николай; 18 – Сидорович Юрий; 19 – Артамонова Мария; 20 – Степоренко; 21 – Игнатъева Надежда; 22 – Макарский Николай; 23 – Чернов Глеб; 24 – Зипалов Виктор; 25 – Феицин Александр; 26 – Пройчев Тодор; 27 – Карпов Михаил; 28 – Мануйлов Александр; 29 – Король Владимир; 30 – Левицкий Михаил; 31 – Выходцевский Николай; 32 – Бендерев Димитрий; 33 – Ивашкевич Евгений

Летняя колония в г. Варна – обед. 1931 г: 1 – Верцелиус; 2 – Таран; 3 – Рязанов А.А.; 4 – Дервенко; 5 – Редриков Александр; 6 – Петров Владимир; 7 – Соловьев Владимир; 8 – ?; 9 – ?; 10 – Свечников Николай (младший); 11 – Преображенский Александр; 12 – ?; 13 – Загурский Богдан; 14 – ; Мозговой; 15 – Бендерев Димитрий; 16 – Федорова О.В.; 17 – Карамышев Вадим; 18 – ?; 19 – Невский Рафаил; 20 – Журавлев Юрий; 21 – ?; 22 – Юнин Илья; 23 – ?; 24 – Смыков Сергей; 25 – ?; 26 – Инютин I; 27 – ?; 28 – ?; 29 – Павленко Георгий; 30 – Бергольд Георгий; 31 – Ляхов Анатолий; 32 – Канзировский; 33 – Черкасов Владимир

Встреча А.А. Рязанова и моей семьи в Рильском монастыре, где он служил врачом. 1956 г.

VII класс. 1928/1929 учебный год: 1 – Богдавленский Кирилл; 2 – Кириченко Ирина; 3 – Савченко Д.Н.; 4 – Попов Сергей; 5 – Невейнов Боян; 6 – Бендерев Юрий; 7 – Горбатов Димитрий; 8 – Афанасиев Сергей; 9 – Кондратьев Вадим; 10 – Тышков Анатолий; 11 – Носиков Игорь; 12 – Капуцкий Николай

IX выпуск – абитуриенты: 1 – Иванов К.И.; 2 – Савченко Д.Н.; 3 – Курвец А.П.; 4 – Раев – «пратенник» м/ва; 5 – Стефанов А.П.; 6 – протопр. Шавельский Г.И.; 7 – Левицкая С.С.; 8 – Мерзлякова В.А.; 9 – Нилов И.П.; 10 – Жуковский В.А.; 11 – Димитров К.Д.; 12 – Оленин Л.А.; 13 – Рязанов А.А.; 14 – Горбатов Димитрий; 15 – Попов Сергей; 16 – Кириченко Ирина; 17 – Богоявленский Кирилл; 18 – Богоявленский Юрий; 19 – Кондратиев Вадим; 20 – Томашевич Сергей; 21 – Тышков Анатолий; 22 – Афанасиев Сергей; 23 – Бендерев Юрий. 1930 г.

VI класс: 1 – Сидорович Юрий; 2 – Никитюкова Татьяна; 3 – Рязанов А.А.; 4 – Пазднякова; 5 – Левицкий Михаил; 6 – Пагануци; 7 – Пройчев Тодор; 8 – Щербakov Евгений; 9 – Фелицин Александр; 10 – Пантелеева; 11 – Иваней Вадим; 12 – Зипалов Виктор; 13 – Михайлов Николай; 14 – Монякин Александр. июнь 1930 г.

VII класс. Конец 1931/1932 учебного года: 1 – Дацкевич Марина; 2 – Бакалова Елена; 3 – Савченко Д.Н.; 4 – Люминарская Галина; 5 – Непокойчитская Галина; 6 – Олигер Борис; 7 – Выходцевский Николай; 8 – Фоменко Лидия; 9 – Шевченко; 10 – Мещерский Андрей; 11 – Лукова Вера; 12 – Петрова Наталия; 13 – Симакова Галина; 14 – Сердюк Юрий; 15 – Пикар Николай; 16 – ?; 17 – Федоров Юрий; 18 – Крижицкий Сергей; 19 – Миночкина Тоня

VIII Класс – абитуриенты XII выпуска. 1932/1933 учебный год: 1 – Георгиев Г.; 2 – Боров; 3 – Протопр. Шавельский Г.И.; 4 – Пашев Г.– представитель болг. министерства; 5 – Арцишевский А.В.; 6 – Мерзлякова В.А.; 7 – Савченко Д.Н.; 8 – Левицкая С.С.; 9 – Флоровская К.В.; 10 – Кладов В.В.; 11 – Люминарская Галина; 12 – Лукова Вера; 13 – Дацкевич Марина; 14 – Фоменко Лидия; 15 – Миночкина Тоня; 16 – Симакова Галина; 17 – Мильчо Инна; 18 – Завьялова С.В.; 19 – Рязанов А.А.; 20 – Сидорович Юрий; 21 – Выходцевский Николай; 22 – Крижицкий Сергей; 23 – Непокойчитская Галина; 24 – Усова Клавдия; 25 – Носикова Галина; 26 – Петрова Наталия; 27 – ?; 28 – Бакалова Елена; 29 – ?; 30 – Иванов К.И.; 31 – Покровский С.И.; 32 – Сердюк Юрий; 33 – Пикар Николай; 34 – Мещерский Андрей; 35 – Олигер Борис; 36 – Шевченко Галина; 37 – Федоров Юрий; 38 – Марьянов Георгий; 39 – Ивашкевич Евгений

Во дворе гимназии во время переменки, 1932 г: 1 – Черноглазова Елена; 2 – Слабодяникова Ольга; 3 – Макарова Анна; 4 – Коклин Ольга; 5 – Мясоедова Зоя; 6 – Сидорович Юрий; 7 – Редрикова Галина; 8 – Черныш Нина; 9 – Беляева Вера; 10 – Джелепова Мария; 11 – Беляев Димитрий; 12 – Коржец Николай; 13 – Жицкий Сергей

Мы последний день гимназистами в гостях у Павла Крылова (24.05.1934): 1 – Богачев Андрей; 2 – Беляева Вера; 3 – Джелепова Мария; 4 – Крылов Павел; 5 – Бутков Владимир; 6 – Корчмаренко Александра; 7 – Бендерев Димитрий; 8 – Слабодяникова Ольга; 9 – Гойер Юрий; 10 – Богачева Александра

Общий снимок гимназии. Конец 1929/1930 учебного года: 1 – Соковнина О.П.; 2 – Стефанова О.Н.; 3 – Завьялова С.В.; 4 – Левицкая С.С.; 5 – Жуковский В.А.; 6 – Рязанов А.А.; 7 – Протопр. Шавельский Г. И.; 8 – Стефанов А.П.; 9 – Савченко Д.Н.; 10 – Куровец А.П.; 11 – Покровский С.И.; 12 – Флоровская К.В.

Парад в день св. Кирилла и Мефодия, девочки: 1 – Невейнова Злата; 2 – Шаффа Галина; 3 – Мясоедова Зоя; 4 – Власик Анна; 5 – Попова Анна; 6 – Ливен Дария; 7 – Черныш Нина; 8 – Николаева Анна; 9 – Бицилли Мария; 10 – Заугова Наталия; 11 – ? Мария Олеговна; 12 – Балканова Татьяна; 13 – ?; 14 – Соловьева Лидия; 15 – Черемина Елизавета. 24 мая 1934 г.

Общежитие славянских студентов в г. Лувене – Бельгия (куда частично удалось устроить русских студентов из Болгарии), 1932 г.: 1 – Колесников Николай; 2 – Белин Всеволод; 3 – Владимирцев Юрий; 4 – Савченко Константин; 5 – Афанасьев Сергей; 6 – Бендерев Юрий; 7 – Шевченко Николай; 8 – Носиков Игорь.

Воспоминания о жизни родителей и белой русской эмиграции в Варне

Вспоминая всех этих людей, не могу не начать рассказ со стихотворения в прозе Ивана Сергеевича Тургенева, которое они часто произносили: *«Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины—ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык — не будь тебя — как не впасть в отчаяние при виде всего, что совершается дома? — но нельзя верить, чтобы такой язык не был дан великому народу!»* (июнь 1862 г.)

Произнося эти слова, человек задумывается об их мудрости и глубине.

В семье отца было трое детей: старшая Людмила, средняя Елена и младший Николай. Дедушка был священником. Высокообразованный, интеллигентный, эрудированный, хороший проповедник и большой знаток религиозной музыки. Отец Владимир служил в Никольском храме в Белгороде. По воскресеньям после службы вел полемику с разными сектантскими группами, которых до революции довольно много было по всей стране и, в частности, в Белгороде. Бабушка Александра была с музыкальным образованием, большой знаток русской и зарубежной классики, прекрасный исполнитель на фортепиано. Она создавала уют

Николай Владимирович Букасов, Варна, 1924 г.

в доме и занималась с воспитанием детей. Много внимания уделяла маленькому Николаю, который рос довольно слабеньким. Начальное образование отец получил дома, потом сдал на отлично вступительный экзамен в гимназию. В гимназии учился прилежно, был одним из лучших учеников. Родители с раннего детства замечают у Николая интерес к музыке. В первые годы мать с ним занималась, а как только мальчик подрос, пригласили одного из лучших в Белгороде для занятий преподавателя музыки. Мечтой Николая было поступить в консерваторию.

В его автобиографии читаем: *«Мы жили в большом доме, с большим фруктовым садом. В семье с детства звучала музыка, русские песни и романсы. Рассказывалось о жизни и творчестве русских и зарубежных композиторов. На традиционных семейных литературно-музыкальных вечерах, на которых собирались наши близкие, родственники и знакомые – любители и знатоки музыки и литературы, вслух читались произведения Пушкина, Лермонтова, Тургенева, Тютчева, басни дедушки Крылова и др. ...Мама и сестры играли на фортепьяно, а я всегда что-нибудь импровизировал. Мои двоюродные сестры любили петь русские романсы под аккомпанемент мамы».*

В 13-летнем возрасте Николай остается сиротой – умирает мать Александра, в 17 лет остается без отца. Отец Владимир умирает от брюшного тифа. Папа остается круглым сиротой. За ним присматривают сестры, у них уже свои семьи.

«Пришла революция. Белгород стал театром военных действий. Мне было всего 18 лет. Новая власть, хорошо относилась к нашей семье, комиссар города взял меня на работу секретарем в свой штаб. Обеспечили мне еду, а самое важное, хорошее отношение. Но когда я видел, что творится на улице, как закрывают церкви, как насмеваются над иконами, как расстреливают людей. Я был страшно поражен и три дня размышлял, как мне жить дальше? С тем, что видел, я не мог смириться и принял решение покинуть город. Позвонил перед начальником и ушел с работы. Я поступил в белую армию, думая, что до конца года все проблемы решатся. Увы!

К военной службе я был не подготовлен. Много трудностей пришлось пережить. Прошел через голод, холод, лагерь в Галлиполи, и остался в полной нищете. Весной 1922 года я прибыл из Галлиполи в Варну без документов, без денег с одним пустым чемоданчиком. В Варне приехавших встречает комиссия по размещению прибывающих беженцев. Нам предоставляется еда, медицинская помощь, одежда, обувь и небольшие денежные средства для личных расходов. Те беженцы, у которых не было документов об образовании и специальности, должны были являться на проверочные экзамены, которые проводились специальной комиссией. Эта комиссия также определяла степень знаний молодых людей, у которых не было аттестатов о завершении среднего образования».

20 августа 1920 г. русская община открывает в Варне детский сад, начальную школу и гимназию. Это первая русская гимназия за пределами России. В начале школа размещается в северной части здания находящегося во дворе церкви Св. Афанасия (нынешняя ул. Графа Игнатьева, здание давно снесли). Интернат для мальчиков – в здании напротив. Занятия в старших классах ведутся в здании Девической гимназии – во вторую смену. В 1922 г. Николай Владимирович Букасов, сдав успешно вступительный экзамен, поступает в шестой класс.

В первые годы занятия ведутся круглогодично – без летних, рождественских и пасхальных каникул. Многим учащимся больше 20 лет, пропущено очень много учебного материала, а молодые люди хотят поскорее выучиться и получить какую-нибудь специальность. При школе работает интернат. После из церковных помещений интернат переедет на улицу Ивана Вазова, затем – в здании на перекрестке улиц Ополченской и Братьев Миладиновых, а затем – на частную дачу в местности Рупи-Варна (сейчас Чайка). В мужском интернате работал Сергей Павлович Потоцкий, очень требовательный, заботливый, по-отцовски строгий воспитатель.

Папа рассказывал, что занятия в школе велись на высоком уровне. Классы были небольшими, и у преподавателей хватало времени уделять внимание каждому ученику. Я была знакома

с некоторыми преподавателями отца. Это Николай Васильевич Кисличенко, бывший юрист, прокурор. Он преподавал философию, гражданское право и законоведение. Очень интересный собеседник. В свободное время работал в русском комитете. Решал юридические вопросы. Учительница французского и немецкого языков Зинаида Семёновна Губская, очень эрудированная и начитанная, отлично знавшая западную литературу.

В конце 1923 г. гимназия крепче встает на ноги, когда вливается в сеть учебных заведений Всероссийского союза городов и Земского городского комитета Варны, откуда получает постоянные субсидии от болгарского правительства.

В начале, гимназия готовила учеников с первого по шестой классы – их было от 120 до 160 человек. После добавились седьмой и восьмой. Весной 1922 г. состоялся первый выпуск гимназии: 9 учеников. Осенью 1923 г. – второй выпуск: 15 учеников. В 1924 г. – третий выпуск: 19 учеников, среди которых был мой отец.

Следующие выпуски работают по утвержденным для мужских гимназий программам бывшего российского Министерства народного просвещения, согласованного с Министерством народного просвещения Болгарии. Такие гимназии существуют во всех больших городах Болгарии, где есть русская диаспора. Варна, София, Тырново, Пещера, Русе, Пловдив. В то время директором варненской гимназии работает В. Коренов. Учительский коллектив состоял из русских беженцев: протоиерей Попов – закон Божий, Зинаида Семёновна Губская – французский и немецкий языки, Демьянович – русский, история и география, Николай Кисличенко – право, философия, и другие преподаватели: А. Висонов, Н. Солнцев, О. Иващенко, Е. Королева. Секретарем педагогического совета был Николай Манохин, преподававший историю и анатомию. В гимназии изучались следующие предметы: вероучение, русский язык и словесность, философия, латинский, болгарский, немецкий, и французский языки, математика (арифметика, алгебра, геометрия, тригонометрия, аналитическая

геометрия, введение в мат. анализ), всеобщая история, история Болгарии, география, естествознание, физика, космография, химия, гражданское право, рисование, черчение, законоведение. Обучение велось по программам русских дореволюционных гимназий, по учебникам для начальных классов, издававшимся в России. Уроки по химии и физике проводились в кабинетах Мужской или Девической гимназий.

Русская школа, созданная в 1920 г., просуществовала до 1929 года. В 1929 г. в нее влилась англо-русская школа, которая пришла из Турции. В Варне школа просуществовала до 1935–1936 годов. После ее перевели в г. Шумен, где условия для обучения и интернат были лучше. В Варне осталась только начальная школа и детский садик, которые просуществовали до 9.09.1944 года.

Папа жил в школьном интернате на иждивении беженца русского комитета. Личных средств у него не было. По возможности старается подрабатывать. Преподавал уроки математики младшим ученикам, из зажиточных русских семей. Ученики русской гимназии всегда участвовали в торжествах посвящённых болгарским праздникам: 24 мая – День славянской письменности, 1 ноября – День народных будителей. В 1924 г. отец окончил гимназию с серебряной медалью и должен покинуть интернат. В 1925 г. поступил в высшую торговую академию (тогда варненские жители так называли ВТИ) и одновременно занимается музыкой. Берет уроки фортепиано, у известного варненского музыкального педагога Найдена Найденова.

Он создает маленькие оркестры с балалайками и пианино, с которыми выступает в Варненских ресторанах – «Траката», «Эшмедеме», «Акаците», «Эвксиноград», «Балалайка». Составы оркестров были очень профессиональными и владельцы ресторанов охотно их приглашали. Хорошо платили, и кормили во время работы. Музыканты, создавая душевную атмосферу, привлекали больше посетителей, что было выгодно для владельцев этих заведений. Кроме выступлений в ресторанах, папа подрабатывал тапером в кинотеатрах немного кино «Роял», «Ранков», «Ученическо

Русский оркестр – сзиди Николай Букасов

кино». В свободное время после этого занимался бухгалтерией у Кабанова.

Кроме отца, в кинотеатрах играла и Мария

Янишевская с супругом. Среди тех людей, которые внесли свой вклад в музыкальное развитие города необходимо вспомнить Екатерину Владимировну Келлер, которая очень помогала отцу в работе. В то время не было копировальных машин, и переписывать ноты для разных партий оркестра приходилось вручную. Это делала Екатерина Владимировна, она немного подрабатывала себе на жизнь.

Так он жил (ему надо было платить за квартиру, за аренду пианино, еду, одежду, и обучение). Наряду со всем этим, он успевает посещать занятия в академии и готовиться к экзаменам.

16 апреля 1941 г. моего отца вместе с сестрами Бодлевыми приглашают выступить с концертом на Радио Варны.

Помимо аккомпанемента, мой отец выступал и с самостоятельными концертами. Иногда в составе оркестра участвовали Луиза Джанаровна на мандолине и Мария

**Екатерина Полихроновна,
Николай Владимирович
и Софья Букасовы**

Янишевская – на фортепьяно. В 1929 г. он уезжает в Попово, где озвучивает немые фильмы в кинотеатре, принадлежащем Терещенко. В 1930 г. Ненадолго возвращается в Варну, а затем уезжает в Стара Загору, где в 1931–32 гг. играет в центральном городском ресторане, принадлежавшем Константину Арбову.

В 1931 г. он знакомится с молодой барышней Екатериной Полихроновой Жековой, варненкой греческого происхождения, и в 1932 г. женится на ней.

Молодая и красивая супруга не работает, несмотря на то, что окончила в Варне школу «Майка».

Дома она занимается изящной болгарской вышивкой, вязанием крючком, и плетением кружев (палас). Молодой семье помогает тетька Екатерины, у которой они проживают. В 1933 г. у них рождается дочь, которой дают имя Софья. Маленькая Софья (Соня) растет в спокойной, матриархальной, задушевной обстановке, окруженная любовью и заботой матери и ее пяти незамужних сестер, одного брата, бабушки и дедушки. А со стороны отца, она окружена вниманием его высокоинтеллигентных друзей – семьей проф. Долинского, Виктора Черкасского, инж. Рождественского, Коцаря и др. У Николая и его друзей никогда не угасала любовь к Родине, языку и русским традициям. Он не старается в совершенстве освоить болгарский или греческий языки, дома говорит в основном по-русски и вскоре вся семья жены вместе с бабушкой Лемонией начинают общаться на русском языке. Всех сестер папа и мама водили на все русские праздники, которые они посещали.

Незабываемыми в моем сознании останутся воспоминания отроческих лет. Мама и папа очень любили принимать гостей. В нашем маленьком, скромном доме проводились музыкально-литературные вечера. Звучали русские романсы, стихи Пушкина, Лермонтова, мелодекламации стихов Ивана Тургенева «Как хороши, как свежи были розы» в музыкальном сопровождении Николая Букасова. Читались отрывки из Достоевского, рассказы Чехова, Гоголя, стихи Тютчева, велись споры. Танцевали казач-

Частная русская школа в Варне

ка, краковяк и т. д. и т. д. Каждый из присутствующих должен был что-нибудь сыграть. Папа, любил писать музыку и импровизировать. Когда мне исполнилось 18 лет, он посвятил мне пьесу – композицию «Мазурки». Когда мы нанимали очередную квартиру, папа всегда хотел, чтобы одна из комнат была большой и в ней можно было создать несколько уютных уголков.

В тяжелые военные года продуктов было мало. Все выдавалось по карточкам, и мама умудрялась стряпать что-то оригинальное и вкусное. Не забуду, как она приготовила торт из фасоли. Это было так замечательно и вкусно, что их друзья не могли поверить в это.

1936 год. Софье исполняется 3 годика, и она поступает в Первое частное русское училище, которое находилось на улице Ниш (теперь это улица Сливница), рядом с бывшей библиотекой (ныне баптистская церковь).

В школе было два отделения: детский сад и начальная школа. Воспитателем в детском саду и учителем французского языка

была Валентина Ивановна Почечуева. очень ласковая молодая дама, относящаяся с большой любовью к детям. Там преподавали балет, рисование, чистописание, пение, французский язык и рукоделие. В шесть лет дети поступали в первый класс. Директором школы был Михаил Йович Деревенко. Занятия в школе шли с 9 до 17 часов. В обед был часовой перерыв, потом начинались занятия балетом и пения. Пансион был полным, завтрак, обед, полдник.

Занятия в садике велись аккуратно. Каждый сидел на стульчике у определенного столика. В классе были дети разного возраста от 3 до 6 лет и от 10–12 детей. Столики были расставлены по возрасту.

Утром у дверей школы нас встречал Михаил Йович, с огромной бутылкой рыбьего жира и тетя Станка с подносом на котором лежали маленькие ломтики хлеба с солью. Потом мы гурьбой отправлялись в раздевалку, снимали ботинки, надевали удобные туфли, мыли руки и садились завтракать, перед едой дежурный читал молитву. Несмотря на то что было военное время, тетя Тина и Станка на кухне творили чудеса. Мы, ребята, всегда после обеда благодарили Бога, тетю Тину и Станку.

Занятия в садике были самыми разнообразными. Рисовали, вырезали шаблоны, вначале прямыми линиями, а потом более круглыми, вырезали ножницами разные фигурки. Из цветной бумаги делали разные коврики, подбирали для них цвета, там где не получалось Валентина Ивановна помогала нам. В садике каждый день проводили физзарядку и упражнения с дыханием, делали это при открытых окнах в любое время года. Занимались с мячом, передавали его из рук в руки, кидали мячик по земле. Заучивали русские и французские песенки и стихи. Нам читали сказки, а мы на следующий день их пересказывали. И, если сказка позволяла, мадам Амон подбирала костюмы, и мы играли небольшие пьесы. Всем очень нравилось исполнять артистические роли.

Во дворе школы был небольшой огород, и мы, время от времени рассматривая его, знакомились с растущими на нем ово-

цами. По окончании детского сада я поступила в первый класс начальной русской школы. Тут обучение велось тоже в слитных классах. В одном помещении проходило два урока, например, у одних чтение, у других математика. В школе, было три комнаты, одна побольше, для детского сада, и две для 1–4 классов. Кроме этих комнат было еще два зала и в отдельном здании столовая, маленькая кухня, раздевалка и туалет. В большом зале обычно проводили – торжественные обеды, репетицию хора, занятия балетом, различные выступления классов, концерты и др. ... В маленьком зале обычно на Рождество стояла елка, а на Пасху выставляли куличи. На праздники большую дверь широко открывали, как бы объединяя два зала, получалось одно большое помещение, где мы танцевали под музыку мадам Амон. Поступив в первый класс, мы знали буквы и цифры. Уже старались справляться со слогами и начинали понемногу читать. Букварь у нас был русский, с ним мы занимались до четвертого класса. В этом учебнике, кроме букваря, была история России, естествознание, география, рассказы для чтения, стихи, сказки. Другой учебник был для чистописания.

Раз или два раза в неделю к нам приходил русский священник Отец Кирилл. Проводил в школе около 4–5 часов, занимаясь с детьми, в группах разного возраста. Рассказывал евангельские притчи на доступном для детей языке. Обращал наше внимание, как правильно нужно вести себя дома, в школе, в церкви и общественных местах. Объяснял, что такое молитва – это есть общение с Богом. Как обращаться к пожилым, и старшим. Не дразнить своих друзей, не насмехаться над ними, когда у них что – то не ладится. Когда друг в беде нужно ему помочь. Учил правильно креститься и читать молитвы. Когда батюшка приходил в школу, он всегда садился обедать с нами.

Когда ребенку исполнялось пять лет, мадам Амон проверяла у него чувство ритма и музыкальные способности. Если у ребенка были музыкальные данные, она с согласия родителей и желания ребенка, начинала заниматься с ним игрой на пианино.

Играть на пианино не легкое дело. Оно приучает ребенка к усидчивости, и упорству, отрабатывать каждый тон. Отрабатывать движение каждого пальца, и синхронность всех пальцев, обеих рук. Может, ты не станешь большим пианистом, но у тебя с малых лет выработается чувство к прекрасному. Ты начинаешь прислушиваться к шорохам природы, начинаешь везде слышать музыку. Когда осенью ты идешь по парку, и под ногами шуршат сухие листья, это воспринимается тобой как музыка осени.

В варненской русской школе мы получали разностороннее воспитание и образование. Нас так же учили быть упорными, не бояться трудностей, быть вежливыми и уважать взрослых. Как это проходило? В городе при русском храме был русский инвалидный дом. Учителя находили разные поводы, чтобы ученики посещали русских инвалидов. При посещениях мы исполняли театральную или музыкальную программу. Репертуаром этих программ занималась мадам Амон. Были стихи, песни, пляски, исполнение на пианино. А какой уют царил в инвалидном доме! Все было чисто и бело. Все дамы празднично одеты, с красивыми прическами, мужчины в костюмах с галстуками. Испытываешь чувство, что находишься в какой-то другой эпохе. Нам было приятно общаться с ними, иногда они рассказывали нам сказки. С одной стороны, мы устраивали им праздник, а с другой, этот праздник оказывался общим для всех. Это были люди дореволюционной России сохранившие свой язык, нравы и обычаи. У них всегда было вежливое отношение между собой и по отношению к нам детям. Они интересовались нашими достижениями, когда в школе было какое-то соревнование, мы рассказывали им о своих успехах. Так между нами завязалась очень душевная связь. Жизнь в школе была дружной и сердечной. На переменах мы играли во дворе. Некоторые из преподавателей-мужчин играли с ребятами в футбол, девочки скакали на скакалке. Другие сидели, разговаривали или пели. Во время перемен учителя и ученики были равны. Многие из детей пережили расставание с семьей, поэтому нуждались в теплоте и внимании.

Никогда не забуду нашу учительницу по танцам Веру Амон. Она учила нас танцам, показывала различные па, аккомпанировала на фортепьяно. Талантливая, прекрасная женщина! Она научила нас грациозной походке и сценическому поведению. Учила танцевать русского «казачка», краковяк и мазурку. Мадам Амон сама профессионально, буквально из ничего, шила костюмы и кокошники. Некоторые мамы ей помогали. Позднее, когда у меня родились две дочери, я записала их в ее балетную школу. Ни один праздник не проходил без музыкальной программы. Ставились и пьесы. Школьное руководство договорилось с женской гимназией и на большие торжества, нам предоставляли их актальный зал. Наша школа часто получала помощь от Международного Красного креста и спонсоров. Преподавателем музыки у нас был Геннадий Дермидонтович. Болгарский язык вела г-жа Харизанова, русский и математику – Михаил Иович Деревенко; он же был директором школы. Рисование – Николай Семенович и Анна Михайловна Дяковская.

С умилением вспоминаю школьные годы, проведенные среди этих отзывчивых и милых людей, их теплоту и внимание. Они, никогда не рассказывали нам об ужасе, который пережили, покидая свою родину. В них не было злобы, они всегда с любовью вспоминали о своей отчизне. Никогда не навязывали нам своих убеждений, не были деспотами, давали нам полную свободу и воспитывали личным примером. Они хотели, чтобы мы росли честными, высокоморальными людьми, твердо отстаивающими свои убеждения, людьми с большой буквы, уважающими страну, давшую нашим родителям хлеб и кров над головой.

Спасибо Вам, дорогие учителя, что Вы смогли сохранить русское в умах и душах детей, привить нам любовь к великой русской культуре, истории и литературе. Мы постоянно вспоминаем Вас в наших молитвах.

Жизнь Николая Букасова была нелегкой. Он делал все, чтобы обеспечить своей семье нормальное существование. Мастерил деревянные коробочки для аптек, всегда одевал рукавицы, что-

бы, работая с острыми инструментами, не поранить руки, так как вечерами ему надо было играть на пианино. Когда не было денег заплатить за аренду пианино, он, чтобы быть в форме, упражнялся на деревянной клавиатуре фортепьяно, которую сделал сам. Даже позднее, соблюдая тишину в обеденное время и вечером, после 22 часов он репетировал таким образом почти до конца своей жизни.

Очень тяжелыми для семьи оказались 1942–1943 гг., когда Николай Букасов отказался вступить в военный корпус для участия в боях против Советского Союза. Болгарское правительство в лице царя Бориса отказалось отправлять болгарские войска на фронт. В то время Болгария была союзником Германии. Для поддержки немцев из Сербии от штаба Врангеля прибывает генерал и старается убедить русских беженцев идти воевать против большевиков. Некоторые из беженцев соглашались, но отец отказывается и заявляет: «Не могу поднять оружие против своих соотечественников». За это его ссылают в исправительно-трудовой лагерь в село Раковец близ с. Шерба на каменоломные работы.

Мама в тот период заболевает, и ее отправляют лечиться в санаторий. В 9 лет я заболела скарлатиной и целый месяц пролежала в больнице. Когда меня выписали никто из семьи не смог приехать за мной, бабушка, оставшаяся недавно вдовой, была очень стара. Тогда на помощь пришли друзья отца – семья профессора Наума Владимировича Долинского. Он вместе с супругой Верой Александровной забирает меня из больницы к себе домой. Я тогда училась в четвертом классе. Наум Владимирович иногда шутил надо мной – он подробно расспрашивал меня о событиях прошедшего школьного дня и уверял, что мы изучаем очень серьезные предметы. Большое впечатление на меня производил его кабинет: в огромной комнате стояло большое бюро, столик с креслами и стеллаж с книгами, а за ними еще одна комната со стеллажами и просто море книг...

Очень часто я любила рыться на стеллажах – там были и детские книги с моими любимыми сказками. У них был маленький

письменный столик, на нем я готовила свои школьные уроки и большое кресло. Иногда я засыпала в этом удобном и мягком кресле с книжкой на коленях. Так я прожила около двух месяцев в семье профессора Долинского, пока не вернулась мама. Спасибо Вам, за все милые люди!

После маминного возвращения мы почти каждую неделю по воскресеньям заходили к ним. Профессор очень любил заниматься со мной, часто спрашивал, что мы проходим по истории. И говорил:

«Когда читаешь о каких то событиях, всегда старайся анализировать их причину. Историю не надо зубрить, а надо постараться найти связь событий. Так мне стало легче готовить уроки истории». Он не хотел, чтобы я ему пересказывала урок, а задавал вопрос, например: рабочие восстали, что дальше следует? Ты должна думать, какие были требования у рабочих и тому подобное». Такие были наши разговоры с Наумом Владимировичем. Вера Александровна была очень тихой и нежной дамой. Она заботливо спрашивала, не болит ли у меня горло, как выспалась, следила за тем, как я ем и старалась, чтобы я питалась хорошо. В обед и ужин все вместе садились за стол. С Верой Александровной мы часто сидели в детской, и я рассказывала ей и трем большим куклам, сказки. Иногда она начинала читать сказку, а я продолжала, иногда было на оборот. С задней стороны дома находился сад. Там Вера Александровна занималась цветами, а окапывать землю ей помогала Митка. Эта девушка, жила у них и помогала им по хозяйству. Иногда мы с Верой Александровной выгуливали в парке их маленькую шуструю собачку. Не знаю, что случилось, но она скоро умерла. Смерть собаки Вера Александровна перенесла тяжело, так как очень ее любила. Так проходила моя жизнь в этой замечательной семье.

В конце 1943 г. мой отец вернулся из лагеря ослабевший и измученный. Мама начинает лечить его травмами, а ее двоюродная сестра, у которой было свое хозяйство в Добрудже, присылает нам муку, свиной жир и другие продукты, которые во время вой-

ны было трудно найти в городе. Папа медленно идет на поправку и уже начинает работать, что очень важно для семьи.

У Николая Букасова было много друзей не только в кругу соотечественников, но и среди болгар. Они уважали его как хорошего собеседника и прекрасного музыканта. Я никогда не забуду о дружбе моего отца с доктором Милевым, одним из известнейших варненских хирургов в 30–40 годах. Доктор Милев, когда намечались сложные операции, всегда приглашал отца поиграть на рояле. Его клиника находилась в массивном, трехэтажном здании на Шишковой градинке (в сквере Шишкова – когда-то там был рынок животных). В полуподвальном помещении больницы размещались кабинеты, лаборатории и подсобные помещения, на первом этаже были больничные палаты, операционная и реанимация, а на третьем – проживала семья доктора Милева. Там в гостиной на рояле и играл мой отец.

После операции доктор Милев поднимался наверх и говорил отцу:

«Спасибо Николай, сегодня мы хорошо поработали».

Семья доктора часто приглашала нас в гости. У них было двое детей, дочь Надежда старше меня на 2 или на 3 года и сын Николай мой ровесник. Надежда закончила факультет русской филологии и была поэтессой, а Николай – стал медиком. Жаль, они рано скончались. С Надеждой и Колей мы дружили. Даже одно время были с Надеей коллегами. Другим приятелем моего отца был Варненский и Великопреславский Митрополит Иосиф. Когда Его Высокопреосвященство был свободен, он приглашал папу на чашку чая. Долгие часы они беседовали о роли религии в формировании мировоззрения русских писателей и композиторов – Достоевского, Лермонтова, Гоголя, Пушкина, Чайковского, графа Толстого, Римского-Корсакова, Бортнянского и других. Владыка Иосиф любил разговоры с ним, ему очень нравилось папино исполнение религиозной музыки. Эти встречи иногда переходили в разгоряченные споры и невоздержанные реплики, поэтому, когда папа возвращался домой, он

на коленях молился и просил прощения у Господа за то, что не смог сдержаться.

Проходил день-другой, они опять встречались, просили друг у друга прощения и все начиналось по новой. Мама пекла очень вкусные пирожки и кексы, которыми папа всегда угощал своих друзей. Владьке Иосифу они очень нравились. Они были почти ровесниками, часто гуляли в парке и имели общие увлечения. Царство им небесное. Они были прекрасными людьми и являлись образцом настоящей дружбы.

Другой приятель, который заслуживает того, чтобы его вспомнить – доктор Кирилл Йорданов, долгое время работавший школьным врачом. Мой отец после выхода на пенсию увлекся йогой. Он был человеком пожилым, и нуждался в медицинском наблюдении. В тот период врачи не были знакомы с йогой и не могли давать какие-либо советы по ее использованию. Друг отца доктор Михаил Матвеев познакомил его со своим соседом и приятелем – доктором Кириллом Йордановым. Так началась их дружба. Йорданов был хорошим врачом. Он окончил Венский медицинский институт (был знатоком учения Кнайпа о водолечении). Очень часто д-р Йорданов присутствовал при упражнениях моего отца, измерял ему пульс, давление, прослушивал сердце. Никогда не забуду, как нам пришлось искать лист олова и мастера, чтобы сделать сидячую водяную ванну. Такой была их дружба, подкрепленная общими интересами.

Большой профессионализм д-р Йорданов проявил и при моем лечении. В то время я часто страдала мигренью. Обошла многих докторов, но без видимых результатов. Мой супруг был коллегой сына Кирилла Йорданова – Петра Йорданова, и его отец очень часто заходил к мужу в кабинет побеседовать с ним. При одной такой встрече речь зашла обо мне. Д-р Йорданов предложил посетить его кабинет. Когда мы пришли, он внимательно меня выслушал и сказал: «Девушка, ничего страшного нет, это все мелочи». А у меня голова раскалывается. Все быстро пройдет само собой, только надо точно выполнять, то что я пропишу. Мне

были прописаны процедуры, которые надо было делать вечером и рано утром на берегу моря.

Я внимательно прочитала и с удивлением посмотрела на мужа. Возвращаясь домой, я гадала, как смогу все это исполнить. Сначала занялась вечерней процедурой. Несколько вечеров хорошо справлялась с поставленной задачей, но с утренней процедурой не спешила. Через несколько дней после посещения кабинета, в 5 утра кто-то позвонил нам в дверь. Мы очень удивились, увидев в дверях доктора Йорданова. Деваться было некуда, мы оделись и последовали за ним выполнять прописанную процедуру.

Действительно, после этого я почувствовала себя гораздо бодрее. На следующий день на море я уже пошла одна. Таким образом, благодаря этим процедурам, мало-помалу боль ушла. Спасибо Вам, доктор Йорданов, и простите меня за мое первоначальное недоверие. Дружба наша крепла. Мы стали часто встречаться и разговаривать о здоровом образе жизни. Он сыграл большую роль в приобщении нашей семьи к здоровому образу жизни и правильному питанию. Мы начали употреблять меньше острой пищи, есть больше фруктов. Купили участок земли, где посадили различные фруктовые деревья.

Другой друг отца – д-р Михаил Матвеев 1901 г. рождения. В двадцатилетнем возрасте он с братом приезжает в Варну, где поступает в Шуменскую русскую гимназию, которую оканчивает с серебряной медалью, и поступает в Софийский медицинский университет. По окончании его начинает работать терапевтом, потом работает офтальмологом. После назначения в Варну он знакомится с моим отцом. Они ровесники, у них одинаковые судьбы, на этой почве у них завязалась дружба. Матвеев женат на Йорданке Хвърковой, прекрасной художнице-портретистке. В семье двое детей: Митя – инженер и Анна-врач, моя ровесница и подруга. Дядя Миша любит слушать, как играет папа. Он тоже играл, но больше любил слушать папу. Он говорил ему: «Коля, твоя игра глубоко затрагивает душу». Д-р Матвеев был большим специалистом в диагностике. Еще одним близким другом отца и нашей семьи был Владимир Васильевич Рождественский и его жена Марья Михайловна, очень милые и тихие

люди. Их семья и наша были очень близки. Связывала их Курская губерния, родной Белгород. Они были духовно близки друг к другу, взаимно помогали в трудные для беженцев времена. Во время больших христианских праздников мы собирались вместе. Каждая хозяйка показывала свое умение. В первый день Рождества или Пасхи мы собирались у Рождественских. Ах! какие столы устраивала Марья Михайловна, какие пироги пекла, какой аромат несся из кухни. На второй – у Александра Алексеевича и Марьи Ивановной – там показывали, свое искусство, на третий – у нас. Тут мама пекла пироги с разными начинками, готовила кулички, пасху и зайчатину. А какие музыкальные вечера мы подготавливали! Папа был артистичен, ему очень удавались импровизации. Для каждого посещения гостей и я подготавливала свой репертуар. Как они пели под аккомпанемент отца! Я немного импровизировала им на бубне. Мы читали Пушкина, Достоевского, Лермонтова, Есенина. В беседах делились впечатлениями о прочитанном: «А вот видите, как он тут выразил свои чувства? А видишь, как он описал природу?» И т. д. Не было тогда радио, телевизоров, магнитофонов и компьютеров, но нам было интересно в общении с друзьями. У нас часто бывал батюшка Кирилл, который жил рядом с нами и любил послушать папино исполнение на пианино.

Он был высокообразованным человеком. Закончил в Петрограде историко-философский факультет. Хорошо говорил на немецком и французском языках. Знал латынь и старогреческий язык. В минуты отдыха мы играли в шахматы и пашки.

Русские беженцы в Варне жили дружно. Уважали друг друга. Их объединяла одна общая судьба. Они часто собирались в русском клубе, где читали, отмечали годовщины писателей, композиторов, пели, играли и танцевали, отмечали русские праздники. Иногда танцы продолжались до утра. Они старались по возможности помочь и поддержать друг друга. Их объединяла русская церковь, язык, русская культура и любовь к своей Родине.

Это было очень воспитанное и культурное общество.

Спасибо Вам, добрые люди!!

Юрий Ростиславович Бурцов

Русский клуб «Сокол» в Софии

29 марта 1920 г. на территорию Болгарского Царства прибыла в эмиграцию часть семьи старинного русского рода Бурцовых. Сам последний глава рода Леонид Петрович Бурцов, присяжный поверенный, эмигрировал отдельно в Югославию, где создал новую семью.

В Варну же прибыла последняя родоначальница, жена Леонида Петровича – Алла Александровна Бурцова с четырьмя своими детьми: Ниной Леонидовной, Дмитрием Леонидовичем, Ростиславом Леонидовичем и Ольгой Леонидовной.

Мой отец Ростислав Леонидович Бурцов родился 16 апреля 1904 г. в городе Николаеве Херсонской губернии, в 1920 г. эмигрировал вместе с родными в Болгарию. Через сорок лет вернулся на Родину вместе с сыном. Умер 15 июля 1974 г. в Алма-Ате.

Дата 29 марта 1920 г. зарегистрирована в Варненском морском порту Карантинной службой.

Так началась жизнь в эмиграции последних отпрысков рода Бурцовых, которая продлилась сорок лет. Все вначале жили в Варне, потом перебрались в Софию, а Нина Леонидовна с мужем Алексеем Алексеевичем Городецким обосновалась в Бельгии, в Брюсселе.

Сама Алла Александровна Бурцова повторно вышла замуж за Михаила Сергеевича Бредихина, потомка знаменитого астронома Бредихина.

Следует добавить, что род Бурцовых до революции проживал в городе Николаеве Херсонской губернии. Эмиграция происхо-

Леонид Петрович Бурцов

дила в спешке через Одессу на корабле. С собой успели взять только самое необходимое и кое-что ценное в мешочке в чемодане, на «чёрный день». Чемодан этот украли ещё в России, так что в финансовом плане этот «чёрный день» наступил вместе с приездом. Семья, которая в Николаеве жила в достатке, вдруг оказалась неимущей.

В сентябре 1936 г. мои родители отдали меня учиться в 1 отделение (1 класс) частного русско-французского лицея Варвары Павловны Кузьминой. Лицей был платный, поэтому там учились только дети состоятельных родителей. Правда, для нескольких русских из известных фамилий была сделана скидка до 50 % от стоимости, в том числе и для меня, но даже такая усечённая плата ложилась тяжёлым бременем на семейный бюджет. Моя мать Елена Александровна Бурцова была в очень хороших отношениях с Кузьминой.

Лицей располагался в трёхэтажном здании Г-образной формы на углу улиц Ивана Вазова и 6 сентября. В лицее я проучился 7 лет с 1936 г. по 1943 год.

К тому времени в лицее учились поровну и русские, и болгары. В моём классе учились русские: Лев Майдачевский (будущий певец-бас), Александра Алпеева, Николай Пашов, Надежда Князева, Из болгар помню Богомила Пантева, сына начальника городской полиции, и Димитрия Драганова, сына адвоката.

В лицее была школьная форма с галстуками: в начальной школе галстуки были розовые, в прогимназии – зелёные, а в старших классах – синие. В начальных классах и в прогимназии носили полотняные курточки, а в старших классах – костюмы. В качестве головных уборов были округлые фуражки без тульи с орлом.

Образование давалось классическое, гуманитарное. Упор на литературу, музыку, классические танцы, искусство. Математика,

физика и физкультура изучались не так тщательно, как в остальных средних гимназиях.

С тех пор прошло почти 70 лет, уже почти не помню своих учителей.

Моей учительницей в начальных классах была очень строгая, но справедливая Мария Виссарионовна Малахова. Из других учителей помню отца Георгия Голубцова, который вёл Закон Божий и был духовным наставником лица, учительницу арифметики Жозефину Чакрырову, директора лица А. Рожкова, Марию Пенчеву, А. Кузнецова, Н. Астарджиеву. Трудно забыть учителя пения в начальных классах Сырбова, Он приходил в класс с аккордеоном и с очень длинной указкой, которой ловко доставал непослушных.

Лицей давал хорошее знание иностранных языков. Выпускники старших классов свободно говорили на трёх языках: русском, болгарском и французском. Четвёртый язык был факультативный – немецкий или итальянский. Английский, язык врага, был запрещён категорически.

Хозяйка лица В.П. Кузьмина была русской, поэтому русская литература, русское искусство, русская музыка, русская культура были приоритетными. Это сыграло большую роль для русских детей, что они остались русскими по духу.

ВАРНЕНСКИ
Карантиненъ Лазаретъ

Лична карта.

№ 146
29 Мартъ 1920 год.
гр. Варна.

Име и прѣзвие на пътника *Ула Вуржева*

Възраст *40 години*

Народностъ *русска*

Юданство *руски*

Тристигналъ въ Варна на *18 Мартъ 1920 г.*

ПРИБИВЪ СЪ село или градъ

Санитарна околина

Окръгъ

Маршрутъ и адресъ

Децифкиранъ на *29 III 1920*

Юдлежи на *27* дневно медицинско наблюдение
въ мѣстопризнаването си до

Създъ като се свърши периода на наблюдението и слѣдъ завѣряването и
цѣло свидѣтелство отъ страна на мѣстните санитарни власти, пригизателя въ замѣна
тучи отъ полицейскитѣ власти на мѣстопризнето му паспорта си.

Варненски Карантиненъ Лазаретъ: *[Signature]*

Русская гимназия в Варне. Во втором ряду крестиком отмечен Ростислав Бурцов. 1921 г.

Русская гимназия в Варне. В заднем ряду крестиком отмечен Ростислав Бурцов. 1921 г.

О духовной жизни заботился отец Георгий Голубцов. Прилице на втором этаже одну из классных комнат переоборудовали под православную часовню. Иконостас был богато расписан и имел превосходные иконы. Царские врата были позолочены. Были амвон и аналой. В часовне было два стоячих подсвечника. В алтаре стоял отделанный золотой парчой престол, на который возлагался антиминос. Это давало право священнику служить литургию и совершать таинство евхаристии. Потир для причастия тоже был настоящий. У священника была своя парчовая риза для службы, а для дьякона и служек пошили парчовые ризы. Дьяконом служил один из родителей, баса у него не было, но нараспев он читал молитвы.

По окончании 7 классов я эвакуировался из Софии в город Тетевен, а лицей разбомбили англо-американцы. Так лицей прекратил своё существование.

В 1938 г. наша семья из трёх человек переехала на улицу Царя Шишмана, 19, в русский клуб «Сокол». Мой отец Ростислав Леонидович Бурцов работал мастером на частной текстильной фабрике «Мейнард» и по совместительству согласился стать управляющим клубом «Русский сокол». Жалованья за это он не получал, но нашей семье разрешили бесплатно жить при клубе, занимая заднюю маленькую комнатку и небольшую кухню во флигеле.

Официально «Русский клуб “Сокол”» числился гимнастическим, в главном зале клуба, даже, стояли параллельные брусья, но всё это было для отвода глаз. Политические организации русской эмиграции не разрешалось иметь, но под вывеской гимнастического клуба, русские могли собираться по субботам для общения между собой. Клуб размещался на улице Царя Шишмана, 19, в 500 метрах от главной площади Народного собрания и памятника Царю-Освободителю. Здание было одноэтажное, в нём было 5 комнат и маленькая кухонька. За зданием был приличный двор, где дети членов клуба могли поиграть, где можно было разучивать ритмические показательные упражнения.

Здание имело парадный вход с крыльцом спереди и чёрный вход со двора. За парадным входом была прихожая, откуда дверь вела в главный зал клуба. Из главного зала можно было зайти в музыкальную комнату, в буфет, в знаменную комнату и в квартиру управляющего. Икон в помещении клуба не было и церковных обрядов не проводилось. В знаменной комнате в углу была стойка для двух флагов: русский триколор и флаг «соколов». За флагами в углу стояли две винтовки Мосина и два пневматических карабина. В музыкальной комнате стояли: большой ламповый радиоприемник и рояль. У радиоприёмников в те годы ещё не были опечатаны короткие волны, поэтому после нападения Германии на СССР мы слушали «Радио Лондон», чтобы получить более достоверную информацию о положении на Восточном фронте: Болгария же была союзницей Германии.

В главном зале, кроме параллельных брусьев, были журнальные столики с журналом «Нива», стенды и стулья. В буфетной комнате, кроме прилавка стояли столики и стулья. Буфет держали мои родители Ростислав Леонидович и Елена Александровна. В меню были сосиски с пюре, шоколадки, конфеты, булочки (гевреци) и пр. Из напитков были крjюшон и глинтвейн, а сливовицы и пива не было.

Обращение друг к другу у «соколов» было, как в религиозных сектах: «брат Марченко», «брат Холод» или «сестра Заутова», «сестра Левицкая».

Собрания проводились по субботам. Иногда слушали лекцию или проводилось собрание, иногда слушали пианистку. Если пианистка играла танцевальную музыку, то танцевали. На рояле часто играла супруга Петра Сажина. Чаще всего собирались просто так, поболтать, повстречаться, побыть хоть немного в русской среде. Клуб все называли лаконично «Соколья».

Те члены клуба, которые не страдали снобизмом, считали своим долгом заглянуть «на огонёк» в нашу комнату в задней части клуба к моей матери Елене Александровне. Здесь как бы образовался клуб в клубе. У нас люди себя чувствовали более раскованно, приходили просто посплетничать. Были в нашей

комнатке и завсегдагаи, которые заходили всегда: Николай Иванович Эланский, супруги Левицкие, супруги Сажины, Лонгин Фёдорович Ира, которого все называли «Корнет». Тут мы подходим к самому трудному вопросу – память. Мне сегодня 81 год, тогда было 8 лет, когда мы въехали в Сокольню и 12 лет, когда мы переехали на другую квартиру. Я был малолетним, к тому же память в преклонные годы у меня уже притупилась. Как говорят в России, «за неимением гербовой, пишем на простой». Может быть, хоть какие-то крупицы пригодятся тем, кто пытается восстановить историю русской эмиграции в Болгарии.

Среди более известных людей, которые бывали в «Сокольне», был Логин Фёдорович Ира. Никто не знал, откуда он взялся и куда неожиданно убыл. Звали его просто «Корнет». Его считали шпионом, а кто-то даже агентом нескольких стран; по непроверенным данным от моего кузена в Бельгии Михаила Алексеевича Городецкого (дьякона), Ира арестовали в Бельгии. Ходил в клуб и некто Плотницкий, которого судили как английского шпиона и казнили в Софии. Очень интересной фигурой был Вася-военнопленный. Все его так называли. По профессии он был мастером по радиоприёмникам, у него даже была маленькая мастерская на ул. Раковского. Как его настоящая фамилия, не знал никто. Он был бывшим беспризорником в Советском Союзе, во время войны попал в плен и как-то оказался в Софии. Этот Вася писал свои мемуары о жизни беспризорников в Советском Союзе. Мемуары изобиловали стилистическими ошибками, я уж не говорю об орфографических ошибках, в них было много жаргонных блатных словечек. Эти свои мемуары Вася читал желающим в нашей маленькой комнатке, в которой набивалось подчас много народа. Стулья приносили с собой из клуба и забывали отнести обратно. После прихода Советской армии в Софию Васю арестовали, и более его никто не видел.

Теперь, как нынешний политолог, не могу не коснуться вопросов политики. Злобных антисоветских настроений в клубе «Сокол» не было, но новогодние тосты всегда кончались одним

и тем же: « чтобы Новый год мы встретили у себя на Родине, но без большевиков». О политике говорили постольку поскольку. После нападения Германии на СССР мнения раздвоились: одни считали Германию врагом, который напал на нашу Родину, другие, наоборот, считали Германию освободительницей России от большевиков, лелеяли надежду, что теперь скоро смогут вернуться в Россию. Однако острых конфликтов не было и шумных противостояний также. Каждый оставался при своём мнении. Никаких портретов в «Сокольне» не было, никому персонально не поклонялись. Однажды был устроен сокольский лагерь для детей на реке Искыр, я был в этом лагере. В качестве гимна использовали не «Боже царя храни», а молитву «Коль славен наш Господь в Сионе!»! Исполнялись также гимн и марш соколов:

Сокольский гимн

*Боже сильный, Боже правый
Все славяне будут вновь;
В нем и сила и спасенье,
В нем и вера и любовь.
Ты всемилоостив и благ
Пусть над Русскою державой
Реет снова русский флаг....*

*В теле – сила, в сердце – пламя
В мыслях – Родина у нас;
И хранит родное знамя
Сокол даже в смертный час.*

*О, услышь, Боже правый,
Ты молитву Соколов.
Пусть в духовном единенье
Дай узреть России славу,
Русь избавить от врагов.*

(архив Т. Пчелинчевой)

Сокольский Марш

*Льва силой, взлетом сокола
Мы смело все вперед пойдем
Для нашей милой Родины
Всю жизнь мы в жертву принесем.*

*Далек наш путь и труден он
Но не страшна для нас борьба
Вперед во славу Родины,
Смелее, братья-сокола.*

*Мы в высь душою смело
Направим мощно свой полет
С горячей, твердой верою,
Что нас в борьбе победа ждет.*

*Пусть гордо знамя сокола
Взовьется над родной землей
И славы солнце яркое
Зажжется новою зарей.*

(архив Т. Пчелинцевой)

В лагере заводилой был очень примечательный молодой человек по имени Юрий, его фамилию не могу вспомнить, но он учился вместе со мной в лицее В.П. Кузьминой, лет на 5–7 старше. В первой строительной бригаде советской молодежи в Болгарии на перевале Хайн-Боаз, он был заместителем командира, а культурным работником была Ключева.

Один раз помню, «соколы» участвовали на стадионе в спортивном празднике болгарских «соколов», которые носили имя «Юнак». Наши «соколы» выполняли красивые ритмичные упражнения.

«Соколы» по идее должны были иметь форму: бриджи с сапогами, матерчатый пояс, который свисает справа, ментик (доломан)

Стоят (слева направо): Дмитрий Леонидович Бурцов, Михаил Сергеевич Бредихин, Пётр Сажин. Сидят: Клавдия Ивановна Третьякова, Алла Александровна Бредихина (Бурцова), бывшая супруга Леонида Петровича Бурцова, Ольга Леонидовна Третьякова (мать С.А.Третьякова)

расшитый шнурами на одно плечо (как у гусар), на голове круглая ермолка с соколиным пером в центре. В сборнике С.А Рожкова «Русское зарубежье в Болгарии» есть фотография парада русских «соколов» в Софии. Жаль, что не указан год снимка. Скорее всего, конец тридцатых годов и начало сороковых. К 1938 г. формы у «соколов» не было – слишком дорогое удовольствие, особенно ментик, правда, один экземпляр формы хранился в нафталине, чтобы можно было показать молодёжи. Глядя на фотографию парада «соколов», невольно вспоминается форма нынешних казаков – кто во что горазд. Не зря их называют «ряжеными».

Нельзя и умолчать о роли русского клуба «Сокол» в Софии. Он давал возможность русским хоть раз в неделю побыть в русской среде, попеть русские песни и романсы, прослушать доклады по искусству и культуре на родном языке. Клуб не давал детям «соколов» ассимилироваться (оболгариться) и забыть родную речь. В клубе был «русский дух», в нём «Русью пахло».

Прочитал в сборнике Рожкова, что в подвальном помещении на улице Царя Шишмана, 19, позднее располагался ещё какой-то русский клуб. При мне в подвале не было жилых помещений. Тут два объяснения: или этот клуб располагался в подвале нового дома, который построили взамен одноэтажного, или в старом здании оштукатурили и облагородили часть подвальных помещений.

Незадолго до своей смерти мой отец Ростислав Леонидович Бурцов, бывший заведующим клубом «Русский сокол», оставил свои мемуары. Они не представляют интереса для составителей истории зарубежья, но отдельные фрагменты я приведу:

«Вспоминаю спортивную организацию “Русский сокол”. Её центр был в Чехии, и вообще, родиной “сокольства” была эта страна. Проводились ежегодные слёты соколов в разных городах и государствах, но только славянских. Кроме Чехии, сокольство было сильно развито в Сербии. Старостой соколов в Сербии был некто Дрелинг. В Болгарии русские назывались “соколами”, а болгарская организация называлась “ЮНАК”.

Принципом гимнастических упражнений «соколов» была массовость. Все члены общества принимали участие в слётах по «сокольской» гимнастике. Эти упражнения в разных городах и странах разучивались группами, а после лишь объединялись в целое в стране и городе, где проходил международный слёт «соколов». Структура организации была обычная, т. е. выборное правление и инструкторы по гимнастике. Эта организация не была политической, её девиз был «в здоровом теле – здоровый дух!» Конечно, поскольку эта организация находилась за границей и была эмигрантской, то подчинялась господствующему тогда настроению. Помню, что РОВС (Российский общевойсковой союз) пытался подчинить себе “сокольство”, но ему это не удалось.

Вспоминаю годы перед войной (Вторая мировая война для нас началась 1 сентября 1939 года). Мы тогда жили в «сокольне». У нас тогда было болеелюдно, так как по субботам в «сокольне» проводились вечеринки, собрания, доклады, лекции и всякого рода собрания молодёжи. В нашу личную комнату многие заходили поговорить, посплетничать».

Бурцовы и Третьяковы. Слева направо: Клавдия Ивановна Третьякова, Леонид Николаевич Третьяков, Сергей Третьяков, Ольга Леонидовна Третьякова, Алексей Алексеевич Городецкий, Дмитрий Леонидович Бурцов, Алла Александровна Бредихина (Бурцова), Лидия Митрофановна Бурцова, Ростислав Леонидович Бурцов, Елена Александровна Бяурцова. 1943 г.

Конечно, мой отец как заведующий клубом мог бы рассказать значительно больше, но, увы, это всё, что он написал о «соколах».

Клуб русской интеллигенции в Пернике в 20–30-е годы XX века

Год 1921. В Болгарию прибывают десятки тысяч русских эмигрантов – в основном офицеры и солдаты Белой армии, но вместе с ними – сотни представителей русского дворянства, представители русской творческой интеллигенции.

Хумни дол. Вряд ли кто-то из перничан помоложе может нынче представить, что именно здесь, в этом захолустном городском квартале, который сегодня может быть чем угодно, но только не местом для жизни, в середине двадцатых – начале тридцатых годов прошлого века зарождалась художественно-творческая интеллигенция сегодняшнего Перника.

Шахтерский поселок Перник в 1921 го. становится центром русской белогвардейской эмиграции, среди которой были вчерашние аристократы, представители высшего офицерства, мастера пера и кисти, артисты и музыканты...

Проходит восемь лет, и в Софии 29 декабря 1929 г. создается Общество русских художников в Болгарии. На следующий год проводится и первая общая выставка. Архивные документы свидетельствуют, что с 1930 по 1945 год Общество организовало семь самостоятельных выставок. В заметке, опубликованной в газете «Перникские новости» («Пернишки новини») в 1932 г., говорится, что выставка русских художников была представлена и в Пернике. Одним из участников выставки был Александр

Тимофеев, по образованию медик. Тимофеев работал врачом-реабилитатором. В 1921 году он создает кружок интеллектуалов из среды соотечественников, проживавших, в основном, в городском квартале Хумни дол и в старых домах известного в то время района Кукригите. Удалось выяснить, что А. Тимофеев родился в 1897 году в Курске, а окончил свой земной путь в Софии в 1970 году. Он был одним из активных членов Общества русских художников в Болгарии. Часть его ранних произведений связана с Перником. В период с 1933 по 1938 год он выставлялся в Художественной галерее в Софии.

Другой «перникский русский» (точнее, эстонский) художник – Владимир Юрьевич Эгер. Художественная галерея в Пернике владеет несколькими его работами. Владимир Эгер родился в 1896 году. Окончил Академию художеств в Петербурге. В 1921 г. эмигрировал в Болгарию. В 1945 г. был заточен в концентрационный лагерь в районе Перника. После освобождения остался жить в Пернике.

Когда мы говорим о присутствии русских эмигрантов в художественно-творческой жизни Перника, нельзя обойти вниманием еще одного художника русского происхождения – Владимира Короткова. Он родился уже в Пернике, в 1926 году. В 1952 г. окончил Художественную академию в Софии, был членом Союза болгарских художников (СБХ). Скончался в 1983 г. в Софии.

* * *

В 1932 г. руководство управления шахт, с благоволения градоначальника Перника предоставило помещение в бывших казармах в квартале Хумни дол, на скорую руку переделанных под «многоквартирки», «Клубу русской фактории (колонии) эмигрантов». Помещение находилось на первом этаже дома № 12.

С этого времени в Клубе начались ежедневные собрания, и вскоре он стал центром творческой интеллигенции русского

землячества, где, по воспоминаниям Ивана Серафимова, проводились беседы, была создана библиотека из книг, привезенных из России, на русском, французском и немецком языках. Со временем клуб начал притягивать к себе любопытство и внимание и местных горожан. Можно сказать, что в то время Клуб играл исключительно благоприятную роль в духовном развитии жителей города. В начале 1930-х годов для них это помещение стало не только Клубом белой эмиграцией, но и городским Клубом интеллигенции.

Именно там 10 января 1932 г. (в дни русской Коляды) была открыта первая художественная выставка в Пернике. Вот что писалось по этому поводу на страницах выходившей тогда газеты «Пернишки новини»: «То, что было представлено, является плодом продолжительных наблюдений и кропотливой работы, и дало удовлетворение этим изгнанным чадам широкой и необъятной России, выкормившей больших художников, которые оставили для истории ценные живописные полотна...»

В выставке участвовали восемь художников, они представили 56 живописных полотен. Инициатором выставки стал самый старший из русских художников Перника – Н. Чернышев. Сегодня с полным правом можем сказать, что этот человек вошел в историю Перника как первый куратор художественной выставки, а Русский клуб в квартале Хумни дол стал первым художественным выставочным залом в городе. Работами самого Чернышева были «репродукции картин знаменитого русского мариниста Айвазовского». Особенно удачной оказалась картина «Девятый вал». Первый перникский искусствовед (к сожалению, анонимный, его рецензия в газете «Пернишки новини» без подписи) отметил: «...Говорю, удачная настолько, насколько мы знакомы с этими картинами и репродукциями, которые обычно весьма мало имеют в себе от оригинала...»

Для жителей Перника особенно интересен было то, что художник Р. Топоров представил «несколько этюдов маслом с натуры. Темы его из окрестностей Перника». Рецензент отметил в газете,

художник – «один из лучших на выставке». Где сегодня эти картины, сохранились ли?

Обнаженную натуру, написанную акварелью, представил тогда художник А. Черныш. Он также участвовал с несколькими копиями, наиболее удачной из которых была «Лошадиные головы» с оригинала картины мадам Кляйн, а копия с картины «Шторм в море» произвела настоящий фурор и тут же была куплена. Из той же старой газетной заметки узнаем, что художник сам делал рамы для своих картин, «соответствовавшие эстетике».

Б. Коршун, известный жителям квартала еще и как Осмоловский, принял участие с иллюстрациями к популярным детским сказкам. В Пернике этот художник впервые представил и свою скульптуру – три небольшие работы (мелкую пластику) с мотивами «жизни и смерти».

А. Тимофеев участвовал с портретами – в основном женскими. Впервые в Пернике именно Тимофеев показал публике художественную фотографию, дополнительно отретушированную. Этот художник удивил почитателей живописи своей картиной «Усталый конь». На картине были изображены «внутренний вид конюшни и на переднем плане конь в очень тяжелом состоянии» писал рецензент. До середины 1960-х годов это полотно находилось в одной из квартир в Хумни дол, дом № 4; там проживали русские эмигранты. Помнится, владельца квартиры звали Маслов; после его кончины следы «Усталого коня» потерялись.

С. Пафчинский участвовал с карикатурами, вызвавшими смех: то были типажи людей, живущих в квартале. Он представил и полотна с обнаженной натурой, и копии с иллюстраций французских художников к литературным произведениям. Участие М. Тепликова прямо-таки потрясло хумнидолцев – он выставил «крохотное стилизованное изображение воздушного змея, сделанное на папиросной коробке».

В начале 30-х гг. в Пернике впервые в Болгарии было представлено монтажное построение. Из резных работ по дереву на выставке особенно удачным было произведение под названием

«Орел», созданное тем же М. Тепликовым по мотиву российского герба.

Единственная женщина на этой выставке – Анна Владимировна (творческий псевдоним Бабич) – показала публике свою «цветную вышивку по белому полотну» на темы российского быта. Наиболее интересными оказались «“Украинская девица”, военные мотивы и, в особенности, вышивка “Казачи”», на которой, по словам критика, «вода очень удачно была показана простейшим способом – нитками».

На открытии той памятной выставки присутствовали и гости из Софии. Принято было решение в конце года устроить новую выставку. Во время открытия звучали «популярные классические музыкальные произведения европейских композиторов, исполнявшиеся русскими эмигрантами». Объявлено было, что «книги, предоставленные в клуб, могут читаться всеми творчески мыслящими горожанами».

В Пернике «после пожара в России» («след пожара в Русия»)

Без воспоминаний современников, без архивных документов и статей в выходивших в те годы (1924–1940) перникских газетах, вряд ли кто-либо из нынешнего поколения горожан знал бы, что в Пернике в 1928 – 1929 гг. снимался художественный фильм. Наш город был выбран для фильма из-за белогвардейской колонии и, конечно же, из-за шахт. Русские эмигранты участвовали в съемках и проявили себя профессиональными актерами. Что касается съемок в шахте, мы с полным правом можем назвать их уникальными для своего времени. Никогда еще до этого в Европе не снимался фильм в условиях рудника – из-за трудностей, связанных с освещением. Но одному горному инженеру Перника пришла в голову нестандартная идея – «вести свет через зеркала». Так и сделали. Свет прожектора, поставленного

у входа в рудник, через простую систему зеркал был «доставлен» в ближайший забой, к операторской машинерии...

Вкратце сюжет фильма под заглавием «После пожара в России» («След пожара в Русия») таков: «После гражданской войны в России белогвардейский офицер Алексей Арсеньев эмигрирует в Болгарию, в Варну, вместе со своим ординарцем Степаном, и начинает работать лодочником. Наталья Нойкова – супруга горного инженера, работающего в Пернике, отдыхает на курорте в Варне. Она с компанией катается в лодке Алексея. Он влюбляется в Наталью, и, когда та уезжает, отправляется следом за ней. В Пернике Алексей и Степан работают шахтерами под надзором ненавистного надсмотрщика по прозвищу Горбица. Надсмотрщику нравится Росица – внучка машиниста деда Ивана. Он делает ей предложение, но девушка отвечает отказом. Горбица выходит пьяный из кабака вместе со своими доносчиками и грубо пристает к Росице. Ей на помощь приходит Алексей, который возвращается с работы домой. Завязывается драка. Появляется полиция и арестовывает Алексея. Росица идет к Нойковой и умоляет ее помочь Алексею. После вмешательства Натальи белогвардеец освобожден. Праздник шахты. Рабочие гуляют. Русские эмигранты танцуют. Нойкова и Арсеньев договариваются о свидании. Горбица выслеживает их и начинает шантажировать. Нойкова бьет его...» В фильме было все – погоня в руднике, стрельба, смерть и... счастливый конец. Мелодрама на киноэкране произвела фурор среди зрителей. Следует иметь в виду, что в съемках участвовали более 500 русских эмигрантов, проживающих в Пернике.

Съемки в Пернике продолжались шесть месяцев, а это значит, что целых полгода в городе люди имели работу, пили, ели и веселились. Сценарий фильма был написан по роману «Под землей» («Под земята») Панчо Михайлова. (Даже и в наши дни эта книга читается с огромным интересом, интригует своей документальностью, связанной с культурной жизнью Перника в первые десятилетия прошлого века.) Режиссер фильма – Борис Грежов.

Хореограф фильма – Н. Кирилов, а в главных ролях снимались Константин Кисимов, Михаил Славов, Иван Касабов, Владимир Карпов и ...баронесса Лоудон, приглашенная специально для участия в картине. Техническая характеристика фильма: немой, черно-белый, снят на 35-мм пленке.

Кто такая баронесса Лоудон? В 1920 г., после Октябрьского переворота в России, Любовь Тарновская, русская, вдова с двумя детьми, садится на яхту «Колхида» (императорское судно, на котором бежит из России часть высшего военноморского командования) и отплывает в Галиполи (Турция), в надежде добраться оттуда до Италии и найти приют у своей золовки Марии Тарновской. Яхта, однако, разбивается о затонувший греческий корабль, пассажиров спасают болгарские моряки. Так для Л. Тарновской начинается новая жизнь – в Болгарии. Со временем она выходит замуж за барона Лоудона, финна немецкого происхождения, который занимается бизнесом в Болгарии. Но женщину, родившуюся в Кронштадте, постигает новое несчастье: барон таинственно исчезает через 6 месяцев после свадьбы. Сын баронессы Николай Тарновский впоследствии вошел в балетную труппу Софийской оперы, добрался до Мекки кино и сделал постановку хореографии в «Вестсайдской истории». Дочь баронессы Татьяна стала первой болгарской киноактрисой; она играла в фильме «После пожара в России», была партнершей Константина Кисимова. Татьяна Тарновская – мать известной актрисы наших дней Натальи Бардской.

С грустью и умилением возвращаюсь мысленно назад в те времена. С грустью, потому что тогда, в 50-е годы прошлого века, я только-только переехал из деревни в Перник, и во мне еще живо было воспоминание о двух наших волах, которых мой дед отправил жить на болота Джогоницы, чтобы не отдавать их «в какой-то колхозный скотный двор». С умилением – потому что и сегодня живы во мне воспоминания о людях, живших в то время в городском квартале Хумни дол, о русских белоэмигрантах...

Останки русского памятника на старом перникском кладбище. Фото Н. Сивкова, 19.03.2007 г.

Помню грусть в их глазах, их гордую осанку, их замкнутость; помню Маслова Алешу... Никогда не забуду его слова: «Не будет жизни для меня – ни сейчас, ни на том свете, не будет смерти для меня, а стану я ничем, потому что не будет и горсти родной земли на моей могиле...»

Воспоминания

О том, как один из последних представителей рода Комаровых оказался после русской революции 1917 г. на Балканах и связал свою судьбу с русской эмиграцией там, хочу рассказать вкратце на этих страницах. В дореволюционной России было около 26 родов с фамилией Комаров. В декабре 1912 г. в Санкт-Петербурге состоялся Первый съезд рода Комаровых, о проведении которого свидетельствует и печатное издание 1913 г., автором которого был Г.В. Комаров.

Мой отец Евгений Евгеньевич Комаров родился 14/27 марта 1909 г. в г. Москве в семье действительного статского советника Евгения Наркизовича Комарова (из семьи военно-помещичьей аристократии). Существует ли связь между родом Саввы Дмитриевичем Комарова (р. 1789), сыном Дмитрия Н. Комарова, и родом моего прадеда Наркиза Дмитриевича Комарова (р. 1809) из дворян Екатеринославской губернии, остается неизвестным.

Генерал-майор, потом генерал-лейтенант и член Генерального штаба Русской Армии Наркиз Дмитриевич Комаров (из дворян Екатеринославской губернии) участвовал в Русско-турецкой войне в 1877–78 гг. на Кавказском фронте, где отличился при взятии крепостей Ардаган и Эрзерум под командованием графа Лориса-Меликова.

У Наркиза Дмитриевича Комарова (р. 15.08.1809) и жены Натальи Иоанновны было пять сыновей и одна дочь:

1. Дмитрий (1839–1918).
2. Наркиз (скончался 9 мая 1897).

Дмитрий
Н. Комаров

Евгений
Н. Комаров

Евгений Е.
Комаров

Борис Е.
Комаров

3. Николай.

4. Константин.

5. Наталья.

6. Евгений (мой дед, 1844–1916).

По рассказу моего отца, Николай Наркизович Комаров и Константин Наркизович Комаров погибли в Русско-японской войне при Цусиме в качестве офицеров морской артиллерии.

1. **Дмитрий Наркизович Комаров** – генерал-лейтенант от инфантерии, расстрелян в 1918 г. в собственном имении в с. Ненадовка (Украина).

2. **Наркиз Наркизович Комаров** (жена Александра Семеновна). Ему удалось убежать сначала в Абхазию, а потом в Персию. У моего отца были свежие воспоминания о приездах дяди Дмитрия в Севастополь на автомашине «Ролс-ройс». Он всегда привозил ящик рахат-лукума для детей. Он строго относился к себе и к своим подчиненным русским офицерам. О нем, об его строгости рассказывалось множество анекдотов. Он всегда требовал большой выправки у офицеров и чтобы всегда были подтянуты.

Дети:

– Екатерина,

– Лидия,

– Сергей.

3. Николай Наркизович Комаров:

– дочь Лидия.

4. Константин Наркизович Комаров – нет сведений;

5. Наталья Наркизовна Комарова (муж Андрей Есаулов);

Дети:

– Андрей А. Есаулов;

– Владимир А. Есаулов;

– Наталья А. Мачабели;

– Евгения А. Запальская;

– Мария А. Земцова.

6. Евгений Наркизович Комаров (мой дедушка) от первой жены Юстинии Людвиговны Головиной имел двух дочерей:

– Наталью (р. 20.08.1875) и

– Александру (р.28.01.1877).

После смерти первой жены он женился второй раз на Серафиме Андреевне Туркуль. У папы не было воспоминаний, были ли дети у его отца от второй жены и вообще об этом браке. Позже в Русском дворянском собрании в Москве он встретил французскую гражданку Эрнестину-Марию Баде – из Бургундии (Франция). Она приехала в Россию обучать детей русских аристократов французскому языку. Потом он женился на ней (она приняла православную веру) и они вернулись в Севастополь, где постоянно проживали. Эрнестина-Мария

Э.-М. Баде

Эрнестина с детьми

Евгения

Владимир Долгов

и Евгений Комаров бывали несколько раз в Бургундии (центральная Франция). От этого брака родились:

– Георгий (р. 1906 в Корматене, Франция). Его крестили в Русской православной церкви в Женеве;

– Евгений (мой отец – р. 1909 в Москве).

Мой дедушка Евгений Наркизович Комаров скончался в августе 1916 г. от пневмонии и похоронен в Севастополе. Еще перед смертью дедушка говорил Эрнестине: «Эрна, готовь чемоданы. Едем во Францию, так как здесь будет революция». И действительно, в начале 1917 года началась Февральская революция, а в октябре – Октябрьская. У папы были живые воспоминания, как приходили каждый вечер с обыском революционные моряки. Они жили на улице Артиллерийской, 22, в собственном доме. В соседнем доме жил морской офицер, которого расстреляли на Графской пристани. Его ребенка умертвили в детской кроватке. Жена другого морского офицера – механика, прибежала к ним и попросила Эрнестину как иностранку заступиться перед комиссаром, чтобы ее мужа не расстреляли. Комиссар находился на Сапун-горе. Они наняли пролетку и поехали к комиссару, где бабушка просила милости, чтобы не расстреляли этого механика, так – как он ни в чем не провинился. И, действительно, этого офицера отпустили.

Вдова Эрнестина-Мария получила «Безсрочную паспортную книжку», выданную 31 марта 1916 года. На ней есть отметки: «сыновья Георгий и Евгений» и «В. ревкомитет к выезду препятствий не встречает» от 27.07.1919 года.

Между временно Севастополь был под властью Временного правительства, в результате чего его посещали и суда из Румынии. Так получилось, что яхта румынского короля бросила якорь на Севастопольском рейде. Капитан яхты встретил на улице мою бабушку Эрнестину, которая произвела на него очень большое впечатление. Они познакомились, и через некоторое время он предложил ей брак. Она приняла это предложение как спасательный пояс и возможность вывести сыновей из пожара революции и выехала на этой яхте, забрав все вещи. Папа вспоминал, что они взяли с собой даже аквариум с золотыми рыбками и кошку Мурку и собаку Звездочку. Прибыли в г. Килию. Вскоре после прибытия в Румынию капитан бросил мою бабушку. Она осталась опять одна без средств и нанялась воспитательницей в женский пансион в городе Тулче. Там она преподавала французский язык. Папа с братом Георгием возили воду и продавали бочки с водой для орошения огородов. Таким способом они зарабатывали деньги на еду и помогали маме. Еще будучи в Севастополе и купаясь в море, Эрнестина порезала на подводной скале грудь. Частный хирург зашил ей рану, но в Румынии образовалась опухоль, начался абсцесс, который перешел в рак груди. Предчувствуя скорую смерть, она попросила своих знакомых – семью русского офицера Владимира Долгова, у которых не было детей, взять ее детей на попечение. Она попросила, чтобы Долгов дал ей слово офицера, что будет заботиться о детях и возьмет их под свое попечение. Он дал слово, и к утру она скончалась. Об этом мой папа написал на книжке «Зоологический атлас К. Сенть-Илера и Г. Лейтемана» (внутри от руки: «Женя Комаров получил эту книгу от Своей Мамы в день рождения»): рукописью «Мама умерла 28 октября 1919 г. в 4 часа утра 38 минут».

Эрнестину похоронили на русском офицерском кладбище в г. Тулче (Румыния) со всеми почестями. На похоронах присутствовали французские и русские офицеры. Все это Долгов описал в письме, которое он отправил брату Эрнестины Габриелю, просившему Долгова привести Евгения во Францию. На это Долгов

ответил, что Евгений очень нежная душа, пережил слишком много, что он дал слово Эрнестине и, наконец, Евгений русский по душе и ему будет трудно жить во Франции, что он в кадетском корпусе получит очень стабильную профессию и образование.

Долгов не участвовал в Гражданской войне. Он был в немецком плену после окружения на Мазурских озерах армии Самсонова, а после ему удалось убежать в Румынию вместе с женой Евгенией. У них не было детей. Она играла на пианино, была художницей и писала иконы, таким способом зарабатывала деньги. Дядя Володя преподавал математику в городской гимназии. Когда папа приезжал на каникулы летом в Чуприю к дяде Володе и тете Евгении, они его встречали как родного сына. При одном его приезде в Чуприю, их пригласили в гости к аптекарю, где в гостях был известный писатель Бранислав Нушич, перед которым папа играл на пианино.

Жорж (Георгий – брат моего отца) объявил Долгову, что хочет вернуться в Россию. Таким образом, оба брата расстались на неопределенное время (на 40 лет до 1962 г.). И действительно, с семьей военного врача он прибыл в Одессу, которая была захвачена белыми. Но вскоре после поражения войск Деникина Одесса была захвачена красными. Жорж остался один и поступил санитаром в больницу, где получал только пищу за свой труд. В это время на рейде в Одессе остановился французский грузовой пароход. Жорж решил добраться вплавь до парохода, где его подняли на борт французские моряки. Он говорил хорошо по-французски и объяснил им, что его мать французка, которая умерла, и попросил, чтобы его взяли с собой во Францию. Боясь обыска на корабле, они его прятали в угольном помещении, пока не вышли из русских территориальных вод. Таким способом Жорж прибыл в порт Марсель, а оттуда добрался до Бургундии, где жили сестра и два брата Эрнестины. Французские родственники ему ничем не помогли, и он приехал в Париж, где поступил на автомобильный завод «Рено».

Тем временем папин опекун Владимир Долгов был арестован с другими русскими офицерами румынскими властями: их

обвинили, что они якобы работали на отделение Молдавии от Румынии и присоединение ее к России. Тогда жена Долгова – Евгения приехала в Бухарест на прием к румынской королеве Марии, полное имя которой: Августейшая внучка Государя Императора Александра II Николаевича, принцесса Мария Александра Виктория Саксен-Кобург-Готская (1875–1938), старшая Августейшая дочь принца и кавалера Альфреда (1844–1900) Великобританского, герцога Эдинбургского, второго Августейшего сына королевы Великобритании, Ирландии и императрицы Индии Виктории I (1819–1901), герцога Саксен-Кобург-Готского.

Она говорила хорошо по-русски, и Евгения Долгова попросила ее заступиться за ее мужа, говоря, что он не виноват. Она ей обещала, и его действительно экспульсировали в Королевство сербов, хорватов и словенцев (СХС). Это длилось около трех месяцев.

Когда Долгова арестовали, маленького Евгения Евгеньевича (моего отца) Долговы передали полковнику Налетову, который вместе с другими русскими офицерами отправился в королевство СХС.

Позже в королевство СХС, в г. Чуприю, приехали и Долговы. Они относились к Евгению как к своему родному сыну. Евгения отдали в Русский кадетский корпус в г. Сараево. Обучение и физическая подготовка были там на очень высоком уровне. Директором корпуса был генерал-лейтенант Адамович. Корпус посещали генерал Врангель, французские маршалы Жозеф Жак Жоффр, Фош и др. Среди кадетов русского корпуса были юноши с известными русскими фамилиями, как, например: Лермонтов, Поляков (отец Марины Влади), де Сен-Лоран, Сухотин, Румянцев, Крестинский, Русанов, Прудниковы Леонид и Всеволод и др. Полковник Розанов был инспектором класса.

Мой отец окончил Русский кадетский корпус в Сараево и получил аттестат зрелости от 26 июня 1928 года. После оконча-

Сараевский кадетский корпус, коридор с
отметкой меридиана

Евгений – кадет

Кадеты-фанфаристы

У портрета Императрицы
Александры Федоровны.
Цетине, Черногория

ния кадетского корпуса дружба между кадетами осталась на всю жизнь. В корпусе был бала-лаечный оркестр, корпусной оркестр и др. Священником был митрополит Антоний (Храповицкий). Первый директор корпуса Б.В. Адамович после 15-летней работы с кадетами составил «Шестьдесят семь заветов кадетам русского кадетского корпуса в Королевстве сербов,

хорватов и словенцев», которые касались как поведения, так и внешнего облика кадетов, взаимоотношений в корпусе, правил общежития и др. В качестве самых главных заветов Б.В. Адамович выделил: верность старой России и уважительное отношение к ее прошлому; верность Югославии; уважение религий; уважение русских старых обычаев. Не менее значимыми являются и следующие: быть честным во всем; смотреть людям в глаза; не обманывать; не хамствовать; держаться скромно; не оскорблять; уважать молящегося; младшим не драться, старшим не расправляться насилием; охранять младших кадетов как братьев и др.

Пока мы жили в Белграде, многие друзья папы приезжали к нам в гости, постоянно поддерживали связь между собой и помогали друг другу. Из его друзей помню Бориса Брюно, Виктора

Студент Белградского университета Евгений Комаров на практике в г. Чуприя Костромина, Димку Северянова, Глеба Лукашевича и др.

После окончания Русского кадетского корпуса мой папа поступил на машинно-технический факультет Белградского университета, где он учился до IV курса. Евгения – жена Долгова, учила его играть на пианино и он студентом играл в ресторане. Днем ходил на лекции, а ночью работал. Евгений Комаров и Нина Борисовна Сундстрем венчались в церкви в г. Земун в 1932 г. Сначала они жили на квартире в Белграде на ул. Сараевска, 22.

Моя мама Нина Борисовна Сундстрем – дочь полковника конной артиллерии Бориса Густавовича Сундстрем, окончила Институт благородных девиц в г. Велика Кикинда. Преподаватели имели высокую квалификацию.

Видя большие музыкальные способности своего мужа, Нина Комарова посоветовала ему покинуть машинный факультет и поступить в Консерваторию. При такой поддержке, папаоставил инженерство и стал студентом Белградской консерватории, которую он окончил на отлично. Учился у профессора Милое Милоевича свободной композиции. Сам профессор говорил, что в Белграде только два человека знают гармонию: это он и Комаров.

Свадьба
Е. Комарова
с Н. Сундст-
рем

В Белграде папа играл в русских ресторанах «Крокодил», «Русская семья», «Казбек» (его держал Рубен Ратинов с женой Клавдией), «Русский царь». Можно сказать, что вечера в русских ресторанах в те времена, когда папа играл, это была очень изысканная программа. В ресторанах пели известные до революции певицы и певцы, главным образом в «Казбеке», которым папа аккомпанировал: Ольга Янчевецкая, Алика Балабанова, Сузанна Белубекова, Сокольский и др. Из Парижа на гастроли приезжал Юрий Морфесси, даже папа часто ему аккомпанировал. Сам Шаляпин хорошо от-

Евгений и Нина

Борис Густавович
Сундстрем

Нина Сундстрем-Комарова

Институт благородных девиц, г. Велика Кикинда

звался о Морфесси как о певце, называя его «Бояном русской песни». Морфесси последний раз оказался в Белграде в 1943 г. и был в гостях у нас в Сочельник, где случайно встретился со своей первой женой, которая была чемпионом Югославии по автомобильному спорту. Папа был знаком с многими известными оперными певцами — Павлом Холодковым, Евгением Семеновичем Марьяшец, Лизой Поповой, Михаилом Каракаш и др.

Нина Б. Комарова

Евгений Комаров

Квартет Комарова в Белграде

В 1938 г. папа получил первую награду по анонимному конкурсу, т. наз. «Светосавску награду»: на слова Гумилева («Вы все, паладины Зелёного Храма...») он написал романс, который называл «Элегия».

В ноябре 1944 г. в Белграде папа составил смешанный вокальный квартет («Квартет Комарова»), который пропагандировал по всей Югославии советские песни. Репертуар охватывал более 200 русских и советских песен. За шесть лет существования этот квартет выступал почти ежедневно по радио и гастролировал по всем городам Сербии, Далмации и Черногории. В «Квартете

Евгений, Нина
и Борис Комаровы на
улице Белграда. 1944 г.

Комарова» участвовали Нина Сокаль – дочь священника протоиерея Иоанна Сокаля; Владимир Шевелев – профессиональный тенор, Виктор Алексеев – бас-баритон и Лоза Лобачева – альт.

Во время 2 Мировой войны Белград сильно пострадал. Я и мои родители пережили немецкую бомбардировку 6-го апреля 1941 г., немецкую оккупацию, американскую бомбардировку 3-го мая 1944 г., когда была Пасха.

В 1945 г. папа был назначен шефом отдела легкой музыки Радио Белграда, а Юрий Бутаков заведовал отделом серьезной музыки. Папа часто приглашал русских певцов для живого исполнения (тогда не было записи).

В 1946 г. бывшим русским поданным Российской империи было сообщено, что можно получить советское подданство. Многие подали документы. Мои родители тоже подали документы и мы втроем получили советские паспорта. Но в 1948 г., как гром среди ясного неба, взорвалась т. наз. «Резолюция Информбюро», которую сербы называли «фимозной». В результате, отношение

Семья Комаровых в Панчарево. 1952 г.

к советским резко ухудшилось, некоторым предлагали поменять подданство, но другие боялись, так как знали, что если сменят подданство, все равно будут репрессированы.

Перед новыми советскими гражданами был вопрос: куда ехать? Приходили в советское посольство и требовали, чтобы им дали визу ехать в Советский Союз. Но посольство им отказывало, объясняя, что им не могут поставить визу, а надо ехать в Болгарию и оттуда поехать в СССР. Тогда они оставляли свои паспорта и уходили сообщить югославским властям, что отказались от советского гражданства. Они попадали в лагерь около г. Триеста, где главным образом англичане распределяли и оформляли документы в США, Австралию, Южную Америку и др.

7 февраля 1950 г. с одним членом квартета наша семья переехала в болгарскую границу. Еще в Белграде слышали, что в Софии существует Клуб советских граждан в Болгарии (КСГБ). Вначале мы думали, что это клуб настоящих советских граждан, но когда

приехали мы видели, что клуб состоит из русских эмигрантов, которые, как и мы, приняли советское гражданство. Невероятная организация, большая недвижимость, заводы, рестораны, пионерские лагеря и др. В Панчарево построили Дом отдыха, где можно было круглый год отдыхать.

Всего лишь через 20 дней после прибытия отец создал новый квартет в составе: Маргарита Александрова, Ирина Чмыхова, Николай Гринкевич и Владимир Шевелев. Отец был включен в работу Клуба советских граждан в Болгарии (из бывших белоэмигрантов) и начал руководить музыкальной самодеятельностью клуба. Кроме квартета, был создан смешанный хор, колхозный хор, симфонический оркестр, мужской и женский октеты, детский хор. Первый раз в Болгарии была представлена в 1954 г. оратория «Песня о лесах» Шостаковича, а также и сюита «Река-богатырь» В. Макарова и Я. Белинского. Выступали солисты Николай Чулков, Зинаида Кононова, Стефан Дишлиев, М. Александрова и др. В то же время Концертная дирекция устраивала сольные концерты Ирины Чмыховой – известной болгарской певицы русского происхождения – под аккомпанементом папы. Концерты проходили при исключительном успехе по всей Болгарии.

Папа работал с многими болгарскими певцами и с певцами из среды русских эмигрантов. Некоторые из них вернулись на Родину после 1954 года. Клуб советских граждан перестал существовать после 1962 года. Папу пригласили работать в Бюро «Эстрада», а позже и на эстрадный факультет Болгарской консерватории. Он работал с многими известными певцами, некоторые уехали работать во Францию – Лили Кишева (русский ресторан «Распутин» – в Париже), Станислава Коцева (русский ресторан «Шехеразада» в Париже) и др. С актрисой Евгенией Коларовой подготовили и выступали по Болгарии с рециталами русской поэзии и прозы, немецкой поэзии и прозы, американской лирики. Впервые актриса рецитировала, её аккомпанировал Е. Комаров и Евгения пела романсы – на рециталах русской поэзии; не-

мецкие народные и др. песни на рециталах немецкой поэзии. Исключительное мастерство Е. Комаров проявлял при рецитале американской поэзии. Чтобы им разрешили реализовать такой рецитал, они более эвфемистически называли его «Откровения за океаном», на котором Е. Комаров играл джаз в сольном исполнении и аккомпанировал Е. Коларовой. С Веселином Дамяновым выступали на концертах в трех частях: русские романсы, итальянские канцонетты и французские шансоны и песни на эсперанто. С Маргретой Николовой и Николаем Любеновым выступали на концертах и пели русские романсы и старинные городские песни, записали несколько грампластинок. Впервые романсы исполнялись дуэтом. С благодарностью о нем вспоминает большая болгарская певица Илдыз Ибрахимова. Лили Иванова – прима болгарской эстрады, в своей книге с нежностью вспоминает о своих встречах с Е. Комаровым. Великий бас Николай Гяуров лично поручил Е. Комарову сделать аранжировки русских народных песен.

Е. Комаров был исключительным аккомпаниатором, пианистом, музыкальным педагогом. И сейчас, когда прошло почти 20 лет со дня его кончины, многие болгары при встрече со мной говорят добрые слова о нем. Его жизнь была исключительно тяжелой – он жил без отца с 6–7 лет, без матери с 8 лет, круглый сирота, родился в Москве, жил в Екатеринославе, Севастополе, Тулче, где похоронена его мать Эрнестина, потом г. Чуприя (Югославия), учился в Кадетском корпусе в Сараево, жил в войну в Белграде, пережил Резолюция Информбюро. Последняя его пристань – София. Все свои способности он отдал болгарской культуре. Так сложилась судьба, что его брат, который родился во Франции, вернулся на свою историческую родину, а Евгений родился в Москве, но был вынужден ребенком покинуть родину, оставаясь навсегда русским. Скончался 3 февраля 1993 г. на моих руках, прожив 43 года в Болгарии. Перед смертью он просил услышать отрывки из книги об Иоанне Кронштадтском... в молодости он написал произведение «На смерть Иоанна

Кронштадтского»... Написал и другие религиозные произведения, которые хор Маслова исполнял в г. Земуне (Сербия) в конце 20-х годов. За 5 лет до смерти написал оперу «Живой труп».

После разлуки в Румынии в 1919 г. Евгений и Георгий вошли в связь посредством Международного Красного креста. Наконец, папе разрешили самому поехать к брату в Париж. Встреча после 40 лет была исключительно эмоциональна.

Владимир Красноскулов

Исход и возвращение: мой семейные российско- болгарские хроники

*Светлой памяти моих родителей
Феодосия и Любови Красноскуловых*

Прежде чем начать, считаю необходимым предварительно принести искренние извинения как своим читателям и ныне здравствующим друзьям, так и памяти ушедших от нас персонажей моего повествования (Царствие им Небесное!) за неизбежные в нём мелкие неточности, неясности, иногда замены точной фактологии предположениями либо результатами дедуктивных реконструкций (по методу незабвенного Ш. Холмса). Неизбежными, поскольку, во-первых, моя детская память, сколь цепкой ни была бы, через столько прошедших десятилетий многое сохранила избирательно, иногда – в деталях, а что-то, казавшееся в юности не слишком актуальным, потеряла вовсе. Во-вторых, в приснопамятные времена нашего детства, большинство взрослых инстинктивно старались не говорить лишнего, особенно о прошлом, дабы с детских уст случайно не слетело при посторонних что-нибудь ненужное, а порой даже опасное («синдром» Павлика Морозова сильно остерегал и моих близких). И спрашивать лишнее было не принято. Такое уж было время: надо было в нем выживать!..

Посему постараюсь из многочисленных доскутков своей памяти составить более-менее цельную, объективную, удобочитаемую панораму.

Оба моих незабвенных родителя, Феодосий Иванович и Любовь Леонидовна, происходили из добропорядочных потомственных дворянских семей, не титулованных, не слишком знатных и богатых, но во многих своих поколениях верой и правдой служивших Отечеству нашему. В их родословных смешано было немало, кроме русской, иных европейских кровей. Насколько помнится, были там и младшие отпрыски знатных семей польских, австро-германских, скандинавских, англо-шотландских. Подробнее – не вспомнить, а сочинять не хочется, да и в том ли суть?

Отец мой родился в конце декабря 1897 года в Киеве, в семье малороссийского (или южно-российского?) помещика Ивана Красноскулова (отчества не знаю), бывшего к тому же, если не ошибаюсь, предводителем поместного дворянства. По семейному преданию, родословная наша велась от некоего военачальника времен батыевых, золотоордынских, по имени или прозвищу Кара Су Кул, что в переводе с тюркского обозначает «Черной Воды Озеро». В славянской же, российской среде, оно, со временем, неизбежно ассимилировалось и превратилось, по аналогии то ли фонетической, то ли физиогномической, в Красноскулова. К сожалению, об этом своем деде я больше ничего не знаю, даже о том, где было его имение, хотя из почти фанатичной папиной любви к малороссийским повестям Гоголя и довольно часто упоминавшихся в разговорах Киеву, Харькову и Чернигову, можно предположить, что имение было где-то в тех краях.

Еще меньше знаю я о папиной матери: что звали ее Марией, что была она властной женщиной и хорошей хозяйкой, и что была у нее дочь от первого брака – Варвара Васильевна, года на три старше моего отца. С ней-то, теткой моей, по возвращении в Россию, мне довелось общаться поболее, года четыре, когда на каникулах она приглашала меня к себе, в Москву. Тогда-то она мне и поведала кое-что из нашей родословной, и спросить бы

мне у нее обо всем, что сегодня меня столь интересует и волнует, да и записать бы... Так нет, пионерско-комсомольская пропаганда срабатывала столь безотказно, что решил я для себя, юного болвана, что времена дворянства канули в Лету безвозвратно и лучше о них не слишком-то и вспоминать, а потому многое пропустил мимо ушей. Как сейчас жалею об этом!

Судьба Варвары Васильевны, хоть и оставалась она в России, была не лучше, если не хуже эмигрантской: получила «по полной»... Рано вышла замуж за молодого князя Мещерского. Видимо, брак был равный и по любви: по признанию самой тетки, ни богатым приданым, ни особой красотой она не отличалась, «но была славненькой». Да и Мещерские в свой княжеский род «неровню» вряд ли допустили бы. Но вскоре пошли годы бедствий: войны, революции. Где-то на фронтах Мировой или Гражданской молодой офицер пропал без вести. Варваре Васильевне – с таким-то происхождением и фамилией (которую больше никогда не меняла) – получить образование было невозможно, устроиться на работу – архитрудно. Каким-то чудом зацепилась в Москве, устроилась в Третьяковскую галерею экскурсоводом. Впрочем, продолжу свое повествование о ней несколько позже.

Детство папы с сестрой прошло, видимо, в дедовском имении, откуда временами выезжали в Киев, в Чернигов. В окрестностях одного из этих городов или в них самих, находился большой женский монастырь, игуменьей которого была сестра кого-то из папиных родителей. Папа был очень дружен со своею сестрой Варварой, она платила ему тем же, с юности и до конца дней своих по-сестрински любя своего кумира. Помню ее немногочисленные рассказы о милых детских шалостях, розыгрышах их строгой гувернантки-немки, которой были обязаны пригрозившимся им в жизни свободным владением немецким языком. Потом папа учился в Харькове, с отличием окончил коммерческое училище, таково было желание его отца (в 60-е гг., учась в Харьковской консерватории, я почему-то считал именно ее

здание бывшим папиным училищем и только потом узнал, что оно находилось не там, но совсем близко, и я сотни раз проходил мимо него, не подозревая...).

Видимо, с началом Первой Мировой мой Феодосий Иванович поступил в Харьковское артиллерийское училище. Через некоторое время, по его рассказам, получил серьезную контузию, на всем скаку упав со своим конем. Дальнейшее – в тумане. Точно знаю только, что после революции папа с отцом пробрались в занятый большевиками Киев. Нужно было достать из укромного места, спрятанные семейные документы и ценности. Дед пошел туда один, папа должен был ждать его возвращения. Не дождавшись, пошел сам – и не обнаружил там ни отца, ни документов, ни ценностей. Только следы борьбы и крови... По рассказам тетки Варвары, перед тем крестьяне сожгли семейную усадьбу, срубили вековой дуб и надругались над расположенными под его сенью фамильными захоронениями, причем особенно усердствовали самые ближние, самые благодетельствованные семьей в свое время... Впрочем, такое варварство в те времена было – увы! – далеко не редкостным. Достаточно вспомнить, как уезжал из России – навсегда! – Сергей Рахманинов...

После этого у меня – никакой информации: воевал ли, не воевал? Единственный «просвет» – вцепившийся в память папин рассказ о том, как в лютый ночной мороз *его отряд* обнаружил на каком-то полустанке или тупике запертый товарный вагон. Вскрыли штыками – оказалось, что в вагоне хлеб и сало. И – живописание того, как изголодавшиеся за много дней люди жадно грызли тот, как камень замерзший, дар Божий, словно самую вкусную и желанную на земле пищу. Кроме того – еще пара папиных реплик, как бы невзначай прокомментировавшие наш мальчишеский восторг после просмотра легендарного «Чапаева». Первая – о том, что скачущие в атаку конники не размахивают пашками, а держат их опущенными вниз: чтоб рука раньше времени не уставала. Вторая – по поводу эпизода «психической» атаки: «Это очень страшно и требует огромного мужества и само-

отверженности...» И еще – дома у нас под матрасом хранилась черная кавалерийская бурка...

Сразу после этого – воспоминания с босфорского рейда о российских кораблях, поставленных «на карантин», в окружении военных фрегатов бывших «союзников» по Антанте: американских, английских, французских (несомненно – Галлиполи!). Люди измучены, провизия на исходе, пресная вода протухла, связи с берегом – никакой. Спящий в душном трюме отец внезапно просыпается: огромная крыса вытащила из кармана массивный серебряный, с монограммами, портсигар и, не рассчитав его тяжести, выронила из зубов. Этот портсигар, с до сих пор сохранившимся «шрамом» от мощных крысиных челюстей, хранится у меня как драгоценнейшая реликвия. Другая картина: от одного из англоязычных кораблей отходит катер, причаливает к нашему борту, оттуда поднимаются несколько гогочущих матросов с большими банками тушенки (corned beef'a) в руках, на глазах у голодных людей открывают эти банки и... вываливают их содержимое прямо на палубу, продолжая все так же издевательски гоготать. Отец с гордостью вспоминал, что ни один из наших людей, несмотря на мучительное чувство голода, не только не притронулся, но даже не подошел к этим вонючим кучкам. Их просто тут же смыли из шлангов за борт. Не получилось у «союзничков» посмотреть на «русских свиней», сломить русскую гордость! (Пишу об этом, несколько не сомневаясь в правдивости рассказа, поскольку за свою, теперь уже достаточно долгую, жизнь не раз был свидетелем подобных проявлений «атлантического союзничества». Хотя, без сомнения, люди хорошие и порядочные есть и там!..)

Мне не суждено узнать, что делал мой отец после гибели деда в Киеве, в каком качестве плыл в эмиграцию. Знаю лишь, что был он человеком достойным и мог поступать только по законам высокой чести, которыми жил всегда. Ясно, что последним его российским берегом был крымский, севастопольский, и что исход оттуда был тогда единственно правильным решением.

Сначала из одного из документальных фильмов ельцинской поры, потом и из других публикаций довелось узнать, что после ухода с Врангелем более 200 тысяч воинов и мирных жителей с детьми, примерно столько же осталось в Крыму – под «честное слово» и гарантии неприкосновенности, данные командующим фронтом Михаилом Фрунзе. Оного почти сразу отозвали в Центр, а оставшиеся, в большинстве своем, по приказу комиссаров Землячки и Белы Куна, были тут же без разбора уничтожены. Страшно!!!

Теперь, пока еще в нашем сюжете еще не пришло время встречи моих родителей, следует рассказать о второй половине семьи. Моя мама, Любовь Леонидовна, урожденная Жмакина, родилась в Санкт-Петербурге 18 апреля 1903 года. Ее мать, моя бабушка, Клавдия Юльевна (1880–1931), родила трех дочерей-погодок (моя мама – старшая), была всеми очень любима, болела сердцем. Вместе с дочерьми прошла весь крестный эмигрантский путь до Турции – Болгарии, жила с моими родителями, скончалась и похоронена в Софии, за 12 лет до моего появления на свет.

Леонид Петрович Жмакин. Фото середины 1890-х гг.

Леонид Петрович Жмакин. Фото конца 1890-х гг.

Про своего второго деда, Леонида Петровича Жмакина, знаю значительно больше. Быть может, еще и потому, что именно к нему, в его крошечную однокомнатную ростовскую квартирку, где жили еще трое родственников его второй жены, мы с мамой приехали из Софии в 1956-м.

Леонид Петрович был третьим, младшим, сыном генерала Петра Жмакина, возможно, участника русско-турецкой войны. Родился А.П. в Вильно в 1876 году. Все мужчины семьи, по примеру отца, посвятили себя военной карьере: один из старших братьев дослужился до генеральского чина, другой, как и мой дед – до полковничьего. Хорошо сохранились фотографии А.П. в форме юнкера и молодого офицера. Поразительно, что примерно в том же возрасте у сына моего Алексея ярко проявились черты сходства с прадедом, никогда им не виданным!

В 1904 г. А.П. участвовал в войне с Японией, был тяжело ранен в сражениях под Ляояном (есть даже его фото – на носилках, в окружении медперсонала). Награждать отличившихся и подлечившихся офицеров изволил сам Государь Император (скорее всего, дело было в Ставке или в Петербурге). Дальше – удивительнейшая история. Офицеров выстроили и строжайше предупредили: на вопрос, который Государь любит задавать награждаемым – «Есть ли какие-либо просьбы или пожелания?», отвечать отрицательно, а пожелания свои в виде письменного рапорта передавать флигель-адъютанту или своему непосредственному начальству. Когда же Император подошел к А.П., приколот орден (не вполне уверен, но, скорее всего, это был офицерский Крест Св. Георгия: я видел его в детстве – характерный белый эмалевый крест в петлице мундира, на фотографии, которую взять в СССР мама, видимо, не решилась) и задал свой обычный вопрос, дед браво ответил – «Есть, Ваше Величество!». Дед потом очень живописно изображал вытянувшиеся лица, гневно выпученные глаза и грозящие кулаки своего начальства, но Государь милостиво спросил – «Какие же?» Тогда А. П. смело продолжил: «Ваше Величество, в то время, когда я лежал в госпитале, в Петербурге

Леонид Петрович Жмакин с родителями. Фото конца XIX в.

Леонид Петрович Жмакин раненый под Ляояном. Фото осень 1904 г.

моя супруга родила нашу третью дочь. Мы решили назвать ее в честь Ее Высочества – Вашей дочери, Татьяной. Осмелюсь просить Ваше Величество и Ее Высочество великую княжну Татьяну быть восприемниками от купели нашего возлюбленного чада» (т. е. по-нашему, нынешнему, крестными). Государь ответил – «Да будет так», и хотя на обряде крещения, естественно, не было ни его самого, ни великой княжны, но присутствовали министр Двора и кто-то из фрейлин, а в метрике восприемниками от купели записали «Его Величество Государь Император Николай II Александрович и Ее Высочество Великая Княжна Татьяна Николаевна». Эта метрика доехала до Болгарии и в строжайшем секрете (не дай Бог – узнают!) хранилась у моей тетки, мне о ней только рассказывали, и то – уже в России. Увы, ожидаемого счастья она, в конечном счете, никому не принесла.

После тяжелого ранения деду путь в действующую армию был, видимо, заказан. Посему он, дослужившийся до чина полковника, был назначен начальником охраны Государственных банков Российской империи. Получил большую служебную квартиру в самом центре Петербурга, в доме на углу улиц Итальянской и Михайловской, между Благородным Собором и Михайловским дворцом. Жил там счастливо, в окружении любящей супруги и трех дочерей: моей будущей мамы Любви (Люлиньки, как ее звали домашние), Екатерины (Катюши, 1904 г.р.) и Татьяны (Таты, 1905). Живя за границей, мама однажды очень точно воспроизвела по памяти тушью на белом ватмане вид своего дома, а позже из книг узнала, что их квартира ранее принадлежала известному меценату М. Виельгорскому. И в огромном зале, где дед катал на одеяле по паркету своих дочурок, Глинка впервые играл друзьям на рояле своего «Руслана», а позже выступали с концертами Ференц Лист, Клара Шуман и многие другие известные музыканты (сейчас в том доме располагается детский сад при Лице

Дом в Санкт-Петербурге на углу
улиц Итальянской и Михайловской
(рисунок тушью Л. Жмакиной-Красноскуловой)

Смолянки Любовь и Екатерина Жмакины (т. е. фрейлинский знак). Мама при мне часто горевала о жестокой судьбе царской семьи, особенно детей – царевен и цесаревича. Не исключаю, что избранные смолянки могли быть им представлены. Смею предположить, что, успей мама окончить

Русского музея, а комнаты Виельгорского стали мемориальными).

Все три сестры были приняты в Смольный институт благородных девиц. Маме учеба давалась легко, она все годы была первой ученицей в классе. Как-то я спросил ее, должна ли была она посему получить при окончании золотую медаль, на что мама ответила, что золотую

Институт и получить заветную награду, судьба ее могла бы сложиться гораздо трагичнее.

После Февральского переворота, в связи с опасной близостью к Петрограду немецких войск, летом 1917 г. Смольный институт был эвакуирован на юг, в Новочеркасск. Вместе со своими тремя дочерьми эвакуировалась и их мать, Клавдия Юльевна Жмакина.

Леонид Петрович остался на месте службы. В октябре 1917 г. Временным правительством ему было приказано сдать Государственный Банк большевикам без боя (предполагалось, что не дольше, чем на 2–3 недели...). Как ни странно, служебное положение деда не изменилось. Даже когда его в один из «черных» послереволюционных дней вместе со многими другими «бывшими» офицерами, бросили в подвалы ЧК, откуда через каждые 20 минут выводили группами во двор на расстрел, туда явилась вооруженная охрана Госбанка во главе с комиссаром и ультимативно потребовала освободить своего «хорошего» командира. Представьте себе, освободили... Затем Госбанк вместе с большевистским правительством перекочевал в Москву и мой дед – с ними. Но вскоре, видимо, серьезно опасаясь повторного «приглашения» в ЧК, Л.П. попросил перевода подальше от столицы – в Ростов-на-Дону, где потихоньку перешел на более незаметные хозяйственно-бухгалтерские должности, ассимилировался и прожил до последних дней своих.

Примерно в то же время, волна Гражданской докатилась до Новочеркасска. Весь контингент Смольного было решено эвакуировать вместе с двумя ротами Кадетского корпуса южнее, в Новороссийск. Уже в нынешние дни близкий нашей семье краевед В.С. Хазизов, работая с архивами Новочеркасского Музея донского казачества, случайно обнаружил в одном из издававшихся за рубежом сборников воспоминаний бывших кадетов Донского Императора Александра III казачьего корпуса «Кадетская переключка» (Нью-Йорк, 1997, № 62–63) отрывок о некоторых подробностях этой эвакуации. Оказывается, вме-

Полковник П.А. Артамонов с семьей

сте со Смольным и Корпусом на юг были отправлены также воспитанницы Новочеркасского института благородных девиц. Местные девушки ехали «с комфортом»: власти предоставили им необходимое количество повозок и обозных телег. Смолянкам же предстояло, как и кадетам, двигаться пешим порядком. Узнав о такой несправедливости, командир 2-й роты полковник П.А. Артамонов приказал кадетам освободить для петербуржанок часть телег из обоза. Честь и хвала сему достойному российскому офицеру!

Когда же Красная Армия подошла вплотную и к Новороссийску, в городе начались повальная паника и всеобщее бегство, великолепно описанные М. Булгаковым в «Беге». Кому в этом хаосе были нужны нездоровая женщина с тремя дочерьми? Что ожидало их, останься они там? И вдруг – чудо: денщик Леонида Петровича с Русско-Японской войны увидел, узнал в этих перепуганных лицах семью своего обожаемого командира. Схватил их, буквально в охапку, и всего лишь с парой узлов вещей (до того ли было?!) втиснул на палубу одного из последних отплывающих кораблей.

Так женская часть семьи Жмакиных оказалась в Константинополе. Мама в скупых своих рассказах упоминала Принцезы острова, Галату, какой-то сгоревший при них монастырь... в общем, мало конкретного. Чтобы прокормить семью, мама стала подрабатывать вышиванием и шитьем на машинке «Зингер», оказавшейся в одном из узлов с вещами (видимо, в Смольном хорошо учили

и рукоделию!). Позже устроилась гувернанткой в зажиточную и, видимо, высокопоставленную турецкую семью. В ее обязанности входило обучение трех дочерей и их младшего брата европейским обычаям, этикету, языкам, преимущественно немецкому: разговорной и письменной речи, грамматике (элита стремилась в Европу!). Мама от себя добавила добрую толику французского и русского, а сама превосходно овладела турецким. Видимо, учительница zelo преуспела в своих занятиях, о чем свидетельствуют несколько сохранившихся писем от ее подопечных, написанных на забавном смешении немецких, французских и русских фраз, полных искреннего обожания к «unsere liebe mamotschka». Маленький штрих: живя в добропорядочном турецком доме, пусть и после реформ Кемаля Ататюрка, мама, по всей видимости, не была обязана блюсти все касающиеся женщин строгие предписания, и даже могла себе позволить свободно поплавать в водах Босфора, благо, дом стоял на берегу одного. Мама отлично плавала: Жмакины недаром почти каждое лето проводили в Крыму! Естественно, в купальнике европейской моды того времени. Восторженно завидующие воспитанницы комментировали ее водные шалости забавным звукоподражательным восклицанием «Джи-джи, чоф-чоф!» (Джи-джи они ласково звали

Любовь Жмакина. Константинополь, середина 1920-х гг.

мою маму). Хотя мама, видимо, имела возможность одеваться и вести себя преимущественно по-европейски, на паре фотографий одежда ее явно в турецком стиле. Милое ли это было кокетство, игра, маскарад, либо необходимость не компрометировать на людях правверную семью работодателей? Несколько написанных мамой в те годы очаровательных «константинопольских» акварелей сегодня украшают стены моего рабочего кабинета.

Судя по всему, мама зарабатывала достаточно, чтоб обеспечить жизненный минимум своей матери и двум сестрам. О том, чтобы кто-нибудь из них в это время подрабатывал, я никогда не слышал. После Турции – да, сестры работали.

По воспоминаниям многих знакомых и сохранившимся фотографиям, мама моя всегда, а особенно в молодости, была весьма привлекательной, излучающей доброжелательность и удивительное обаяние: вьющиеся светлые волосы, лучистые голубые глаза, красивый мягкий голос, изящная, стройная, с безупречными манерами, речью, широким кругозором. Свободно владела тремя европейскими языками (а позже, добавив туда турецкий и болгарский, – пятью)... Без сомнения, ухажеров вокруг нее должно было крутиться немало, но точно знаю только о двух из них.

Весьма настойчиво предлагал маме руку и сердце французский полковник, начальник французской военной базы Агадир в Северной Африке (Марокко), офицер ордена Почетного Легиона, кавалер высших орденов Французской Республики и даже Японии, Марсель Сури (Marcel Souris). На фото он – статный, красивый офицер средних лет при всех своих регалиях, знающий себе цену, волевой, привыкший командовать и добиваться желаемого. Жених, несомненно, завидный. К тому же пара маминых подруг успели выскочить замуж и уехать с мужьями в тот самый Агадир (куда, кстати, «союзники» направили «умирать» остатки российской эскадры и воинского контингента) и звали ее к себе.

Второй – это мой будущий отец, Феодосий Иванович Красноскулов, стройный, красивый, с тонкими живыми чертами лица, иссиня-черными волосами, кареглазый, энергичный, блестяще образованный и безупречно воспитанный, остроумный. Всего лет на пять старше мамы. Но в тот момент беднее церковной мыши.

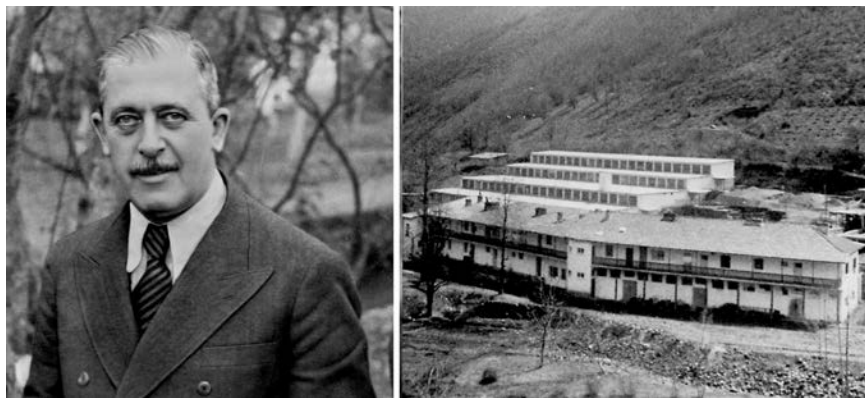
Хотя романы г-на Сури и моего отца с мамой были, очевидно, достаточно бурными и продолжительными, она, в конце концов (Хвала Всевышнему!), выбрала в мужья соотечественника. Конечно, это была Любовь! Я – их единственный, желанный, хотя и поздний ребенок, являюсь очевидцем, как искренне и самозабвенно любили мои родители друг друга всю совместную жизнь, в прямом смысле до последнего вздоха. При этом ни сном, ни духом не ведаю, когда и как они познакомились, где и когда венчались, ясно лишь, что не раньше года 1925–26. Странно, но после маминой кончины я не нашел дома ни одного семейного документа – ни метрики, ни свидетельства о браке, о папиной, бабушкиной смерти. А мою метрику, точнее, «Свидетельство о Святом Крещении» при выдаче паспорта в ростовской милиции отобрали вместе с заверенным «Интуристом» переводом с болгарского. И – «с концами»... зачем?

Переселившись из Турции в Болгарию, родители не теряли надежды устроиться в более «основательной» части Европы, пре-

жде всего – во Франции. Из отрывочно услышанных фраз получалось, что оба они по очереди съездили в Париж. Папа пытался устроиться шофером парижского такси, но куда там! Был как раз пик мирового кризиса, безработицы, так что даже некоторые великие князья почитали за счастье устроиться простыми таксистами. Кроме того, мама полагала своим долгом никогда не разлучаться со слабой здоровьем бабушкой и своими сестрами, а без гарантированного заработка тащить всех во Францию было бы просто самоубийственным. Короче, оставалась одна реальная возможность – обустроиваться в Болгарии.

Не знаю, чем зарабатывал на жизнь отец в Константинополе, но в Болгарии на первых порах ему приходилось работать и грузчиком, разгружать вагоны. Мама, как и поначалу в Турции, подрабатывала шитьем и вышиванием. Долго ли, коротко, но в один прекрасный момент папе удалось устроиться «домакином» (понынешнему, завхозом) на шоколадную фабрику Велизара Пеева в городке Своге, вблизи Софии. Острый ум и деловая хватка (все-таки коммерческое училище!) позволили ему быстро взлететь по карьерной лестнице до должности директора фабрики. Полагаю, что немалую роль в этом сыграл и сам владелец фабрики, вскоре искренне подружившийся с моими родителями и ставший впоследствии моим крестным отцом. Хочу немного рассказать об этом замечательном человеке.

Велизар Пеев, примерно ровесник моего отца, получил прекрасное образование в России (как говорили – был «русским воспитанником») и в Европе. Затем отец его, основатель семейного кондитерского дела, послал сына набираться ума-разума в Швейцарию, издавна считавшуюся европейской шоколадной «Меккой». Юноша устроился рабочим на одну из фабрик известной фирмы и несколько лет на ней проработал, осваивая различные профессии, присматриваясь к системе производства и, как нынче говорят, маркетинга, устанавливая деловые контакты. Вернувшись домой, он возглавил семейную фирму и не без участия моего отца максимально модернизировал фабрику, до-

Велизар Пеев и вид на его шоколадную фабрику в окрестностях г. Своге

бившись европейского качества и широкой популярности своей продукции за счет рентабельности, а также титула «Поставщик Двора Его Величества» (дома мне очень нравились конфетные коробки с этой надписью).

Шоколадная фабрика Пеева в городке Своге, построенная в живописной гористой местности, была оснащена по последнему слову техники, имела свою автономную гидроэлектростанцию, жилой дом для собственника и «топ-менеджеров». Мои родители занимали в нем целый этаж, во дворе был небольшой птичий двор. По-моему, годы, проведенные родителями в Своге, были для них самыми счастливыми. Папа работал на фабрике, мама занималась домом, в чем ей помогала нанятая прислуга. В свободное время они любили заниматься спортом – ездой на велосипедах, лошадях, плаваньем, теннисом, спортивной стрельбой, обожали пешие прогулки – не только в ближайших окрестностях, но исходили вдоль и поперек горы вокруг Софии – Витошу, Люлин. Летом мама, иногда с папой, ездила на море, в Варну. Часто принимали в гости друзей, нередко большими компаниями. Мама обожала фотографировать своим портативным «Кодаком» 6 x 9, благодаря чему о многих событиях можно судить по ее фотоальбомам. Занималась своими четвероногими любимцами – собаками и кошками.

Не хватало, пожалуй, только одного: собственного ребенка. Быть может, потому так часто и подолгу гостили в Своге маминны племянники: Сапа (сын Катюши) и Ира (дочь Таты). К ним часто присоединялся младший сын Велизара Пеева – тоже Сапа. В их молодежную компанию мои родители, молодежавые душой и телом, вписывались весьма органично. Но вот, для многих неожиданно-негаданно, в день весеннего равноденствия 1943 г., в софийской клинике доктора Тричкова появился на свет долгожданный наследник, ваш покорный слуга. Радости родителей не было конца. На крестины собрался весь сонм друзей и родственников. Крестил меня протопресвитер отец Георгий Иванович Шавельский (позже я узнал, что он крестил также еще нескольких моих сверстников, а из Интернета – что отец Георгий в 1906–10 гг. преподавал Закон Божий в Смольном, окормлял в 1904 г. воинов Маньчжурской, в 1919 г. – Добровольческой армии). Вероятнее всего, отец Георгий был духовником многих русских эмигрантов, в том числе и моих родителей.

На прилагаемом к статье снимке с моих крестин стоят справа отец Георгий и мой крестный. Слева стоит очень интересный человек, наш добрый знакомый Хэрри Левинсон – болгарский дипломат, советник посольств в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Москве, большой эрудит и полиглот, родившийся на американском пароходе по пути не то в США, не то оттуда в Европу, перенесший из-за такой биографии немалые репрессии при коммунистическом режиме. Рядом с ним другой знакомый, Александр Ильинский. Сидят слева мои двоюродные брат и сестра, а с обеих сторон от моего отца – сестры Левинсон, дочери Хэрри.

Я хорошо помню своего крестного отца Велизара Пеева, которого звал дядя Заря, и почти не помню крестную, Наталью Романовну Ровнякову, которую видел (в сознательном возрасте) почему-то всего несколько раз, и облик ее мне знаком лишь по фото.

Конечно, жизнь родителей и здесь была не всегда безоблачной, особенно после начала Второй Мировой войны, которая, к сча-

Крестины в Своге.
Стоят, слева на-
право: Х. Левинсон,
А. Ильинский,
(?), Велизар
Пеев, о. Георгий
Шавельский.
В центре присел
В. Красноскулов.
Июль, 1943 г.

стью, коснулась Болгарии не столь жестоко. Хотя страна была формально союзницей Германии (а куда ей было деваться?!), ни одна пуля болгарского солдата, ни один снаряд не вылетели в сторону Красной Армии. Пострадал от этого первым болгарский царь Борис III-й (по происхождению принц Кобург-Готский), прекрасно чувствовавший любовь и благодарность того поколения болгар, которые благоговели перед Россией, «братушками», отдавшими сотни тысяч жизней, чтобы не допустить полного геноцида болгарской нации в конце XIX века. Категорически отказав Гитлеру в военной поддержке, Борис вскоре по возвращении из Берлина скоропостижно скончался. Говорили, что он был отравлен.

Большинство русской диаспоры, вне зависимости от отношения к советской власти, с тревогой следило за ходом военных действий, болело душой за Россию. Мама рассказывала, что благодаря превосходному знанию немецкого языка («Хох-дойч») им с папой иногда удавалось пройти через охрану к эшелонам с советскими военнопленными, чтобы передать еду и теплые вещи. Малая часть эмигрантов все же поддалась призыву создать так называемый «Русский корпус» для борьбы с большевиками, однако, насколько мне известно, и здесь дальше, чем организация военного сбора в Сербии, дело не пошло. Правда, позже участ-

ники Корпуса и их семьи были в той или иной степени репрессированы.

Советские победы на фронтах и вход наших войск (без единого выстрела!) на территорию Болгарии были восприняты восторженно. Не стоит забывать: значительное большинство эмигрантов, я тому свидетель, несмотря на все перенесенные лишения, страдания, значительно более полную информированность обо всех ужасах, что творились правящей верхушкой в Советском Союзе, болели душой и всем сердцем стремились вернуться на Родину. Во что бы ни стало, невзирая ни на что.

Судя по всему, первые послевоенные годы были весьма смутными. Новой коммунистической власти пришлось преодолевать, а потом и подавлять оппозиционные политические силы, не желавшие перемен. К этому добавились обвальная безработица, катастрофическое падение производства во всех отраслях, дефицит продуктов питания, массовое обнищание населения. Несмотря на сопротивление, власть провела, по примеру «старшего брата», национализацию (то бишь – экспроприацию) всех средств производства и коллективизацию. Теми же средствами, под теми же лозунгами, разве что в Сибирь и на Колыму не ссылали – к счастью, такими масштабными территориями маленькая Болгария не располагает.

Национализировали и шоколадную фабрику Пеева, заодно избавились и от ее директора. Родители мои то ли не предполагали такого поворота судьбы, то ли не были достаточно обеспеченными, постоянно помогая материально многочисленным родственникам, но вовремя не озаботились приобретением своего жилья. Посему семья начала скитаться по съёмным квартирам. Самым оптимальным оказался последний вариант в этой чехарде: мы сняли, довольно дорого, за 6000 левов в месяц, небольшую мансарду в доме престарелого генерала Станимирова по улице Артиллерийской, 62 (сохранилась квитанция!). Мансарду составляли три маленькие комнатки, малюсенькая кухня и туалет. Наша семья могла себе позволить занять только одну ком-

нату, две оставшиеся сдавали четырем студентам. Житье было «веселое», но куда ж деваться?

Потеряв работу в Своге, папа попробовал открыть в Софии небольшой кондитерско-бакалейный магазинчик. Возможно, рассчитывая на имеющийся опыт и какие-то старые связи в этой области. Вначале дело пошло, как будто бы неплохо, но новая власть, желая искоренить в стране любое поползновение к частной коммерции, стала душить ее налогами, все туже затягивая узел. В итоге, и папиному предпринимательству пришел конец. К счастью, в конце тоннеля появился просвет: российским эмигрантам предложили сменить бесправные, без гражданства, «нансеновские» паспорта на советские. Эта акция вызвала целую волну эмоций: наконец-то... домой в Россию?.. а что же дальше?.. радость, надежды, опасения и т. д. и т. п.

Родители вернулись из Советского посольства с церемонии вручения паспортов в добром расположении духа, хотя их, как и меня – случайно подслушавшему и запомнившему по сию пору, шокировала фраза посла, обращенная при вручении нового документа графу Игнатьеву (родному брату оставшегося в России генерала Игнатьева, автора известной в то время книги «50 лет в строю»): «Поздравляю вас, БЫВШИЙ граф Игнатьев». Те советские паспорта действительно оказались «с двойным дном»: признавая гражданство, они не давали права въезда в СССР... Государство получило право в любой нужный ему момент определять судьбу своих новых граждан согласно своей юрисдикции (слава Богу, не успело воспользоваться!). Зато появились возможности создания вместо расплывчатых эмигрантских структур легального Союза советских граждан в Болгарии (ССГБ), поступления на работу в открытые за границей советские учреждения. Чем, к счастью, и не преминул воспользоваться папа, устроившись на работу в бухгалтерию Управления советскими имуществами в Болгарии (то бишь германскими имуществами, перешедшими в собственность СССР по итогам войны). Хорошо помню, что оно размещалось где-то «за спиной» Госбанка,

в бывшем здании немецкой фирмы «Адлер», с держащим в когтях земной шар огромным орлом на крыше. Здесь он проработал весь остаток своей жизни, к моей печали, очень недолгий. Как специалисту с большим опытом, Управление выделило папе две комнаты в служебной (то есть реквизированной у немцев) квартире в центре Софии, на площади Възраждане, бул. Христо Ботева, 50. Третью комнату дали милой, уже немолодой женщине – секретарю-машинистке Нине Павловне Блажко, тоже из нашей среды. Здесь мы прожили до самого отъезда из Болгарии.

Забравшись в хронологию своего рассказа далеко вперед, я вынужден вернуться к воспоминаниям о послевоенных годах. Хотя был я тогда совсем маленьким, в памяти, может и по маминым рассказам, сохранились многие эпизоды. Время было трудное, хотя несравнимое с тем, что творилось в России. Помню частые перебои с электричеством, свечи, коптилки, керосиновые лампы, зимний холод в доме. Чтобы обогреть квартиру, папа соорудил от стоящей в комнате «буржуйки» длинную, многоколенную вереницу толстых жестяных печных труб до форточки в дальней комнате. Иногда герметичность этого сооружения нарушалась, дым шел в комнаты, приходилось проветривать, но все-таки было теплее. Достать уголь для печки было архисложно, потому великим счастьем считалось купить хотя бы угольную пыль, чтобы потом из нее, мокрой, всей семьей лепить завернутые в газету брикеты, которые едва тлели, но давали хоть какое-то тепло. Никогда не забуду кукурузный хлеб (естественно, по карточкам). Теплый он был очень даже вкусным, но, остыв, превращался в нечто, подобное трудно угрызаемому булыжнику. Не знаю, как маме удавалось добывать съестное, но голодными мы все-таки не были, может, потому что Болгария все-таки сельскохозяйственная страна. Однако хлеб или картошка с солью и порезанной сырой луковицей, иногда политой постным маслом, часто присутствовали в нашем меню. Большой удачей было достать с килограмм соленой хамсы, несколько десятков яиц, которые хранили в растворе соли или какого-то «волшебного» порошка

«Гарантол». Как-то маме удалось купить на рынке относительно недорого целую килограммовую головку домашнего сливочного масла. Каково же было разочарование, когда, разрезав ее дома, она обнаружила, что покупка – это обмазанная тонким слоем масла головка капусты! В теплое время года было, конечно, проще: появлялись в достаточном количестве относительно дешевые овощи и фрукты. Были бы только деньги! Со временем многое, конечно, стабилизировалось. Я потихоньку выросла и меня чаще стали посылать в ближнюю пекарню с глубоким противнем какого-либо мамино вкусного блюда, чтобы запечь его «на фурна»: печку летом не топили, а российский керогаз с печкой «Чудо» так и не стали ведомы болгарам.

Вспомнился забавный случай из детства. В транспорте тогда постоянно была естественная послевоенная давка. Садясь в переполненный трамвай с передней двери, мама едва успела поставить меня на ступеньку, как какой-то здоровенный нахал грубо оттолкнул ее в толпу и полез в вагон. Почувяв неладное я завопил: «Мамочка!» и тут же вцепился зубами в жирную ляжку наглеца. Тот заорал от неожиданности и боли, маму тут же пропустили, а весь вагон, в восторге от увиденного, всю дорогу хохотал, наблюдая, как громил с дурацким выражением лица крутится в поисках укусившей его «собаки». Так в возрасте около трех лет я впервые вступился за женщину.

Рос я дома в атмосфере всеобщей любви и заботы, хотя не скажу, чтобы баловали. Скорее, воспитывали, учили всему доброму и необходимому в жизни в духе своего детско-юношеского воспитания. Спать и жить в холодном помещении получалось само собой, а вот учить правильно пользоваться столовыми приборами, сидя с томами энциклопедии под обенми мышками, как муштровали смолянок в детстве в Смольном и дома, не стали (наверное, потому, что в доме не было энциклопедии?). Зато на всю жизнь выработали рефлексы: здороваясь, поклониться и улыбнуться, при любой женщине или старшем собеседнике подняться, предусмотрительно следить за тем, чтобы громкость

речи или поведение не были помехой для окружающих, заступаться за слабого и т. п. Большое внимание уделялось также правильности русского разговорного языка, чтению художественной литературы – начиная со сказок, Пушкина, Гоголя, Лермонтова. Следили и за моим болгарским – вторым родным языком. Сами родители превосходно владели обоими.

Жизнь маминых сестер была погрустнее. Среднюю, Екатерину, вместе с сыном Сашей интернировали в г. Габрово, как жену участника Русского корпуса Николая Ржецкого. Сам же муж ее где-то в середине войны куда-то безвестно исчез. Младшая, Татьяна, долго не могла разобраться ни с первым мужем – изрядно пьющим и безалаберным Евгением Галатовским, отцом дочери Ирины, ни вторым – хамовитым и деспотичным Алексеем Ганиным.

Начал читать, считать и писать я очень рано, схватывал все «на лету». Видимо, поэтому решили меня приобщить еще к одному языку и года в четыре стали водить во французский детский садик г-жи Кузьминой. Там каждый день начинался с молитвы «Отче наш» по-французски (если не ошибаюсь – «Oh, mon Dieu») и продолжался так же, без единого русского или болгарского слова. Такая методика, я бы назвал – «безвыходного» погружения в чужую языковую среду, давала блестящие результаты (собственно говоря, и в Смольном были «французские», «немецкие» дни недели). Прибавьте к этому возможность совершенствовать язык с мамой, станет ясно, что заговорил я по-французски очень быстро и даже стал читать.

Родители мои были религиозны, так что православие было впитано мной, как говорится, «с молоком матери». По праздникам и в обычные дни мы часто заходили в различные церкви: прежде всего, в соборы Св. Александра Невского, Св. Недели, Св. Софии, любимую и чтимую очаровательную Русскую церковь, храм Св. Седмочисленницы (не знаю, как будет по-русски), две древние катакомбные маленькие церквушки в центре Софии. Если первые из перечисленных поражали своей красотой и вели-

чественностью, то две последние запомнились какой-то особой атмосферой «намоленности» и потрясающим чувством просветления всего моего существа при выходе из подземелья на белый свет. Аналогичное чувство я испытал только в старинном храме Воскресения Словущего в московском Брюсовом переулке. Пару раз мама брала меня с собой в расположенный у подножья Витоши Русский женский монастырь к игуменье «матушке Ливен» (Серафиме), при этом всегда была как-то особенно взволнованной. Только недавно, из книги отца Георгия, я узнал, что близкая Императрице-матери Марии Федоровне светл. княжна Ел. Ал. Ливен была последней начальницей Смольного института.

Папа чаще мамы выстаивал праздничные богослужения, соблюдал если не все посты, то уж Великий Пасхальный – обязательно. Человек, много лет курящий, он ежегодно на 40 дней бросал курить и только разговевшись, закуривал первую сигарету (то есть сила воли была большая). Жаль только, что не бросил курить навсегда – уверен, это добавило бы ему здоровья и хотя бы несколько лет жизни. Меня на большие службы почти не водили, только раз я участвовал в Крестном ходе на Пасхальной Всенощной, нес какой-то фонарик. Впечаталось в душу на всю жизнь.

Никогда не забуду, как часто гулял с родителями по моей родной, уютной и красивой Софии, ее улицам, в особенности по усаженному в четыре ряда огромными каштанами бульвару Царя-Освободителя, переименованному в Русский, с изумительным величественным памятником Александру II и воинам-освободителям Болгарии в 1877–1878 годах. Сидели в тенистых скверах, из которых особо запомнился один – Докторский, в центре которого стоит еще один удивительный памятник: пирамида из грубо отесанных песчаных параллелепипедов, на каждом из которых – имена погибших русских военных врачей, сестер и братьев милосердия. Любили ходить в зоопарк, а особенно – в уютнейший лесопарк, получивший новое помпезное имя – «Парк на Свободата» вместо уютного старорежимного

«Борисова градина». Летом заходили в расположенные в глубине лесопарка пляжно-бассейновые комплексы. Там несколько разнокалиберных плавательных бассейнов окружали большие зеленые лужайки, на которых вольно располагались загорающие горожане, и были очень милые пляжные ресторанчики, где вечерами диксиленд играл легкую и танцевальную музыку, а дансинг был переполнен.

Иногда мы доезжали трамваем из центра до конечной остановки «Княжево» и шли в гору, на Витошу или Люлин, сообразуясь, естественно, с моими физическими возможностями, которым иногда «помогал» дополнительный древний-предревный, карабкающийся в гору, трамвайный вагончик типа «тяни-толкай». Но самыми замечательными были путешествия на папином велосипеде (пока его не украли). Специально для меня впереди на раме было приделано маленькое седло, и в погожие выходные мы вдвоем с папой с утра отправлялись «на излет». Ехали обычно в местечко Панчарево (16 км от Софии) или Горубляне (чуть ближе). В 80-е гг. мне довелось побывать в тех местах с ростовской делегацией. Их было не узнать: роскошная туристическая инфраструктура! А в конце 40-х там было довольно голое каменистое пространство весеннего русла широкой и мощной в половодье реки Искър, которая к лету превращалась в скромную чистую быструю речушку, по краям поросшую редкими кустарниками, деревцами, островками травы. Но разве в этом было дело? Главное, мы с папой вместе путешествуем! Насладившись зеленью и журчаньем речки, побегав по ней босиком, мы садились или становились за столик придорожного трактирчика. Папа брал бутылку моего любимого «Сайдера» (красного цвета!) или лимонада, себе – кружку пива или стаканчик сухого, почти безалкогольного вина, доставал коробку с заготовленными мамой вкуснейшими сэндвичами... И – в обратный путь, те же 16 километров.

Если все будние дни мной занималась мама, то уж в вечерние часы и выходные я принадлежал преимущественно папе, или

он – мне, как угодно. Мы много с ним беседовали на самые различные темы, он был отличным, широко эрудированным рассказчиком. Но особой любовью пользовалось совместное сочинение «сказок». Собрав в одну кучу различных сказочных персонажей, всякие чудеса и современные технические новинки, основными действующими лицами мы выбрали мурзилку – крошечный народец из одной дореволюционной книжки, похожих скорее на еще неизвестных тогда друзей Незнайки, чем на героя одноименного советского журнала. Сказка эта длилась несколько лет, обрастая новыми сюжетами и коллизиями, пока я не подрос и по прочтении «Трех мушкетеров» не изменились мои интересы. Тогда началось папино повествование о приключениях некоего шевалье Робера во времена Анри IV и королевы Марго. Конечно, многое строилось не только на отличном знании французской истории, но и на романах Дюма-отца, но прочитав оные впоследствии, я убедился, что папина сюжетная линия в основном была оригинальной. Думаю, мама, поражаясь папиной эрудиции и фантазии, была права, сожалея о его нераскрытом таланте. Я же, посмотрев и прочитав множество приключенческих, авантюрных и фантастических (в том числе французских) фильмов и книг уверился, что папины сюжеты часто были гораздо интереснее и правдоподобнее. Займись папа этим делом серьезно и живи в наше время, он вполне бы мог стать писателем с известностью не ниже уровня Толкиена или Роулинг, либо популярным сценаристом современных фильмов и сериалов. Однако необходимость содержать семью, обостренное чувство долга, не давали ему возможности даже помечтать о такой карьере.

В годы нашей жизни на мансарде у генерала Станимирова, к нам нередко заживал крестный, дядя Заря. Всегда с какими-то подарками, редкими в ту пору вкусностями, здоровый, веселый, смелый, оптимистичный. Очень меня любил, иногда приглашал в гости к себе домой, на виллу на улице Генерала Гурко. И вдруг – как страшный удар молнии: гуляя с папой в одно из вос-

кресений осенью 1949 г., на афишном столбе читаем некролог о скоропостижной кончине Велизара Пеева, похороны которого состоятся буквально через пару часов. Бросились домой к маме, она – в панике, оставили меня одного дома и помчались... По прошествии некоторого времени я услышал, как они тихонько обсуждали «странную» эпидемию скоропостижных смертей, поразившую сразу несколько десятков бывших фабрикантов, несомненно, оппозиционно настроенных к новой власти.

Музыка с раннего детства стала занимать в моей жизни важное место. В теплое время года по всей улице Артиллерийской с раннего утра был слышен мой чистый высокий дискант. Как ни странно, всем соседям это нравилось. В моем репертуаре были, в основном, советские и болгарские песни, звучавшие из нашего радиоприемника «Телефункен». Обожал я и дирижировать: усаживал полукрутом всех своих игрушечных собак, медведей, давал им в лапы «инструменты» (поломанные ружья, сабли и т. п.), взяв в руки палочку, становился на посылочный ящик – и под звуки радио шел «концерт». (К слову: у этого самого приемника семья, нередко с друзьями, собиралась, чтобы послушать Москву и уж обязательно встречать Новый Год – сначала по Московскому, а через час по Европейскому времени. А когда слушали, стоя, советский гимн, не скрывали слез...)

Впрочем, были у меня и попытки «публичных» выступлений. На одном из богослужений мама, под замечательное пение хора, вся ушла в молитвенное состояние и вдруг не обнаружила меня рядом. Заметив, что многие прихожане смотрят в одну сторону и улыбаются, обнаружила свое трехлетнее кучерявое чадо взобравшимся на какое-то возвышение и увлеченно размахивающим руками. Года через два родители с друзьями, большой компанией отправились позагорать и поплавать в бассейнах лесопарка. Вечером решили остаться поужинать там же в ресторане. Пока взрослые занимались своими делами, я нашел какую-то палочку, встал посреди дансинга и стал «дирижировать» начавшим играть диксилендом. Этот «аттракцион» так понравился музыкантам

и публике, что меня переставили на эстраду и не отпускали до закрытия, то есть почти до полуночи.

Году в 1948-м один из наших квартирантов, студент Софийской музыкальной академии – скрипач по имени Васил (фамилии, увы, не вспомню), оценив мои «концертные выступления», предложил маме отвести меня в начинавший набирать популярность детский хор «Софийски славейчета», к тому времени уже переименованный в «Бодра смяна» и обласканный Георгием Димитровым, провозгласившим: «Болгария должна стать певческой страной». Меня прослушали и сразу взяли. Событие это я, без преувеличения, считаю судьбоносным, предопределившим всю мою будущую жизнь. Свершилась моя мечта: начались спевки, разучивание замечательных песен, концерты. В коллективе царил потрясающе творческая атмосфера, создаваемая, прежде всего основателем и руководителем хора Бончо Николаевичем Бочевым и его старшей дочерью и правой рукой, пианисткой Лиляной Бочевой, концертмейстером хора. Что я нового могу написать здесь об этих гениальных музыкантах и педагогах, когда сегодня о них столь много и сказано, и написано высочайших слов величайшими музыкантами всего мира, потрясенными тем, как простой школьный учитель пения смог выпестовать коллектив, в течение нескольких десятилетий единодушно признаваемый одним из лучших детских хоров на планете?! Впрочем, слов не надо – достаточно послушать в хорошей записи хоть пару песен из его богатейшего репертуара.

В первое время я, пятилетний, был в «Бодрой смяне» самым маленьким, стоял на концертах первым сбоку в первом ряду дискантов. Как-то так получалось, что в хоре нас не учили музыке, а мы просто занимались ею. Наверное, так и должны петь соловушки? Но нигде и никогда, кроме, быть может, занятий в классах по специальности у своих консерваторских педагогов, я не получил такого объема фундаментальных музыкальных знаний и навыков. А ведь кроме самостоятельных хоровых выступлений мы пели еще и с оркестром, участвовали в оперных спектаклях

Софийской оперы. Так мне посчастливилось выступить в детских хоровых сценках опер «Кармен», Пиковая дама», «Борис Годунов», «Момчил», получить в 5 лет свой первый «творческий» гонорар левов в 8 или 10, а «на закате моей певческой карьеры» (то есть перед началом мутации) даже несколько раз исполнить крошечную мальчишескую партию в одноактной опере Дж. Пуччини «Джанни Скики».

Между тем новый Союз советских граждан стал активно разворачивать свою деятельность: создавать отделения в крупных городах Болгарии, зарабатывать финансовые средства путем организации различных производств, ресторанов и кондитерских. Хорошо об этом знаю (в принципе, без подробностей), поскольку отец активно помогал в делах бухгалтерских, а затем и в проведении ревизий подведомственных Союзу предприятий. В Софии был создан Клуб Союза, КСГБ, получивший для своей деятельности большое здание в центре, с вместительным залом, двором, кажется, бывшего немецкого Дома офицеров. Этот клуб очень быстро стал для всех НАШИМ домом. Работали самые разные кружки для детей и взрослых, широчайше развернулась самодеятельность, в зале по субботам и воскресеньям было по несколько киносеансов, днем детских, вечером взрослых, давались концерты и спектакли, проводились новогодние елки, карнавалы и т.п.. Детей, в первые годы работы, после кино кормили бесплатными завтраками. Как сейчас, помню – большая кружка молока или сладкого чая, большой толстый кусок свежего хлеба, щедро помазанный американским корндбифом (вроде гранулированной тушенки), повидлом или медом. Уплетали за обе щеки. Организовали при Клубе ресторан в закрытом помещении и, летом, во дворе. Работал он для всех желающих, но для членов Клуба были всегда выделенные места и так называемое дежурное меню – не столь изысканное, как порционные блюда, а ближе к домашней кухне и значительно более дешевое, чем где-либо. Так что для нас, детей, было невыразимым счастьем после своего сеанса и завтрака, вечером посмотреть фильм для

взрослых (естественно, в первом ряду!), а потом еще и отужинать с родителями в ресторане.

Мне часто доводилось петь в клубных концертах, мама даже сохранила несколько рецензий в издаваемой ССГБ газете «За Советскую Родину!» Наверное, единственной ложкой дегтя во всем этом благоденствии были обязательные для членов Клуба политкружки. Детские уши запомнили немало, сказанных шепотом, родительских комментариев по поводу изучаемого сталинского «Краткого курса истории ВКП(б)»! Между тем, Союз развернул свою деятельность столь интенсивно, что сумел за несколько первых лет существования построить в Панчарево солидный Дом отдыха, с отдельным пищеблоком, плавательным бассейном и большой благоустроенной прилегающей территорией (сохранилось фото открытия). Летом там в две смены работал пионерский лагерь, куда я, как и многие мои друзья, ездил лет пять подряд, пару раз даже в обе смены. Там было очень дружно и весело, с пионерскими кострами, ритуалами, походами, разнообразными кружками по интересам, самодеятельными концертами, ежедневными купаниями в бассейне. Не обходилось, конечно, без вполне невинных шалостей, самым страшным наказанием за которые было одноразовое лишение купания. А в начале 1950-х гг. ССГБ на свои средства построил себе еще более роскошное клубное здание, точно напротив первого Клуба, и перенес туда все накопленное за прошедшие годы.

Получилось, что в своем повествовании я опять невольно забежал немного дальше положенного. Посему вернемся к концу сороковых. В 1949-м меня, шестилетнего, умеющего читать, писать и считать, приняли в первый класс обычной болгарской школы (училища) «Антим I» и, параллельно, в класс фортепиано ДМШ при Музыкальной Академии. Несмотря на такую нагрузку, времени моего хватало на «Бодру смяну» со всеми спевками, концертами и спектаклями, на походы с мамой в кино и на концерты в филармонию и на вечернее общение с папой. Хватало и на чтение: читал я запоем, особенно когда болел. Родители,

благо места в новой квартире хватало, взяли напрокат пианино. Занимался я на нем не слишком рьяно, хотя и в пределах приличия. Упомянув кино и филармонию, я вспомнил о маминых пристрастиях: она была очень музыкальной, сама играла, обожала и прекрасно знала классическую музыку, даже достаточно сложную – Вагнера, Брамса, импрессионистов, русскую, естественно, и при этом старалась не пропустить ни одной стоящей внимания киноновинки. Папа к класси-

ческой музыке относился с вежливой терпимостью. Поскольку мама меня приводила из школы и водила на музыку, иногда увидев по дороге в кинотеатре рекламу нового фильма, брала грех на душу и незапланированно забегала со мной на ближайший сеанс. Как ни странно, это нисколько не мешало моим школьным успехам, зато я посмотрел тогда столько замечательных, часто совсем не детских, фильмов! Походы на симфонические концерты были реже, организованней, но и праздничней. На французский времени уже не было совсем, он стал быстро забываться.

Не успел я перейти во второй класс и закончить первую четверть, произошло знаменательнейшее событие – в Софии открыли русскую школу (официально – с преподаванием на русском языке)! Мало того, стали собирать туда детей русской эмиграции, в том числе из провинции, для которых устроили интернат! Прошлым, 2010-м, летом однокашники пригласили меня на торжество по поводу 50-летия первого выпуска школы. Приехать я не смог, но послал им свое оцифрованное вербально-музыкальное видео-приветствие, которое показали

на экране. Там я сказал: «Благословенны будь те, кому пришла в голову эта уникальная идея и кто воплотил ее в жизнь!» Не развивая далее эту мысль, скажу лишь, что школа была у нас замечательная, слияние потомков русской эмиграции и болгарской партийно-государственной элиты дало прекрасные плоды симбиоза двух близких славянских культур, нейтрализовав взрывчатый потенциал этой идеологически гремучей смеси. Наш второй класс был вначале самым старшим по возрасту, учились у нас и софийцы, и интернатские ребята. Дифференциации не было по определению. Первой нашей учительницей была Наталия Владимировна Ключева. Вспоминаю с нежностью и легкой грустью уроки математика «старой гимназической формации» Анатолия Константиновича Брижицкого, молодой учительницы русского языка и литературы Тамары Горановны Дамяновой, обладателя редкостным даром красноречия, строгого завуча, москвича Бориса Николаевича Орлова.

Класс наш был хорошим, дружным (естественно, не всех со всеми. Много было общих хороших дел. Поразительно, но с дружба с теми, с кем дружил особенно крепко, продолжается до сих пор). Стоило мне через 25 лет отъезда из Болгарии приехать в короткую командировку в Софию, позвонить в знакомую дверь на ул. Добруджа, 9, как в открытую дверь раздалось: «Вовка!», в ответ – «Шурка», и я оказался в объятьях нашего «Портоса» Шурки Александрова. Через 5 минут он обзвонил всех ближайших друзей, а следующим вечером там же собрался наш мальчишник: добавились Алеша Максимович, Митя Кузьмин, Коля Конакчиев (прошу у них прощения, что назвал по именам – сегодня для всех остальных они известные, солидные, уважаемые люди: менеджеры, дипломаты, тележурналисты, отцы и деды семейств). Просидели до утра, вспоминая многое и многих, школьные шалости, мушкетерские поединки с Алешкой, нашим Д'Артаньяном, упоение с которым резались в белот с Митькой, естественно – Арамисом... По сию пору переписываемся, созваниваемся. А Женя Левкова (ныне Бесчастнова) нашла меня по групповой

фотографии делегатов съезда композиторов в газете «Советская культура», Таня Пчелинцева – на фестивале «Ленинградская музыкальная весна». Володя Злобин, молодым врачом приехав с Урала в Ростов в командировку, наудачу позвонил по полученному в Горсправке телефону и с тех пор мы не теряем друг друга, хотя Володя переезжал в Омск, затем в Иркутск, где «под него», доктора наук, профессора, открыли целый институт микробиологии. Затем, после избрания академиком, действительным членом Российской Академии Медицинских Наук он был приглашен в Москву, назначен одним из 12 экспертов Всемирной Организации Здравоохранения (ВОЗ) при ООН, а недавно вернулся в полюбившийся ему Иркутск. Истинно: дружбе ни время, ни расстояния не страшны, если мы нужны друг другу!

С учебой моей ни сам я, ни родители забот никогда не имели. Итоговые оценки всегда были отличными, даже по музыке, хотя занимался я там «ни шатко – ни валко». К 12 годам началась мутация, с «Бодрой смяной» пришлось расстаться. Французский без практики, да еще и в школе с английским, забылся окончательно. Предлагали нам перед пятым классом выбрать английский или немецкий, да кто ж после такой войны выбрал бы немецкий? А языком туманного Альбиона родители, увы, не владели, что, мне кажется, для смолянок странно, учитывая любовь императорской семьи к общению по-английски. Реально воспринимая status quo как вынужденную жизнь по двойным стандартам, они внешне спокойно воспринимали мои пионерско-комсомольские дела, не позволяющие посещать храмы, хотя и просили, особенно мама, время от времени креститься и не забывать молитвы – на будущее, когда поумену. И оказались провидцами.

В начале 50-х в дом пришла беда: у никогда не болевшего папы выявились и бешеными темпами прогрессировали гипертония и серьезные проблемы с сердцем. Он стал жить на одних лекарствах, травяных отварах, гомеопатии, но работу – ни основную, ни общественную в ССГБ – не оставлял. Только создал себе чуть более щадящий режим, с послеобеденным и вечерним отдыхом

в горизонтальном положении. Как живая, стоит перед глазами картина: вечер, папа лежит на кровати, на груди у него устроился любимец – черно-белый кот Барсик, рядом – я. Мама хочет согнать кота: мол, тяжело для сердца, а папа: «Пусть лежит, котика тоже ласки хочется»...

И все же случилось неотвратимое: закончив громоздкий, тяжелый годовой баланс Управления папа настолько переутомился, что кровяные сосуды не выдержали и вечером 15 января у него случился инсульт. Врачи оказались бессильны. Ровно через сутки, 16 января 1954 года, на 56-м году жизни Феодосий Иванович Красноскулов скончался. Похоронили его на софийском кладбище «Орландовци», рядом с могилой тещи, Клавдии Юльевны Жмакиной. На могиле мама установила надгробие из мраморной крошки и посадила кустик вечнозеленого плюща. Придя туда через 27 лет, я обнаружил, что от надгробия не осталось и следа, только гора плюща, вечно зеленого...

В Управлении отнеслись к нашему горю сердечно. Оставили нас в квартире, помогли выхлопотать пенсию в связи с потерей кормильца из-за несчастного случая на производстве («трудова злополука»). Большое участие проявили папин сослуживец и коллега в ревизионных делах ССГБ, милейший Валериан Александрович Нечаев и знакомый адвокат Любен Цанков, немало перед тем пострадавший из-за своего брата, премьера буржуазного правительства Болгарии в 1920–1930-х гг. Александра Цанкова. Маме, естественно, пришлось искать работу. Чтобы быть занятой через день, имея, таким образом, возможность вести хозяйство и не упускать мое воспитание из-под своего контроля, она при содействии руководства КСГБ устроилась официанткой в подведомственную Клубу кондитерскую «Алтай» (чувствуете, уже запахло целиной?), расположенную на одной из сторон площади с памятником Царю-Освободителю. Понимаю, что такая мало престижная работа, должна была быть маме трудна и физически, и психологически, но держалась она стойко. Однако года через полтора, после вынужденно перенесенной

операции, ей пришлось перейти на должность кассирши в ресторане нашего Клуба.

Моя жизнь тоже изменилась: кроме того, что остро не хватало отца, кончилось пение в хоре и театре, я выросел, обретал самостоятельность. В ту пору ярко разгорелась наша дружба с Никитой Шервашидзе. Уж не помню, как это началось, ведь учились мы в разных школах и жили отнюдь не рядом, но дружили, как говорится, «не разлей вода». Гоняли на одном его велосипеде по окрестным улицам и площадям, зимой на самодельных бобслеях съезжали по заснежено-обледеневшим бешено крутым улочкам, ходили в плавательные бассейны, где Никита, чуть ли не мастер спорта, призер национальных первенств, учил меня плавать «стильно», собирали вишни в саду их дома... Никогда не ссорились. Семья Никиты приняла меня как родного. Безусловно, симпатизируя мне, сочувствуя моей потере, ибо папу хорошо знали, а возможно, еще и благодаря моему положительному влиянию на неуравновешенный характер сына. Иногда, когда мама была на работе, я оставался у них ночевать, проводил чуть не круглые сутки. Семья эта была в своем роде уникальной. На небрежно припиленной к квартирному звонку визитной карточке главы семьи, высокого худощавого грузина с голубыми глазами и рыжеватыми волосами, значилось: князь Георгий Владимирович Шервашидзе. К этому титулу в эмигрантских кругах относились с некоторым пренебрежением, дескать, мало ли у нас было князей. И только в Москве моя тетка Варвара Васильевна, в свое время дружившая с носителями этой фамилии, объяснила мне, что является она ветвью знаменитого царского грузинского рода Багратиони! Супругой его была милейшая Татьяна Анастасиевна Бендерова, известный врач-дерматолог, дочь почившего к тому времени болгарского генерала и пребывающей в относительно добром здравии, хотя и очень пожилой, грузинской княжны Тамары Владимировны, тоже из Багратионов, потомков Ираклия II. Удивительно, что запросто общаясь, я не один вечер «резался» в столь родовитом аристократическом обществе в полуза-

бытый нынче карточный «Винт», вытесненный более простыми преферансом и бриджем! К сожалению, с отъездом из Болгарии наши связи оборвались. Никита был не мастак отвечать на письма, и только раз мне довелось встретиться накоротке с Татьяной Анастасиевной, Никитой и еще пару раз поговорить по телефону.

В 1955 г. совгражданам предложили добровольно переехать в СССР, но – на подъем целины. Решились самые смелые, из соучеников, кажется, только Злобины и Левковы. Отправили их, в основном, в район Павлодара, откуда они, со временем, разъехались по всему Союзу. В 1956-м предложили опять, но уже не на целину, а разрешили ехать к имеющимся родственникам в любые города, кроме столиц республик, Москвы и Ленинграда. Обещали дать подъемные, выделить без очереди жилье. Не знаю как, но мама задолго до войны наладила регулярную переписку с отцом, Леонидом Петровичем Жмакиным, переехавшим жить в Ростов-на-Дону, и после войны сумела ее быстро восстановить. Когда и как нашли друг друга тетка Варвара и папа, не знаю, но уже на моей памяти мы получали вначале 1950-х гг. из Москвы письма, иногда посылки с разными вкусностями, а я, именуемый «Ладиком» писал ответные письма «тете Вавочке». Переписка наша велась на «Москва..., до востребования», ибо тетя работала переводчиком-референтом на «почтовом ящике», законспирированном под НИИХИММАШ. Даже когда я приезжал к ней из Ростова на каникулы, о Болгарии не следовало даже упоминать. Ни дома, в ее перенаселенной, с пятью десятками «квартир» (комнат), двумя общими кухнями и одним туалетом коммуналке в центре столицы, ни в маленьком бревенчатом домике, построенном тетей на шести сотках в институтском дачном кооперативе. В коммуналке – потому что по доносу «добрых» соседей второй муж тети, сын священника Павел Флеренский, уже отправился в 38-м на Колыму и оттуда не вернулся. В институтской среде – понятно. Быть может, потому толком поговорить обо всем сокровенном у нас так и не получилось. К великому сожа-

лению, в августе 1960 г. Варвара Васильевна попала в аварию и от тяжких повреждений скончалась. Видя во мне сына своего обожаемого брата, тетя сердечно меня любила, и я искренне ей за эту любовь благодарен.

Колебались: ехать – не ехать, мы с мамой недолго. Управление советскими имуществами передавалось болгарам, для нового начальства мы были бы никем и вряд ли за нами сохранили бы жилье в служебной квартире. Создавалось впечатление, что и имущество Союза сограждан передадут комитету болгаро-советской дружбы, как позже и случилось. В этой ситуации прогнозы проблем жилья, работы, образования, просто выживания были откровенно пессимистическими. В России же теплилась надежда. Списались с дедушкой, он согласился – и мы решились.

КСГБ нам очень помог собрать, упаковать вещи, отправить контейнеры. И вот, 19 августа 1956 г. мы пересекли границу СССР на станции Унгены. Пару-тройку дней проваландались в Унгенах, ожидая идущий грузовой скоростью багаж, абсолютно формально прошли таможенный досмотр и – в путь. Только выезжая из Софии, мы неожиданно обнаружили, что в одном вагоне с нами туда же едут мамина сестра Екатерина с сыном. Но волею судеб их багаж задержался в дороге, и мы приехали в Ростов первыми.

Радость встречи с родным человеком поначалу затмила все, но вскоре мы ужаснулись от того, насколько больным, почти потерявшим зрение и, без преувеличения, нищим стал мой 80-летний дедушка. Блестящий офицер в начале века, полковник, честно прослуживший долгую жизнь на благо Отечества и проливший за него кровь, в середине того же века был вынужден выживать на издевательскую, минимальную в то время пенсию в 120 рублей (до хрущевской «реформы»)! Хватало только на хлеб, иногда молоко и пирожки с ливером по 40 копеек, дешевые лекарства, заплатить за квартиру и свет. Единственной его реальной ценностью была однокомнатная квартира в доме Ростовского отделения Госбанка, строительство которого дед в конце 1920-х

гг. и курировал. На момент нашего приезда он жил в своей 12-метровой комнате, а в кухне помещались трое: вдова погибшего на войне сына второй жены деда, ее сын и дочь. А тут и мы с мамой свалились вдвоем ему на голову, да еще с хоть каким, да багажом. И все в одну комнату. Забегая вперед скажу, что, несмотря на обещания посольства, ни квартиры, ни комнаты нам не дали. Мотив (почти дословно): «Мало ли что вам там обещали, мало ли что есть постановление Правительства, а у нас очередь, таких, как вы, много, и вообще – крыша над головой у вас есть, ну и живите!» Тетке Екатерине после нескольких лет мытарств, комнатку все же выделили.

Конечно, едучи в Ростов, мама предусмотрительно захватила кое-что для деда и чуть приодела его. На быстро тающие «подъемные» подкормила, навела порядок. Надо было устраиваться на работу. Кому были нужны ее пять европейских языков, но без советского диплома? Предложили сделную работу в артели – обшивать материей проволочные каркасы модных тогда (а других и не было) абажуров. Спрятав гордыню, мама согласилась. Пусть не работа, но коллектив маме понравился: простые, но добрые и веселые женщины, к тому же любящие и неплохо знающие классическую музыку. Секрет тут был прост – работали коллективно под звуки не выключаемой «тарелки» радиоточки, не слишком разнообразный репертуар которой, кроме новостей и советских песен, составляли отрывки из опер, романсы, легкая симфоническая музыка. Через какое-то время забрезжила было возможность устроиться в «Интурист», но в переводчицы мама не подходила, опять же из-за отсутствия диплома и возможной идеологической неблагонадежности, а быть гидом, чтобы бесконечно твердить заученные «утвержденные» тексты и разъезжать по командировкам, она не захотела. И тут кому-то из руководства «Интуриста» пришла в голову светлая идея: открыть в гостинице «Дон», где размещалось ростовское представительство фирмы, сувенирный киоск местного ГУМа. Мама для этого подходила идеально, согласилась и стала продавщицей этого киоска, вместе

со сменщицей, хорошей женщиной, более опытной в торговле, но не владеющей никакими иностранными языками. Эта работа обеспечивала маме хоть небольшой, но стабильный заработок, и возможность посменной, через день, работы. Заходя к ней в гостиницу, нередко наблюдал, как иностранцы с пеной у рта доказывали, что мадам несомненно парижанка, или уроженка Берлина, Рима, Праги, Варшавы, какого-то другого их европейских городов. Когда офис «Интуриста» переехал в гостиницу «Московская», киоск вместе с мамой отправили туда же, где она и проработала до последних месяцев жизни.

Окруженный заботой любимой дочери, дедушка окреп, взбодрился телом и духом, только глаукома была, к сожалению, неизлечима. Выяснилось, что он на протяжении всей жизни делает по утрам посильную зарядку и во все времена года обливается холодной водой или принимает холодный душ. Спартанские привычки и ежедневные прогулки помогали ему поддерживать жизненный тонус. (В молодости дед выиграл первенство Петербурга по велогонкам, на столе у него стоял приз – массивный серебряный письменный прибор с огромным разноколесным, серебряным же велосипедом.) Хорошо адаптированный к среде, он постепенно вводил нас в сложившуюся систему нравов и быта, во многом для нас непривычную, непонятную и чуждую.

В первые недели после приезда меня приютила у себя семья Томашевичей. В Софии они жили недалеко от нас, ходили в тот же Клуб, были дружны с моими родителями, особенно с мамой. Виктор Викторович и Нина Васильевна были очень добрыми и милыми людьми, с их сыном Сережей я дружил, вместе играли, катались на самокатах (называя их «тротинетками»). В Советский Союз они поехали на год раньше нас, на целине оказались не нужны и приехали искать счастья в Ростов, поскольку Нина Васильевна была донской казачкой из Новочеркасска (может, и это связывало ее с моей мамой?). Снимали они маленькую перекошенную хатку во II-м поселке Орджоникидзе на окраине Ростова, куда радушно пригласили меня пожить. За несколько

дней, общаясь со мной как с сыном, они постарались поделиться со мной приобретенным за год опытом вхождения в непривычную среду.

Дружная семья Томашевичей довольно скоро пополнилась родителями Нины Васильевны, типичной, как у Шолохова, парой пожилых казака и казачки, до того в Болгарии живших отдельно, и получила наконец две комнаты в трехкомнатной квартире. Хоть территориально это было далековато от нас, мы общались постоянно. Они нам много помогали советами и поступками, поддерживали в трудные минуты, особенно Нина Васильевна мою маму в последние месяцы ее жизни. Однако в середине 60-х обнаружившиеся во Франции и Испании зажиточные родственники Виктора Викторовича помогли им приобрести большую квартиру в Ленинграде, семья переехала и, к моему сожалению, обрвавшиеся контакты мне восстановить не удалось.

Надо было начинать учебу. Выяснилось, что мне, пусть даже отлично, окончившему в Софии 7-й класс 11-летней школы, предстояло идти в 8-й класс десятилетки. Поскольку некоторых предметов мы не проходили, мне поставили условие: за пару месяцев пройти и сдать недостающее или вернуться в 7-й класс. Пользуясь советами учителей и учебниками, я с этим справился месяца за полтора. Учителя и одноклассники приняли меня доброджелательно, но долгое время все же смотрели как на инопланетянина. Потом привыкли. Учеба шла как по маслу. Узнав, что я учился играть на фортепиано, попросили аккомпанировать хору, по нотам и, в основном, по слуху. Вскоре стал подыгрывать всей школьной самодеятельности. Чтобы поддерживать форму, мне разрешили в утренние часы, пока шла уборка, играть на рояле в ресторане маминой гостиницы «Дон». Поручили выступить соло на смотре самодеятельности. Решил самостоятельно выучить «Прелюдию» Рахманинова и «Экспромт» Шуберта. Сыграл. Никаких мыслей о музыкальной карьере не возникало, тем более что папа завещал получить полное среднее образование.

Под самый конец 9 класса неожиданно возникло непреодолимое желание заниматься музыкой. Мама колебалась. Узнав об этом, руководитель ресторанного ансамбля, скрипач и хороший человек Мирон Григорьевич Хачумов взялся повести меня в музыкальное училище. Меня прослушали, решили, что подготовить полную фортепианную программу я уже не успею, предложили поступать на дирижерско-хоровое отделение, не предполагая, что заветной моей мечтой было стать именно дирижером. Экзамены сдал легко, зачислили меня сразу на 2-й курс, в класс заслуженного артиста Армянской ССР Вениамина Андреевича Никольского. Но вот незадача: школа отказалась меня отпускать и отдавать документы, поскольку я был у них единственным возможным претендентом на золотую медаль, а это уже вопрос престижа школы. Пришлось учиться сразу на двух курсах и весь год мотаться из школы в училище и обратно. Запарка была невероятная, зато «золото» заработал и везде все успел. Поверив в меня, мама на возвратную ссуду, которую давали репатриантам, купила мне пианино «Ростов-Дон», вкупе с необходимыми в хозяйстве холодильником и стиральной машиной (ссуду я потом погашал).

Педагоги в училище были хорошие, группа – дружная. После прошлогоднего «треборья» учиться на 3-м курсе было совсем необременительно. Где-то в октябре я сочинил «Осеннюю песенку» о Ростове на стихи однокурсницы. Две подружки из группы с успехом ее спели на праздничном вечере. Тут же подошел завуч и предложил заниматься композицией в классе известного композитора Алексея Павловича Артамонова, заслуженного деятеля искусств РСФСР. Шел с трепетом, но ему песенка понравилась и занятия начались. Между тем в училище существовало правило рекомендовать студентам готовить домашние задания небольшими группами, помогая друг другу. Меня объединили со спевшими «Песенку» двумя подружками. Долго ли, коротко, одна из девочек занялась своими проблемами, а мы, оставшиеся двое, повнимательней присмотрелись друг к другу – и по уши

Алексей Владимирович Красносулов.
Начало 1990-х гг.

Молодожены Влада Няянова и Алексей
Красносулов. Май 2000 г.

влюбились. Это было чудесное, светлое, искреннее юношеское чувство, на глазах у всех окружающих, в том числе родителей, которых мы вскоре перезнакомили. Отцом Тани был мой учитель Алексей Павлович, в то время председатель Ростовского Союза композиторов, всегда с достоинством писавший в графе «социальное происхождение»: «из дворян», за что его, как ни странно, очень уважало даже партийное руководство (еще бы, Артамоновы ведут свой род со времен Иоанна Грозного, я же скромно писал «из служащих» и это было правдой, ибо дворянство как сословие упразднили в 1917-м). И он, и Танина мама, Евгения Александровна, и бабушка Александр Константинович отнеслись ко мне с большой симпатией, сердечно привечали дома, когда мы приходили заниматься. Уроки по композиции шли своим чередом. Танюша, очаровательная живая девочка, тоже понравилась моей маме и деду. Потому наше решение пожениться перед окончанием училища, чтобы вместе дальше учиться или работать по распределению, были родителями восприняты с пониманием, спокойно, хотя и с некоторой опаской: не слишком ли рано? Ответ дала жизнь – в марте 2011 г. мы отметили золотую свадьбу. (К слову, об описанном выше благо-

родном поступке полковника Донского Казачьего корпуса Павла Артамонова, предоставившего смолянкам повозки для эвакуации, мы случайно узнали лишь в середине 2000-х. А это ведь был родной дед моей жены, отец Алексея Павловича, сгинувший на чужбине. Кто еще будет сомневаться, что некоторые браки заключаются на Небесах?)

Окончив с отличием училище, мы при большом конкурсе сравнительно легко поступили в Харьковскую консерваторию, в то время ближайшую к Ростову. Поскольку я имел неосторожность показать на экзамене несколько своих хоров, сочиненных в классе А.П. Артамонова, меня тут же уговорили поступать на композиторское отделение, обещав разрешить заниматься параллельно дирижированием.

Жизненные радости молодой семьи почти сразу были омрачены: перенесенная мамой в начале 1961 г. операция и последующее лечение, вопреки ожиданиям, не принесли результатов, в начале сентября проявились рецидивы, нас вызвали из Харькова, а 10 ноября мама покинула этот мир. Дедушка Леонид Петрович пережил ее на пять лет, достигнув 90-летия.

В 1966 г. мы, оба с отличием, окончили переименованную в институт искусств консерваторию, жена – по одной, я – по двум специальностям, успев за время учебы проработать тройку лет хормейстерами в Заслуженной хоровой капелле УССР. Удалось, не без содействия А.П. Артамонова и Д.Д. Шостаковича, открепиться от украинского министерства культуры и распределиться на работу в Ростов, нуждавшийся в выпускниках наших специальностей. Я начал преподавать теоретические дисциплины в училище искусств. Исполнение моих сочинений позволило принять меня в члены Союза композиторов по рекомендации руководителя СК РСФСР Г.В. Свиридова, уже в 1968-м. В 1970 г. меня избрали в состав правления, в 1974-м – председателем правления Ростовской организации, а на съезде СК СССР, членом ревизионной комиссии, и позже – правления. Пока сам не отпросился, меня трижды, в общей сложности на 15 лет, избирали

Председателем Ростовской организации, примерно столько же – секретарем правления СК РСФСР, до середины двухтысячных сохраняя в составе руководства Российского и Ростовского союзов. Недавно присвоили титул Почетного деятеля Союза композиторов России, в дополнение к полученной ранее государственной награде – званию «Заслуженный деятель искусств Российской Федерации». Естественно, что для достижения всего этого необходима была самоотверженная ежедневная созидательная работа, постоянно требующая общения с большим числом людей и учреждений разного уровня, изощренной порой дипломатии, отнимающая много физических и моральных сил, а главное – драгоценного времени, столь необходимого для творчества, без которого жизнь композитора немислима.

Оглядываясь в прошлое, с удовлетворением, иногда с гордостью думаю, как много было сделано, с сожалением – сколь многое из созданного бездумно утрачено, разрушено, но все же, к счастью, пока не забыто. К тому же организаторская деятельность никогда не была для меня единственной и главенствующей. Конечно, я не сумел сочинить столько музыки, сколько мог или хотел, не все и не всегда получалось. Но за большинство своих сочинений, рожденных мною созданий, я спокоен, помня реакцию на них слушателей и исполнителей, их слезы, улыбки, аплодисменты не только в былые времена, но и в наши дни. Другие мои «чада» – тысячи полторы выступлений в творческих встречах, сборных и авторских концертах по всей стране от Львова до Хабаровска и за рубежом, когда всем своим существом чувствуешь сиюминутную реакцию детской или взрослой аудитории, видишь глаза, лица. Следующая ипостась – педагогика, предоставила мне счастливую возможность воспитать в училище и консерватории почти за полвека около тысячи учеников практически всех специальностей, многие из которых являются моей гордостью, благодаря своим творческим и педагогическим достижениям. Присуждение мне звания профессора – это и признание их успехов. По иронии судьбы, «сбежав» с руководящей

Ростовская государственная консерватория (академия) им. С. В. Рахманинова

Студенческое научно-творческое общество

ТВОРЧЕСКАЯ ВСТРЕЧА С КОМПОЗИТОРОМ

Владимир Красноскулов

"...среди повторенный звук..."

Вокальные, хоровые, инструментальные сочинения

Исполнители:
лауреаты международных и всероссийских конкурсов
Алексей Красноскулов, Зарина Тлехурай

Юлия Башкатова, Юрий Зеленин, Жасминэ Мартиросян
Оксана Репина, Екатерина Горбань, Марина Иглицкая

Видеопрезентация из личного архива композитора

Встречу ведет кандидат искусствоведения **Наталья Самоходкина**

WWW

16 марта 2011 г., 12:30
Камерный зал консерватории

должности в композиторской организации мне, после небольшой паузы, пришлось согласиться взвалить на себя руководство кафедрой теории музыки и композиции Ростовской государственной консерватории (академии) им. С.В. Рахманинова, длящиеся вот уже 17 лет...

Наконец, главные мои сокровища, гордость и надежда – моя супруга и наши единственные сын Алексей и внук Михаил. Сорокалетний Алексей – лауреат Международного Баховского конкурса пианистов в Саарбрюккене (ФРГ), доцент кафедры специального фортепиано, кандидат искусствоведения. Заведует кафедрой звукорежиссуры и информационных технологий нашей консерватории, главный пропагандист клавирного творчества отца и деда. Девятилетний Миша учится в колледже при консерватории по классу фортепиано, успел завоевать призовые места на нескольких конкурсах, уже играет в концертах специально для него сочиненные и ему посвященные сочинения деда.

Так что жаловаться на жизнь, пожалуй, грешно.

Я попытался рассказать о многом, что знаю и помню, втиснув в рамки одной статьи почти полтора века истории жизни моей семьи. Что-то, наверное, запамятовал, кого-то не назвал, по каким-то событиям прошелся пунктиром, где-то позволил себе привести больше подробностей. Потому что ведь вся наша жизнь построена на характерных мелочах, штрихах, поступках, взглядах, репликах, часто лучше всего характеризующих и личности, и эпоху. Без них получилась бы просто скучная сухая анкета.

Завершая, хочу низко поклониться и сказать: благодарю тебя, Майко България, моя Родина, и тебя, Отчизна моя Россия, за все, что вы дали мне, моим близким, друзьям. Благодарю за драгоценное двуязычие, словесное и музыкальное, давшее мне возможность почерпнуть столь многое из кладезей двух родственных славянских культур и попытаться их творчески объединить и еще более сблизить. Благодарю тебя, България, за то, что народ твой дал приют несчастным российским изгнанникам, так же, как когда-то Россия принимала борцов за свободу Болгарии, о чем великолепно сказали Христо Ботев и Иван Вазов. Родина и Отчизна мои! Внутренним взором вижу ваши прекрасные пейзажи: зеленые луга, желтеющие нивы, леса и горы, мысленно

ощущаю терпкий вкус и аромат плодов и цветов земель ваших, слух воспроизводит звуки речи, журчанье ручейков, грохот бурных рек и морей, грустные и веселые напевы, острые и плавные ритмы песен и танцев. Такие разные и такие схожие, в душе моей вы едины и неразделимы, как неделимы небо и солнце над нами, как нельзя отрезать одну часть жизни от другой.

Дай нам, Боже, чтобы в умах и сердцах своих наши народы оставались навек столь же едины и неразделимы! Несмотря ни на что.

Извините, если сочтете, что получилось слишком помпезно. Зато, поверьте – искренне.

Воспоминания о семье врача В.А. Левкова и его брата врача А.А. Левкова

Папин отец – мой дедушка, Александр Александрович Левков, родился в семье врача в 1888 г. в слободе Покровской (ныне г. Энгельс) – через Волгу от Саратова. Его отец был прекрасным хирургом. В больнице, где он работал, до сих пор сохраняется память о нем. В кабинете висит его портрет. Звали его Александром Николаевичем. Его дочь Татьяна Александровна, по мужу Рыбальченко, пошла по его стопам и долгие годы была хирургом в той же больнице. Отец Александра Николаевича был священником, но о нем мы ничего не знаем.

Жена Александра Николаевича, Августина Васильевна, урожденная Докшина, была дочерью местного предводителя дворянства. О ней я знаю только, что она была веселого нрава и родила и выкормила 11 детей.

Мой дедушка был вторым сыном и по обычаю был назван именем отца. Первого сына назвали в честь деда Николаем. Все дети, кроме двоих, умерших в студенческие годы и одного, погибшего 20 лет от роду во время Гражданской войны, получили высшее образование, причем все стали врачами, кроме моего дедушки, который стал инженером и одной из его сестер, выбравшей карьеру учительницы литературы (Надежда Александровна Левкова).

Мой дедушка, Александр Александрович Левков, учился сначала в Саратовской гимназии, потом в Петербургском

Кораблестроительном институте. Он закончил его блестяще, и его оставили для продолжения образования и преподавательской деятельности в институте, но в это время от скоротечной чахотки умер его любимый младший брат Василий, студент последнего курса медицинского института. Так как у Александра Александровича тоже были слабые легкие, врачи посоветовали ему сменить место жительства и уехать куда-нибудь на юг. Это было в 1915 году.

Моя бабушка, мать моего отца, Евгения Павловна, урожденная Розалиева, родилась в семье священника. По семейному преданию, ее предок был крестьянином, довольно зажиточным, по фамилии Волков. Он жил в Самарской губернии. У него было 11 дочерей и не было сына, о котором он мечтал. Помолившись Богу, он дал обет, что если Бог пошлет ему сына, его сделают священником. Так и случилось. Мальчика отдали в семинарию, где он получил фамилию Розалиев (тогда было принято давать священнослужителям фамилии или церковного происхождения, например Рождественский, Покровский и т. д. или по названию цветов, например Левкоев, Цветков и т. д., или в честь святых). Предполагается, что фамилия Розалиев дана не в честь цветка розы, а в честь святой Розалии. Отец моей бабушки был правнуком первого Розалиева. Это выяснил мой троюродный брат, Николай Юрьевич Розалиев, живущий в Москве.

Ее отца звали Павел Георгиевич (Егорович) Розалиев. Он обладал прекрасным голосом и мечтал стать оперным певцом, но семейная традиция сделала его священником. Он женился на Елизавете Алексеевне, урожденной Цветковой, чей отец был благочинным (главным священником) в селе Тимашево Самарской губернии. В этом селе родилась моя бабушка, которая была четвертым ребенком из пяти и единственной девочкой. Но вскоре после ее рождения семья переехала сначала в Саратов, а потом в село Узморье, которое находится в 30 км ниже Саратова на левом берегу Волги. С Узморьем связаны первые и самые прекрасные воспоминания моей бабушки (яблоневые сады, заливные луга, степная природа с запахом полыни и водившимися в изобилии дрофами).

В Узморье мой прадед попал в наказание. В Саратове его уличили в неблагоприятном поступке – переодевшись в штатское, он посещал оперный театр. Священникам это почему-то не полагалось. Характер у моего прадеда был вспыльчивый, прямо-таки взрывной. Старшие братья бабушки не были ей особенно близки. Один из них стал подводником и утонул вместе с подводной лодкой еще в Первую мировую войну. Второй, после очень жестокого и незаслуженного наказания со стороны отца, убежал из дома, примкнул к эсерам, стал профессиональным революционером, прошел ссылку и каторгу, бежал, после революции был торговым представителем Советского Союза в Японии и Корее. Написал книгу о Корее и умер там после какой-то операции. Младший брат бабушки, самый любимый, тоже работал на «красных» – был связан с поставками лошадей для армии, занимал какой-то большой пост и погиб при невыясненных обстоятельствах. Он был женат на англичанке, одной из трех сестер Прислей – на русский лад, они были родственницами писателя Пристли. Братья их уехали в Англию после революции, а сестры все вышли замуж за русских и остались. Их потомки сейчас живут в Москве.

Бабушка моя выросла в Узморье. Село было наполовину из немецких переселенцев, наполовину из выходцев с Украины.

Поэтому бабушка с детства знала немецкий язык и пела украинские песни. Она училась в Саратове. Жила в пансионе частной гимназии. Класные дамы говорили с ученицами день на французском, день – на немецком языке. В гимназию принимали девочек всех сословий, первой ученицей в классе была дочь крестьянина, поэтому бабушка возмущалась, когда мы читали в советских книгах, что детям рабочих и крестьян не разрешали учиться. Все и тогда упиралось в деньги – плати и учись. После гимназии

Евгения Павловна отправилась в Петербург и поступила на Высшие женские агрономические курсы. Проучилась она года два или три, а потом вышла замуж за дедушку и навсегда рассталась с сельским хозяйством.

Дедушке Александру Александровичу в 1915 г. предложили должность инженера порта в городе Мариуполе. Он уехал туда из Петербурга, а вскоре к нему приехала бабушка Евгения Павловна и они поженились. На свадьбу приехал из Узморья отец невесты и подарил ей швейную машинку и огромный сундук, которые попали в Болгарию, а потом вернулись в Россию вместе с бабушкой. Дедушке как инженеру порта полагалась семикомнатная квартира (казенная, как говорила бабушка), удобная, у самого Азовского моря. В мае 1916 г. в семье появился первенец – Александр, мой дядя Шура.

У бабушки была горничная, кухарка, а когда через год родился второй ребенок, Василий, мой папа (25 июня 1917 г.), то пригласили и няню. Из Узморья приехала посмотреть на внуков и помочь молодой матери Елизавета Алексеевна, моя прабабушка. На этом прервались все связи Левковых-Розалиевых со своими родными. Отец дедушки, Александр Николаевич, умер в 1916 году. Отец бабушки Павел Георгиевич погиб при невыясненных обстоятельствах. Произошла революция. Моя праба-

бушка собралась ехать домой в Узморье, но с дороги вернулась: Гражданская война помешала.

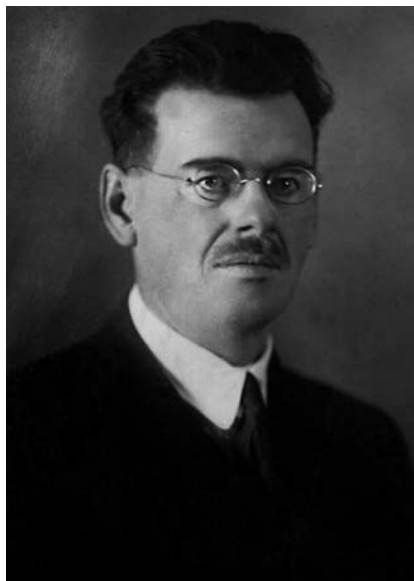
В семье сначала все шло своим чередом, но потом война подступила к Мариуполю. Остаться в городе стало опасно. Дедушке предложили должность инженера на торгово-пассажирский пароход «Киев», принадлежавший какой-то частной компании. Дедушка согласился на условии, что его семья будет жить с ним на пароходе. Следующие три года семья провела в море. Видимо, какое-то время они проводили на берегу, даже жили в Новороссийске, который очень нравился бабушке (вид из парка на бухту) – всё, кроме норд-оста (Боры), но в основном они плавали по Черному морю. Бывали в Крыму, в Одессе, Констанце. Первые папины воспоминания и огромная любовь – это море.

В 1921 г., кажется в феврале, пароход «Киев» прибыл в Варну, где хозяин его продал. Всех, кто находился на пароходе, высадили на берег. Так мои дедушка, бабушка, прабабушка, дядя и папа оказались в Болгарии. Далекое от политики, они оказались в эмиграции по стечению обстоятельств. Трагичнее всего это было для моей прабабушки Елизаветы Алексеевны. Она так и не научилась говорить по-болгарски, тосковала по России, о родных, с которыми прервалась всякая связь и о судьбе которых она так и не узнала. В Болгарии все было ей чуждо – язык, обычаи, кухня, климат. Она умерла в конце сороковых. Елизавета Алексеевна одна из всей семьи была очень религиозной. Она похоронена в Варне. В гроб к ней бабушка положила Библию.

Первое время после высадки на берег вся команда парохода «Киев» жила своего рода коммуной. Сняли несколько домиков рядом, вместе питались, вместе строили планы на будущее, и в основном все эти планы предусматривали возвращение в Россию. Одним из вариантов было возвращение на лодках. Бабушка загорелась и выразила желание присоединиться к группе, но тут дедушка, человек очень мягкий и всегда и во всем уступающий бабушке, в первый и, возможно, в последний раз, воспротивился, назвав безумием идею пересечь Черное море на лодке с пожилой женщиной и двумя маленькими детьми. Те, кто уплыли на лодке, не сообщили о себе ничего, судьба их неизвестна. Так же не известно ничего о другой группе, попытавшейся пешком через Румынию вернуться в Россию. Остальные сначала продолжали жить вместе, но постепенно в поисках заработка разбрелись по разным болгарским городам.

Дедушка и бабушка остались в Варне. Жили очень бедно. Дедушка был инженером от Бога, у него была светлая голова и золотые руки. Он брался за любую работу, и все у него получалось.

Но ни на одной работе он не задерживался долго. Было какое-то постановление, ограничивающее время работы русских. Какое-то время он преподавал в Морском училище, тогда оно еще не было военным. У него учился Никола Вапцаров, на его аттестате есть дедушкина подпись. Дедушка был мастером на все руки – мог быть строителем, делал мебель, лодки, а когда не было никакой работы – игрушки. Дедушка придумывал и делал интересные игрушки, а бабушка шила кукол и платье для них.

Даже когда не было необходимости зарабатывать на игрушках, бабушка и дедушка делали их для нас, своих внуков. Приезжая на лето в Варну мы знали, что нас ждет что-нибудь интересное – модели кораблей, куклы, медвежата и что-нибудь необычное, например, барабан, который при кручении вокруг оси, показывал разные забавные сюжеты, основанные на принципе мультипликации.

Дедушка и бабушка взяли болгарское гражданство, когда детям пришла пора учиться. Учиться они начали в Варне в русской гимназии. Учились хорошо. Для экономии семья Левковых переехала на дачу. Купили кусок земли в районе нынешней остановки «Делфинариум», но выше, на холмах. До моря далеко, но вид чудесный. Дедушка сам построил там домик в одну комнату и кухню. На большом абрикосе висели качели, росло несколько яблонек, слива с невероятно кислыми плодами, воду брали из колодца у соседей. На соседнем пустыре волейбольная площадка. Дети Левковых жили бедно, но весело. Случилось так, что папа поранил ногу, была задета кость, началась воспаленность, которое долго не проходило. Врачи настаивали на ампутации. И только один старый русский доктор, как последнее средство, посоветовал попробовать солнце и морскую воду. К лету дедушка сделал лодку, широкую устойчивую шлюпку, чтобы папа мог весь день проводить на море. И случилось чудо – к осени рана зажила. Шрам остался на всю жизнь, осталось и умение прекрасно грести и управлять лодкой, любовь к рыбной ловле, а также терпение и настойчивость как черты характера. Когда эта первая лодка состарилась, дедушка сделал вторую, на которой мы, внуки его, росли и учились любить море: плавали, прыгали с нее, ловили рыбу. Мой дедушка Александр Александрович любил море, но я никогда не видела, чтобы он купался или загорал. У него была какая-то кожная болезнь. А бабушка любила купаться, хотя плавала не очень хорошо.

Папа учился в Софии, в русской гимназии, и закончил ее с серебряной медалью. В гимназии он учил английский язык. На ме-

дицинском факультете учил латынь, и очень любил этот язык, находя его точным, звучным, выразительным. Много помнил на память и декламировал нам. По своим склонностям он должен был бы стать инженером, но тогда в Болгарии не было инженерного факультета, а ехать в Германию не было денег, к тому же он не знал немецкого языка. Поэтому папа поступил на медицинский факультет, где уже год как учился его старший брат. Медицина заинтересовала его, и он учился старательно и добросовестно, как и все

что он делал. Со своим братом они были очень дружны. В детстве у братьев Левковых было прозвище «не тронь брата». Хотя характеры у них были совсем разные. Внешне похожий на дедушку, красавец Шура – голубоглазый блондин с волнистыми волосами, унаследовал вспыльчивый, но отходчивый характер матери. Темноволосый кареглазый Вася – спокойный, уравновешенный, вдумчивый характер отца. Тем не менее, братья были очень близки друг с другом. В юности веселый, остроумный, увлекающийся Шура пользовался большим успехом у знакомых девушек. Более замкнутый и стеснительный Вася имел с девушками скорее дружеские отношения. Но после первого курса он познакомился с Валей Вербевой, впоследствии его женой и моей мамой.

В. Вербева окончила Лицей В.П. Кузьминой с золотой медалью. Училась балету в Париже у знаменитой балерины Ольги Преображенской. В Париже В. Вербева встретила свою соученицу по Лицею Любовь Пелехину, дочку ветерана Русско-турецкой войны 1877–78 гг. полковника П.П. Пелехина, жившего в Софии (похоронен на Мемориальном участке ЦСК). Валя

и Люба подружались, а вскоре и породнились, выйдя замуж за братьев Левковых. Валя Вербева вернулась в Софию в 1939 г. и поступила в Художественную академию. Папа окончил в 1940 г. Медицинский университет, а в 1941 г. Валя и папа поженились. Папа получил распределение в с. Катунец (Ловепкая обл.) В Катунце молодой доктор проработал меньше года, и его при-

звали в армию. Он отправил беременную жену в Софию к родителям, а сам уехал в Плевен, где прошли первые месяцы его службы. Я родилась 11 июля 1942 г., а папа увидел меня через пару месяцев. Не знаю, почему папа не стал в армии офицером, вот дядя Шура, который окончил институт на год раньше папы и на год раньше женившийся на Любви Петровне Пелехиной, был

офицером. Папа сначала был в Плевне, а потом по состоянию зрения его направили в строительные войска. Первое время ему было очень тяжело служить с цыганами и помаками (болгары, принявшие ислам), неграмотными и грубыми, которые смеялись

над его очками и высшим образованием. После бомбардировок Софии в январе 1943 г. а его часть послали разбирать развалины и выносить трупы. Я с семьей дедушки была в это время в Княжево, куда мама увезла меня на санках, так как в дом, где мы жили, попала бомба.

А папа после того, как завалы были разобраны, оказался в Греции, на острове Тасос, уже в качестве военного врача. Там строили дорогу, и он выдавал солдатам каждый вечер профилактически от малярии по кружке воды с хинином. И сам пил, но, тем не менее, подхватил там малярию, от которой страдал много лет.

После демобилизации папу направили на работу в село Угырчин (Ловешкая обл.) (теперь это город). Мама и я приехали к нему. В Угырчине была небольшая больница и амбулатория. Папа лечил все – от зубов до ног, в том числе принимал роды. В селе (а это было большое село) была своя интеллигенция – священник, фельдшер, несколько учителей. Был клуб, где мама организовала самодеятельность, была «крычма» – своеобразный мужской клуб. Там папа сблизился с двумя социалистами,

один из них, кажется, был учителем, другой счетоводом или кем-то в этом роде. Их звали Цачо Колев и Ботьо Бычваров. Впоследствии они сделали блестящую карьеру по партийной линии. Видимо, взгляды этих товарищей повлияли на папу, так как 9 сентября 1944 г. он участвовал во взятии «кметства» (мэрии) с пистолетом в руках. Он искренне верил в справедливость всех наступивших преобразований, но никогда не вступал ни в какие партии, так как всегда имел свое мнение и не любил единомыслия. В с. Угырчине папу любили и уважали и очень тепло встретили там в 1976 г., когда он приезжал в Болгарию.

Сельская практика была полезной для приобретения им врачебного опыта и утвердила его в намерении стать врачом-терапевтом. Но жизнь распорядилась иначе.

В начале лета 1945 г. до мамы дошли слухи, что в Софии выступает Ольга Лепешинская и еще кто-то из Большого театра. Она взяла меня и отправилась в Софию. На выступление Лепешинской она опоздала, но попала на конкурс в Софийский балет, выдержала его и была

зачислена в труппу сразу солисткой. Мама приступила к работе. Меня отдали на попечение бабушки и дедушки Вербевых – маминых родителей. Они оба работали – дедушка в Александровской больнице и на медицинском фа-

культете университета, а бабушка – фабричным врачом на двух фабриках в районе «Красно село». Одна называлась «Титания». Жили мы недалеко от Русского памятника на улице Владайска (позже Димо Хаджидимова), 103. Папа тоже приехал в Софию. Он хотел устроиться в Александровскую больницу врачом-терапевтом. Дядя Шура к этому времени уже работал там в дерматологическом отделении. У него даже была квартира в больнице – комната и закуток, который использовали как кухню. Он жил там с тетей Любой, которая работала лаборанткой, и с Шуриком, моим двоюродным братом. Но в терапевтическом отделении для папы не оказалось места. Ему предложили подождать, так как скоро должна была освободить-

ся вакансия, а чтобы не сидеть без работы, временно устроиться в судебно-медицинскую экспертизу. Папа согласился, вакансия все не освобождалась, и когда, наконец, место нашлось, папа понял, что он привык к новой работе, к коллективу, что он заинтересовался новой для него специальностью, и решил ничего не менять. Так он стал судебно-медицинским экспертом. Надо сказать, что мой дедушка Вербев мог бы, наверное, ему помочь, он ведь не только работал в больнице, но и защитил докторскую диссертацию, стал профессором, несколько лет был «управител-лекар» Александровской больницы. Но он считал незтичным, неудобным продвигать своих зятьев – как папу, так и мужа моей тети, маминой сестры, который также окончил медицинский факультет, но позднее. Так что всего, чего папа добился, он достиг сам, без помощи тестя.

Какое-то время папа был призван на трудовой фронт, был «трудоваком», но, возможно, в качестве врача. У него есть медаль за строительство какого-то «язовира». В конце концов братья Левковы защитили свои диссертации и стали кандидатами наук.

В 1949 г. все Левковы приняли советское гражданство. Папа активно участвовал в работе Клуба Советских граждан в Болгарии. Примерно в это же время ему дали комнату в общежитии для семейных на верхнем этаже Клуба на ул. Клемент Готвальда, 11 (бул. Евлоги Георгиева). До этого папа и мама жили на чердаке дома, где дедушка снимал квартиру (все в квартире не умещались).

Дядя Шура к тому времени тоже получил другое жилье – комнату в двухкомнатной квартире у Орлового моста (ул. Янтра, 3). Во второй комнате жили муж и жена, старики по фамилии Шулеповы. Когда через несколько лет старик умер, а его жена оказалась совершенно беспомощной и была помещена в Дом престарелых, комната освободилась, и в нее переехали мы с папой. Это было уже после его развода с мамой. Развелись они в 1952 году.

Папа очень болезненно пережил развод, и я очень его жалела. Он всегда был прекрасным семьянином, заботливым, любящим.

После развода папа еще больше окунулся в дела Клуба. Мы и обедали там (вернее я), и ужинали. Это действительно был наш дом. Папа и спортом там занимался: играл в волейбол, а еще раньше, вместе с дядей Шурой, учувствовал в соревнованиях по гребле, выступал за клубную команду «Красная звезда». Соревнования проходили на Дунае, а тренировки на озере Ариана в Софии. К лодке сзади на веревке подвешивали ведро, чтобы она не очень разгонялась. Клубная команда заняла какое-то призовое место.

Тогда уже пошли разговоры об отъезде в Россию, и я твердо знала, что поеду с папой, никогда его не оставлю. И потом нас так воспитывали: «Мы – русские, наша родина – там, в Болгарии мы временно»

Ехать или не ехать, решали все Левковы. Папа был «за», «за» была и его мать, Евгения Павловна. Дедушка Александр Александрович не хотел ехать, у него только сейчас наладилась жизнь, была высокооплачиваемая должность, интересная работа, уважение коллег. Он был капитаном 1-го ранга, преподавал в Военно-морском училище. Бабушка тоже была при деле – преподавала русский язык в каком-то техникуме, занималась общественной работой, была очень активной и деятельной в Варненском Клубе Советских граждан, но ее желание вернуться на Родину было ни с чем не сравнимо.

У тети Любы Пелехиной нашлись в России родственники – брат Павел от второго брака ее отца и сестра Марина от первого

брака. Они жили в городе Орле. Павел Петрович когда-то жил во Франции, воевал в Испании, участвовал в Сопротивлении, за что и получил советское гражданство и разрешение вернуться в Россию. Он поселился в Орле, где у Марины Петровны была половина деревянного одноэтажного дома.

И вот 13 февраля 1955 г. мы – дядя Шура, тетя Люба, Шурик, папа и я, едем на поезде в Орел, откуда Павел Петрович всем нам прислал приглашение. Мы были вторыми русскими, покидающими Болгарию. 15 февраля после пересадки в Брянске мы прибыли в Орел.

Папа и дядя Шура не задержались там – для кого-то из них не нашлась работа, а братья не хотели расставаться. Они оставили в Орле тетю Любу с нами, а сами отправились в Москву в Министерство здравоохранения. Там им посоветовали не оставаться на Европейской части России, где не было никакой возможности получить квартиру, а ехать на восток – на Урал, в Сибирь... В частности, предложили Челябинск, и братья согласились. Но в Челябинске квартиру обещали дать через полгода–год. А в Магнитогорске (это Челябинская область) – сразу. Так мы оказались в Магнитогорске и, действительно, сразу получили трехкомнатную квартиру, где к нашему приезду поставили взятые из больницы временно кровати. Вдоль стен стояли книги. Пустая квартира казалась огромной. Но в августе приехали бабушка и дедушка из Варны. Прибыла посланная малой скоростью мебель, дедушка сам сколотил буфет и огромный кухонный стол, а в ноябре (6-го числа) 1955 г. у тети Любы и дяди Шуры родился второй сын – Павлик (в честь Павла Петровича Пелехина), и квартира уже не казалась большой, хотя в коридоре кроме стенового шкафа стоял еще один шкаф, холодильник и три велосипеда. Магнитогорск находится на реке Урал. На левом берегу (в Азии) – металлургический комбинат и «старый город», который строился в тридцатые годы. На правом берегу (в Европе) – «новый город», построенный в пятидесятые годы и строящийся до сих пор. Мы жили в Европе, а на работу ездили в Азию. В СССР папе и дяде Шуру не признали диссертации.

Дядя Шура работал в кожно-венерологическом диспансере. Папа в больнице. Тетя Люба была там лаборанткой. Через несколько месяцев, в 1956 г. папу отправили на курсы повышения квалификации в город Ленинград. Полгода он прожил в Ленинграде, причем захватил самое лучшее время – белые ночи. Город ему очень понравился, но он рассказывал, что жилищные условия у нас гораздо лучше, чем у профессоров в Ленинграде. У него появилось там много знакомых, и почти все они жили в коммуналках, без горячей воды и ванны. А у нас все это было. Мне нравился Магнитогорск, красивый город, выстроенный по единому плану. Вот только с экологией неблагополучно. Дымы Магнитки можно было увидеть за много километров от города. На них ориентировались едущие по ровной степи без дорог. Каждый цех комбината «производил» свой дым, а в целом это было довольно красивое зрелище – дымы белые, серые, черные, желтоватые, сиреневые. Если бы только можно было не дышать! И, тем не менее, мы купались в реке Урал, ловили рыбу и раков, плавали на байдарке. Ездили на озера Башкирии – Банное, Ургун, Песчаное. На Ургуне провели два лета. Там было чудесно, если не считать массы комаров – красота, тишина, изобилие рыбы, лесной земляники, клубники, дикой вишни, грибов.

Тем не менее, у папы и дяди Шуры были мысли о перемене места жительства. Особенно после того, как завод «Маяк» радиоактивным выбросом отравил все окрестности реки Течи, в том числе красивейшее озеро Чебаркуль (это все Челябинская область). К тому же дядя Шура продолжал мечтать о диссертации, а в Магнитке не было условий для этого. Папа же отказался от этой мысли, считая это формальностью, отнимающей много времени и нервов, и ничего не приносящей для его работы и для материального благосостояния. В 1958–1959 гг. папа получил, по заочному конкурсу, место судебного эксперта на Кавказе, в г. Орджоникидзе (Владикавказ), Северная Осетия. Ему очень нравился Кавказ, Военно-грузинская дорога, город. Но от места он отказался, объясняя это тем, что там невозможно работать честно и спокойно, процветает «куначество» и взяточничество.

В 1960 г. у папы появилась возможность получить место судебного эксперта в г. Воскресенске Московской области. Поразмыслив, он решил его принять. Тем более что дядя Шура тоже нашел себе место тоже в Московской области. Но дяде Шуре предложили место в лепрозории, а бабушке и тете Любе не очень хотелось жить рядом с прокаженными. И дядя Шура отказался. Папа по работе часто бывал в Москве (он подчинялся Московской областной судебно-медицинской экспертизе). Там его оценили и были рады взять его на работу, но тогда для этого нужна была московская прописка.

Я тогда уже была студенткой Магнитогорского горно-металлургического института.

В 1961 г. я приехала в Москву на зимние каникулы по папиной просьбе. Жила в Москве на Собачьей площади в домике, где когда-то организовалась музыкальная школа имени Гнесиных. В этом маленьком двухэтажном особнячке жили сестры Гнесины и давали уроки музыки. Во время моего приезда на втором этаже жили муж и жена Роллеры, пожилая пара, приехавшая из Франции. Ольга Ильинична Роллер была племянницей Гнесиных, а ее муж Николай Николаевич – товарищем Павла Петровича Пелехина, брата тети Любы. Они вместе воевали в Испании и участвовали в Сопротивлении. Вот у них я и провела каникулы.

В 1961 г. папа женился на Ларисе Яковлевне Соколовой. С ней папа познакомился еще в Магнитогорске, где она работала по распределению в его больнице врачом-хирургом, но после смерти ее отца вернулась к матери в Москву.

Я к тому времени перевелась из Магнитогорска в Московский горный институт. Первое время мы жили в коммунальной квартире без всяких удобств на ул. Красная Пресня. В 1964 г. я вышла замуж и переехала к мужу. А семье папы дали трехкомнатную

квартиру в районе Химки-Ховрино, в «хрущевке» на 5 этаже, без лифта, но все равно тогда это было счастьем – без соседей, с ванной и горячей водой. В 1963 г. у папы родился сын Алексей. У них была хорошая и дружная семья, и они прожили вместе счастливые тридцать лет.

В 1966 г. умер от лейкемии мой дедушка. Он тосковал по Болгарии и считал, наверно, не без основания, что в Болгарии он прожил бы дольше. Дедушка умер у папы на руках. Бабушка умерла в 1990 г. на 97-м году жизни.

Папа все эти годы работал в Московской областной судебно-медицинской экспертизе. Стал старшим экспертом. Объездил все Подмосковье. Позднее стал заведующим гистологической лабораторией. У него много наград за его добросовестный труд. На работе все его очень любили. Он подготовил себе достойную смену в лаборатории. Мне кажется, добросовестность и законопослушность – основные черты его характера. Все, за что бы он ни брался, он делал хорошо. А руки у него были золотые, как у бабушки.

Папа умер в 1991 г. после тяжелой болезни. Его сын и мой брат, Алексей Васильевич Левков тоже стал врачом. Работает хирургом в 67-й городской клинической больнице г. Москвы, где много лет проработала хирургом его мать. Он женат на Ольге Юрьевне, урожденной Царьковой, враче-гинекологе. Его сын Дмитрий поступил в Институт международных отношений.

У меня два сына и два внука. Сыновья: Николай – юрист, а Василий, окончив Московскую консерваторию, выступает с Российским национальным оркестром под руководством М.В. Плетнева.

Дядя Шура, отказавшись от лепрозория, нашел место в Уфимском медицинском институте, где у него была возможность работать над диссертацией, которую он защитил в Москве, а потом работал в Тюмени заведующим кафедрой дерматологии в Тюменском медицинском институте. Он считался замечательным доктором, который излечивает то, что в принципе в дерматологии считается неизлечимым. Умер А.А. Левков в 1996 году. Люба Пелехина тоже работала в институте лаборанткой. Сейчас живет в г. Тюмени. Один из сыновей – Александр живет в г. Уфе. Окончив Уфимский авиационный институт, преподавал в авиационном техникуме. У него двое детей: дочь Юлия, которая продолжила семейную традицию, став врачом, и сын Александр – окончил математический факультет Уфимского университета и двое внуков: Анна и Александр (а как же иначе, у Левковых это фамильное имя). Второй сын А.А. Левкова живет в Тюмени. Окончил математический факультет Тюменского университета. У него двое детей – Оксана и Максим и один внук.

Анатолий Г. Литвиненко, Наталья Г. Литвиненко

Болгарская сага. Воспоминания об отце

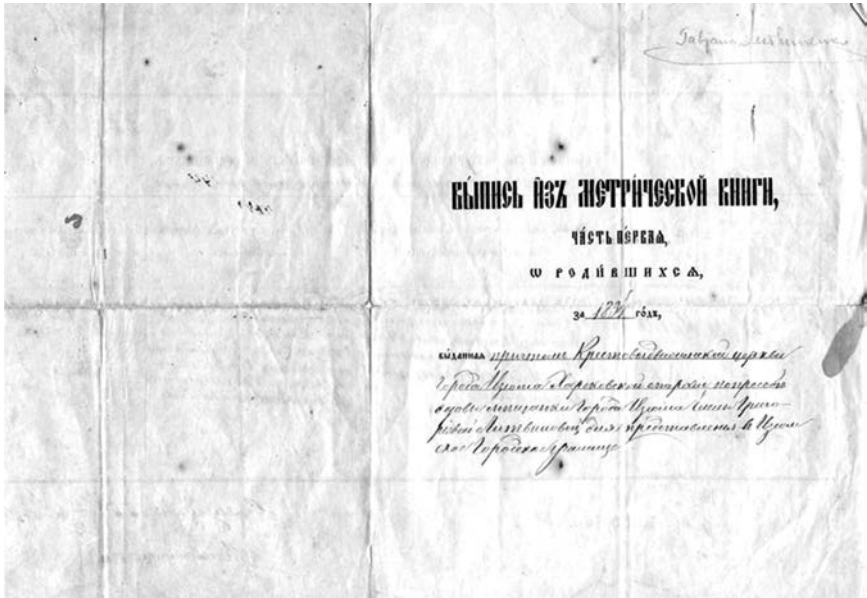

Мой отец – Литвиненко Гавриил Алексеевич родился 25.03.1894 в г. Изюме Харьковской губернии. Образование получил в г. Изюме и г. Житомире. У него в России были братья и сестры. После эмиграции переписка с ними и матерью была прервана, так как в те годы для них было небезопасно получать письма из-за границы, к тому же от белоэмигранта.

В годы 1 Мировой войны 3-го февраля в 1915 г. отец был мобилизован. Он получил назначение во 2-й запасной телеграфный батальон N-ского полка. Окончив специальный класс телеграфно-телефонного дела, был переведен в телеграфную роту 38-го саперного батальона. С января 1916 по январь 1917 г. участвовал в боевых действиях против Австро-Венгрии. В январе 1917 г. откомандирован в Первую Житомирскую школу прапорщиков. После ее окончания в августе 1917 г. он был зачислен курсовым офицером при армейской запасной бригаде. Убыл из бригады 20.01.1918 г. «в виду большевистского переворота» (так отмечено в сохранившемся у нас «Послужном списке» подпоручика Литвиненко Гавриила Алексеевича).

19 июня 1918 г. отец добровольно поступил в офицерский отряд по защите города Изюма от большевиков. В декабре 1918 г. он был откомандирован в команду службы связи, в 1919 г. переведен в Белозерской пехотный полк. В июне того же 1919 г. отца назначили начальником команды службы связи. Чин подпоручика получил 22.03.1919 на основании приказа Главнокомандующего Вооруженными силами юга России. В августе 1920 г. в составе Четвертой отдельной

**ВЫПИСЬ ИЗ МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГИ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ О РОДИВШИХСЯ,
за 1899 года в селении Вржеца в Сергиевской губернии**

Листы книг	Счёт родившихся.		Месяц и день.		Имя рождённого	Земли, имя, отчество и фамилия родителей, и какого званья.	Земли, имя, отчество и фамилия кормильцев.	Кто совершил таинство крещения.	Род дома
	Листы книг	Дни поч.	Месяц	День					
10			Июль	28	Габриил	<i>Габриил Мухоморов сын Григория Мухоморова сына Григория в Вржецком сельском приходском в Крестово-Введенской церкви</i>	<i>Мухоморов Григорий Мухоморов сын Григория в Вржецком сельском приходском в Крестово-Введенской церкви</i>	<i>Мухоморов Григорий Мухоморов сын Григория в Вржецком сельском приходском в Крестово-Введенской церкви</i>	

№ 129
М. 11 28 июля 1900 года.

*Священник Мухоморов
Мухоморов Григорий Мухоморов*

Гавриил
Алексеевич
Литвиненко. 1915 г.

Гавриил
Алексеевич
Литвиненко. 1947 г.

инженерной роты (ее телеграфного отделения) прибыл в Крым. Прикомандирован к «отдельной инженерную роте генерала Маркова» (телеграфно-телефонный взвод). 01.11.1920 «в составе роты погрузился на транспорт «Херсон» в гор. Севастополе». 10.11.1920 высадился в гор. Галлиполи (Турция). Был переведен на службу в технический полк

Первого русского корпуса (17.11.1920).

Подробнейшая хронология службы отца содержится в упомянутом «Послужном списке». Здесь выписаны только основные данные.

Из Галлиполи мой отец и другие эмигранты переехали в Болгарию, попав в г. Бургас. Там он изучил столярное ремесло и поступил на работу в Бургасские солеварни (акционерное общество «Гларус»). Работал плотником, потом руководил бригадой плотников, а последние годы своей жизни был инструментальщиком. На солеварнях работало множество русских белоэмигрантов.

В Бургасе отец женился на болгарке. Мы с моей старшей сестрой Наташей – дети этого брака. В Бургасе был создан русский клуб, где собирались тоскующие по Родине русские. Мой отец жил с постоянной надеждой вернуться на Родину, когда представится такая возможность. Гавриил Литвиненко получил советский паспорт, но в 1947 г. состояние здоровья его резко ухудшилось (у него была астма) в том же году он умер в возрасте 53 лет. Мне было тогда 9 лет. Он так и не дождал до своей мечты – вернуться на Родину... Отца похоронили в Бургасе. Амнистия и разрешение вернуться в СССР было дано в 1955 году.

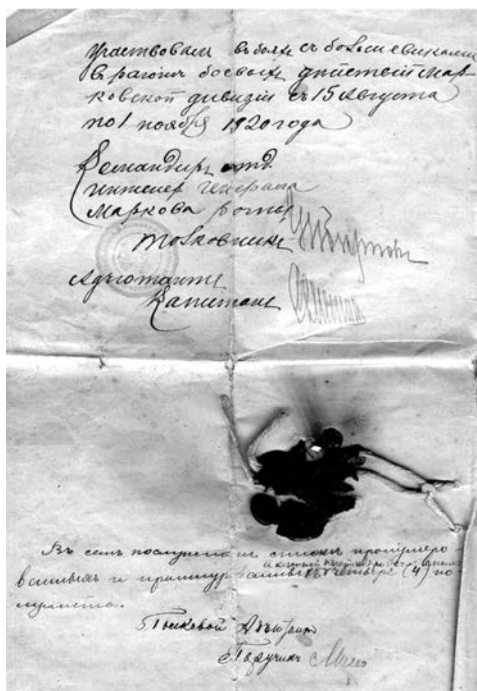
К сожалению, когда отец умер, я был слишком мал. Он не мог поделиться своими мыслями и рассказать обо всех превратностях своей судьбы. Помнится, отец любил грустные русские песни. В памяти у меня часть песни, которую часто пел отец:

*«То не ветер ветку клонит
Не дубравушка шумит.
То мое, мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит».*

Отец показывал мне созвездие Ориона. От него я впервые услышал об этом загадочном созвездии. Мама рассказывала, что когда гитлеровская Германия напала на СССР и стала захватывать русские территории, отец во всеуслышание говорил: «Россию победить нельзя! Вы не знаете Россию! Это – временное преимущество немцев!» Тогда многие не верили его словам. В те годы в Югославии, оккупированной немцами, стали организовывать

русский корпус, который должен был помогать им. Гитлеровские эмиссары и «агитаторы» из перешедших к ним белоэмигрантов стали переманивать и уговаривать русских эмигрантов записаться в корпус. Мой отец наотрез отказался от этого со словами: «Я руку против Родины не подниму!»

Когда части Красной Армии (корпус маршала Толбухина) в 1944 г. вступили в Бургас, отец встречал своих соотечественников. У нас часто в гостях были советские офицеры и сол-

даты, которых отец приводил. Они тоже были рады встретить своего соотечественника на болгарской земле.

Был у отца друг детства из Изюма – Бойко Яков Гаврилович, «дядя Яша» – как мы, дети, к нему обращались. С нашим отцом он прошел весь путь военного белоэмигранта. Жил дядя Яша в г. Стара Загора с женой Тоней – болгаркой и двумя детьми – Еленой и Василием, которые после смерти отца несколько раз приезжали к нам на лето в Бургас на море. Дядя Яша работал в эмиграции на шахтах около Старой Загоры, а потом – на деревообрабатывающих предприятиях. После смерти нашего отца, дядя Яша, как настоящий друг отца, старался всячески помочь нашей осиротевшей семье. Он выхлопотал в Русском клубе Бургаса, чтобы меня послали учиться в Русский интернат в г. Софию. Таким образом, я оказался в интернате, а мама с Наташей остались в Бургасе. В Софии я смог получить образование в русской школе. За обучение и проживание в Интернате мы платили минимальную сумму. Сумма определялась от материальных возможностей семьи. Таким образом, в 1949 г. я оказался в интернате. Про жизнь в интернате я напишу отдельно. Скажу только, что к маме и Наташе я приезжал только на каникулы..

В Софии я окончил Русскую школу (а после ВУЗ). Сестра тоже получила высшее образование, закончив заочно Софийский университет, и стала работать преподавателем русского языка в Институте международного туризма г. Бургас.

Таким образом, благодаря инициативе дяди Яши и самоотверженному труду моей мамы мы оба «встали на ноги».

Судьба семьи дяди Яши складывалась совсем иначе. Они, как и многие эмигрантские семьи, всей семьей уехали в СССР на целину. Там Василий женился, у него родился сын. Но дядя Яша, с женой и дочкой, не прижившись на целине, вернулись в Болгарию в Стару Загору. В СССР остался Василий со своей новой семьей.

Много лет спустя дядя Яша и тетя Тоня умерли, их уже давно нет в живых, но мы помним их – добрые дела не забываются...

Здание бывшего Русского интерната в Софии на ул. Виктора Гюго, 1. Фото 2011 г.

От отца у нас осталось всего несколько фотографий 1916 г. и 1919 г. (с его боевыми товарищами) и ценнейший «Послужной списою».

Русский интернат в Софии (1949–1957 годы)

Анатолий Литвиненко

Интернат размещался в угловом здании на ул. Виктора Юго (Виктора Гюго), 1. Это трехэтажное здание со старинной архитектурой существует и поныне.

Средства на содержание интерната поступали от Союза советских граждан в Болгарии (ССГБ). Эта многочисленная организация, состоящая в основном из русских эмигрантов и их детей, размещалась в огромном здании бывшей немецкой гимназии на ул. Евлоги и Христо Георгиеви (сейчас там консерватория). Потом Союз построил себе новое здание на той же улице, напротив старого клуба (169, на углу с ул. Варбица).

Помогали интернату и наши «шефы» с деревообрабатывающего русского завода, находящегося поблизости Софии – на железнодорожной станции Искър (гара Искър).

В интернате я прожил с осени 1949 г., с пятого класса, и до окончания школы (Русской гимназии – 35 ССУ) в 1957 году. В Бургас возвращался только на каникулы.

В интернате жило около 50 детей – младшего и старшего возраста. Он существовал значительно раньше моего приезда в 1949 году. На нижнем этаже были мальчики, на верхнем – девочки. На первом (партерном) была большая столовая, «красный уголок», амбулатория. В подвальном этаже была кухня – владение повара – донского казака Йосифа Максимовича («дяди Йоски»), прачечная и гардеробная. Перед входом в интернат был маленький дворик и одноэтажное здание, похожее на склад, где размещался бухгалтер – Тимофей Лонгинович (казак). Там же была комната нашего воспитателя – Свешникова Бориса Евгеньевича (у которого была интереснейшая библиотека). Первые годы моего пребывания в Интернате в нем жили и наши воспитатели. Им было отведено по комнате на каждом этаже. Все жили одной семьей. Потом появилось нескольких «приходящих» воспитателей, которые дежурили по графику.

О воспитателях я напишу поподробнее. В 1949 г. заведующей интернатом была Пчелинцева Наталья Георгиевна. Это была интеллигентная молодая женщина. Помнится, медсестрой была Елена Евгеньевна Матюхова (в замужестве Гурнакова). Когда Пчелинцева ушла из интерната, ее место заняла Елена Евгеньева (сей тогда было около 24 лет). Она энергично и с энтузиазмом взялась за новую работу. Кабинет Пчелинцевой превратился в «Красный уголок».

Единственным воспитателем-мужчиной был Борис Евгеньевич Свешников. Это был широко эрудированный человек, оказав-

Анатолий Литвиненко.
Фото 1956 г.

Воспитанники-старшеклассники Русского интерната в Софии с его заведующей Гурнаковой Елене Евгеньевной перед отъездом на целину. 23 апреля 1955 г.

ший на нас большое влияние. Человек с большим достоинством, бывший офицер. Был ранен – кисть на его правой руке была скручена вовнутрь. Среди интернатчиков шла молва, что он был ранен на дуэли. Борис Евгеньевич мог ответить на любой наш вопрос. Он был отличным математиком и оказывал помощь при решении сложных задач, если никто не мог их решить. По профессии он был агрономом, но отличался завидной образованностью во многих областях. Когда водил нас в ближайший Борисов парк («сад»), показывал нам интересные деревья. От него я впервые узнал, что в рассаднике парка растут уникальные деревья – гинкго, а также секвойи. Борису Евгеньевичу было, вероятно, более 55 лет.

В интернате жили наши воспитательницы Капустянская Татьяна Николаевна; Матюхова Александра Николаевна (мать Елены Евгеньевой). Татьяна Николаевна – культурная женщина, жила со своей матерью и дочкой в комнате на этаже мальчиков.

Ей было около 50 лет. Александра Николаевна была старше. Она отличалась строгим и властным характером. Подобные черты характера были и у ее дочери Елены Евгеньевны – заведующей интернатом. Медсестрой в какой-то момент назначили Ануфриеву Варвару Петровну. Это была добрая, но весьма вспыльчивая женщина, в возрасте, наверное, старше 55 лет. Некоторое время они с мужем «дядей Сережей» жили в эмиграции, кажется, в Египте, а потом переехали в Болгарию. До выхода на пенсию дядя Сережа работал на разных железнодорожных станциях Болгарии. Варвара Петровна рассказывала, что в молодости дядя Сережа запросто переплывал Волгу. Был в Интернате и очень жизнерадостный, добрейший «дядя Мусик» – Трейман Эммануил Федорович. Он исполнял должность завхоза и учился заочно на химическом факультете. Всегда с приветливой улыбкой и шуткой, он пользовался заслуженной симпатией в Интернате, был хорошим фотографом. Благодаря ему у нас есть фотографии всех воспитанников с воспитателями и персоналом, старшеклассников, танцевальной группы, состава самодеятельности и др. Впоследствии, насколько мне известно, дядя Мусик (уже после Интерната) стал заведующим лабораторией на гос. предприятии «Българска фотография» («Болгарская фотография»). Его сыновья Николай и Юрий организовали собственное фотоателье (оно существует и поныне). «Дядя Мусик» в те годы был молодым человеком, около 30 лет. К сожалению, его уже нет в живых.

Среди «приходящих» воспитателей, которые появились позже, помнится Лысенко Людмила Сергеевна – интересная черноглазая женщина среднего возраста, Губская Зинаида Семеновна – пожилая, очень образованная женщина, полиглот, из русских дворян. На старости лет она удочерила сироту Наташу, потом подарив ей свой дом, а сама пожелала прожить свои последние годы в русском старческом доме. Мало кто способен на подобный благородный жест.

Из приходящих воспитателей помню также молоденькую Цветкову Аиду Сергеевну. Она приехала со своим мужем-

болгарином из СССР. Это была симпатичная и добрая молодая воспитательница. К нам, «старшим», она относилась как к друзьям. Впоследствии она стала преподавателем логики и психологии в Русской гимназии.

Запомнился нам и повар – «дядя Йоска» – Йосиф Максимович. Это был плотного сложения донской казак. Брил голову (почти как у запорожцев). Еда, приготовленная им, была очень вкусной. У него были любимые шутки к нам: «Ну как, больные, кто-нибудь хочет добавку?» Мы с удовольствием пользовались этим его предложением. Наш бухгалтер – Тимофей Лонгинович, тоже из донских казаков (и тоже с бритой головой). Но держался он как-то в стороне. Помещение, где он работал, было в небольшом дворе интерната.

Конечно, были еще и работающие в прачечной женщины (тетя Папа Дуракова и др.). Жила в подвальном помещении и наша уборщица Марья Романовна с сыном Гавриком. Там же, в подвале, помещалась и гардеробная, которой заведовала Нагибина Нина Константиновна. Она прекрасно рисовала (на холсте масляными красками). Помнится, как она расписывала узоры по нашим русским рубашкам к праздничным выступлениям самодеятельности, а один раз сделала к какому-то празднику в Русском клубе оригинальные висячие фонари в китайском стиле.

В интернате был строгий распорядок дня, за соблюдением которого следили воспитатели, а также дежурные воспитанники самого интерната. Мы дежурили по очереди (несколько дежурных во главе со старшим). Накрывали стол, убрали посуду, помогали приносить баки с едой из кухни до столовой. Дежурные обходили утром все спальные помещения и смотрели, хорошо ли натянуты одеяла на кроватях, убраны ли тумбочки и давали оценку комнатам.

Утром дежурный воспитатель будил нас колокольчиком. Все быстро вставали, умывались, убрали постели и спускались в столовую на завтрак. После завтрака мы брали свои ученические сумки и строем отправлялись в школу. Вел нас дежурный

воспитатель, а «старшие» следили, чтобы малыши не отставали. До 1951 г. мы учились в болгарской школе, а с начала 1951 г. – в новооткрытой русской.

Интернат находился поблизости от Орлова моста, а русская школа – чуть дальше храма Александра Невского на ул. Стара Планина и 11 августа.

У нас, интернатчиков, была собственная форма: у мальчиков русские рубашки из черной материи, у девочек – платья темного цвета с белыми воротничками. Когда мы, «старшие», были уже в гимназических классах, в школе была введена обязательная ученическая форма, в том числе фуражки для мальчиков, а для девочек – береты.

Из школы обратно в интернат нас тоже приводили воспитатели.

Пообедав и отдохнув, мы спускались вниз и готовили уроки (в убранной для этого столовой и в «Красном уголке», где готовили занятия в основном, старшеклассники). Всего в интернате было около 50 воспитанников, примерно поровну мальчиков и девочек. В основном здесь были дети родителей с материальными затруднениями. Были и круглые сироты. Но об этом не принято было говорить. Ко всем отношение было одинаковым.

По вечерам мы выстраивались в вестибюле на нижнем этаже, и воспитатели делали разбор дня: кто как учился, какие были пропуски, кого надо похвалить, а кому вынести порицание. Наша заведующая была весьма энергичной с большими амбициями женщиной. Она организовывала художественную самодеятельность. Мы изучали русские пляски, был хор, струнный оркестр. Из Русского клуба были приглашены музыканты, которые руководили оркестром и хором. По праздникам в Интернате на нижнем этаже устраивались выступления нашей самодеятельности. Был в «красном уголке» и старый патефон с грампластинками, оставшимися от прежних поколений воспитанников интерната. На них были записаны вальсы, танго, другие танцы, которым мы обучались.

По субботам или воскресеньям нас водили в Русский клуб на киносеансы. Все фильмы были на русском языке. Это было для

нас самое приятное развлечение. Помнятся великолепные рисованные «трик-фильмы»: «Серая шейка», «Лев и заяц», «Сердце храбреца», «Василиса прекрасная». Смотрели и замечательный фильм «Каменный цветок». Из полнометражных фильмов мы восхищались «Чапаевым», «Тринадцать», «Волга-Волга», «Подвиг разведчика», «Кубанские казаки» и другими фильмами о Великой Отечественной войне.

Водили нас и на концерты в Русский клуб, они были посвящены разным событиям и праздникам. Например, чествованию Октябрьской революции – тогда нам не было ничего известно о перегибах тоталитарной власти. Лишь много лет спустя, после смерти Сталина, мы узнали правду о многих событиях прежних лет. А тогда, детьми, мы верили в идеалы, которым нас учили...

В интернате наши воспитатели учили нас честности, правдивости, соблюдению товарищеских взаимоотношений и, конечно, культурному поведению за столом. Особое внимание уделялось соблюдению чистоты и порядка в помещениях. Мы убирали свои постели, натягивали одеяла, складывали аккуратно свою одежду и вещи. Воспитатели и дежурные по интернату проверяли уборку комнат. На вечерних «рапортах» докладывали результаты осмотра помещений. По выходным дням была традиция «выбивать» пыль из одеял. Делали мы это парами и наловчились при этом производить оглушительные хлопки. Напротив интерната, через улицу, был большой огороженный двор. Его отвели нам для игр. Там же мы занимались «выбиванием» пыли из одеял.

Были в интернате и свои неписанные традиции и правила. С нетерпимостью мы относились к ябедам. К малышам было покровительственное отношение со стороны «старших».

Запомнился такой эпизод из жизни интерната, который случился во время посещения нами наших шефов – деревообрабатывающий завод на железнодорожной станции Искър около Софии. Воспитанников интерната было довольно много. Мы прибыли на завод, нас там хорошо встретили и показали интересные места. На дворе нам понравились две вагонетки, и нам за-

хотелось на них покататься. Мы успели как-то отстать от основной группы. Нас было несколько ребят «старшей» группы и мы стали кататься на понравившихся нам вагонетках. Один из моих одноклассников – Миша Пшеничный, до того разогнал свою вагонетку, что не смог ее затормозить, и она ударилась во вторую, движущуюся с меньшей скоростью. При этом Мише отдало ногу, попавшую между вагонетками. На наши крики прибежали люди, перенесли Мишу, перевязали ему ногу. У него была большая рана. К счастью, перелома не было. В суматохе нас даже не успели наказать как следует по заслугам. Несмотря на сильный удар, Миша отделался только ранением, и все с облегчением вздохнули, узнав, что у него нет перелома. Потом в интернате Миша долгое время хромал перевязанной ногой.

В жизни интерната были и нетрадиционные события. Таким было наше знакомство с моряком Федором Романовым, приехавшим в Софию к своим родителям после окончания Военно-морского училища. Некоторое время Федя оставался в Софии. Молодой энтузиаст, с открытым характером, в своей морской форме он был для нас притягательной личностью. Он договорился с шефами озера «Ариана» в Борисовом саду, и они предоставили нам возможность заниматься греблей на шлюпках, находящихся на озере. Мы – старшие интернатчики – выпросили разрешения у наших воспитателей и заведующей заниматься греблей, вписавшись в строгий распорядок дня и, конечно, с условием, что это не помешает нашей успеваемости в школе. Ранним утром мы вскакивали с постелей, убирали и бежали к озеру (оно было почти рядом с интернатом у Орлова моста, где существует до сих пор). Там наш «экипаж» садился в шлюпку, и Федя проводил тренировку. Он показывал нам правила гребли и выполнение разных команд и маневров. После одночасовой тренировки мы бежали обратно в интернат, поспевая точно к завтраку. Федя интересно объяснял нам устройство морского компаса, секстанса, и других морских приборов. Он также выхлопотал разрешение на посещения обсерватории в Борисовом саду. Мы впервые смо-

трели на планеты и звезды в телескоп. Это было незабываемое событие для нас.

Нашим воспитателям не очень нравилось наше восхищение Федей, и они проявляли какую-то ревность к нему. Когда Федя уехал из Софии, чтобы работать по профессии на корабле, мы почувствовали большую утрату.

К моей радости, будучи уже студентом, я еще раз встретился с Федей. Это произошло в моем родном городе Бургасе, где он в это время работал. Я побывал даже на его корабле «Добруджа». Мы часто с ним встречались и сдружились. Через несколько лет Федя женился на болгарке из Бургаса и уехал с ней в СССР (а родители Федеи остались в Софии). Мы переписывались с ним некоторое время. Много лет спустя мне довелось побывать в Мурманске (я тогда работал на предприятии «Океанский рыболов») и, совсем случайно, я узнал печальную весть о судьбе Федеи. Последние годы он был старшим помощником капитана на одном из советских кораблей в Мурманске. На корабле произошел несчастный случай: Федю поразил удар электрическим током, когда он занимался проявкой фотографий в помещении бани. Федю не смогли спасти. Мир его праху. Интереснейший был человек! От него у меня осталось несколько снимков и книга-подарок с посвящением «Спутник 15-летнего капитана».

Жизнь интерната текла своим чередом со своими радостями и неприятностями. За хорошую успеваемость были награды – книги, которым мы были всегда очень рады. У меня сохранились книги-подарки за отличную учебу – «Мать» Максима Горького, «Служу Родине» трижды Героя СССР летчика Кожедуба и др.

Как-то неожиданно произошло событие, которое взбудоражило весь Русский клуб и нашу интернатскую жизнь. Это произошло около 1955 г., когда было дано разрешение белоэмигрантам (теперь уже с советскими паспортами) уехать в СССР на освоение целинных земель Казахстана. Эта шумно популяризируемая компания была начата по инициативе Н. Хрущева (кто-то придумал ему прозвище «кукурузник»). В Русском клубе (Союз советских

граждан в Болгарии) началась активная агитация под лозунгом «Наше место – на Родине!». На собрания в клуб приходил посол СССР и сотрудники посольства и настаивали на том, чтобы все русские ехали на целину. Особенно активно проходили собрания молодежной организации. В нашем интернате страсти тоже раскалились: одни собирались ехать, другие колебались. Дело было в том, что многие из нас были детьми смешанных браков (русских с болгарками) и было естественно, что болгарским гражданам совсем не хотелось уезжать из Болгарии.

Из-за этого во многих семьях были разногласия. Ехать в СССР считалось патриотическим долгом. Большая часть моих одноклассников уехала. Впоследствии некоторые из смешанных семей вернулись. Все годы в Интернате и в Русской школе нас воспитывали в духе преклонения и восхищения «Великим Советским Союзом», где «так вольно дышит человек». Уехали из Интерната: заведующая Елена Евгеньевна Гурнакова с мужем «дядей Шурой», сыном и матерью Александрой Николаевной; с ними и наша одноклассница-сирота Оля Гостинщикова; уехал Борис Евгеньевич Свешников и Слава Крахмалев (из более младших классов); Татьяна Николаевна Капустянская с мамой и дочкой; из персонала уехала уборщица Марья Романовна с сыном Гавриком. Из моих одноклассников уехали братья Миша и Юра Пшеничные (и их сестра Леля из младших классов), Коля Заичкин, Варя Верховская, Феодора Цикало, Таня Гавриленко (последние две вернулись позже обратно). Из других классов уехали Наташа и Толя Егорьевы, Костя Кананович, Маша Громова, Петя и Вили Ключ (она позже вернулась), сестры Кириченко, Таня Конюхова, Вова Злобин (оказывается, он стал позднее академиком), сестры Решетняк, Коля Тюльпанов, Таня Задесенец (впоследствии вернулась) и др.

Уехавшие на целину вначале писали, что их встречали очень радушно. Вскоре письма прекратились. Позже мы стали узнавать о судьбе наших одноклассников и других уехавших от близких и знакомых. Коля Заичкин был на целине (попал в школу тракто-

ристов), женился. Но вскоре с ним произошел несчастный случай и он погиб. Другие перебрались в города, где закончили свое образование, и устроились на работу (в Воронеже, в Пушино). Наши воспитатели тоже переселились в города. Кажется, Борис Евгеньевич переехал в Ставрополь, а потом в Москву; Гурнакова Елена Евгеньевна с семьей переселились в Жданов.

Я не поехал, хотя сильно колебался при всеобщем тогда воодушевлении. Дело в том, что мать моя – болгарка. Отец умер еще в 1947 году. После продолжительных дискуссий с мамой и сестрой было решено не уезжать из Болгарии (на этом настаивала мать, и как оказалось впоследствии, это было мудрое решение). Из «старшеклассников» в Интернате остался я один. Все остальные были моложе меня. Варвара Петровна Ануфриева заняла пост заведующей.

Русский клуб и организацию ССГБ закрыли по настоянию Советского посольства. Дом – русский клуб, был передан Комитету болгаро-советской дружбы. Интернат сделали интернатом «Русской гимназии (35 ССУ). Туда стали принимать болгарских детей, которых принимали в школу по конкурсу. Постепенно болгарские дети в интернате оказались в большинстве. И образ жизни в нем изменился. Не было самостоятельности, не было русского клуба. Но распорядок дня и некоторые традиции все-таки сохранились. И я, как «последний из могикан» (из старших) старался их поддерживать по мере сил и возможностей.

Болгарским детям трудно было говорить по-русски, и это было постоянной заботой русских воспитателей – следить и настаивать на том, чтобы все говорили по-русски. Надо сказать, что болгарские интернатчики успели адаптироваться к русской школе и справлялись с трудностями изучения предметов по русским учебникам и русским преподавателям. Ведь там изучали не только русский язык и литературу. Все остальные предметы изучались также на русском языке, в том числе математика и физика. Большинство из этих ребят успели преодолеть трудности новой для них школы.

В мае 1957 г. я окончил последний 11 класс Русской школы и, сдав полагающиеся экзамены, получил диплом. После этого я уехал из интерната в Бургас.

Когда учился в Софийском машинно-электротехническом институте (факультет машиностроения), несколько раз побывал в интернате. Студенческая жизнь: трудные экзамены, лекции, разработки проектов, чертежи, короткие сроки – все это «втянуло» в новую реальность. После окончания института я уехал из Софии на 3 года по распределению. Потом вернулся и поступил в научный институт.

С некоторыми интернатчиками встречался случайно. Много лет спустя мы с Тамарой Ельфимовой организовали встречу бывших воспитанников Интерната. Это было очень радостным событием для нас. Из воспитателей моего времени учебы там присутствовала Аида Сергеевна Цветкова – все такая же добрая, с «положительным зарядом». К сожалению, из-за недоразумения «дядю Мусика» не уведомили, и он не смог присутствовать. До сих пор не могу простить себе, что лично не взялся разыскать и пригласить его.

Последняя встреча бывших интернатчиков состоялась 5 июня 2010 года. Ее главным организатором была Ненка Стоименова (из «болгарского пополнения») и Валентин Тодоров. С некоторыми из присутствующих я не виделся с 1957 г., а это целых 53 года! Мальчишки, для которых я тогда был «дядей Толей» (в шутливых разговорах), теперь стали взрослыми мужчинами с сединой. Некоторых я узнал только по сохранившейся в памяти детской улыбке. Все мы сильно изменились (некоторые больше, другие меньше). На этой встрече в основном, присутствовали интернатчики «болгарского пополнения» (вероятно со многим из младших не удалось установить связь). Все рассказывали о своих «перипетиях» после школы.

Большая часть из них стали преподавателями русского языка, кто-то работал в других областях. Были переводчики, сотрудники издательств, один профессор-реставратор старинных

Старый Русский клуб (сейчас Государственная консерватория). Фото 2011 г.

объектов, известный драматург и поэт, преподавательница математики, врач и люди других профессий. Ну а я покинул научное поприще и поехал на работу в Бургас в «Океанский рыболов». Там я проработал 9 лет. Мне посчастливилось плавать в Атлантическом океане, в Гвинейском заливе, увидеть Африку (Нигерию с Биафрой, Сенегал), Испанию (Севилью и Кадис), Лиссабон, Италию (с Венецией и Триестом), полярный Мурманск, Гибралтар, Босфор, Дарданеллы, проплывать через Средиземное море и др. Надо сказать, что путешествия – моя давнишняя мечта. Из-за плохого зрения мне не удалось поступить в морское училище. В «Океанском рыболове» мне удалось выполнить хотя бы небольшую часть этой мечты. На встрече «интернатчиков» было всеобщее желание видаться чаще и в будущем. Надеюсь, что это не останется только пожеланием...

Русский клуб в Софии после 1949 года

С осени 1949 г. я стал посещать Русский клуб и делал это до его закрытия (около 1956 г.). До 1949 г. я был в Бургасе, где в русском клубе тоже кипела разнообразная и интересная деятельность. Софийский Русский клуб в 1949 г. размещался в здании нынешней Консерватории на ул. Евлоги и Христо Георгиеви, 94 (тогда у этой улицы было другое название). Существовали клуб и организация и до 1949 года. Помню, мы из Бургаса приезжали в пионерские лагеря – вблизи с. Панчарево (в 12 км к юго-востоку от Софии). Они были созданы организацией Русского клуба. Большая часть детей была именно из Софийского клуба. В 1949 г. я поступил в интернат для русских детей в Софии, поэтому мои личные воспоминания о Софийском клубе начинаются с этого года.

В Русском клубе была многолюдная организация русских (в основном белоэмигрантов и их детей). В те годы была дана возможность (кажется, около 1947 г.) получить советский паспорт (заграничный «вид на жительство») и советское гражданство, поэтому организация получила свое название «Союз советских граждан в Болгарии» (ССГБ). В клубе проводились торжественные чествования праздников (и, конечно, 7 ноября – дня Октябрьской революции). Праздновались и другие события и даты: 1 Мая, Новый год.

ССГБ объединял все клубы советских граждан в стране (КСГБ). Было выборное правление ССГБ, а также КСГБ. Была создана молодежная организация и пионерская (по подобию советского Комсомола и пионерских организаций, велась марксистско-ленинская идеологическая агитация). В непогрешимости этой идеологии тогда не было сомнений.

Из руководителей правления ССГБ и софийского клуба советских граждан (КСГБ) мне запомнились Теплицкий, Гирский, а из начальников пионерских лагерей – Тюльпанов (он был тогда председателем молодежной организации Софийского клуба).

В клубе было множество кружков, в том числе и художественной самодеятельности: русских плясок, хор. Были и спортивные секции (гимнастики, самбо, которые я посещал); секции атлетики. Была сильная волейбольная команда «Красная звезда» («Червена звезда»), которая участвовала в матчах с болгарскими командами.

На верхнем этаже клуба размещалось студенческое общежитие для русских студентов, учившихся в болгарских ВУЗах.

Проводились вечера, посвященные великим русским композиторам, поэтам. На них выступали русские певцы и артисты (из софийской оперы и театров), а иногда и болгарские. Помнится певец Гринкевич, певица Александрова. Иногда в клубе бывал и маститый режиссер и артист Николай Массалитинов. Когда шел фильм «Герои Шипки» с его участием, все мы горячо аплодировали Массалитинову (он был в киносалоне).

Долгожданным событием в клубе были фестивали – смотры художественной самодеятельности. Они проводились периодически (насколько помню – ежегодно). К ним готовились русские клубы из разных городов Болгарии. В концертах проводились конкурсы хоров, танцевальных составов, драм. составов. Определялись победители, были почетные грамоты. Каждый клуб считал честью занять призовые места. Большой зал и сцена клуба были в праздничном „наряде”.

В клубе проектировались советские фильмы. Художник Н. Глинский оформил стены зала – большими панно с картинами из «трик-фильмов». Были, конечно, и полнометражные фильмы о гражданской войне, о Великой Отечественной, фильмы по драматургии русских классиков, комедийные фильмы. Кинооператор Дардарян был у нас в почете. С тех времен запомнились такие фильмы, как «Чапаев», «Тринадцать», «Кащей Бессмертный», «Подвиг разведчика», «Падение Берлина» и множество других.

На средства ССГБ стали строить новый русский клуб – на той же улице Евлоги и Христо Георгиеви, напротив старого клуба. Это здание «сталинской архитектуры» стоит и поныне (под

№ 169). Его продали при невыясненных обстоятельствах после 1989 года.

В те годы русской организации были переданы для руководства некоторые бывшие немецкие предприятия, конфискованные с приходом Красной Армии (и взятые у немцев как репарации). Таким был и деревообрабатывающий завод на станции Искър. Его директором, помню, был солидный Цицианов.

Новый клуб – весь белый снаружи, облицованный мрамором в интерьере, с большим залом, сценой, множеством комнат, библиотекой, сделался настоящим клубом-дворцом. А старый был бывшей немецкой гимназией. Теперь у нас был прекрасный собственный дом. Традиции организации старого клуба перенеслись в новый. Теперь чествования в новом зале сделались более торжественными, в соответствии с новой обстановкой.

Президиум на собраниях (в основном из правления ССГБ) занимал свои места за большим столом на сцене, под аплодисменты присутствующих. Организация собраний велась по советскому образцу. Тогда еще не было сомнений в том, что все «советское – самое правильное».

В Русском клубе (еще в старом) была и группа эмигрантов, изгнанных из Югославии в годы разногласий между Сталиным и Иосипом Броз Тито. Они там не пожелали, насколько мне известно, сменить свое гражданство. Многие из них стали активными членами организации. Из них впечатлял своим талантом Евгений Комаров – прекрасный музыкант, виртуозный пианист. Под его руководством получила развитие певица эстрады Ирина Чмыхова. Он организовал пользующийся популярностью публики мужской вокальный октет. Подбирал Комаров репертуар из новых, иногда шуточных эстрадных песен с запоминающимися мелодиями. Он быстро выдвинулся и стал известной фигурой в музыкальной среде Болгарии. Его сын Боря Комаров тоже был в клубе, принимал участие в молодежной организации (впоследствии он стал врачом).

Помнится популярная песня октета «Фронтальной шофер». Там был такой куплет:

Бывший Новый Русский клуб. Фото 2011 г

*«Через реки, горы и долины,
Сквозь пургу, туман и едкий дым,
Мы вели машины, объезжая мины
По путям-дорогам фронтовым».*

Из первых эстрадных песен, вспомнилась шуточная песенка про гаучо. Ее Комаров привез из Югославии. Она была включена им в репертуар Ирины Чмыховой. Это была непретенциозная песенка с развлекательным содержанием. В русском переводе, помню, там были и такие слова:

*«Пока луна сияет, наш гаучо напевает,
Напевает, страх чтоб разогнать:
“Это лассо и сомбреро,
Это револьвера два...”»*

Шуточное содержание некоторых песенок вызвало вначале переполох среди официальной критики, привыкшей только к «идейным» текстам.

Кульминацией в жизни русской организации была кампания «Ехать на целину»! Произошло это в годы, когда Н. Хрущёв решил начать освоение целинных земель Казахстана. Тогда русским белоэмигрантам (с советскими паспортами) и их детям была дана возможность вернуться на Родину (но на целину). В клубе стали проходить эмоциональные общие собрания, где эмиссары из советского посольства (и сам посол) убеждали всех ехать на целину. Причем это был призыв к патриотизму русских, которые должны помочь Родине в таком «благородном начинании». Было немало смешанных семей. Их дети родились в Болгарии. В таких случаях возникли драматические споры. Надо было принять верное решение – сбалансировать эмоции с разумом. Это было, насколько помню, в 1955 году. Мне запомнилось одно из самых эмоциональных собраний в клубе. Тогда уже первые группы уехавших были на целине. Посылали восторженные письма (впрочем, вскоре восторг иссяк, письма тоже). На этом собрании, в основном, была агитация лидеров молодежной организации (все еще не уехавших). На сцене в Большом зале клуба был огромный лозунг со словами: «Наше место на Родине!» У кого-то из молодежи была пожилая больная мать, и он не решался ехать. Тогда из руководства собрания посыпались гневные вопросы: «Почему, тов..... отказываетесь ехать?!». Бедняга, доведенный до слез, стал оправдываться, объясняя причины. После бурных дебатов, в конце собрания, активист молодежной организации – Христензен выкрикнул с трибуны: «Товарищи, прочтите лозунг. Наше место на Родине. Я еду». Многие поехали, а впоследствии некоторые (в основном, дети от смешанных браков) вернулись обратно. Уехало правление во главе с Гирским и Теплицким. Помню, уехал и долговязый Тинин – главный конферансье на наших концертах (он потом написал свои воспоминания). Уехали наши воспитатели из интерната, во главе с заведующей и многие из ребят. Вначале они были на целине, а потом поступили в ВУЗы и перебрались в города (за исключением Коли Заичкина, погибшего при несчастном случае).

У меня мать болгарка, отец умер давно, когда мне было 9 лет. На «семейном совете», по энергичному настоянию мамы, мы решили остаться в Болгарии. Теперь я уверен, что это было правильное решение.

А Русский клуб после отъезда части его членов на целин, закрыли. Это было сделано по требованию советского посольства. Дом был передан Обществу болгаро-советской дружбы. Насколько помнится, это произошло около 1956 года.

Теперь, много лет спустя, появилось несколько русских организаций различного вида. Некоторые считают себя правопреемниками старого Русского клуба. Другие объединяют главным образом приехавших и оставшихся в Болгарии после 1944 г. русских. Можно только сожалеть, что нет единения между русскими в Болгарии. Клуба, где бы встречались соотечественники, нет. Русский Культурно-информационный центр старается привлечь русских, оставшихся в разных уголках Софии. Дай Бог, чтобы единство было на базе национальности, а не идеологии.

Русский клуб в Бургасе с 1948 по 1955 годы

В Бургасе был создан КСГБ (Клуб советских граждан в Болгарии). Такие клубы были во всех городах, где жили эмигранты. Бургасский КСГБ работал активно, был известен в городе. Он помещался в двухэтажном доме в центре города, близ церкви Святых Кирилла и Мефодия, на ул. Славянска, 69. В этом доме теперь помещается Этнографический музей. Дом является памятником культуры, так как существует еще с 1873 г. (построен до освобождения от турецкого рабства).

На первом этаже находился русский ресторан, где в уютной обстановке собирались эмигранты. Ресторан посещали и болгары. Просторный двор с цветами и пышной зеленью летом давал возможность увеличить количество мест и поставить столики на открытом воздухе. Задняя часть двора была предоставлена молодежи для занятий спортом.

Русский клуб в Бургасе. Фото 2010 г.

На втором этаже был большой зал (вестибюль) со сценой, где каждую пятницу эмигранты проводили собрания, читали доклады, отмечали знаменательные даты. На сцене выступали хор, оркестр, читались стихи и т.д. Часто на наших собраниях присутствовал и русский консул в Бургасе. Наш КСГБ поддерживал тесные связи с русским консульством в городе, через него эмигранты отправляли свои просьбы о разрешении вернуться на Родину.

Итак, на втором этаже клуба было еще несколько комнат: для пионеров, для молодежи, для заседаний Правления, библиотека с читальней, бухгалтерия и сервисные помещения.

Помню, как после смерти отца, русский клуб (так все его называли) помог нашей семье. Брата в 1949 г. отправили в русский интернат в Софии. Сначала он учился в болгарской начальной школе, а потом в русской гимназии. Русская гимназия тогда была элитным учебным заведением. В ней кроме русских детей учились и болгары дети известных политических и др. деятелей.

Мой брат Анатолий Г. Литвиненко окончил русскую гимназию, потом институт, стал инженером и живет в Софии.

А мы с мамой остались в Бургасе. КСГБ «приютил» и меня. Там тепло и ласково приняли меня...

Самым уютным и приятным местом в Клубе была библиотека с читальней. На большом столе, в середине комнаты лежали газеты, журналы с картинками, а вдоль стен стояли стеллажи с книгами.

Вспоминаю библиотекаршу Галину Григорьеву, к которой все дети в клубе обращались «тетя Галя». Она была молодой женщиной, приветливая, очень добрая, интеллигентная, душевная. Тетя Галя выбрала для меня подходящую книгу. Это была первая книга на русском языке, которую я должна была прочитать. Я до сих пор помню ее. Это была книга о Володе Дубинине (автора не помню). В то время я почти не умела говорить и читать по-русски. Но постепенно справилась.

В клубе было правило – все должны были говорить по-русски. Взрослые зорко следили за тем, чтобы мы, дети, соблюдали это правило. И спасибо им за это. Мы быстро освоили русский язык. Это позже мне помогло в гимназии и в ВУЗе.

Итак, в клубе я стала пионеркой. Секция пионеров собиралась по субботам, и мы проводили пионерские сборы.

Я почти каждый день ходила в клуб. Мне было интересно все. Постепенно клуб стал моим вторым родным домом. Там я выросла и духовно. Сначала была пионером, потом стала пионервожатой.

Каждый год клуб отправлял нас в пионерский лагерь в с. Панчарево. Там КСГБ-София имел собственную базу летнего отдыха детей своих членов. Отдыхали дети со всех русских клубов в стране.

Помню, что в лагере я впервые в жизни увидела настоящего писателя. Это был известный писатель Сергей Михалков. Он прочитал нам стихи из его нового (тогда) произведения «Дядя Степа». Эту встречу и разговоры с писателем я запомнила навсегда.

Начальником пионерского лагеря был Лев Тюльпанов. Он был тогда и председателем организации молодежи при КСГБ в Софии.

В КСГБ Бургаса была еще и секция молодежи. Когда я выросла, стала членом молодежной организации. Мы собирались в воскресенье в 10 часов утра и проводили свои собрания. После собраний мы включали радиолу и танцевали, пели русские песни или занимались спортом – играли в настольный теннис, в волейбол и другие спортивные игры.

Меня выбрали председателем секции молодежи. Я уже кончала гимназию, накопила организационный опыт, который очень пригодился мне потом в жизни.

В качестве председателя организации молодежи я стала и членом правления КСГБ в Бургасе. Раз в неделю Правление проводило свои заседания. Мы обсуждали организационные вопросы, план мероприятий на неделю, на месяц и др. текущие вопросы. В Правлении клуба были: врач Георгий (Юра) Григорьев – председатель КСГБ в Бургасе; Татьяна Павловна Липчинская – основной двигатель культурной жизни в клубе, учитель английского языка из гимназии, исключительно начитанная женщина; Поля Каминская – экономист, преподаватель в экономическом техникуме; Браницкий, я и др.

Специально хочу рассказать и о художественной самодеятельности в клубе.

Два раза в неделю проводил репетиции хор. Сначала дирижером был известный музыкант – болгарин Павел Стефанов (он был дирижером военного духового оркестра в Бургасе).

Потом, когда Тито выгнал русских эмигрантов из Югославии, к нам прибыло «новое пополнение». Это были хорошие люди, интеллигентные. Некоторые из них знали языки, умели играть на рояле и на других музыкальных инструментах. Тогда дирижером хора и оркестра стал Анатолий Муравьев (из югославской группы). Его назначили и учителем музыки в Экономическом техникуме в Бургасе.

Ан. Муравьев создал и оркестр при клубе. О, это был трудовой подвиг с его стороны! На скрипке умели играть только двое – Г. Григорьев и П. Каминская, а Андрей Кузнецов играл на аккордеоне. И вот, Муравьев собрал еще около десяти человек из молодежной организации и предложил нам создать оркестр. Среди них была и я. Никто из нас никогда не играл на каком-нибудь инструменте. Некоторым раздали балалайки, другим – мандолины. Я получила мандолину. Раздали нам и ноты, и мы начали репетиции. Нота за нотой мы усваивали мелодии. Репетировали с таким желанием и усердием, что в конце концов справились. Даже выступали на смотре художественной самодеятельности КСГБ, который ежегодно проводился в Софии. И никто не знал, что кроме этих трех-четырёх мелодий, мы ничего другого не умели играть.

Два раза в неделю проводил репетицию и хореографический кружок. Мы изучали русские пляски и танцы советских народов: русский «казачок», украинский гопак, эстонский танец, молдавский и др. Из КСГБ-София приехал Герштенцвейг и помог нам поставить танец «Молдаванка». А клуб сшил нам, танцорам, национальные костюмы, и в новых сапожках мы выглядели прекрасно. И не только выглядели, но и плясали прекрасно.

Я уже упомянула, что каждый год в КСГБ в Софии проводился смотр художественной самодеятельности КСГБ. Мы очень серьезно готовились к этому «событию». «Гвоздем» нашей программы на смотре был матросский танец «чечетка». Трое наших парней: Коля Юрченко, Жора Наконечнюк и Глеб Лазарев плясали превосходно. Помню, когда приходила очередь «матросов» плясать, зал переполнялся. По коридору были слышны крики: «Быстрее, входите в зал! Сейчас будет чечетка». А молодые зрители, после выступления бургаской группы просили «матросов» показать им как плясать чечетку. Разве такие эмоции можно забыть!

Несколько слов и о драмкружке при клубе. Руководила им Татьяна Липчинская, а позже и Зурина (из «югославских» эмигрантов). В драмкружке участвовали молодые люди, которые

участвовали и в хоре, и в плясках, и в оркестре, и... везде – «всесторонние» таланты.

С программой нашей художественной самодеятельности мы выступали в концертном зале в Бургаса и др. городов. Это были «генеральные репетиции» к предстоящим смотрам художественной самодеятельности в Софии. Вспоминаю о наших «гастролях» в шахтерском поселке Черно море. Встреча с шахтерами была очень волнующей. Вся наша программа была на русском языке, но нас понимали. Так слава бургасского КСГБ распространилась в Бургасе и округе. И это благодаря энтузиазму и деятельности членов КСГБ. Липчинская, Григорьевы, Траплина, Кузнецовы, Вера Никитина, сем. Назаренко, Наталия Литвиненко, Шаповаловы, Станислава Каминского с двумя дочерьми и сыном, сем. Погарельчук, Тамара Павлова, Ал. Мищенко, Петя Рыжиков, Маруся Полтаракина, Сизякины, Родомиские, Чумак, Брандт, Зурина, Косевы, Манушак, Чепурина, Селезнев и мн. др. – невозможно перечислить всех, но это был актив КСГБ в Бургасе. Все свободное время все свои силы они отдавали организации.

Чтобы организация могла существовать, нужны были средства, финансы. Поэтому КСГБ в Бургасе постепенно открыл некоторые небольшие «предприятия»: о русском ресторане я уже рассказала. Еще – швейное ателье. Руководила им Родомская – портниха модной одежды. Ателье находилось в центре города, на ул. Богориди и имело много клиентов. На той же улице работал и павильон напитков – «руската лимонададжийница», так называли его жители города.

Самым большим было предприятие по обработке металлов. На токарных и других станках работали только эмигранты или их дети. В бухгалтерии – тоже. Так что эти небольшие «предприятия» обеспечивали работой эмигрантов, были рентабельными и предоставляли средства на содержание клуба. Не помню, получали ли мы какие-либо средства (субсидии) от центрального КСГБ в Софии, который имел несколько более крупных и рентабельных предприятий – но это вполне возможно.

Эмигранты использовали все возможности, отправляя просьбы об амнистии. И вот после смерти Сталина, через несколько лет, русские эмигранты наконец-то получили разрешение вернуться на Родину. Это была полная амнистия. Радость и оживление царило в клубе. То, о чем мечтали много лет эмигранты, стало возможным. Большая часть членов русского клуба готовились к предстоящему отъезду. Если не ошибаюсь, отъезд был в 1955 году. К сожалению, разрешение было только уехать на целину, на новые места, которые надо было заселить, создать новые села и колхозы. А эмигранты мечтали вернуться в свой родной город или край.

Они уехали, надеясь, что как-нибудь смогут вернуться в родные края. Некоторые действительно смогли хорошо устроиться (Поля Каминская – экономист в порту в Одессе, Иван Сизякин – в Ленинграде, другие Каминские – в Краснодаре, Вера Никитина стала артисткой в Киеве и т.д.). Но некоторые вернулись. Это были «смешанные семьи», где один из супругов был из Болгарии. Да и трудно было на новом месте все снова начать все с нуля.

С отъездом, и переселением эмигрантов, КСГБ перестал существовать. Все мое детство и молодость были связаны с русским клубом. Это был лучший период моей жизни. Я отношусь к второму поколению русских эмигрантов. Родилась в Бургасе, но в моих жилах течет и русская кровь. Поэтому я отношусь к русским с большой симпатией и любовью.

В Русской школе (35-м среднее смешанное училище с преподаванием на русском и английском языках). С 1951 по 1957 год

В Русской школе (35 ССУ) я учился с самого начала ее открытия (с января 1951 г.) и до 1957 г., когда кончил 11 класс.

Раньше, начиная с 1920 г., 23 г. в Варне, Шумене, Пештере, Софии были русские школы, которые впоследствии были закрыты.

Здание бывшей Русской школы в Софии (35 ССУ с преподаванием на русском и английском языках), открытой в 1951 г. на углу ул. Стара планина и «11 августа». Фото 2010 г.

Я напишу о 35-й русской школе свои личные впечатления – о том, что запомнилось. Размещалась тогда эта школа в большом здании на ул. Стара планина и 11-го августа (11 августа – славная дата, в этот день на Шипке происходили самые яростные сражения с турками, они увенчались победой болгарского ополчения и русских воинов в Русско-турецкой войне). Тогда там была и болгарская школа. Мы учились утром, а болгары – после обеда. Я тогда был в 5-м классе. Первым директором 35 ССУ был в 1951 г. командированный из СССР А.В. Рыков. Это был интеллигентный и уравновешенный человек. Завучем был Б.Н. Орлов – очень строгий и суровый человек «сталинского образца»: его уважали, боялись, но не скажу, что любили. После Рыкова Орлов стал директором (кажется, на 2 года). Впоследствии на пост директора была назначена болгарка – П. Караголева. Она была интеллигентной и воспитанной женщиной. Завучем снова был назначен Орлов. Насколько можно было судить, она не совсем одобряла крайние методы «воспитания», используемые Орловым. Караголева была более тактичной, с педагогическим подходом. В те годы первые учителя по основным предметам были командированы из СССР. Учились мы по русским учебникам, совмещая русские и болгарские предметы. Математику, физику, историю СССР, конституцию СССР и, конечно, русский язык и литературу нам преподавали русские

учителя. Болгарский язык (грамматику и литературу), географию Болгарии, историю Болгарии, логику, психологию, английский язык преподавали болгарские учителя. Из русских учителей запомнился Безак Николай Александрович – преподаватель математики (и, некоторое время, английского языка). Это был человек с широкой эрудицией, один из малого числа белоэмигрантов среди преподавателей. После его смерти математику преподавал нам Я. Мельников (командированный из СССР). Он и другой математик – Козлов, были во время Великой Отечественной войны летчиками и это создавало им некий ореол в наших глазах. Русский язык и литературу преподавала нам Тихомирова Зоя Аркадьевна – симпатичная молодая женщина, которая отлично проводила свои уроки. Впоследствии ее место заняла тоже командированная из СССР преподавательница – Баланченко. Это была седая женщина, преподавала она с большим энтузиазмом. Это она «открыла» нам поэта Маяковского. Оказалось, что поэзия Маяковского была темой ее дипломной работы. Надо сказать, что я не очень-то любил стихи Маяковского, но после ее воодушевленных разборов и «раскрытия» его поэзии я постепенно стал ценить ее. После Н.А. Безака английский язык преподавал нам Марин Сираков – болгарин, достойный и уравновешенный человек. До конца нашего школьного курса в 1957 г. он был неизменным нашим классным руководителем. Пользовался заслуженным уважением среди учеников. Некоторое время рисованию учил нас художник Н. Глинский.

Из болгарских учительниц хочу написать о преподавательнице болгарского языка и литературы – Михайловой. Она приехала к нам из какой-то провинциальной школы (насколько помню). Это была напористого типа женщина. Она сильно «идеологизировала» учебный материал, который преподавала. Кажется, она стала партийным секретарем среди преподавателей школы. Не скажу, что отличалась объективностью в оценках, трудно скрывала свои пристрастия. Впрочем, у меня были отличные оценки и по ее предметам, но не скажу, что наши отношения отличались взаимной симпатией.

В нашем классе «А» учились как русские дети белоэмигрантов, так и приехавшие из СССР после 1944 г. дети болгарских политэмигрантов. Это были дети из смешанных браков. Были и болгары – дети политической верхушки. В соседних классах учились Андрей Луканов, дочка Т. Живкова Людмила (тогда он еще не был во главе власти), сын ген. Михайлова, Захариева и мн. других. Помню, был такой эпизод. Некоторых детей «власть имущих» стали подвозить к школе на больших служебных лимузинах «ЗИС-110» (производства русского Завода имени Сталина). Это были служебные машины их родителей. На нас, воспитываемых в духе «справедливости, равенства» это производило шокирующее воздействие. Такое не отвечало «морали и идеологии социализма», которым воспитывали и пионерская и комсомольская организация. В те времена легковых машин было мало, а частных не было совсем. И вот ученический комитет комсомола принял решение не допускать это нарушение социалистической морали. Тогда легковые лимузины перестали подъезжать к школе. (Правда, оказалось, что они продолжали эту практику, подвозя детей к ближним переулкам, а потом «пешком» они приходили в школу.). Советские учителя отличались справедливостью и объективностью. Они ставили отметки, отвечающие знаниям, и не интересовались происхождением учеников. В нашем классе учился сын зам. министра культуры.

Помнятся болгарские учителя по логике и психологии. Они вели себя с подобострастием, наверное, боясь за свою службу. Поэтому мы «не жаловали» их своим уважением. К счастью, большая часть наших преподавателей вела себя достойно. Их мы вспоминаем добрым словом и признательностью. Учились мы по русской и болгарской программе. Каждый год сдавали экзамены согласно русской методике. Позже, когда мы кончили гимназиальный курс, была дана возможность при отличной годовой оценке не являться на экзамен по некоторым предметам (за исключением обязательных). Мне запомнились наши стенгазеты – календари, где под надписью: «До экзаменов осталось: ...

дней», мы ежедневно сменяли числа в квадрате, показывающем приближение экзаменов.

Среди учащихся были и приехавшие из СССР после 1944 г. дети болгарских политэмигрантов, как уже было упомянуто. Этих «советчиков» мы считали лучше других. Оказалось, что не все из них заслуживали такого мнения.

В нашей школе проводились интересные мероприятия. Все же это была элитная школа. Запомнилась встреча с советским писателем К. Симоновым, с поэтом В. Петровым, с писателем Ст. Дичевым и др. Константин Симонов рассказал нам, как было создано стихотворение «Митинг в Канаде».

В нас воспитывали добродетели и идеалы, привлекательные для молодежи. Впоследствии пришлось разочароваться, столкнувшись с пороками «реального социализма».

Хочу специально напомнить, что параллельно с нашей школой – 35 ССУ, была открыта и русская школа при советском посольстве. Размещалась она где-то в районе комплекса «Лозенец». В ней учились дети советского посольства. Между нашими школами не было никаких контактов. Это были две совершенно отдельные школы.

Успеваемость в нашем классе была очень высокой. Почти все из класса поступили в ВУЗы.

Когда отношения между Югославией и СССР стали враждебными, русских, живущих в Югославии и не желающих сменить свое гражданство, выгнали из Югославии в Болгарию. Из детей этих эмигрантов в нашем классе училась Таня Ларина.

К Русской школе присоединили и английский отдел – несколько классов из г. Ловеча (из школы иностранных языков г. Ловеча). Таким образом, наша школа добавила название «35 ССУ с преподавание на русском и английском языках». Помню, среди преподавателей в английском отделе была и приехавшая из Англии семья Барглиет.

Во дворе нашей школы построили небольшую оранжерею. Инициатором ее создания была учительница по ботанике – Варбанова (болгарка). Она с большим энтузиазмом взялась за орга-

низацию этого начинания. Конечно, ей содействовало руководство школы, в частности, завуч Орлов. Когда помещение оранжереи было готово, Варбанова создала там опытный участок выращивания разных сельскохозяйственных культур. Ей помогали ученики-энтузиасты, любители ботаники, биологии. Какова «судьба» этой оранжереи после 1957 г., когда я окончил школу, мне неизвестно.

Из нашего класса (11А) вышло немало известных и уважаемых людей. Перечислю только часть из них. Наша одноклассница – теперь академик Петя Василева – выдающийся специалист по глазным болезням; проф. А. Даковски; проф. д-р Ал. Малеева; ст.н.с. Ал. Донков; несколько человек стали докторами наук, инженерами, художниками, врачами, преподавателями. Я не упомянул всех, за что, надеюсь, на меня не рассердятся...

Теперь русская школа размещена в другом здании, на ул. Д. Войникова (в квартале «Лозенец»). Туда ее переселили, кажется, в 1963 году. Это 35 СОУ «Добри Войников» – преемник нашей русской гимназии.

После школы

По окончании школы у меня было чувство, что все дороги открыты (к тому же у меня был отличный диплом).

Я давно желал поступить в морское училище и плавать по океанам, повидать другие страны. Но у меня были очки и проблемы со зрением. Поступить в морское училище с таким зрением было невысказано.

Тогда я выбрал Машинно-электротехнический институт (в Софии) и поступил туда на машиностроительный факультет. У меня была надежда по окончании института и имея специальность машинного инженера, все же попасть на корабли (в машинное отделение). Этот замысел, отчасти, осуществился, но много лет спустя.

После окончания института я проработал 3 года по распределению в ремонтно-механическом заводе (тогда была такая система). Набравшись некоторого практического опыта, я по конкур-

су поступил в научный институт по металлорежущим станкам (НИПКИММИ) в Софии. Там мы разрабатывали и производили прототипы новых моделей станков (в т. ч. и программных). В те времена западные страны запретили доступ к разрабатываемым там «высоким технологиям» (в особенности к тем, которые могли иметь применение в стратегических военных областях) нашему соц. лагерю. Это были годы навязанной Западом холодной войны.

Не было доступа к робототехнике, электронике. Тогда японцы уже имели завидные достижения в этих областях, Германия, Франция, США – тоже.

В нашем институте стали вестись разработки в этих направлениях и первые роботы и манипуляторы, разработанные у нас, стали появляться на технических ярмарках. Конечно, пошли научные публикации. Наши роботы шли на экспорт – в СССР. Но тут у меня оказалась возможность работать по кораблям (в Бургасе). Я покинул научное поприще и уехал в Бургас. Поступил на работу на Кораблеремонтный завод «Океанского рыболовства» на должность руководителя технологического бюро. Мы ремонтировали наши траулеры и другие корабли в Бургасе и в заграничных портах. В Бургасе мы жили с мамой на квартире. Были проблемы с жилищем, так как намечалось сносить дом, в котором была наша квартира. Сестра с мужем и семьей жила в другом доме.

На нашем заводе была практика производить «межрейсовые» ремонты кораблей в заграничных портах, находящихся в максимальной близости к районам промысла. Траулеры 6 месяцев ловили рыбу в районах промысла, потом сдавали ее на рефрижераторы (т. наз. «Транспортно-холодильные корабли» – Т.Х.К.) или в ближайший порт, а потом выходили на ремонт, в док в определенные порты. Экипажи наших кораблей (в отличие от испанских, японских и др.) не выходили на берег 6 месяцев. Их труд был тяжелым, а психологическая нагрузка – еще тяжелей. К моменту выхода траулера в иностранный порт, в Бургасе (на заводе) организовывалась ремонтная группа из 40 или более человек. Чартировали самолет, и мы с группой улетали к порту ремонта.

Группа размещалась на корабле, а экипаж, изможденный после рейса, улетал тем же самолетом обратно в Бургас. На ремонт оставалась минимальная часть экипажа (потом прилетал новый, который после ремонта уплывал в район промысла). В ремонтных группах участвовали и мы, технические специалисты от завода. Мы включались в эти ремонты по отдельному графику.

Надо сказать, что заграничные ремонты были самыми интересными и даже романтическими периодами нашей работы. Я работал по ремонту двигателей в машинном отделении. Замечу, что двигатель на наших траулерах имел размеры больше 1.5 комнаты. А таких главных двигателей на большинстве траулеров было по 2 и еще несколько вспомогательных двигателей. Продолжительность наших ремонтов была около 45 дней. В это время производились и обязательные ремонты по корпусу: очистка днища и корпуса, окраска и др. Это происходило в доках какого-нибудь кораблеремонтного завода. Мы так организовывали свою работу, чтобы в срок успеть с ремонтом двигателей, холодильных компрессоров, палубных механизмов, насосов и всего, что нуждается в ремонте, после 6-месячной непрерывной эксплуатации.

Окончив рабочий день, мы выходили в город. В воскресенье обычно был выходной день (если не было «аварийных» ситуаций). В портах для нас было очень много интересного. Другая архитектура и культура, другой образ жизни. Что-то было хуже, чем у нас (к примеру, наличие безработицы, а иногда и преступности). Но совсем не было признаков «загнивания капитализма». Скорее, наоборот: жизнь била ключом, была свобода. Даже в Португалии и Испании мы видели легальные митинги компартии («партиды коммуниста»). В магазинах было все (примерно, так же, как у нас теперь). Мы, привыкшие к «плановому дефициту» и мизерным прилавкам в наших магазинах, дивились такому изобилию. Я тогда не был женат и не очень-то интересовался приобретением каких-нибудь вещей для дома, хотя многие это делали.

Для меня было интересно увидеть и посетить музеи, культурные и архитектурные памятники, увидеть, как там люди живут,

какой их стандарт. Я записывал свои впечатления в дневники. С картой города в руках я обходил его достопримечательности.

В «Океанском рыболове» у меня был счастливый шанс участвовать и в плаваниях на некоторых кораблях. Это было в случаях, когда приходилось делать ремонтные работы некоторых механизмов и сооружений на ходу.

Мне довелось проплыть из Бургаса через Босфор, Мраморное море и Дарданеллы; мимо Греческих островов; через Средиземное море, Гибралтар; потом по Атлантику до Севильи (по Гвадалквивиру); через Бискайский залив к северо-западному Атлантику – в район промысла. От туда, обратно, через Бискай... до Кадиса. Посчастливилось мне увидеть и Африку – Нигерию (Лагос, Порт Харкорд – на Бони Ривер); Сенегал (Дакар), проплавал 3 раза по Гвинейскому заливу (от Лагоса до Бони Ривер – в устье р. Нигер). Побывал я в Лиссабоне, Порто, в Италии (в Триесте, в Венеции) и в других местах. Даже мне довелось быть и за Полярным кругом (в Мурманске).

В те годы поездка за границу (в особенности, в кап. страны), для обычного человека (к тому же, беспартийного) практически было не осуществима. Туда просто так не пускали.

Благодаря «Океанскому рыболову», мне выпало такое счастье – повидать разные страны, моря и океан, и, главное – Африку! Конечно, у меня было гораздо больше желаний: я так и не увидел Тихий океан и Полинезию...

В «Океанском рыболове» я работал 9 лет. Потом женился на болгарке Марии. Родился сын Миша. Пора было серьезнее заняться квартирным вопросом. В те времена все вносили свои сбережения в Инвестиционный банк и долгие годы ждали своей очереди получить панельку. Я таким образом дождался 15 лет. В это время государство на собранный огромный фонд со всех нуждающихся в жилищах строило.

Так вот, мне обещали апартаменты в Центральном машиностроительном институте в Софии. Им намеревались передать некоторое количество незаконченных апартаментов, и

мне обещали один из них. Тогда я уехал в Софию, поступил в ЦМИ (на должность начальника секции). Но институту эти жилища не дали, и обещанное нам тоже. Жена с маленьким сыном и мамой остались в Бургасе, в небольшой квартире, а я стал хлопотать о квартире в Софии. И почти неожиданно, через ~1,5 года наша очередь, наконец,

Анатолий Литвиненко: перед Гибралтаром

пришла! Нам дали панельный апартамент (конечно, купленный на наши средства). Мы переселились с женой и сыном в новое жилище. Мама осталась в Бургасе и приезжала к нам время от времени. В Бургасе за ней присматривала сестра. Я перешел на работу в инжиниринговую организацию в ЗММ (завод металлорезающих станков). Опять работа в сфере металлорезающих станков и внедрения автоматических линий. Жена стала работать в ИСУЛе (в отделе диетического питания). Надо сказать, что я сознательно не стал партийным (хотя приглашения были). В те годы у беспартийного существовал предел уровня служебного роста. Он был где-то около начальника отдела и секции. Выше должности были для «партийных товарищей». Разумеется, случались и некоторые исключения.

А я и не рвался на высшие должности. Я предпочитал развитие на профессиональном уровне, а не на административном («партийном») поприще. Работал везде с ответственностью, рассчитывая только на свой профессионализм.

Когда я вышел на пенсию в ЗММ, меня снова вызвали и предложили продолжить работу. Таким образом, после пенсии я проработал еще 5 лет. На этот факт можно смотреть как на признание моего профессионализма. Мой сын закончил ВУЗ (экономист), сейчас работает.

После 1989 г. завод металлорежущих станков чуть было не закрыли. От более 2 тысяч человек персонала осталось около 200. Оборудование и цеха распродали. Остался один цех, где производятся узлы для металлорежущих станков (по кооперации с немецкой фирмой). Но я давно не был на заводе и не знаю последних новостей.

Грустно видеть, что осталось от элитного в области болгарского станкостроения завода...

А что с «Океанским рыболовом»? Всю его флотилию (свыше 35 кораблей) распродали. Предприятие закрыли. Осталась кораблеремонтная деятельность в совсем ограниченных масштабах и при новых владельцах. Экипажи кораблей отчасти переквалифицировались, часть из них пополнила экипажи кораблей под чужими флагами.

В свое время Болгария («Океанский рыболов») экспортировала океанскую рыбу. Теперь импортирует.

Приветствуя демократические перемены и гласность в стране, мы не считали, что все, что было построено, будет уничтожено.

P.S. Могу добавить, что, несмотря на свое белоэмигрантское происхождение, я не замечал к себе отрицательного отношения. Может быть, потому что пользовался уважением за свою работу (а в школе – за отличную успеваемость). К тому же за моим отцом, прослужившим все время в телеграфных командах (в годы Гражданской войны), не было компрометирующих фактов, и к моему прошлому трудно было придраться.

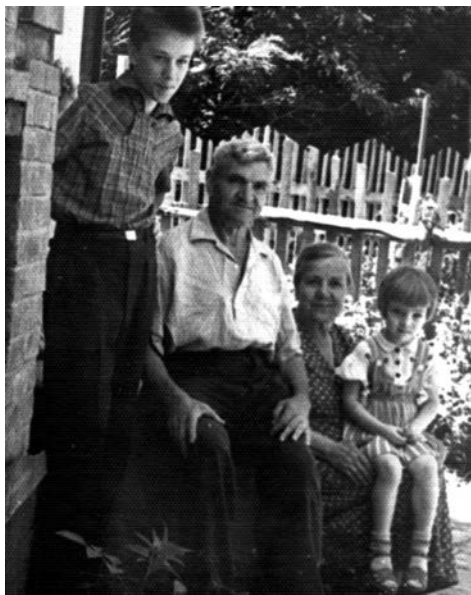
А теперь – жизнь продолжается. Я продолжаю заниматься одним из своих любимых занятий – туризмом. Давно посетил все высочайшие вершины Болгарии (а вершину Мусала – несколько раз).

Семья Морозовых

Я хочу рассказать о семье моей крестной тети Лоры – Ларисы Николаевны Морозовой (урожденной Шаповаленко). Крестная считается второй матерью, и она была для меня таковой, тем более что моя мама Наталия Заутова-Пчелинцева и Лора были первыми подругами с юношеского возраста. И когда у обоих родились дочери, то тетя Лора стала моей крестной, а моя мама крестила ее дочь Александру (Сану).

Лора родилась 7 мая 1917 г. в г. Екатеринодаре (Краснодар) в семье Николая Георгиевича Шаповаленко и Александры Иосифовны Каташевой. Ее дед по материнской линии Иосиф Тихонович Каташев был присяжным поверенным при суде г. Феодосии. Тогда на эту должность выбирали людей честных и почтенных. Он был очень добрым человеком, в отличие от суровой и своенравной своей жены – Феодосии Степановны Емельяновой. У них было 7 детей: дочери Варвара, Любовь, Евдокия (Дуся), Мария и Александра (род. в 1898 г. в Феодосии), и сыновья Федор и Сергей. Дети воспитывались матерью очень строго. Варвара вышла замуж за грека, торговца винами, и уехала в Константинополь. Незамужняя Любовь умерла от рака в Сибири. Евдокия стала сестрой милосердия и жила с мужем Василием Сергеевичем Крыловым в Ростове-на-Дону. Федор жил с женой и детьми Клавдией, Нюсей и Павлом в Оренбурге. А самая младшая – Александра, в 17 лет влюбилась в военного Николая Шаповаленко. Она была очень красивой и самой балованной в семье. Летом 1916 г. они повенчались.

Евдокия Иосифовна аташева с мужем Василием. Ростов на Дону, 1970-е г.

Отца и мать Николая звали Георгий Николаевич и Серафима Андреевна. Кроме Николая в семье был сын Виктор, который стал священником. В 1918 г. Виктор пострадал вместе с десятками других священников, которых красные, связав, положили на рельсы и по ним проехал поезд. Николай в детстве был большой шалопай и его даже исключили из гимназии. Поэтому брат Виктор взял его к себе в Рязань, где Николай окончил гимназию, а потом артиллерийское училище.

В 1918 г. вступил в армию генерала Врангеля. И его жена Александра, оставив маленькую Лору на попечение родителей, пошла на фронт сестрой милосердия. Она даже чуть не попала в плен к красным. Когда она по болезни отстала от своего полка, ее приютили в каком-то селе крестьяне. Когда в село вошли красные, то Александру быстро нарядили в крестьянское платье и платок, повозили пальцы в золе и сунули в руки орущего младенца. Вошедшие в избу красные только заметили: «Уж больно белые руки у вашей молодницы!» Потом Александру прятали в стоге сена и даже в сторожке на кладбище. Вошедшие в село белые помогли ей добраться до своего полка. Когда началась эвакуация, Александра приехала к родителям за Лорой, и с минимальным багажом эвакуировалась с мужем вместе с Белой армией из Крыма. Родные уговаривали их: «...Все же вернитесь обратно и незачем ребенка увозить Бог знает куда!» Так думали тогда, что отъезд временен, но увы...

**Николай Георгиевич
Шаповаленко. София,
1929 г.**

**Александра Иосифовна
Каташева. София, 1929 г.**

На пароходе, как вспоминает Лора, повар баловал ее, так как она была самая маленькая пассажирка: то шоколадка, то лишнее молоко. По приезде в Константинополь их приняла у себя Варвара, сестра Александры. А полк Николая был отправлен в Галлиполи. И как ни уговаривала их сестра остаться в Константинополе жить у нее, Николай не согласился. Для него Белая идея была выше всего, и он не хотел отделяться от своего полка. Пробыв у Варвары несколько недель, они отправились в Галлиполи. Как вспоминала Лора, жили в землянках, где по потолку бежали суслики и падали на голову сколопендры, спали на топчанах. К берегу подъезжали на лодках турки и греки. Продавали инжир, маслины, апельсины и разные сладости, и все за золотые и серебряные вещи. Из Галлиполи вместе с артиллерийским полком и с Сергиевским артиллерийским училищем они приехали в Болгарию, в г. Тырново – Сеймен (Симеоновград), а затем в г. Велико Тырново. Но в Болгарии, в отличие от Сербии, где король сербский Александр принял всех военных к себе на службу с их чинами, была совсем другая политическая обстановка. Надо было искать работу, хоть какую: даже генералы начали работать швейцарами, официантами или на стройке. В г. Велико

Тырново Николаю повезло – он устроился учителем французского и немецкого языков в гимназию. Через некоторое время семья переехала в Софию. Поселились сначала в подвальном сыром помещении в конце ул. Оборище и ул. Черковна – тогда это считалось концом города. Там в 1925 г. родилась вторая дочь, Татьяна. Николай Георгиевич нашел работу в немецком страховом обществе «Орел». Кроме этого, он был сотрудником русской монархической газеты «Верный путь». Военный, давший присягу, остался верным царю и монархии. И Лору воспитывал в патриотизме. Она прекрасно знала русскую классику, даже «Евгения Онегина» знала наизусть, а позже и французских поэтов. Затем семья переехала из подвала в лучшую квартиру на ул. Сан-Стефано. 25.12.1926 родилась третья дочь – Александра (Шура). Крестным обеих девочек, Тани и Шуры, стал Федор Потапович Келембет, бывший военный, который опекал их всю жизнь. Он держал антикварный магазин на ул. Св. Кирилла и Мефодия. Когда Шуре исполнилось два года, Александра Иосифовна начала работать – сначала официанткой, а затем шла у русской портнихи, где, кстати, работала и моя бабушка, Галли Алексеева. Лора в начальную школу не ходила. Отец хотел послать ее учиться в Сербию в русский институт и занимался с ней по программе, присланной из института для приема туда. Но институт закрыли, и Лору записали в Лицей В.П. Кузьминой, который находился на углу ул. 6 сентября и Ив. Вазова.

Варвара Павловна Кузьмина в прошлом была владелицей известного в Санкт-Петербурге образцового среднего реального училища, основанного в 1906 году. Эмигрировав в Болгарию, В.П. Кузьмина основала в Софии Русскую смешанную гимназию новых языков В.П. Кузьминой, которая стала известна как Лицей В.П. Кузьминой. Очень скоро гимназия превратилась в образцово-элитное учебное заведение с первоклассными преподавателями и блестяще подготовленными учениками. Преподаватель латыни Николай Владимирович Ставровский работал в Софийском университете, преподаватель русской

словесности Петр Алексеевич Корбутовский, подполковник Корниловской бригады, учительница французского языка Ольга Михайловна Скрипичина, с которой Варвара Павловна была знакома еще по Санкт-Петербургу, когда они обе учились на Высших педагогических курсах... Закон Божий преподавал протоиерей Русской церкви Св. Николая о. Георгий Голубцов.

У Лоры в Лицее появились подруги – Ляля Петренко и Ира Герваген (внучка протоиерея Г. Голубцова, которая жила в Чехии и приезжала на учебу). Лора пела в церковном хоре домашней церкви Лицея. У нее был очень хороший голос – меццо-сопрано. Кроме пения у нее была еще одна страсть – балет. В Лицее она стала заниматься у преподавательницы классического танца Веры Лукашевич-Александровой. Одна из «корифеек» Мариинского (ныне Кировского) театра оперы и балета в Санкт-Петербурге,

Четвертое отделение (класс) Лицея В.П. Кузьминой. 1930 г.

«Кружок Св. Анастасии Узорешительницы». Ученицы Лицея В.П. Кузьминой. (Слева направо) стоят: Муза Иванова – хозяйка, Ира Герваген, Зоя Дюкмеджиева – казначей Женья Шейтанова, Нонна Холодная – хозяйка. Сидят: Зина Никитина, Александр Иванович Никитин, Ариадна Петренко – секретарь

Вера Лукашевич-Александрова открыла в Софии балетную школу, а затем стала балетмейстером-педагогом при Софийской народной опере и в Государственном хореографическом училище. Вскоре из всех своих учениц Вера Александрова выделила пять девочек и предложила им учиться в школе при Народной Опере. Три из них – Лена Воронова (ее мужем потом стал Саппа Попов, оперный дирижер), Лили Берон и Валя Вербева стали впоследствии прима-балеринами Софийской оперы. Четвертая – Муза Иванова (у которой был дядя в Америке, предложивший ей учиться там в балетной школе), сразу после гимназии вышла замуж за агронома Владимира Клевцова (у них трое детей – Борис, Александр и Евгения). И пятая – Лора, которой мать категорично запретила учиться балету. Второй шанс Лоре выпал в Ницце. Открывшая там балетную школу знаменитая Карсавина, узнав, что Лора училась у Веры Александровой, предложила ей поступить в ее школу даже бесплатно, но тут не разрешил отец.

К тому времени родители Лоры разошлись. Николай Шаповаленко через знакомых совершенно случайно нашел своего двоюродного брата Сергея Шаповаленко, который жил во Франции, в Ницце, со своей женой Гертрудой Николаевной (урожд. Гулак-Артемовской). В 1930 г. Николай уехал к ним, взяв с собой и Лору. В Ницце Николай Георгиевич стал работать переводчиком в итальянском банке. Продолжал он и свою лите-

ратурную деятельность – писал книги, брошюры и статьи в русские газеты, выходящие во Франции. Учиться Лору определили в Канны, в пансион при католическом монастыре. Девочек держали в строгости. Я даже помню, что там тетя Лора приобрела привычку спать без подушки. Воспитательницы-монашки очень настойчиво пытались приобщить Лору к католической вере, но Лора, как и моя мама, была атеисткой. Она говорила, что ее вера – это не делать зла другому. Потом

Ира Герваген, о. Г. Голубцов, Зоя Дюкмеджиева, с. Костенски Вили. 2.08.1941

Лору перевели в пансион при русском монастыре «Нечаянная радость» в St. Germen de fly под Парижем. Раньше это был католический монастырь, который отдали русским монашкам. Здание было большое, с огромным фруктовым садом и птичьим двором. Монашки жили в кельях на 1 этаже, а девочки-учащиеся на 2 этаже. Основательницей и игуменьей монастыря была матушка Евгения Митрофанова. Учителя были из русской эмиграции, очень интеллигентные и культурные люди. Учитель истории и географии – морской офицер, который очень интересно рассказывал о своих путешествиях, учительница русского языка – жена бывшего министра Кривошеина, учительница французского языка – бывшая преподавательница Петербургского института для благородных девиц. И там Лора пела в церковном хоре. Кроме пения и балета, Лора еще хорошо рисовала. И узоры для вышивания церковного одеяния в подарок парижскому митрополиту Евлампию поручили нарисовать ей. Но в начале последнего года обучения матушка Евгения решила уехать в Иерусалим.

Лариса Николаевна Морозова с семьей Низима Гарты. Хисаря, 1940 г.

А. и А. Морозовы на свадьбе. София, 8.09.1940

Пансион закрыли. Лора вернулась в Ниццу к отцу, так и не закончив образования. Она очень скучала по матери и сестрам и упростила отца отослать ее обратно в Болгарию. Александра Иосифовна с девочками жили трудно. Учиться дальше не было возможности и Лора стала искать работу. Больше всего ей понравилось место гувернантки в семье Гарты, но в Пловдиве. Так как там жила их знакомая, Александра Григорьевна Романовская, главная костюмерша в театре, то мать согласилась отпустить Лору.

В семье Нисима Гарты было две девочки – 4 и 5 лет. В Пловдиве у Гарты (их было три брата) была большая фабрика по производству мыла. Семья жила в двухэтажном доме с садом, напротив городского парка. Мадам Гарты окончила французский лицей в Царьграде, а сам Нисим хорошо говорил по-французски. Лоре было очень приятно работать в этой семье. Когда она уезжала в Софию проведать мать и сестер, то ее всегда снабжали большой коробкой разнообразного мыла и фруктами. В Пловдиве Лора

даже участвовала в пьесе, которую ставил Н.О. Массалитинов в Пловдивском театре. В одной из сцен танцевала... «казачоку»!

Однажды, собираясь уходить из парка, Лора попросила одну из девочек Гарты, узнать который час у сидящего неподалеку моло-

дого человека. Потом она несколько раз видела его сидящим на скамейке, пока он не подошел, заговорил с ними по-французски, и, спросив ее, не она ли Лора Шаповаленко, передал ей привет от общего знакомого Ростислава Нейкирха, который учился вместе с ним в Софийском университете на медицинском факультете. Это был Александр Васильевич Морозов, ее будущий муж. Он приехал в Пловдив к родителям, подготовиться к экзаменам. Два года они переписывались. А 8 сентября 1940 г. повенчались в Русской церкви Св. Николая (тогда церковь была на ул. Калоян). Венчал их протоиерей Георгий Голубцов. Шаферами у тети Лоры были моя мама Наталия Заутова-Пчелинцева и Лена Графова, дочь зубного врача Марии Михайловны Графовой (Лена потом вышла замуж за английского дипломата и жила в Лондоне). Свидетелем со стороны жениха был Павел Дмитриевич Крылов – сын профессора Дмитрия Дмитриевича Крылова, заведующего кафедрой патологоанатомии Софийского университета, а затем в Пловдиве. Свадьба была более чем скромной. После церкви был обед в русском ресторане на ул. 6 сентября, на котором было 15 человек. А позже справили свадьбу и у родителей Александра в Пловдиве – Василия Ивановича и Елены Павловны.

Наверное, если бы не события 1917 г., то Александр Васильевич Морозов продолжил бы военную карьеру своего рода. Но судьба распорядилась иначе, и он стал врачом.

Его дед по материнской линии Павел Артемьевич Загорский родился 01.04.1854 в Киевской губернии в семье военных. Окончил Уманское училище земледелия и садоводства, а затем юнкерское пехотное училище в г. Одессе по 2-му разряду. Участник

**Отец Елены Павловны
Морозовой Павел
Артемьевич Загорский.
Россия, до 1917 г.**

Лора Морозова (справа
и Наталия Заутова-Пчелинцева.
София, 1941 г.

Русско-турецкой войны 1877–78 годов. В составе войск действующей армии охранял Черноморское побережье Крыма. Находился на позиции под Севастополем при перестрелке Севастопольских

батареи с 2-мя турецкими броненосцами, преследовавших пароход «Ливадия» из Варны. Награжден бронзовой медалью «В память войны». После войны – на военной службе: на Кавказе (командир 54-го пехотного Минского полка), затем в составе Восточносибирского стрелкового батальона Приамурского пехотного округа. Временно заведовал Николаевской конвойной командой. Вышел на пенсию штабс-капитаном резервного батальона № 209 в г. Николаеве. Был женат на вдове земледельца Ботезат (Ботезать) Аксиньи Дмитриевне. У них было трое детей. Сын Николай стал морским офицером в Николаеве. Дочь Анна (Жанна), в замужестве Яковлева, и дочь Елена (родилась 26.07.1889 г. в Николаеве). Мужем Елены стал офицер Лев Галка. А 22 июля 1910 в Новочеркасске родился Александр. Во время 1 Мировой войны Лев Галка погиб на фронте. Елена Павловна вышла второй раз замуж за Василия Ивановича Морозова, который усыновил Александра (Сашу).

Василий Иванович Морозов родился в 30.10.1888 в станице Семикаракорской Верхне-Донского округа. Окончил Новочеркасское военное училище в 1908 г. и назначен хорунжим в 7-й Донской казачий полк, в рядах которого принимал участие в Первой Мировой войне. В 1917 г. – командир 76-го Донского конного полка в армии генерала Краснова. В 1919 г. произведен Донским атаманом в полковники – «за боевые отличия» и вско-

**Александр Васильевич Морозов (слева), патологоанатом профессор
Дмитрий Дмитриевич Крылов (в центре), его сын Павел**

ре был назначен командиром 2-й отдельной Донской бригады. В 1919 г. бригада полковника Морозова освободила Мариуполь от махновцев. Вместе со 2-м корпусом генерала Слащева освободила Екатеринослав и активно участвовала в обороне Крыма. Единственная часть, действовавшая в конном строю, – бригада генерала Морозова, участвовала в наступлении армии генерала Врангеля в Северной Таврии. За это В.И. Морозов был произведен в генерал-майоры и награжден орденом Св. Николая, а бригада была развернута во 2-ю сводную конную дивизию. В 1920 г. генерал Морозов нанес окончательный удар по уже разгромленному корпусу Жлобы. Приказом от 16.09.1920 раненый генерал Морозов был назначен в распоряжение Донского атамана. Вместе с Донским корпусом он эвакуировался из Крыма на о. Лемнос, откуда переехал в Болгарию. Установился на жительство в

Аксиния Дмитриевна Загорская – мать Елены Павловны Морозовой (г. Николаев)

Анна (Жанна) Павловна Загорская (в замужестве Яковлева) – сестра Елены Павловны

Пловдиве, вместе с женой Еленой Павловной и сыном Александром. В Пловдиве В.И. Морозов, благодаря своему военному образованию, которое давало гражданскую специальность инженера, работал инженером-землемером при строительстве дорог, мостов и т. п. В конце 1941 г. генерал Морозов одним из первых вступил в ряды РОКа (русского охранного корпуса) в Югославии и командовал в нем Донским батальоном. После Второй мировой войны находился в лагере Келлерберг в Австрии. Скончался в больнице г. Клагенfurта 30.01.1950. Похоронен на лагерном кладбище Келлерберга.

Его жена Елена Павловна жила с семьей сына в г. Карлово. После кончины Александра в 1973 г. жила в Провадийском доме для престарелых, поближе к внучке Александре (Сане), которая живет в Варне. Умерла 13.03.1978 г. в г. Провадии.

Учиться Александр Васильевич поступил в Крестовоздвиженскую Русскую гимназию в г. Пештера в 1929 году. Эта гимназия была создана еще в 1920 г. в Константинополе супругой русского посла Варварой Владимировной Нератовой. Город Пештера находится в горах на стыке южной болгарской, турецкой и греческой границ в Родопах. Гимназия размещалась в зданиях бывших болгарских казарм. Так же, как и другие русские гимназии, Пештерская гимназия получала средства частью от

болгарского правительства, частью от русских организаций и Американского благотворительного комитета проф. Т. Уитмора. Воспитатели, преподаватели и администрация были из русской интеллигенции или бывшие военные. Директором гимназии был полковник Александр Николаевич Ермолов, Кроме этого, он преподавал французский язык в старших классах. В гимназии была военная дисциплина, и весь жизненный уклад был в старом русском патриархальном духе. Имелся свой лазарет с врачебным кабинетом, домашняя церковь, столярная, обувная и слесарная мастерские, большой спортивный плац, фруктовый сад. Учащиеся все должны были делать сами – от чистки помещений до заготовки дров. Гимназисты носили форму: черные гимнастерки и фуражки с крестиками. Имелся ученический хор и балалаечный оркестр, ставились театральные спектакли, посвященные празднику гимназии – Воздвижению Креста Господня 27 сентября, и именинам основательницы гимназии В.В. Нератовой – 7 декабря.

У гимназии была даже своя Кантата (автор – воспитатель в гимназии А. Курвоазие де Лонгмен):

*Славься, Родина Святая, будь как прежде, велика!
Мы земной поклон, родная, шлем тебе издалека!
Верно, что пройдет ненастье, вновь Россия оживет!
И Господь пошлет нам счастье – Родина нас призовет!
Разлучили нас с Тобюю, на чужбине мы живем.
И лишь Верюю одною в Бога и в тебя живем!
Дар мы принесем завета Права, Правды и Добра!
С Богом и на многие лета Матушке-Руси УРА!*

Елена Павловна Загорская
(в замужестве Морозова).
Пловдив, 29.07.1943 г.

Лев Галка с сыном Александром.
Новый Буг, 08.01.1906 г.

Окончив гимназию, Александр в 1930 г. с группой русской молодежи уехал на заработки во Францию, в г. Канны, где работал на железнодорожном заводе. Вечерами дополнительно подрабатывал в ресторанах – играл на мандолине в русском балалаечном оркестре. Собрав деньги, уехал в Бельгию и поступил на инженерное отделение Лувенского института, основанного католическим обществом. Проучился 4 года, получая стипендию. Но для получения диплома и дальнейшей работы, ему надо было принять католичество. От этого он категорически отказался и вернулся в Болгарию.

Закончить инженерное образование он не смог, так как тогда в Софийском университете не было инженерных дисциплин. И он поступил на медицинский факультет университета, который окончил в феврале 1941 года. Будучи студентом, Саша активно участвовал в деятельности русских организаций:

Нагрудный знак лемносцев

Обществе русских студентов при Софийском университете; гимнастическом обществе «Русский Сокол», Культурно-просветительном русском молодежном обществе «Потешный Петра I Великого». Членами этого дружества были не только молодежь (большой частью студенты), но и люди более старшего поколения. К 1939 г. членами правления Общества

Василий Иванович
Морозов, Елена Павловна
и Александр. Казанлык,
1929 г.

были: председатель
Александр Сергеевич
Урннжевский – вос-
питатель в Лицее
В.П.Кузьминой, Алек-
сандр Алексеевич
Рейдер, Александр
Иванович Федотов –
полковник, воспита-
тель в Пештерской

Русской гимназии, Николай Михайлович Дылевский – препода-
ватель в СУ, Мария Ивановна Станчулова – медсестра и студенты
Дмитрий Бендерев, Леонид Станчулов, Владимир Бутков и др.
Саша даже писал юмористические стихи

Лора тоже была членом гимнастического общества «Русский
Сокол» и с успехом выступала на разных физкультурных соревно-
ваниях. Была она членом – младшим инструктором и в популяр-
ной среди русской молодежи организации НОРР (Национальная
организация российских разведчиков). В ней было несколько от-
рядов (мальчиков и девочек), и все они носили имена русских
патриотов. Выпускалась газета «Потешный». Гимном этой орга-
низации был «Преображенский марш»:

*Наш великий император, слава вечная ему,
Сам ружьем солдатским правил, сам он пушку заряжал...
Так и мы служить готовы, хоть Россия далека,
Мы птенцы гнезда Петрова через грани и века...*

У «Разведчиков», так же, как и у «Соколов», были летние лагеря
в горах, где весь уклад был военным и под руководством белых
офицеров. Лора тоже писала статьи в газету. В одной из ста-
тей (Потешный № 2) – «Мысли Разведчицы» она пишет: «...те-
перь редко, а то и вовсе не встретишь “Тургеневскую девушку”»,

Преподаватели и учащиеся Крестовоздвиженской Русской гимназии. Девятый слева в последнем ряду – А Морозов. Пещера, 20 ноября 1928 г.

...но нет, душа русской девушки осталась такая же светлая, чуткая и правдивая. А Лора осталась такой на всю жизнь.

Стажировку Александр проходил в Католической больнице в Пловдиве и главный хирург доктор Атанасов хотел оставить его у себя после получения диплома. Но в то время у Александра был «нансеновский» паспорт, а не имевшие болгарского подданства врачи должны были поработать 5 лет по селам перед тем, как их назначали на работу в города. И начались путешествия семьи Морозовых по Болгарии. Сначала Сапу назначили в с. Марикостеново Петричкого района. Это село было почти на границе с Грецией, около пограничного пункта Кулата. Сапа должен был обслуживать 10 сел днем и ночью, а они были в 6–7 км от Марикостенова. Община сперва не отпустила ему никакого перевозного средства. Потом ему дали коня. И он в любую пого-

Группа «галлиполийцев» и «лемносцев» Крестовоздвиженской Русской гимназии. Третий слева в последнем ряду – А. Морозов. Пещера, 1926 г.

ду – дождь, снег – выезжал на вызовы. Один раз, возвращаясь домой, попал под сильный дождь и слег с приступом острого ревматизма. На помощь ему по просьбе Лоры приехал русский врач, д-р Никифоров, из Петрича. Николай Михайлович Никифоров родился в 1903 г. в Симферополе, закончил медицинский факультет Софийского университета. Работал в с. Градинарово, Провадия (в 1933 г.), в Петриче, затем в Софии. Александр долго восстанавливался, но эта «дождевая баня» дала осложнение на сердце. Затем его перевели в гара Веронию (тоже около Греции), потом в с. Розовец Пловдивского округа. Это было небольшое село в каменистой местности.

В декабре 1942 г. в русской больнице доктора Берзина умерла от рака желудка мама Лоры, Александра Иосифовна. Лора очень любила свою мать и болезненно переживала ее утрату. Тогда она

Шестой выпуск Крестовоздвиженской Русской гимназии. Преподаватели и учащиеся. Шестой слева во втором ряду – А. Морозов. Пещера. 30.06.1929

с сестрами Шурой и Таней решили, что если у них будут девочки, то назовут их в честь мамы – Александрями. В 1943 г., когда Лоре подошло время рожать, Саша увез ее в Софию, в частную клинику доктора Лазарова на ул. Денкооглу (сейчас там «Майчин дом»). Тогда как раз начались бомбежки Софии. Так что дочь Александра (Сана) родилась 14 ноября под вой сирен и гул самолетов. Из-за бомбежек они уехали опять в с. Розовец. В Софии в дом, где жили сестры Лоры (ул. Св. Кирила и Мефодия, около центрального рынка), упала бомба, и они вместе с крестным Федором Потаповычем спасались от бомбежек на турбазе на горе Витоше.

К тому времени Саша принял болгарское гражданство и был призван в армию на сербскую границу, в Дедеагач. Лора осталась одна с маленькой Саной и переехала в с. Божидар, около

Балаалаечный оркестр с танцорами и солистами- певцами. Третий справа в последнем ряду – А. Морозов. Канны, Франция, 8 декабря 1930 г.

Карлово. Времена тогда были беспокойные. С одной стороны с Балкан сходили партизаны, проверяя каждого насчет оружия, а иногда начинались и перестрелки. А в сентябре 1944 г. в Болгарию через г. Русе вошли русские военные, которые, продвигаясь к Софии, шли через их село. Один отряд даже попросился в их дом на ужин и ночлег. Правда, еду принесли с собой.

В апреле 1946 г. в клинике д-ра Лазарова у Морозовых родился сын Алексей. Имя ему дала маленькая сестричка: перед уходом в клинику Лора дала Сане мешочек с записочками с именами и Сана вытащила имена Алексей и Наталия.

Семья Морозовых осела в г. Карлово, где Саша работал главным врачом в областной больнице. Затем заведующим и главным врачом в санатории с. Баня (около Карлово). Работал и на санитарно-эпидемиологической станции. В г. Карлово был из-

Рабочие фабрики «Acierie du Nord». Второй слева во втором ряду – А. Морозов. Канны, Франция, 20.01.1930

вестным и очень уважаемым врачом. Лора работала в Доме пионеров, где вела театральный и балетный кружки и организовала кукольный театр.

К тому времени ее сестры выходят замуж. Татьяна вышла замуж в 1950 г. за врача Бориса Владимировича Шустова. Борис родился в 1923 г. в г. Свиштове. Окончил медицинский факультет Софийского университета. Его отец Шустов Владимир Дмитриевич (род. 1888, Одесса), тоже врач, окончил Одесский университет. Был врачом Александровского военного училища (1922 г.). С 1929 г. – участковый врач на станции Оборище в Варне.

Шура вышла замуж за журналиста Константина Геннадиевича Теплицкого. Он активно участвовал в работе Клуба Советских

граждан, основанного в 1946 г., был членом Центрального правления Союза советских граждан в Болгарии и одно время его председателем.

В 1956 г., после объявления акции по репатриации «Возвращение на Родину», Татьяна с семьей уехали с первым эшелоном в СССР на целину. Вместе с ними уехал и Федор Потапович. На целине он скончался. Позже Татьяна с Борисом и дочерьми – Александрой (Сашей) (род 1951, София), и Ириной (род. 1957, СССР) поселились в с. Шевченково, Килийского района, Одесской области. Там Борис работал участковым врачом в больнице, а Таня работала учительницей французского языка в школе. Дочь Саша вышла замуж за Василия Ивановича Кучеренко и у них двое детей: Ирина (род. 1973) и Владимир (род. 1974).

Шура с Константином Теплицким в 1957 г. уехали в СССР, в Киев, где Константин работал журналистом. У них две дочери: Александра (Алена) (род. 1955 г. в Софии) и Татьяна (Туся) (род 1957 г. в Киеве) и две внучки: Александра (Саша) и Олеся.

Санаи Алексей Морозов закончили историко-филологический факультет Софийского университета. Весной 1966 г. Сана вышла замуж за Емилияна Стефанова Попчева из Варны, который окончил инженерный факультет МЭИ (Машино-электротехнический институт). Свадьбу справляли в Пловдиве.

Осенью 1966 г. Лора после долгой разлуки поехала к отцу в Ниццу. Во время войны, к Николаю Георгиевичу пришли немцы, которые оккупировали Ниццу, и сказали, что так как он знает хорошо немецкий и русский, то они берут его переводчиком в комендатуру. Отказаться было невыносимо и, единственно, что он мог сделать, это помогать по мере сил спасению многих русских от концлагеря. Когда немцы ушли из Франции, французы посадили Николая Георгиевича на 5 лет в лагерь где-то в Бретани как «шпиона». Лора пробыла у отца несколько месяцев, пока Сана не сообщила Лоре, что 9.01.1967 у нее родился внук Александр (Алик). Лора засобиравшись домой и на деньги, которые отец ей дал на пальто, купила красивую темно-синюю

«Частная» вечеринка в Атаманском барраке. Третий в третьем ряду слева – А. Морозов. Ницца, Франция, апрель 1931 г.

коляску, похожую на ландо. Тогда в Болгарии таких колясок еще не было. В этой коляске потом «катались» и остальные ее внуки. Лора ездила в Ниццу к отцу вплоть до его смерти в 1976 году.

В 1970 г. женился и Алексей. Его женой стала Веселина Вылчева Димитрова. Вскоре у него родился сын Теодор (Геди). Алексей долгое время проработал в Коми ССР механиком в болгарской организации ДСО «Деревообработка и строительство», а затем работал в Москве. После его возвращения в Софию Лора жила вместе с ним.

Сана с мужем живет в Варне, где она долгие годы работала учительницей русского языка в русской школе. У нее двое детей: Александр (Алик) и Емилия.

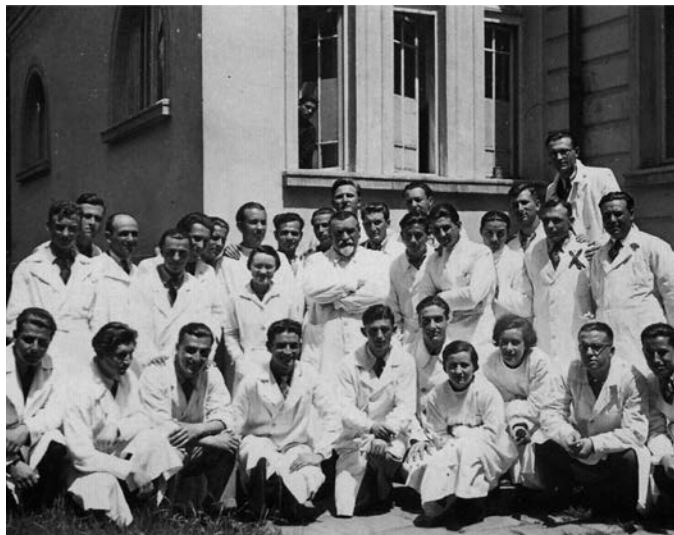
Так что у Лоры и Саши Морозовых трое внуков, а теперь и две правнучки – Александра (Сыни) и Боряна (Бони). Мечта Лоры

В гостях у принцессы Орлеанской и герцогов Вандомских. Справа налево: пятая во втором ряду принцесса Орлеанская, около нее герцог Вандомский, девятый – генерал Гудим – Левкович, тринадцатый – А. Морозов; последний в ряду – муж принцессы Орлеанской граф де Шапоно. Вилла герцогов Вандомских Chateau Garibaldi. Пасха, 1931 г.

Преподаватели и русские студенты в университете в г. Лувене, Бельгия. Пятый в четвертом ряду (справа налево) А. Морозов. Май 1933 г.

Студенты-хирурги медицинского факультета Софийского университета. Третий справа во втором ряду – А. Морозов. 1937 г.

Н. Лора (сидит), Василий Иванович Морозов, Таня Шаповаленко и Елена Павловна Морозова. С. Марикостеново, 1941 г.

Доктора Н.М. Никифоров и А.В. Морозов. С. Марикостеново, 1941 г.

Лора и Александр
Морозовы с детьми
Саной и Алешей.
София, август 1955 г.

А.В. Морозов (первый слева) со сотрудниками областной больницы.
Карлово, 1970-е г.

Лора Морозова (четвертая справа) с Детским театром при ДOME пионеров г. Карлово в гостях у артиста Матея Икономова (пятый справа). Карлово, 1970-е годы.

Три сестры Шаповаленко – Александра (в замужестве Теплицкая), Лариса (в замужестве Морозова) и Татьяна (в замужестве Власова). София, 1954 г.

Свадьба
Александры
(Шуры)
Шаповаленко
и Константина
Геннадиевича
Теплицкого.
Слева на-
право: А.В.
Морозов, Тая
Шаповаленко,
К.Г. Теплицкий,
Шура
Шаповаленко,
Федор
Потапович
Келембет и Лора
Морозова.
София, 1954 г.

стать балериной или певицей не осуществилась, но своим детям и внукам она еще пела те песни, которые слышала от своей мамы. Они пели вместе и с моей мамой великолепные русские романсы, которые слышали от старшего поколения. Вот две песни, которые, может быть, запомнили дети и внуки Лоры.

Сиротка

*Вечер был, сверкали звезды, на дворе мороз трещал
Шел по улице малютка, посинел и весь дрожал.
«Боже, говорил малютка, я прозяб и есть хочу
Кто накормит и согреет, Боже, бедную сироту?»
Шла дорожкой той старушка, услыхала сироту.
Приютила и согрела, и поесть дала ему.
Положила спать в постельку, «как тепло» — промолвил он,
Закрыв глаза, улыбнулся и заснул спокойным сном.
Так и в поле кормит пташку и крошит росой цветок.
Бесприютного сиротку не оставит также Бог.*

Венец Христу

*Был у Христа-младенца сад и много роз растил он в нем.
Он трижды в день их поливал, чтобы сплести венок себе потом.
Когда те розы расцвели, детей еврейских созвал он.
Они сорвали по цветку, и сад был весь опустошен.
«Как ты сплетишь себе венок? В твоём саду нет большие роз»
«Вы позабыли, что шипы остались мне», — сказал Христос.
И из шипов они сплели венок терновый для него,
И капли крови, вместо роз, чело украсили его.*

Русские врачи-белоэмигранты в Болгарии

Я стою на углу улиц Искыр и Чумерна и эхо воспоминаний моих родных и знакомых, отзывается во мне. В этом здании много лет назад находился госпиталь Русского Красного Креста, или просто больница Берзина, известная всей Болгарии.

О Русском Красном Кресте и больнице Берзина написано очень много, но я напомним читателю о ее создании и уйду немного в историю.

Российское общество Красного Креста за рубежом (РОКК) считало себя наследником РОКК, основанного в Петербурге в 1867 г. на основании Женевской конференции 1864 года. После большевистского переворота Главное управление в январе 1918 г. на заседании в Петербурге приняло решение прекратить деятельность РОКК и возобновить ее при благоприятных условиях, которые были созданы, по мнению Главного управления, в ходе Гражданской войны после освобождения части территорий на юге страны.

В ноябре 1918 г. были сформированы Временные управления РОКК – одно в Киеве, которое перешло потом в Екатеринодар к Главному штабу армии генерала А.И. Деникина и второе в Омске при штабе адмирала А.В. Колчака. Оба эти управления в 1919 г. были признаны Международным комитетом Красного Креста в Женеве. Тогда же представители РОКК за рубежом объединились в Париже в одну организацию – Особый Совет

Российского Красного Креста. Самая значительная из этих трех организаций была на юге России в Крыму, после поражения армии генерала Врангеля она эвакуировалась из Крыма.

После переезда за рубеж Международный комитет Красного Креста признал официальным учреждением Временное Управление Красного Креста, созданное на юге России, и к официальному названию РОКК было добавлено: «ancienne organisation» («старой организации») для отличия его от Советского Красного Креста. Даже после того как Международный комитет Красного Креста официально признал в ноябре 1921 г. Советский Красный Крест, он оповестил РОКК старой организации, что фактически продолжит с ним свои отношения.

РОКК имело представительства в ряде стран. На Балканах действовал Особый комитет по Ближнему Востоку с центром в Константинополе и во всех Балканских странах были открыты его Представительства.

Летом 1920 г. в Болгарию прибывает Уполномоченный РОКК фон Фельдман. Управление Уполномоченного РОКК размещается в здании на ул. Оборище, 15, где находилось Управление Военного представителя и «Союз русских офицеров». Заместителем Уполномоченного РОКК становится генерал запаса Генерального штаба В.П. Никольский.

Леонид Евгеньевич фон Фельдман был сыном русского военного представителя в Вене. В России работал в Министерстве здравоохранения и занимал крупный пост под началом академика Г.Е. Рейна. В совершенстве знал английский язык. В Софии он был одним из основателей дружества «Почитателей памяти Императора Николая II и его семьи», вместе с Г.И. Шавельским, М.Г. Попруженко, ветераном Русско-турецкой войны 1877–78 гг. О.А. Няньковским-Войничовичем, В.П. Никольским, проф.Н.Н. Глубоковским и др. Имея большой опыт в администрировании, фон Фельдман прочно взял в свои руки управление медицинскими учреждениями, организацию столовых с бесплатным или дешевым питанием, снабжение беженцев бельем, одеждой и обу-

вью. Были открыты пункты питания РОКК в бараках при вокзале и на ул. Экзарха Иосифа, 2, на углу с ул. Оборище.

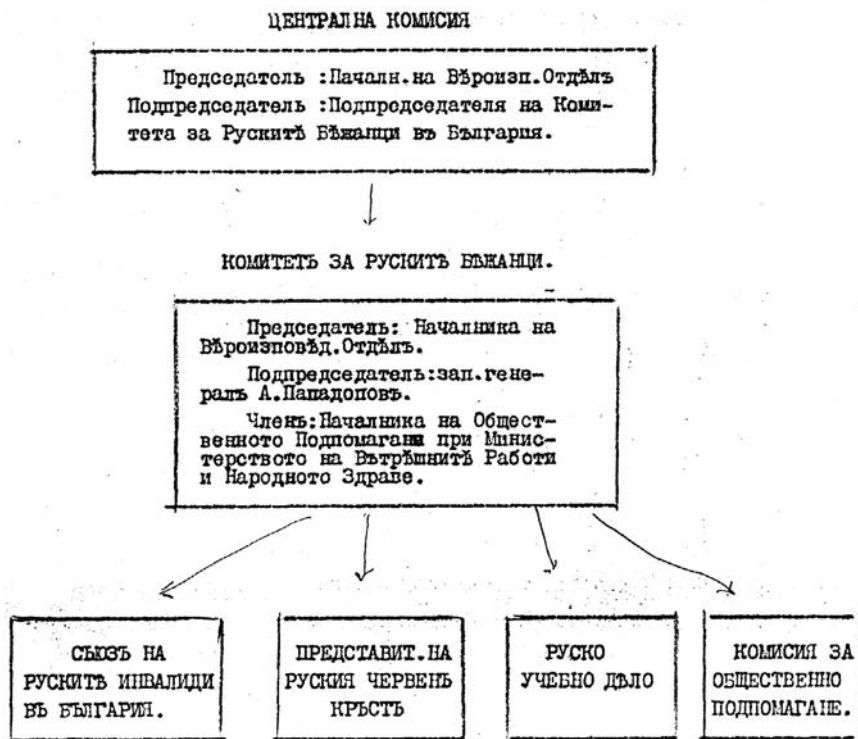
Первое время финансирование поступало из-за рубежа от русских организаций, которые уже имели в Софии свои Представительства: РОКК, «Союз русских инвалидов» (председатель Д.А. Абрамович), «Всероссийский Земский Союз» (ВЗС) (уполномоченный А.А. Эйлер), «Всероссийский Союз городов» (ВСГ) (уполномоченный А.В. Арцишевский). Шла помощь и от некоторых иностранных благотворительных организаций (напр., от Ближневосточной фондации Рокфеллера, представителем которой был фон Фельдман). Но вскоре помощь этих организаций уменьшилась, и тогда из бюджета болгарского правительства стали отпускаться субсидии. Сначала были отпущены персональные пенсии ветеранам Русско-турецкой войны 1877–78 гг., а с 1923 г. помощь оказывалась русским беженцам и детям. С этой целью при Министерстве иностранных дел и вероисповеданий была создана Центральная комиссия под председательством начальника отдела вероисповеданий доктора К. Сарафова.

Специальным министерским постановлением от 16.12.1922 г. (протокол № 128) основывается Комитет русских беженцев, назначенный Министерством иностранных дел и вероисповеданий приказом № 64 от 15.01.1923 г. исполнительным органом в распределении средств, поступающих из бюджета для устройства и помощи русским в Болгарии. Председателем стал генерал запаса Асен В. Пападопов. С Россией он был связан еще с 1904 г., будучи военным наблюдателем при русской армии во время Русско-японской войны. Был женат на бывшей фрейлине Анне Сергеевне, урожденной Истоминой, племяннице героя Севастопольской обороны. Анна Сергеевна дружила со многими русскими и всячески старалась им помочь.

Членами Комитета стали: граф Н.Н. Игнатъев (сын графа Н.П. Игнатъева) как председатель медицинской комиссии при Комитете. Кроме него, туда вошли: проф. И.А. Базанов – председатель Русского Академического союза; Б.С. Серафимов –

представитель Бюро труда Лиги Наций, бывший русский дипломат; князь И.Н. Лобанов-Ростовский; П.К. Небянский как заведующий финансово-контрольным отделом и Н.Н. Ратьков-Рожнов – заведующий административным отделом (был женат на сестре А.С. Пападоповой – Вере Сергеевне).

Средства из бюджета распределялись по следующей схеме.

РОККу с 1923 г. по 1933 г. было отпущено 1 471 000 левов, которые распределялись между следующими учреждениями РОККа:

1. Приют РОККа для увечных и престарелых воинов при храме-памятнике в с. Шипка.
2. Приют для детей-сирот (детские ясли) в Софии (ул. П. Паскалева, а с 1925 по 1947 г. на ул. Черно море, 1).

3. Русские больницы в городах София, Пловдив и Варна.
 4. Русская амбулатория в Софии.
 5. Санаторий для туберкулезных больных в г. Велико Тырново.
 6. Общежитие для больных и стариков в с. Надежда Софийской обл.
 7. Для индивидуальной помощи больным, женщинам и детям.
- Наиболее важным медицинским учреждением РОККа в Софии с 1923 г. стал госпиталь РОКК. Этот госпиталь с 1918 г. по 19 декабря 1923 г. носил название 4-й хирургический госпиталь РОККа из состава Добровольческой армии генерала Деникина. Он был сформирован в декабре 1918 г. в г. Армавире и в его состав входили 3 врача и 12 сестер милосердия, командированных из Одесской хирургической клиники профессора К.М. Сапежко. Материальное оборудование доставили со складов РОКК на ст. Сосынка. Во главе госпиталя стал доктор Петр Андреевич Губский-Долгоруков, административным талантом и энергии которого госпиталь обязан многим в трудные годы борьбы на юге России, периода эвакуации, Галлиполи и переброски в Болгарию.

Губский-Долгоруков Петр Андреевич (02.10.1882, Полтавская губ. – 31.12.1926, София). Коллежский советник (1920). Среднее образование получил в Полтавской духовной семинарии. Некоторое время учительствовал. В 1911 г. окончил Медицинский факультет Одесского университета. Затем был внештатным ординатором факультетской хирургической клиники профессора Сапежко К.М. этого же университета. Сдал экзамены на степень доктора медицины. В июле 1914 г. был мобилизован в армию и назначен старшим ординатором и заведующим хирургическим отделением 2-го временного госпиталя Севастопольской крепости. Добровольцем в ноябре 1914 г. ушел на фронт в 62-ю пехотную дивизию. Награжден четырьмя орденами. В Гражданскую войну в Добровольческой армии. С ноября 1918 г. – начальник 4-го хирургического госпиталя РОКК

с которым эвакуировался в Болгарию. Член Галлипольской Академической группы. Умер от туберкулезного менингита в Софии.

Из Армавира начался тот тяжелый путь госпиталя, и вряд ли было другое учреждение Красного Креста, которое совершило такой мучительный путь, полный самоотверженной работы, которую не могли остановить ни превратности Гражданской войны, ни трудности эвакуации, ни материальные невзгоды на чужбине.

В зависимости от передвижения фронта, госпиталь часто менял места и стоянки.

Из Армавира он был переведен 20 июня 1919 г. в Царицын. При отступлении от Царицына Кавказской армии, эвакуировался на ст. Белая Глина, а оттуда в станицу Великокняжескую. Из Великокняжеской 2-го января 1920 г., госпиталь перевели на ст. Кавказскую (хут. Романовский). 10 февраля 1920 г., после местного наступления большевиков и взрыва на станции, погрузив тяжелораненых и больных в санитарный поезд и взяв с собой легко раненых, походным порядком отправился в Екатеринодар. Из Екатеринодара в конце февраля он был отправлен в Новороссийск, а оттуда на пароходе «Тигр» эвакуировался в Феодосию. Из Феодосии 20 марта 1920 г. госпиталь отправили в Евпаторию, где он был развернут на 200 кроватей на «Царской Даче». В Евпатории госпиталь продолжал работать до последнего дня эвакуации Крыма и 30 октября на пароходе «Добыча» эвакуировался в Константинополь. После трехдневной стоянки на рейде спешно был переброшен в Галлиполи для обслуживания 1-го армейского корпуса генерала Кутепова. В Галлиполи госпиталь был размещен во французской школе и через 24 часа принял первую партию больных, среди которых было много заразных. Больных тифом, дифтеритом и тяжелораненых пришлось класть на маты на полу, почти без одеял и совершенно без белья. В этих антисанитарных условиях все же удалось наладить хирургическую помощь. Эта трудная задача, вследствие болезни начальника госпиталя, П.А. Губского-

Долгорукова, всей тяжестью легла на ст. ординатора Р. Берзина. Врачи и сестры буквально валились с ног из-за непосильной работы. Только через месяц госпиталь получил необходимое оборудование от американского Красного Креста, а инфекционных больных передал в 7-й передовой отряд Красного Креста, и стал хирургически-терапевтическим госпиталем с родильным отделением. Операции проводились ежедневно, иногда по 20 в день. Весной при госпитале был открыт санаторий для легочных больных, который был расположен за городом в палатках. Санаторий предназначался, главным образом, для спасения молодежи, среди которой из-за невероятно тяжелых условий жизни участились случаи туберкулеза. К концу пребывания в Галлиполи весь персонал был переутомлен непосильной работой. Почти половина сестер милосердия имела активный туберкулезный процесс, начальник госпиталя доктор Губский-Долгоруков, израсходовал последние остатки своего здоровья. Этой ценой, однако, удалось добиться излечения многих больных. 30 ноября 1921 г. на пароходе «Рашид-паша» госпиталь в составе 1-го армейского корпуса покинул Галлиполи. Радость сознания исполненного долга оказалась сильнее усталости. По прибытии в Варну, госпиталь был направлен в Плевен, где простоял в свернутом виде с декабря 1921 г. по апрель 1922 г., существуя на средства Армии. Весной он был переведен в с. Банкя близ Софии и развернулся на 60 коек с хирургическим и нервным отделением. Вскоре сюда перевели госпиталь № 3 РОККа из Константинополя и к осени 1922 г. госпиталь имел уже 175 коек. В с. Банкя он проработал до декабря 1923 г. при исключительно тяжелых материальных условиях. На его содержание отпускалось всего 10 левов в день на человека, включая сюда все другие расходы.

Представительство РОККа организовало широкую помощь русским беженцам. Были открыты ряд медицинских учреждений, столовых, общежитий, пункты питания.

В те годы русские в Софии могли рассчитывать на медицинскую помощь нескольких учреждений: в Поликлинике русских

профессоров (угол улиц Аксаков и Раковски); в одном из помещений «Федерации бывших русских бойцов» (на ул. Оборище, 17), где прием вели врачи, еще не снявшие военную форму; в Амбулатории РОКК (ул. Экзарха Йосиф, 2 и Оборище), где начал принимать доктор С.К. Жуков. Еще имелось русское отделение в бараках Александровской государственной больницы.

В 1923 г. Л.Е. фон Фельдману удалось при содействии министра внутренних дел и народного здоровья (МВД и НЗ) генерала И.А. Русева выхлопотать у болгарского правительства значительную единовременную помощь на гуманитарную работу, благодаря чему стало возможным переместить госпиталь из с. Банкя в Софию и здесь открыть его 18.12.1923 г., в связи с чем фон Фельдман, с одобрения Главного Управления РОКК, отдал 20.12.1923 г. приказ №47 «...именовать 4-ый хирургический госпиталь впредь: Госпиталь РОКК старой организации в г. Софии», который является отделом РОККа с центром в Париже и членом Комитета Международного Красного Креста в г. Женеве. Госпиталь занял здание на ул. Искър, 59. Собственником здания был доктор Палчев, русский воспитанник, который имел частную клинику, где у него работало несколько русских медиков:

– врач **Белоусов Александр Степанович** (1893, ст. Клецкая, Донская обл. – ?). Окончил Харьковский университет. С 1928 г. был на частной практике в с. Страджа, Ямболовской обл.;

– фельдшер **Куравец Павел Дмитриевич** (16.09.1891, Чернигов – 18.09.1958, София, русский участок Центрального Софийского кладбища (ЦСК). Полковник. Окончил Одесское военное училище полный курс по 1-му разряду 1911–1914 гг. Участник 1 Мировой войны в составе 60-го Замосцкаго полка. Во время Гражданской войны 1-й Отдельной бригады Русских Добровольцев, а затем в чине полковника во 2-м Дроздовском Офицерском Стрелковом полку. Участник Второго Кубанского похода (1918). В 1918–1920 гг. был в составе штаба 3-й пехотной дивизии, штаба Офицерской генерала Дроздовского дивизии и штаба Дроздовской дивизии. Галиполиец. Во время

Гражданской войны был ранен в руку, которая усохла. Несмотря на это, в Болгарии он стал реаниматором, массажистом. Работал одной рукой, даже катался на лыжах. Кроме работы фельдшером в клинике доктора Палчева, принимал пациентов дома. На его доме была табличка «Павел Куравец – дипломированный массажист». Практика была обширной. Делал чудеса, возвращая к нормальной жизни многих детей, больных детским параличом. Работал даже тогда, когда от глаукомы ослеп на оба глаза.

Член-основатель «Дружества почитателей памяти императора Николая II и его семьи» (1928). Куравец П.Д. был женат на дочери проф. М. Попруженко Анне – учительнице истории в Софийской Русской гимназии.

Доктор Палчев поддерживал очень хорошие отношения с персоналом, и особенно с доктором Берзиным, которого часто приглашал оперировать в свою клинику и которому сам часто ассистировал в Госпитале.

Госпиталь РОКК был поставлен на началах самоокупаемости. Располагал 50 койками и составом из 4 врачей, 8 сестер милосердия, 20 санитаров и 8 чел. административно-хозяйственной части (канцелярия, кухня, прачечная, бельевая, продовольственный склад и т. д.). Весь персонал был русским. Главным врачом Госпиталя был назначен доктор Р.Ю. Берзин.

– **Берзин Роберт Юрьевич** (1886, г. Венден (Цецис), Латвия). В 1917 г. окончил Психоневрологический институт в г Санкт-Петербурге и оставлен при кафедре хирургии нервной системы проф. Людвиг Мартыновича Пуссеп (Пуусеппа). С 1915 г. принимал участие в 1 Мировой войне как врач отряда Общества им. Пирогова. В 1919 г. был приглашен на службу в Чугуевский военный госпиталь Добровольческой Армии. Оказался с госпиталем в Новороссийске. Оттуда был командирован Красным Крестом сопровождать транспорт «Владимир» с ранеными в Салониках и на о. Лемнос. После разгрузки раненых с тем же транспортом вернулся в Севастополь и в 1920 г. был назначен врачом-хирургом в 4-ый хирургический госпиталь РОКК в Евпаторию.

Вместе с госпиталем был эвакуирован в Галлиполи и оттуда переехал в Болгарию, вместе с женой Надеждой Александровной и ее отцом **Будаговским Александром Викентьевичем**, тоже врачом-хирургом (1850 – 10.11.1926, София, ЦСК)

– **Будаговский А.В.** окончил Тифлисскую гимназию и Медико-хирургическую академию в Санкт-Петербурге (1877). Был младшим врачом 84-го Дагестанского пехотного полка. Ассистент хирургического отделения Детской больницы Принца Ольденбургского в Санкт-Петербурге (1880). Защитил докторскую диссертацию в Военно-медицинской академии (1888). Работал земским врачом в Полтаве.

Госпиталю, прежде всего, предстояло удовлетворить нуждающихся в хирургической помощи русских беженцев.

Став главным врачом госпиталя, доктор Берзин проявил себя как прекрасный администратор и талантливый и незаурядный хирург. Он стал душой Госпиталя, его главным двигателем. Берзин и госпиталь стали неразрывно связаны. Слава хирурга Берзина быстро распространилась за пределами Софии, все чаще к нему стали приезжать больные из разных мест Болгарии. Госпиталь РОККа вскоре стали называть просто «больницей Берзина».

Успеху способствовало постоянная круглосуточная готовность больницы к немедленной помощи и операциям. В те годы в Софии еще не существовало организации скорой помощи (которую, кстати, первым пытался создать начальник пожарной команды Ю. Захарчук).

Доктор Берзин, скромный и нетребовательный, жил в самом здании больницы на 3 этаже вместе с супругой Надеждой Александровной. Рядом с его двумя комнатами жило несколько сестер милосердия. Остальной персонал – сестры, санитары и служащие, занимали ближайшие к больнице здания и всегда пребывали в полной готовности.

Коллектив врачей и сестер сложился еще в годы Первой Мировой войны и был хорошо вышколен, внимателен и серде-

чен с больными. В помещениях больницы поддерживалась образцовая чистота и гигиена. Когда, выписываясь из больницы, больные благодарили Р. Берзина, он обычно отвечал, что благодарить надо сестер за их усилия выходить больного.

С ростом популярности больницы крепла ее материальная база, что позволило больнице содержать некоторое количество бесплатных больных. Кроме того, русские пользовались значительными льготами – единовременную плату за лечение они могли заменять небольшими ежемесячными выплатами. Часть коек оплачивались через Управление РОКК болгарским правительством, периодически благотворительными организациями и частными лицами, благодаря чему свыше 25 % коек были бесплатными для больных. Особенно ценными оказывались щедрые пожертвования, которые ежегодно милостиво делались ее Царским Величеством Царицей Иоанной и ее царским Высочеством Принцессой Евдокией. Внимание Царской семьи было лучшей наградой и поощрением для всех сотрудников госпиталя. Бесплатными койками пользовались члены «Союза русских ветеранов Освободительной войны 1877–78 гг.» и «Союза русских инвалидов».

Каждый поступивший больной все крепче связывал местное русское общество с больницей. Аскоре и для русских и для болгар стало обычным ощущать больницу как верное прибежище. При необходимости в операции даже удаления аппендицита русские решали: «...только у Берзина».

В среде русских, как легенды, ходили рассказы о сложных и виртуозных операциях доктора Берзина: «...одному болгарскому инвалиду, пострадавшему в Первую мировую войну, доктор Берзин спас руку, неподвижную после ранения, удалив застрявшую пулю, задевшую нерв... девушку с врожденной деформацией ступни (подъемы ступней были внизу, а пятки тянулись вверх) доктор Берзин поставил ступни в правильное положение и она стала ходить. Берзин был известен не только в Болгарии, но и в Сербии. Совершенно феноменальную операцию он провел в Белграде при одном своем приезде туда. Военный Белой армии в боях был

ранен пулей в голову. Пуля, к счастью, не нарушила жизненные функции, и врачи решили оставить все как есть. Но через некоторое время, раненый стал испытывать сильные головные боли, головокружение, терял сознание и окружающие единодушно решили, что помочь сможет только доктор Берзин. Сделав трепанацию черепа, Берзин синхронно с пульсирующим мозгом, пинцетом ловко захватил и вытащил пулю...»

Особенно прославился доктор Берзин оперативным лечением спондилита – туберкулеза позвоночника, сгибавшего больных почти пополам, применяя модный тогда метод доктора Д'Альбе – замена пораженного участка позвоночника костной пластиной. Эту операцию в течение последующих и еще ряда лет после отъезда из Болгарии не делал никто из местных хирургов. А.Л. Ратиев вспоминает, что каково было его удивление, когда в далеком селе на юге Болгарии, он встретил крестьянина и услышал от него слова благодарности доктору Берзину, которого тот избавил от спондилита.

Около доктора Берзина формируется состав известных высококвалифицированных русских специалистов по разным видам болезней: проф. Н.М. Попов, А.И. Степанковский, Т.П. Александров, Р.Д. Садовникова, К.С. Михайленко, В.А. Воскресенский, С.А. Ростовцев, М.Л. Лебель. А. Бурсановский, В.И. Костямин, И.Н. Перцев, В.Н. Филиппов и др.

Самые лучшие болгарские врачи того времени были консультантами доктора Берзина, как, например: клиницист проф. В. Моллов, фармаколог и терапевт проф. Алексиев Вл.

Доктор Берзин еще при жизни получил большое признание не только в Болгарии, но и в других странах Европы. Его часто приглашали оперировать за границу как талантливого нейрохирурга. Он в совершенстве знал английский, французский, немецкий и итальянский языки.

В 1948 г. доктор Берзин вынужден был уехать в Париж, где скончался 17 января 1950 г. – он болел диабетом. Похоронен на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. Как рассказывали, на 40-й день на его могиле покончила с собой его супруга. Детей у них не было.

Ближайшим помощником доктора Берзина был старший ординатор больницы **Абросимов Алексей Петрович**. О нем вспоминают, как об исключительно внимательном и заботливым враче. Родился в 1893 г. в ст. Нижне-Кумоярская Ростовской обл. Окончил Харьковский университет. В Софии был членом правления «Союза русских врачей в Болгарии» (1938) и членом правления общества «Русский сокол». Жил на ул. Дунав, 30. Умер в 1949 г., похоронен на русском участке ЦСК. Жена Валентина Николаевна.

Интернистом в больнице был **Наливайко Тимофей Петрович** (1875, Киев – 1950, София, русский участок ЦСК). Окончил Киевский университет. Член Союза русских врачей.

Старшей сестрой милосердия работала его жена **Вольнская–Наливайко Александра Никоновна** (1897 – 1991, София, русский участок ЦСК).

При больнице имелся рентгенологический кабинет, обслуживаемый болгарским врачом. Его помощником работал **Таранец Владимир Константинович** (31.05.1890 – 01.03.1950, София, русский участок ЦСК). Жена: Мария Николаевна.

Работавшие в больнице Берзина в разные годы сестры милосердия: А.П. Тосийнен-Беликова, Е.А. Москалева-Тюльпанова, О.Н. Малевич, О.Ф. Буланкина-Павленко, Е. Тимошевич-Глик, З.К. Курилова (жена князя А.А. Ратиева) Н.С. Фредерикс, В.Н. Болдырева. Там же работал фельдшер Чернорубашкин Семен Терентьевич (донской казак, отец известного певца Бориса Рубашкина).

Делопроизводителем работал доктор **Ермаков Вениамин Георгиевич** (09.12.1863, Ставрополь – 06.01.1949, София, русский участок ЦСК). Состоял членом «Союза русских врачей». Письмоводителем в канцелярии был **Выходцевский М.Н.**, его жена была сиделкой. Управляющим госпиталем был болгарский врач Марин Ангелов Симеонов, верный друг России, большой болгарский патриот, потерявший в 1 Мировую войну ногу. Он пользовался всеобщим уважением и весь свой большой авторитет отдавал интересам госпиталя.

Кроме больницы, важным учреждением РОКК в Софии была амбулатория. Ее деятельность можно разделить на три периода:

– от основания 18 июня 1920 г. до 1924 г., когда медицинская помощь русским оказывалась бесплатно, невзирая на социальное и материальное положение пациента (в эти годы амбулатория занимала помещение на ул. Эжзарха Иосифа, 2);

– 1925 г. – 1928 г., когда с практики бесплатной помощи перешли на платную, что позволило амбулатории достичь финансовой независимости (тогда амбулатория занимала здание на ул. 6 Септември, 22);

– с 1929 г. по 1933 г., когда стали лечить по принципу «пусть заплатит, кто может», и начали принимать бедных болгар.

В период с 1920 г. по 1933 г. в амбулаторию обратились 190 036 пациентов, из которых 141 951 русских и 48 085 болгар.

Амбулатория была снабжена необходимыми аппаратами для рентгенокопии, рентгенотерапии, термотерапии и других физиотерапевтических методов лечения. В амбулатории лечили самые разные болезни: туберкулез и малярию, неврологические, глазные, внутренние, кожные, венерические болезни и т. п.

Амбулаторией 35 лет заведовал доктор С.К. Жуков, который жил в здании амбулатории.

Жуков Степан (Стефан) Константинович (15.02.1885, Харьков – 17.09.1959, русский участок ЦСК). Окончил Харьковский университет. Врач по внутренним и детским болезням. Служил в 57-м Модлинском полку, в 1912 г. командирован в Симферопольский местный лазарет в хирургическое и внутреннее отделения., с 1914 г. – младший ординатор Одесского военного госпиталя. Имел широкую практику, как врач хорошо был известен в Одессе. В 1-ю Мировую войну был военным врачом. С 1919 г. – сверхштатный ординатор хирургической клиники Одесских высших женских курсов. В Болгарии с 1920 года. Кроме амбулатории, работал приходящим врачом в Лицее В.П. Кузьминой, обслуживал русских ветеранов Русско-турецкой войны 1877–78 годов. Был членом правления «Союза русских вра-

чей». Имел прочный авторитет среди русских эмигрантов, и для очень многих из них был семейным врачом.

Зубным врачом при Амбулатории РОКК работал **Долгополов А.**

С вступлением войсковых частей Советской армии в Болгарию вопрос о судьбе русских эмигрантов и их организаций переходит в компетенцию представителей СССР. Юридически она решена п. 7 Соглашения о перемирии от 28 октября 1944 г.: «Болгарское правительство обязывается распустить немедленно все организации с фашистской и националистической идеологией». Дирекция полиции готовит «Доклад и список обществ подлежащих ликвидации». В него включены 22 русские организации. Министерство внутренних дел пытается провести некоторую дифференциацию между деятельностью разных русских сообществ. Это коснулось и РОКК. Чиновники Дирекции полиции отмечают, что «нет данных о деятельности, выходящей за рамки устава» и РОКК не внесено в регистр ликвидируемых организаций. Поэтому в своем письме от 27 июня 1947 г. Главному Управлению РОКК в Париже Уполномоченный в то время РОККа в Болгарии В.Н. Никольский пишет: *«Считаю своим долгом сообщить, что местное представительство РОКК продолжает свою деятельность в Болгарии благодаря покровительству Советских властей. В настоящее время продолжают функционировать следующие учреждения:*

– Хирургический госпиталь – ул. Писък № 59

– Амбулатория – ул. 6-ти Септември № 22

– Амбулатория в г. Варне – ул. Преслав № 2

– Общежитие для учащихся – ул. Черно море № 1

– Общежитие для больных и стариков – кв. Надежда, ул. Бистра № 14».

Но, 27 мая 1949 г., протоколом 59 Министерского совета все имущество РОКК-а передается в собственность Союзу Советских граждан в Болгарии.

Больница и амбулатории в Софии и Варне закрылись. Общежитие для учащихся на ул. Черно море, 1 стало Интернатом советских детей, а в здании больницы Берзина

Перемещение 4-го Хирургического госпиталя из Галлиполи в Варну на борту турецкого парохода «Рашид-Паша» 18.12.1921. 1 – Александр Дашинов; 2 – с.м. Лаяя Липкина; 3 – с.м. Валентина Николаевна Болдырева; 4 – с.м. Лидия Липкина; 5 – ?; 6 – с.м. Зинаида Константиновна Курилова; 7 – ?

Когда речь заходит о русских врачах в Болгарии, в сознании русских эмигрантов возникают имена врачей, работавших в Болгарии после 1919 года. Но много русских врачей работало здесь непосредственно после Освобождения Болгарии в 1878 г., оставив глубокий след в памяти болгар, как хороших специалистов и общественных деятелей. Имена многих из них вошли в историю медицины Болгарии. Хотелось бы вспомнить о некоторых русских врачах, живших в Болгарии до 1917 года.

Басанович Иван Юрьевич (Ионас Юро Басанавичюс) (23.11.1851, Ожкабаляй, Сувалкской губ, Литва – 16.02.1927, Вильно, Польша). Медик-гигиенист, хирург, антрополог, писатель, фольклорист, этнограф, общественный деятель. Из крестьянской семьи. Окончил гимназию в Мариямполе. В 1879 г. окончил Императорский Московский университет и оставлен на кафедре хирургии. В 1880 г. из-за здоровья приехал в Болгарию. Работал в государственном секторе г. Елены, потом районным

Ген. А.П. Кутепов, члены штаба и часть персонала госпиталя. Плевен, 1922 год. 1 – с.м. Анна Павловна Тосийнен; 2, 3 – ?; 4 – ген. А.П. Кутепов; 5–8 – ?; 9 – с.м. Надежда Александровна Будаговская-Берзина; 10 – д-р Роберт Юрьевич Берзин; 11 – ?; 12 – с.м. Ольга Никол. Малевич; 12 – с.м. Е. Клещинская; 14, 15 – ?; 16 – с.м. Леся Липкина; 17 – с.м. Мария Никол. Игнатьева; 18 – с.м. Валентина Николаевна Болдырева; 19 – с.м. Мария Николаевна Игнатьева; 20 – с.м. Е.А. Агвицкая; 21 – ?; 22 – с.м. Евгения Сергеевна Сергеева; 23 – с.м. Ольга Федоровна Буланкина 24 – ст.с. Александра Никоновна Вольнская; 25 – с.м. Евпраксия Львовна Москалева; 26 – патронажная сестра Лебедева; 27–30 – ?

врачом г. Лома. Изучал и подробно описал историю, этнографию, санитарное состояние населения в своем труде «Ломски район». Через два года прошел специализацию как врач по внутренним болезням в Вене, Берлине и Праге. После возвращения работал в городах Елена и Лом. В Ломе похоронил свою супругу Элеонору. В 1892 г. назначен главным врачом терапевтического отделения Государственной больницы Варны. Принял болгарское подданство и вступил в Болгарскую демократическую партию. Выбран советником Варненской государственной общины. Отстаивал идею проведения общественной профилактики и улучшения условий труда населения. Предложил план осушения болот около Варны и Девни как источников малярии, требовал, чтобы планирование и благоустройство Варны подчинялось санитарным нормам. Он внес большой вклад в озеленение го-

На балконе виллы «Македония»: 1 – с.м. Н.А. Будаговская-Берзина; 2 – с.м. М.Н. Игнатъева; 3 – доктор Р.Ю. Берзин; 4 – с.м. Ляля Липкина; 5 – ?; 6 – доктор П.А. Губский-Долгоруков (?) – начальник больницы; 7 – с.м. Лидия Липкина; 8 – с.м. О.Н. Малевич; 8 – с.м. В.Н. Болдырева; 10 – с.м. З.К. Курилова. С. Банки, 1923 г.

рода. Разработал план развития Варны как курортно-лечебного морского города. Внес предложение об организации городского археологического музея. В 1902 г. стал действительным членом БАН. Ему предлагают должность Главного санитарного директора Болгарии, но он отказывает и в 1905 г. возвращается на родину, где занимает высокий государственный пост. Признательные варненцы назвали его именем одну из улиц в городе. Награжден медалью «За гражданска заслуга» (1892 г.).

Игнатъев Мирон Васильевич. Родился в Белоруссии. Окончил Петербургскую военную медицинскую академию. Студентом участвовал в противочумном отряде на русско-китайской границе. Доброволец в Русско-турецкой войне 1877–78 годов. По политическим мотивам, очарованный романтикой Болгарии и ее народом, приехал на постоянную работу районным врачом в Добрич. Его отчет о заболеваниях и санитарных усло-

Часть сестер милосердия госпиталя в г. Плевен. Слева направо: стоят – З.К. Курилова; Л.А. Липкина, М.Н. Игнатьева; сидят – О.Н. Малевич; Е. Клещинская; Ляля Липкина; В.Н. Болдырева. 1922 г.

виях в Добричском районе является образцом для всех районных врачей. В 1883 г. назначен главным врачом в хирургическое отделение Государственной больницы Варны. Учредитель и первый председатель первого в Болгарии Медицинского Дружества, преимущественно с санитарно-просветительским уклоном. Активно сотрудничал с журналами «Здраве» и «Медицинска трибуна» (написал 10 статей). Приветствуя объединение Северной и Восточной Болгарии, организовал митинг. Новый политический курс в отношениях между Болгарией и Россией заставляет его уехать из страны. На короткое время в 1885 г. он возвращается в Болгарию в качестве начальника отряда Красного Креста в Сербско-болгарской войне.

Доктор Модестов – русский хирург. После освобождения остался в Болгарии. Участник Сербско-болгарской войны 1885 года. Работал в Александровской больнице Софии вместе с докторами Кюриковым и Ниной Беровой.

Окс Борис Абрамович (22.12.1951, Григориополе, Каменец-Подольской губ. – 22.09.1926, Китай). Изучал медицину в Вюрцбурге, Цюрихе и Гейдельберге, где в 1878 г. получил диплом. Доктор Гейдельбергского университета. В 1879 г. назначен районным врачом Радомир, в 1881 г. – Разград. Болгарское правительство командует его в Вену и Берлин, чтобы перенять опыт в производстве противооспенной вакцины. После возвращения в Разград, Б.А. Окс основал первый в Болгарии и второй в Европе противооспенный институт и в 1881 г. стал его директором. Около полумиллиона детей и взрослых были вакцинированы приготовленной в институте вакциной. На VII Пироговском съезде был представлен доклад о результатах медицинских наблюдений и обоснована обязательная противооспенная прививка населения. В 1883 г. доктор Окс переведен в Варну, затем работал в Софии. Доктору Оксу принадлежит идея основания бактериологического института, позднее осуществленная М. Ивановым. Редактировал и издавал журнал «Здраве» с 1884 по 1887 год. В 1889 г. возвращается в Россию, в Петербург и становится доктором медицинских наук Петербургской Военно-

медицинской академии. Издавал журнал «Медицинский фельдшер». Сотрудничал во многих русских и немецких газетах и журналах. В 1918 г. эмигрировал в Шанхай, Китай. Первый председатель Общества русских врачей в Шанхае (1922–1926).

Пасманик (Пасманник) Даниил Смулевич (Самойлович, Семенович, Соломонович) (16.02.1867 г., г. Гадяче, Полтавской губ. – 05.07.1930 г., Ницца, Франция, кладбище Пантен). Психиатр, отоларинголог, общественный деятель, публицист. Окончил гимназию в Полтаве. Участник русского революционного движения в группе Бурцева «Освободители». По этой причине вынужден эмигрировать в 1887 г. в Швейцарию, где окончил медицинский факультет в Цюрихе. В 1892 г. был экстрагирован Россией в Болгарию. Работал врачом в Варне, Родопах, Новой Загоре и Пловдиве. В 1896 г. участвовал в IV конгрессе по криминальной антропологии в Женеве. Его капитальное сочинение «Выводы из судебной медицины» опубликовано в 1898 г. в журнале «Юридически преглед». Первый в Болгарии врач-психиатр, который начал писать очерки по судебной психиатрии. Имеет 14 научно-медицинских публикаций в области судебной и социальной медицины и психиатрии. Известен как первый критик учения К. Маркса и Ф. Энгельса в Болгарии. В ответ на его публикации лидер узких социалистов Д. Благоев опубликовал свой труд «Что есть социализм и есть ли почва для него у нас?». Пасманик оппонировал убедительными доводами, что социализм в Болгарии одна иллюзия, которая может принести много бед патриархальной сельской стране. С 1899 г. приват-доцент медицинского факультета в Женеве. Сотрудник в русской, болгарской и немецкой прессе. С 1905 г. член Партии народной свободы. В 1906 г. вернулся в Россию (по амнистии). С 1906 по 1914 г. член ЦК партии «Поалей-Цион». Один из лидеров сионизма в России. Член редакций журналов «Еврейская жизнь», «Рассвет», еврейской энциклопедии на русском языке. В 1917 г. жил в Ялте. Автор газет «Ялтинский голос», «Таврический голос». В 1919 г. эмигрирует в Париж. Член правления Общества

русских врачей им. Мечникова, член-основатель Союза русских литераторов и журналистов в Париже, член парижского комитета кадетской партии, член Комитета Лиги борьбы с антисемитизмом. Редактор-издатель «Дневника контрреволюционера». Сотрудник нескольких русских журналов в Париже.

Судзиловский-Руссель Николай Константинович (1850, Могилев, Белоруссия – 1930, Китай). Офтальмолог, хирург. Являясь народовольцем-анархистом, эмигрировал в Бухарест. Сподвижник и друг Христо Ботева. После Освобождения работал хирургом в Пловдиве. Здесь женился на враче Леокадии Регутенко. Отказался пойти добровольцем на Сербско-болгарскую войну, за что ему запретили врачебную практику. В этот период заведует больницей в Софии. В 1887 г. правительство Ст. Стамболова экстрадирует его из Болгарии. Уезжает вместе с женой сначала в Грецию, затем во Францию, в Сан Франциско, где они с женой возобновляют врачебную практику. С 1892 по 1905 г. жил на Гавайских островах, где стал председателем первого Гавайского сената (под псевдонимом Каука Лукини – добрый доктор). Во время Русско-японской войны уехал в Японию, где издавал газету, агитируя против царизма. После войны жил на Филиппинах, затем в Китае, где и скончался. Жена Леокадия Викторовна (урожд. Шебеко).

Регутенко Леокадия Викторовна (урожд. Шебеко) (12.12.1851, Одесса. – 03.01.1910, Нагасаки, Япония). Получила среднее образование в Одессе. В 1972 г. вышла замуж за М. Регутенко. Окончила медицинский факультет Бернского университета, Швейцария. Во время Русско-турецкой войны 1877–78 гг. работала ординатором в окружной больнице г. Русе. Стала первой женщиной-врачом в Болгарии. Во время Сербско-болгарской войны возглавила больницу в г. Русе. Работала в Военном госпитале в Софии. Стала популярна, проводя самые сложные хирургические операции. Овдовев, выходит замуж за Н.К. Судзиловского-Русселя. Потом в Пловдиве начала частную практику врача-гинеколога. В 1887 г. уехала из Болгарии вместе с мужем.

Транен Йоаким Исаакович (1859, Копейск Могилевской губ. – 1927). Родился в семье раввина. Его родители хотели, чтобы он стал раввином. По этой причине он убежал из дому и остановился в Кенигсберге (Калининград), где окончил медицинский факультет. Зарабатывал, давая уроки русского и староеврейского языков. Возвратился в Россию для сдачи государственного экзамена, но его арестовали в связи с убийством императора Александра II и выслали в Орел. В 1881 г. вместе с Н. Судзиловским эмигрировал в Южную Румелию – Пазарджик, Болгария. В 1882 г. переселился в Свищов, где участвовал в борьбе с эпидемией, за что выбран почетным гражданином города. Шесть месяцев был на специализации в Берлине в Институте лечения туберкулеза. Странник левых идей, поддерживал связь с болгарской социал-демократией. Знакомится с Д. Благоевым, З. Стояновым, К. Величковым, с русскими эмигрантами Каблуковым, Луцким, и др. Помогал в работе Комитета Соединения Южной Румелии и Северной Болгарии. В 1904 г. переехал в Плевен и участвовал в основании новой больницы. В 1906–1907 гг. работал у проф. Вассермана в Берлине. Опубликовал разработки по теории иммунитета. В 1912–1913 г. мобилизован в качестве дивизионного врача на Балканскую войну. Участник 1 Мировой войны. Имел чин полковника. Военный врач в Сливен Карнобате и Видине. Начальник военной больницы в г. Русе. Назначен врачом конного полка в г. Шумен, где основал коммуну, превратившуюся в Центр русских эмигрантов. После войны работал районным врачом в городах: Плевен, Гюмюрджин и Враца. В конце Первой мировой войны ушел на пенсию. Участник международных конгрессов, публиковал статьи в газетах и журналах (псевдоним доктор Резориус) Читал популярные лекции по вопросам старения, лечения туберкулеза, рака. Жена Мария. Дети Нора (в замужестве Шелудко) и Валентина. В 1932 г. Валентина Транен открыла частную хирургическую больницу в Плевене.

Угрюмов Константин Иванович. Родился в Москве. Во время Русско-турецкой войны был врачом IV Ополченской дружи-

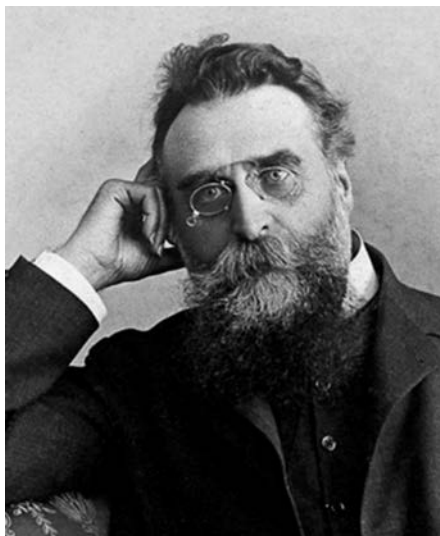
ны. После Освобождения работал военным врачом в Пловдиве. В 1879 г. – главный врач Восточно-Румелийской полиции. Вместе с доктором Ю. Севовым организовал первые курсы подготовки фельдшеров в Восточной Румелии. За 4 месяца подготовлено 52 курсиста. В 1885 г. участвовал в Сербско-болгарской войне. Потом работал в Пловдивской первоклассной больнице.

Шейнин Борис (1859, Бердянск Таврической губ. – 1904). В 1891 г. приехал в Болгарию и начал работу врачом в Хасково, после районным врачом в городах Казылагач, Босилеград, Новоселци и Панагюрище. Переехал в Варну. Здесь он – самый активный член и основатель Варненского медицинского дружества. Сотрудник медицинских журналов дружества и «Медицински сборник». Автор многочисленных трудов по организации медицинской помощи сельскому населению, по борьбе с заразными болезнями, о сатурнизме в Болгарии. Его сын стал адвокатом в Гоце Делчеве.

Юрьев Капитон (1851, Кобель Полтавской губернии – 1927). Окончил Киевский медицинский факультет. Участник Русско-турецкой Освободительной войны. В 1879 г. работал районным врачом в Разграде, затем хирургом в Русе. В 1881 г. во время переворота был арестован и экстрагирован из Болгарии в Бухарест. Оттуда вместе с Петко Каравеловым приехал в Восточную Румелию. Работал врачом в Хаскове, потом районным врачом в Голямо Конаре. Сербско-болгарская война застала его в Пловдиве. Уехал на фронт, во время войны работал врачом в Софийской больнице. В 1894 г. уехал в Лозанну, Швейцария.

Не могу обойти и известных в Болгарии ветеринарных врачей.

Виницкий Дмитрий Лазаревич (1854, Санкт-Петербург – 28.03.1935, ЦСК). В 1877 г. окончил ветеринарный институт в Санкт-Петербурге. Участник Русско-турецкой войны 1877–78 годов. Там познакомился со своей будущей женой Полиной. Она была добровольцем, закончила курсы медицинских сестер. Прожив вместе 25 лет, обвенчались. С весны 1880 г. – ветеринарный врач полиции и жандармерии в Восточной Румелии

Иван Юрьевич Басанович

**Николай Константинович
Судзиловский**

(Болгария). Параллельно заведовал первой ветеринарной школой. В 1883 г. ему предложили организовать сельскохозяйственную ферму (по примеру Аксельрода в Цюрихе) при областной практической земледельческой школе в с. Садово. В 1885 г. – главный ветеринарный врач в области. В 1887–88 гг. – ветеринарный врач округа Варна. С 1888 г. по 1891 г. – учитель в с. Садово. С 1891 г. по 1893 г. работал в Русе. В период 1893–1895 гг. – врач 3-го артиллерийского полка в Пловдиве. С 1895 по 1914 г. работал на конезаводе «Божурище» и главным ветеринарным врачом военного министерства Болгарии. После смерти жены в 1915 г. продал дом и жил одиноко. Женился на русской беженке, у которой была дочь, но вскоре остался опять один. Первый председатель Союза ветеринарных врачей Болгарии (1900). Автор учебника по ветеринарной медицине «Анатомия домашних животных» (1884 г.), учебников «Коневодство», «Овцеводство», «Скотолечение» и др. В Народной библиотеке г. Софии хранятся воспоминания Д. Виницкого.

Октябрьские события 1917 г. в России и последовавшая Гражданская война вынудили массы россиян покинуть свою родину.

Первая волна русских беженцев прибывает в Болгарию 25 декабря 1919 г. на пароходе «Витязь» в Варну. Эта немногочисленная группа состоит главным образом из богатых слоев русского общества – князя, графы, высшие чиновники, ученые-профессора. Большая часть из них реэмигрируют в Европу – Париж, Берлин, Прагу.

Вторая волна прибывает в начале 1920 г., большей частью через Румынию. После разгрома армии Деникина (генерал Деникин ушел с поста Главнокомандующего Белой армией, его заменил генерал Врангель) в Болгарию прибывают несколько тысяч эмигрантов (по регистрации РОКК – 4 081 человек), половину из которых перебрасывают в Сербию. Состав их пестрый: офицеры и солдаты армии Деникина, интеллигенция, отдельные семьи.

Третья, самая большая волна связана с разгромом Врангеля в Крыму. В конце октября 1920 г. армада из 126 кораблей разного тоннажа, от больших пассажирских до барж, на которые погрузились 145 000 человек военных и штатских, покинула Крым и направилась к Босфорскому проливу. На этих кораблях находилось около 7 000 больных и раненых, 300 врачей и свыше 1000 медицинских сестер. 12 ноября 1920 г. они встали на рейд около Константинополя. Пока корабли стояли на рейде, генерал Врангель вел переговоры с союзниками. После долгих и трудных переговоров по соглашению между командующим Французской эскадрой Восточной части Средиземного моря адмиралом де Боном и представителем Главнокомандующего русской армией в Константинополе генерал-лейтенантом Лукомским было решено, что часть беженцев будет выгружена в Чаталдже (несколько частей Донского корпуса), другая на о. Лемнос (состав Кубанских частей и Донского корпуса, под командованием генерала Ф.Ф. Абрамова), а третья на Галлипольском полуострове (1-й армейский корпус 1-й армии генерала А.П. Кутепова

– «цветной» корпус – по цвету униформ: у дроздовцев – бело-малиновый, у корниловцев – черно-красный, у марковцев – бело-красный, у алексеевцев – бело-зеленый и 1-я Кубанская конная дивизия под командованием генерала Барбовича). Оставшаяся часть на 33 кораблях и судах Черноморской эскадры была направлена в г. Бизерту на военно-морскую базу Франции в Тунисе. Там в ноябре 1924 г. новое французское правительство официально признало СССР. Военно-морской префект Бизерты, адмирал Эксельманс, собрав на борту эскадренного миноносца «Дерзкий» всех офицеров и гардемарин сообщил распоряжение Правительства Франции: «...на российских кораблях спустить андреевские флаги, а экипажам сойти на берег». Теперь они окончательно потеряли все, что было им так дорого. Что касается медиков Черноморского флота, то некоторая часть осталась в Тунисе, другие разъехались в разные страны, в том числе и в Болгарию.

Генерал Врангель, решительно отвергнув предложение французского правительства о переброске военных частей в Бразилию, настаивал на размещении их в славянских странах – Болгарии, Королевстве СХС (сербов, хорватов и словенцев) и Чехии. В Болгарию прибывают начальник штаба армии генерал Шатилов и донской атаман генерал Богаевский с письмом от генерала Врангеля с просьбой о благосклонном решении вопроса. Под натиском французского посланника Ж. Пико болгарское правительство дает согласие принять военных генерала Врангеля и русских беженцев. С конца 1921 г. до весны 1922 г. в Болгарию приезжает 35 000 русских беженцев, из них 19 000 военных. Почти весь состав элитных кадров 1-го армейского корпуса (около 10 000 человек) размещается в Болгарии. Вместе с ними приезжают и различные военные службы и учреждения с личным составом в 1 500 человек.

На санитарную часть военных контингентов Русской армии с момента эвакуации из Крыма всей тяжестью легла забота обслуживания медико-санитарной помощью, как на многочисленных

судах, так и всех гражданских и военных лагерей во время «галлиполийского сидения», а потом в местах их расселения. Кроме ухода за огромным количеством раненых, в связи с тяжелыми условиями эвакуации надо было бороться с инфекционными заболеваниями (тифом, туберкулезом, гриппом, дифтеритом и т. п.).

Управление санитарной части, сначала располагавшееся в Константинополе, к концу 1921 г. было переведено в Софию и наметило ближайшие задачи и потребности момента. Выполнение этих задач в лагерях беженцев осуществлялось учреждениями Русского Красного Креста, Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов.

Болгария была побежденной страной в Первой Мировой войне, ее армия была сокращена до 20000 человек, много военных казарм по всей стране пустовало. Туда и были расселены белые части из Галлиполи и о. Лемнос. По мере пребывания и расселения беженцев разворачивались лазареты. Лазареты на 150 коек при штабах 1-го армейского корпуса (Велико Тырново) и Донского корпуса (Стара Загора) в г. Ломе на 100 коек, а также лазареты на 5–25 коек в казармах при каждой воинской части (корниловцы в Горном Паничище, дроздовцы в Свищове, Орхание (Ботевград) и Русе). При военных училищах – Константиновском в Станимаке (Асеновград), Николаевском военно-инженерном в Княжево, Александровском и Атаманском в Ямболе, Сергеевском в Нова Загоре, Кубано-Алексеевском в Тырново Сеймен (Симеоновград).

Хочется рассказать о военных врачах – участниках 1 Мировой и Гражданской войн, тех, кто начал свой путь эмиграции на кораблях из Крыма. Среди них были врачи Черноморского флота, переехавшие в Болгарию из Бизерты.

Александровский Борис Николаевич (30.12.1893, Москва – 1988, Саратов, СССР). Окончил 6-ю московскую гимназию с золотой медалью. В 1916 г. окончил с отличием медицинский факультет Московского университета. На следующий день после получения диплома был отправлен на фронт полковым врачом.

После войны работал экспертом в одной из клиник Московского университета. В конце 1918 г. был мобилизован в Красную армию и отправлен на Южный фронт в группу войск Курского направления главным врачом полевого подвижного госпиталя, затем помощником дивизионного врача. Попал в плен к белым и был прикреплен к лечебным учреждениям армии А.И. Деникина, затем П.Н. Врангеля. В ноябре 1920 г. эвакуировался с войсками Белой армии из Севастополя на пароходе «Херсон» в Галлиполи, где был младшим ординатором одного из лазаретов. Во второй половине 1921 г. с персоналом этого лазарета приехал в Болгарию. Был зав. отделением больницы в Орхание (Ботевград), затем сельским участковым врачом во Врачанском округе. В 1926 г. переехал в Париж, где занимался частной практикой. Член правления Общества русских врачей им. Мечникова. В 1947 г. вернулся в СССР.

Квицинский Михаил Михайлович (14.12.1865, Санкт-Петербург – 05.05.1945, София, русский участок СЦК). Действительный статский советник. Дворянин. Его отец Михаил Иванович (ум.1898 г.) был доктором медицины. Окончил гимназию Императорского человеколюбивого общества (1884) и Санкт-Петербургскую Военно-медицинскую академию (1889). Лекарь на службе в Морском ведомстве (1889) Старший врач 18-го флотского экипажа. Доктор медицины (1900). С 1903 г. – старший ординатор Военно-морского госпиталя в Санкт-Петербурге. Действительный статский советник (1910). Главный врач Николаевского морского госпиталя и санитарный инспектор Николаевского порта. В 1920 г. эвакуировался в Константинополь, где вел прием в Русской морской поликлинике. В 1921 г. приехал в Болгарию и стал главным врачом в санатории Культурно-благотворительного общества «Всесоюзный Земский союз» для больных туберкулезом русских беженцев в Горна баня, около Софии. Потом работал участковым врачом в Шумене, а с 1927 г. открыл частную практику в Софии. Жил на ул. В. Тырново, 19. Член «Союза русских врачей».

Сын М.М. Квицинского **Квицинский Георгий Михайлович**, врач. Родился в 1901 г. в Санкт-Петербурге. Окончил Софийский университет. С 1935 г. работал участковым врачом в с. Хвойна Асеновградской обл. Умер 21.02.1972 г., похоронен на русском участке ЦСК рядом с отцом.

Лавров Иван Николаевич (1889 – 1962, США). Доктор в Корниловской дивизии. С Белой армией прошел весь путь: Кубань, Крым, Галлиполи, Болгария. Женился на болгарке. До 1941 г. работал врачом в Свиштове, затем в Котеле. Член Союза русских врачей. После окончания 2 Мировой войны работал врачом в лагере перемещенных лиц ПАРШ в Зальцбурге. С 1951 г. в США.

Рязанов Александр Алексеевич (20.09.1879, Юрьев (Гарту) – 1957, Рильский монастырь, Болгария). Окончил Казанский университет. На службе с 1904 года. С июня 1914 г. младший врач Черноморского флотского экипажа. В Первую мировую войну плавал на броненосце «Евстафий». В 1917 г. – врач Транспортной флотилии, в октябре 1917 г. назначен в Воздушную дивизию. С ноября 1917 г. врач Черноморского флотского экипажа. В Болгарии с 1920 года. До 1926 г. работал врачом в Русской гимназии г. Пещера, а с 1926 г. по 1930 г. был врачом, преподавателем естественных наук и классным наставником в Софийской Русской гимназии. Жил на ул. Герлово, 9. А.А. Рязанов надолго остался в памяти всех учащихся гимназии. Он был среднего роста, широкоплечий, с аккуратно постриженными «жесткими» усами. Постоянно носил морской темно-синий китель со значком Медицинской академии и фуражку морского врача. На улице ему козыряли военные, на что он отвечал тем же. Как классный наставник был строг с мальчиками и внимательным с девочками. Как преподаватель просто завораживал учеников ясным, звучным и образным изложением предмета. А стихи читал на зависть любому артисту. А.А. Рязанов знал и любил природу, и эту любовь прививал ученикам. Регулярно, собирая большую группу молодежи энтузиастов, ходил с ними на Витошу и по окрестностям

Софии. За что получил прозвище «Тарзан». Учащиеся собирали богатые гербарии, ловили жуков и бабочек, собирали образцы минералов и наблюдали живую природу. В 40-х гг. А.А. Рязанов жил и работал врачом в Рильском монастыре. Небольшая комната Рязанова в монастыре была вся заставлена кактусами. Умер от инфаркта в 1957 г., похоронен на кладбище Рильского монастыря.

До него в Рильском монастыре с 1929 г. работал **фон Гарниер Павел Антонович**. Родился в 1864 г. в Екатеринославе. Окончил Харьковский университет.

Сакович Сергей Владимирович (13.05.1880 – 28.05.1928, Пловдив). Коллежский советник. На службе с 1904 года. В 1908 г. окончил офицерский класс подводного плавания, в 1910 г. – курс Водолазной школы. Член кают-компании в Праге. С августа 1911 г. – младший ординатор Николаевского военного госпиталя в Кронштадте (морской крепости им. Петра Великого). В Первую Мировую войну врач крейсера «Рюрик» Балтийского флота. В Гражданскую войну – врач Черноморского флота Белой армии. 25.03.1921 г. в составе русской эскадры прибыл в Бизерту, где работал под началом флагманского врача Бологовского В.И. В Болгарии в эмиграции работал в больнице РОККа в Пловдиве. Член Правления «Благотворительного Общества Галлиполи». Сакович С.В. вместе с несколькими старыми «соколами» из Санкт-Петербурга, Киева и др. городов в июне 1927 г. основал в Болгарии общество «Русский Сокол» и был там первым воспитателем и старостой.

Солнцев Василий Афанасьевич (1845, Московская губ. – 20.06.1929, ЦСК, 91 Мемориальный участок). Окончил медицинский факультет (1874). Принял участие в Русско-турецкой войне 1877–78 гг. младшим доктором в 61-м военном лазарете, который стоял под городами Свиштов, Никопол, Плевен, Пловдив, Орхание. Участник освобождения Софии. После победы организовал санитарную службу в Пловдиве. Доктор медицины (1886). Старший ординатор военного госпиталя в Москве,

затем врач 3-го Сибирского армейского корпуса в Чите и 7-го армейского корпуса в Симферополе. В 1908 г. – врачебный инспектор в Новочеркасске. Принимал участие в Первой Мировой войне. Действительный статский советник. Последняя должность в России – медицинский инспектор в Донской области. В Болгарии с 1920 года. Заведовал общежитием Союза русских врачей в Софии, где и проживал (ул. Царя Самуила, 68). Член Союза русских ветеранов Русско-турецкой войны 1877–78 годов. Член правления Союза русских врачей (1925 г.). Его жена Аделаида Сергеевна была сестрой милосердия. Похоронен на 91 Мемориальном участке ЦСК как ветеран Русско-турецкой войны.

Тылинский (Тилинский) Всеволод Михайлович (06.03.1876, Лубны Полтавской губ. – 07.09.1967, София, ЦСК). В 1896 г. окончил гимназию в г. Шавли (Шауляй), Литва. Получил образование в Петербургской Военно-медицинской академии и с 1901 по 1903 г. работал в клинике проф. М.С. Субботина. В 1903 г. избран штатным лаборантом кафедры хирургической патологии (заведующим был Н.А. Щеголев) Одесского университета. В Русско-японскую войну (1904–1905 гг.) старший врач 6-го Петербургского летучего отряда Красного Креста. С 1906 г. заведующий городского изоляционного дома и ординатор тюремной больницы. Защитил диссертацию на степень доктора медицины. В 1912 г., в связи с Первой Балканской войной В.М. Тылинский был послан на средства семьи Терещенко в Пловдив главным врачом госпиталя Российского Красного Креста. В 1 Мировую войну – главный врач подвижного полевого госпиталя, потом назначается в Киев помощником заведующего медицинской части Красного Креста Юго-западного фронта. В конце 1918 г. вместе с госпиталем Красного Креста эвакуировался в Евпаторию, где переболел сыпным тифом. В 1920 г. заведовал медицинской частью Красного Креста в Севастополе, его супруга была назначена сестрой-хозяйкой одного из госпиталей. В ноябре 1920 г. на пароходе «Ялта» эвакуировался в Константинополь, где рабо-

тал хирургом во французском госпитале для русских. В январе 1921 г. переехал в Болгарию, куда стремился попасть, так как его жена была по отцу болгаркой. В Болгарии получил место врача в больнице г. Фердинанд (Монтана). Но в 1924 г. на его место назначили болгарского врача, а В.М. Тылинскому предложили должность в маленьком городе Кула, на самой границе, от которой он отказался, и вскоре его пригласили занять должность городского врача Фердинанда. После 1929 г. В.М. Тылинский открыл маленькую частную хирургическую клинику на 15 коек. Эта больница просуществовала до 1942 г., в связи с трудностями войны, ее пришлось закрыть. В.М. Тылинский продолжал жить в Фердинанде до 1959 г., после переехал в Софию и вышел на пенсию. Долгие годы был председателем «Союза русских врачей». Его сыновья **Глеб и Олег Тылинские**, окончили Лицей В.П. Кузминой и медицинский факультет Софийского университета, став врачами.

Федоров Федор Яковлевич (1924–1989 г., русский участок СЦК).

Трейман Федор Федорович (Фридрих Фридрихович) (1886, Санкт-Петербург – 1945, Велико Тырново). Статский советник. Происхождением из немцев, селившихся в Санкт-Петербурге при Екатерине II с 1767 года. Окончил Петербургскую военно-медицинскую академию. Прекрасный фехтовальщик. Участник Первой Мировой войны и 1-го Кубанского («Ледяного») похода Добровольческой армии как помощник санчасти и начальник походного лазарета. В 1918 г. и.о. начальника санитарной части армии, затем врач для поручений при полевом военно-санитарном инспекторе. С июля 1919 г. – корпусной врач 5-го кавалерийского корпуса, корпусной врач 1-го армейского корпуса в Галлиполи. Вместе с корпусом в 1922 г. переезжает в Болгарию, в Велико Тырново, где продолжает работать корпусным врачом при штабе армейского корпуса. В Велико Тырнове становится заведующим санаторием Русского общества Красного Креста для туберкулезных больных (как его называли, «Здравницы им.

генерала Врангеля») на 30 коек. В санаторий поступали преимущественно русские молодые офицеры с начальной стадией болезни. Кандидатов в санаторий было много, и долго там не держали – месяц-два, после чего в зависимости от состояния здоровья, их выписывали или переводили в русский госпиталь там же, в Велико Тырново. Санаторий находился на окраине города, в тенистом саду. Персонал составляли младший врач, две сестры и фельдшер. Обслуживание было хорошим. 4-местные палаты, скромное, но здоровое питание и хороший медицинский уход.

В 1930 г. Ф.Ф. Трейман принял болгарское гражданство. В 1931 г. местные власти предоставляют доктору Трейману 8 акров земли для постройки санатория с условием, что для городской общины будут предоставляться бесплатные койки. В 1933 г. санаторий был построен и Трейман стал заведующим. Позже этот санаторий стал называться Санаторий им. Ф.Ф. Треймана. Многие с теплом вспоминают о докторе Треймане как о прекрасном специалисте, инициативном и сострадательном человеке. Трейман был председателем «Союза Первопоходников» (1923–1924), членом «Союза русских врачей», членом «Федерации русских трудовых Союзов». В 1945 г., когда в Болгарию вошли советские войска, чтобы не быть арестованным (как случилось со многими его соратниками), Ф.Ф. Трейман в своем кабинете покончил счеты с жизнью.

Жена: Елена Павловна (урожд. Ватаци), сыновья: Сергей, Эммануил, дочери-близнецы: Нора и Екатерина.

В санатории у Ф. Треймана работали врачи: **Широкорад Гаврил Васильевич** (1892, с. Рубежное Харьковской обл.). Окончил Харьковский университет. Имел широкую частную практику в г. Пловдиве. Член Союза русских врачей.

Врач **Михайлов Михаил**. Мед. сестрой работала жена доктора **Михайлова Нина Георгиевна**.

Алексинский Иван Павлович (15.05.1871, с. Опарино, Александровского уезда Владимирской губ.– 28.08.1945,

Касабланка, Марокко). Хирург, Профессор. Потомственный дворянин. Учился в гимназиях Владимира и Москвы. В 1894 г. окончил медицинский факультет Московского университета, оставлен при факультетской хирургической клинике под руководством проф. А.А. Боброва. С 1899 г. – доктор медицины, с 1900 г. – приват-доцент. Депутат Государственной Думы от Владимирской губ. (примыкал к кадетам). С 1907 г. – профессор Московского университета и главный врач Иверской общины. Участник Первой мировой войны – зав. мед. частью Русского Красного Креста на Юго-западном фронте. В 1919 г. Алексинский И.П. с семьей уехал из Москвы. В конце 1920 г. эвакуировался с войсками генерала Врангеля из Крыма в Константинополь. Председатель Русского национального комитета в Константинополе. Член Русской академической группы в Турции. Участвовал в устройстве и работе сестринских курсов в Константинополе, Сербии и Болгарии. Затем переехал в Париж. Возглавлял Общество русских врачей им. И.И. Мечникова в Париже. Личный друг барона П.Н. Врангеля, лечил его во время болезни в 1928 г. С 1937 г. жил и работал в Касабланке, Марокко.

Первая жена – Нина Францевна (урожд. Ковалевская), сестра милосердия, вторая – урожд. Лукина, художник. Сын Владимир, инженер-агроном.

Аристархова Ольга Алексеевна (ум. не ранее 04.1937). Бактериолог. Окончила Женский медицинский институт в Санкт-Петербурге. Работала в городской лаборатории Петропавловской больницы в Санкт-Петербурге. В 1912 г. участвовала в экспедиции Д.К. Заболотного по изучению эпидемии чумы на юго-востоке России. Во время Первой Мировой войны – старший врач военно-санитарного поезда Земсоюза. Сотрудник Центрального бактериологического института в Москве (1917–1919). В 1919 г. бежала на Украину, затем в Крым. В Ялте организовала бактериологическую лабораторию Земсоюза для обслуживания военных госпиталей. В 1920 г. эвакуирована в Королевство сербов, хорватов и словенцев (КСХС). Работала бак-

териологом в Загребе, Суботице и Банья-Луке. В 1926 г. приехала в Болгарию. Бактериолог в Бургасе. Отказавшись от болгарского гражданства, была уволена как иностранка, не имеющая право занимать штатные должности. В 1929 г. уехала в Югославию, где работала бактериологом при Русском Обществе Красного Креста в Белграде.

Павлов-Сильванский Леонид Николаевич (06.03.1881 – 20.01.1937 г., София, русский участок ЦСК). Коллежский советник, доктор медицины. Окончил Московский университет. Поступил на службу в Полтавское земство, затем – врач Нижегородского пехотного полка. Два раза был командирован в Восточную Сибирь – принимал участие по охране русских границ от чумной эпидемии в Маньчжурии. В Первую Мировую войну – старший врач 135-го Керчь-Еникальского полка, с которым провел значительный период ожесточенных боев вплоть до взятия Львова. Награжден орденом Св. Владимира IV степени с мечами и бантом. Начальник главного эвакуационного пункта, затем главный врач госпиталя на 2 000 коек в Бельцах. В 1918 г. назначен ординатором Одесского клинического госпиталя, через несколько месяцев – старший ординатор этого же госпиталя. В январе 1920 г. как врач сопровождал семейства выздоравливающих больных, эвакуированных из Одессы на пароходе «Ксения» в Болгарию. В июле 1920 г. назначен областным врачом в Борисовград. Пользовался у населения большой любовью и уважением. В 1926 г. заболел крупозным воспалением легких, что создало почву для развития туберкулеза. Нашел службу в лучших климатических условиях. С 1929 г. по 1935 г. – участковый врач в Сливене, обслуживал заводской район. Интенсивная работа ослабила его организм – переболел гриппом, получил осложнения и скончался в возрасте 55 лет.

Ростовцев Сергей Алексеевич (1885, Лебедин). Окончил медицинский факультет Петербургского университета. В Гражданскую войну в Корниловской дивизии, затем командирован к Черноморскому флоту. С 25.03.1921 в составе рус-

ской эскадры в Бизерте. Работал под руководством флагманского врача В.И. Бологовского. Эмигрировал в Болгарию. С 1929 г. работал городским врачом в Момчилграде.

Уценко Иван Трофимович (02.08.1896, Екатеринославская губ. – 06.08.1934, с. Добри Дол, Оряховская обл.). В 1915 г. окончил гимназию в Екатеринославе. Поступил на медицинский факультет Новороссийского университета в Одессе, но не окончил. Ушел добровольцем во 2-ю Добровольческую армию. Галлиполиец. В Болгарии окончил медицинский факультет Софийского университета. В 1927 г. получил диплом врача. Работал в Добри Дол. О нем говорили как о знающем, добросовестном и бескорыстном враче. Умер от туберкулеза легких и горла. Похоронен в селе.

Попов Михаил Емельянович (30.09.1885, Киев). Окончил Киевский университет. Врач по кожно-венерическим болезням. Участвовал добровольцем в Балканской войне, работал в Болгарском Красном Кресте до начала Первой Мировой войны. Эмигрировал в Болгарию в 1922 году. Работал врачом в Казанльке (1926 г.). Затем имел частную практику в Софии. Член Правления Русского клуба (1937 г.).

Степанковский Александр Иванович (15.03.1877, Новочеркасск – 1958, Княжево). Врач-гинеколог. Был одним из первых военных врачей, принимавших больных в здании РОВСа на ул. Оборище, 17 (1921 г.). Затем работал в клинике доктора Палчева вместе с доктором Берзиным с 1922 года. Имел широкую практику. Жил на ул. 11 августа, 9. Член Правления «Союза русских врачей», с 1925 по 1940 г., являясь его секретарем, кассиром и библиотекарем. Председатель Церковно-Православного Братства «Св. Николай» (1937–1950). Секретарь и управляющий в русской церкви Св. Николая (1950). Председатель-учредитель «Центрального объединения русских общественных организаций и союзов» (1929).

Злобин Федор Зосимович (1889, Великий Устюг – 27.12.1935, Велико Тырново). Окончил Военно-медицинскую академию.

В Первую Мировую и в Гражданскую войну – военный врач. Эвакуировался из Крыма в Галлиполи с 1-ым армейским корпусом. До 1926 г. числился в 1-ой Галлиполийской роте. Работал врачом-отоларингологом в Велико Тырново. С 1927 г. член и один из основателей Национального Союза Русской молодежи (отделение в Велико Тырново), имевшего целью объединение русской молодежи для сохранения национального лица, поддержания и сохранения культурных и национальных ценностей.

Его внук Злобин Владимир Игоревич стал врачом, академиком. Учился в Софии в русской школе, жил в общежитии учащихся на ул. Черно море. В 1956 г. уехал с семьей в Россию. Живет в Иркутске.

Бурсановский Леонид Анисимович (20.11.1879, с. Диевка Павлоградского уезда – не ранее 1925, Франция) Окончил Харьковский университет. Доктор медицины. Директор санатория в Ялте. В Болгарии – директор туберкулезного санатория. В 1925 г. уехал в Париж. Работал в Пастеровском институте в области изучения туберкулеза и рака. Член Общества русских врачей им. Мечникова.

Тимченко Евгений Яковлевич (15.01.1886, Таганрог – 1960-е, Парагвай). В 1905 г. окончил Таганрогскую гимназию. Поступил в Харьковский университет. Через 3 года перешел в Петербургскую Военно-медицинскую академию, которую окончил в 1911 году. Служил младшим ординатором военного лазарета в Кушке, Закаспийской области. В годы Гражданской войны был военным врачом в Добровольческой армии генерала Деникина, потом в армии Врангеля. В Болгарии с 1921 по 1925 г. работал участковым врачом в с. Устово, Смоленская обл. Член-основатель Союза русских врачей. С 1925 г. в Аргентине, с 1926 г. – военный врач в Парагвае вплоть до пенсии в 1959 году.

Мурзин Михаил Иванович (29.10.1873). Коллежский советник. Окончил гимназию в Харькове и медицинский факультет Харьковского университета с отличием (1897). В 1903 г. – младший врач 133-го пехотного Симферопольского полка.

Командирован на Квантунский полуостров (Порт-Артур) в составе санитарного отряда для борьбы с чумой (1902). Работал в Одесском окружном военно-медицинском управлении (с 1903) и в Военно-медицинской академии (1907 г.). Доктор медицины (1909). В Первую Мировую войну прикомандирован к Морскому ведомству. В Гражданскую войну служил на Белом Черноморском флоте. В 1921 г. в составе русской эскадры в Бизерте, судовой врач на линейном корабле «Георгий Победоносец» С 1921 г. в Болгарии. Член-основатель Союза русских врачей в Болгарии. Уехал из Болгарии в 1925 году.

Шмаков Иван Николаевич (18.03.1881, Каменец-Подольск). Окончил Петербургский университет. Надворный советник, морской врач. С 1929 г. работал в с. Трепьяно Кюстендильской области и с. Коняво, Новозагорской обл. Член Союза русских врачей.

Дуранте Виктор Викентьевич (11.03.1871, Феодосия, Таврической губ. – 08.12.1928, Варшава, Польша). Физиотерапевт, ортопед. Окончил Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. Ординатор хирургического отделения городской Александровской больницы в Санкт-Петербурге. Участник Русско-японской войны. Доктор медицины (1911). Зам. директора ортопедического института имени имп. Александры Федоровны в Санкт-Петербурге. Эвакуирован в Константинополь, затем в Болгарию. Член Русской Академической группы. Член-основатель Союза русских врачей в Болгарии. В 1923 г. уехал в Польшу.

Ретиров (Ретифов, Ретивов) Митрофан Иванович (02.12.1868, ст. Суворовская 2-го Донского округа – 19.03.1961 Олегарно-Андрада, Аргентина). Окончил гимназию в Новочеркасске и медицинский факультет Московского университета. Санитарный врач в Бахмутском земстве Екатеринославской губ., потом зав. санитарным отделом Совета съезда горнопромышленников юга России. Главный врач инфекционного госпиталя Союза городов в г. Харькове (1919) В 1920 г. на миноносце

«Шарброк» эвакуировался в Константинополь, затем в Болгарию. Работал до 1927 г. областным врачом. Член Союза русских врачей в Болгарии. В 1927 г. уехал в Брюссель, Бельгия. Через три года уехал в Парагвай, где работал военным и практикующим врачом. В 1940 г. жил в Праге, затем переехал в Аргентину.

Вербева Евгения Владимировна (урожд. Тулинова) (21.12.1893, Волчанск – 22.12.1958, ЦСК). Окончила Харьковский медицинский институт. В Болгарии имела частную практику в селе Карайсен, затем работала в частной клинике в Софии. После 1944 г. была врачом на фабрике «Титания».

Ананьев Николай Константинович (1895, ст. Ольгинская – 10.04.1928, София). Казак Донского войска. Зауряд-врач. Студент Софийского университета. Умер в возрасте 33 лет от туберкулеза в Александровской больнице.

Чанин Иван Иванович (1884 – 25.10.1923, Бургас). Военный врач Донского офицерского резерва Донского корпуса.

Белинский Николай Константинович (? – 08.09.1926, мина Перник). Врач Константиновского училища в Киеве.

Александров Николай Григорьевич (? , Старобельский уезд – 10.04.1924, Велико Тырново). Ветеринарный врач 5-го Платовского полка. В Болгарию прибыл с о. Лемнос.

Попов Григорий Гаврилович (1890, с. Старобельск, Харьковская губерния). Окончил Харьковский университет. Военный врач. В Болгарию прибыл в 1921 году. С 1929 г. работал городским врачом в Никополе.

Милославский Михаил Васильевич (05.05.1865, Павлоград – 02.06.1933, ЦСК). Из дворянской семьи. Защитил докторскую диссертацию при Институте топографической анатомии и оперативной хирургии Московского Университета (1903). Действительный статский советник. В Болгарии после 1920 года. Занимался частной практикой. Член Союза русских врачей.

Таранов Михаил Михайлович (1860 – 25.12.1924, ЦСК) Доктор медицины (1892) Инспекционный морской врач из Одессы. В Болгарии с 1920 года.

Пшеничный Георгий Павлович (род. в Севастополе). Член правления «Благотворительного общества Галлиполи».

Доброхотов Василий Иванович (31.01.1879, Кинешемский уезд, Костромская губ. – 1962, Княжево). Хирург. Окончил Костромскую Духовную семинарию и медицинский факультет Юрьевского университета (1902). Участник Русско-японской войны. Работал в Евангелической больнице в Одессе. В Болгарии – врач в Пернике, Княжево и Софии. Член правления гимнастического общества «Русский сокол» (1941) в г. Пернике.

Косогоров Н.В. Военный фельдшер Добровольческой армии. Работал фельдшером в Стара Загоре и в Свиленграде.

Бучинский Сергей Иванович (1891, Сороки, Бессарабия). Окончил Киевский университет. Врач в лазарете Алексеевского училища в с. Любимец (1924). С 1929 г. на частной практике в Стара Загоре.

Шустов Владимир Дмитриевич (1888, Одесса). Окончил Одесский университет. Врач Александровского военного училища (1922). С 1929 г. – участковый врач на ст. Оборище, Варна.

Мультианен-Сахаров Иван Самуилович. Статский советник. Окончил Императорскую Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. Войсковой врач Уссурийского казачьего войска по управлению гражданской частью населения. Губернский врачебный инспектор. Десять лет на должности старшего врача постройки и эксплуатации Китайской железнодорожной ветви. Врач Уссурийской участковой больницы. Участник Первой Мировой войны. Во время Гражданской войны в должности дивизионного врача 15-й дивизии и корпусного врача 8-го Армейского корпуса под началом генерал-лейтенанта Ломновского и генерал-майора Лавдовского. В 1921 г. находился в лагере для русских беженцев Бернадоти в Турции.

Суяров Дмитрий Гаврилович (? – 24.02.1927). Врач в Галлиполи. После эвакуации в Болгарию участковый врач в с. Бойцова махала, Великотырновский округ.

Бауман Петр Ксавьеревич (1886–30.05.1929, Белград, КСХС). Казак ст. Константиновской. Окончил гимназию в Самаре и медицинский факультет Томского университета с отличием (1912). Сверхштатный ординатор хирургической госпитальной клиники Томского университета. Участник 1 Мировой и Гражданской войн. Старший врач 1-й Донской окружной больницы, затем работал в донском лазарете № 415 в Евпатории. В Болгарии с 1920 года. Был одним из основателей Союза русских врачей. Затем переехал в КСХС, где работал в одном из русских инвалидных домов. Жена Екатерина Ивановна (урожд. Сивьянова) – врач. Сын Юрий.

Аббати Константин Иванович (13.09.1876, Екатеринодар –1942, София, русск. участок СЦК). Окончил Киевский университет. Служил в Вооруженных силах Юга России и Русской Армии. После эвакуации из Крыма был в лагере Канробер (ст. Макрикей) в Румынии. Работал участковым врачом в Петриче (1924), а с 1930 г. в с. Симитли, Благоевградская обл. (ст. Г. Джумая). Затем работал в Софии.

Каклюгин Симфориан Константинович (12.1874, Новочеркасск – 1941). Из казаков. Окончил Донскую гимназию в Новочеркасске и медицинский факультет Московского университета. Военный врач 75-го пехотного Севастопольского полка, 27-го Восточно-сибирского стрелкового полка. Во время Русско-японской войны принял участие в обороне Порт-Артура. И.о. старшего врача 1-й Восточно-сибирской горной артиллерийской бригады (1905) затем младший врач управления окружного атамана 2-го Донского округа области войска Донского. С 1909 г. работал в богоугодных заведениях в Новочеркасске и младшим ординатором больницы войска Донского. С 1910 г. прикомандирован к Военно-медицинской академии в Санкт-Петербурге. Доктор медицины (1913). Затем врач в Новочеркасске. В Болгарии работал участковым врачом в с. Река-Девня, Варненская обл. (1927). Член Болгарского врачебного союза. Жена Надежда Александрова – врач.

Хмелевский Николай Павлович (1888). Младший ординатор Севастопольского военно-морского госпиталя (1919) В Болгарии с 1920 года. Член Союза русских врачей. В 1925 г. уехал из Болгарии.

Кривоусков Григорий Евграфович (20.09.1872. – ок. 1925). Коллежский советник. С 1900 г. – младший врач 37-го флотского экипажа в Николаеве. Младший ординатор Николаевского военно-морского госпиталя и преподаватель фельдшерской школы при госпитале. (1913). С 1916 г. – старший ординатор госпиталя. В Болгарии после 1920 года. Член Союза русских врачей.

Крестников Николай (1880–1936, Болгария). Окончил Санкт-Петербургский университет. Психиатр, психолог. Последователь В.М. Бехтерева. Участник 2-й Балканской и 1 Мировой войн. После 1917 г. в Болгарии. В 1921 г. вместе с Н.М. Поповым и И.Г. Кинкелем один из основателей Психологического общества в Софии.

Палимпсестов Борис Петрович (14.05.1868, Санкт-Петербург–1925). Потомственный дворянин. В Санкт-Петербурге окончил гимназию, Военно-медицинскую академию (с отличием). С 1895 г. врач на службе в Морском ведомстве. Младший врач Тираспольского местного лазарета, 32-го флотского экипажа в Севастополе. Ординатор глазной клиники Военно-медицинской академии проф. А.Г. Беллярминова. Доктор медицины (1904). В 1 Мировую войну старший врач Черноморского флотского экипажа, затем врач Подводной бригады. С 1917 г. врач управления службы связи Черноморского флота, затем старший врач портового приемного покоя в Севастополе. Эвакуирован с флотом в Бизерту, Тунис. В Болгарии член Союза русских врачей.

При эвакуации Добровольческой армии и населения из Крыма в Болгарию приехало много сестер милосердия. Как многие вспоминают, чуть ли не половина всех женщин-эмигранток в

возрасте 35 лет были сестрами милосердия. Их опытность и профессиональная добросовестность были оценены местными болгарскими врачами, их с удовольствием приглашали на постоянную работу в санатории, больницы, на частные дежурства.

В 1921 г. представительнице российского Синего Креста Еремеевой болгарский Красный Крест предложил организовать кратковременные курсы для выпуска болгарских сестер милосердия. Своей активностью и принесенной пользой «Союз русских сестер» внес большой вклад в развитие медицины в Болгарии.

Вот только малая толика из общего числа военных сестер милосердия:

Зайцева (урожд. Горбенко) Елена Василевна (1897 – 29.08.1928, София, Княжево). Старшая сестра милосердия. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода в армейском лазарете, затем сестра милосердия в Отдельной инженерной роте (впоследствии 1-й инженерной роте). В составе Марковской железнодорожной роты эмигрировала из Крыма в Галлиполи, затем в Болгарию. Умерла от туберкулеза с младенцем Евгением. Награды: Георгиевская медаль 4 ст.

Карташева Екатерина Федоровна (? – 25.10.1924, Стара Загора). Сестра милосердия Донского офицерского резерва Донского корпуса.

Никитина Дарья Зиновьевна (? – 26.05.1930, Велико Тырново). Сестра милосердия, сотрудница Русской Крестовоздвиженской Гимназии.

Павлова Екатерина Иосифовна (? – 17.04.1955, ЦСК). Сестра милосердия Корниловского ударного полка.

Тонина Анна Георгиевна (? – 21.03.1925, Перник). Сестра милосердия Донского корпуса.

Тимофеева Мария Николаевна (1877, Белград). Окончила школу медицинских помощников и фельдшеров в Санкт-Петербурге. Работала 2 года в Александровской больнице в Софии, потом городской акушеркой в Варне (1892). Варненцы ее вспоминают как прекрасного специалиста и душевного че-

ловека. Руководила кружками здоровья, активно сотрудничала с прессой. Боролась за открытие домов для сирот, была выбрана секретарем Варненского Комитета домов для сирот.

Сергеева Евгения С. Сестра милосердия Общества Русского Красного Креста. Георгиевский кавалер.

Змирлова Екатерина Ксенофонтовна (30.12.1897, Харьков). Сестра милосердия в Софии.

21 ноября 1921 г. был основан «Союз русских врачей в Болгарии». Среди основателей Союза были: профессора С.С. Груздев, А.Э. Янишевский, А.Ф. Вейс Белинов, С.П. Алисов, врачи П.К. Бауман, В.В. Дуранте и др. Союз имел целью объединение всех живущих в Болгарии врачей, получивших медицинское образование в России, на основе их научных интересов и для взаимной моральной и материальной поддержки. Союз был зарегистрирован в Международном Союзе русских врачей в Париже.

В планах Союза было: организация научных собраний и конгрессов; а также повторные курсы по разным направлениям медицины; издание медицинских журналов, брошюр; открытие специализированной библиотеки, что давало бы возможность врачам легко пользоваться научной литературой и пособиями; создание кассы взаимопомощи; ходатайство перед соответствующими властями о разрешении своим членам работать по специальности. Так же целью Союза было исследование медико-санитарного состояния русских беженцев, рассмотрение вопроса о медицинской помощи русским и их осуществление соответствующими организациями.

К 1925 г. около 18 человек основателей и членов Союза уехали за границу. Это:

– профессора С.С. Абрамов, К.С. Агаджанянц, С.П. Алисов, С.С. Груздев.

– врачи В.В. Дуранте, К.С. Михайленко, Н.П. Хмелевский, М.М. Мурзин, Свободин, Губарев, Матюшенко, А.Н-Кудрин, Поляк, Равный, Р. Михайлевский, Р.Д. Садовникова, Леонидов, Е.Я. Тимченко.

Поэтому 10 ноября 1925 г. состоялся Съезд «Союза русских врачей», на котором было выбрано новое правление. На съезде было 79 врачей, почетные гости, среди которых – доктор Кесянов, Л. Фельдман, генералы Ф.Ф. Абрамов, В. Никольский, Витковский, полк. Д. Абрамович, А. Арцишевский, П.К. Небянский и др.

В правление Союза были выбраны:

Председатель: проф. Георгий Ермолаевич Рейн (вскоре уехал за границу)

Члены правления:

Александр Иванович Степанковский.

Артур Федорович Вейс (к 1938 г. уехал за границу);

Дмитрий Дмитриевич Крылов.

Степан Константинович Жуков.

Александр Александрович Малышев.

Владимир Иванович Костямин.

Члены ревизионной комиссии:

Вениамин Григорьевич Ермако.

Николай Михайлович Попов, Василий Афанасьевич Солнцев.

В августе 1938 г. правление Союза подает документы на очередное переутверждение Устава. Тогда в правлении «Союза русских врачей» входили:

Председатель: Всеволод Михайлович Тылинский

Члены:

Петр Христофорович Калачев;

Степан Константинович Жуков;

Илья Федорович Шапшал

Секретарь и кассир:

Александр Иванович Степанковский

Ревизионная комиссия:

Алексей Петрович Абросимов;

Веньямин Григорьевич Ермаков;

Надежда Евгеньевна Дурилина

«Союз русских врачей» постигла та же участь, что и все русские организации: после 1944 г. он перестал существовать.

После 1922 г. в Болгарии остаются работать 100–120 врачей (часть из них военные) и 12 ученых-профессоров, медиков. В отличие от других эмигрантов, врачам легко было найти работу. Начать с того, что многие из них работали в многочисленных медицинских учреждениях, основанных РОКК, ВСГ и ВЗС.

С 1920 по 1923 г. Медицинской комиссией РОКК, куда входили А.Ф. Вейс, Р. Берзин, В. Ермаков были освидетельствованы и получили инвалидность 2 296 человек. Из них 384 человек с тяжелыми ранениями (без рук и ног – 2; без двух рук – 14; парализованные – 37; без ноги – 38; слепых – 2; туберкулезных – 214). Таких инвалидов надо было где-то размещать. Заботу об этом взял на себя «Союз русских инвалидов». Были открыты инвалидные дома для тяжелых инвалидов – в с. Шипка (кроме Приюта для увечных и престарелых воинов), в Княжево и в Шумене. Для инвалидов с 70 % инвалидности были наняты помещения для общежитий в разных городах: Софии, Пловдиве, Варне, Бургасе, Русе, Плачковцах и др. Для туберкулезных больных при содействии ВСГ и ВЗС были открыты санатории – в окрестностях Софии (с. Горна баня и Княжево) и в Велико Тырнове. Открыты были больницы в Софии, Варне и в Пловдиве.

Кроме того, в с 1920 по 1923 г. в Болгарию приехало около 2 000 детей (в том числе и сироты). При содействии представителей ВСГ и ВЗС стали открываться школы, интернаты для детей-сирот и общежития для учащихся. Сначала их было 30, но к 1923 г. многие закрылись, остались в основном в городах Софии, Шумене, Пещере, Варне, Пернике и Бургасе.

Белавенец Петр Павлович (1871, Смоленск – не ранее 1939). Окончил медицинский факультет Московского университета. Защитил докторскую диссертацию при лаборатории Н.П. Кравкова в Военно-медицинской академии. Участник 1 Мировой войны в бригаде русских войск во Франции в 1916–1918 г.

и Белого движения. В Болгарии с 1920 года. Работал вместе с женой, сестрой милосердия, Евгенией (род. в Санкт-Петербурге) в Приюте для увечных и престарелых воинов в с. Шипка. С 1929 г. они работали в Княжевском Медицинском околотке рядом с Софией.

В амбулатории Русского инвалидного дома в Княжево работал **Литягин Владимир**, а до него **Охотин Павел Алексеевич**. Во время 2 Мировой войны Павел Алексеевич служил в болгарской армии в Македонии. Долгое время медсестрой в амбулатории работала **Ефросинья Кондратьевна**.

В санатории Культурно-благотворительного дружества «Земский Союз» для туберкулезных больных в с. Горна баня (Горнобанско шоссе, 262) старшим врачом в 1932 г. был **Вознесенский Владимир Алексеевич** (1884, с. Кривец Орловской губ.). Окончил Томский университет. В 1929 г. – участковый врач в с. Половяне Савоковской обл. Сестрой милосердия там работала **Некрасова Мария Васильевна**, фельдшерами – **Амосов А.В.** и **Лукин Н.** – коллежский секретарь (в 1919 г. был старшим лекарским помощником при Морском ведомстве).

Дурилина Надежда Евгеньевна (1888, Тула – 1978, София). Окончила Московский университет. Пульмонолог и рентгенолог. Врач в Шуменской русской гимназии. Затем заведующая русским диспансером для туберкулезных больных, русских беженцев в Софии с 1924 года. Член правления «Союза русских врачей» (1938 г.). В 1935 г. основала Дружество помощи туберкулезным русским больным. Для сбора средств в этом ей помогали сестра милосердия Сульменева Мария Ивановна, ПospолитакИ Нина Ивановна. В 1943 г. Дурилина Н.Е. ходатайствует перед Министерством ВД и НЗ о переименовании Дружества, и оно стало называться «Дружество помощи туберкулезным детям в Болгарии». Дурилина Н.Е. имела и широкую частную практику (1938 г.).

Калачев Петр Христофорович (10.07.1868, Тюмень – 26.03.1946, русский участок ЦСК). Из дворянской семьи. Окончил ме-

дицинский факультет Московского университета (1899). Был назначен врачом в Аккерманское земство Бессарабской губ. С 1904 г. работал ординатором у профессора С.В. Левашова, потом лаборантом (1908), затем приват-доцентом в терапевтической клинике Медицинского факультета Новороссийского университета. Участвовал в Русско-японской войне. Доктор медицины (1910). С 1913 г. – старший врач губернской земской больницы Пскова. Профессор частной патологии и терапевт Воронежского университета, который был основан в 1918 г. на базе эвакуированного Юрьевского университета. В 1920 г эмигрировал в Константинополь, в 1932 г. переехал в Болгарию. С 1932 по 1934 г. работал врачом в Софийской Русской гимназии. По воспоминаниям учеников, «...судя по его телосложению, в молодости он был отменным атлетом. Теперь же, стал горбиться, с поникшей и совершенно седой головой, носил пенсне, выписывая рецепты, надевал на горбатый нос вторые очки. В гимназии получил прозвище “Христофор Колумбыч”». К 1938 г. имел частную практику. Член правления Союза русских врачей в Болгарии

Смедс Элла Оскаровна. Сестра милосердия при женском интернате Русской гимназии.

Кравченко Михаил Кузьмич. Фельдшер в Галлиполийской гимназии. Со слов современников, человек с большим и добрым сердцем. Похоронен в Княжево.

Ермолов Александр Н. (род. Москва). Врач в Интернате для русских детей (ул. Черно море, 1).

Кедринская Елена Семеновна (1890, Боровичи –?). Окончила Софийский университет. Кожно-венеролог. С 1930 г. на частной практике в Софии. Врач в общежитии для учащихся на ул. Ив. Рилски, 48. Жила на ул. Владая, 73.

Елизаров. Врач в студенческом общежитии в Софии.

При Русском Красном Кресте работали и зубные врачи. Первый зубо врачебный кабинет врача **Долгополова А.** был открыт еще в 1921 г. на ул. Тетевенска. Зубным врачом РОККа была и **Графова Мария Михайловна.**

В 20-е годы в Болгарии был недостаток медицинских кадров. В селах и маленьких городах население совсем не имело врачебной помощи. И русские врачи не остались без работы. Они назначались царскими указами по представлению решения Народного собрания о приеме врачей – иностранных поданных на государственную, областную и городскую службу целыми списками. Принимались на определенный срок, который периодически продлевался, их распределение было в ведении Министерства ВР и НЗ, а гимназиальных врачей – Министерства просвещения. Русские врачи могли занимать различные врачебные должности, но не имели права на частную практику. Работая по селам и городам в разных уголках Болгарии, прекрасные специалисты, русские врачи оказывали большую медицинскую помощь болгарскому населению. Многие из них надолго остались в памяти болгар.

Фадеев Алексей Петрович (1891, Москва). Окончил Московский университет. Врач-интернист. Работал в Св. Враче Санданской обл. как районный ведущий врач, потом 30 лет районным врачом в Девине. Многократно был отличником Министерства Здравоохранения. Удостоен звания заслуженного врача и награжден многими орденами НРБ. В больнице в Девине установлен его бюст.

Смоленский Владимир Петрович (1886, с. Солончене, Бессарабия – 11.08.1956). Его отец П. Смоленский – участник Русско-турецкой войны 1877–78 годов. Окончил классическую гимназию в Кишиневе, Императорский Новороссийский университет в Одессе. Работал директором городского родильного дома на 100 мест в Одессе. В Болгарии с 1921 года. Назначен заведующим акушеро-гинекологическим отделением Государственной областной больницы в Варне. Под его руководством отделение отличалось отличной организацией работы, высококвалифицированной помощью и медицинской культурой персонала. Доктор В.П. Смоленский пропагандировал преимущества государственных медицинских учреждений перед

частными. Он создал богатый патологоанатомический музей при отделении. В 1927 г. уволен и начал работать акушером-гинекологом в санитарном городском отделении. Новая работа дает ему возможность осуществить свою мечту об отдельном городском родильном доме. Дом открыт, сначала на добровольных началах, а в 1932 г. городские службы выделяют бюджет и штат для родильного дома на 30 коек. Многие женщины вспоминают нем долгое время. Доктор Смоленский публикует много научно-популярных статей в журналах «Добро народно здраве» и «Наша майка». В 1946 г. родильный дом закрыли, а интриги частнопрактикующих врачей заставили Смоленского перейти на работу в Тырговиште. После 1946 г. он организовал открытие в этом городе родильного дома, куда и был назначен главным врачом. За отличную работу имел много наград от новой власти.

Успенский Алексей Петрович (1892 г.). Окончил Киевский университет. С 1929 г. на частной практике в с. Елена Харманлийского района. Долгие годы работал в окрестностях г. Бургас по борьбе с малярией. Во время Второй Мировой войны служил в болгарской армии в Македонии.

Александров Петр Трофимович (1893, Юзовка – ?). Окончил Харьковский университет. С 1924 г. работал лаборантом в кожно-венерологической клинике медицинского факультета Софийского университета. Затем – заведующий поликлиникой по кожным болезням в Пловдиве.

Чернетская Александра Васильевна (1881., Александровск – 10.12.1967, русский участок ЦСК). Окончила Петербургский университет. Создала службу по борьбе с бешенством. После создания Института здравоохранения возглавила в нем отдел по борьбе с бешенством. По ее инициативе по всей стране были организованы пункты прививок против бешенства. Успешно занималась научной работой. Награждена орденом Труда.

Сорокин Павел Васильевич (18.06.1893, Короча, Курская губ.). Окончил Харьковский университет. С 1922 по 1926 г. работал районным врачом в г. Златограде. Единственный врач

в районе, работал неутомимо, не жалея сил, обходил отдаленные и трудно доступные села в районе, не имея никакого транспортного средства. С 1929 г. участковый врач в с. Шишманово, Самоковская обл., затем в Дьовлене.

Лободовский Георгий Васильевич (1882, Харьков). Окончил Харьковский Университет. Интернист. С 1929 г. врач в Разграде. Один факт из его биографии зафиксирован в газете «Разградско слово» с 05.01.1927: Пациентом доктора стал сам царь Борис III, который простудился при посещении разградской церкви. В благодарность за успешное лечение царь наградил доктора серебряной табакеркой с личным вензелем. Доктор Лободовский занимался активной благотворительной деятельностью. В его доме часто на праздники (Рождество, Масленицу и Пасху) собиралось много русских.

Лахневич Мария Митрофановна (урожден. Долгополова) (1888, Воронеж – 21.02.1932, Панагюрище). Врач в Панагюрище.

Лахневич Александр Панфилович (1884, с. Хабиловка). Окончил Киевский университет. Работал в Панагюрище.

Кронберг Александр Евгеньевич (1864, Киев). Окончил Киевский университет. В 1930 г. на частной практике в с. Средец Средецкой обл. Медицинский инспектор по малярии с. Карабунар Бургасской обл.

Яремко Илья Григорьевич (01.07.1894, Богодухов Харьковской обл.) Окончил Харьковский университет. С 1929 г. участковый врач в с. Русокастро. Районный врач по малярии в Бургасской обл.

Параманов Георгий Александрович (04.01.1885, ст. Нижне-Гирская Донской обл.). Врач с. Златица, Еленская обл. (1924).

Случевский Владимир Степанович (1890, Нежин Киевской обл.). Окончил Киевский университет. Врач в Несебыре (1924). С 1929 г. участковый врач в с. Бата Поморийсой обл.

Щедринский Александр Александрович (? – 16.09.1962, русский участок СЦК). Работал сначала в Айтосе, потом главным рентгенологом в ИСУЛ, София.

Черненко Александр Романович (01.10.1897, Суздаль). Врач в с. Дивля, Радомирская обл. (1929)

Чистяков Борис Николаевич (14.09.1887, Луга). Врач на станции Мездра (1924).

Казанцев Сергей Порфирьевич (10.03.1891, Одесса). Окончил Одесский университет. С 1928 г. участковый врач в с. Новачене Никополской обл., потом работал в Софии.

Игумнов Павел Михайлович (11.01.1888, Санкт-Петербург). Окончил Харьковский университет. С 1929 г. участковый врач в с. Светлен, Поповская обл., потом работал в Софии.

Писарев. Врач русской колонии в Св. Враче Санданской обл.

Айвазов Иван Аврамович (28.04.1888, Евпатория). Инспектор по малярии.

Баев Николай (? – 30.12.1933 г., Ловеч). В 1916 г. окончил медицинский факультет Одесского университета. Долгие годы заведовал Севлиевской государственной больницей.

Богорадский Владимир Васильевич (1879, Нижний Новгород). Окончил Московский университет. С 1929 г. работал в с. Сомовит Никополской обл, затем в Плевене.

Каличев Николай Юрьевич. Врач-интернист. Профессор Юрьевского университета. С 1920 по 1939 г. занимался частной практикой и имел широкий круг пациентов.

Каклюгина Надежда Александровна (1891, Тверь) Окончила Московский университет. С 1928 г. на частной практике в с. Девня, Провадийская обл.

Окроков Николай Павлович (27.11.1893, Рязань – 1951, русский участок ЦСК). Окончил Петербургский университет. С 1929 г. – гл. участковый врач с. Добинище, Разлогская обл.

Акопянц Александр Аствацатурович (1888, Сурам – 1954, русский участок ЦСК). Окончил медицинский факультет в Юрьеве. С 1929 г. – на частной практике в Омуртаге, затем в Софии.

Иванченко Алексей Петрович (17.03.1887, Киев). Врач в Ловече (1924 г.).

Алексеев Петр Александрович (15.01.1884, Смоленск – 14.09.1973, русский участок ЦСК). Окончил Московский университет. Был врачом в Добровольческой армии. В составе Кубанского Алексеевского военного училища эвакуировался на о. Лемнос, затем в Болгарию. В Болгарии работал врачом в с. Габарево Казанлышской обл. (1924)

Дроздов Борис Васильевич (10.06.1894, Харьков – 1972). В Вооруженных силах Юга России и Русской Армии в Дроздовской артиллерийской бригаде. Галлиполиец. В Болгарии в 1924 г. был врачом в с. Ваксево, Кюстендильская обл.

Федоров Георгий Георгиевич (08.10.1871, с. Ново-Усолия). Окончил Петербургский университет. Врач в Софии.

Лахтина Ольга Ивановна (20.02.1894, Москва). Окончила Московский университет. Врач в с. Брегово Видинской обл. (1924), с 1927 г. – участковый врач с. Расово, Ломская обл.

Красковски Владимир Адамович (13.11.1891, Рига). Был участковым врачом в с. Воден.

Корнилов Николай В. (? , с. Котово, Харьковской губ.). Работал в с. Керемелит, Севлиевская обл. (1924).

Мишин Сергей Николаевич (05.06.1887, ст. Николаевская Орловской губ.). Окончил Петербургский университет. Специалист по внутренним и нервным болезням. В Болгарии с 1920 года. Работал в Варне врачом-оториноларингологом.

Оглодин Павел Александрович (23.04.1887, с. Черновское Сергачевского уезда). Окончил Казанский университет. Интернист. Районный врач в Плевене, потом на станции Горна Оряховица (1928). Отзывчивый и гуманный врач.

Григорьев Александр Васильевич (1885, Раненбург). Окончил Московский университет. Врач в Пелевуне, Ортакойско (1924), на частной практике в с. Катуница, Светиврачская обл. (1929).

Мальшев Александр Александрович (02.09.1890, с. Рассадино Костромской обл.). Окончил Харьковский университет. На частной практике в с. Прогорелец Ломской обл. (с 1929). Член правления Союза русских врачей в Болгарии.

Нудельман Бенедикт (1894, Одесса). Врач в Пещере (1930)

Прозоровский Николай (с. Красночеркасск Воронежской губ.). Работал в с. Рила Кюстендилского окр.

Васильев Петр Григорьевич (1885, ст. Глазуновская Донской обл.). Врач в Габрово (1924).

Васильев Виктор Михайлович (1890, Самара). Окончил Казанский университет. Участковый врач с .Калотино Царифродской обл. (1929).

Ващинский Виталий Ж. (1890, Кишинев). Окончил Московский университет. Акушер-гинеколог. На частной практике в г. Русе (1928).

Буров Михаил Васильевич (1883, Улич). Окончил Петербургский университет. На частной практике в Тополовграде (1929).

Пилев Ревокат Дмитриевич (21.01.1886, Армавир–29.05.1962, София, русский участок ЦСК). Окончил Петербургский университет. Врач в Стара Загоре (до 1924), потом на частной практике в Сливене. Затем работал в Софии.

Павлов Леонид Сафонович (01.03.1886, с. Каменка Донской обл. – ?). Окончил Харьковский университет. Участковый врач с. Синдел, Провадийская обл. Врач в районной медицинской комиссии Варны.

Мякотина Нина Венедиктовна. Окончила медицинский факультет в Праге. Работала в Софии. Дочь проф. В.А. Мякотина.

Попов Т. (? – 07.07.1931). Врач в Казанлыке. Скончался в больнице Болгарского Красного Креста.

Михайлевский Ростислав Владимирович (18.11.1895, Астрахань – ?). Окончил Саратовский университет. Работал областным врачом в Драгойново, а потом на частной практике в Борисовграде (1928). Затем в Пырвомай.

Михайлевский Игорь Ростиславович – врач в Велико Тырнове.

Попов Нил Александрович (19.07.1891, с. Млинские Млины, Полтавской губ. – ?). Окончил медицину в г. Брно, Чехия. Врач

в г. Свиштов. С 1931 г. врач в государственной больнице г. Пазарджик.

Попов Иван Николаевич (1889–1965). Врач-рентгенолог.

Протопопов Валерьян Михайлович (29.05.1890, Екатеринбург). Окончил Московский университет. Работал в с. Крамолин Севалиевской обл. На частной практике в г. Горна Оряховица (1929).

Попов Александр Иванович (1886, ст. Акишевская). Окончил Харьковский университет. Участковый врач в с. Акчар Видинской обл. (1929)

Подольская-Трифорова Ольга (1886, Севастополь). Окончила Петербургский университет. Акушерка. Работала в «Совецательной станции» при Красном кресте (1913).

Федоров Георгий (06.11.1871, с. Ново Уселье Пермской губ.). Жил и работал в с. Девене Врачанской обл. (1925)

Сметанин Александр Петрович (1887, с. Листопадов). Окончил Харьковский университет. Работал врачом на частной практике в с. Панчарево (с 1929).

Сушков Михаил Яковлевич (1881, Ахтырка). Окончил Харьковский университет. Частная практика в Царево.

Рождественский Николай Васильевич (1886, с. Успенское). Окончил Юрьевский (Тарту) университет. Участковый врач с. Синаговци, Видинская обл. (1929)

Удинцов Борис Петрович (18.10.1895, Санкт-Петербург). Окончил Санкт-Петербургский университет. Галлиполиец. Врач в с. Пет могилы Новозагорской обл. (1927), потом частная практика в г. Стара Загора.

Мичри Федор (Тодор) Абрамович (1875, Одесса – 1961, София, русский участок ЦСК). Окончил Московский университет. Участковый врач в с. Леси-дрен Тетевенской обл. Затем в Софии.

Муратов Константин Николаевич (1885, Грозный). Окончил Одесский университет. Акушер-гинеколог. Частная практика в Софии.

Нечаев Андрей Дмитриевич (1885, Новочеркасск). Окончил Харьковский университет. Приехал в Болгарию с о. Лемнос, где работал врачом в госпитале. Областной врач в с. Шипка.

Непомнен Борис Ефимович (1873, Екатеринослав). Окончил Петербургский университет. Частная практика с. Брезово Пловдивской обл. (1929)

Климов Виктор Иванович (1892, Харьков). Окончил Харьковский университет. Врач в Разграде.

Квятковский Сергей Иванович (1870, Киев). Окончил Киевский университет. Работал врачом в самых тяжелых районах России, где были эпидемии холеры, чумы и тифа. В Болгарии заведовал лабораторией Русского Красного Креста. Имел частный кабинет под опекой Международного Красного Креста в Варне. Прекрасный диагност. Был приходящим врачом в Русском инвалидном доме Варны.

Кальфа Елена Ильинична (1899, Симферополь). В 1917 г. поступает на медицинский факультет Таврического университета в Симферополе. В 1920 г. выходит замуж за С.М. Кальфа, который добровольцем участвует в Гражданской войне, эмигрировал в Болгарию. Елене Ильиничне удалось добраться до Константинополя. Благодаря призыву проф. П. Милюкова и чеха проф. Крамарис «Спаси молодую русскую интеллигенцию...» (статья в газете «Последние новости», Париж), когда многие университеты предложили принять русскую молодежь, Елена заканчивает медицинский факультет Пражского университета. В 1926 г. приезжает в Болгарию к супругу С.М. Кальфа в Варну. В 1930 г. начинает работать в государственной областной больнице у доктора В.П. Смоленского. Специализируется по внутренним и детским болезням. Затем работает врачом на заводе «Первый май», в рабочей поликлинике и как школьный врач в русской частной и в болгарских школах. Была хорошим и известным специалистом. Муж Симеон Маркович, дочь Дина.

Ага Яков Семенович (1868, Николаев). Окончил Киевский университет. На частной практике в Варне (1929)

Бабинин Виктор Николаевич (1890, Харьков). Окончил Харьковский университет. Городской врач в Банско.

Балканская Наталия Андреевна (1895, Харьков). Окончила Харьковский университет. Бактериолог в Институте «Народно здраве» в Софии.

Бензема́н Михаил Михайлович (11.03.1888, Петербург). Окончил Петербургский университет. Хирург. Врач в с. Шипка Казанлыкской обл. Затем частная практика в Софии, бул. Драгоман, 46. Член Союза русских врачей.

Воронович Евгений Александрович (1893, Санкт-Петербург). Окончил Петербургский университет. Участковый врач в с. Склаве, Светиврачской обл. (1929).

Головастикова Иван Игнatieвич (1889, Круглолесное, Ставрополь) Окончил Харьковский университет. Участковый врач в с. Зелениково, Пловдивской обл. (1929).

Губергриц Яков Матвеевич (1888, Бердянск). Окончил Киевский университет. Городской врач в Красно село, Софийская обл.

Далецкий Алексей Кириллович (1893, г. Киев). Окончил Киевский университет. Участковый врач в с. Вакарел, Ихтиманская обл. (1929)

Дементьев Георгий Андреевич (1877, Санкт-Петербург). Окончил Петербургский университет. Городской врач в Пловдиве (1929).

Дорошенко Григорий Петрович (1889, Глухов). Окончил Киевский университет. Участковый врач с. Кости Малотырновской обл. (1929). Член Союза русских врачей.

Игнатьев Петр Гаврилович (1887, Вознесенск). Окончил Московский университет. Участковый врач в с. Брусарци, Ломская обл. (1929).

Костямин Владимир Иванович (1893, г. Великий Устюг). Окончил Петербургский университет. Участковый врач в г. Русе. Член правления Союза русских врачей в Болгарии.

Красовский Владимир Адамович (1891, Рига). Окончил университет в г. Дерпт. Участковый врач в с. Стефанкараджово, Елховская обл. (1931 г.).

Кукалевский Леон Михайлович (1876, Харьков). Окончил Харьковский университет. На частной практике в Самокове (1929).

Куприевич Григорий Николаевич (1887, с. Сарни). Окончил Петербургский университет. Участковый врач в с. Кесерево, Горнооряховской обл. (1929), затем в Софии. Член Союза русских врачей.

Курочкин Александр Александрович (1890, Вольск). Окончил Казанский университет. Частная практика в г. Айтос (1929).

Лебедев Павел Константинович (1880, Томск). Окончил Томский университет. Частная практика в с. Драганово, Горнооряховская обл. (1930). Член Союза русских врачей.

Липилкин Иван Трофимович (1891, Астрахань). Окончил Саратовский университет. Участковый врач в с. Обзор (1933).

Лященко Иван Андреевич (1890, Павловск). Окончил Московский университет. На частной практике в г. Сливен (1928).

Матвеев Валентин Владимирович (188?, Санкт-Петербург – 1949, София, русский участок ЦСК) Окончил Петербургский университет. Начальник противосифилитического отряда в Софии.

Махин Никифор Иванович (1892, Ляпичев). Окончил Московский университет. Участковый врач в с. Кардам Поповской обл. (1932).

Попов Павел Александрович (1884, Новочеркасск – 08.08.1923, русский участок ЦСК). Гимназиальный врач.

Филиппов Владимир Николаевич (1891, Санкт-Петербург). Окончил Петербургский университет. Глазной врач. Участковый врач в с. Веселие Бургасской обл.

Христензен Вальдемар Юлиевич (1891, Владимир). Окончил Московский университет. Областной врач в с. Ардино.

Самуил Фелдштайн (08.09.1890, Одесса). Районный врач в Тетевен.

Яковлев Григорий Григорьевич (1883, с. Усть). Окончил Юрьевский университет. Частная практика в с. Михайлово Старозагорской обл.

Чиркова Нина Львовна (1892, Саратов). Окончила Юрьевский университет. Участковый врач в с. Драгалевци Софийской обл.

Шевкун Демьян Сергеевич (1890, Харьков). Окончил Харьковский университет. На частной практике в с. Телец Ямболовской обл.

Шернгольд Яков Федорович (1889, Борислав, – русский участок ЦСК). Окончил Одесский университет. Работал врачом в мужской гимназии Стара Загоры (1926), участковый врач в с. Койнаре Бялслатинской обл., затем в Софии.

Ярослав Василий Григорьевич (1896, Остапе). Окончил Киевский университет. Врач по детским болезням. На частной практике в Софии. Жил на ул. Оборище, 16.

Врачами в гимназиях Болгарии работали: **Щумпф Борис Николаевич** (с 1924); **Каракоз Моисей Аврамович** (с 1926), член Союза русских врачей; **Бульон Наталия** (с 1923); **Федорова Евгения** (с 1922).

Крамаренко Варвара Ивановна (1897, Полтава). Окончила Харьковский университет. Рентгенолог. Участковый врач в с. Реховците, Севлиево, обл. (1930) Работала врачом в смешанной гимназии в г. Павликени.

Мирочник Даниил Иванович (1892, Одесса). Окончил Одесский университет. Работал врачом в смешанной гимназии Бяла Слатины (1921).

Топалов Илья Васильевич (01.02.1876, с. Райновка Таврической губ.). Окончил Харьковский университет. Работал врачом в мужской гимназии Велика Тырнова (1924) потом на свободной практике в Пловдиве. Член Союза русских врачей.

Павлов Леонид С. (10.03.1898, с. Каменка Донской обл.).

Цукровский Георгий Иванович (29.10.1896, ст. Дроздовская).

Попова-Воронова Валентина Васильевна (1892, Москва). Окончила Московский университет. Работала в смешанной гимназии в Самоково (1922), а потом в гимназии в Видине (1929).

Журина Маргарита Александровна (06.11.1900, Москва). Сестра милосердия в Софии.

Писарева Александра Михайловна (1896, Одесса – 1955, София, русский участок ЦСК). Сестра милосердия.

Станчулова Мария Ивановна (урожд. Марцинкевич) (20 или 21.10.1894, Троицко-Савск (Киев?) – 1984, русский участок ЦСК). Сестра милосердия. До 9 сентября 1944 г. работала в Шумене, Варнае, Софии и Ловече. Во время войны была эвакуирована в Ловеч, где работала в американском колледже (после 9.09.1944. он был закрыт). В 1945(46) г. интернирована в Панагюриште (до 1960–61), где работала в тубдиспансере медицинской сестрой. Была на хорошем счету, несколько раз награждена за отличную работу. Последние годы жила в инвалидном доме в Княжево.

Чепилев Петр Павлович (21.08.1876, Новочеркасск). Фельдшер в Стара Загоре (с 1924).

Майсторенко Григорий Алексеевич (25.01.1890, Черниговская губ.). Фельдшер (с 1924).

Бородулин Михаил Яковлевич (12.01.1893, Полтава). Фельдшер в Банско.

Ванхальский Григорий Адамович (17.11.1883, Киев). Фельдшер в г. Стара Загора (1924).

Черненко Адриан Михайлович (Павлоград, Екатеринославская губ.). Фельдшер в Софии (1924).

Низол Николай Никитич (29.06.1897, Знаменка, Херсонская обл.). Фельдшер в Видине (1924).

Могилевский Владимир Яковлевич (1869, ст. Орловская, Донской обл.). Магистр-аптекарь.

Стржалковский Владимир Станиславович (16.12.1891, Старый Оскол Курской губ. – 29.08.1962, Варна). Фармацевт. Из многодетного дворянского семейства. Отец поляк. Окончил

фармацевтический факультет Киевского университета. Эмигрировал в Болгарию, в Варну, без документов. Работал водолазом, санитаром в аптеке, лаборантом в лаборатории Русского Красного Креста у доктора С.И. Квятковского. В 1929 г. через Международный Красный Крест получил свои личные документы. В 1930 г. уехал вместе с женой в Хисаря, где работал аптекарем в частной аптеке у венгра Бергера. В 1932 г. работал областной аптеке в с. Река Девня. Позже открыл собственную аптеку. В 1948 г. после национализации аптеки, его оставляют заведующим. Заслуженный деятель Болгарского Красного Креста. Имеет награды. Активно участвовал в труппе «Баян» при Русском клубе в Варне. Жена Матильда Георгиевна (урожд. Кумби), дочери Надежда и Татьяна.

Глазман Емануил (1886, Бердичев). Зубной врач в Никополе.

Гриньев Афанасий Георгиевич (1877 – 1941, русский участок ЦСК). Зубной врач. Член правления «Федерации русского трудового союза».

Писарев Василий Александрович (1891 – 28.08.1971., София, русский участок ЦСК). Ветеринарный врач. Член и основатель «Федерации русских трудовых Союзов» (1933.). Член Краевого Правления Русского Сокольства (1939.)

Дроздов Владимир Николаевич (09.12.1884, с. Боговаево Рязанской обл. ?). Ветеринарный врач.

К 50-летию освободительной Русско-турецкой войны 1877–78 гг. болгарским правительством в проект закона 1929 г. была внесена статья, которая уравнивала в правах русских и болгарских врачей. Закон 1929 г. изменил судьбу многих врачей, улучшил их материальное положение, позволив им открыть частную практику.

В русских эмиграционных газетах того времени появляется много объявлений об открытии русскими врачами частной практики. Хотя до этого, еще с 1920 г, некоторые врачи открыли 10–12 частных врачебных кабинетов.

«Доктор Рожнов Василий Александрович (из России – г. Одесса) ведет прием по внутренним и нервным болезням в г. Варне».

Рожнов Василий Александрович (22.02.1878, Москва). Окончил Московский университет. В 1924 г. работал в Русе, а с 1935 г. имел частную практику в Княжево.

Газета «Голос России» 1936–1938 г.:

«Доктор Шамраевский – кожно-венерологические болезни».

Шамраевский Семен Абрамович (1885, Харьков). Окончил Харьковский университет.

«Доктор Сокольский А. – гомеопатия».

«Открывается санаторий для нервных и душевнобольных под наблюдением специалиста доктора Ивана Песоцкого курорт с. Банкя, вилла “Мимоза”».

Песоцкий Иван Степанович (1892, Кабрин, Литва). Окончил Московский университет. В 1929 г. на частной практике в с. Лакатник Врачанской обл.

«Доктор Мария Герцо-Виноградская принимает болгарских граждан».

Герцо-Виноградская Мария Владимировна (1898, Потти). Окончила Софийский университет. В 1930 г. участковый врач в с. Тетово Кубратской обл.

Самым ценным потенциалом среди русских, осевших в Болгарии, являлся внушительный коллектив русских профессоров и ассистентов. Среди них часто встречались имена, пользовавшиеся широкой известностью в дореволюционной России, носители профессорских и академических званий, имеющие открытия и достижения в медицинской теории и практике. По статистике в Болгарии начинают работать около 80 университетских профессоров и преподавателей. Многие из них назначаются в Софийский и Свободный университеты. В период 1921–1939 гг. в Софийском университете работают 35 русских профессоров и преподавателей, из них 14 человек на Медицинском факультете.

Медицинский факультет Софийского университета открывается 1 января 1918 г. законом, принятым Народным собранием.

Василий Платонович Чумаченко

Александр Алексеевич Рязанов

Владимир Петрович Смоленский

Профессор В.П. Смоленский в окружении молодых врачей. В первом ряду сидит Елена Ильинична Кальфа

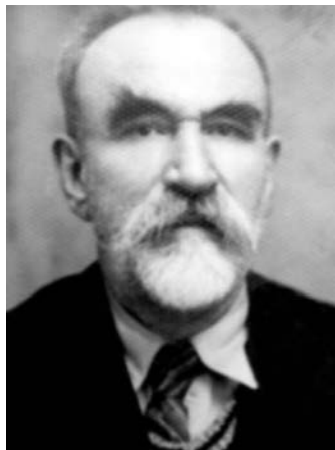
Александр Петрович Сметанин с женой

Евгения Владимировна
Вербева

Василий Афанасьевич Солнцев

Всеволод Михайлович Тылинский

Павел Антонович фон Гарниер

Надежда Евгеньевна
Дурилина

Мария Ивановна
Станчулова

Мария Ивановна
Платонова

Определены кафедры и объявляется конкурс для назначения 15 преподавателей – из болгар и иностранцев. На дискуссиях в Народном собрании по вопросу о приеме профессоров-беженцев в Софийский университет депутат С. Бобчев указал, что медицинский факультет без профессоров из бывшей Российской империи не сможет нормально функционировать, что повлияет на качество обучения.

Первым деканом факультета становится Иван Кипров. С октября 1918 г. по март 1919 г. назначены профессора В. Моллов, П. Стоянов, К. Пашев и несколько русских профессоров. Принимают русских профессоров по договору, обычно на 3 года, который периодически продлевается. В 20-е и 30-е гг. почти все кафедры медицинского факультета находятся под руководством русских профессоров. Русские профессора закладывают основы многих кафедр и научных медицинских дисциплин и поднимают преподавание соответствующих медицинских наук в Болгарии на европейский уровень, в научно-исследовательской практике применяют современные методы исследований. Своей работой они способствовали международному признанию Софийского университета. Русские профессора не только обучают будущих

медиков, но и готовят многих болгарских ученых своими заместителями, можно смело утверждать, что медицинское образование в Болгарии формируется как раздел науки благодаря благотворному влиянию русских ученых-эмигрантов. Много слов можно сказать о наших профессорах, но лучше по отдельности знакомиться с их жизнью, деятельностью и судьбой.

Абрамов Сергей Семенович (14.09.1875, Нахичевань-на-Дону – 21.08.1951, США). Патолог, бактериолог. Окончил гимназию в Ростове-на-Дону. Учился на медицинских факультетах в Харькове и в Москве, окончил с отличием в 1899 году. Доктор медицины (1905). Частный доцент и ассистент по патологической анатомии в Московском университете в 1906 году. Профессор по патологической анатомии и бактериологии в Московском женском медицинском институте с 1913 по 1917 год. Профессор бактериологии в Московском высшем медицинском училище в 1918 году. В 1920 г. бежал через польский фронт в г. Берлин, где работал в Университетском патологическом институте. В Болгарии – ординарный профессор по общей патологии и патологической анатомии на Софийском медицинском факультете по договору с 30 августа 1921 г. по 1 октября 1924 года. Организует на факультете секционный зал, музей, готовит препараты и системно внедряет микробиологию. Издает на болгарском языке учебник «Патологические процессы», который многие годы используется студентами как основное учебное пособие. Возглавлял правление Союза русских врачей в Болгарии с его основания в 1921 году. 20 декабря 1924 г., подал в отставку и уехал в Париж, где работал бактериологом. С 1936 г. был председателем правления Объединения русских врачей за границей. С 1941 г. жил в Германии. После 1945 г. в США. Жена Любовь Ивановна (урожд. Дестеревская, ум.1945), певица.

Агаджаниянц (Агаджанов) Карпет (Карп, Карип) Саркисович (Сергеевич) (17.07.1876, Тифлис – 15.12.1955, Париж). Невропатолог, психиатр. Окончил с серебряной медалью 1-ю гимназию в Тифлисе. С отличием Военно-медицинскую

академию в Санкт-Петербурге. Под руководством проф. В.М. Бехтерева подготовил диссертацию на степень доктора медицины. Privat-доцент Женского медицинского института в Санкт-Петербурге. В 1913–1920 гг. профессор нервных и душевных болезней Варшавского университета, который в 1915 г. был эвакуирован в Ростов-на-Дону (Донской университет). Эмигрировал в 1920 году. Жил в Турции и Болгарии. В 1923–1924 гг. – частный доцент юридического факультета Софийского университета. В 1924 г. переехал в Париж.

Алисов Сергей Павлович (18.10.1881, Харьков – не ранее 1949, Мюнхен, Германия). Анатом. В 1910 г. окончил Московский университет. Ассистент на кафедре анатомии Высших женских курсов в г. Москве (1911) В 1 Мировую войну военный врач. С 1.08.1921 по 31.01.1925 гл. ассистент в Институте анатомии человека в Софии. Член правления «Союза русских врачей в Болгарии». В 1925 г. уехал за границу.

Болотов Владимир Александрович (13.07.1893 – 26.06.1956, Париж). Физиолог, биохимик. Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета. Ассистент кафедры физиологической химии Высших женских курсов в Одессе. Доктор медицины. Ассистент-техник по физиологии на кафедре Софийского университета. С 1930 г. жил в Париже.

Воробьев Владимир Петрович (25.07.1876, Одесса – 31.10.1937, Харьков, СССР). Анатом, один из основоположников функциональной анатомии. Окончил Ришельевскую гимназию в Одессе и медицинский факультет Харьковского университета с отличием. (1903). Доктор медицины Харьковского университета (1908), помощник прозектора в анатомическом институте Харьковского университета (1903.), прозектор (1910), частный доцент в том же университете (1911), преподаватель анатомии на Харьковском женском медицинском факультете (1911), профессор анатомии в Юрьеве (Гарту) (1913), профессор в Харьковском институте на женском медицинском факультете (1916), профессор в Харьковском университете (1917) – заведующий кафедрой анатомии и одновремен-

но научный руководитель Института экспериментальной медицины. С 20.03.1920 по 20.09.1921 – профессор анатомии человека в Софийском университете по договору. Организовал и возглавил кафедру анатомии при Медицинском факультете. Создал метод приготовления музейных анатомических препаратов и долговременного сохранения мертвых тканей. Организовал первый анатомический музей при Софийском университете. Издал оригинальный атлас анатомии человека и др. учебные пособия. Совместно с Б.И. Збарским разработал эффективный метод бальзамирования, который был применен для сохранения останков В.И. Ленина и Г.М. Димитрова. Его имя присвоено кафедре анатомии Медицинской академии в Софии. Студенты запомнили его как блестящего педагога, с дружеским и демократическим отношением к ним. Но проф. Воробьев не смог примириться с условиями и атмосферой на кафедре и с особенностями жизни в Болгарии. Его мучила острая ностальгия, и он настойчиво искал любые способы вернуться на Родину. При содействии доктора П. Стоянова он обращается с просьбой к болгарскому социалисту Хр. Килифарскому, тогдашнему представителю Советского Красного Креста на Украине (он перевозил русских военнопленных на Украину). Хр. Килифарски, несмотря на опасности Гражданской войны, связался с Крыстю Раковским, тогдашним комиссаром на Украине, в Киеве, и с помощью доктора П. Стоянова, близкого друга Кр. Раковского, доктор Воробьев получает документ, где написано: «Разрешается проф. Воробьеву переходить советскую границу в любой точке». К концу 1921 г. проф. Воробьев уехал в Германию на научную конференцию, а оттуда отправился в Россию. Занял кафедру анатомии в Харьковском медицинском университете. В 1924 г. получил звание заслуженного профессора СССР (за бальзамирование тела В.И. Ленина). В 1934 г. стал действительным членом Украинской Академии наук.

Груздев Сергей Сергеевич (1.07.1864, Кинешма Костромской губ. – 4.07.1936, санаторий близ Праги, Чехословакия). Терапевт, физиолог, бактериолог, профессор. Окончил Костромское

духовное училище, духовную семинарию. В 1888 г. окончил Военно-медицинскую академию в Санкт-Петербурге. Ученик С.П. Боткина, В.А. Манассеина. Ординатор клиники проф. В.А. Манассеина. Доктор медицины (1890), стажировался в Париже и Страсбурге. С 1892 г. судовой врач Балтийского флота, и.о. главного врача Николаевского морского госпиталя. Приват-доцент Военно-медицинской академии (1904). Профессор Харьковского и Одесского университетов. Участник 1 Мировой войны. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию. В Софии занимался частной практикой, работал военным врачом болгарской армии. Член и основатель Союза русских врачей в Болгарии (1921). В 1924 г. переехал в Братиславу, Чехословакию. В 1926 г. жил в Праге.

Завьялов Василий Васильевич (15.06.1873, с. Ново-Василевское Чухломского уезда Костромской области – 24.02.1930, русский участок ЦСК). Физиолог, биохимик. Окончил гимназию в Костроме с золотой медалью (1891). Высшее образование получил в Москве и в Юрьеве (Гарту). Ученик В.Я. Данилевского. Доктор медицины Юрьевского университета (1899); частный доцент по физиологии в том же университете, ассистент в лаборатории по медицинской химии при Одесском университете (1901), профессор по физиологии животных при физико-математическом факультете Новороссийского университета в Одессе (1902). С 1906 по 1920 г. ординарный профессор на кафедре физиологической химии. Преподавал также на Высших женских медицинских курсах. С 1902 г. в течение многих лет в летние месяцы работал на курортах Кавказа, заведовал Ессентуках химико-микробиологической и бактериологической лабораторией. Председатель Одесского бальнеологического общества. С 1915 по 1919 г. заведующий кафедрой физиологии и член педагогического совета Новороссийского университета. С 1 марта 1920 по 24 февраля 1930 г. ординарный профессор на кафедре физиологии и физиологической химии Софийского университета, которую возглавлял до 1930 года. Автор книг «Физиологическая химия» (1924), «Руководство по практиче-

ским упражнениям по физиологической химии» (1925) – первого учебника и первого руководства для практических занятий по биохимии в Болгарии. Его трудами в Софии был открыт Физиологический институт. Подготовил болгарских специалистов – биохимиков Н. Добреву и Евг. Николова. Завьялов занимался вопросами смерти и бессмертия. Увлекался парусным спортом. Был президентом Екатерининского яхт-клуба в Одессе. Сын Всеволод, дочь.

Завьялов Всеволод Васильевич. Сын профессора Завьялова В.В. (29.02.1895, Юрьев (Тарту), Эстония – 1965, русский участок ЦСК). Физиолог. В 1913 г. окончил гимназию в Одессе и поступил в Одесский университет. В годы 1 Мировой войны, будучи студентом, заведовал двуколочным транспортом 1-го лазарета Бессарабского хирургического отряда Всероссийского союза при 8-м корпусе на Юго-западном фронте. Университет окончил в 1913 году. Специализировался по физиологии в Физиологическом институте при университете с 1915 по 1920 г., ассистентом по физиологии и физиологической химии в Зубоврачебной школе в Одессе (1914–1915), ассистентом по физиологии в Высшем женском медицинском институте в Одессе (1919–1920). С сентября 1922 по сентябрь 1932 г. ассистент в Институте физиологии и физиологической химии при Софийском университете. Работал в области электрофизиологии сердца. С 1941 по 1951 г. доцент кафедры физиологии медицинского факультета Пловдивского университета. (Медицинский факультет затем стал Медицинской академией, а затем Высшим медицинским институтом.) В.В. Завьялов долгое время был профессором и руководителем кафедры физиологии в ВМИ им. Ив.П. Павлова в Пловдиве. Жена Софья Владимировна, дочь Мария.

Крылов Дмитрий Дмитриевич (18.11.1879, Ярославль – 5.10.1945, Пловдив). Патологоанатом. В 1903 г. с отличием окончил Императорскую Военно-медицинскую академию в Петербурге. Ученик проф. Н.Н. Аничкова. Специализировался

на кафедре патологической анатомии у В.М. Яновского. Участник Русско-японской войны, доктор медицины (1910). Был на специализации по патологической анатомии в Берлине (1911), прозектор на кафедре патологической анатомии и патологической гистологии в Военно-медицинской академии в Петербурге (1912), потом частный доцент на той же кафедре. В апреле 1917 г. избран экстраординарным профессором и заведующим кафедрой судебной медицины с токсикологией медицинского факультета Новороссийского университета в Одессе. В августе 1922 г. был арестован, но уже в ноябре 1922 г. был избран на кафедру патологической анатомии Крымского университета. В 1922 г. выслан из России в составе большой группы интеллигенции в соответствии с «Декретом об административной ссылке». В эмиграции с 1923 по 1925 г. работал врачом на руднике в Югославии. С июня 1925 по 6 июня 1934 г. профессор и руководитель Кафедры общей патологии и патологической анатомии Софийского университета. В Болгарии известен своими экспериментальными исследованиями обмена липидов, атеросклероза и старости. С 1934 до конца жизни в 1945 г. работал патологоанатомом в Пловдиве. С 1925 г. член правления «Союза русских врачей». Член дружества «Почитателей императора Николая II и его семьи». Жена Клавдия Павловна. Дети: Дмитрий, Павел.

Ландау Е. Преподаватель анатомии человека на медицинском факультете Софийского университета (1923).

Лебель Михаил Людвигович (03.11.1893, Петербург – не ранее 1929). Окончил частную гимназию Л.И. Поливанова в Москве (1911) и медицинский факультет Московского университета в 1917 году. С декабря 1923 по 11 декабря 1929 г. ассистент по общей патологии и патологической анатомии медицинского факультете СУ.

Кишинский Дмитрий Дмитриевич. Бывший ректор Новороссийского университета в Одессе. Профессор по общей патологии и патологической анатомии. Велись переговоры для его принятия в СУ, но он отказался по состоянию здоровья.

Медведев Анатолий Константинович (18.11.1863, Харьковская губ. – 12.12.1921, София, ЦСК). Биохимик, физиолог. После гимназии поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, затем перевелся в Военно-медицинскую академию в Петербурге (1886). Получил звание лекаря с отличием и с внесением его имени на почетную мраморную доску академии. Определен на службу младшим ординатором Кронштадского военного госпиталя. Год плавал на фрегате «Минин» в должности судового врача. Во время плаванья собрал ботаническую коллекцию, которую передал Императорскому Ботаническому Саду в Санкт-Петербурге. В 1893 г. занимался научными исследованиями в Физиологической лаборатории Военно-медицинской Академии, под руководством проф. кн. Р.И. Тархан-Моуравова защитил докторскую диссертацию. Там же сблизился с проф. Б.Ф. Вериго. В 1894 г. находится в плавании на блокшиве «Баян» младшим врачом в отряде судов Морского кадетского корпуса. По приглашению Б.Ф. Вериго назначен прозектором физиологической лаборатории Одесского университета (1895); частный доцент (1896). В мае 1901 г. назначен экстраординарным профессором на кафедру физиологической химии Одесского университета, в июле 1902 г. – ординарным профессором на кафедру физиологии. Был деканом медицинского факультета Одесского университета (1916–1920). Основатель и председатель Медицинского Общества при Одесском университете. В 1920 г. эмигрировал в Болгарию (хотел остаться в Одессе, но увезен почти насильно на отходящий пароход). С сентября 1920 г. принят на работу в Софийский университет по договору, стал первым русским профессором биохимии и физической химии. Член правления «Дружества единения русских в Болгарии» (1920) Бессеребренник, он жертвовал свое время, труд и здоровье, чтобы помочь больным. Жил с семьей (7 детей) в заброшенном железнодорожном вагоне в Подуене. Перед лекциями успевал посетить своих пациентов. В 1922 г. в книге «Памяти

проф. А.К. Медведева» под редакцией М.Г. Попруженко и А.Д. Дзивгова было написано: «...*Наполненная высокими нравственными идеалами жизнь профессора оставила глубокий и яркий след в болгарской общественной жизни.*»

Маньковский Александр Федорович (27.04.1868, Олвиополь, Херсонской губ. – 20.01.1946, католический участок ЦСК). Гистолог. Окончил классическую гимназию в г. Кишиневе с серебряной медалью и Киевский университет с отличием (1894). До 1897 г. – участковый врач в Бессарабии. До 1900 г. – ассистент по общей патологии в Киевском университете, потом проректор по гистологии и эмбриологии в Одесском университете. Проходит специализацию в Берлине, Лейпциге и Париже (между 1903 и 1914). Доцент по гистологии и эмбриологии в Одесском университете (1900), профессор до 1920 г. С 1907 г. по 1910 г. проректор Одесского университета. Состоял членом Киевского, Одесского и Варшавского дружества врачей. В начале 1920 г., по приглашению Варшавского университета, едет в Польшу через Болгарию. Из-за стачки болгарских железнодорожников временно останавливается в Софии. О том, что он в Софии становится известно в университетской среде и его приглашают занять Кафедру гистологии и эмбриологии Медицинского факультета, на которой, из-за отсутствия подходящего профессора, не могли начаться занятия. Но проф. Маньковский дважды отклоняет приглашение из-за своего ангажемента в Польше. Состав уговаривающих увеличивается. Представители Медицинского факультета и Академического Союза преподавателей преподносят официальное письмо-приглашение, уговаривают его и его ученики, учившиеся у него в России. Но последнее слово остается за супругой, которая почувствовала симпатию «к этой милой славянской стране». Маньковский, подписав трехмесячный договор, вступает в должность 1 марта 1920 г., получает 2 комнаты для занятий в здании 1-й мужской гимназии (угол улиц Дунав и Московска). Все начинается с нуля, учебные пособия и препараты изготавливаются им вместе со студентами-энтузиастами

и сотрудниками кафедры. За годы работы на кафедре он создает первую научную лабораторию по гистологии, модели для музея эмбриологии, вводит в исследования методы микрофотографии и люминесценции. Когда в 1924 г. его ассистент доктор В. Казаков увольняется, на это место назначают его дочь Марию Маньковскую. К тому времени Маньковский остается вдовцом. За годы работы в СУ проф. Маньковский выполнил данные им обещания при вступлении в должность. Подготовил квалифицированные преподавательские кадры, создал и стал первым директором научного института по гистологии и эмбриологии при МФ СУ. Он дарит в библиотеку института около 300 книг. Подготавливает себе заместителя, болгарского ученого проф. Асена Хаджиолова. Публикует 25 научных трудов. Маньковский награжден орденом Св. Александра III степени. В 1929 г. он подает в отставку «в связи с несогласием с вмешательством деканата в работу кафедры». После его отставки кафедрой временно руководит проф. Д.Д. Крылов до вступления в должность проф. А. Хаджиолова, будущего академика, заложившего основы болгарской школы гистологии и эмбриологии. Три года А. Маньковский работает в Польше, в Варшавской клинике известного интерниста проф. Витольда Орловского. Переводит на болгарский язык его книгу «Терапия внутренних болезней», в 3-х томах. На экземпляре, подаренном им Софийскому университету, А. Маньковский пишет: *«...С большим уважением и искренними симпатиями моей второй Алма матер, в которой, отзываясь на почетное и блестящее приглашение в 1920 г., имел честь работать...»* В Польше популяризирует болгарские бальнеологические курорты, публикуя много статей на французском и польском языках. Маньковский хотел остаться в Польше, но его дочь, которая была там вместе с ним на специализации в Варшавской акушеро-гинекологической клинике при университете, почувствовала ностальгию по друзьям и Болгарии, и они возвращаются в Софию. А. Маньковский переходит на частную практику. Никогда не отказывал в бесплатной медицинской помощи бедным боль-

ным. «Настоящий народный врач», – говорили о нем. Во время бомбардировки Софии в 1944 г. дом А. Маньковского был разрушен и он эвакуируется в маленькое заброшенное село около Софии. И здесь он помогает и оказывает бесплатную помощь заболевшим, раздавая бесплатно лекарства, за которыми ходил в Софию иногда во время бомбардировок и покупая лекарства на свои скудные средства. В селе он тяжело заболел и последнее время не вставал с постели. Похоронен 31.01.1946 рядом с женой на 39 католическом участке ЦСК. В надгробном слове его ученик проф. А. Хаджиолов сказал: «...отдадим последнюю честь одному большому ученому, врачу и человеку с большим милосердным сердцем». Дочь Мария – медик

Маньковская Мария Александровна (12.08.1899, Киев. Поступила на медицинский факультет в Одесский университет, но обучение закончила в Софийском университете в 1924 г. Ассистентка Института гистологии и эмбриологии при СУ (1929).

Попов Николай Михайлович (11.08.1854, Вятка – 31.05.1939, русский участок ЦСК). Действительный статский советник. Психиатр, психопатолог, психолог. Родился в семье священника в Вятской губернии. Учился в Вятской гимназии и в Санкт-Петербургской медико-хирургической академии, которую окончил в 1877 году. Участник Русско-турецкой войны 1877–78 гг. при Плевне и Шипке как мл. лекарь. Изучал душевные болезни в клинике проф. Мержеевского, где в 1882 г. защитил докторскую диссертацию. Служил ординатором в больнице Св. Николая Чудотворца. Проходил специализацию по нервным и душевным болезням в Лейпциге и Париже в 1887 году. В 1888 г. стал профессором в Варшавском университете (параллельно читал лекции по судебной медицине студентам-юристам). В 1894 г. переведен в Казань. С 1904 по 1920 г. профессор в Одесском университете. Один из основателей и директор Высших женских медицинских курсов. Н.М. Попов активно участвовал в научной жизни России. Действительный член Общества психиатрии в

Петербурге и Одессе; член-корреспондент Общества по невропатологии и психиатрии в Москве; почетный член Общества по психиатрии в г. Казани. Вместе с Бехтеревым В.М. долгие годы редактировал журнал «Неврологический вестник» в Казани. Член корреспондент и почетный член нескольких европейских обществ по психиатрии. Эмигрирует в Болгарию после 1920 года. С 1 июня 1922 по 1 июля 1935 г. по договору назначается профессором психиатрии на медицинском факультете СУ. Основатель и руководитель клиники психиатрии в СУ. Член правления «Союза русских врачей» в Болгарии. Автор первых болгарских учебников «Основы общей психопатологии» (1923) и «Основы частной психопатологии» (1925) на русском языке. Его учебники долгое время служили основными пособиями для большинства болгарских врачей. В 1936/37 учебном году Н.М. Попов – частный доцент на гонораре. 3 августа 1937 г. умирает его жена Мария, а 18 июля 1938 г. он потерял дочь Елену (р. 1892), которая работала заведующей лабораторией в Александровской больнице. Он тяжело переживал потерю семьи, скончался 31 мая 1939 года. Хоронят его как ветерана Русско-турецкой войны – бесплатно и с почестями, но не на 91 мемориальном участке для ветеранов, а на русском участке ЦСК, рядом с родными – женой и дочерью. Жена Мария Николаевна. Дочь Елена.

Попова Елена Николаевна (1892, Варшава – 18.07.1938, ЦСК). Заведующая лабораторией Александровской государственной больницы в Софии.

Рейн Георгий Ермолаевич (20.04.1854, Петербург – 04.12.1942, Ницца). Выдающийся акушер-гинеколог, академик. Окончил Ларинскую гимназию и факультет медицины в Императорской медико-хирургической академии Санкт-Петербурга в 1874 году. Под руководством проф. А.Я. Крассовского в 1875 г. защитил докторскую диссертацию. Участник Русско-турецкой войны. Вместе с армией прошел от Дуная до Сан Стефано. Проходил специализацию по гинекологии в Петербурге и в течение двух лет за границей. С 1883 по 1900 г. он профессор Университета Св.

Владимира в Киеве, с 1900 по 1910 г. – профессор, потом заслуженный профессор в Военно-медицинской академии в Петербурге. С 1916 по 1919 г. – управляющий Российского Министерства здравоохранения и депутат Думы. Член Петербургской академии наук (1901 г.). Член-основатель Международного дружества гинекологов, председатель акушеро-гинекологических Дружеств в Киеве и Петербурге, почетный член гинекологических дружеств в Лейпциге, Париже и Италии. В начале ноября 1919 г., выехав из Киева в составе «санитарной летучки», посетил Константинополь, Принцезы острова, Загреб, Софию. С 1 октября 1920 по октябрь 1926 г. назначен заведующим кафедрой и штатным профессором по договору в медицинский факультет СУ. В 1923 г. прерывает работу в СУ по болезни и выезжает на лечение за границу, в 1926 г. подает в отставку из-за болезни. Основатель и директор акушерско-гинекологической клиники при медицинском факультете СУ. Под его руководством «Майчин дом» быстро превратился из родильного приюта в прекрасно оборудованную по последнему слову науки и техники акушерско-гинекологическую клинику. Вводит физиотерапию и рентгеновские исследования в акушерско-гинекологическую практику. Основатель школы для акушеров при медицинском факультете СУ. Под его руководством заложены: преподавание и основы акушерства и гинекологии в Болгарии, подготовка специалистов и преподавателей. Его ученик и приемник самый известный болгарский акушер-гинеколог проф. Димитр Стаматов. Рейн автор более 70 научных публикаций на болгарском, немецком, французском и русском языках. В 1926 г. выпустил первый учебник «Оперативное акушерство» в Болгарии. В 1929 г. проф. Рейн награжден болгарским орденом «За гражданска заслуга» II степени. По этому поводу Г.Е. Рейн пишет ректору СУ из Франции: «...он доставил мне много радости и нравственного удовлетворения в моем добровольном изгнании из моего дорогого Отечества. Бог даст, восстановленная национальная Россия, став во главе славянства, сумеет отплатить болгарскому народу за доброе гостеприимство и сочувствие, оказанное ее сынам в тяжелые дни

изгнания». Последние годы Г.Е. Рейна прошли в Ницце.

Черевков Александр Михайлович (17.09.1860, Новочеркасск – 24.04.1926, ЦСК). Ученый-физиолог, бактериолог. В 1886 г. с отличием окончил Харьковский университет. Ученик проф. В.Я. Данилевского, под руководством которого подготовил и защитил докторскую диссертацию в 1893 году. Был сотрудником И.П. Пирогова. С 1894 по 1909 г. – частный доцент Бактериологического института в Харьковском университете. С 1909 по 1917 г. профессор физиологии Харьковского университета. В 1917 г. уволен по политическим причинам. На следующий год с группой ученых эмигрирует в Египет. С 1 декабря 1923 г. до дня смерти – профессор физиологической химии Медицинского факультета Софийского университета. Черевков развивает экспериментальную базу и наглядные пособия кафедры. Преподавательская деятельность А.М. Черевкова была пропитана идеями Пирогова, что способствовало популяризации Павловского учения. Таким образом, физиология в Болгарии еще на начальной стадии развивается под влиянием русского научного взгляда и достижений больших русских ученых-физиологов: И.М. Сеченова, И.П. Павлова, Н.Е. Введенского, А.А. Ухтомского и др. Ассистент проф. А. Черевкова – проф. Димитр Ораховац (сын известного доктора П. Ораховаца и доктора Нины Беровой) в 1927 г. возглавил кафедру физиологии и заложил основы болгарской школы физиологии.

Шапшал (Шапшаль) Илья Федорович (07.02.1878, Санкт-Петербург – 12.05.1949, русский участок ЦСК). Анатом. Родился в состоятельной семье. Окончил гимназию в 1897 году. Апатичный и флегматичный в детские годы, в гимназии И. Шапшал меняется в совершенно противоположную сторону, а в студенческой среде его уже знали как отличного друга и организатора. В 1897 г. поступил на факультет естественных наук в Петербургский университет. Там попадает в прогрессивную среду с демократическими идеями. Принимает участие в волнениях студенчества против царизма. Арестован, некоторое

время проводит в тюрьме, после чего его исключают из университета. Чтобы продолжить образование И. Шапшал уезжает в Париж, а когда временно закрытый Петербургский университет вновь открывается, он возвращается и заканчивает там свое образование в 1904 году. Но увлеченный медициной, он уезжает в Одессу и поступает на медицинский факультет Одесского университета. Увлечение медициной у него появилось во время большой эпидемии холеры в 1891 г., когда он как доброволец со своими друзьями под руководством проф. Лезговит пришел на помощь населению. Благодаря своему первому образованию он прошел сокращенный курс и в 1909 г. получает диплом медика. В 1910–1915 гг. прозектор нормальной анатомии в Высшем женском университете. Под руководством своего учителя проф. Н.А. Батуева он подготовил и защитил докторскую диссертацию. С 1917 г. – приват-доцент Одесского высшего женского медицинского института. От предложения профессуры в Харькове и Казани отказывается по настоянию своего больного учителя, которого он замещает на лекциях. В 1917–1918 г. – профессор по анатомии человека в институте, параллельно частный доцент Медицинского факультета Одесского университета. Строгий и взыскательный, но не педант, он излагал материал на выразительном, строго научном языке. Его лекции слушали с удовольствием. В 1920 г. И.Ф. Шапшал вместе с семьей вынужден эмигрировать. В 1921 г. он принимает приглашение Белградского университета возглавить кафедру анатомии. В Белграде он испытывает большое разочарование, так как из-за интриг не получает обещанный пост. Ему было предложено преподавать естественные науки в гимназии, и он принял это предложение, не имея другого выхода. При одном его приезде в Софию в 1923 г. ему поступает предложение о работе от Софийского университета. 1 ноября 1923 г. И.Ф. Шапшал назначен по договору профессором кафедры анатомии, которую возглавляет до 1933 года. Упорным трудом проф. Шапшал быстро организует работу на кафедре. Высококвалифицированный преподаватель в Софии

он запомнился студентам так: «...темпераментный ученый с приятным басом, с большим педагогическим мастерством преподавал свой легкий материал, умело делая акцент на самом важном». В Болгарии И.Ф. Шашпал издает учебник «Анатомия человека» (ч. 1 – 1926 г., ч. 2 – 1927 г., ч. 3 – 1930 г.), который посвятил памяти своего учителя проф. Н.А. Батуева. Перевод на болгарский язык был сделан И. Рашевым, а иллюстрации – известным русским художником Николаем Борисовичем Глинским. Одна из частей учебника «Анатомия человека – сердце и внутренние органы» была переиздана в Софии в 1946 г. и 1948 г. Он стал первым учебником по анатомии человека на болгарском языке, по которому училось несколько поколений болгарских студентов. Шашпал первым вводит анатомическую терминологию на болгарском языке. В 1934 г. он работал участковым врачом в с. Рыждавица, Кюстендильской обл., потом на частной практике в Софии. Член правления «Союза русских врачей» (1938).

В 1955 г. его дочь Наталия (в замужестве Власова) с семьей уезжает в СССР, в Москву. Она тоже врач акушер-гинеколог, заведующая отделением московской клиники. Жена И.Ф. Шашпала Анна Севастьяновна похоронена в Москве. Младший брат Яков (09.02.1888, Санкт-Петербург – 17.03.1947, Гаага, Нидерланды) – художник.

Янишевский Алексей Эрастович (24.04.1873, Казань – 09.10.1936, русский участок ЦСК). Невролог. Учился в классической гимназии до 1892 года. Окончил с отличием медицинский факультет Казанского университета в 1897 году. До 1901 г. – ординатор в психиатрической клинике Казанского университета. В 1903 г. защищает докторскую диссертацию. В 1904 г. переходит в Одесский университет, вслед за своим учителем проф. Н.М. Поповым, где с 1904 по 1916 г. – приват-доцент по нервным болезням, а с 1916 по 1920 г. – профессор по нервным и психиатрическим болезням Одесского университета. Основатель первого в России специализированного санатория для нервных психических больных в г. Одессе. После эмиграции в Болгарию с 1 июля 1922 г. по 1 октября 1933 г. назна-

чен профессором по договору и заведующим кафедры нервных болезней медицинского факультета Софийского университета. Основывает и становится первым директором Клиники нервных болезней на факультете. Проф. Янишевского с правом можно назвать родоначальником болгарской неврологии в организационно-преподавательском и научном отношении. До создания двух клиник, А. Янишевским – по нервным болезням и Н.М. Поповым – по психиатрии, в Болгарии не было ни одного неврологического отделения. Душевных больных помещали в больницы в с. Карлуково и Бяла, г. Ловече и Софии, где их лечили интернисты, педиатры и хирурги. Открытие двух клиник способствовало подготовке узких специалистов по психиатрии и нервным болезням. Проф. Янишевский своей преподавательской и научной деятельностью развил у студентов интерес к неврологии. Став врачами, они прикладывали большие усилия в создании неврологических кабинетов и отделений в Болгарии. Прекрасный оратор и педагог проф. Янишевский очень увлекательно читал лекции, с демонстрацией наглядных пособий, проекцией гистологических препаратов, картинками и рисунками на доске. Присутствие на лекциях не было обязательным, но не было студента, который бы пропустил лекции проф. Янишевского. Благодаря своей всесторонней подготовке он смог оборудовать нервную клинику всеми соответствующими ей лабораториями с современными методами исследований. Его визиты к больным отличались способом осмотра, отношением к больным, тщательным исследованием, определением точного диагноза, что способствовало успешному лечению. Ассистенты и ординаторы всегда стремились не пропускать ни одной его визитации, а лечащие врачи хотели его консультаций и услышать компетентное мнение о своих больных. От него берет начало клинико-морфологическое направление болгарской невропатологии. Многие его ассистенты стали потом прекрасными специалистами-неврологами – профессора Н. Боев, Тр. Запрянов, Г. Узунов. Проф. Янишевский – автор учебников на

болгарском языке: «Симптомология на заболяванията на нервната система» (1923) и «Учебник по нервни болести» (1929) и монографии о летаргическом энцефалите. Он работал по проблемам неврологической соматики и сна. Имел больше 30 научных публикаций по проблемам неврологии. Член «Союза русских врачей», председатель Центрального объединенного комитета – органа, консолидировавшего русскую эмиграцию в Болгарии (1921–1931).

В 1934 г. проф. Янишевский переживает личную трагедию. В тот год инвалид, набрав грибов, явился в дом к Янишевским, жена профессора категорически отказалась их брать. На обратном пути он встретил профессора, который решил побаловать жену грибами. Потом тот же инвалид продал грибы семье А.А. Эйлера – уполномоченному «Союза Земских Городов» и в ресторан Юрия Старицкого. Первым попадает в больницу А. Эйлер, вслед за ним биолог Бибиков, сотрудник проф. Завьялова, и сам владелец ресторана Ю. Старицкий. Последними в больницу попадают Янишевские, которых нашли почти без сознания на следующее утро и везут в больницу Р. Берзина. В течении трех дней врачи делали все возможное для их спасения. В живых остались проф. Янишевский, Бибиков и Старицкий. Супруга профессора, его старший сын Михаил и А.А. Эйлер погибли. Младший сын Янишевского Андрей в то время был в провинции. Русская эмиграция тяжело пережила эту утрату, устроив им торжественные похороны на которых были представители швейцарского посольства, так как А.А. Эйлер был сыном известного швейцарского ученого-математика. Проф. Янишевский после этого долго болел и скончался 09.09.1936. Похоронен на русском участке ЦСК, рядом с женой и сыном. Жена Александра А., сыновья: Михаил, Андрей – геолог.

Краинский Николай Васильевич (13.05.1869, Киев – 19.07.1951, Харьков, СССР). Психолог, психолог, психиатр. Окончил Харьковский университет с отличием. Доктор медицины (1896). Старший врач Харьковской губернской пси-

хиатрической больницы (1898). Директор Новгородской (1899), Винницкой (1901) и Виленской (1902) окружных психиатрических больниц. Участник 1 Мировой войны – старший врач госпиталя для душевнобольных воинов. В 1917 г. приват-доцент кафедры неврологии и психиатрии Киевского университета. В 1919 г. эвакуирован в Новороссийск, затем на о-в Лемнос, затем в Болгарию. Профессор психиатрии в Софийском университете. Сформулировал идеи энергетической психологии. Участвовал в деятельности Русского научного института в Белграде. В 1928 г. стал профессором юридического факультета Белградского университета. В 1947 г. возвратился на родину. Жил в Харькове. Работал в Украинском психоневрологическом институте.

На медицинском факультете Софийского университета работало много русских медицинских сестер: **Черковская Евгения, Запольская Ольга, Змирлова Екатерина, Папашникова Людмила и др.**

В Болгарию попало много русских студентов из разных ВУЗов России, захваченных волной эмиграции. Сразу же в 1921 г. был основан «Союз русских студентов в Болгарии», в том же году было зарегистрировано около 800 человек, из которых 350 бывших военных. Выходцы из России имели право поступить в болгарские высшие учебные заведения на все факультеты, отделы и специализации. На каждом факультете Софийского университета был выделен определенный процент мест, предназначенных для русских эмигрантов. На медицинский факультет ежегодно принимали, 100 болгар и 10 русских с «нансеновскими» паспортами, причем предпочтение отдавалось мужчинам. Русские должны были набрать тот же «проходной балл», который набирали болгары. Эмигранты, получившие болгарское гражданство, были приравнены к болгарам и в «русскую квоту» не входили. Первые годы пребывания в Болгарии, эмигранты еще не владели болгарским языком, и в Софийском университете им часто разрешалось сдавать экзамены на русском языке, благо на всех факультетах университета работали русские преподаватели. Здесь

Сергей Семенович
Абрамов

Владимир Петро-
вич Воробьев

Василий Василье-
вич Завьялов

Дмитрий Дмит-
риевич Крылов

Александр Федоро-
вич Маньковский

Анатолий Константи-
нович Медведев

Николай Михайло-
вич Попов

Георгий
Ермолаевич Рейн

Илья Федорович
Шапшаль

Алексей Эрасто-
вич Янишевский

мне хочется, с глубокой благодарностью, вспомнить наставников русской молодежи, как преподавателей Русских гимназий, так и профессоров Софийского университета, которые по мере своих сил старались, чтобы русские студенты и в эмиграции оставались русскими людьми, любили бы Россию, чтобы в их плоть и кровь вошло все русское – история, культура, литература.

Медицинский факультет СУ с 1924 по 1946 г. окончили 102 студента из числа русских эмигрантов.

В СУ обучение было платным. «Союз русских студентов» располагал небольшими средствами для оплаты обучения и студенческим общежитием (на ул. Ивана Асена II, 9). Стипендии и право на проживание в общежитии давались с условием регулярного посещения лекций и сдачи семестровых экзаменов. Жизнь студенчества в те годы была очень непривлекательной. Например: в 1930 г. на медицинский факультет СУ поступает 47 русских, из общего числа поступающих в СУ – 146 русских. Получают стипендию – 52 человек, в размере 600–1 100 лв, при прожиточном минимуме в Софии в те годы 1 800– 2 000 лв. Около 30 человек получают пособие – 400 лв и бесплатные обеды и ужины. В студенческом общежитии жило около 70 человек, остальным приходилось снимать квартиры. Из-за высоких квартирных цен студенты ютились по чердакам и сырým подвалам и вынуждены были подрабатывать на жизнь. Кажется, не было физического труда, на который нельзя было бы найти «специалиста»-студента, начиная от строек, работ в шахтах, малярства, колки дров до статистов в Оперном театре. Но, несмотря на безденежье, студент-эмигрант теперь внешне, в отличие от старого типа русского студента с неподстриженной шевелюрой и в длинной рубашке, был всегда пострижен, хорошо одет, на вечерах в черном костюме со стоячим воротничком, и с вечным вопросом «где бы достать семь левов на пачку папирос» или «куда бы забежать напиться чаю?». И старые русские традиции тоже соблюдались. Весело и шумно отмечался студенческий праздник – Татьянин день в январе. Естественно, с горячительными напитками и веселыми

В.П. Чумаченко (в центре). 1927 г.

студенческими песнями. А потом опять возвращались к книгам, лекциям и экзаменам. Важно было получить диплом: «Долг исполнен, совесть спокойна». Окончив университет, русская молодежь стремилась применять полученные знания на практике, и распределялась врачами по городам и селам Болгарии. Мало было тех, кто продолжал учебу.

Дальше пойдет речь о русских врачах, окончивших Софийский университет.

Чумаченко Василий Платонович (06.03.1893, Новомосковск Запорожской обл. – 14.01.1940, София, Княжевское кладбище – русский участок). С 1914 г. по 1919 г. учился в Одесском университете на юридическом факультете. В начале 1920 г. эмигрировал в Болгарию. В 1930 г. окончил медицинский факультете СУ. Научным руководителем его дипломной работы был проф. А.Э. Янишевский. Учебу в СУ В.П. Чумаченко совмещал с работой фельдшера в больнице Русского инвалидного дома в с. Княжево. Заболел туберкулезом, в ходе лечения изучал эту болезнь и способы ее лечения. Это и определило его дальнейшую специализацию как врача. Год доктор В.П. Чумаченко работает участковым

врачом в с. Бяла (Сливенски Балкан). В 1936 г. открывает частный кабинет на ул. Марии Луизы, 13. Вечерами принимает в кабинете больных, днем работает в санатории на Горнобанском шоссе. За короткое время становится авторитетным врачом в области пульмонологии. В 1938 г. В.П. Чумаченко приобретает в собственности здание санатория, 6 дка земли, на которой оно находилось, и часть дома, где он жил с семьей. Делает капитальный ремонт здания и открывает санаторий для больных туберкулезом под названием «Витоша». Лечение в санатории проводилось самыми различными методами: физиотерапевтическими, диетологическими, хирургическими и даже кумысолечением. Кумыс привозил калмык от кобыл, которых В.П. Чумаченко нанимал в окрестностях г. Софии. В 1940 г. В.П. Чумаченко умирает от рака желудка, который был поздно обнаружен.

Жена Наталия Якоб (урожд. Ченгереску). Сыновья Петр, Платон – профессор, геолог.

Охотин Павел Алексеевич (ок.1893, Новая Ладога, Санкт-Петербург – 1963). В России учился на богослова. В 1930 г. окончил медицинский факультет СУ. Работал в Лицее В.П. Кузьминой, некоторое время – участковым врачом. Затем в качестве лечащего врача в санатории «Витоша» для туберкулезных больных у доктора В.П. Чумаченко. Был врачом в русском интернате для учащихся на ул. Черно море, 1, и долгие годы врачом в Русском инвалидном доме в с. Княжево. Образование богослова наложило отпечаток на его характер и манеру общения. Он подолгу беседовал со своими больными, проявляя внимание и заботу о них. Умер во время туристической поездки в родном Санкт-Петербурге.

Морозов Александр Васильевич. Наверное, если бы не события 1917 г., то продолжил бы военную карьеру своего рода. Но судьба распорядилась иначе, и он стал врачом.

Его дед по материнской линии **Павел Артемьевич Загорский** родился 01.04.1854 г. в Киевской губернии в семье военных. Окончил Уманское юнкерское училище в г. Одессе. Участник

Русско-турецкой войны 1877–78 годов. В составе войск действующей армии охранял Черноморское побережье Крыма. Награжден медалью «В память войны». После войны на военной службе: на Кавказе, затем в составе Восточносибирского стрелкового батальона. Вышел на пенсию штабс-капитаном резервного батальона № 209 в Николаеве. Был женат на вдове земледельца Ботезать, Аксинии Дмитриевне. Сын Николай был морским офицером в г. Николаеве.

Отец А.В. Морозова – **Василий Иванович Морозов** родился в 1888 г. в станице Семикаракорской Верхне-Донского округа. Окончил Новочеркасское военное училище в 1908 г., назначен хорунжим в 7-й Донской казачий полк, в рядах которого принимал участие в Первой мировой войне. В 1917 г. – командир 76-го Донского конного полка в армии генерала Краснова. В 1919 г. произведен Донским атаманом в полковники – «за боевые отличия», вскоре был назначен командиром 2-й отдельной Донской бригады. В 1920 г. бригада Морозова с корпусом генерала Слащова активно участвовала в обороне Крыма. Единственная часть, бригада Морозова, действующая в конном строю, которая участвовала в наступлении армии генерала Врангеля в Северной Таврии. За это В.И. Морозов был произведен в генерал-майоры и награжден орденом Св. Николая, а бригада была развернута во 2-ую сводную конную дивизию. Приказом 16.09.1920 раненый генерал Морозов назначен в распоряжение Донского атамана. Вместе с Донским корпусом он эвакуировался из Крыма на о. Лемнос, откуда переехал в Болгарию. Остановился на жительство в г. Пловдив, с женой Еленой Павловной Загорской и сыном Александром. В Пловдиве, благодаря своему военному образованию, которое давало гражданскую специальность инженера, работал инженером-землемером при строительстве дорог, мостов и т.п. В конце 1941 г. генерал Морозов одним из первых вступил в ряды РОК-а (русского охранного корпуса) в Югославии и командовал в нем Донским батальоном. После Второй мировой войны находился в лагере Келлерберг в Австрии. Скончался

в больнице г. Клагенфурт 30.01.1950. Похоронен на лагерном кладбище Келлерберга.

Его жена Елена Павловна жила с сыном А.В. Морозовым в Карлово. После кончины сына жила в Провадийском доме для престарелых.

Морозов Александр Васильевич (22.07.1910, Новочеркасск – 1973, Карлово). В 1923 г. вместе с отцом эмигрировал в Болгарию, в Пловдив. Окончил Пещерскую Русскую гимназию в 1929 году. С группой русской молодежи уехал на заработки во Францию, в г. Канны, где работал на железнодорожном заводе. Вечерами дополнительно подрабатывал в ресторанах – играл на мандолине в русском балалаечном оркестре. Собрав деньги, уехал в Бельгию и поступил на инженерное отделение института, основанного католическим обществом. Проучился 4 года, получая стипендию. Но для получения диплома и дальнейшей работы ему надо было принять католичество. От этого он отказался и вернулся в Болгарию. Закончить инженерное образование он не смог, так как тогда в Софийском университете не было инженерных дисциплин. И он поступил на медицинский факультет СУ, который окончил в феврале 1941 года. Участь в СУ, А.В. Морозов участвовал в деятельности русских организаций: «Дружество русских студентов при Софийском университете»; Культурно-просветительское русское молодежное дружество «Потешный Петра I Великого», помещая в газете юмористические стихи; дружество «Русский сокол». После окончания СУ, приняв болгарское гражданство, работает по распределению в с. Марикостиново (Петричская обл.), на самой границе с Грецией.

В 1940 г. состоялась свадьба А.В. Морозова с Ларисой Николаевной Шаповаленко (1917 г., г. Краснодар – 2002 г., г. София). Ее отец Николай Георгиевич Шаповаленко (1893 – 1976, г. Ницца) был сотрудником монархической газеты «Верный путь», издававшейся в Софии. Ее мать – Александра Иосифовна Каташова (1898, Феодосия – 1942, София). После развода с женой в 1930 г.

Николай Георгиевич Шаповаленко уезжает во Францию к брату, в Ниццу. Там он продолжает свою журналистскую деятельность. Во Францию уезжает и Л.Н. Шаповаленко, где, доучившись в школе при католическом монастыре, возвращается в Болгарию к матери и сестрам. В Пловдиве находит место гувернантки в богатой семье, где и знакомится с А.В. Морозовым.

В 1943 г. Морозов призван в армию и служит врачом в Дедеагаче. После демобилизации назначен областным врачом в с. Розовец (Карловская обл.). Затем работал главным врачом г. Карлово, после в областной больнице, в санатории с. Баня (около Карлово), на санитарно-эпидемиологической станции. В г. Карлово был известным и уважаемым врачом. Скончался в 1973 г. в г. Карлове, где и похоронен.

Его дочь Александра и сын Алексей окончили факультет русской филологии СУ.

Кобзарев Степан Александрович (25.12.1896, Воронеж). Окончил Софийский университет. Интернист. С 1929 г. работал в государственной больнице Варны, потом в Софии.

Крутилин Георгий Сергеевич (1903, Москва). Старший ассистент по хирургии в Высшем медицинском институте в Пловдиве (1948–1965).

Бельмер Юрий Федорович (1910, Москва). Старший ассистент по хирургии в Высшем медицинском институте в Пловдиве (1950–1956). Сын профессор Ф.К. Бельмер – экономист.

Владимирский Николай Николаевич. Сын протоиерея Н.Н. Владимирского. Работал в Плевне.

Глебова Валентина. Работала в провинции и в Софии.

Докучаев Николай Георгиевич (1901, Кисловодск – 1971, Видин) Вырос в Баку. Окончил кадетский корпус. Галлиполец. В Болгарии окончила Шуменскую Русскую гимназию и Софийский университет. Работал в разных местах Болгарии – в с. Белово, Болярово, Бориева, Деде-Агач, Стрелча.

Дружинин Василий Семенович. Работал в Министерстве Здравоохранения.

Иваней Вадим Михайлович (1913 – 1996, София, русский участок ЦСК). Окончил Софийскую русскую гимназию.

Иванов Пантелей Витальевич (1902, Павловск). Участковый врач в с. Брегово Видинской обл. (1932), и в г. Варна.

Иванюк Валентин Михайлович (1905, Санкт-Петербург). Городской врач в Свиленграде (1932).

Иванов Вениамин Иосифович (1902, Новочеркасск). Участковый врач с. Горна Манастирица Беленской обл. (1933).

Колесников Владимир Иванович (1905 – 1971, София, русский участок ЦСК). Работал интернистом санатория в с. Кокаляне.

Квятковский Федор (Годор) Петрович (1901, Пятигорск). Участковый врач с. Вырбица Плевенской обл. (1931)

Кузьмин Виктор Михайлович (1910, Москва). Работал в государственной больнице Софии. (1935).

Лукьяновский Виктор Алексеевич (02.09.1911, Санкт-Петербург – 21.02.1981, русский участок ЦСК). Ветеринарный врач. Окончил Софийский ветеринарный институт (1938). Работал ветеринарным врачом в Кубратском округе, затем был управляющим ветеринарного заведения Елин-Пелинской области, а потом и ветеринарным врачом в с. Равно поле рядом с Софией. Жена Вера Исидоровна (урожд. Айзенштайн), сын Алексей – ветеринарный врач.

Латальская Валерия Митрофановна (1905, Евпатория). Участковый врач в с. Криводол, Врачанская обл., потом работала в Софии.

Нечаева Елена Дмитриевна (17.04.1929, Панчево, Югославия – 09.04.2004, русский участок ЦСК.). В 1948 г. за распространение листовок с призывом за дружбу с СССР группу югославской молодежи, куда входили и военные курсанты приговорили к 20 годам тюремного заключения. В их числе была и Елена Дмитриевна. После отбытия шестилетнего срока заключения в 1954 г. Елена Дмитриевна была выслана в Болгарию. Окончила медицинский факультет Софийского университета.

Работала врачом в г. Станке Димитров (Дупница) в больнице и поликлинике при Министерстве транспорта. Была очень добрым и отзывчивым человеком. Муж Сергей Николаевич Безак.

Мионов Сергей Петрович (16.07.1903, ст. Урупинская – 06.07.1981). Окончил медицинский факультет Софийского Университета. Работал сельским врачом в с. Крупник Благоевградской обл., затем в Софии школьным врачом. Член приходского совета Русской церкви. Жена Раиса Михайловна (урожд. Похлебина). Дети Ольга (в замужестве Михайлова) – врач.

Матвеев Михаил Федорович.(1901, Лебедин Харьковской губ.). Эвакуировался из Крыма вместе с отцом и братом Федором, отец умер в дороге. Братья приехали в Варну. Михаил окончил Шуменскую Русскую гимназию с серебряной медалью и получил стипендию для дальнейшего образования. Поступает на медицинский факультет Софийского университета, затем переводится в Загребский университет. После окончания учебы возвратился в Болгарию. Работал участковым врачом в селах около г. Шумена, г. Омуртаг, с. Кремиковци. Проходит специализацию по отоларинтологии в Софии. Заведующий отоларинтологическим кабинетом при рабочем диспансере (1938). В 1942 г. был на год интернирован в с. Бели Искър. Перед пенсией работал заведующим отоларинтологическим кабинетом в объединенной городской больнице г. Варна. Был известен среди пациентов как прекрасный хирург и диагностик. Жена Йорданка, дети Анна, Дмитрий.

Назаров Константин Тихонович(1902, Каменск). Участковый врач в с. Пиргово Русенской обл.(1933)

Никифоров Николай Михайлович (1903, Симферополь). В 1933 г. участковый врач в с. Градинарово Провадийской обл., затем работал в Софии.

Никулин Иван Николаевич (09.10.1900, ст. Государственная – 02.07.1959)

Астапенко Николай Владимирович (1905, Воронеж). Участковый врач с. Михайлово Сливенской обл.

Пташников Сергей Владимирович (1905 г., г. Харьков). Участковый врач с. Бяла Сливенской обл.(1933)

Талаков Александр. Врач. Работал в Медицинской академии.

Гребнева Анна (1899 – 1943, русский участок ЦСК).

Рахмий Георгий Михайлович (1901, Мариуполь). Работал в государственной больнице Пловдива (1930).

Слуцкий Евгений Васильевич (1922., Умань). Участковый врач в с. Присека Ловечской обл. (1933)

Бендерева Татьяна Анастасьевна (в замужестве Шервашидзе) (1901, Тифлис – 1988, София). Участковый врач с. Доброславци, Софийская обл., затем зав. кожным отделением Окружной больницы г. София и врач на шахте «Бобов дол».

Алаторцев Андрей Иванович (1899, Новочеркасск). Участковый врач с. Елешница, Софийская обл.

Биндусов Николай Иванович (1900, Воронеж – 1976, София, русский участок ЦСК). Участковый врач в с. Оброчище, Харманлийской обл.(1932)

Власьева Лидия Владимировна (1903, Белгород). Начальник «Совещателна станция» в г. Видине (1935).

Гербеев Георгий Андреевич (1898, Потти). Участковый врач с. Тетово, Кубратская обл.(1933г.).

Глинская Лидия Николаевна (1900, Екатеринодар). Частная практика по внутренним болезням в Софии (1934).

Грабовская Евгения Алексеевна (1905, Москва). На частной практике в г. Враца (1930).

Жуковский Борис Валерьянович (1898, Одесса) и **Жуковская Алла Борисовна** (1898, Одесса). Оба работали на частной практике в с. Липница Оряховской обл. (1931)

Енишерлов Константин Иванович (1901, Курск). Участковый врач в Сопоте (1932).

Фелицин Александр (1914, Камышин Саратовской губ. – 1947, русский участок ЦСК). Окончил Софийскую русскую гимназию и Медицинский факультет Софийского университета. Был распределен в с. Попово. Там заразился столбняком и умер.

Харьковский Николай. Работал в г. Стара Загора. Жена Татьяна, дочь Александра (в замуж. Московская).

Чигирева-Окишор Мария Григорьевна (1902, Благовещенск – 1947, русский участок ЦСК). Работала на частной практике в Пловдиве, потом в Софии.

Чеперев Сергей Петрович (1902, Новочеркасск). Участковый врач с. Сулица Старозагорской обл.

Цицерошин Николай Николаевич (1907, Рига). Участковый врач в с. Завет Исперихтской обл.

Феодоров Сергей Григорьевич (1898, Курск). Городской лекарь в Ивайловграде.

Щекатурин Владивир Михайлович (1902, Новочеркасск). Работал в с. Копривец Беленской обл.

Шведченко Петр Васильевич (1893, Воронеж). Участковый врач в с. Неделино Царибродской обл.

В сентябре 1954 г. русской эмиграции в Болгарии Советское правительство предложило вернуться на Родину и работать на освоение целинных земель. «...Вернуться на Родину!». С 5 мая 1955 г. до конца 1958 г. около 5000 русских уехало в СССР. Среди них было много врачей, окончивших Софийский университет и имевших в Болгарии уже установившуюся врачебную практику.

Из работавших врачей в провинции, уехали: **Енишеров К.И., Бородин, Кветковский Ф.П., Остапенко Н.,** и др.

Карамышев Дмитрий. Работал в 4-й поликлинике Софии. В СССР работал в Казахстане, Омске. Умер в Кисловодске.

Карамышева-Докучаева Раиса Спиридоновна (урожд. Шопова). Работала медицинской сестрой в Медицинской академии. Супруга доктора Н.Г. Докучаева. В СССР работала в Казахстане, Омске. Умерла в 1976 г. в Рязанской обл.

Неклюдов Михаил Юлианович. Внук ветерана Русско-турецкой войны 1877–78 гг. полковника Неклюдова А.А., участвовавшего в составе 80-го пехотного Кабардинского полка в сражениях под г. Лом и Бяла. Позже переведен на Кавказский фронт.

Эмигрировал вместе с семьей в Болгарию. Скончался в 1934 г. и похоронен на 91 Мемориальном участке ЦСК. Неклюдов М.Ю. учился в Шуменской русской гимназии. В 1938 г. окончил медицинский факультет СУ. Интернист. Назначен врачом в с. Калояновец Старозагорской обл. Затем работал в Софии. В 1956 г. по репатриации уехал в Грузию и живет в своем родовом доме в г. Тетри-Цкаро (его отец Неклюдов Ю.А. родился и вырос в Грузии в Кутаиси). Работал долгое время врачом и пользовался большой популярностью и любовью. Получает звание заслуженного врача Грузинской ССР, несколько правительственных наград и избран почетным гражданином г. Тетри-Цкаро.

Левков Александр Александрович (15.05.1916, Мариуполь – 06.04.1996, Тюмень). Дерматолог. Профессор. Учился в Варненской русской гимназии, после ее закрытия заканчивал образование в Софийской русской гимназии. Окончил медицинский факультет СУ, после чего был сразу призван в армию. Служил врачом в воинской части в г. Деде-Агач. После службы в армии работал ассистентом в кожно-венерологическом отделении Александровской больницы. Защитил диссертацию. В 1955 г. вместе с семьей уехал в СССР по репатриации. В поисках работы поменял несколько городов – Орел, Магнитогорск, Уфа, Тюмень. Пришлось снова защищать диссертацию в Москве, так как болгарская диссертация в СССР не засчитывалась. Работал заведующим кафедрой кожно-венерологических болезней Медицинского института г. Тюмени с 1964 г. до выхода на пенсию. Был известным и признанным специалистом в городе. Даже после выхода на пенсию к нему обращались больные, которые считались неизлечимыми. Его жена, Любовь Пелехина, дочь ветерана Русско-турецкой войны 1877–78 гг. полковника Пелехина П.П., жившего после 1920 г. в Софии, живет в Тюмени. Сыновья Александр, Павел.

Левков Василий Александрович (25.06.1917, Мариуполь – 26.05.1991 г., г. Москва). Учился в Варненской русской гимназии,

после ее закрытия перешел в Софийскую русскую гимназию, которую окончил с серебряной медалью. В 1941 г. окончил медицинский факультет СУ. Сразу после окончания университета был призван в армию, так как принял болгарское гражданство. Служил в г. Плевен. Был распределен врачом в с. Катунец, Ловечская обл., потом в с. Угырчин. С 1945 г. – ассистент по судебной медицине в Александровской больнице. Защитил диссертацию. В 1955 г. по репатриации уехал в СССР вместе с дочерью от первого брака и известной балериной В. Вербевой. Начал работу в г. Магнитогорске судебным медицинским экспертом. Некоторое время работал в Воскресенске (Московская область), а затем в Москве. Диссертацию, защищенную в Болгарии, в СССР не признали. До выхода на пенсию работал старшим медицинским экспертом, заведующим лабораторией гистологии в Московской областной судебной экспертизе. По его стопам пошел его сын от второго брака Алексей – врач-хирург 67-й больницы Москвы.

Румянцев Николай Николаевич. Родился в 1921 г. в Галлиполи. Отец полковник Румянцев Николай Кузьмич до 1944 г. был начальником популярной среди русской молодежи Национальной организации русских разведчиков (НОРР). Румянцев Н.Н. после окончания СУ работал в больницах в городах Плевен и Бургас. Специалист-уролог по туберкулезу почек. В 1956 г. уехал в СССР, в Казахстан вместе с матерью, женой Ангор и двумя сыновьями. Затем переехал в Армавир, где прожил 5 лет. После развода с Ангор, женился вторично на учительнице из Армавира и уехал с ней и матерью в Свердловск.

В 1950-е гг. подросло и вступило в жизнь третье поколение русской эмиграции и многие из них выбрали профессию врача. Времена другие. Высшее образование стало бесплатным, медиков учат в Медицинской Академии им. В. Червенкова, студенчество стало веселое и беззаботное.

В эти годы в Болгарию приехало на постоянное жительство много россиян, которых, в отличие от русских эмигрантов – беженцев,

привела в Болгарию Любовь. Много русских, вступивших в брак с болгарами, создавали счастливые семьи, усиленно учили болгарский язык, работали и растили детей. И среди них были врачи. Но я упомяну только врача, родившегося в эмиграции и русского врача, родившегося в России – оба дворянского происхождения.

Сорокин Иван Всеволодович (1962, Руса). Его прабабушка Екатерина Алексеевна из рода Радзивиллов. Появившись в XIII в. в Литве, князья Радзивиллы в XVIII в указом Императора стали русским родом. Екатерина Алексеевна вышла замуж за Дмитрия Сорокина. В 1889 г. в Москве родился дед Ивана Всеволодовича – Иван Дмитриевич Сорокин. Князья Радзивиллы были известны своим меценатством и музыкальной деятельностью. Его дед оканчивает Московскую синодальную школу, затем Консерваторию и становится дирижером кафедрального хора. В 1918 г. И.Д. Сорокин – военный дирижер-инструктор, в чине поручика Добровольческой армии генерала Врангеля. Переехал в Болгарию в Плевен. Здесь женился на болгарке Тине. Был приглашен занять пост регента церковного хора в Русе. И.Д. Сорокин был хорошо образованным человеком, владел совершенстве французским и немецким языками. Его сын Всеволод родился в 1925 г. в Париже, когда его родители находились там на международном музыкальном фестивале. Иван Всеволодович – врач по внутренним болезням, стал семейным врачом в Руссе. Знает шесть языков. Он рос в семье, где главным считалось хорошее воспитание, общая культура и личные качества. «Воспитание человека начинается за 100 лет до его рождения, – говорит И. Сорокин – и я стараюсь беречь те ценности, в которых был воспитан».

В 1990-х гг. в Софии был основан Дворянский союз, который объединил около 50 русских дворян под председательством князя Л. Ратиева, туда входили Б.Е. Комаров и И.В. Сорокин. Сейчас там осталось около 10 человек.

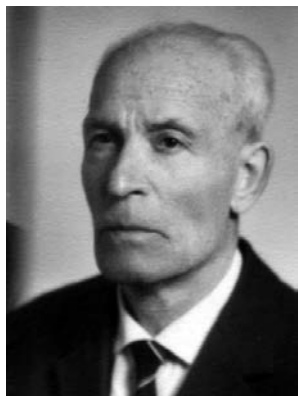
В 2000 г. И. Сорокин как потомок Радзивиллов был приглашен князем Голицыным на 4-ю Международную конференцию потомков русского дворянства в Москве.

Христова Ариадна Сократовна родилась в 1909 г. в обеспеченной дворянской семье на Урале, в Перми. Ее отец Сократ Фемистоклович Балдин был довольно одаренной личностью: играл на нескольких инструментах, сочинял музыку. Дядя Силуан Фемистоклович Балдин (1871–1961, США) был генералом армии А.В. Колчака. Окончил Симбирский кадетский корпус, потом Николаевскую военно-инженерную академию в Санкт-Петербурге. Военный инженер, профессор в Петербургском техническом училище. В 1918 г. служил в штабе Сибирской армии. В 1920 г. эмигрировал в США.

После революции семья А. Христовой вынуждена была переехать в Читу. В 1938 г. А.С. Христова окончила с отличием IV Медицинский институт. Работала лечащим врачом в пос. Перловка, поступила в аспирантуру Института микробиологии и эпидемиологии АН СССР. Во время войны в 1942 г. отправилась на фронт врачом-специалистом в санитарно-эпидемиологическую лабораторию при полевом хирургическом госпитале в составе Кавалерийского корпуса. А. Христова прошла всю войну от Москвы до Берлина, за боевые заслуги награждена рядом правительственными наградами. В 1945 г. вернулась в свой Институт в тифозно-брюшную лабораторию, в 1948 г. защитила диссертацию. Вышла замуж за болгарина Владимира Христова, окончившего Военно-воздушную академию им. Жуковского в Москве и в 1950 г. приехала в Болгарию. Была принята на работу в Научно-исследовательский военномедицинский институт в лабораторию микробиологии. Стала начальником отдела и получила воинское звание полковника медицинской службы.

А. Христова внесла большой вклад в болгарскую медицину, в части бактериологических исследований. Она автор нескольких научных работ. Ею сконструирован портативный санитарно-эпидемиологический комплект взятия проб для бактериологических исследований. Имеет ряд болгарских учеников и последователей. Скончалась в 2011 г. в Софии.

Свой вклад в болгарскую медицину внесла еще одна наша ученая соотечественница – **Сыбева Валентина Федотовна**. Выйдя замуж за болгарина, в 1936 г. переехала в Болгарию. Была одной из ведущих научных сотрудников и организаторов Института эпидемиологии и паразитологии БАН, работала над созданием в Болгарии вакцины против оспы.

Владимир Иванович
Колесников

Василий
Александрович Левков

Левковы Александр
(слева) и Василий

Михаил Федорович
Матвеев

Татьяна Анастасьевна
Бендерева

Александр Васильевич
Морозов с женой

Сергей Петрович
Миронов

Александр Фелицин

Ариадна Сократовна
Христова

Николай Харьковский с женой

*Платон Чумаченко, Святослав Петрусенко,
Ирина Лысенко-Чехларова*

Болгарские геологи белоэмигрантского происхождения

К сожалению никто, из российских геологов царских времен не эмигрировал в Болгарию или, по крайней мере, не обосновался и не работал геологом в Болгарии.

Только Ю. Бендерев, Р.С. Берегов, Н.М. Выходцевский и А.А. Янишевский, которые родились в Российской империи, эвакуировались со своими семьями в Болгарию. Они белоэмигранты первого поколения. Все остальные геологи являются вторым или последующим поколением белых эмигрантов.

Первое поколение геологов-белоэмигрантов

Бендерев Юрий Александрович (1912, Баку – 1954, София). Горный инженер. Окончил Софийскую русскую гимназию, а потом Католический университет в Левене (Бельгия). Работал на рудниках «Чумерна» и «Пернию». Мастер спорта по шахматам. Его именем назван шахматный клуб в г. Пернике. Жена: Нина Христофорова (урожд. Бурова). Сын: Александр – горный инженер.

Берегов Ростислав Сергеевич (23.12.1908, Санкт Петербург – 13.06.1946, Севлиево). В 1920 г. закончил 1 класс реального училища Севастополя и 12-летним мальчиком эвакуировался

в Болгарию вместе со своей семьей. В Софии окончил классическую гимназию и поступил в 1925 г. в Софийский университет на факультет естественной истории, который окончил в 1931 году. В 1931/1932 учебному году работал учителем в русской школе в Софии. В 1932 г. поступил в Геологический институт Софийского университета. Проявил себя разносторонним специалистом. В 1932 г. начала научную и преподавательскую карьеру начал в Геологическом институте Университета. На протяжении 4 лет работал в институте и в 1933 г. опубликовал свой первый научный труд «Титон в Юго-Западной Болгарии». Здесь же в 1935 г., он закончил докторскую диссертацию «Геология западной части окрестностей города Радомира». В 1936 г. Берегов работает геологом в секции изысканий Минного отделения. После активной десятилетней работы его выдвинули на должность начальника геологического картирования и изысканий Болгарии в Главной Дирекции природных богатств. Р. Берегов провел геологические изыскания и в Перникском угленосном бассейне. Также изучал третичные образования, в результате чего указал на возможную угленосную перспективу Бобовдолского бассейна – до того времени неизвестного. Изучал третичные, и в особенности верхнемеловые горючие сланцы района Брезника.

Обобщил данные о третичных седиментах Болгарии в монографическом сборнике о геологии Болгарии (1946), что явилось апофеозом его работы.

Берегов руководил и поисковыми работами при изучении геологии фундамента водохранилища имени «Александра Стамболийского» недалеко от города Севлиево, в Северной Болгарии. 13 июня 1946 г. Р. Берегов трагически погиб, участвуя в спасательных работах в геологической выработке. Он спустился в шурф, чтобы вытащить оттуда шахтера, и умер из-за отравления газами.

Ростислав Берегов – автор и соавтор 17 научных работ. О нем, о его творческой и человеческой биографии написаны четыре статьи видными болгарскими геологами.

Выходцевский Николай М. (11.05.1912, Санкт-Петербург – 1995, София). Родился в семье военного, в 1924 г. прибыл в Болгарию. Здесь окончил среднюю школу, изучал естественные науки в Софийском университете. Работал специалистом в Национальной Биологической станции в Варне, потом перешел в Институт зоологии Болгарской академии наук в Софии. После окончания университета он собирал геологические коллекции для университета. Это и есть его вклад в геологию Болгарии.

Янишевский Андрей Алексеевич (20.02.1904, Одесса – 6.02.1949, София), доцент. Геолог украинского происхождения. Его отец проф. А.Э. Янишевский с переездом в Болгарию стал руководителем кафедры неврологии Софийского университета. Андрей Янишевский поступил в Софийский университет, но из-за трагической смерти своей невесты уехал во Францию, где в 1934 г. окончил курс геологии в университете Нанси (Северная Франция). Другой несчастный случай негативно отразился на его психике. Почти вся его семья: брат, мать, отец отравились грибами и скончались. Андрей Янишевский не смог защитить докторскую диссертацию, потому что в ней он выдвигал много новых идей, которые не были одобрены старыми болгарскими геологами. Они предложили ему отказаться от этих новых революционных идей и, переработав свои тезисы, представить работу снова. Но он отказался от этого предложения.

С 1939 по 1949 г. работал в Главной Дирекции природных богатств. Является основоположником региональной геологии горы Странжи (юго-восточная Болгария), геологического строения Центральных и Восточных Родоп и юры Юго-Западной Болгарии.

В 1948 г. д-р А.А. Янишевский выбран секретарем Руководства Болгарского геологического общества (БГД). Трагически погиб 6 февраля 1949 г., из-за своего плохого зрения упав с незаконченной лестницы Горно-геологического института, где работал

доцентом кафедры геологии рудных месторождений. Автор 9 научных статей.

Второе поколение геологов-белоэмигрантов

Барановская Нина Борисовна (1932) – окончила геологический факультет в Софийском университете. Некоторое время работала геологом в нефтяной лаборатории Геологического института БАН, позже перешла на работу в Научный институт строительства (НИСИ) в Софии.

Барская Соня Ильинична (14.06.1924, Перник – 14.06.2009, София). Ее бабушка и бабушка с детьми эвакуировались из России на пароходе. По дороге бабушка умерла от холеры. Приехав в Болгарию, они вместе со многими русскими эмигрантами поселились в Пернике. Там ее отец Илья женился на болгарке Карамфиле и открыл магазинчик тканей. У них родилась дочь Соня, названная так в честь бабушки. Соня окончила Софийский университет и работала там ассистентом по минералогии и кристаллографии. Позже перешла в минералогическую лабораторию предприятия для поиска редкометальных руд «Бухово». Она была преподавательницей у многих выпусков болгарских геологов, и долгие годы руководила минералогическим кружком. У нее 6 публикаций, имеющих практическую направленность.

Бендеревы Ксения Дмитриевна и Алексей Дмитриевич. Их прадед, горнооряховский учитель Никола Бендерев в 1867 г. был участником Апрельского восстания болгар против турок. Никола Бендерев был членом Центрального, а его младший брат Анастас – местного революционного комитета Первого революционного округа. Анастас Бендерев окончил с отличием Софийское военное училище, был ротмистром и героем сербско-болгарской войны 1885 года. Он один из организаторов и участ-

ников в детронации болгарского князя Александра Батемберга, затем эмигрировал в Россию, где дослужился до чина генерал-лейтенанта. После революции вернулся в Болгарию.

Никола Бендерев после Освобождения Болгарии от турецкого ига стал директором Тырновской гимназии и одним из учредителей Болгарского археологического общества. В результате пребывания в турецкой тюрьме после разгрома Апрельского восстания, умер молодым, оставив сиротами 4 детей: троих сыновей и дочь. Позднее всех их взял в Россию дядя Анастас и обеспечил им хорошее образование. Мальчики закончили Николаевскую инженерную академию.

Отец Ксении и Алексея Д.А. Бендерев родился в 1914 г. в Эстонии в Таллине, скончался в Софии в 2009 г., мать – Елизавета Семеновна Бендерева, родилась в 1916 г. в д. Липяги Самарской области, скончалась в Софии в 2004 года.

Бендерева Ксения Дмитриевна (12.07.1950, София), инженер. Ксения Бендерева закончила Горно-геологический университет Св. Ивана Рильского, кафедру «Геология и изыскания рудных месторождений». Долгое время работала на Предприятии геологии и геофизики в Софии, в группе интерпретации сейсмических данных и подготовки паспортов структур для нефтяного бурения. Занималась интерпретацией сейсмических материалов, подготовкой проектов, отчетов, докладов и паспортов площадок: Новачене, Попово, Староселци, Д. Луковит, Крушовене, Бреница-Писарово, Крива бара-Бутан, Мизия, Гостиля, Новачене, Севлиево, Кривая бара, Селановци, Галово, Търнава, Бяла Слатина, Кнежа, Ботевград, Белене (для АЕЦ) и др.

Ксения Дмитриевна является соавтором многих региональных разработок. Приняла участие во многих геологических конгрессах и конференциях: Карпато-балканская геологическая ассоциация, Балканское геофизическое общество и т. д. Автор и соавтор более 20 научных публикаций и многих ведомственных геологических отчетов. В 2011 г. вышла на пенсию.

Бендерев Алексей Дмитриевич (30 июля 1954 г., София). С.н.с. II ст., доктор. Алексей Бендерев окончил 19 СПГ «Елин Пелин», София, Горно-Геологический университет Св. Ивана Рильского в 1979 г. по специальности «гидрогеология и инженерная геология». В 1990 г. защитил докторскую диссертацию по теме «Карст и карстовые воды в Понор планине». Аспирантура в МГУ (1979–1983); научный сотрудник НИПИ-КГ в Софии (1983–1994); с 1995 по сегодняшний день – Геологический институт БАН, с.н.с. II ст. (с 1998); руководитель секции гидрогеологии при Геологическом институте БАН (с 2004).

Области работ: региональная гидрогеология, гидрогеология карста, термальные воды, охрана окружающей среды.

Член Болгарского геологического общества и Международная ассоциации гидрогеологов.

Автор и соавтор более 80 публикаций, опубликованных в болгарских и международных геологических и гидрогеологических журналах.

Гаврилиус Александра Александровна (1930, София). Окончила Софийский университет в 1954 году. Работала в отделе Нерудных полезных ископаемых Комитета геологии. Вышла замуж за болгарина, но сохранила свою девичью фамилию. Ее отец Александр Павлович в 1924–1925 гг. работал в Софии встолярной мастерской князя Александра Ратиева (Ратиашвили).

Гноевая Надежда Андреевна (12.09.1929, Прилеп, Македония – 20.02.1994, София). Украинского происхождения. Ее дед – атаман казачьих войск, отец девятерых детей. Со старшим сыном Андреем после Гражданской войны эвакуировался в Югославию и обосновался в г. Прилеп в Македонии. Мать Ольга (учительница) осталась в России. Она многожды добивалась разрешения выехать к мужу и, в конце концов, сам Калинин разрешил ей отправиться в Югославию. Там у них родились три сына и дочь Надежда. Позже семья переехала в Белград, где отец работал инженером во-

доснабжения. Надежда Андреевна поступила на геологический факультет в Белградский университет, но по решению Коминтерна 1948 г. их вместе с другими русскими выгнали из Югославии. Надя с родителями и братьями приехала в Болгарию. Продолжила свою учебу в Софийском университете. Ее брат Юра поступил в балетную труппу Федора Лобанова. В 1956 г. родители и ее братья вернулись в СССР, где после долгих перипетий, обосновались в Днепропетровске на Украине, на родине предков. Надя осталась в Болгарии и вышла замуж за проф. Бояна Алексиева, известного специалиста по литологии седиментных пород, открывателя цеолитовых минералов в Болгарии. Надежда Гноевая стала специалистом по изучению минерало-петрографических особенностей осадочных пород Болгарии. Она изучала верхнемеловые сидеритовые конкреции месторождения Шешкинграда (район Сливена). Внесла большой вклад в изучение псаммитовых пород и конкреций Добруджанского карбонского угольного бассейна. Своими литологическими исследованиями способствовала проведению сопоставления угленосных слоев, дала их литофациальную характеристику, участвовала в изучении каолиновых пород того же бассейна. Опубликовала исследования конгломератных галок в керне глубокой скважины Р-3 Ветрино, Варненской области, минерало-петрографическую характеристику юрских седиментов глубоких скважин в районе г. Тырговище (северо-восточная Болгария). Особый вклад она внесла в изучении литологической характеристики триасовых пород из естественных обнажений Северо-Западной и частично в скважинах Северо-Восточной Болгарии. Очень много работала и по изучению горючих сланцев у с. Красавы, вблизи города Брезника, ЮЗ Болгарии, а также с. Гурково, Боровдол (Старая Планина) и Копринка, недалеко от г. Казанлык. Участие в разностороннем коллективном изучении геологической истории территории Северной Болгарии. Надежда Гноевая автор и соавтор более 20 работ по литологии и минералогии осадочных пород Болгарии, как из поверхностных обнажений, так и из глубоких поисковых скважин.

Гольшева Зоя Дмитриевна (1931, Севлиево). Ее отец, донской казак Дмитрий Федорович Гольшев родился 8 ноября 1898 г. в городе Темрюк Екатеринодарского (ныне Краснодарского) края. Вместе с Белой армией через Турцию приехал в Болгарию и обосновался в г. Севлиево Северной Болгарии. Там женился на болгарке Анне Тотеовой-Матеевой, работал машинным монтером. Умер в Севлиево 13.06.1950 года.

Дочь Зоя родилась 17 марта 1931 г. в Севлиево, там окончила начальную и среднюю школу. В 1956 г. изучала геологию на биолого-геолого-географическом факультете Софийского университета. Зоя Гольшева работала геологом на угольных шахтах Чумерны Балканского угольного бассейна. В 1967–1968 гг. работала геологом на руднике Говежда (северо-западная Болгария). После этого по семейным причинам перешла на другую работу и вернулась в родной город Севлиево.

Гурин Александр Степанович (1937, София) окончил геологический факультет в Софийском университете Св. Климента Охридского в 1963 году. Работал в Транспроекте, где проводил геологические исследования, связанные с железными дорогами Болгарии. Работал по изучению геологии тоннелей и трассы железной дороги, которая должна была связать Софию с Скопьем.

князь Докучаев Светослав Николаевич (13.11.1933, София). Его отец, князь Николай Георгиевич, родился в Кисловодске (1.03.1901), жил и вырос в Баку. Дед Светослава Николаевича, князь Георгий Николаевич Докучаев был генералом, супруга – Мария Федоровна Серебрянова.

Интересно то, что генерал не захотел воевать ни на стороне красных, ни на стороне белых. Для него это была в первую очередь братоубийственная война, а не война между идеологиями. Он демобилизовался и работал бухгалтером. У них было два сына: Николай и Иван, и четыре дочери: Шура, Маня, Таня и Катя. Вместе с братом эвакуировался и обосновался в лагере

Галлиполи. Приехав в Болгарию шестнадцатилетним, окончил русскую гимназию в Шумене. В 1933 г. окончил медицинский факультет Софийского университета. Работал врачом в разных частях Болгарии. Женился на болгарке Славке Тодоровой. Умер 20.03.1970 в Видине.

Мать Светослава Николаевича, Раиса Спиридоновна Карамышева-Докучаева (по отцу Шопова) работала в Софии сестрой милосердия, в 1955 г. вернулась на Родину. До 1947 г. Светослав учился во французском колледже Св. Кирилла и Мефодия, а в 1953 г. окончил болгарскую V единую школу в районе Павлово, София. Год проработал подземным коллектором на руднике «Долна Петровица», Маданского рудного бассейна, потом поступил на геологический факультет Софийского университета. После окончания учебы в 1959 г. работал на руднике Момчил юнак, близ деревни Манастир, в Лыкинском рудном бассейне в Родобах. В 1960 г. перешел на работу геологом в рудник Конски дол в Маданском рудном бассейне. Через некоторое время поступил на работу в «Лакпром», где отвечал за поступления известняка для изготовления карбита. Два раза (1963–1968 и 1974–1976) его посылали на работу в Алжир, где он проявил себя отличным специалистом и администратором. После возвращения из Алжира Светослав Докучаев продолжил работать в НИПРОРУДА в Софии, где отвечал за информационную службу и был редактором геологических проектов и зарубежных работ, проводимых НИПРОРУДА. В 1993 г. вышел на пенсию. Имеет 2 публикации по информатике в геологических науках.

Лиляна Трифонова-Докучаева (1936, София), супруга С.Н. Докучаева. Окончила Софийский университет в 1959 году. Работала вместе с Светославом в Лыхах и в Борниеве, Маданского рудного бассейна. Позже поступила на работу в Геологическую информационную службу Горно-геологического университета в Софии.

Климов Игорь Александрович (10.12.1953, Разлог Благоевградского округа). Его дедушка Александр Дмитриевич Климов родился 10.12.1899 в Пятигорске; после эмиграционных странствий осел в Разлоге, где женился на Ольге Петровне Михайловой (род. 1909), которая попала в эмиграцию еще маленькой девочкой вместе с отцом, кадровым военным. У них родились сын Валентин (30.04.1928) и дочь Ирина Александровна (19.11.1929). Игорь Климов получил начальное и среднее образование в Разлоге (1971). Отбыв воинскую повинность, поступил в Софийский Университет Св. Климента Охридского и в 1979 г. получил диплом геолога-геохимика. Дипломная работа была посвящена минералогии марганцевых скарнов в Пирине. После университета в основном работал в геологическом картировании: крупномасштабное топоминералогическое картирование, поисково-оценочные работы разного масштаба (металлы, минеральное сырье, облицовочные камни, минералы и др.). Этим же занимался в Монголии, и Македонии. Несколько лет пробыл геологом и куратором в музее «Земьята и хората» в Софии. В Болгарии работал в Софии в ППП и ГК, отделе геологии и геофизики АД, Институте прикладной минералогии, в НМ «Земьята и хората» и др. Вел полевые работы в Риле, в Западных и Восточных Родопах, в ЮЗ Болгарии: Пирин, Славянка, Стъргач, в СЗ Болгарии, в Белоградчикском районе, в Краиштенской области: Беласица, Огражден, Осогово, Лисец, Пиянец, в Огражданской области: Беласица, Ограждане.

Основные интересы в геологии: полевые работы и геологическая фактология в широком смысле слова; минералогия, магматические тела, высокотемпературные образования (метасоматиты) – марганцевые скарны и роговики, грейзены, кварцевые жилы, пегматиты, оруденения, структуры, редкостные низкотемпературные минеральные образования в метавольфрамитах и др. Занимался месторождениями строительных материалов (известняки, доломиты, граниты, мраморы, четвертичные породы и пр.).

Автор и соавтор 4 публикаций.

Климова Радка (1960) (супруга Игоря Климова). Геолог по образованию, долгое время проработала по профессии. В последнее время работает компьютерным специалистом в НИИ «Геология и геофизика» АД, где разрабатывает компьютерные варианты геологических карт в масштабе 1 : 50 000 в ArcGIS среде. Графическая информация этих карт передается и хранится в специализированной геобазе данных. Их дочь Ирина (род. 1989), студентка 2 курса Венского экономического университета.

Корчаков Анатолий Николаевич (1.10.1942, Хасково). Его отец Николай Корчаков малолетним вместе со старшим братом приехал в Болгарию. Они обосновались в Хасково, позже там женились на болгарках. У Николая родился сын Анатолий. В 1968 г. Анатолий окончил Софийский университет и поступил на работу в Водпроект. Работал инженером-геологом-гидрогеологом. Занимался всю свою жизнь поисками воды в долине Дуная между городами Руссе и Силистра. Автор и соавтор многих производственных отчетов, которые хранятся в геопонде Водпроект.

Курчатов Всеволод Мстиславович (05.08.1949, София). Отец – Мстислав Сергеевич Курчатов (родился 11.10.1911 в Уфе). В 1920 г. эмигрировал с родителями в Болгарию. Учился на химика и работал в Болгарии. Доктор наук, профессор в ИОНХ, БАН. Скончался в 1993 года. Автор свыше 200 публикаций. Отец Всеволода Мстиславовича приходился двоюродным братом Игорю Васильевичу Курчатову – первому организатору и руководителю научных исследований атома в СССР, первому директору Института атомной энергии в Москве и руководителю проекта по урану. Под его руководством созданы первый ядерный реактор в Европе (1946), первая термоядерная (водородная) бомба в мире (1953).

Мать – Галина Михайловна Курчатова (02.07.1923). Училась на химика и работала в Болгарии. Доктор наук, с. н. с. в Центре Гигиены.

Скончалась в 2003 году. Автор свыше 200 публикаций. Сестра – Анна Мстиславовна Курчатова (11.05.1955, София). Медицинский экономист, доктор наук, доцент. Работает в Национальном центре по заразным и паразитным болезням. Член СЗО.

Всеволод Мстиславович Курчатов (05.08.1949, София). В 1967 г. закончил 35 ГРЕ М. Калинин. В 1975 г. получил диплом геохимика в СУ Св. Климента Охридского. В 1975–1976 гг. работал химиком в Институте металлознания и технологии металлов БАН. В 1976–1978 гг. – специализация в Софийском университете на кафедре минералогии, петрографии и полезных ископаемых геолого-географического факультета. Получил диплом специалиста по нерудным полезным ископаемым. В 1984 г. – специалист на той же кафедре. В 1984–1997 гг. – смотритель и научный сотрудник Музея Минералогии, петрографии и полезных ископаемых. С тех пор и – главный ассистент той же кафедры.

Научные интересы: магниевые нерудные полезные ископаемые, вещественный состав в материалах археологии, гемологии, метеоритах. Участвует в восьми проектах, договорах, связанных с ультрабазитами и археологией. Автор и соавтор более 25 научных и научно-популярных статей и книг.

Леонтиева Цветана (Светлана) Александровна (9 мая 1930, Враца) Отец Александр Леонтиевич Леонтиев (1893, Санкт-Петербург – 5.10.1955, София) был студентом Коммерческого института в Москве. Эмигрировал из Одессы, пройдя путь Константинополь – Атина – Солун – Враца. Пел в церковном хоре. Женился на болгарке. Во Враце работал чернорабочим, после чего поступил в ж.-д. ведомство. Дослужился до начальника сточного вокзала Пазарджика, где и вышел на пенсию. Цветана Леонтиева окончила организованные Управлением по геологии коллекторские курсы в Банке. После курсов поступила на геологическую работу и долгие годы сотрудничала с проф. Грозданом Николаевым. Окончила Геологический техникум в Пернике и получила диплом техника-геофизика. Продолжила

работу на Геофизическом предприятии в Подуене (София) в лаборатории измерения свойств скальных пород. Издала брошюру «Охраняйте природу». Выступала в хоре при Клубе советских граждан в Болгарии.

князь Лобанов-Ростовский Никита Дмитриевич (6.01.1935, София). Несмотря на то, что геологическими работами в Болгарии он не занимался, его заслуга в том, что он увлек геологией своих друзей, которые позже стали профессионалами и получили известность в этой области болгарской науки. Это Святослав И. Петрусенко, Светослав Николаевич Докучаев, Платон В. Чумаченко, Леонид Ратиев, Христо Пулиев. Никита Лобанов получил степень бакалавра, окончив Оксфордский университет, и степень магистра в Нью-Йоркском университете, США. Работал полевым геологом в Патагонии, в Канаде и других местах мира. Позже стал заниматься банковским делом. Автор многочисленных публикаций, не связанных с геологией.

Лысенко-Чехларова Ирина Владимировна (1938, София). Украинка по происхождению. Отец – Владимир Александрович Лысенко (23.02.1902, Киев) – со школьной скамьи вместе с братом-близнецом Николаем был мобилизован в Добровольческую армию. Прошел весь ужас Гражданской войны, на его глазах был убит брат. Через Галлиполи попал в Болгарию, работал и окончил Свободный университет Софии. Получил специальность инженера, прошел специализацию на американских курсах. Всю жизнь проработал на подстанциях высокого напряжения. Скончался в 1981 году.

Мать – Людмила Сергеевна Банаки-Лысенко. Родилась в 1913 г. в Одессе. Эвакуировалась с родителями и братом в Болгарию. Окончила Французский колледж и Русский лицей В. Кузьминой. Работала преподавателем русского и французского языков в Высшем транспортном институте. Скончалась в 1997 году.

Ирина Владимировна Лысенко-Чехларова в 1956 г. закончила школу с преподаванием на русском языке № 35 в Софии. В 1961 г. окончила Софийский университет по специальности «геология–геохимия». К геологии ее привлекли Леонид Ратиев и Святослав Петрусенко. Тема дипломной работы – «Кристаллографическая и минералогическая характеристика эпидота в месторождении “Камилски дол” в Родопах». По распределению работала химиком на Горно-обогадательном комбинате Елисейна, где вместе с коллегой Радкой Стоицовой изучала минералогический состав дыма из трубы металлургического завода. В 1965–1967 гг. курировала Геохимическую библиотеку Геолого-географического факультета Софийского университета, где внесла свой вклад, чтобы сделать ее современной. С 1967 г. до выхода на пенсию в 1992 г. работала старшим специалистом в лаборатории рентгеноструктурного анализа на Предприятии лабораторных исследований при Комитете по геологии. Кроме рутинных анализов, активно занималась проблемой цеолитов, особенно клиноптилолита под руководством проф. Бояна Алексиева. Позже эта тема перешла в сотрудничество по линии СЭВ – внедрение количественного рентгеноструктурного анализа клиноптилолита, а также введение унифицированных стандартов для количественного рентгеноструктурного анализа (вместе с коллегами из ВСЕГЕИ, Ленинград, и Венгерского геологического института). Все результаты и публикации находятся в архивах Геофонда Комитета по геологии в Софии.

Петрусенко Святослав Иванович (3.12.1933), ст.н.с. II ст. Его отец Иван Петрович Петрусенко родился в 1891 г. в г. Грайворон Курской губернии, скончался в Софии в 1960 году. Окончил военно-железнодорожное училище в Киеве. Поручиком участвовал в 1 Мировой войне. После событий 1917 г. снова был мобилизован в железнодорожные войска. В 1920 г. эмигрировал, прошел Галлиполийский этап и в 1921 г. приехал в Болгарию. Долгие годы работал в БДЖ. Женился на болгарке Воскресии

Траяновой. Они вырастили четверых сыновей, трое из них стали химиками, а четвертый, Святослав, – геохимиком.

Святослав окончил Софийский университет в 1960 году. Начал работать геологом в Чепеларе, в Родопах, там проводил изыскания гранат-силлиманитовых сланцев. Он стал отличным специалистом по изучению минералов Рило-Родопского горного массива. Позже поступил в Геологический институт БАН, перевелся в НПИМ, вышел на пенсию заведующим секцией Минералогии в Национальном естественнонаучном музее БАН как с.н.с. Под руководством академика И. Костова работал по восстановлению минералогической коллекции музея. С его помощью созданы минералогические коллекции в музеях Благоевграда, Варны, Бургаса, Кырджали, Плевне и Чепеларе. Работал по обновлению коллекции в минералогическом музее Софийского университета. Нашел много новых для Болгарии минералов, таких как: изумруд, хризоберилл, александрит, тулит, стрюверит, гейкилит, мулуит и др. По его инициативе район Урдиных озер в Риле объявлен минералогическим заповедником. Член многих болгарских и иностранных научных обществ. Национальный представитель Болгарии в комиссии музеев в Международной минералогической ассоциации (ИМА). Член Украинского минералогического общества, БМО, БГД, Европейского общества защиты геологического наследия ProGeo (Швеция), Общества друзей Bergmuseum в Фрайберге, (Германия). Его труд отмечен многими грамотами и наградами. Супруга и дочь геологи. Автор и соавтор более 70 научных статей в известных болгарских и международных журналах по минералогии.

Петрусенко Екатерина Борисовна (1941, Благоевград) супруга С.И. Петрусенко. Работала в Чепеларе, потом поступила в Геологический институт БАН, где выполняла минералогические изыскания состава болгарского льоса. Позже работала редактором отдела науки о Земле Реферативного журнала БАН.

Писарева Мария Никаноровна (1936, Хасково). Ее отец – болгарский агроном. Поступила в 1954 г. на Геологический факультет Софийского университета. В 1957 г. уехала вместе с семьей в Советский Союз, где получила специальность геолога и долгие годы работала на золотых приисках советского Дальнего Востока.

Попова Катя (урожденная Тушева) (22.11.1946 – 6.09.1992, София), с.н.с. II ст, д-р. Украинского происхождения. Ее мать Элеонора Александровна Юревич-Кирова, родилась 18.03.1914 в Николаеве, Украина, добралась до Болгарии в одиночку. Там позже вышла замуж за болгарина Туше Кирова. Скончалась в ноябре 1994 г. в Софии. Их дочь Катя Тушева-Попова окончила геологию в Софийском университете. Работала полевым геологом в Управлении «Редких металлов» сначала на объектах геологического испытания близ г. Смолян в Родопах, а позже стала седимент-петрографом на Геохимическом предприятии в Софии. После конкурса, поступила на работу научным сотрудником в НИПИ (Научный Институт Полезных Ископаемых) Комитета Геологии в Софии, где изучала седиментологию битуминозных пород близ г. Брезника, в районе Средней Старой планины, близ деревни Гурково, и в шахте Боров дол близ с. Копринка. В НИПИ изучала седиментологию каменноугольных пород Добруджанского угольного бассейна, чем и внесла свой вклад в геологию Болгарии.

князь Ратиев Леонид Александрович (1931–2003, София). С.н.с. II ст., к.г.-м.н. Потомок обрусевших грузинских князей Ратиани. Его отец – директор мебельного завода в Софии. Выйдя на пенсию, написал книгу о жизни русских эмигрантов в Болгарии. Леонид Александрович учился в немецкой школе, потом во французской до ее закрытия в 1948 году. Работал переводчиком у советских геологов комплексной геологической экспедиции в Болгарии, а в 1953 г. поступил на геологический

факультет Софийского университета, который окончил в 1958 году. Работал в Родопах, написал несколько статей об аномальном содержании редких элементов и о геохимии лития, рубидия и цезия в гранитах Триграда и в окрестностях села Кестен. Поступил в аспирантуру МГУ. После защиты диссертации стал кандидатом геолого-минералогических наук и научным сотрудником в Институте черной металлургии в Кремиковцах близ Софии. Проработал там в течение 30 лет и закончил свою трудовую карьеру старшим научным сотрудником. В своих научных трудах рассматривал проблему генетической и геохимической характеристик и распределения цветных (преимущественно свинца) и благородных (преимущественно серебра) металлов и некоторых редких и рассеянных элементов в железорудных месторождениях Кремиковци и Мартиново, Болгария. Автор и соавтор более 20 научных статей.

Соломахин Александр Иванович (9.09.1927, Велико Тырново – 1998, София) Его отец Иван Иванович Соломахин был известным в Великом Тырнове учителем русского языка. Александр Иванович окончил Софийский университет по специальности «геохимия» в 1957 году. Работал геологом на свинцово-медном месторождении «Ватия», близ Ботевграда. Потом перешел на работу в Горный комбинат «Ватия». Некоторое время работал геологом в «Энергопроекте» в Софии. В студенческие годы руководил кружком естественной науки в Клубе советских граждан в Софии.

Сюсюкин Иван (1933, Хасково) физически был настоящим богатырем. Долгие годы работал коллектором в рудниках ГОРУБСО в Маданском рудном бассейне. Окончил геологический техникум в Хасково. К нему направляли на обучение ремеслу рудничной геологии (описание и зарисовки рудных тел в выработках, их апробацию) молодых коллекторов, таких как С.Н. Докучаеву, П.В. Чумаченко и др.

В 1955 г. женился на болгарке и уехал с ней в Советский Союз, но вскоре вернулся в Болгарию и продолжил работать на рудниках в Родопах.

Федоров Михаил (1930). Окончил Горно-геологический техникум. Работал техником-геологом на Софийском предприятии Комитета геологии. Изучал пегматиты Чепеларского района с точки зрения возможности их практического использования.

Харьковская Александра Николаевна (1935), с.н.с. I ст., д.г.-м.н. Родилась в окрестностях г. Стара Загора, где ее отец работал врачом. Вышла замуж за болгарского геолога, доцента д-ра Стилияна Московского. В 1958 г. Ася закончила факультет геологии в Софийском университете и поступила геологом в Бригаду поиска и картирования в Софии. Работала геологом-съемщиком в северо-западной Болгарии.

По конкурсу стала научным сотрудником в Геологическом институте БАН. Защитила кандидатскую диссертацию в 1972 г. Через несколько лет, стала ст.н.с. II ст. В 1995 г. защитила докторскую диссертацию. Став доктором геолого-минералогических наук, выиграла в 1998 г. конкурс на с.н.с. I ст. в Геологическом институте БАН. Александра Харьковская – большой специалист по тектонике палеогеновых образований. Осуществляла структурные исследования третичных вулканических построений в области Краище (Западная Болгария) и в Восточных Родопах. Успешно сотрудничает с иностранными специалистами, особенно с венгром д-ром Д. Пешкаи. Автор более 90 научных работ.

Чеботарев Андрей Николаевич (1928, София). Его отец Николай Николаевич Чеботарев родился в 1896 г. в городе Короча Курской губернии, скончался в Софии в 1943 году. В России получил среднее образование, вступил добровольцем в Белую армию, служил прапорщиком. Эвакуировался с армией генерала Врангеля через Галлиполийский лагерь, приехал

в Болгарию, обосновался в Софии. Женился на болгарке Доре, которая работала дамской портнихой. Николай Николаевич служил в полиции и работал в других болгарских государственных ведомствах. У него был брат, с которым они вместе служили в Белой армии и вместе эвакуировались. Брат обосновался во Франции, где погиб, участвуя в движении Сопротивления. Андрей Николаевич Чеботарев окончил в 1952 г. техническую школу «Христо Ботев» в Софии, по профилю «геология». Поступил на работу в Государственное горное предприятие «Средец» Хозяйственного объединения «Нерудные ископаемые». Там занимался поисками барита, флюорита и других нерудных полезных ископаемых. Работал на баритных месторождениях Мургавец близ города Трын, «Кашана» на Старой Планине, участвовал в поисках барита вблизи деревни Зверино, в Искерском ущелье на месторождении «Ватия», на поисках флюорита в месторождениях «Славянка» в ЮЗ Болгарии и Михалково вблизи Пазарджика, на месторождении огнеупорных глин «Жабляно» близ Радомира, и т. д. После 25 лет занимался инженерной геологией при проектировании больших строек, работал в организации Машэлектропроект. Вышел на пенсию в 1989 году. Его супруга Мария работала главным специалистом в Министерстве связи. Сын Николай имеет свой строительный бизнес в Монреале (Канада), где и проживает. Андрей Чеботарев – автор и соавтор многих ведомственных проектов геологических изысканий и отчетов о проведенных геологических работах, которые хранятся в геологическом фонде Министерства.

Чернявская Светлана Павловна (1929, Белград – 2002, София). С.н.с. II ст., доктор. Ее отец проф. Павел Иванович Чернявский (1892–1969, Волгоград) окончил университет в царской России, ботаник. Во время гражданской войны потерял свой диплом. Через Грецию попал в Югославию, где ему пришлось снова поступить на ботанический факультет Белградского университета. Его научные труды и в настоящее время цитируемы

исследователями Сербии и Болгарии и имеют прямую связь с геологией и палеоботаникой. Написал несколько статей, в которых трактуется возраст угленосных пород месторождения «Врышка чука» на границе Сербии с Болгарией.

С.П. Чернявская родилась в Белграде (Сербия). Основное образование получила в русской школе в Белграде, после ее окончания поступила на Геологический факультет Белградского университета. Но не успела закончить его, так как вместе с родителями в 1948 г. была выслана из страны и переехала в Болгарию. Здесь она продолжила учебу в Софийском университете, который закончила в 1954 году. Вышла замуж за болгарина, невролога д-ра В. Николкова. Поступила на работу в Управление геологических и горных работ, в геолого-съёмочную партию, работала в Северо-Западной Болгарии. Затем поступила в палеонтологическую лабораторию, где специализировалась по споро-поленому анализу палеогеновых пород Южной Болгарии. На материалах, полученных из Родоп, написала несколько статей. Защитила кандидатскую диссертацию, стала старшим научным сотрудником Геологического института БАН. Светлана Павловна – специалист с мировым именем по мезозойскому и третичному периоду. По приглашению своих коллег часто посещала Белград. Д-р Чернявская перешла на изучение спор и полен юрских пород в глубоких нефтепоисковых скважинах Северной Болгарии, где с большим успехом определяла возраст этих пород. В 80-х гг. она начала совместную работу с д-ром П. Чумаченко над стратиграфией юрских пород Восточной Старой планины. Эти образования интересны тем, что до сих пор в Болгарской геологической литературе идут споры по поводу их возраста. П. Чумаченко работал полевым геологом, собирал образцы для определения возраста пород, а их обработкой занималась д-р Чернявская. Вместе они создали новую трактовку геологии Восточной Старой планины. Некоторые ученые согласились с ними, а некоторые и до сегодняшнего дня не согласны. Работая лабораторным геологом, долго сидеть только в лаборатории она не могла, поэтому часто

вместе с П. Чумаченко принимала участие в полевых работах. Закончив все исследования, совместно с французскими коллегами они опубликовали научный трактат. Во время последних геологических исследований оказалось, что определения возраста пород, сделанные Чернявской, были абсолютно точными. Она была не только большим специалистом, но и прекрасным человеком, с которым было приятно работать. Д-р С. П. Чернявская – автор и соавтор более 40 научных статей.

Чумаченко Платон Васильевич (27.05.1935, с. Бяла близ Сливена), с.н.с. I ст., доктор геологических наук. Украинского происхождения. Его отец Василий Платонович Чумаченко родился в Новомосковске на Украине, учился на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе; не успев закончить его, записался добровольцем в Белую армию. В январе 1920 г. прибыл в г. Руссе, Болгария. В Софии окончил медицинский факультет Софийского университета по специализации «лечение грудных болезней». Дети Петр и Платон.

Образование: Софийский университет Св. Климента Охридского, геолог-палеонтолог, 1959 г.; ученые степени: кандидат геолого-минералогических наук – 1971 г., д-р геолого-минералогических наук – 1989 год.

Геолог в Комитете геологии (1959–1960); геолог в Геологическом институте (ГИ) БАН (1960–1963); н. с. ГИ БАН (1963–1984); с.н.с. II ст. (1984–1991); с.н.с. I ст. (1991 до ухода на пенсию в 2003). Работа за границей: Алжир, геолог-съемщик (1971–1972); Монголия, ст. геолог в болгарской партии Международной геологической экспедиции по линии СЭВ (1977–1979).

Научные интересы – палеонтология, юрская система, брахиоподы, палеогеография и палеотектоника юры, геологическое наследие, история геологии. Изучал юрские отложения глубоких нефтепоисковых скважин в Северной Болгарии. Преподавательская деятельность: 1971–1984 гг. – лектор в Софийском университете Св. Климента Охридского, читал спецкурс по палеоэкологии.

Языки: французский, английский, русский.

Международная деятельность: участие с докладами в I и III Мировом конгрессе по брахиоподам; участие в деятельности ProGeo и в ряде проектов Международной геологической коррелятивной программы (МГКП–ЮНЕСКО), проектов по линии Пери-Тетиса и Тетиса. Национальный руководитель трёх проектов МГКП и участник двух и руководитель одного проекта МОНТ.

Членство в ученых организациях: член СУБ, почетный член БГД, член-корреспондент Euroral, член Международной комиссии по количественной стратиграфии, член-корреспондент Международной подкомиссии по стратиграфии юрской системы и член рабочей группы по Бериасу к Международной стратиграфической комиссии, член Европейского Общества защиты геологического наследия (Progeo), член Международной комиссии по изучению истории геологии. Научные публикации: автор или соавтор более 240 статей.

Чумаченко Райна Цонева (24.11.1935, Кула, Болгария). Супруга П.В. Чумаченко. Долгие годы работала в геологоразведочной группе в Болгарии, а потом перешла в Комитет геологии.

Третье поколение геологов-белоэмигрантов

Павлишина Полина Всеволодовна (15.08.1960, София). Доцент, доктор. Отец, Всеволод Павлишин (1924–2009) родился в Югославии, в г. Княжевац, где его родители, оба русские, поселились после гражданской войны. В 1953 г. они были высланы в 1953 г. из Югославии, и Всеволод (Вова) поступил в Политехнический университет в Софии. Женился на болгарке. Вышел на пенсию как главный инженер Разградского фармацевтического завода. У него была одна дочь Полина, которая окончила Софийский университет по специальности «геология» в 1983 году. Поступила в аспирантуру в Геологическом институте Болгарской академии наук. Руководитель ее аспиранту-

ры была д-р С.П. Чернявская. В 1993 г. защитила докторскую диссертацию. Поступила на работу в Софийский университет на кафедру Геологии и палеонтологии, сначала ассистенткой, а с 2006 года, после конкурса, стала доценткой. Прошла несколько postdoc-специализаций – в Германии (1996), в Лондоне (2002) и в Кембридже (2006).

Читает лекции по палеоэкологии и тафономии, по палеонтологии и исторической геологии, часть курса по микропалеонтологии и т.д. Проводит и полевой стаж по палеонтологии.

Научные интересы д-ра Павлишиной охватывают стратиграфию позднеюрской серии, меловой и палеогеновой систем Болгарии, Австрии, Антарктики и Арктической Канады с упором на изучение таксономии динофлагелатных цист, спор и pollen. На основании палинофацециального анализа делает и палеогеографические реконструкции.

Достижения д-ра Павлишиной высоко оценены. Она участник 6 международных проектах по линии Международной Геологической Корреляционной Системы, а также ряда двусторонних и болгарских (более 6) научных проектов. Выступала на 15 научных международных конгрессах и конференциях. Она член Правления Болгарского геологического общества, член Палеоботанического палинологического общества Университета в Утрехте (Голландия) и Американской ассоциации стратиграфических палинологов (AASP).

Д-р Павлишина – автор более 40 научных публикаций.

Петрусенко Ексевия Святославовна (дочь С.И. Петрусенко и Кати Петрусенко). Окончила Горно-геологический университет в Софии по специальности «геоэкология». Работает специалистом в Министерстве охраны окружающей среды и водных ресурсов.

Евгения Димитрова Тарасова (5.11.1954, София) доцент, доктор Института минералогии и кристаллографии Болгарской

академии наук им. акад. Ивана Костова (ИМК БАН). Ее дедушка Андрей Иванович Юрченко родился 16 февраля 1902 г. в Малороссии в г. Прилуки, под г. Киевом, в зажиточной русской семье (отец был землевладельцем, но имел и городскую недвижимость). Андрей Юрченко окончил среднюю школу в Прилуках, после чего был мобилизован в регулярную армию. Участвовал в боях с немцами в 1 Мировой войне, был в плену, а после освобождения из плена присоединился к армии генерала Врангеля. Вместе с остатками армии после поражения в боях с красноармейцами покинул на корабле Россию, и некоторое время находился в Турции (на острове в турецких территориальных водах). Оттуда в 1922 г. через порт Варна вместе со своей войсковой частью был переброшен в Болгарию, где ему было присвоено офицерское звание. У Андрея был брат Александр, который с частью русских войск продолжил свой путь во Францию, после чего связь между двумя братьями прервалась. Русские войсковые части, которые остались в Болгарии, хотя и стремились поддерживать военный дух и дисциплину, постепенно распадались, и военным приходилось заниматься поисками пропитания. Так в 1927 г. Андрей Юрченко оказался в г. Горна Джумая (ныне Благоевград). Здесь судьба свела его с молодой учительницей Любой Веселиновой (1906–1975), с которой он связал свою жизнь. У них родилось трое детей: Иван, Лидия и Анна. Жизнь была тяжелой: Люба преподавала в близких селах, а Андрей Юрченко был вынужден ее сопровождать, чтобы помогать в воспитании детей. Лишь в 1940 г. успел устроиться на постоянную работу в муниципальном коммунальном отделе г. Горна Джумая. Андрей Юрченко был очень талантливым человеком – хорошо рисовал, имел приятный бас-баритон, пел в церковном, а впоследствии и в городском хоре. Жил недолго – умер вдали от своей родины в 1953 г. в возрасте 51 года от опухоли в мозге. Вопреки всем усилиям, тогда и позже его родных на Украине найти не удалось. Все трое детей получили высшее образование: Иван (1928–2006) – высшее военное, Лидия (1930) стала специалистом по болгарской и

русской филологии, Анна (1932–2006) – агроном. Четыре внука Андрея Юрченко также имеют высшее образование, причем два из них учились в России, в Москве и Санкт-Петербурге, создали свои семьи с русскими супругами и сейчас живут в Болгарии.

Евгения Тарасова родилась в семье Димитра Иванова Митрева и Лидии Андреевой Юрченко-Митревой (средней дочери Андрея Юрченко) и живет в Софии. Закончила среднее образование в престижном тогда Техникуме по индустриальной химии им. Асена Златарова, а высшее образование – в Высшем горно-геологическом институте в Софии. Работала как минералог в Шлиховой лаборатории в Геологическом предприятии для лабораторных исследований при Комитете геологии. С 1980 г. училась в аспирантуре в Ленинградском государственном университете под руководством профессора Владимира Федоровича Барабанова. В 1984 г. успешно защитила диссертацию на тему «Минералого-геохимическое исследование железорудного месторождения Мартиново в Болгарии». От 1985 до 1995 г. работала в качестве научного сотрудника в Научно-исследовательском институте полезных ископаемых (НИПИ) при Комитете геологии. С 1996 г. на работе в Центральной лаборатории минералогии и кристаллографии (ныне Институт минералогии и кристаллографии им. ак. Ивана Костова) БАН, сначала как научный сотрудник, а с 2001 г. как доцент. В настоящее время является руководителем секции топографической минералогии в ИМК БАН. Результаты исследований Евгении Тарасовой отражены в более 50 публикациях.

Участвовала и участвует активно в общественной жизни Болгарской геологической гильдии; с 2004 г. является членом Управительного совета Болгарского геологического общества, а с 2008 г. – заместителем его председателя.

Михаил Павлович Тарасов (1960) (супруг Евгении Тарасовой) – родился и короткое время жил в Магаданской области, Дальний Восток. Окончил Ленинградский государствен-

ный университет. В настоящее время доктор и доцент в ИМК БАН, ученый секретарь (с 2007), руководитель лаборатории электронной микроскопии. Диссертационная его работа посвящена гипергенной вольфрамовой минерализации месторождения Грынчарица в Западных Родопах. Автор и соавтор более 60 научных трудов. Член редколлегии журнала «Списание на Българското геологическо дружество», член специализированного Ученого совета по геологическим наукам ВАК.

Четвертое поколение белоэмигрантов

Златев Злати. Его прадеда-белоэмигранта звали Герасим Романов. Родился в Петропавловске. Женился на болгарке из деревни Негушево, близ Софии. У них родились две дочери – старшая Невена и младшая, бабушка Златева – Елена. Г. Романов и его супруга скончались, когда дети были маленькими. Воспитывали их родственники.

Сам З. Златев окончил Софийский университет по специальности «геолог-геохимик» и занимался минералогией. Поступил в докторантуру по минералогии на кафедре минералогии, петрология, полезные ископаемые Софийского университета под руководством доцента Васишки Младеновой, но не закончил ее, а стал заниматься бизнесом. З. Златев является одним из основателей Болгарского лапидарного клуба. Он подарил Минералогическому музею Софийского университета много образцов. Оценивая его вклад в музейное дело и выражая свою благодарность, осенью 2010 г. руководство Минералогического музея, посвятило ему раздел экспозиции.

Благодарности

Авторы выражают свою благодарность Ксении Пчелинцевой за помощь в переводе текста.

Литература

Бончев, Е. 1957. Геология на България. Учебник за III курс на техникумите по минна и рудна промишленост. С., Народна просвета, 252 с.

Борисов, И. 1963. Д-р Ростислав С. Берегов. 1908–1946. Геологът с голямото сърце // Нашите първи геолози. Серия «Биология и геология», Народна просвета, С. 54–59.

Борисов, И. 1963. Андрей Янишевски. 1904–1949. Дръзновеният. В: Нашите първи геолози. Серия «Биология и геология», Народна просвета, С. 60–68.

Борисов, И. 1981. Андрей Янишевски. 1904–1949. В: Бележити български геолози. Народна просвета, С. 50–55.

Борисов, И. 1981. Ростислав Берегов. 1908–1946. В: Бележити български геолози. Народна просвета, С., 56–59.

Гаристов В.П. 2008. Не намъ, не намъ, а Имени Твоему. Жокер Медиа, С. 41–42; 171 с.

Коев, Е. 1952. Д-р Ростислав Сергеевич Берегов, по случай шест години от смъртта му. – Мншно дело, 7, 2; 126–128.

Николов, Т. 1953. Д-р Ростислав Сергеевич Берегов. Природа и знание. 6, 6.

Огнянова-Руменова, Н. 1996. Д-р Ростислав Сергеевич Берегов (23.XII.1908–13.VI.1946). Сп. Бълг. Геол. Д-во, 57, 3; 78.

Ратнев князь А. 1999. То, что сохранила мне память. Том первый, Изда. Соф. У-тета, С. 571–572; 684 с.

Цонев П. 2007. Приносят на руските емигранти за научно-техническото развитие на България между двете световни войни. В: Каменаров, А. (съставител). История на науката и техниката в България. Юбилеен сборник «50 години Национален политехнически музей», София; 42–48.

Д-р Ростислав С. Берегов – некролог, 1946. Геол. на Балканите, 4, 2; 47-48.

Воспоминания о семье

Моя бабушка Галли Андреевна Петрова родом из дворян Орловской губернии. Ее дед Андрей Андреевич Петров – врач, был женат на Екатерине Хитрово, у которой это был второй брак. От первого брака с Сулевицем у Е. Хитрово было двое сыновей: Николай – генерал и Дмитрий – полковник, оба артиллеристы. У Николая было двое детей: Дмитрий и Николай, они служили гвардейцами при дворе, в конвое их Величеств Царевен.

В семье деда моей бабушки А. Петрова было двое детей: сын Андрей (мой прадед) и дочь София – пианистка. София была замужем за Алексеем Иноземцевым – податным инспектором, они вместе с детьми, Надеждой, Екатериной и Алексеем жили в своем поместье под Витебском.

Мой прадед Андрей Андреевич Петров был военным ветеринарным врачом, доктором медицины, имел чин гражданского генерала. Занимался научно-исследовательской деятельностью. Его жена Лидия Ивановна Вашкова родилась в 02.10.1872 в Москве, в семье Ивана Андреевича Вашкова и Клавдии Ивановны Новиковой.

Иван Андреевич Вашков был редактором одной из московских газет. Писал талантливые юмористические очерки в московских сатирических изданиях. В 1882 г. редактировал в Москве юмористический журнал «Колокольчик». Клавдия Ивановна была певицей.

В семье было пятеро детей: Лидия (моя прабабушка), Марина (умерла рано), Конкордия – певица, выступала с концертами, и сыновья-близнецы Сергей и Евгений. Оба окончили Строгановское училище. Сергей был художником в журнале

«Светильник», а Евгений художником и автором в детском журнале «Задушевное слово».

Братья были женаты на сестрах Надежде и Вере Беккер. У Сергея был сын Анатолий.

Мой прадед А.А. Петров был военным. Его семья много ездила по стране (Кубань, Майкоп, Азов, Мариуполь, Гродно, Вильнюс, Ковно), бабушка Галли родилась в Кокчетаве, Казахстан, 21 сентября 1898 года. Осели в г. Ашхабаде (там стоял штаб 2-го Туркестанского корпуса). В это время в семье было четверо детей: старшая дочь Екатерина, сыновья Борис и Андрей и Галли (моя бабушка). Жили в большой усадьбе с садом, конюшнями и большим хозяйством. Детей воспитывали две гувернантки. В 1914 г. Галли окончила женскую гимназию в Ашхабаде. Летом прослушала курсы медицинских сестер. Осенью 1914 г. поступила в Московскую консерваторию. В Москве бабушка пережила первую любовь с кадетом (подробностей не знаю). Его призвали в армию и связь прервалась. Началась 1 Мировая война. В то время (1916 г.) у прадеда служили адъютантами грузин и армянин. Оба сделали бабушке предложение, и бабушка, смеясь, сказала, что кто ее догонит на лошади, тот и будет ее мужем. Грузин, свернув с дороги, обогнал их и встал на ее пути. И бабушка вышла замуж за Георгия Ивановича Зауташвили (Заутова) – представителя семьи военных, которые служили в русской армии, и фамилия писалась по-русски.

Георгий Иванович Зауташвили родился в 1888 г. в селе Кварели Телавского уезда, на востоке Грузии, недалеко от гра-

ницы с Дагестаном, в долине реки Алазани. Это винодельческий район Грузии; рядом с селом Кварели находятся села Цинандали, Гурджаани, Напареули, которые дали имена известным грузинским винам. Родители Георгия Иван Зауташвили и Тасико Соломоновна, урожденная Устиашвили (дочь священника). Село Кварели – родовое, так как половина села имеет фамилию Зауташвили. У Ивана и Тасико был большой дом в центре села, большой двор с огромным орехом посередине и виноградники. В семье было четверо детей: дочь Соня, сыновья Михаил, Дмитрий и Георгий. Отличительной чертой рода Зауташвили были сросшиеся на переносице брови и зеленые глаза. Георгий учился сначала в Духовной семинарии, затем в 1915 г. окончил ветеринарный факультет Харьковского университета и стал военным ветеринарным врачом. Выйдя за него замуж, бабушка переехала на Кавказ. Одно время жили в Тбилиси на ул. Броссе, 9, ездили по Кавказу: Карс, Трапезунд, Байбурт, Эрзиджан, Эрзерум. Моя мама Наталия родилась в Ашхабаде 17 ноября 1917 года. Не

знаю, как приняла грузинская семья русскую невестку, бабушка мне не рассказывала. Но маму они баловали, как только могли, особенно свекровь. В дальнейшем семья разрослась, поэтому у мамы очень много родственников в Грузии. Соня осталась жить в родовом доме и вышла замуж за Г. Богатурия. У них двое детей: Циала и Заури. Михаил окончил Тбилисский университет. Женился и жил с женой Верой в Тбилиси на ул. Броссе, 9. У них родилось четверо сыновей: Темур, Нодари, Анзори и Ираклий. Во время Второй Мировой войны Михаил пропал без вести, говорили, что он остался за границей. Дмитрий тоже остался жить в Кварели. У него двое детей: Дато и Вера.

Переворот 1917 г. и Гражданская война прекратили спокойное существование семьи. В начале 1919 г. из-за беспорядков в Средней Азии семья бабушки из Ашхабада перебралась в Ставрополь. Ее муж Георгий был в армии, у бабушки было удостоверение о том, что «Галли Андреевна Зауташвили действительно жена ветеринарного врача при начальнике Военно-ветеринарного отдела Республики Грузия». Добравшись до Крыма, бабушка, ее брат и отец заболели тифом. Бабушка выздоровела, а ее отец Андрей Андреевич Петров и брат Андрей умерли от тифа в 1919г. Остались мать Лидия Ивановна, Борис – старший брат, старшая сестра Екатерина со вторым мужем, поручиком Львом Дмитриевичем Ясинским. В Крыму началась эвакуация, и семье бабушки удалось попасть на пароход «Самара», который должен был сделать остановку в Сухуми или Батуми для пополнения горючего. Когда я смотрела в 1980-х гг. сцены крымской эвакуации в фильме «Бег», они полностью совпадали с рассказами бабушки. Поездка была изматывающая: семья сломлена горем, пароход переполнен пассажирами, большей частью военными и ранеными. Бабушка вспоминала, им повезло, т. к. они сидели у трубы, где бабушка пекла лепешки маме. Во время плавания они лишились чемоданчика с документами и семейными реликвиями, который упал в море. На пароходе они познакомились с поручиком Николаем Алексеевым, который со своим

денщиком взялся их опекать. В Грузию они попасть не смогли, так как там уже был хаос: у власти были то меньшевики, то эсеры, то еще кто-то, все порты Грузии закрылись. Капитан сказал, что следует прямо в Константинополь. Просидев на пароходах около Константинополя, они попали в Галлиполи, откуда через год их вывезли в Болгарию, в Варну. Там они оставались некоторое время. Бабушка через Красный крест пыталась связаться с мужем, но получила сообщение, что он погиб. Прабабушка же все надеялась перебраться в Одессу – ведь близко!

В декабре 1921 г. они переехали в Софию и, как многие русские, поселились в селе Княжево. Тогда село считалось курортным местом недалеко от Софии, сейчас это один из районов Софии. По главной улице была проведена трамвайная линия – из Софии до Красного села и оттуда до Княжево. Село было застроено частными одноэтажными, редко двухэтажными домиками. Сначала их разместили в общежитии – бывших солдатских казармах. Надо было искать квартиру. Нашли две комнаты на первом этаже двухэтажного дома, у агронома Димитра Делчева и его жены Мины. Вскоре сестра Катя с мужем переехали на дачу Стояновых – двух вдовых сестер, куда муж Кати Лев Ясинский устроился сторожем, что позволяло не платить за помещение. Это было большое строение красного цвета, стоявшее в лесу, и называлось «Красная дача». Здесь часто собирались военные – пели песни, вспоминали былую жизнь:

*Мы серые птицы, птицы печали,
За нами осталось безбрежное море
За нами наши милые сердцу места.
Там голод и горе, там близких могил тишина.
Но верим, мы верим, томясь одиноко,
и силы имея страдать,
что крикнет нам мать издалика:
«Родные, вернитесь опять».
Мы ждем твой призыв
Как безбрежное море*

*Мы серые птицы, мы птицы печали
С уставшей душой.*

Бабушке с прабабушкой и братом пришлось отдать золотое кольцо с бирюзой и одеяло, которое получили перед отъездом из Галлиполи, чтобы оплатить найм квартиры. Нужно было искать работу. Бабушка и прабабушка получали сначала по 600 левов – помощь от Русского Красного Креста, потом стали давать только на детей, жить стало труднее. Все золотые и серебряные вещи были проданы в Константинополе, когда они жили на пароходе. Бабушка стала брать надомную работу – вышивки, делала мережки. В день можно было заработать 16 стотинок. Подрабатывала – чистила зерна (работу предложил хозяин, в то время заведовавший опытным полем в местности «Овча купел»). В соседнем лесу почти каждый день собирали грибы. Потом бабушке повезло. В Княжево открылся кинотеатр немого кино, им нужна была та-

Семья Алексеевых: Галли Андреевна, Юрий, Андрей и Николай Григорьевич. София, 1942 г.

перша. Она стала хорошо зарабатывать. Обзавелись курами, завела кошку и собаку. В конце 1923 г. бабушка второй раз вышла замуж – за Николая Григорьевича Алексеева. В русской церкви Св. Николая их венчал протоиерей Георгий Голубцов, священник Николаевско-Алексеевского инженерного училища.

Николай Григорьевич Алексеев был из дворян Владимирской губернии. Родился во Владимире 9 мая 1891 г. в семье подполковника 12-го пехотного Великолукского полка, Григория Николаевича и Антонины Сергеевны. Жили в Туле. В семье было четверо детей: три брата – Николай, Константин и Владимир и сестра Анна. Братья окончили 3-й Московский Императора Александра II кадетский корпус. Затем Константин и Николай окончили Александровское военное училище в Москве, Павловское военное училище в Петрограде. Константин служил в 142-м пехотном Звенигородском полку – его судьба после революции неизвестна, Владимир был расстрелян в 1940 г. в Севастополе агентами Белы Куна. Судьба Анны неизвестна. Николай был назначен в 144-й пехотный Каширский полк в Брянск. До войны был женат на Евгении Николаевне Головиной и имел сына 1914 г. рождения. Участвовал в 1 Мировой войне в составе армии генерала Самсонова. В 1915 г., командуя ротой в полку офицерской стрелковой школы, был ранен в живот и взят в плен немцами. Находился в плену около Кобурга, Ганновера, Познани. В 1918 г. ему удалось освободиться и перейти в Польшу, в Варшаву. Сюда стекались русские пленные, которые стремились попасть в Россию. К ним приходили в Варшаву военные, побывавшие в России, и советовали не ехать, особенно офицерам. Группа офицеров узнала об образовании на юге России Добровольческой армии генерала Деникина. При помощи польских властей им удалось через Краков, Чехию, Вену, Будапешт добраться до Галаца, а оттуда на пароходе до Одессы. В Одессе Н. Алексеев попал в 3-й конный полк Добровольческой армии. С этим полком был в отряде генерала Бредова. Два раза переболел тифом. В октябре 1920 г.

с армией генерала Врангеля эвакуировался из Крыма, г. Алушты в Галлиполи, где был зачислен в команду технического полка. Когда в Болгарии было основано «Общество галлиполийцев», Н. Алексеев получил нагрудный знак «Галлиполи 1920–1921», которым награждались все военные, пережившие «галлиполийское сидение» – за любовь к Родине и верность Русской Армии. Все члены Общества, их семьи, получали по простенькому кольцу в память о Галлиполи. У нас сохранилось только одно, которое бабушка бережно хранила.

В декабре 1921 г. Н. Алексеев прибыл в Болгарию, в г. Ямбол, куда была распределена Офицерская инженерная школа. В 1922 г. ему было выдано удостоверение за подписью полковника Маркова, что ему «разрешается отправиться на вольные работы». Остановившись в Княжево, он стал числиться в Николаевском инженерном училище (1925).

В Княжево родились мои дяди Андрей и Юрий. Моей маме пришла пора учиться, русская школа была только в Софии, им пришлось переехать туда. В 1925 г. сестра Катя и ее муж Лев Ясинский получили визы на все семейство во Францию. Но прабабушка отказалась ехать: «к ромеям не поеду, тут хоть славяне, да и Россия ближе». И Ясинские с братом бабушки, уехали во Францию. Во Франции у Ясинских родилось трое детей: Евгения, Лидия и Дмитрий (Люка). Устроились они на ферме в провинции. Писем от них не сохранилось, остались только фотографии. Последние, с датой 1938 г., с надписью на французском языке... «Я уже забываю русский...» – писала Катя.

По приезде в Софию сняли маленький домик – северные комнаты, сыро, без солнца. Долго не могли найти работу. Н.Г. Алексеев считал, что ему, как офицеру царской армии, не подходит никакая работа. Он был военным и ничего другого делать не умел. Кирпичный завод, завод резиновых изделий и т. п. – только там могли найти

работу русские, бывшие военные. Первое время бабушка меняла привезенных кур в магазине на продукты. Кино уже перестало быть немым, появилось звуковое кино. На фабрику устроиться трудно, за тремя детьми нужен присмотр, да тут еще и болезни: вся троица дружно болела то корью, то скарлатиной. Были моменты, когда бабушка могла напоить детей только теплой водой. Отчаяние было такое, что у нее возникала мысль покончить с жизнью вместе с детьми. Прабабушка устроилась к итальянскому послу кухаркой. Она приносила еду и деньги. Но домой приходила только по воскресеньям, после обеда, когда ей позволяли уйти.

Прабабушка решила написать в Грузию, матери Георгия. И неожиданно в 1928 г. пришло письмо от Георгия. Он писал, что страдал душой и скучал по ним. Искал их с 1920 по 1935 год. Был в Ашхабаде, Сухуми, Туапсе, Ялте, Алуште. Узнал только, что они выехали из Алушты в неизвестном направлении, куда неизвестно. Получил сведения, что мы погибли в море. Началась переписка: «Хочу приехать к Вам, но мне не разрешают. Хочу взять визу для Наталии, для въезда в Грузию, и, если сможете, приезжайте с ней. Хочу послать вам деньги. Не переменили ли фамилию моей дочери? Передайте кому нужно, что пусть не обижают мою дочь. Я живу хорошо, только тоскую по вам. Прошу передать дочери, что у нее есть отец, который живет в Грузии». Тогда он был заведующим отделом Ветеринарного управления Грузии. Всего писем было девять. Письма пишут ему прабабушка, бабушка и мама. Он смог даже послать посылку с грузинскими сладостями – чурчелой. Но в Софии, чтобы ее выкупить, им пришлось заплатить очень дорого. Последнее письмо датировано концом 1935 года. В 1937 г. Георгия Зауташвили арестовали, объявили врагом народа, он был отправлен в концлагерь Игарка-2, где и умер. Думаю, что его хлопоты по возвращению дочери в Грузию и заграничная переписка сыграло свою роль в его аресте. В 1930 г. он женился повторно. Его жену звали Анико, у них было трое детей: Николай, Лейла и Мзия.

В тот тяжелый в жизни бабушки момент ей помогла ее хорошая знакомая Нина Леонидовна Стоянова. Встретив случайно бабушку, зашла к ней, заявила, что в такой сырости жить нельзя. Дала ей адрес, где сдавалась комната, правда, полуподвал, но солнечный, с большим окном. Это был дом писателя Загорчинова. В то время он был преподавателем в военном училище, которое находилось напротив его дома. Нина Леонидовна дала Н. Алексееву адрес богатого заводчика, чтобы он смог устроился на работу. А бабушке предложила работу в армянском кафе на ул. Мария Луиза – теперь там кинотеатр. Бабушка долго колебалась: официантка! но начала работать. Помогли в трудный момент болгары, с которыми познакомилась на работе – один шофер, другой чеканщик (имел свою мастерскую на ул. Самуил). Они помогали бабушке дровами и продуктами, В дальнейшем чеканщик подарил бабушке изображение Иисуса Христа на медной пластине, оно хранится до сих пор в семье дяди. Хозяин кафе всегда шел ей навстречу, так как бабушка дорожила работой и была безотказна. Эти же болгары познакомили бабушку с Анной Павловной Данилевской и ее дочерью Надей. Анна Павловна, которая в дальнейшем стала подругой бабушки, предложила ей работу в другом кафе поменьше, где она работала, около Хали. Там надо было работать неделю, а потом неделю отдыхать, что очень устраивало бабушку. Так бабушка проработала до 1945 года. Работала еще портнихой в Русском Красном кресте, медсестрой, кастеляншей. В 1950 г. окончила учительские курсы Министерства просвещения и преподавала русский язык на курсах. Вышла на пенсию в 1955 году.

Николай Григорьевич Алексеев в 1942 г. записался в РОК (Русский охранительный корпус), уехал с корпусом в Югославию. Умер в больнице в Германии.

Дети подрастали. Мама и дядя Юра учились в Софийской Русской гимназии. Дядя Андрей учился в Лицее В.П. Кузьминой, куда его приняли бесплатно как ребенка из бедной семьи.

Софийская Русская гимназия открылась в июне 1920 г. по инициативе Русско-болгарского культурно-просветительского комитета во главе с епископом Стефаном. И была предназначена для детей русских эмигрантов, прибывших в 1920 г. из Крыма. Основная цель была обеспечить детям обучение на родном языке и воспитание в духе национальных традиций. Почти все второе поколение русских эмигрантов учились в Софийской русской гимназии. О ней надо говорить особо, так как это целая отдельная история. Но я знаю, что очень многие ученики поддерживали дружеские связи всю свою жизнь. И мы, их дети вместе росли и дружили. Для детей из провинции было два интерната – мужской и женский. Все учителя и воспитатели были высокообразованными, профессионалами с дореволюционным стажем. Например, два директора – Стефанов Анатолий Павлович. Действительный статский советник. Возглавлял Педагогические курсы для подготовки учителей школы при Одесском учебном округе. Шавельский Георгий Иванович – известный богослов, протопресвитер. Преподаватель Смольного института и Императорского историко-филологического института в Санкт Петербурге. В Софии преподаватель в Духовной семинарии и в Софийском университете, который мог прочесть своим ученикам «В начале было слово...» на 23 языках. Учитель латинского и русского языков Александров Федор Георгиевич – преподаватель истории фонетики и латыни на педагогических курсах в Одессе. Куравец Анна Михайловна – дочь профессора Попруженко. Калачев Петр Христофорович – врач, доктор медицины, ученик профессора С.В. Левашева. Профессор частной патологии Воронежского университета. И знаменитый «Тарзан» – Рязанов Александр Алексеевич – был врачом Черноморского флотского экипажа. Воспитатель и классный руководитель, учитель химии и естественных наук, гимназический врач. Он надолго остался в памяти всех учащихся гимназии. Знал и любил природу и эту любовь прививал учащимся, устраивая для учеников почти каждый выходной экскурсию на Витошу. Эту привычку

ку в выходные ходить на Витошу гимназисты передавали затем и своим детям. О личностях людей, воспитывающих и учивших наших родителей, можно писать много.

Русская гимназия имела свое знамя и гимн. Пожелтевшие листочки со словами гимна трепетно хранились у многих бывших гимназистов.

Объединяло наших родителей и гимнастическое общество «Русский Сокол». В Болгарии было основано в июне 1927 г. еще российским «соколом» – врачом С.В. Саковичем вместе с группой «соколов» из Петербурга, Киева и др. городов. Помощь «соколам» оказали начальник РОВСа генерал-лейтенант Ф.Ф. Абрамов, представитель Лиги Наций Б.С. Серафимов, протопресвитер Шавельский. Среди рядовых членов общества были профессора, доктора и военные высоких чинов. «Русский сокол» создавался во всех городах, где жили русские, в итоге объединившись в Краевой союз Русского сокольства, подраздел болгарского общества «Юнак». Была своя форма, хор и оркестр. В уставе было записано: «Укрепить национальное самосознание, духовные и телесные силы русских юношей и детей в Болгарии...» На знамени Соколов было написано: «В мышцах сила, в сердце отвага, в мыслях Родина. Помни Россию» и имелось изображение Св. Георгия Победоносца. Был свой гимн и марш.

Действовало общество было очень активно: организовывались спортивные и гимнастические соревнования, национальные празднества, игры, экскурсии, и краевые слеты, как в Болгарии, также и за границей. А самое лучшее, что летом дети уезжали в лагерь. Для моей бабушки это было большим облегчением. Она отправляла нашу троицу в лагерь на все лето и, работая в две смены, собирала деньги, чтобы отправить детей в школу. Моя мама, как и почти все ее соученики, была «соколкой» и даже брала первые призы, получая дипломы и лавровые венки. Была даже членом правления общества – «начальница сестра» (1941 г.). Членом правления «Русского сокола» был и мой отец, Константин Павлович Пчелинцев. Они и познакомились в гим-

настическом зале, когда мама после неудачного прыжка очутилась на плечах отца.

И Русская школа, и «Русский сокол», а также Лицей В.П. Кузьминой очень часто участвовали в парадах. Когда они шли в своих униформах со знаменами и оркестром, то всегда привлекали внимание. Еще если рядом со строем Софийской Русской гимназии шел А. Рязанов в развевающемся морском синем кителе-пелерине и в фуражке морского врача, с которыми он не расставался.

В 1937 г. мама закончила Софийскую Русскую гимназию. Поступила в Софийский университет на историко-филологический факультет, отделение педагогики и славянской филологии. Одновременно с университетом окончила Свободный университет (Высший институт физкультуры и спорта). Окончила Педагогические курсы профессора Д. Капарова по подготовке детских учительниц при Софийском университете. Прошла стажировку в детском саду и в летних детских лагерях

Аттестат зрелости Н. Зауровой, София, 1937 г.

Курсы подготовки медицинских сестер военного времени. 03.11.1939 г.

в Пирдопе и Абланице. В 1939 г. прошла курсы подготовки медицинских сестер военного времени при Работнической больнице.

Педагогический курс проф. Д. Кацарова для подготовки детских учительниц при Софийском университете: 1-й ряд:...?...? Татьяна Пчелинцева, проф. Д. Кацаров, Наталия Заутова...

В то время за мамой стали ухаживать мой будущий папа Константин Пчелинцев и Шура Карелин, знакомые по «Русскому Соколу». Не знаю почему, но мама выбрала не своего ровесника А. Карелина, а папу, старше нее на 20 лет. В 1941 г. мама вышла за него замуж.

Родился он в 26.10.1897 в Одессе. Окончил Одесский политехнический факультет. Был мобилизован в армию. Попал на Гражданскую войну. В Крыму был ранен и вынесен как умирающий за стену госпиталя. Когда эвакуировался госпиталь, одна из медсестер случайно заметила, что он жив, и его отнесли на паро-

Педагогический курс проф. Д. Кацарова для подготовки детских учителей при Софийском университете: 1 ряд:....?...? Татьяна Пчелинцева, проф. Д. Кацаров, Наталия Заутова...

ход. Очнулся он на пароходе. Потом его высадили в Варне. Два раза пытался переходить границу. Медсестра Катя, которая его спасла, стала его первой женой, но умерла от рака. Папа начал работать в мастерских «Эконотон», затем инженером-технологом на ткацкой фабрике. В 1932 г. принял болгарское гражданство.

В 1942 г. родилась я. Во время бомбардировки Софии в 1943 г. в наш дом на ул. Денкооглу попала бомба. Сгорело все. Мама успела спасти мою кроватку, кое-что из вещей, фотоальбом и кастрюлю с куриным бульоном (курицу из бульона потом украли). Пришлось эвакуироваться в с. Казичене, а затем в с. Рибарицу.

В этом же году умерла прабабушка Лидия Ивановна.

Мама продолжала учебу. Пока училась, работала воспитателем в девичьем пансионе при лицее В.П. Кузминой, там же была преподавателем немецкого и русского языка. После окончания Софийского университета в 1947 г. прошла стажировку в 3-й

мужской гимназии и была назначена преподавателем по педагогическим предметам в Институт по подготовке учителей.

Времена менялись. В 1944 г. в Болгарию вошли советские войска, установилась новая власть. Деятельность всех бывших русских организаций, была запрещена. В 1946 г. по решению Президиума Верховного Совета СССР русским эмигрантам разрешено было принимать советское гражданство и почти больше половины русских стали советскими гражданами. В том же 1946 г. на торжественном собрании новых граждан СССР по инициативе советских дипломатов был создан Комитет советских

**Свадьба Наталии Заутовой
и Константина Пчелинцева.
27.04.1941 г.**

граждан в Болгарии с председателем А. Гирским и зам. председателя Ю. Рапопортом и А. Янишевским, в дальнейшем переименованный в Союз советских граждан. При нем был основан Клуб советских граждан. Мама стала членом Правления Клуба, а с 1947 г. – членом Центрального правления Союза советских граждан. Активная и энергичная, она стала заведовать пионерским и молодежным сектором в Союзе. Организовала и руководила ансамблем художественной самодеятельности. Была начальником летних лагерей в Варне, В. Тырнове и Пловдиве. К тому времени в введение Союза перешел интернат русских учащихся, существующий с 1925 г. (на ул. Черно море). Теперь его стали называть интернатом для советских детей, а мама была назначена его директором. Там требовалась большая реорганизация, дети были плохо одеты, не хватало питания, средств, маме стоило больших усилий привести все в порядок. Три года мама проработала в интернате.

Клуб скоро стал центром, который объединил всех русских. Особенно, после того, как было построено четырехэтажное здание на ул. Евл. Георгиева. Построено оно было трудом и на средства русских. В новом Клубе можно было получить юридическую консультацию у С.Ю. Тришкан, медицинскую помощь, пользоваться богатой библиотекой, физкультурным залом и просто посидеть в уютном ресторане В.П. Капитанова. Там работали многочисленные кружки и секции. Отмечались все праздники, встречали Новый год, всегда с концертом хора и оркестра под руководством Е.Е. Комарова и танцевального ансамбля. Каждый выходной можно было посмотреть кино. Для нас детей интересны были советские мультфильмы и детские фильмы, которые мы, большей частью, смотрели, сидя впереди на полу. В фильмах была незнакомая нам жизнь.

С 1952 г. мама некоторое время проработала «образцовым» преподавателем русского языка в 7-й женской гимназии и вела педагогическую практику студентов-филологов по русскому языку. Через год она была выбрана на штатную должность преподавателя русского языка в Высшую сельскохозяйственную Академию, а затем на филологический факультет Софийского университета.

В 1948 г. был принят Указ об иностранных учебных заведениях в Болгарии, согласно которому закрывались все существующие иностранные учебные заведения. Только иностранным дипломатическим посольствам и миссиям разрешалось открывать учебные заведения для детей граждан этой страны. В соответствии с этим Указом в 1950 г. при посольстве СССР в Болгарии была открыта средняя школа «для детей советских граждан» на ул. Стара Планина. И я, окончив первый класс в болгарской школе, поступила во второй класс 35-й смешанной средней школы с преподаванием на русском языке. Так получилось, что в школе собралось почти все третье поколение нашей эмиграции. Многие из нас уже были знакомы друг с другом, так как наши родители дружили семьями. Кроме нас в школе учились и дети

Слева направо. Сидят: Галли Алексеева, Невена Алексеева (жена Юрия), Наталия Заугова-Пчелинцева, Таньяна Пчелинцева, Надежда Алексеева (жена Андрея). Стоят: Андрей Алексеев (слева) и Юрий Алексеев. София, 1950 г.

смешанных браков болгар – военных, находившихся в СССР, и русских матерей.

Обучение в школе велось по советским учебным программам. Мы носили советскую школьную форму – коричневое платье с белым воротничком и черный или белый передник. Директор школы А. Рыков, завуч Б.Н. Орлов и некоторые учителя были командированы из СССР. Но были преподаватели и из нашей эмиграции. Нашей учительницей и классным руководителем до 4 класса была Наталия Владимировна Ключева. Ходила она в неизменном сером костюме с галстуком. Учитель химии А.Ф. Мичри – сын врача, математики – А.Н. Безак, бывший начальник Сергиевского артиллерийского училища и А.К. Брижицкий – бывший дроздовец. В этой школе я проучилась до 8 класса, потом перешла в болгарскую 1-ю гимназию (на ул. Шишмана).

В 1954 г. в Клубе советских граждан прошло собрание, на котором посланник Ю. Приходов зачитал решение правительства СССР о возвращении новых советских граждан на родину и участии их в освоении целины. Многие реагируют с радостью – наконец-то на Родину! Газета Союза «За Советскую Родину» ведёт пропаганду за возвращение, в Клубе организуются курсы механиков и трактористов. В мае 1955 г. уезжают первые 30 человек. Провожали их все, родные и знакомые с большим волнением, грустью, слезами и цветами. До 1958 г. уехало 5 000 русских.

После 1959 г. Союз советских граждан фактически перестал существовать, здание Клуба было передано Комитету болгаро-советской дружбы во главе с Ц. Драгойчевой. Практически этим была ликвидирована русская эмиграция, как общность.

В 1956 г. с эшеломом уехал на целину и мой дядя Юрий с семьей: женой Невеной, сыновьями Евгением и Алексеем и бабушка.

В то время дядя окончил экономический факультет Софийского университета. На целине они попали в пос. Жирное, где стояли

Отъезд семьи Юрия Алексеева в СССР на целину. 1956 г.

мазанки, которые отапливались кизяком, дядя работал бухгалтером. Им удалось перебраться на Украину, где дядя стал работать начальником отдела на заводе цветных металлов в Запорожье. Защитил кандидатскую диссертацию в Москве и стал кандидатом экономических наук. В 70-х гг. благодаря болгарским родственникам жены Невены они вернулись в Болгарию. Дядя работал заместителем директора Комбината цветных металлов в Софии.

Уехал и мой папа. После пребывания на целине, ему удалось устроиться в Ессентуках на работу в один из санаториев, затем волею судьбы он оказался в Орджоникидзе (Владикавказе), где и умер в 1971 году. По стечению обстоятельств ему не удалось поселиться в Одессе, что было его всегдашней мечтой.

Другой мой дядя Андрей стал журналистом и первоклассным стенографистом. Работал стенографом в БТА. Окончил экстерном факультет журналистики Софийского университета. Был корреспондентом газет «Правда», «Земеделско знаме» и «Вечерни новини», составлял рубрику «По света в последен час»: собирал информацию из передач радиостанций всего мира, делая переводы с английского и французского языков. Его жена Надежда Владимировна, урожденная Бузько – дочь поручика Дроздовского полка, галлиполийца. Сын Владимир – фотограф-дизайнер.

В 1959 г. маме неожиданно позвонили из Грузии. Некто представился двоюродным братом Темуром, сказал, что нашел ее через Красный Крест, что отец ее жив и хочет ее видеть, что все родственники хотят, чтобы она приехала жить в Грузию. Появление грузинских родственников и их предложение совершенно выбило маму из колеи. Ведь бабушка, выполняя просьбу Георгия, внушала маме с детства, что ее отец грузин и ее родина Грузия. Многие друзья и подруги часто вспоминали, как на праздниках гимназии мама всегда пускалась плясать лезгинку, которой научила ее бабушка. С другой стороны в Болгарии оставались ее работа, квартира, родные, подруги и обширный круг знакомств. Очень многие ее отговаривали, в том числе и недавно вернувшаяся из России бабушка. Не знаю, что явилось решаю-

щим и что заставило маму принять решение уехать в Грузию. В конце 1959 г. мы, бросив все, уехали. Нас провожали друзья, мои соученики, родные. Последнее, что осталось у меня в памяти, когда отходил поезд – это потерявшая сознание бабушка.

Уже в Грузии мы узнали, что вторая жена деда Анико, выполнявшая последнее желание перед смертью своей свекрови (матери Георгия), вернуть в Грузию дочь Георгия, сделала все, вплоть до обмана, что дед жив.

Тбилиси встретил нас жарой, причудливой архитектурой, громким гортанным говором. Но это уже другая история.

*Святослав Иванович Петрусенко,
Валентин Павлович Петрусенко*

Династия Петрусенко в Болгарии

Основоположник нашей династии в Болгарии **Иван Петрович Петрусенко** приехал в Болгарию после Гражданской войны в России во время большой эмигрантской волны, наводнившей Балканы русскими беженцами.

Родился в феврале 1891 г. в городе Грайворон Курской губернии в семье землемера. После окончания реального училища в 1912 г. был призван в армию и участвовал в 1-й Мировой войне в качестве прапорщика инженерных войск на железной дороге. Участвовал в сражениях в Галиции на границе с Австро-Венгрией. В 1916 г. окончил Военное училище и в звании поручика Русской армии принял участие в сражениях на румынском фронте. После заключения перемирия отправился в Киев.

Первоначально был мобилизован петлюровцами в Первый Украинский Запорожский полк. После побега из полка в Одессе снова оказался мобилизован в железнодорожную роту армии Врангеля, в составе которой принял участие в строительстве железной дороги Перекоп-Джанка.

В конце Гражданской войны, отремонтировав двигатель броненного корабля и 22 октября 1920 г. отплыл на нем с одно-

полчанами из Новороссийска в Севастополь, а оттуда в Галиполи (Гурция), где провел год.

В 1922 г. прибыл в Болгарию, г. Ямбол, а позже был отправлен в казармы в с. Княжево. Здесь же с разрешения начальства он женился на болгарке Возкресии. Это была первая свадьба русского офицера и болгарки.

Окончив технические курсы, с 1923 г. работал на строительстве узкоколейной железнодорожной линии в высокогорной части Родопских гор. Позже вместе с другими белоэмигрантами ремонтировал вагоны на линии до Рильского монастыря в селе Кочериново, а жена и двое детишек оставались в Княжево. Возвратившись, работал слесарем в военно-инженерных мастерских Софии.

Иван Петрусенко
с семьей

Иван Петрусенко
в Рильском монастыре

После получения в 1935 г. болгарского гражданства поступил мастером-слесарем в Софийский железнодорожный ремонтный завод. В 1948 г. упал с вагона и сломал руку, из-за чего был отправлен на пенсию.

В 1960 г. умер от сердечной болезни и сахарного диабета. Похоронен на русском участке Центрального софийского кладбища.

Он поддерживал близкие отношения с русским офицером и патриотом Яковом Есауленко, который стал собственником меховой фабрики в Болгарии, которую впоследствии подарил Советскому Союзу. Вернулся на Родину, в г. Кисловодск. Яков Есауленко был крестным отцом всех детей Петрусенко. Поддерживал их морально и материально.

Четверо сыновей Петрусенко: Павел, Святослав, Петр и Евгений, несмотря на тяжелое материальное положение семьи эмигранта, получили высшее образование.

Старший сын Ивана и Возкресии, инж. **Павел Иванович Петрусенко**, родился 22.06.1928 в Софии. В 1946 г. окончил III-ю мужскую гимназию. Учился в Государственном политехническом институте, специальность «индустриальная химия».

Разрабатывал тему, касающуюся электрофорезного покрытия металлов. За эту работу коллективу, членом которого он был, присуждена Димитровская награда за 1971 год. Некоторое время был представителем Болгарии в СЭВ по проблемам органических покрытий и коррозии металлов. С 1977 г. по 1981 г. работал на Кубе в разных проектных организациях в областях машиностроения и химической промышленности. Вернувшись в Болгарию, стал с.н.с. Центрального института химической

промышленности (ЦИХП). Он соавтор 3 книг о технологии органических покрытий. У него есть 4 авторских свидетельства – синтез смол, электрофорезные процессы и антикоррозионная защита. Награжден золотым значком «Изобретатель».

Его жена Светлана А. Петрусенко, родилась в 1932 г. в Харькове. В Болгарию приехала в 1958 году. Работала строительным инженером в разных проектных организациях (НИСИ, Главпроект, Водоканалпроект). У них трое сыновей:

Сергей Павлович (1959 г. р.) окончил русскую школу в Софии. Во время пребывания семьи на Кубе учился в университете Гаваны на географическом факультете. Окончил обучение по этой же специальности в Софийском университете. Был учителем, экскурсоводом. Работает в разных частных фирмах. Его жена Станислава Петрусенко – переводчик в разных фирмах. Владеет датским и русским языками и сотрудничает с КНСБ (Конфедерация независимых синдикатов Болгарии). Сын Мартин (1990) студент украинской филологии Софийского университета св. Кл. Охридского.

Валентин Павлович родился 5 июля 1961 г. в Софии, учился в 133-й русской школе им. А.С. Пушкина, заканчивал учебу в 1978 г. в Посольской школе Гаваны на Кубе, по месту работы отца, приглашенного на остров специалиста по химической индустрии. Университетское образование начал в Гаванском университете, затем окончил исторический факультет Софийского университета по специальности «новая и новейшая общая история». Работал учителем, после чего поступил в аспирантуру Института Латинской Америки Российской академии наук в Москве, где получил степень доктора наук в 1992 г. Работал на историческом факультете Софийского университета св. Кл. Охридского, а с 1995 г. читает основной курс новой и новейшей общей истории в Пловдивском университете Паисия Хилендарского; с 2003 г. – доцент. Является одним из немногих болгарских специалистов по современной истории Латинской Америки, основатель и председатель Болгаро-Латиноамериканской ассо-

циации. Дважды (в 1990–1991 и 2006–2007 гг.) работал приглашённым преподавателем истории в мексиканских университетах Гвадалахары и Колимы, неоднократно проводил стажировки или работал по проектам в университетах Эдинбурга (Шотландия), Неаполя и Сассари (Италии), в Центрально-Европейском университете Будапешта. Читал лекции по истории в университетах Братиславы, Варшавы, Флоренции, Йены, Галле (Германии), Кардифа (Уэльса, Великобритания), Мартиники и Гваделупы (французские Вест-Индия), Карс (Турции).

Имеет свыше 30 научных публикаций в Болгарии, России, Венгрии, Мексике, Испании; монографию «Становление государственности в Латинской Америке: период колониального управления» (София, 2003), а также ряд научно-популярных статей и переводов по европейской и латиноамериканской истории, рецензии и редакторство научных изданий. Вел курсы по европейской и латиноамериканской истории в Софийском, Варненском и Новом Болгарском университетах, участвовал с докладами в международных конференциях множества европейских университетах, а также в Израиле, Эквадоре, Тунисе и Турции. Руководил рядом европейских проектов в области гуманитарных знаний и социальных наук, работает экспертом Агентства по образованию Европейской комиссии в Брюсселе.

Увлекается художественной фотографией, провел 7 персональных фотовыставок в Болгарии и за рубежом (первая из них была посвящена России и прошла в РКИЦ в Софии).

Супруга, Бисерка Велева-Петрусенко, окончила факультет немецкой филологии Софийского университета; работала в Институте иностранных студентов, а с 1996 г. стала преподавателем разговорного немецкого языка на журналистском и юридическом факультетах Софийского университета (для студентов-иностранцев). Сыновья: **Андрей** (1987 г.р.) – окончил с отличием Математическую гимназию, студент, учится на факультете инженеров транспорта Университета архитектуры и геодезии в Софии; **Николай** (1990 г.р.) – окончил Национальное

училище искусств, ныне студент по специальности «графика и книгопечатание» Художественной академии в Софии. С детства участвовал в ряде конкурсов по рисованию, имеет ряд наград и отличий (первые награды конкурсов «Российской газеты», Болгарского олимпийского комитета; экслибриса в Польше и Италии и др.), первая персональная выставка дефиgurативной графики – май 2010 г. в галерее «Альма матер» Софийского университета.

Алексей Павлович (1974 г.р.) окончил школу по специальности электрика. Супруга Мариана окончила Лесотехнический университет. Оба работают в частной фирме. У них двое детей, сын и дочка.

Второй сын Ивана и Возкресии **Святослав Иванович Петрусенко** родился 03.12.1933 в Софии. В 1952 г. закончил V школу им. Ивана Вазова в Софии, в 1960 г. – Университет св. Кл. Охридского по специальности «геохимия». После получения диплома работал на геологическом объекте Чепеларе в Родопах. Затем поступил в Геологический институт БАН, в котором с 1961 г. по 1972 г. работал специалистом-минералогом. С 1972 г. стал научным сотрудником департамента Геолого-географических наук БАН, с 1974 г. – сотрудник Национального природно-научного музея (НПМ) БАН. В 1988 г. стал старшим научным сотрудником, а с 1989 г. и до выхода на пенсию в 1994 г. был заведующим секцией минералогии.

Под руководством академика Ивана Костова (1913–2004), который был директором НПМ с 1974 г. по 1989 г., музей возродился и обновился (после неудачного превращения в Зоологический музей). С большими усилиями была восстановлена минералогическая экспозиция, она была целиком обновлена, и многократно обогащена и расширена. Она стала доступной для посетителей. Неоценимую бескорыстную помощь Святослав получал от коллег, друзей и коллекционеров. Благодаря многочисленным командировкам по стране и за границей, фонд минеральных образцов увеличился в разы (было около 1 000, стало свыше 10 000).

Он установил плодотворное сотрудничество с аналогичными музеями в Европе, Австралии, США, Канаде и СССР, поддерживал активные связи с иностранными коллекционерами, от которых получил интересные и редкие минеральные образцы из далеких стран. После выхода на пенсию не разорвал связь с НПМ.

У него около 80 научных статей – самостоятельных и в соавторстве с болгарскими и иностранными коллегами, посвященных редким десилицитизированным пегматитовым и скарновым минерализациям в Рило-Родопской области. Святослав нашел новые для Болгарии минералы и их разновидности: изумруд, хризоберилл, александрит, туилит, гейкилит, стрюверит, мулуит и др. Он является автором около 20 научно-популярных статей, многих рецензий и сценариев музейных экспозиций, консультантом фильмов. По его предложению в 1985 г. Район Урдинный цирк на горе Рила, был объявлен природоохранной достопримечательностью редких минералов.

В 1990 г. Святослав Иванович принял участие в создании Болгарского минералогического общества и стал членом его правления. Был национальным представителем Комиссии музеев от Международной минералогической ассоциации (ММА). Принимал участие в подготовке справочника «Минералогические музеи и коллекции мира». Выступал с докладами на международных конгрессах, симпозиумах, сессиях и юбилейных годовщинах.

Содействовал созданию и развитию минералогических и геологических экспозиций природно-научных и исторических музеев Благоевграда, Варны, Бургаса, Кырджали, Плевна, Чепеларе, а также и экспозиции «Зал Кристаллов» в Мадане. Некоторым из них он до сих пор оказывает помощь и содействие, проводит совместные экспедиции для собирания минеральных образцов. Был научным руководителем первых в Болгарии тематических выставок «Что знаем о минералах» (2005), «Волшебный мир кальцита» (2006) и «Кварц» (2007) в Археологическом музее Варны.

Некоторое время преподавал минералогию в Софийском университете (1974–1976). В последние годы помогал в инвентариза-

ции и обновлении экспозиции музея минералогии Софийского университета.

Является членом Украинского минералогического общества, ProGeo (Швеция) и Общества друзей и дарителей Бергмузеума в Фрайберге (Германия).

Его раннему интересу к геологии очень помог кружок «Юннаты» пионерской организации Клуба советских граждан в Болгарии (КСГБ), под руководством Наталии Г. Пчелинцевой. В Велико Тырнове (1948) они собирали минералы и окаменелости. В 1949 г. члены кружка развили более разнообразную деятельность – собирание растений, поиск змей и насекомых. Доц. Ангелом Ангеловым отличникам кружка была дана рекомендация директору «Аквариума» проф. Александру Вылканову. После нескольких бесед тот пригласил их участвовать в руководимой им ученической экспедиции по побережью Черного моря. Руководитель лагеря Н.Г. Пчелинцева разрешила им вместе с Никитой Лобановым и змееловом Петей Худяковым присоединиться к этой экспедиции. Больше всего им с Никитой понравилось посещение медных рудников рядом с Бургасом. Там они успели собрать свои первые минеральные образцы: азурит, малахит, халькопирит и др. Профессору Вылканову понравилась их любознательность и летом 1950 г. он пригласил их принять участие в экскурсии со студентами-биологами по Риле. 2 июля 1950 г. они тронулись по тропинкам к турбазам Мусала – Грынчар – Заврачица и обратно через Боровец к Софии. Этот памятный поход по Риле дал начало многолетней исследовательской деятельности Святослава в изучении минералов этой горы. Связь с проф. Александром Вылкановым (1904–1971) продолжалась многие годы. В трудное для Святослава время он его поддерживал. Святослав Иванович также посещал курсы в Школе альпинизма в Риле, что оказалось очень полезным в его будущей геологической работе.

С Никитой Лобановым-Ростовским Святослав часто гулял в окрестностях с. Владая, где они находили хорошие пегматито-

вые минералы: турмалин, кварц, титанит, амфибол и др. Позже к ним присоединился Платон Чумаченко. Втроем они делали длинные переходы – в горы Плана и Искырское ущелье. Их дружба продолжается по сей день. В 1951 г. втроем они участвовали в походе, организованном школой им. Ивана Вазова по Центральным Родопам под руководством Ивана Паякова (бывшего тогда студентом-геологом). С ними был и будущий поэт Любомир Левчев – большой любитель минералов. Целью похода был сбор минеральных и скальных образцов, растений и насекомых для школьных коллекций. После окончания университета Святослав стал геологом в Чепеларе, где началось изучение большого месторождения дистена – важного огнеупорного сырья.

Супруга Святослава Катя Борисова Петрусенко родилась в Благоевграде в 1941 году. Окончила факультет геохимии Софийского университета. Их дочь Ексевия Петрусенко родилась 18 марта 1976 г. в Софии. Окончила Горно-геологический университет Св. Ивана Рильского.

Третий сын Ивана и Возкресии Петрусенко **Петр Иванович Петрусенко** родился 15.10.1935 в Софии. Поступил в Софийский университет на химический факультет, в 1959 г. защитил дипломную работу. Преподавал химию в Темелково (сейчас Батановцы). Затем работал в Гигиенно-эпидемиологической инспекции г. Перник. Позже стал главным инженером на фабрике для чистых химикатов «Червена звезда» в кв. Владая. До выхода на пенсию работал экспертом «Охрана труда» в Болгарских профсоюзах. Умер в начале 2007 года.

Его жена Веселина Енчева-Петрусенко – архитектор. Работала в проектных организациях. Умерла осенью 2007 г.

Сын Родиан, 1961 г. рождения. Сейчас живет в шт. Аризона (США). Владелец небольшой автомобильной фирмы.

Младший сын Ивана и Возкресии **Евгений Иванович Петрусенко** родился во время войны в Софии, в 1943 году. В 1962 г. окончил среднюю школу. В 1965 г. поступил на химический

факультет Софийского университета, который закончил в 1970 году. Его жена Соня Петрусенко – экономист. Дочь Радостина Петрусенко работает экспертом-экономистом в Министерстве регионального развития и благоустройства.

Иван и Возкресия Петрусенко успели ценой многих лишений и забот, выучить и подготовить своих сыновей к самостоятельной деятельности и профессиональному росту. Каждый из них внес свой вклад в развитие Болгарии. Хотя они и живут далеко от корней своего рода, они не запятали своих предков и свою духовную Родину – Россию!

Платон В. Чумаченко

Семейство Чумаченко в Болгарии

Чумаки – купеческий, торгово-извозный промысел украинорусского населения на землях Великой Степи с XV до середины XIX века. Постоянная угроза нападения в южных степях со стороны татарских отрядов заставляла чумаков иметь при себе оружие. Вспомним, что первые упоминания о казаках (грамота мещан Киева 1499 г.) – это прежде всего упоминания о чумаках – о купцах торговавших и перевозивших рыбу, кожу, соль, кустарные изделия, водку, деготь, табак и т. д., а позднее уже как о военных людях. Торгово-извозный промысел чумаков способствовал налаживанию связей между разными, даже очень отдаленными местностями. В любом селении чумакам оказывали радушный прием. О них говорили: «То люди бывалые, походили по миру, много видели, много знают...» Потомственным чумаком (купцом) был и мой прадед Дорофей Платонович. У его сына и мое-

Фаина, Софья
и Людмила (сестры). Сухуми,
1925 г.

го деда Платона Дорофеевича, была фамилия Чумак, и он, благодаря своим деловым качествам, поднялся на высокую ступень социальной лестницы став купцом первой гильдии в городе Новомосковске Екатеринославской губернии. Позже, очевидно для благозвучности, фамилия Чумак превратилась в Чумаченко. Это одна версия истории нашей семьи. По рассказам моей двоюродной сестры Мзии Куталадзе из Тбилиси, которая является правнучкой Платона Дорофеевича и внучкой Наталии Платоновны, Платон Дорофеевич был в Новомосковске судьей.

Супруга Платона Дорофеевича Чумака Екатерина Васильевна Кожуховская была домохозяйкой. В семье было 7 детей: 2 сына – Василий, врач (06.03.1893 – 14.01.1940), Иван, фотограф (1895–1984) и 5 дочерей – Фаина, служащая (1887–1963), Евфросиния (Флора) (1902–1998), Людмила (1907–1938), Соня (Софья) (1908–1989), Наталия (1900–1920), Поля – фельдшер, Марфа – колхозница (жила в деревне). Это было богатое и видное семейство и не только в связи с общественным положением моего деда. По рассказам одной женщины, с которой я случайно познакомился в Русском инвалидном доме в Княжево (к сожалению, не помню ее имени), она была родом из Новомосковска, «когда в воскресенье семейство Чумаков входило в церковь, все взоры обращались на них, так как дети были красивыми и притягивали к себе всеобщее внимание».

Мой отец Василий Чумаченко (точно не знаю, но могу предположить, что переход фамилии Чумак в Чумаченко произошел в начале прошлого века) был студентом последнего – пятого – курса юридического факультета Императорского Новороссийского университета в Одессе, проучился там пять лет: с 1914 по 1919 год. Сохранилось его удостоверение и нагрудный знак университета.

Он очень бережно относился к своему семейству, особенно любил свою старшую сестру Фаину. Однажды, когда он гостил в Новомосковске у родителей, произошел конфликт с одним чекистом или красным комиссаром, который позволил себе гру-

№ 460- *Копия*

ЛЕКЦИОННАЯ КНИЖКА
 студента Императорскаго Новороссійскаго
 Университета

Юридическаго фак.
 Фамилія *Чумаковъ (Чумаковъ)*
 Имя *Василій*
 Отчество *Платоновичъ*

Годъ поступления въ У-теть ос. 19*14*г.
 Годъ отъ ухода на зтогъ фак. ос. 19*14*г.

Телефонъ Эксплуатат. Делъ 229

Годъ поступления въ Университетъ 1914 г.

Дѣло № 441

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

Дано отъ ИМПЕРАТОРСКАГО Новорос-
 сійскаго Университета. Предъявитель сего, сту-
 дентъ *Юридическаго* факультета
 Имя *Василій*
 Отчество *Платоновичъ*
 Фамилія *Чумаковъ (Чумаковъ)*
 Вѣроисповѣданія *Христіанскаго*
 Время рожденія и мѣсто *мартъ 1893г. Новош-
 еловскіе*
 Подпись владѣльца свидѣтельства
Василій Чумаковъ

Лична Карта № 2175

Дадена на *Подпоручика Чумакова*
Василія Чумаковича

отъ коменданта на рускитѣ военослужащи въ гр. Руссе, за това,
 че той е эвакуиранъ отъ Русія и длѣженъ е да се намира въ
 гр. Руссе или въ околията му. Важи до *28 мартъ* 1920
Независимому Корпусу

Комендантъ на рускитѣ военослужащи,
 Капитанъ *Андрей*

Комендантъ гр. Руссе,
 Подполковникъ *Даниелъ*

Руссе, *28/3* 1920 г.

Документы Василия Платоновича и его нагрудный знак студента Новороссийского университета

бость по отношению к сестре. Это обстоятельство – боязнь быть арестованным – и подтолкнуло его, бросив университет, уйти на фронт. Так он стал прапорщиком в Белой армии генерала Деникина.

Из личной карты за номером 2175, выданной в г. Руссе 28 марта 1920 г. и подписанной комендантом города подполковником (незборчиво), становится ясно, что подпоручик Василий

Чумаченко прибыл в Болгарию в марте 1920 г., то есть перед массовой эмиграцией войск ген. Врангеля из Крыма, а значит, в отличие от большинства русских военных, поселившихся в Болгарии, миновал лагерь на полуострове Галлиполи. Каким путем он попал в Болгарию, неизвестно. Может быть, через Румынию с частями Белой армии генерала Деникина. В Болгарии он сразу включился в жизнь русской армии, которая довольно долго, особенно вначале, проводила частые военные сборы и учения. Василий П. Чумаченко в то время работал фельдшером в больнице Русского инвалидного дома, находившейся в здании Крайсельской больницы на Горнобанском пути около Софии, и одновременно учился на медицинском факультете Софийского университета. Работая в больнице, он заболел туберкулезом. Лечась от этой страшной болезни, только в начале прошлого века унесшей во всем мире жизни многих тысяч людей, он начинает изучать ее и искать способы ее лечения. Это и определило его дальнейшую специализацию как врача. В этой больнице он знакомится со своей будущей женой – Натальей Ченгер (Ченгереску) – красивой племянницей собственницы здания Русской больницы – д-ра Вилхелмины П. Крайселской. Наталья Ченгер была румынской эмигранткой из Бабадага (Северная Добруджа, Румыния). Она приехала в Софию к своей зажиточной тете в 1918 г. В 1928 г. Василий П. Чумаченко женится на Наталье, хотя в России у него осталась жена Мария (их дочь Жанна умерла во младенчестве). Со своей первой женой Василий

Военный лагерь.
Фото 1922 г.

Василий Платонович Чумаченко – фото 1928 и 1930 гг.

Наталия Ченгер. 1926 г.

В.П. Чумаченко, сын Петр и собака Нетта. 1934 г.

Петр В. Чумаченко (на фото с веслами). 1957 г.

П. Чумаченко так и не смог развестись из-за невозможности вернуться на Родину. Надежда на возвращение, которой жили первые годы многие русские эмигранты, со временем становилась все меньше. Обе жены Василия П. Чумаченко – Мария и Наталья, не видя друг друга ни разу, были в очень хороших отношениях и переписывались до кончины Марии, которая умерла в Новомосковске.

Новая, молодая семья стала жить в доме тети Натальи, на ул. Черковна, 53 (в настоящее время – ул. Евлия Челеби, 1) софийского квартала «Овча купел», находящегося на границе софийских сел Княжево и Горна Баня. В то время это место называлось «Трамвайный поселок», так как там, в основном жили служащие софийского трамвайного депо, местные жители между собой также называли это место «Маленькой Швейцарией» – очевидно, потому, что оно представляло собой небольшой островок домов, окруженных садами, и своей красотой и пейзажем напоминало Швейцарию.

Будучи студентом Софийского университета, Василий Платонович был душой всех студенческих вечеринок. Он хорошо играл на гитаре, имел собственную семиструнную гавайскую гитару. Даже после окончания университета, его часто звали на студенческие встречи. Как правило, они проходили в университетской столовой, которая находилась рядом с основным учебным зданием. Сейчас на этом месте находится Народная библиотека им. св. Кирилла и Мефодия.

Несмотря на свою популярность среди студентов, отец был скромным человеком. Это можно видеть и на фотографиях, на которых он всегда находится как бы на втором плане. Студенческие вечеринки всегда славились шумным весельем, часто сопровождалось употреблением спиртных напитков. Бытует также мнение, что русские эмигранты очень часто употребляли алкоголь. Не знаю, насколько это верно, но моего отца никто и никогда не видел пьяным. Только в конце жизни вечерами он стал немного выпивать вина «Станимышка малага» – видимо, это было как-то связано с его болезнью.

Окончание медицинского факультета в мае 1930 г. совпало с получением им болгарского гражданства. Наконец сменив «нансеновский» паспорт, он получает паспорт гражданина Болгарии. Благодаря этому в 1931 г. Василий П. Чумаченко получает разрешение за № 21054/30 от Главной дирекции народного здравоохранения, дающее ему право на частную врачебную практику. 18.08.1931 у него рождается первенец, сын Петр. С 02.11 1934 г. по 07.11. 1935 д-р Чумаченко работает как участковый врач, большого участка Сливенской Старой планины, с центром в с. Бяла. В этом селе в 1935 г. родился я, меня назвали в честь деда его именем – Платон.

К сожалению, никаких записей от отца не осталось, дневников он не вел. По всей видимости, его практика и отношения с местным населением складывались хорошо. На участке, на котором работал отец, находилось много сел, целиком заселенных болгарами турецкого происхождения. Отец очень любил животных,

особенной его страстью были кони. Видимо, проявлялась кровь запорожских казаков. Первый конь у отца появился в с. Бяла. Отец ласково звал его Славчо и очень любил его. Работая участковым врачом, он был с ним неразлучен, так как территория его участка была очень большой. Славчо помогал ему добираться до больных в дальних и труднодоступных местах, горных сел Старой планины (Балканы). Отец так любил своего верного друга, что позже взял его в Софию.

В знак признательности за работу и чуткое отношение к больным пациенты моего отца подарили ему настоящее турецкое седло, которое он хранил как память о своей врачебной практике и турецких друзьях.

В Софии отец для выездов купил второго породистого коня. Коня назвали Рекс, на нем он совершал конные прогулки верхом или запрягал в специальную двуколку. После смерти отца Рекса продали на конный племенной завод в Божурище. А первый конь – Славчо, так и остался у нас, пережив своего хозяина на 12 лет.

Практически сразу после возвращения в Софию, Василий П. Чумаченко открывает свой собственный врачебный кабинет на ул. Царица Йоанна 13 (район нынешнего ЦУМа). Здесь вечерами он принимал больных, а днем работает в санатории Крайселский на Горнобанском шоссе и за довольно короткое время становится авторитетным врачом в области грудных болезней, особенно туберкулеза легких.

Работая на двух работах, отец имел обычай после обеда давать себе небольшой отдых, после чего продолжал работу у себя в кабинете до позднего вечера.

В университете тема его дипломной работы называлась «Chorea minor Sydenhami», научным руководителем был замечательный русский ученый, высококлассный специалист по нервным болезням – проф. А.Э. Янишевский, директор нервной клиники Софийского университета, яркий представитель научного зарубежья России в Болгарии того времени. Но отец не стал за-

ниматься нервными болезнями. Всецело увлекшись лечением грудных болезней, стал хорошим специалистом в области пульмонологии, у него уже был удачный опыт борьбы со своей собственной болезнью – туберкулезом.

После возвращения из с. Бяла отец реконструировал здание Русской больницы, сделав из него санаторий для больных туберкулезом и назвал его «Витоша». В санатории больных лечили самыми разнообразными методами, в том числе и нетрадиционными: гигиеническими, диетологическими, противотуберкулезным воспитанием (сказки, беседы, общение), медикаментозно-симптоматично и специфично (туберкулин, золото), хирургическим – искусственный пневмоторакс, френисектомия, светолечение (прогревание кварцевыми лампами). Некоторым больным прописывалось кумысолечение, для чего отец через одного калмыка договаривался с владельцами ожеребившихся кобыл о поставках ему кумыса. Санаторий был собственностью тети супруги Василия П. Чумаченко – Виалелмины д-р П. Крайсельской – одной из привлекательнейших женщин высшего круга Софии. В 1938 г. из-за неуплаты долгов по ипотеке, банк продал ее собственность, которую целиком купил Евтим Василиев, а отец выкупил у него 6 000 кв. м. земли вместе со зданием санатория и частью дома, где они тогда проживали. Василий П. Чумаченко образует акционерное общество «Витоша». По болгарскому законодательству того времени один человек не мог стать собственником санатория, и Василий П. Чумаченко делит собственность следующим образом: 98 акций из 100 принадлежат ему, а по одной находились у д-ра Павла Охотина и адвоката Васильева.

Был сделан капитальный ремонт здания, надстроен дополнительный этаж. Вскоре после этого д-р Василий П. Чумаченко заболел раком желудка и 14.01.1940 умер. Заболевание обнаружилось неожиданно. Как то после осенней конной прогулки в окрестностях с. Суходол около Софии, он почувствовал себя плохо и слег в постель. При направленном исследовании и кон-

консультациями с коллегами, было установлено, что он болен раком. На этих консультациях присутствовал один молодой врач, которого после окончания осмотра и консультаций отец позвал к себе с надеждой, что он расскажет ему истинную причину болезни. Обычно, если болезнь смертельна, врачи не сообщают пациенту всю правду о его болезни. И этот молодой врач также не сказал ничего моему отцу. Уже потом, много лет спустя, я случайно встретился с ним, и он подробно рассказал мне эту историю.

Хочу сказать, что отец, по моему мнению, был одним из немногих в Болгарии, сделавших себе карьеру и устроивших свой быт русских эмигрантов, имевших младший офицерский чин и не имевших изначальных капиталов. Отца похоронили на русском кладбище с. Княжево. Тело было представлено для последнего прощания в доме, зеркало, которое висело на стене было покрыто белой простыней (в этом случае по поверью в доме не будет больше умерших). У нас – детей, была русская гувернантка – Олимпиада Александровна – из Русского инвалидного дома. Я помню, как она по старинному русскому обычаю стала делать глубокие поклоны и обходить с ними место, где лежало тело отца. Был ли я на похоронах и на кладбище, я не помню, помню, что в тот день выпал сильный снег.

По прошествии нескольких лет после смерти по какому-то русскому обычаю моя мать стала раздавать его одежду. Нам, сыновьям, достался полушубок, в котором отец ездил на конные прогулки. Еще когда мы учились в гимназии, этот полушубок отдали перелицевать портному, и я с братом Петром очень долго носили его и после окончания гимназии. Также нам досталась и светло-бежевая куртка. В 1952 г. со своим приятелем – Исаем Миловановым, занимаясь ремонтом одного старого бомбоубежища в районе Лозенец, мы увидели ателье по ремонту одежды, оно принадлежало семейству Деспотовых – старому другу отца и нашей семьи. Я отнес ему куртку, он перелицевал ее и зашил появившиеся от моли дырки. Получилась хорошая добротная куртка, которую я носил еще долгое время.

Все самые близкие приятели отца были белоэмигрантами. Ничто так не сближает людей, как общая беда. Эмиграция, пребывание вдали от Родины, невозможность видеть родных и близких, оставшихся в России, потеря имущества, лишение привычного уклада жизни для многих и были бедой. Мой отец и Павел Алексеевич Охотин вместе учились в Софийском университете. Он был родом из Санкт-Петербурга и много лет спустя, приехав туда в туристическую поездку, умер от сердечного приступа. Их дружба подкреплялась профессиональными отношениями и совместным сотрудничеством, Павел Алексеевич работал лечащим врачом у отца в санатории. В России он был студентом богословия, и это наложило свой отпечаток на его характер и манеру общения. Подолгу беседуя со своими больными, интересовался не только состоянием здоровья, но и другими тяготившими их проблемами. Я думаю, что эта психологическая терапия, положительно дополняла лечение, больные чувствовали внимание со стороны своего лечащего врача и его заботу о них. Позже Охотин работал врачом в русском лицее В.П. Кузьминой в Софии, после его закрытия и отъезда Варвары Павловны Кузьминой во Францию, перешел на работу участковым, а после работал врачом в Русском инвалидном доме в Княжево.

Другим другом моего отца был Александр Карпович Умнов, электротехник по профессии, и хотя профессиональные интересы у них с отцом были различными, они очень дружили. Дружили семьями, и эта дружба продолжилась и после смерти моего отца. В санатории работал бухгалтером-завхозом Дамид Павлович Гуляй, украинский националист, который, боясь прихода Красной армии, ушел с немецкой армией в Германию. Там он попал в лагерь, несколько раз писал письма моей матери и посылал мелкие подарки, типа редких тогда для Болгарии шариковых авторучек.

После смерти отца руководство санаторием взяла на себя моя мать Наталия или, как ее называли русские друзья, Наталья Яковлевна. К сожалению, она не имела никакого специального образования, хотя и пробовала какое-то время учиться меди-

пине в Нанси, во Франции, куда ее до этого отправляла тетья – Вилхелмина Крайселская. Но обучения там она не выдержала и скоро вернулась обратно в Софию.

Не нужно также забывать, что она руководила санаторием в трудное и сложное время 1940–1945 годов. Это были годы войны, когда достать что-либо было довольно трудно. Практически на все была введена специальная карточная система, в том числе и на медикаменты и продукты питания. А, как известно, больные туберкулезом должны хорошо питаться и питаться качественными и свежими продуктами.

После установления новой власти, с приходом в Болгарию коммунистов наша жизнь коренным образом изменилась. И, к сожалению, в худшую сторону.

В 1948 г. здание санатория с прилегающей к нему землей, на которой находился уютный больничный парк, с двумя чудесными беседками по новому Закону о крупной городской недвижимой собственности было национализировано. Наша семья была переселена в одну из комнат своего бывшего дома и за проживание в ней должна была платить налог государству. В 1950 г. охрана санатория осуществлялась какими-то людьми, являвшимися родственниками доктора Петра Коларова, который занимал тогда пост министра здравоохранения Болгарии. Это был сын известного деятеля коммунистического движения Болгарии Василия Коларова. Очевидно, им понравилась идея проживания в доме с большим великолепным парком. Они стали претендовать на дом, в котором жила наша семья. Это у них не получилось, так как, несмотря на свое положение, они были вынуждены соблюдать законы страны. Отобрать у нас дом удалось позже. И сделал это доктор Малчев, который в то время был директором нашего бывшего санатория, превращенного в больницу инфекционных болезней. Сам он жил, по его мнению, в неподходящей для его должности квартире и хотел жить в доме нашего семейства. Ему удалось убедить прокурора принять постановление об изъятии дома в свою собственность. Причем в постановлении было

также сказано, что государство не может обеспечить семейству Чумаченко другую площадь для жилья. Все наши вещи были выброшены на улицу, и мы оказались без крыши над головой. Но честные и совестливые люди были всегда и при всех режимах. По совету соседки Пенки (с детьми которой мы вместе росли), мама обратилась к местному городскому начальнику, который проявил несвойственную тому времени человечность и добился отмены прокурорского решения. Нас восстановили в правах на жительство в одной из комнат нашего бывшего дома. С приходом к власти коммунистов, надо мной и братом повис как дамоклов меч эпитет «белогвардейские подонки». Во всех документах и характеристиках, которые писали организации Отечественного фронта или БКП, такие формулировки неизменно присутствовали у людей, имевших отношение к белоэмигрантам. Это «пятно» в моей биографии не позволило мне сразу стать студентом. В 1953 г. я поступал на геологический факультет Софийского университета. К тому времени я закончил столичное училище им. Ивана Вазова в Павлове и у меня был довольно высокий балл в аттестате – 5,95 (при шестибалльной системе). На первом же вступительном экзамене – сочинении по болгарскому языку и литературе – я получил двойку и сразу выбыл из конкурса. Это было довольно странно, так как сочинение я написал хорошее с точки зрения содержания, при этом всегда отличался довольно приличной грамотностью.

Тот год для меня был вообще злополучным. После своей неудачной попытки поступить в Софийский университет, я пошел со своими друзьями – Любомиром Левчевым, Димитринкой Спасовой и др., которые стали студентами болгарских ВУЗов, в туристический поход в Пирин и Рилу, который традиционно организовывал районный комитет комсомола. В этом походе мой приятель Евтим Даскалов первый раз меня побрил, после чего у меня началось страшное кожное воспаление. После возвращения из похода мне даже пришлось уйти с работы, на которую я недавно устроился, со стройки Геокартографической фабрики

в Павлово. Лицо мое представляло одну сплошную рану, воспаление перешло в экзему. Положение было столь серьезным, что меня положили в Республиканскую кожно-венерическую больницу, которая находилась во дворе Александровской больницы. Там я лечился около 3 месяцев. Меня лечили хорошими лекарствами, в том числе новым средством – нативным пенициллином, который было трудно достать даже в этом элитном лечебном заведении. Вскоре произошло мое полное выздоровление.

После того, как я выписался из больницы, мой приятель Светослав Докучаев, пригласил меня работать подземным коллектором в ГОРУБСО, в Маданском рудном бассейне, там работал участковым врачом и его отец – д-р Николай Докучаев, бывший белогвардеец. Его отец дал нам возможность проживать в его квартире в Бориеве. На следующий год я опять поступил в Софийский ун-т, но теперь уже как рабочий ГОРУБСО. Необходимая характеристика была получена мной от местной партийной организации, это если и не маскировало мое происхождение, то хоть немного его сглаживало. Повлияло и то, что я работал по специальности, на которую хотел поступить учиться. В университет я поступил в 1954 г. и успешно закончил его в 1959 году. Так осуществилась мечта моего детства: я стал дипломированным профессиональным геологом-съемщиком. Через два года работы я поступил в Геологический институт БАН, куда меня приглашает на работу его директор академик Еким Бончев. В этом институте и прошла вся моя дальнейшая творческая и научная жизнь вплоть до пенсии в 2003 году.

Геологией, которой я посвятил всю свою жизнь, меня увлек мой школьный приятель, сын белоэмигранта – князь Никита Лобанов-Ростовский. В 1949 г. мы вместе учились в маленькой школе в квартале «Овча купел», а потом – в школе им. Ивана Вазова в Павлове. Вместе с Никитой и другим моим большим приятелем детства – Светославом Петрусенко по воскресеньям мы «охотились» за минералами, а после показывали свою «добычу» проф. Ив. Костову: он помогал нам определить, какие ми-

Платон с Никитой и Светом (монтаж фото 1972 и 2012 гг.)

нералы мы нашли. Со временем мы сделали одну общую минералогическую коллекцию, которую позже отдали Костову для минералогического музея Софийского университета. Часть этой коллекции до сих пор хранится в музее.

Наша дружба с Никитой и Светославом (в детстве мы звали его «Черным Светом») продолжается до сих пор. Мы часто встречаемся со Светославом, а с Никитой общаемся по электронной почте и когда два раза в год, весной и осенью, он приезжает в Софию из Лондона, где сейчас проживает.

Судьба Никиты Лобанова очень интересна. Он с матерью уехал из Болгарии в 1953 году. Сначала жил во Франции, потом в Англии, где изучал геологию в Оксфордском университете.

Плагон,
Л. Ратиев, Никита,
С. Петрусенко. 1995 г.

Моя научная карьера геолога развивалась довольно успешно. В 1972 г. я защитил кандидатскую, а в 1989 г. – докторскую диссертацию. У меня более 240 научных публикаций в самых престижных международных геологических изданиях. Мне приходилось работать

в разных странах. В 1970–1972 гг. я был с болгарской геологосъемочной группой в Алжире, в 1977–1979 гг. – старшим геологом болгаро-монгольской геологосъемочной партии в Монголии. Был участником многих международных научных конгрессов и конференций. Руководил болгарской делегацией Мирового геологического конгресса в Рио де Жанейро, Бразилия (2000). Я стал признанным специалистом по юрским брахиоподам и стратиграфии юрской системы в Болгарии, Алжире и Монголии. После 1989 г. меня выбрали председателем комиссии по наукам о земле Национального фонда «Научные исследования» (1993–1996), членом и председателем научной комиссии по геолого-географическим наукам ВАК Совета Министров Болгарии (1997–2003 и с 2006 до окончания деятельности ВАК).

Со своей будущей супругой Райне Цоневой Ивановой, я познакомился в геологической экспедиции в северо-западной Болгарии. Она родом из г. Кула Видинского края, ее дед был

Райна. Фото 1951 и 1963 гг.

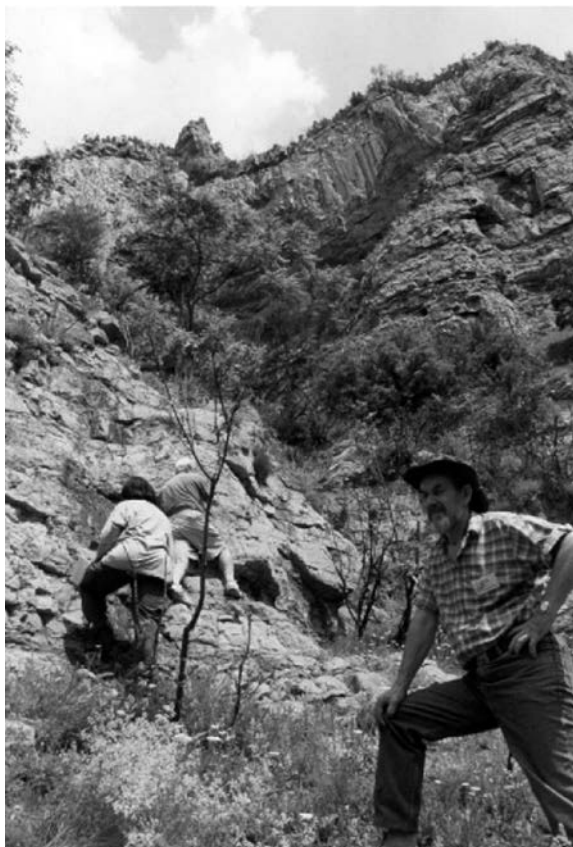
Платон, Вася, Невелина, Райна.
Улан-Батор, 1979 г.

эмигрантом из Македонии. По совпадению часть нашего семейства состоит из эмигрантов, которые в разное время приехали из России, Украины, Румынии и Македонии. Всех их гостеприимно приняла Болгария. В 1960 г. мы с Райной поженились. В тот же год у нас родился сын Василий. Дочь Невелина родилась через 8 лет в 1968 году. Василий – инженер-электронщик, окончил Технический университет Софии. В настоящее время преподает в этом университете и является доктором Института электроники в Гренобле, Франция. Сын, как и я, увлекается туризмом, и мы часто совершаем совместные многодневные путешествия по болгарским горам.

Платон и Вася на горе Пирина (Болгария). Август 2002 г.

Невелина закончила Биологический факультет Софийского университета по специальности биолог-эколог. У Василия и Невелины свои семьи. Жена Василия Илина Григорова и муж Невелины Мирослав Марков – чистокровные болгары. Дочь с мужем работают в сфере международной торговли. В 1998 г. я стал дедушкой: в семье моей дочки родился мой первый внук – Теодор, а в 2003 г. в семье Василия – внучка Ева и в 2005 г. – вторая внучка – Зоя. Так что

Платон. 1995 г.

болгарское семейство Чумаченко достаточно велико и для меня это большое счастье и радость. Это болгарская линия семьи Чумаченко, в которой я был младшим сыном. Старший сын Василия Чумаченко и Натальи Ченгер Петр не имел семьи. Он работал трактористом и умер в 1989 году.

Из разных наград и членом научных обществ, я больше всего ценю то, что Болгарское геологическое общество выбрало меня в 2011 г. своим Почетным членом.

Некоторые представители семейства Чумаченко после большого голода на Украине переселились в другие города СССР.

Наградная грамота. 2011 г.

Сначала в Сухуми. В 1936 г. все они уже жили в этом курортном черноморском городе. Отсюда сестры моего отца разъехались в другие города: Тбилиси, Горький (Нижний Новгород), Москву. Таким образом, волею Господней сплоченное семейство Платона Дорофеевича Чумака (Чумаченко) из украинского города Новомосковск расселилось по всему миру и сейчас его наследники живут в Болгарии (София), Грузии (Тбилиси), России (Москва и Нижний Новгород и др.).

Жизнь, описанная в письмах, или Разлука длиной в сорок лет

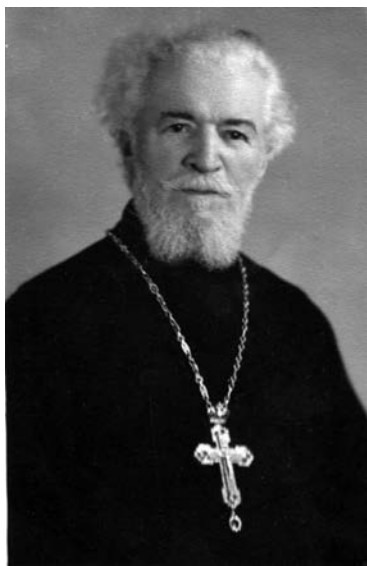
Предисловие

В 2010 г. по Болгарскому национальному телевидению проходило обсуждение самых значимых событий в стране за XX век. Мнения сошлись на перевороте 9 сентября 1944 г., который и оказался таким событием. Среди других обсуждаемых соискателей, однако, никто не упомянул о приеме Болгарией русских беженцев в 20-х гг., которые волнами прибывали из Константинополя. Мне представляется, что это событие не менее значимо для прибывших беженцев, чем спасение 50 тыс. болгарских евреев от физического уничтожения в гитлеровских концлагерях. В обоих случаях шла речь о спасении жизни десяткам тысячам преследуемых людей, попавших в беду ввиду безумств истории XX века. Одни спасались от террора Советской власти как «классовые враги», другие от немецкого фашизма как «неполноценная нация». Следует также упомянуть, что государство Израиль, при каждом удобном случае благодарит болгарский народ за этот героический и глубоко гуманный акт, в то время как о спасении русских беженцев никто и никогда не только не благодарил, но даже и не вспоминал.

Несмотря на тот факт, что беженцев Болгария принимала под нажимом Лиги наций, стран Антанты и особенно Франции, надо

Кандидат филологии
Варшавского университета
З.М. Словачевский. 1912 г.

Протоиерей Женского
Покровского монастыря в Киеве
Закхей, Михайлович. 1958 г.

отметить, что в трудные для страны годы после подписания Нейского договора, страна принимала с сочувствием бедствующих русских людей. Через Болгарию прошло около 36 тыс. русских беженцев. Для одних эта страна была перевалочным пунктом в другие страны или пунктом пребывания, после чего они возвращались на Родину. Для других она стала второй родиной. Такой она стала и для нашей семьи. Мои родители остались здесь навсегда, несмотря на мечту вернуться при подходящих обстоятельствах домой...

Прошли годы. Давно ушли из жизни мои родители. На закате лет мне захотелось собрать архивы моих предков и оставить на память сыновьям и внукам, неизвестные для них страницы из жизни рода Словачевских.

В 1917 г. мой прадед епископ Дамиан был переведен из Тифлиса в Саратов. Он взял с собой внука Бориса, чтобы помочь молодой семье моего дедушки Закхей Михайловича Словачевского и бабушки Нины Дмитриевны (дочери Дмитрия Говорова) справиться с жизненными трудностями до возвращения их в Киев. С момента расставания велась переписка, которая

Здесь снята в 1896 году

в Кутеве возле Толит. имени где теперь Мейро, возле бывшей церкви Марии Магдалины, семья Словачевская о. Михаила Ивановича, б. учитель, крест. прик. Никола Мундича. С ним сидит мати Феодосия Пантова, но рука у нас сам сын Михаил Федор, кот. вносил баш. рубль по вилке 1914.

См. слева на право вся семья: сидит сн. сын Павел Мих и сн. сын Макарий Мих. Между отцом и мати стоит Захей Мих., справа сидит Василий Михайлович сидит на траве слева между Павлом и отцом - Тригорий, а справа между матерью и Василием - Анастасия Мих. Семья состоящая из 7 человек и 1 дитя, сестер не было. Отец умер в 1907 г., мати в 1933, 78 лет.

Нашим в 1963 году оставили из семьи в живых: Захей 76 и Яна - фижик 75 лет - всего двое.

Убитой Господи души умерших честной православной семьи!

Вместо родословной рода Словачевских (надпись на фотографии сделана рукой Захей Михайловича Словачевского): «Мой дедушка Захей Михайлович Словачевский закончил Варшавский университет со званием кандидата филологии в 1912 году. Будучи еще студентом, в 1908 г. он заключил гражданский брак с Ниной Дмитриевной Говоровой, дочерью протоиерея Дмитрия Говорова (архиепископа Дамнана). В 1909 г. у них в Варшаве родился сын Борис – мой отец»

сохранилась у дедушки Закхея Михайловича в Киеве, а письма от него сохранились у моего отца. Когда, после смерти бабушки Нины Дмитриевны, дедушка переехал к нам в Болгарию в 1965 г. он захватил с собой и весь имеющийся у него архив. Таким образом, я получил в наследство две большие стопки писем. В одной были письма, которые посылал мой отец Борис Закхеевич родителям в Киев. В другой стопке я нашел письма, которые нам присылали из СССР дедушка Закхей Михайлович и бабушка Нина Дмитриевна. Мне не оставалось ничего более, как прочитать их и уложить в папку, соблюдая хронологию. В итоге собралось

Семья Словачевских. Киев, Шулявка (район Киева), Березовый пер., 14. Слева направо – Агафоник Михайлович, студент Киевской Духовной Семинарии, священник Василий Михайлович – Шулявская церковь, мать Феодосия Пантелеймоновна, протоиерей Павел с. Лепецка Бердичевского уезда, Закхей Михайлович, кандидат наук по окончании Варшавского университета. Стоят брат Феодор Михайлович, ученик 3 класса Киевской Духовной Семинарии и Григорий Михайлович – студент Киевского Коммерческого института. 1912 г.

150 писем, в которых описана жизнь родителей, расставшихся волею случая с сыном после Октябрьского переворота в России. В настоящем кратком повествовании невозможно опубликовать все доставшиеся мне письма. Я взял лишь те, из них, которые подробно описывают важные моменты жизни обеих разделенных семей, или использовал отрывки из писем. Зная про цензуру в СССР и в Болгарии после сентября 1944 г., мне придется лишь удивиться, как эти письма проходили вообще, не принося своим адресатам никаких последствий или репрессий. Неудивительно, что в 20-е и 30-е гг. из Киева приходили открытки... чтобы не утруждать «органы» распечаткой писем.

Из письма Закхея Михайловича сыну Борису от 27.03.1952:

«Ты спрашиваешь, по какому стилю родился 9 апреля 1909 года в Варшаве. Так знай, что до октября 1917 года в России был стиль старый. Я окончил Киевскую духовную семинарию по I разряду, где медалей не было, а со званием студента семинарии и предлагался в Академию, но по окончании семинарии женился 8 июля 1908 года и поступил в Варшавский университет, т.к Киевский был переполнен и я опоздал туда после свадебного путешествия в Крым, где мы с мамой курортчили в Ялте и вернулись в августе, когда уже начинались везде занятия, а Дедушка (Арх. Дамиан, замечание мое) учился на 3-м курсе Академии. Четыре года мы пробыли в Варшаве, а на каникулы приезжали в Киев и были, то у Дедушки на Печерске, то на Шулявке у бабушки, и на даче в Ворзеле у тети Нины и Василия Михайловича. Окончил Университет в 1912 году по историко-филологическому факультету по I разряду с ученым званием кандидата филологических наук и сразу 1-й год преподавал в Уманской гимназии, где нас постигла скорбь, там умер 9-месячный твой братишка Игорь, и мы в 1913 году переехали к Дедушке в Кишинев, где он был архимандритом Ректором Семинарии. В 1916 году переехали с тобой в Тифлис, а после революции ты упорхнул с Дедушкой в Болгарию и вот там подвигаешься, там вырос, воспитался и оперился семьей, желаем тебе счастья и благополучия, не скучай. Мы прошли очень тяжелый жизненный путь, мама нервно боле-

Борис Словачевский. Кишинев, 1915 г.

ла, а я тружусь и после отечественной войны Бог направил меня на путь служения алтарю, где я и креплюсь. Мама твоя окончила Керченский институт без шифра, но с наградной книгой, затем училась год в Московской консерватории, затем в Харьковском музыкальном училище, затем в Киевском и не окончивши последнего курса, вышла замуж и забросила свою музыку. Вот каково бытия чтение. А твой 3-й брат Алеша погиб на войне рядовым возле г. Гродно, защищая Родину от фашистов-немцев, пришло известие, что пропал без вести в 1942 году».

Из письма Закхея Михайловича от 28.09.1955:

«Теперь напишу о нашей семье. У наших предков было 7 сыновей и ни одной дочери. Старший Павел был протоиереем в провинции, умер в 1913 году, когда и тебе известная бабка Феодосия Пантелеймоновна, что бранила тебя за огород, который топтал. Второй мой брат Макарий, который умер в Симферополе, по окончании университета, где осталась одна дочь Елисавета. Третий брат Василий Михайлович – отец Серезжи и Тани погиб в лагере в 1943 году. Четвертый это я – твой отец, кандидат филологии Варшавского университета. Пятый дядя Агафоник – инженер – холостяк-хозяин. Шестой Григорий Михайлович, инженер, погибший от тифа во время эвакуации в войну возле Казани в 1943 году, его жена заведует детским садом в Киеве, а ее дочь Алла Григорьевна – замужем и преподает с мужем в Политехническом институте. Седьмой Федор Михайлович, погиб героем в Карнатах в 1913 году – вот тебе наша семья вся налицо. А наш дедушка мой отец Михаил Иванович скончался в 1907 году на Шулявке».

Из письма Закхей Михайловича от 28.09.1955:

«Наш родовой домик (в Киеве) по Березовому переулку № 14 нотариально записан на наследников: Агафоника Михайловича, Закхей Михайловича и Сергея Васильевича. Фактически управляет домом Неонила Моисеевна, супруга Василия Михайловича, она занимается садиком и огородом, возделывает там цветы и держит все в порядке. В домике 3 квартиры. Одна квартира занята уже 50 лет старым рабочим, который живет с дочерью и сыном, а другие 2 квартиры объединены в одну, здесь помещается Фон и Неонила Моисеевна – Все квартиры состоят из комнаты и кухни с секциями. Во дворе имеется еще древний флигелек, тоже из двух маленьких комнат с кухонькой, который занимала бывшая няня Мария Науменко, что служила у Неонилы Моисеевны, теперь там живет невестка этой няни принявшая себе мужа, который задумал себе присвоить этот флигелек, но Неонила Моисеевна не допустила этого. Теперь чтобы выселить этих старых жильцов, нужно дать им жилую площадь или деньги. Вот в этом и заключается „гордиев узел”. Права хозяина у нас умалены, и часто бывает так, что принимаешь квартиранта, а он старается устроить себе личный счет, и становится твоим сохозяином, вот и судись с ним. Лучшее всего было бы выстроить в саду новый флигель, например для тебя, но в связи с реконструкцией города, не позволяют делать пристроек, говоря, что будет новая планировка и перестройка улиц и все старое пойдет на снос. Пока у меня есть служебная квартира, я не беспокоюсь о жилье, но завтра я останусь без места, где же будет моя квартира? Фон говорит, что тогда нужно будет выселить квартирантов. Но одно говорить, а другое сделать, это у нас очень трудно теперь. Уже приходила дочь покойного Павла Михайловича Наталия – насчет квартиры для нее, она уже старая учительница, но мы отказали за отсутствием такового. Никаких секретов у нас быть не может. Конечно, Неонила Моисеевна хочет, чтобы и для Тани в случае чего была бы комната для нее, а пока она живет в институте с мужем. Всякий из нас хотел бы иметь свой уголок для своих пенатов, но всех удовлетворить. Оно конечно лучше было бы продать все и разделить на всех, но трудно сосчитать всех претендентов. Ведь каждому интересно получить не деньги, а угол, потому что за каких-то 5 тысяч не купишь квартиры. В общем, этот вопрос трудно разрешить. Когда приеде-

те тогда и решится это дело. А пока желаю вам доброго здоровья и всякого благополучия. Не огорчайтесь, что не можем вас порадовать чем-либо реальным, все под Богом ходим, но надеемся, что все устроится во благое».

Протоиерей Дмитрий Говоров, овдовев в 1907 г., поступил в Киевскую Духовную семинарию, принял монашеский постриг и был наречен именем Дамиана в пещерах Киево-Печерской лавры. По окончании Киевской Духовной семинарии в 1911 г., архимандрит Дамиан назначен Ректором Кишиневской духовной семинарии. Тем временем Закхей Михайлович получил место преподавателя русского языка в Кишиневской гимназии с 14 августа 1913 г., где проработал до 19 июля 1916 года. Указом Святейшего Синода Архимандрит Дамиан 30 марта 1916 г. переведен епископом Эриванским, четвертым викарием Грузинской

Моя бабушка Нина Дмитриевна Говорова (Словачевска), воспитанница Керченского Кушниковского института благородных девиц

епархии. Через два дня после приезда, в Сионском кафедральном соборе Тифлиса, было совершено таинство архиерейской хиротонии, и Дамиану был вручен епископский жезл. В его подчинении находились приходы, учебные заведения и прочие церковные учреждения Эриванской, Елизаветпольской епархии и города Карса.

Здесь епископа Дамиана застала весть об отречении Императора Николая II от российского престола и об учреждении Временного правительства. Уже 12 марта в древней столице Грузии г. Мцхете состоялся собор, в котором представители духовенства Грузинской церкви и мирян, желавшие отделения от Русского Православия. Вопреки каноническим правилам они приняли реше-

ние о восстановлении автокефального церковного управления Грузии. Свидетелем и участником этих событий был епископ Дамиан, защищавший интересы Русской Церкви на Кавказе. Вскоре началось вытеснение русских архиереев из Грузии. 3 июля 1917 г. еп. Дамиан покинул ее пределы, исполняя указ Патриарха Тихона о назначении его епископом Петровским, викарием Саратовской епархии. Владыка прибыл в Преображенский монастырь г. Саратова.

В августе 1916 г. Закхей Михайлович был перемещен преподавателем русского языка в Тифлисскую 4-ю мужскую гимназию, а 16 сентября 1917 г. он добровольно отправился на фронт, где служил заведующим Эрзерумским складом Управления Отдельного Начальника дорожных работ с 15 мая по 1 июля 1918 года.

Мне представляется, что назначения Закхея Михайловича сперва в Кишинев, а впоследствии в Тифлис не были случайными. Владыка Дамиан, очевидно, каким-то образом повлиял на то, чтобы молодая семья была под его присмотром. Уезжая в Саратов, епископ Дамиан взял с собой моего отца, которому тогда было 7 лет, в то время как его родители оставались в Тифлисе.

Уже 1 августа 1918 г. Закхей Михайлович с Ниной Дмитриевной перебрались в Киев в фамильный дом в Березовый переулок, 14. Там в декабре месяце у них рождается второй сын – мой дядя Алеша.

Из дневника еп. Дамиана, который он вел в Симферополе с 1881 г., мне стало известно, что у него был еще один сын Илья, который пропал неизвестно каким образом, очевидно, в Гражданскую войну. Удивительно, что в нашей семье я никогда ничего не слышал о нем. Таким образом, взяв на себя заботы о внуке, епископ Дамиан, может быть, видел в нем своего сына. Однако это только предположение, а, скорее всего, он понял, что его дочь Нина Дмитриевна с трудом справляется с обязанностями матери в тяжелые годы и решил взять внука под свое крыло.

Из письма еп. Дамиана своей дочери от 1 ноября 1917 г (предположительно, в Тифлис), он описывает свои заботы о внуке и просит родителей не беспокоиться о его жизни сперва в Саратове, а потом в Царицыне:

«Дорогая Нина.

Спасибо тебе за письмо; рад, что ты сравнительно спокойно живешь. У нас не спокойно. Надежда только на Господа Бога, Который все устроит к лучшему. Боря занимается усердно и систематически, каждый день приходит к нему курсистка и занимается с ним по всем предметам, надеется подготовить к следующему учебному году в 1-ый класс. По французскому хочу для практики привозить два раза в неделю к Люде, где французженка будет говорить с ним.

Напрасно ты думаешь, что Боря за телятами только ходит. Откуда ты это взяла? Он занимается своим делом. Накупил ему новых книг, и он с удовольствием их читает, а в свободное время гуляет во дворе или в роще. Там коровы и телята пасутся. Ему здесь несравнимо лучше, чем в Тифлисе, во всех отношениях. Он поздоровел и поумнел.

Я его обшил на зиму, заготовил белье, пошил теплое пальто на вате, гимназический костюм справил, валенки купил, две пары ботинок сносил. Все это стоит теперь очень дорого. Плачу учительнице 30 р. в месяц. Ты это должна знать. Благодарю Бога, что Боря находится в хорошей обстановке, и ни в чем не терпит нужды. Масла тебе вышлю, если такого достану с деревни, и если такого можно будет переслать. Продуктов здесь можно приобрести по деревням.

О Боре не беспокойся, он одет, обут и накормлен, он поздоровел. При другой обстановке он не имел бы того».

Следующее письмо еп. Дамиана и сына Бориса от 2(15) апреля 1919 г. Нине Дмитриевне и Закхею Михайловичу (предположительно в Киев) также не содержит беспокоящей информации. В письме просматривается возможность родителей забрать сына в Киев, но драматическое развитие событий и начало Гражданской войны перечеркнули осуществление этой идеи.

*«Христос Воскресе,
Дорогие дети!*

Приветствую вас с праздником Воскресения Христова, дай Бог вам в душевном покое встретить и проводить праздники. Живем мы здесь, не испытываем лишений ни в чем, и за все благодарим Бога. Скоро уезжаем в Царицын, но по получении этого письма отвечайте сюда, вероятно отправимся на Фоминой неделе. После Пасхальной недели адресуйте в Царицын; если будет благополучно, то будем там, квартира уже приготовлена. На пасхальной неделе предполагаю быть в Москве по делам службы.

Весна у нас запоздалая лед на Волге стоит. Я жду навигации, чтобы Волгой отправить вещи; по железной дороге трудно перевозить.

Приветствую с праздником Феодосию Молотову, о.Василия с супругой и Агафоника и всех...

Целую вас и маленького Алексея с пожеланием здоровья и всех благ.

Божие благословение и молитвы...к благоденствию всех....

Ваш отец Е.Дамиан

Сейчас получил две ваших открытки от 2 апреля. В Царицыне почему-то квартиры не было, но переезд затруднителен, ждем навигации. Пусть Нина не решает поехать сама, опасно. Захей пусть приезжает, но с условием не нарушать моего покоя и моих порядков. Лучше было бы тебе самому приехать, если желаете взять Борю. С мамой опасно пускать его, он дорогой сбегит. В Царицыне ему будет лучше, чем Саратове в том отношении, что гимназия будет близко. Здесь далеко от города. Метрику надо немедленно получить. Он много читает, уже Гоголя перечитал, по арифметике хорошо решает задачи, учится на счетах считать, писать не охотник, пишет по принуждению. Новое правописание советов непостижимо по орфографии и каллиграфии».

(В этом письме приписано рукой Бори, моего отца):

«1 Апреля, 1919 г.

Здравствуй дорогой папа и дорогая мама. Я жив и здоров, чего желаю и Вам. У нас теперь весна и тает снег. Я теперь не занимаюсь с учительницами, потому что им некогда. У нас в Саратове дают большие хлеба на меня дают фунт, а на дедушку 1/2 фунта. Я теперь занимаюсь с дедушкой. Когда двинутся пароходы поедем мы в Царицын. Теперь пока досвиданья. Ваш сын Борис.

Христос Воскресе!

Поздравляю Вас с Воскресеньем Христовым!»

В семейном архиве сохранилось удостоверение от 12.11.1919 из г. Царицына, которое дано Борису Словачевскому «в том, что он состоит учеником V осн. класса Царицынской Арександровской мужской гимназии».

В марте 1919 г., уже в разгар Гражданской войны, от Саратовской отделилась новая Царицынская губерния, в которой по благословению Патриарха Тихона еп. Дамиан должен был организовать Царицынскую епархию. Но в начале августа эта работа была прервана: к городу приближались отряды большевиков, и по распоряжению военных властей духовенство было эвакуировано в Ставрополь Кавказский, где Еп. Дамиан оставался до конца октября. Затем епархиальное начальство и созданное Пастырско-Богословское училище были переведены в освобожденный Царицын. Когда силы Белых армий были подорваны, Вооруженные силы Юга России начали оставлять занятые ранее города. Вместе с ними в феврале 1920 г. еп. Дамиан с внуком прибыл в Крым – полуостров, ставший последним оплотом Русской армии. В ноябре 1920 г. большевики прорвали Перекопский фронт.

Нетрудно себе представить чем бы обернулась жизнь для еп. Дамиана и его внука Бориса, если бы они не покинули Родину. Только теперь мы узнаем ужасное прошлое и что готовила Советская власть идеологическому врагу, каким являлось духовенство. *«Вспомним голод 1921–1922 годов, спровоцированный политической военной коммунизма, объявленной правительством большевиков под предводительством В.И. Ленина. В шесть миллионов жизней обошлось это решение нашему народу. И вот сейчас становится известно, что Ленин очень умело, использовал в борьбе с идеологическими врагами народную трагедию. „Именно теперь и только теперь, – писал он в секретном письме от 19 марта 1922, – когда в голодных местах едят людей и на дорогах валяются сотни, если не тысячи трупов, мы можем (и потому должны) провести изъятие церковных ценностей с самой бешеной и беспощадной энергией, не останавливаясь перед подавлением какого угодно сопротивления» (2).*

Исход

К туркам в дыру,
в Дарданеллы узкие,
плыли
завтрашние галлиполийцы,
плыли
вчерашние русские.
В. Маяковский

Погрузка русских беженцев на корабли в Крыму в ноябре 1920 г. вошла в историю как грандиозная операция по эвакуации людей, блестяще выполненная главнокомандующим Врангелем и его штабом. На 126 судах Родину покинули 145 693 человека (из них 5 тыс. раненых). Из страны было вывезено 15 тыс. казаков, 12 тыс. офицеров, 4–5 тыс. солдат регулярных частей более 30 тыс. офицеров тыловых частей, 10 тыс. юнкеров и более 100 тыс. гражданских лиц.

На одном из них – транспорте «Рион» – покинули Севастополь еп. Дамиан вместе со своим одиннадцатилетним внуком Борисом.

Над всеми обитателями полуострова нависла угроза пленения и бесполезной гибели. **Начался Исход русской эмиграции, подобный библейскому Исходу евреев из Египта.**

Плавание всегда сопряжено с определенными трудностями. Первая трудность была связана с тем, что неожиданность эвакуации застала корабли неподготовленными и многие из них до последнего момента занимались грузовыми перевозками. *«К приему, на “Рионе” находилось 5,5 тыс. тонн мануфактуры, кожи и обуви»* (1).

Вместе с пассажирами были раненые, пожилые, женщины и дети. Продуктов большинству людей не хватало, но в то же время некоторым высшим чинам подавали несколько блюд, среди штабников наблюдалось пьянство, игра в карты и даже танцы. Как писал Г. Раковский, *«начальство устроилось с комфортом. Пьянствовали. В пьяном виде скандалили, заставляли играть оркестры в то время, как сидевшие в трюме испражнялись под себя... Устраивали*

на кораблях военно-полевые суды и даже приводили смертные приговоры в исполнение...»

Прибыв в Константинополь, военные чины и гражданское население было размещено в лагеря на п-ве Галлиполи, острове Лемнос, а гражданское население размещалось в лагерях около Стамбула.

В Константинополе мой отец поступил в Крестовоздвиженскую школу, основанную в июне 1920 г. супругой русского посла В.В.Нератовой. В начале 1922 г. выяснилась необходимость переселения школы из Константинополя. В феврале были произведены переводные испытания учащихся, и 28 февраля Школа выехала в Болгарии, в г. Пещера, куда и прибыла 2 марта.

К сожалению, в семейном архиве не сохранилось ничего о пребывании моего отца в Константинополе. Мне неизвестно и о переписке еп. Дамиана с дочерью. О том, как проходила жизнь там, мы узнаем из дневника еп. Дамиана:

«После недельного плавания “Риона” беженцы увидели Царьград с возвышающейся Айя–Софию. Все утомленные воспрянули духом, а для кого Царьград с Айя–Софию был предметом изучения великих исторических воспоминаний и размышлений, панорама открывшихся берегов и зданий вызвало душевное волнение и слезы умиления. Чаяния православных русских людей осуществились наяву, а не во сне. Для русских людей видеть Св. Софию, побывать в центре христианства, в колыбели православия, было заветной мечтой».

«Эвакуация наша в Царьград – момент в высшей степени был для нас благоприятный. Мы, воочию убедились, что мусульманский мир не только не враждебен нам, но относится с трогательной предупредительностью. Народы Европы сначала не были враждебны к нам. Американский народ поднял великий подвиг спасения России от опасности погибнуть. Этот великий народ он взял на свое попечение, и совершенно бескорыстно, содержание и воспитание русских» (3).

С 1 марта 1921 г. Свято-Владимирским Братством, которым руководил еп. Дамиан, был арендован дом на Татавле^x Джереси Ферикей ул. Касель Паша, 38 у неромонаха Иезекия Бослатева

из 38 комнат, известный под названием „Русский дом”. В 17 комнатах, отремонтированных при содействии проф. Уиттимора и Американского Красного Креста и Американского комитета спасения и воспитания русских детей, были устроены детский сад рассчитанный на 60 детей, интернат для юношей школьного возраста на 30 человек, а также столовая, обслуживавшая интернат и детский сад. Намечено было открытие приюта для дефектных детей, постройка теплых барачков для ночлега неимущих и баня.

Однако осуществить намеченные планы было не суждено, о чем владыка далее отмечает в дневнике.

«Итак, Константинопольский период нашего беженства ничем хорошим не ознаменовался и не дал никакого опыта для деятельности в будущей России, если суждено будет возродиться ей, а нам вернуться. Поле деятельности для русской церкви постепенно суживалось и жизнь здесь, наконец, приостановилась с большими осложнениями...» (2)

«Так как в Константинополе ничего нельзя было делать на поприще религиозно-просветительном, то свои мысли я стал направлять к славянским землям. В виду этого я начал переписку с иерархами Болгарской церкви о том, нельзя ли открыть Пастырско-Богословское училище в Болгарии; именно на Шипке в русском памятнике борцам за православие на Востоке, где положено много жизней и затрачены колоссальные средства русским народом, где сооружен величественный храм, грандиозное здание для духовного учебного заведения со всяким оборудованием, с миссионерскими и просветительными задачами. Я переехал в Болгарию» (3).

«Не нужен нам берег турецкий...»

По-разному сложилась судьба прибывших в Болгарию беженцев. Общим было то, что они потеряли на Родине все, и теперь приходилось в славянской стране все начинать с нуля, не зная языка, не имея средств и крыши над головой.

По прибытии в Болгарию епископ Дамиан сосредоточил все внимание на организацию Пастырско-Богословского училища.

После многих усилий ему удалось получить в управление монастырь Св. Кирика и Юлиты, который находился высоко в горах в Родопах в селе Горни Воден (возле г. Асеновграда).

Внука Бориса он определил в Русскую Крестовоздвиженскую гимназию в г. Пештера, которая переехала из Константинополя. В Пештере болгарским правительством школе было предоставлено в бесплатное пользование здание воинских казарм. Директору генерал-майору Линденбергу удалось вывезти из Константинополя весь инвентарь Крестовоздвиженской гимназии, начиная с парт и кончая наглядными учебными пособиями. В гимназии царил порядок и дух кадетского корпуса. Когда Линденберг объявил о своем уходе, волею судьбы новым директором оказалась Варвара Павловна Кузьмина, опытный педагог, владелица образцового и известного в Санкт-Петербурге среднего реального училища, основанного в 1906 году. Атмосферы военной дисциплины в Пештерской гимназии В.П. Кузьмина не выдержала и вскоре переехала в Софию. Следующим директором гимназии стал А.Н. Ермолов.

Сохранились письма отца с 1924 по 1939 г., некоторые из них с 1924 г. по 1929 г. привожу полностью.

Письмо родителям от 26 апреля 1924 года

Христосъ Воскресе!

Дорогіе папа, мама и Алёша!

Поздравляю Васъ съ праздникомъ Пасхи и желаю Вамъ всякаго благополучія. Я живъ и здоровъ, на Пасху приезжалъ къ дѣдушкѣ въ отпускъ, хорошо провѣлъ праздникъ и теперь еду въ школу. У дѣдушки въ монастырѣ на Пасху было очень хорошо, устроили даже настоящій звонъ. Раньше тамъ былъ только одинъ колоколь, но передъ Пасхой какой-то купецъ пожертвовалъ еще одинъ, потомъ подвѣсили еще желѣзную доску съ хорошимъ звукомъ. Дѣдушка очень проситъ, чтобы мама написала что-нибудь, а то папа пишетъ, а мама не хочетъ. По ученью у меня дѣло обстоитъ хуже, ибо ввели сугубую латынь, дюже не люблю. У насъ въ школѣ стало плохо, плохо кормятъ и одѣваютъ, хотятъ увеличить курсъ, удлинить учебный годъ и прочее.

Теперь я занимаюсь спортом: главным образом, футболом и гимнастикой. Теперь я стал здоровый дьлда и въ нашемь отдѣленіи стою на правомь флангѣ. Погода хорошая, иногда здорово жарко, но это ничего.

У насъ мѣсяцъ будутъ каникулы, и я буду работать.

Я получилъ 2 вашихъ открытки и переслалъ ихъ дѣдушкѣ, я былъ ужасно удивлёнъ, когда узналъ, что мнѣ всего меньше 16 мѣтъ: вообще, я говорилъ, что мнѣ 17, а самъ думалъ, что больше.

Изъ Болгаріи поупѣжало много во Францію, изъ школы тоже угѣжаютъ. Въ политику я не вмѣшиваюсь и ничего интереснаго изъ этой области сообщить не могу. Пока, до свиданья, цѣлую Васъ.

Вашъ сынъ Боря.

P.S. Адресъ прежній: *Vulgarie*, Пещера, мнѣ.

Письмо родителям от 8 июля 1924 года

Дорогіе папа, мама и Алѣша!

Я живъ и здоровъ, чего и Вамъ желаю. Ваше письмо и открытку 3/VII получилъ. У насъ кончилась треть, и я шатаюсь по сѣламъ и ищу работу. Зарабатываю деньги на зиму: нужно здѣлать костюмъ. У насъ въ декабрь мѣсяцъ будутъ переводные экзамены.

Дѣдушка живётъ у себя въ монастырь, я къ нему поѣду въ концѣ каникулъ. Заработокъ въ этомъ году плохой: очень дорого хлѣбъ и другіе продукты. Для меня болгарскій климатъ очень хорошъ: я ещё ни разу не болѣлъ, только чтобъ не зглазить.

У насъ получаютъ письма изъ Россіи безъ марокъ, не знаю почему. Извините, если я рѣдко пишу, потому что бываю въ школу въ 2 недѣли разъ, а прочее время приходится работать въ сѣлахъ.

Передайте поклонъ Танѣ и Серѣжѣ (двоюродные сестра и брат. — примеч. мое). Цѣлую Васъ. Вашъ сынъ Боря.

8/21 июля 1924 года, Пещера.

Письмо родителям от 9 февраля 1925 года

Дорогіе папа, мама и Алѣша!

Простите, что долго не писалъ—такой ужъ я скотина: насчётъ письменной части—не особенно. Дѣдушка живъ-здоровъ, кланяется Вамъ. Я пере-

шёлъ въ VI-й классъ, переводили по отгмѣткамъ и по Латыни — пришлось держать экзамень.

Ваше письмо съ поздравленіемъ съ праздниками получилъ и послалъ дѣдушкѣ. На рождественскихъ каникулахъ былъ у дѣдушки, онъ теперь очень занятъ съ училищемъ, открытымъ имъ. Погода на Рождество и вообще стоитъ великолѣпная: снѣгу нѣтъ, днёмъ жарко, какъ весной. Играемъ въ футболъ. Кормятъ такъ довольно ничего. Вечеромъ на приготовленія уроковъ мы въ классъ топимъ печку, лежимъ на партахъ и спимъ—хорошо! Совсѣмъ Обломовка. У насъ на Рождество былъ первый выпускъ, были представители отъ болгаръ, имъ всё это понравилось, и наша гимназія теперь пользуется правами болгарскихъ гимназій. Вотъ я не понимаю, чего Вы пишете письма по новому, правописанію. У насъ за границей вездѣ пишутъ по-старому. Вотъ понимаете, никакого, вдохновенія нѣтъ: собирався письмо писать, думалъ бумаги не хватитъ, а теперь не знаю, что и писать. Пишу письмо, сижу въ дортуарѣ безъ ботинокъ, ибо ихъ подлиняютъ, и не пойду на уроки. Пока, до свиданья.

Вашъ сынъ и братъ Боря.

P.S. Теперь буду писать открытками. Поклонъ Танѣ и Серёжѣ.

Гр. Пещера. 9 февраля/27 января 1925 года.

Письмо родителям от 22 декабря 1925 года

Дорогіе папа, мама и Алёша.

Я живъ и здоровъ, чего и Вамъ желаю. Нынѣ я воспитанникъ VII-го класса и старшій младшаго отдѣленія. У насъ въ гимназій 3 отдѣленія: старшее — VI, VII и VIII классы, среднее — V, IV и III и младшее — II, I и приготовительный. Въ гимназій у насъ теперь хорошо, марка повышается, масса новыхъ: драпаютъ (бѣгутъ) изъ другихъ гимназій къ намъ. Дѣдушка живъ-здоровъ, вчера получилъ отъ него письмо. Въ его Пастырско-Богословскомъ училищѣ недавно былъ I-й выпускъ, всё прошло великолѣпно, и дѣдушка очень доволенъ. Простите, что рѣдко пишу, лѣтомъ я послалъ Вамъ письмо, не знаю, получили ли Вы его или нѣтъ.

Алёша теперь, навѣрно, выросъ; вотъ теперь его къ намъ въ гимназію. У насъ есть очень маленькіе ребята, одинъ чудакъ есть 4—5 лѣтъ, кажет-

ся. Учебный годъ у насъ теперь будетъ нормальный, то есть отъ сентября до іюля слѣдующаго года. Недавно кончилась треть, отмытки ничего. У насъ 6-тибальная Болгарская система, такъ что теперь интересомъ является получить «шестёрку». На Рождество поведу къ дѣдушкѣ, я люблю здорово къ нему ѣздить. Отдохнёшь всегда, какъ слѣдуетъ отоспишься на цѣлую треть, и въ гимназію.

Выходитъ, что скоро гимназію кончать буду, а куда затѣмъ стопы направить — Богъ въдаётъ. Въ Россіи бы куда захотѣлъ, туда и пошёлъ, а тутъ загонять тебя на медицинскій, агрономическій или ещё куда нибудь. Можно устроиться въ высшія учебныя заведенія во Франціи, Бельгіи и вообще «заграницей». Но не хочется далеко: двинемъ или въ Чехію, гдѣ у меня хорошіе друзья или въ Болгаріи устроимся.

Развивайте Алёшу, изъ меня пока парень ничего вышелъ, по своимъ лѣтамъ я чуть не сильнѣе всѣхъ, высокого довольно роста, тоже, конечно, сообразительность страдаетъ. Въ скоромъ времени постараюсь при-слать изображеніе своей фізіономіи. Погода у насъ стоитъ зимняя, снѣгъ, морозы правда небольшіе, иногда всё это стааетъ, потомъ опять выпадетъ.

Ну, пока, всѣхъ благъ, будьте здоровы и Богомъ хранимы.

Цѣлую всѣхъ, сынъ и братъ Боря.

Bulgarie, Пещера, Русская Гимназія, 22/9 XII 1925 г.

Письмо родителям от 2 января 1926 года

Дорогіе папа, мама и Алёша!

Поздравляю Васъ съ праздникомъ Рождества Христова и Новымъ годомъ. Правда, и то и другое прошло, но лучше поздно, чѣмъ никогда. Сейчасъ у насъ Рождественскіе каникулы, и я живу у дѣдушки. Отдыхаю и душой, и тѣломъ, сплю, дондеже не прослежусь, часовъ до десяти. Въ гимназіи насъ рано поднимаютъ, въ половинѣ седьмого, совсѣмъ темно ещё и только черезъ часъ видишь свѣтъ Божій. Занимаюсь самымъ бесполезнымъ препровожденіемъ времени, ѣмъ да сплю, иногда пойду дрова колоть, люблю это дѣло, колю желѣзными клинками и громаднымъ молотомъ. На Рождество было хорошо. Была торжественная служба, потомъ такой же обѣдъ, было много ястій и питій, рѣчей и многолѣтій. На Новый годъ ночью всѣ спокойно спали, а утромъ была литургія, потомъ

обгъдъ вродгъ рождественскаго. Мнѣ дгъдушка подарилъ часы на руку очень симпатичныя, теперъ на урокахъ не буду спрашивать, сколько до звонка осталось, а буду имгтъ самостоятельное мнѣніе о времени.

Въ Болгаріи теперъ новое правительство во главѣ съ Ляпчевымъ. Нгъкоторые министры остались старыя, русскіе думаютъ, что отношеніе будетъ не хуже, чемъ прежде.

Я недавно изъ Пещеры послалъ Вамъ письмо, не знаю, получили ли Вы его или нѣтъ. Съ письмами у меня туго дгъло, очень ргъдко «стихъ» найдѣтъ и напишешь, а то никакого вдохновенія. Вообще, писательскія способности у меня не важныя, и съ гимназіи тоже зададутъ сочиненіе за мѣсяць, я его сяду писать накануне подачи, пишу, пишу, обыкновенно, потомъ спать захочется — попросишь кого нибудь написать, начало и конецъ непременно свой напишу, а всё прочее — отъ лукаваго. Вотъ у меня хороший другъ угъхаль въ Чехію, такъ ему хорошо письма писать: прежде всгъ новости гимназическія изложишь, тамъ, кто кому въ ухо даль, какъ преподаватели и прочее — всё это и займѣтъ половину письма, а тамъ ещѣ о футболѣ напишешь то да сѣ, и помотришь — такъ цгълую газету настр очилъ. Хотгъль послать Вамъ группу со мной и съ дгъдушкой, но отложу пока до слгъдующаго раза. Зима, у насъ какая то китайская. Передъ Рождествомъ какъ осенью было солнце и прочее. Потомъ бахнулъ дождь, туманъ и продолжилось сѣ и на Рождество, такъ что никого изъ постороннихъ не было. Два дня назадъ выпалъ снѣгъ и былъ морозъ, а теперъ во всю таетъ. Но тутъ морозы не страшны: дрова есть, печка есть — больше ничего и не нужно. Здгъсь печки исключительно желгъзныя, о другихъ и понятія не имеютъ, но наши руснаки вездгъ подгълали кирпичныя и благодушествуютъ.

Ну, пока, до свиданья! Будьте здоровы и Богомъ хранимы. Кргълко цгълую всгъхъ.

Вашъ Борисъ.

15/2 I 1926 г.

Привгътствую всгъхъ съ Новолгътіемъ и со всею любовью заочно обнимаю, желаю всгъхъ радостей въ наступающемъ году.

Любящій Д. Говоровъ.

2 января 1926 г.

Письмо родителям 1926 года (без указания числа)

Христось Воскресе!

Дорогіе Папа, Мама и Алёша!

Я живъ-здоровъ и всё такое, сейчасъ у дѣдушки живу въ монастырь, прѣхалъ на Пасху и буду болтаться теперь до сентября мѣсяца. Ученье я окончилъ, и теперь воспитанникъ 8-го класса. Извините, что пишу только на третій день — ни которой возможности не было. Пасху встрѣтили — дай Богъ всякому такъ встрѣтить — изобиліе плодовъ земныхъ было полное: яйца, пасхи и такія, и сырныя, окорокъ, вино, водка — прямо всё, что хотите. У Васъ навѣрное совсѣмъ не такъ Пасху проводятъ. Мы объ этомъ думали съ дѣдушкой, но ничего не придумали.

Времена у насъ стоятъ хорошія, вся зелень распускается, цвѣтѣтъ сирень. Сейчасъ самое хорошее время, потомъ днѣмъ будетъ жарко. Въ скоромъ времени навѣрно пришлю свою карточку.

По вечерамъ ходимъ гулять на гору, откуда великолѣпный видъ на Пловдивъ и Станимаку. Пловдивъ расположенъ въ 20 километрахъ отъ Станимаки, и видны только электрическіе огни. Станимака прямо подъ ногами, и видно её сверху отъ монастыря километра два.

Если у Васъ есть карта Болгаріи, то разсмотрите и Пещеру найдите. Уступая Вашимъ просьбамъ, могу рассказать вамъ о монастырь. Расположенъ онъ, какъ Вы уже знаете, въ 2 километрахъ отъ Станимаки, и проникать въ монастырь нужно по дорогѣ, которая доступна только осламъ, лошадямъ и людямъ, ни на какой телегѣ или на другомъ средствѣ передвиженія Вы не доберетесь. Вотъ Вамъ общій видъ монастыря, только, на самомъ дѣлѣ, всё это немножко хуже: задняя часть вся сгорѣла въ 1924 году (часть съ крестомъ до отмытокъ карандашомъ сгорѣла). При монастырь — Пастырско-Богословское училище, открытое дѣдушкой; учащихся около 30 душъ. Въ воскресенье на пасхальной недѣлѣ былъ 10-лѣтній юбилей Епископства дѣдушки. Послъ торжественной службы былъ обѣдъ. Было сказано нѣсколько тёплыхъ рѣчей, поздравлений и всего такого. Всё прошло хорошо и скромно.

Дѣдушка хочетъ Вамъ выслать альбомъ видовъ монастыря и училища, но боится, что не дойдѣтъ — альбомъ довольно дорогой. Какъ Вы думаете, дойдѣтъ или не дойдѣтъ?

Письмо родителям от 17 августа 1926 года

Дорогие папа, мама и Алёша!

Вчера получил Ваше письмо; очень приятно, что «у вас» всё налаживается; у меня о революционной России весьма печальное представление, так что даже странно слышать о восстановлении. Я точенъ, как часы въ Гринвичской Обсерватории (если такіе имѣются, а навѣрное имѣются), и шлю Вамъ свою физиомордію. Теперь я постригся и у меня нѣсколько другой видъ, но важна идея.

Теперь, то есть въ данный моментъ, живу у дѣдушки, тутъ же и работаю помаленьку. Съ измѣреніемъ дѣло покончили, то есть, вѣрнѣе, меня попросили окончить. Работалъ послѣ этого на шоссе, въ 8 километрахъ отъ Станимака, жилъ въ палаткѣ и вѣлъ лагерную жизнь. Работалъ сначала въ нашей, сирѣчь гимназической абитуриентской группѣ. У насъ господа абитуриенты не сразу попадаютъ в «вузы», а поработаютъ сначала гдѣнибудь, иногда годъ, иногда 2, въ лучшихъ случаяхъ нѣсколько мѣсяцевъ. Такъ вотъ, значить, мы и работали сдѣльно по 15 левъ отъ кубика земли, копали. Выходило у насъ въ день по 80—90 левъ. А потомъ рѣшили работать вмѣстѣ съ казаками, которые работали также, как и мы, а имъ больше выходило: замѣряли имъ тамъ какъ то лучше. И стали мы работать съ казаками, стали вставать съ восходомъ солнца, кончали 8¹/₂ и позже — здорово, въ общемъ. Мы работали совѣмъ только въ однихъ трусахъ. Мимо насъ катятъ автомобили, извозчики и прочіе средства передвиженія, если на оныхъ средствахъ передвиженія передвигается прекрасный полъ, то всегда слышится адскій хохотъ, но мы ничтоже сумняшея продолжаемъ. Орудовалъ я киркой, и здоровенная кирка мнѣ попалась, и тяжѣлая, проклятая, но зато развитіе мускуловъ хорошее и вообще пріятное сознание, что у тебя не фунтъ изюму, а инструментъ. Получали мы на этомъ дѣлѣ 101 левъ въ день. Но, какъ и всё на свѣтѣ, та работа кончилась, и, какъ и слѣдовало ожидать, денегъ я ещё не получилъ. 7/20 на II-й день Преображенія поѣдемъ въ экскурсію на Шипку и другіе города. Я хотя живу въ Болгаріи долго, но изъ городовъ знаю только Пещеру, Пловдивъ, да Станимаку, такъ что эта поѣздка расширитъ мои познанія по географіи Болгарии. Новости, вѣроятно, и у насъ, и у Васъ одинаковыя. Получаемъ нѣсколько газетъ: «Русь», «Новое время» и «Росію» — это газета... шан-

хайская приходит через два мѣсяца и больше. Въ ругаютъ СССР на чѣмъ свѣтъ стоитъ, но это всё наши газеты такъ ужь настроены.

Въ этомъ году наша гимназія будетъ имѣть зѣло старорежимный видъ: всёмъ приказано имѣть гимназическія фуражки съ нашимъ гербомъ и соответствующее одѣяніе; несмотря на моду — узкіе брюки, нашъ братъ по обычаю древне-русскому носить клѣшъ въ 30 см, приводя въ удивленіе честной народъ.

Ну, пока, всёхъ благъ. Цѣлую всёхъ.

Вашъ Борисъ Словачевскій.

P.S. Если ещё хотите карточку, то ради Бога, я взялъ негативъ, и можно отпечатать сколько угодно.

4/17 VIII 1926 г.

Монастырь Св. Кирика, Станимака.

Дорогіе Нина, Заксей и Алѣша.

Шлю Вамъ свои благожеланія и благословеніе. Будьте здоровы и Богомъ хранимы. Борисъ всё прописалъ, что вамъ надо знать. Я, слава Богу, здоровъ и работаю по своимъ силамъ; послѣзавтра выѣзжаю со своими питомцами въ экскурсію, которая продлится 10 дней.

Цѣлую всёхъ. Е. Д.

4/17 августа 1926 г.

Закончивъ успешно Крестовоздвиженскую гимназію с серебряной медалью, в письме от 12 декабря 1927 г. мой отецъ сообщаетъ родителямъ, что онъ зачисленъ студентомъ агрономическаго факультета Софійскаго государственнаго университета.

Письмо родителямъ от 12 апреля 1928 года

Христось Воскресе!

Дорогіе папа, мама и Алѣша!

Какъ всегда приношу свои глубокія извиненія по поводу продолжительнаго неписанія, всё откладывавъ со дня на день и такъ милостію Божіей и до Пасхи дошѣлъ. Сегодня Великій верный чистый Четвергъ, а я ещё въ Софіи сижу, и навѣрно только завтра поѣду къ дѣдушкѣ. Но дѣло въ томъ,

что тутъ будетъ идти фильмъ «Святая Русь», и для полной торжественности пригласили хоръ и оркестръ балалаекъ, въ этотъ оркестръ попалъ и я, и вотъ послѣ Пасхи будемъ играть недѣли двѣ, вѣроятно, а, можетъ быть, больше, можетъ быть, меньше, въ зависимости отъ успѣха картины. Будутъ платить по 100 левъ въ день, и придется играть съ 4 до 6 и съ 8 до 12. Въ общемъ, хороший случай подработать. Сегодня на сыгровку сказали, что слѣдующая будетъ въ среду на пасхальной, и я по этому случаю погѣду сегодня ночью и завтра къ обѣду буду у дѣдушки, что меня весьма устраиваетъ. Сейчасъ стоитъ здоровая жара и надо переться къ себѣ на факультетъ за удостовѣреніемъ на льготный проездъ, что мнѣ никакъ не улыбается, бо эта семинарія, гдѣ мы помѣщаемся чѣртъ знаетъ гдѣ на горѣ обрѣтается, вотъ и изволь по суху пешешествовать. А до этой самой жары холода стояли, и никакого переходнаго времени не было. Очень это здѣсь нехорошо устроено. Всѣ мамыны открытки получили и дѣдушка тоже. Очень радъ, что дядя Плюша живъ, только, къ сожалѣнію, это не официальные свѣденія за подписью самаго дяди Плюши, а свѣденія довольно мистическаго характера, но будемъ надѣяться, что и они подтвердятся. Какъ у Васъ пройдетъ Пасха? У насъ почти по всѣмъ правиламъ, со всѣми ястіями и питіями, какъ въ самое доброе старое время, въ Кишинёвѣ, что ли, или въ Тифлисѣ, въ общемъ, по-хорошему. Всегда по большимъ праздникамъ на Пасху и Рождество вспоминаемъ Васъ и стараемся представить себе, что Вы едите, какъ проводите праздники и углубляемся въ прошлое. Сегодня я уже чувствую, что теперь страстная недѣля, а то весь постъ прошёлъ, какъ будто его и не было, а сейчасъ всё чистятъ, готовятся разныя стѣвки и такъ далее, въ общемъ атмосфера сгущается. Довольно давно получилъ письмо отъ Тани и Серёжи, были экзамены, и я имъ отвѣтилъ, кажется, мѣсяцъ спустя, и теперь ни отвѣта, ни привѣта, можетъ они не получили, Возможенъ и такой печальный случай.

Когда будете въ Кіевѣ, кланяйтесь и скажите, чтобы прислали свои фотографическія карточки, интересуюсь, дескать, вообще своими родственниками. Ну, пока закончу: сегодня до вечера — смотрятся по многимъ мѣстамъ, пособирать письма и такъ далее.

Желаю хорошо провести праздники.

Кръпко цѣлюю.

Вашъ Борисъ.

Мой адресъ: Вилгаріе, София, Улица Иванъ-Асѣнь II, № 9, мѣть.

Письмо родителям от 11 мая 1928 года

Дорогіе папа и мама съ Алёшей!

Получилъ три дня тому назадъ, ваше коллективное посланіе, пришёлъ въ большой восторгъ, особенно отъ письма Алёши и картинку даже перевёлъ, всё какъ слѣдуетъ. Да, былъ у насъ трусъ земли, но мы не пострадали и, слѣдовательно, живы и здоровы, чего и Вамъ желаемъ. Могу Вамъ описать послѣдовательно всѣ эти событія. Приѣхалъ я на страстной, всё честь честью, потомъ подошла страстная суббота, служилъ дѣдушка, я былъ въ качествѣ подіакона, и вообще, служба была генеральная. Подходить время малаго выхода, мы въ алтарь трикирїи зажигаемъ, а дѣдушка стоитъ посерединѣ, какъ разъ подъ куполомъ. Вдругъ раздаётся страшный гулъ, и церковь начинаетъ дрожать, первое впечатлѣніе у всѣхъ было такое, какъ будто быстро проѣхалъ тяжело нагруженный грузовикъ, но такъ какъ у насъ, иначе какъ пѣшкомъ и верхомъ на лошади передвигаться нельзя, то сразу у всѣхъ мелькнула мысль — землетрясеніе. Я страшно испугался за дѣдушку, потому, въ первую голову, долженъ былъ бы валиться куполь, но когда я выбѣжалъ изъ алтаря, дѣдушка сошёлъ оттуда и направлялся къ дверямъ. Публика, главнымъ образомъ наши же пѣвчіе и прочія, бросились къ двумъ открытымъ дверямъ и образовали пробки, такъ что мы открыли третью дверь и черезъ неё вывели дѣдушку. Когда вышли на дворъ, то по нёмъ разстиралась густая бѣлая пыль отъ свалившейся стѣны (остатковъ сгорѣвшей части). Потомъ начали понемногу входить въ церковь, все лампадки и люстры сильно качались, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ образовались небольшія трещины. Ну, затѣмъ возобновили службу, во время которой былъ ещё толчокъ, но уже значительно меньше перваго. Позднѣе мы узнали, что этимъ точкомъ былъ разрушенъ городъ Чирпанъ. Вообще во время землетрясенія переживаешь интересное чувство. Главнымъ образомъ, какое-то чувство разочарованности, что ли. Земля, которую привыкъ считать самымъ неподвижнымъ, вдругъ начинаетъ двигаться,

и испытываешь чувство удивления и разочарованности, во вторыхъ, полная беспомощность, хотя бы въ томъ, что сложно предвидѣть это самое землетрясеніе, сиюжъ воть пишу, вдругъ трухнѣть, и буду ночевать въ саду гдѣ нибудь. После землетрясеній всегда идѣшь и размышляешь: «А что будетъ, если воть эта массивная колонна по головѣ навернѣтъ?», отвѣтъ на эти душевные вопросы весьма печальный получается, но всегда надѣюсь на быстроту ногъ и самообладаніе. Второй толчокъ, разрушившій Пловдивъ, былъ въ среду на 4-й день Пасхи. Я прѣѣхалъ въ Софію, ибо долженъ былъ быть на репетиціяхъ въ кино (въ оркестръ балалаечниковъ), вечеромъ пошѣлъ въ кино съ барышнями, нашими абитуриентками. Сидимъ это, картиной любимся, вдругъ всё кино какъ заходитъ, публика вся — въ двери, и ходу, после нѣкоторыхъ колебаній и мучительнаго вопроса «что дѣлать?», решили и мы выйти. Вышли на улицу, паника невообразимая, мы постояли немного и рѣшили досмотрѣть картину — «зачѣмъ зря деньгамъ пропадать?» Досмотрѣли всё какъ слѣдуетъ, во время представленія ещё было нѣсколько толчковъ, но всё кончилось благополучно. Къ концу представленія во всёмъ громадномъ кино осталось человекъ 30—40. По дорогѣ домой видѣлъ много новагою. На многихъ улицахъ повыносили изъ домовъ диваны, кресла и тому подобное и сидѣли въ ожиданіи новыхъ бѣдствій, продвигаясь дальше, видѣлъ великое множество такси, биткомъ набитыхъ народомъ, которые стояли на площадяхъ, готовые тронуться въ любой моментъ. Много публики шло съ разными принадлежностями въ Борисову градину (городской садъ) съ цѣлью провести ночь вполне безопасно. II вообще интересно было. Настроеніе моё, значительно понизилось, когда я узналъ, что центръ землетрясенія въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Пловдива, а Станимака отъ Пловдива — всего 20 км. Если здѣсь такъ сильно чувствовалось, то тамъ навѣрное не осталось камня на камнѣ. Но скоро прѣѣхалъ одинъ человекъ изъ монастыря и успокоилъ всѣхъ: въ монастырь хоть и чувствовалось сильно, но никакихъ поврежденій, и всё остались въ цѣлости и сохранности. Ночевали нѣсколько дней не въ комнатахъ, а подъ навѣсами, а потомъ и въ комнатахъ. Сейчас никакихъ толчковъ нѣтъ, слава Богу, усиленно собираютъ пожертвованія въ пользу пострадавшихъ, и уже эти событія начинаютъ понемногу изглаживаться изъ памяти. Вы, пожалуйста, не беспокойтесь — всё какъ слѣдуетъ.

Сегодня получили от дѣдушки письмо, въ которомъ он пишетъ, что скоро сюда прїѣдутъ. Ну, пока, всѣхъ благъ, крѣпко цѣлую, вашихъ сынь и братъ Боря.

Дорогія дѣти, прїѣхаль въ Софію по дѣламъ своимъ, кончилъ, завтра выѣзжаю восвою. Благодарю за письма, особенно Алѣшу. Желая всѣмъ здоровья и всякаго благополучія.

Даміанъ.

19 мая 1928 г.

Число сегодня 3 іюня, а я письма ещё не послалъ, нехорошо. Зато сейчасъ наклею марку и пошлю. Событій за это время особенныхъ не произошло. Зубрю сейчасъ, къ экзаменамъ готовлюсь.

Ну, всего, цѣлую. Борисъ.

Число сегодня, скажемъ, не 3-е, а 7-е, задерживается письмишко.

Ну, всего, на этотъ разъ, кажется, окончательно послалъ.

Борисъ Словачевскій.

Письмо родителям от 2 мая 1929 года

Христось Воскресе!

Дорогіе папа, мама и Алѣша!

Поздравляю Васъ съ праздникомъ Воскресенія Христова и желаю, чтобы мы какъ можно скорѣе встрѣтились и зажили вмѣстѣ, какъ когда-то во времена оныя. Ужъ Вы не сердитесь, что рѣдко письма пишу, такое ужъ время выдалось, да и вообще у насъ на роду не написано особенно часто переписываться, я вотъ отъ брата своего Серѣжи уже второй годъ письма жду, да такъ, видно, и не дождусь; когда кто нибудь изъ Васъ будетъ въ Кіевѣ, такъ скажите ему, пожалуйста, что я жду не дождусь, и пушкинская Татьяна тоже пусть присовокупитъ. Я прїѣхаль къ дѣдушкѣ на Пасху по обычаю прошлыхъ лѣтъ, онъ тоже недавно прїѣхаль, вообще онъ теперъ много разъѣзжаетъ, и письма, которые Вы посылаете, долго лежатъ; такъ Вы во избѣжаніе подобныхъ задержекъ пишите прямо мнѣ по адресу: Софія, бул. Иванъ-Асѣнь II, № 9. Оно и вѣрнѣй и скорѣй будетъ. Зима у насъ была здорово холодная, да и у Васъ, кажется, тоже,

всё время одна за другой двигались холодные волны, наступали и проходили морозы и такь далее. Эти природные беспорядки продолжались до самого послѣдняго времени, такь недѣли 2 назадь посреди цвѣтущей весны вдругь пошёлъ дождь, снѣгъ и этой гадости навалило по щиколотку, потомь разстаяло и на нашей улицѣ грязь здоровая получилась, я какь на грѣхъ одѣлъ новыя ботинки и такь ругался по поводу снѣга, что нѣтъ спасенья. Скоро кончу IV семестрь и перейду на третій курсъ; на разные курсы туть легко переходить, а воть экзамены сдавать трудно; слушай, папа, ты мнѣ напиши, пожалуйста, какь ты учился въ Университетѣ. Я никакь не могу ещё выработать системы, ну её въ болото. Наука моя агрономическая меня интересуеть, только въ Университетѣ много воды проходится, совершенно лишняго, я бы половину выкинулъ къ чѣртовой бабушкѣ. Сегодня мнѣ снилось что былъ я въ Россіи, и какь разъ въ Киевѣ, и рѣшилъ пойти къ бабушкѣ въ Берѣзовый переулочъ, и къ моему удивленію вмѣсто свиней въ грязи увидѣлъ трамвай и прочіе признаки культуры. Разсмотрѣть остальное не далъ дѣдушка, разбудилъ меня идти въ церковь.

Крѣпко цѣлую всѣхъ.

Вашъ Боря.

Жаль, что Алѣшкѣ нельзя ничего подарить, ему навѣрно скучно безъ игрушекъ.

Привѣтствую всѣхъ и желаю здравія.

Даміанъ

Письмо родителям от 28 июня 1929 года

Дорогіе папа, мама и братишка!

Долго я не писалъ Вамъ и теперь, благополучно разгрѣшившись отъ экзаменовъ, могу Вамъ написать пространное письмо. Здавалъ сейчасть два экзамена, получилъ по четвёркѣ, но на послѣднемъ заслужилъ и всѣ пять, да чего-то профессоръ не соблаговолилъ, правда, и это очень хорошо, потому что шѣлъ на арапа и ни черта не зналъ, ну а теперь, можно сказать, въ претензіи, какое противное животное всё-таки человекъ. Но ещё, слава Богу, двадцать экзаменовъ, такь что немного проявил свою научность. Я перешѣлъ на II-й курсъ, у насъ всего четыре года, такь что ещё 2 года позанимаюсь и, можетъ быть, окончу. Только надо нажать здорово, а то

чёрта съ два окончишь, осенью буду сдавать четыре экзамена, сейчас здѣсь поработаю – нужно купить материалъ на костюмъ, а потомъ поѣду къ дѣдушкѣ и буду заниматься; я нахожусь въ условіяхъ гораздо лучшихъ, чѣмъ многіе наши студенты, которымъ всё мѣсто нужно работать, чтобы жить и приобрести себѣ одежду и обувь на зиму, стипендію съ 31 іюня прекращаютъ и всѣ переходятъ на свой кормъ. Вотъ и мнѣ скоро переходъ предстоитъ, ну его къ чёрту. Простите, что такими каракулями пишу, ибо совершенно разучился человѣческимъ способомъ писать, а всё карандашѣмъ – конечно, и разучиться не долго. Судя по нашимъ газетамъ, у всѣхъ сейчас довольно плохое положеніе въ смысле продовольствія приводятся иногда факты, но для такой страны какъ Россія это, по-моему, совѣтъ не показателъ существующаго положенія. Сейчас у насъ идётъ много дождей, что можетъ неблагопріятно отозваться на урожаѣ. Сейчас у насъ тоже нѣкоторое вздорожаніе продуктовъ, главнымъ образомъ, хлѣба, мяса и прочихъ пищевыхъ.

Много русскачь уѣхало во Францію и всё время уѣзжаютъ; нѣкоторые, даже большинство, довольны, нѣкоторые жалуются, что уѣхали; многіе оттуда переѣзжаютъ въ Южную Америку – Перу, Уругвай, Бразилію; многіе, главнымъ образомъ, специалисты – врачи, агрономы, инженеры ѣдутъ въ колоніи, главнымъ образомъ, въ Африку, и опять – однимъ нравится, другимъ не нравится; не нравится, главнымъ образомъ, климатъ со всевозможными лихорадками и маляріями, но хорошо то, что хорошо оплачиваютъ, и почти независимое положеніе: каждый бѣлый чуть не царѣмъ себя чувствуетъ. Ну а такъ, наше правовое положеніе далеко не завидное. Хорошо, что главная масса хорошо себя зарекомендовала, какъ людей, способныхъ и годныхъ на какое угодно дѣло. Русскихъ охотно берутъ на заводы, предоставляютъ льготы и вообще относятся внимательно. Также и въ искусствѣ мы завоевали себѣ чуть не первое мѣсто: русскіе хоры дѣлаютъ большія турне по Европѣ и Америкѣ и вездѣ съ громадымъ [устѣхомъ] исполняютъ русскія песни и танцы и т.д. Находятся вездѣ в Болгаріи масса русскихъ пластинокъ. Противъ нашего общезитія находится питейное заведеніе, и тамъ съ утра до вечера раздаётся «Стенька Разинъ», «Эй, ухнемъ», «Однозвучно звенитъ колокольчикъ» и такъ да-

лее. Если разобьютъ русскую пластинку, то немедленно покупается новая. Русскій балетъ не имѣетъ себѣ равныхъ, и вообще наша берѣтъ. Хорошо, что я русскій. Вообще, написалъ бы Вамъ много про Россію и Украину, да какъ нибудь послѣ... Вообще, «Что имѣемъ — не хранимъ, потерявши — плачемъ» — такъ и мы: раньше въ модѣ даже было ругать всё русское, а теперь, смотришь, многого можно было и не ругать. Какъ Вы живѣте теперь, въ сель, если быть здорово занятымъ, то можно и не скучать, а если ничего не дѣлать, то можетъ и скучно показаться. Вообще, я здорово лѣнивый, но и то начинаю находить въ интересной работѣ большой смыслъ. Какъ живутъ граждане Кіевскіе? Какъ Сергей учится или нѣтъ, когда кончаетъ и вообще?

Больше всѣхъ люблю братишу своего Алѣшку, а онъ, такой-сякой и не напишетъ никогда ничего. Слушай, Алѣшка, чтобы ты непременно написалъ мнѣ письмо про всё, а то прійду и не привезу тебѣ ничего, ещё побью за то, что ты такой гадкій, слышишь? Ну, смотри. Ну, пока, дорогіе мои, пожелаю Вамъ всего хорошаго, ответъ на письмо можете посылать на моё имя въ монастырь. Особенно большія письма боюсь посылать, потому что если пропадутъ, то будетъ очень обидно.

Цѣлую всѣхъ.

Вашъ Борисъ.

Р.С. Какъ Алѣшино здоровье, вы его поменьше держите дома, пусть бѣгаетъ, дерѣтся, разбиваетъ носы и вообще развивается всесторонне; мамина система домашняго воспитанія съ 24-часовымъ сидѣніемъ дома которой критикъ не выдерживаетъ. Я вышелъ здоровымъ, плечистымъ парнемъ, хочу, чтобы и Алѣша въ физическомъ отношеніи не уступалъ мнѣ. Аѣтомъ постараюсь прислать карточки мои и вообще какіе случатся.

Боря.

Р.Р.С. Недавно у насъ были большія торжества по поводу 1000-лѣтія Болгаріи и 50-лѣтія освобожденія, выпущены юбилейныя марки, напримѣръ, на этомъ письмѣ съ Царѣмъ Освободителемъ, другія съ Болгарскими Царями.

Борисъ

Письма 20-х гг. в отца к родителям я оставил без комментариев, чтобы читатель мог почувствовать сам атмосферу жизни того времени. Они написаны в старом правописании. Интересно отметить факт, описанный в последнем письме, что в 1920 г. проходили торжества по случаю 1 000-летия Болгарии. Вызывает недоумение то обстоятельство, что в 1981 г. мы праздновали 1300. ление Болгарии. Откуда за 50 лет набежало еще 250 лет в истории страны? Может быть, историки что-то напутали?

Итак, в 1932 г. отец заканчивает агрономический факультет по специальности «земледельческие машины». Несмотря на поддержку дедушки, во время каникул ему приходится подрабатывать на кирпичных заводах, постройках и полевых работах. Из переписки с родителями тех лет видно, что после переезда семьи Закхей Михайловича в Киев они бедствуют. В письме от 16 марта 1934 г. к дедушке Дамиану отец сетует, что они недостаточно активно помогают попавшим в затруднительное положение родителям. Вот что написано в письмах:

Письмо от 16 марта 1934 года

Дорогой Дядушка.

Из приложенного письма явствует, что положение наших далеко не блестящее, что Вам было известно и раньше, а Вы до сих пор не удосужились прислать денег, всё же чужих Вы готовы кормить и поить, а своим не остаётся.

У меня дела немного лучше, может быть, с 1-го куда-нибудь устроюсь. Ожидая присылки 1000 лев, только чтобы до 20-го я их получить, так как с 20-го до 1-го по всей вероятности буду временно работать в Куржковском монастыре.

Деньги посылайте на Ивань-Асьнь II, № 9.

Пока, всего. Крепко целую. Ваш Борись

Ответ Дедушки Дамиана от 17 марта 1934 г. был следующим:
Твоё лаконическое письмо прочёл с огорчением. У меня много огорчений, а теперь одним больше. Я о всё же забочусь, а обо мне никто никогда. Посылаю тебе, сколько могу, и твоим родителям. Послал тебе 14

марта через Ваню 800 левъ, сейчас не могу. Трачу и на служащихъ, иначе надо ликвидировать дѣла и остаться подь открытымъ небомъ. [Никто не хочет думать о том, что кризисъ касается и меня: одной чредой, помнать дѣла до кризиса.] У меня нервы уже расшатались до безобразія, ибо нѣтъ успокоенія ни въ комъ изъ облагодѣтельствованныхъ мною, вездѣ только исполненіе своихъ личныхъ интересовъ, вездѣ стремленіе можно больше использовать меня. Скоро мнѣ негдѣ будетъ приклонить главы. Твоимъ родителямъ не слѣдовало трогаться изъ деревни; теперь я долженъ содержать ихъ. Я [въ обношенной рясу хожу] не имеею возможности рясу себе пошить, всё оборвалось, а ты изволишь писать, что не забочусь о родителяхъ.

Сохранились лишь несколько писем этого периода, полученные из Киева. Закхей Михайлович вернулся из села Каплица Киевского округа, где преподавал в школе, а в Киеве приходилось содержать семью случайной работой, которая и не всегда была. Из писем видно, что жизнь там была очень трудной, беженцам из Болгарии приходилось высылать средства, чтобы киевляне могли в Торгсине^x покупать элементарные, но дефицитные для советского рынка товары.

Из письма Закхея Михайловича от 23/II.1934 г. из Киева

Благодарим за твое любезное письмо от 31/I, получили 13/II, а также за приложение (3 дол) очень кстати, потому что совершенно остались без средств. Ежедневно нужно купить хлеба на 3 руб. а также вязанку дров на 1 рубль, да еще продуктов на пропитание, а приходов сейчас никаких не имеею, потому что находишься в таком же положении, как и ты — ишу места службы. Очень рад, что ты прислал помощь; от души тебе желаем хорошо устроиться и быть здоровым и щасливым. Ты понимаешь наше тяжелое положение и всегда рад помочь. Похвальна твоя отзывчивость, говорящая о том, что воспитанием заложены у тебя добрые качества; заботы о тебе дедушки не пропали даром, а дали хорошие результаты. Вот не знаю, каким будет Алеша, он тоже добрый мальшй, но находится теперь в ненормальных плохих условиях, негде ему даже заниматься, потому что

живем в тесной грязной кухне, без стола и другой мебели и терпим беды. Он должен оставаться в школе пока не выучит уроки, а то дома нет возможности и этого сделать. Он теперь обедает в школе, но за это нужно платить 30 рублей в месяц, а дома пробаваемся одними супчиками, без жиров, требующих хорошее жалование. Мама тоже терпит лишения, оборвалась, а купить обновок не представляется возможности, отморозила пальцы на ноге и вообще имеет жалкий вид.

Из письма Закхея Михайловича из Киева от 22.09.1935 г.:

Сегодня у нас праздник по случаю получения твоих 5 дол. Купил масла и сегодня мы с жирами, которых уже давно не имели. Даже закатали вареники за твоё здоровье. Жалеем, что раньше ты этого не сделал, но надеемся, что в будущем все это наладится. Думал на эти деньги купить себе

×Торгсин, буквально Торговля с иностранцами, организация, которая продавала населению за валюту дефицитные товары.

ботинки, а также маме, но цены в Торгсине очень велики. Хорошие ботинки требуют 8 долларов, а плохие – 4,5; ограничился тем, что купил маме платок, а остальные деньги пойдут на жиры, сахар и т. п. предметы питания, потому что моего жалования хватит лишь на 1/2 месяца, при нашей дороговизне. А в скором времени опять буду искать места, т.к. наши постройки заканчиваются, и штат служащих распускается.

Смерть Архиепископа Дамиана

Самым скорбным событием в жизни отца в Болгарии оказалась смерть дедушки Дамиана. Напряженная работа, трудные условия жизни и работы подорвали здоровье Владыки. Лечение в госпитале Красного Креста, известного как больница Берзина, было не в состоянии восстановить здоровье после продолжительного заболевания сердца и легких.

Последнее письмо дедушки Дамиана папа получил за месяц до его смерти 5 марта 1936 года. Оно полно оптимизма и желанием помочь каждому, кто обратится к нему за помощью.

Архиепископ Дамиан Царицынский. 1932 г.

Дорогой Боря, надѣвай двойные очки, чтобы разобрать письмо, пишу въ постели. Докторъ Берзинъ скоро обещаетъ опустить ноги и прохаживаться по комнатѣ. Отѣки почти прошли, только ночная одышка душитъ, къ утру засыпаю и сплю спокойно нѣсколько часовъ, и днёмъ сплю. Но докторъ Берзинъ сообщилъ, что едва ли можно выпустить меня къ Пасхѣ въ монастырь, что онъ прежде погѣдетъ въ монастырь и убедится, что погода установилась, а если будетъ туманъ, то будетъ хуже мнѣ, чѣмъ раньше. Онъ хочетъ, чтобы

Пасху я провёлъ здѣсь въ обществѣ большаго персонала.

За всё я доктору Берзину благодаренъ. На дняхъ долженъ дать довѣренность Елене Григорьевне получить изъ Банка 3300 левъ для уплаты за содержаніе, пищу, а за остальное — послѣ, 3000 за этотъ мѣсяцъ. Прибыль Бѣлоусовъ, въ Митрополіи не пожелали его рукополагать. Я попросилъ Архіепископа Серафима, онъ согласился и рукоположитъ его въ слѣдующее воскресеніе во діакона, а слѣдующее затѣмъ — во іерея, и къ Пасхѣ онъ будетъ на приходѣ. Вчера получилъ пространное письмо отъ іерея Веніамина, въ коемъ проситъ прощенія въ содѣянныхъ грѣхахъ противъ меня, о коихъ я и не знаю. Специально приѣзжалъ въ монастырь, но меня не засталъ. А какіе грѣхи, не знаю. Лучшее было бы ему сдѣлать братскій взносъ за 2 года. Возгорѣлась какая то любовь ко мнѣ. Очевидно, что то случилось. Такъ дѣлаютъ всѣ. Вчера былъ Никоновъ, не имѣетъ общенія со мною лѣтъ 8, ему угрожаютъ снятіемъ сана.

Печатание книги началось, но только очень туго, обложка только готова. Изъ того, что написал Остроумовъ – ничего не осталось, всё передѣлано. Пучковъ къ Елене Григорьевне въ виду неотдѣланности, сырой материалъ прислалъ. Сообща исправляли. Принималъ участіе и Глубоковский. Онъ третьяго дня навѣщаль меня. Шлифоваль текстъ исторіи я одинъ.

Будь здоровъ

Твой Дѣдъ А. Даміанъ.

Р. С. Привѣтствую съ водвореніемъ на новомъ мѣстѣ. Желаю благополучія. Пиши

Однако непоправимое свершилось. Скорбную телеграмму папа получает в селе Александрово возле Белоградчика. Об этом он сообщает родителям в письме от 8 мая 1936 года:

В случае вскрытия письма прошу представить по назначению
С.Кн.Александрово

Белоградчишко

Дорогие папа, мама и Алеша!

С глубокой скорбью сообщаю, что наш дорогой дедушка, Высокопреосвященнейший Дамиан, Архиепископ Царигинский о Бозе почил 19 апреля сего года в Софии.

Ушел мой дорогой дидусъ и я остался один в Болгарии.

Еще в октябре 1934 года, дедушка заболел воспалением легких и болел до мая месяца 1935 года – почти 7 месяцев. Летом прошлого года он жил в Софии под надзором врачей в Духовной семинарии, где есть хороший парк, там он немного восстановил свое здоровье, но, все-таки, был очень слаб. В конце августа он вернулся опять в монастырь Св. Кирика и мы предполагали на зиму его перевести в Станимаку, где бы он был в лучших условиях. Но сначала не могли найти хорошей квартиры, после и дедушка расколебался и остался в монастыре. Зимой у него начали отекать ноги, в монастыре их массажировали и догнали отеки до живота. Тогда дедушку перевезли 11 января в Софию. Положение его вначале было очень тяжелое, я тогда был в Борово и мне советовали приехать. Но постепенно отеки спали и дедушка начал себя чувствовать гораздо лучше. За несколько дней до Пасхи я получил от него открыточку, в которой он пишет, что уже ходит и предполагал даже возвращаться в монастырь.

Я был очень спокоен, так как дедушка был в Русском госпитале, который является одним из самых лучших в Болгарии и все предвещало добрый исход болезни. На Пасхальной неделе я был в отъезде с комиссией и вернулся только 20-го апреля и застал три телеграммы — одну «выезжай немедленно», и две что дедушка скончался. Было это 19-го IV.

С первым поездом я отправился в Софию. Дедушка был уже в церкви в золотом облачении, с золотой митрой с крестом и панагией он лежал как уснувший. Тяжело до боли было мне видеть дедушку в церкви, но не вознасящего хвалы Богу, а недвижимого и бездыханного. Все время я провел у гроба дедушки кроме беготни по устройству похорон.

Денег ни кого не оказалось, но все таки собрали необходимые средства чтобы отдать последний долг почившему Владыке. 21-го вечером состоялась заупокойный парастас с большой торжественностью, а на другой день должно было состоятся отпевание. 22-го началась заупокойная литургия, после которого было отпевание, которое я не видел и не переживал никогда в жизни. Участвовало 4 дьякона, 12 священников, Софийский митрополит Стефан, русский Архиепископ и еще один болгарский епископ. Присутствовали на отпевании, как и на парастасе все представители русской общественности в Софии. Все таки слабым утешением являлось, что все было хорошо и торжественно, так как любил дедушка, славный дорогой дедушка, который уже не с нами, а в селениях праведных. В церкви были сказаны слова: русским Архиепископом, его старым сослуживцем еще по Керчи одним протоиерем и Софийским митрополитом, который сказал очень хорошо. Пел хор русской церкви в усиленном составе. Погребение было очень торжественное. Из церкви повезли дедушку на кладбище, там уже был сделан склеп. Я хотел оставить с дедушкой все, но мне посоветовали снять хоть крест и панагию, главным образом для того, чтоб не создавать соблазна, т. к. кладбище находится довольно далеко от города и хотя и охраняется, но все таки могут искуиться и осквернить могилу. Склеп весь вымазан цементом, сверху сделан свод тоже с цементной связью. На могиле была сказана еще одна речь, гроб закрыли герметически, и его нельзя открыть. Разобьем его, когда будем перевозить дедушку в Россию. Через 6 месяцев думаем поставить памятник, раньше нельзя по болгарским законам. На могиле было возложено много венков и цветов.

Ухудшение в состоянии здоровья дедушки наступило на 2-ой день пасхи. На первый день дедушка разговлялся вместе с персоналом госпиталя и чувствовал себя хорошо. На второй день начало замечаться ослабление деятельности сердца и начала опять появляться опухоль, начали тогда дедушке делать инъекции для отстранения воды, но в субботу началось ослабление деятельности почек. Но дедушка выглядел еще хорошо и никто не надеялся, что он так скоро умрет. Предполагали, что он по крайней мере еще неделю проживет, но... дедушка удивил всех. За полчаса до смерти к нему пришел один протоиерей со святыми дарами, но дедушка выглядел хорошо и он не захотел расстраивать дедушку этим напоминанием о близкой смерти и вышел и когда протоиерей узнал о том, что дедушка умер, с ним сделался нервный удар.

Дедушка умер в воскресенье 19-го апреля в 3 ч. и 5 минут. Помолитесь об упокоении его праведной души. На сороковой день отслужите заупокойную литургию, в общем, сами знаете что делать.

После смерти дедушки остались крест и панагия, которые я сдал на хранение в верные руки, так как я часто отсутствую из села, и они могут быть украдены, золотые часы у меня, из одежды осталась енотовая шуба в монастыре и плюшевая ряса, которая находится на хранении у моей невесты. Если будет возможность, то переishлю их вам так как здесь не так холодно. Денег осталось около 10,000 лев, которые после изъятия их из банка пойдут на уплату расходов по похоронам. И осталась еще после смерти дедушки светлая память о нем и любовь в сердцах всех, кто соприкасался с ним.

Ушел дедушка, наш архирей милостью божией, да упокоит Господь душу его в селениях праведных и память о нем да будет вечна. Для меня он был всем. Вечная память!

Крепко целую Ваш Борис

Печальная весть была встречена с большим огорчением родителями папы. К скорби о тяжелой потере прибавлялось и обстоятельство, что их сын оставался один на чужбине без поддержки человека, который его воспитал и вырастил.

Из письма Закхей Михайловича из Киева от 01.11.1936

Прошло уже 5 месяцев с тех пор, как ты прислал печальное известие о смерти незабвенного дедушки, а больше ничего не пишешь. Интересно знать, как ты себя чувствуешь, как живешь – и вообще нужно еще написать тебе воспоминания о последних днях и переживаниях ушедшего от нас угасшего Святитьника. Я полагаю, что твои письма теряются, а потому нужно чаще писать. Так вот, по получении сего послания немедленно отвечай, где и как ты устроился, где проводишь досуг свой и какие друзья твои. Нам очень больно, что ты остался теперь круглым сиротой в чужом краю, что не с кем тебе поделиться мыслями, но опять же думаем, что эта – вторая твоя родина, воспитавшая тебя под мудрым водительством дедушки, не оставляет тебя без хороших друзей и знакомых, которые в трудную минуту жизни помогут тебе.

После смерти дедушки Дамиана в жизни папы происходят важные события. В 1937 г. он вступает в гражданский брак с Анной Георгиевной Верченко, с которой его связывает юношеская любовь еще со времен Крестовоздвиженской гимназии в Пештере. А в письме от 11 июня 1939 г. он поздравляет родителей с рождением внука. Так на свет появился я, которому было суждено продолжить род Словачевских и стать его биографом

До 1944 г., который считается переломным в жизни русских беженцев в Болгарии, папа проработал агрономом и директором земледельческих училищ в селе Мирково и Сливница. В бытность директором земледельческого училища в с. Мирково с 1939 по 1943 г. он помогает своим ученикам – членам РМС (молодежной коммунистической организации), тем самым спасая их от преследования действующего режима. К сожалению, этот факт я услышал лишь на похоронах папы, где на траурной церемонии его друг из Академии наук сообщил об этом. При жизни папа никогда не использовал этот свой поступок как защиту от нападков и доносов недругов, которые его обвиняли, будто он разделял взгляды и политику фашистского режима.

Переписка отца с родителем прерывается в тревожные годы войны в 1941 году. Сохранилось последнее письмо – от 10 февраля 1941 г., посланное из Софии. Последние же открытки посланные Ниной Дмитриевной из СССР и помечены датой от 1939 года. Отсутствие сохранившихся у нас писем из Киева, можно объяснить, скорее всего, тем обстоятельством, что в дом, в котором мы проживали до марта 1944 г., попала бомба, и он был полностью разрушен. Очевидно, под развалинами и остались письма, посылаемые из СССР. Поскольку мой папа был непрерывно на работе на периферии, то отдельные довоенные письма хранились у него, если вообще он их получал.

Последнее довоенное письмо из Болгарии датировано 10.02.1941 года. В нем папа выражает удовлетворение, что дядя Алеша поступил в ряды Красной армии, где он научится порядку. Мама же описывает как проходит мое детство. Далее она подробнее описывает семейную жизнь: «...Борис по-прежнему сидит себе в Мирково, т.к. агрономов здесь много и очень трудно получить место в городе, а тем более в Софии. Теперь же мы особенно и не хлопочем, т.к. в случае войны будет куда бежать. Не знаю, как будет дальше, но теперь мы оба мобилизованы граждански: я здесь, а он в Мирково, что значит, в случае войны он пойдет на фронт. Впрочем, жить везде опасно, особенно в большом городе. Жизнь у нас очень вздорожала особенно за последний год, а увеличение жалования очень небольшое, особенно нам, как супругам-чиновникам, около 100 на человека, что значит около 2%. Особенно же дороги в Софии квартиры: за две комнаты и кухню мы платим треть моего жалования. Квартира у нас не важная, без ванны и на погребе довольно потертая..Чтобы найти хорошую квартиру за 2 комнаты и кухню, надо заплатить половину жалования. У нас очень часто производятся реформы разного рода по учебной части, но от этого не происходит нужного улучшения ни для нас, ни для учащихся, а только все больше и больше осложняется работа. Здесь я как учительница имею 22 часа в неделю, безразлично в скольких гимназиях жалование получаю ...Сейчас у нас вводится купонная система на шерстяные вещи и обувь, а раньше была введена и на галоши. По-моему это к лучшему, ограничивает произвол продавцов и

покупателей. До сих пор было так: у кого есть деньги закупал и покупал себе целые склады всякого рода запасов, и для остальных не оставалось ничего. В-общем цель нашей жизни, чтобы ребенок был здоров и не было войны. Раньше условия жизни у Бориса были хуже, а теперь у него отличное новое училище, которое построил он сам, хороший персонал в училище. Я к нему не езжу из-за ребенка, т.к. не могу его оставить, а с ним опасно ехать на автомобиле, очень часто они портятся и вместо 3 часов дороги, оказывается 8-12. Он приезжает сюда раз в 3-4 недели, дня на два-три. Привозит нам из села продукты для ребенка. Здесь мы его обстирываем и обмываем. Ходим с ним изредка в кино. Вот, пожалуй, и все, остальное время работы».

После войны

В тревоге и неизвестности для обеих сторон прошло время с 1941 по 1946 годы.

Восстановление переписки после войны началось в 1946 году. Не зная условий жизни в Киеве, папа приглашает бабушку и дедушку приехать к нам на постоянное жительство после долгой разлуки. Не знаю, понимали ли мои родители, что это было практически неосуществимо при установившейся диктатуре, сталинизме и шпиономании в обеих странах. Это чувство подогревалось и обстоятельством, что мы жили в Болгарии одни. У нас не было никаких родственников, особенно после смерти маминных родителей – бабушки Дуни и дедушки Алексея Васильевича.

За годы войны обстоятельства в Киеве переменялись коренным образом. Закхей Михайлович в 1941 г. поступил служить протоиереем в церковь Марии и Магдалины на Шулявке. Дядя Алепа пропал без вести под Гродно, но, несмотря на это, мы верили, что он не погиб, а попал в плен или был тяжело ранен. Сохранилось, к сожалению, лишь письмо от 6 августа 1948 г. из Киева. В нем Закхей Михайлович обращает внимание, что в посланном из Болгарии письме отсутствует фотография владыки Дамиана, и сетует на почтамт, где пропадают материалы

из писем. Дело, конечно, было не в почтамте: органы НКВД, очевидно, заинтересовались, что это за портрет духовного лица, и взяли на учет.

Письмо папы родителям от 2 августа 1946

Дорогие Папа, Мама и Алеша! После долгих лет, в течение которых мы не переписывались, пишу Вам наугад, надеясь на самое лучшее – что ты дорогой Папа и Мама живы и здоровы, что Алеша героем вернулся с войны, что все хорошо и благополучно.

Мы, слава Богу, живы и здоровы, но не все, 22 марта прошлого года умерла наша Бабушка – мама Нюры и это была тяжелая для всех нас утрата. Юрка молодец, ему уже 7 лет – примерно возраст, в котором я разлучился с Вами. Я работаю теперь в Софийском агрономстве, езжу по силам, но живу здесь. Нюра попрежнему в той же гимназии и можно жить вовсе хорошо, но только дороговизна большая и хотя мы получаем в три раза больше, чем до войны, жизнь вздорожала во бщем в 10 раз.

Многих спрашивал о Киеве и о Вас, но в Болгарию вошли войска 3-го Украинского фронта ... но в общем говорили, что город очень пострадал. Надеюсь, что Ваш домик остался цел и вам есть, где голову преклонить. Нашу бывшую квартиру на улице Пв. Асен 26, не то англичане, нето американцы 30 марта 1944 года уничтожили до основания и много людей погибло, но наиболее ценное мы эвакуировали и теперь обзаводимся снова и слава Богу обзавелись почти всем необходимым. За это время приобрели 2 стола, буфет, гардероб, стулья, посуду и всякую дребедень. Очень плохо с одеждой и обувью.

Если можете приехать сюда, то не пропадем с голоду. В этом году урожай у нас будет хороший, а в прошлом была страшная засуха и зимой многого не хватало. Мой адрес – Болгария, София ул. Царь Асен 69. Жду, что отзоветесь .Целую Ваши сын и брат Борис.

Письмо Закхей Михайловича от 6 августа 1948 года

Дорогой Боря!!!

Поздравляем тебя с Днем Ангела, и пожелаем крепкого здоровья, а затем благополучия и многих лет!!! Хорошо было бы повидаться с Вами в этот

день и разделить радость семьи, но Богу так угодно, чтобы мы и в скорби разлуки имели радость. Вот уже и прекрасное лето скоро уйдет, наступил сезон овощей и фруктов. Мы проводим лето без дач и курортов, ползуясь воздухом Политехнического парка, а также других садов окружающих нас. 4 августа у нас был Храмовой праздник Марии и Магдалины, который скромно, но торжественно прошел. Прошу Вас в очередном письме прислать фотографию покойного Дедушки, которой не оказалось с Вашими фотографиями. Значит есть любитель чужой собственности и в почтовых отделениях, что позорно, и следует навести там порядок. Алеша пропал без вести на войне. Погибли на войне и наши офицеры Михаил и Сергей Павлович – твои двоюродные братья, дети старшего покойного брата Павла Михайловича, да и много других родичей, о которых мы и не знаем. О когда бы скорей настал желанный час мирной жизни народов, к чему мы так стремимся, чтобы не было горя и слез. Желаем тебе, Боря, благополучно вести свое дело и быть здоровым. Анне Георгиевне поправиться, а Юрочке набраться сил к учению. Мама сегодня отправляется в кино, спешит и не хочет приложить свою руку, извините. В хозяйстве у нее трое котят и петушок, с кем она и возится.

Серьезные перемены произошли и в жизни нашей семьи. После 9 сентября, когда в Болгарию вошла Красная Армия, органы НКВД строго просматривали списки белоэмигрантов и при установлении факта сотрудничества с немцами или за участие в антисоветских организациях посылали в лагерь в СССР. Болгарские органы госбезопасности тоже не оставались в стороне и масово выселяли в провинцию и в трудовые воспитательные лагеря всех, попавших под подозрение как лиц, нелояльных к новой «народной власти». К счастью отец не участвовал ни в каких эмигрантских организациях и не занимался политикой, оставаясь в душе русским патриотом. Доносы, которые писали на него недоброжелатели, не имели последствий. В эти годы он закончил специальные курсы по консервному и холодильному делу, получив узкую специальность в этой области. В 1946 г. в собственность Советского государства перешли все имеющие-

ся на территории Болгарии предприятия в области табачной, консервной и холодильной промышленности, принадлежавшие до войны Германии, Италии и Австрии. Для руководства этой собственностью было создано Управление советских имуществ в Болгарии. Квалификация отца пришлась очень кстати, и его назначили директором всех консервных, табачных и холодильных предприятий, бывших собственностью Германии. Он руководил фирмами «Гевеко», «Г.Б.Бауцевич», АО «Ханза» в Пловдиве.

В 1946 г. произошло и другое знаменательное событие – мои родители получили советское гражданство. Это был далеко не формальный акт. Советское гражданство еще более приобщало родителей к Родине, с мыслями о которой они всегда жили. Оно являлось также серьезной защитой от царившем в те годы преследования граждан Болгарии, которые подозревались в неправильном отношении к «мероприятиям народной власти». Известно, что в 1947 г. прошла национализация промышленных предприятий, а чуть позже, при организации кооперативных сельских хозяйств, отбирались земли у населения.

В 1948–1949 гг. руководимые отцом предприятия постепенно переходили в собственность Болгарии. В итоге его определили директором фабрики «Болгарская трубная индустрия», тоже бывшего германским предприятием. После очередной передачи и этого завода в болгарскую собственность в 1953 г. отца перевели на должность представителя болгаро-советского кораблестроительного общества «Корбсо» в Софии. В 1955 г. все находившиеся под советским управлением предприятия перешли Болгарии. Это привело к необходимости переквалифицироваться. Отец принимает участие в конкурсе переводчиков русского языка при издательстве Болгарской Академии наук. Заняв 5 место среди 700 участников, он получает возможность войти в число лучших переводчиков с русского и на русский в Болгарии. Однако он стремился получить и постоянную работу. В 1957 г. он прошел по конкурсу в международный отдел при Болгарской Академии наук и занял место сотрудника, курировавшего связи

БАН с АК СССР. В этой должности он проработал до пенсии в 1969 году. Новая работа способствовала углублению контактов с родителями. Направляя отдельных ученых в Киев, всегда выискивали возможность посылать передачи и письма бабушке и бабупшке.

Репатриация

Поручик Голицын, а может, вернемся?

Зачем нам, поручик, чужая земля?

Из песни

Жизнь в Киеве и в Софии в 50-е гг. шла в обыденном русле послевоенного восстановления обеих стран, строивших социализм. Сравнительно спокойно складывалась жизнь и в обеих семьях в обдумывании, как преодолеть многолетнюю разлуку.

Из письма Заххей Михайловича от 16 сентября 1953 г.:

Мы еще здоровы, но иногда подвергаемся всяким слабостям и не хотим вас беспокоить, тем более, что у вас теперь идет напряженная жизнь по новому руслу и нужно много потратить сил, не жалея себя. Пока мы здесь имеем квартиру и обеспечение, то не будем рисковать, как это сделала Петрова (наша знакомая, которая переехала к дочери в Киев — заметки мои). Она теперь уже молчит и не является больше к нам, только и сказала, что вы хорошо живете, — как она рвалась к своей „любезной” дочери, но видимо, теперь разочаровалась в этом „сокровище”, разорилась, ослепла и чуть дышит. Это конечно вас не касается, но оправдывает пословицу „не спрайся броду, не суйся в воду” и предостерегает и нас быть осмотрительными. Теперь время лукавое.

Приписка Нены Дмитриевны к этому же письму:

От эмиграции мы были освобождены и самим иное выдумывать, не нужно. Мы наставлены жить оседло и никогда не пишите нам о передвижении в дальних странах. Умудряетесь писать о каких-нибудь других темах. Петрова приехала на все жаловалась. Вам тоже вероятно спокойно уживаться, но как-нибудь надо смириться. Все-таки, мой папа там

много трудился, немногочисленные его друзья, может быть, и помогут вам в трудные минуты своей помощью. Здесь же вас никто не знает и было бы трудно здесь жить, если бы приехали... Будем поддерживать бодрость друг друга посылками, которые доставляют с обеих сторон неизясняемое удовольствие.

Поворотным моментом в отношениях с нашими киевскими дедушкой и бабушкой стали события осени 1954 года. В русской диаспоре в Болгарии, которая общалась в новопостроенном Клубе советских граждан на бул. Клементина Готвальда, 169 царило радостное возбуждение. Посол СССР объявил о решении Правительства разрешить советским гражданам в Болгарии переехать на постоянное жительство на Родину. *Желающие вернуться в СССР отправлялись на целинные земли, главным образом в Казахстан.*

Письмо Бориса Словачевского родителям от 5 сентября 1954 г.:

У нас 2 сентября произошло радостное событие и для нас историческое событие – посол СССР в Болгарии на торжественном собрании объявил нам, проживающим в Болгарии совгражданам, что по решению Правительства СССР нам разрешается вернуться на Родину и сразу же принять участие в почетной и ответственной работе по освоению целинных и залежных земель в Алтайской области.

Юрка (это я, мое замечание) ходит именинником, у нас тоже настроение радостное. Первая партия, выедет через 2–3 месяца, а вторая, в которой будем участвовать и мы, выедет, вероятно, в марте–апреле будущего года. Наконец заканчивается наше заграничное сидение, и будем возвращаться вспять.

Но беспокоит нас следующее обстоятельство. Нюра (моя мама, замечание мое) в течение десяти с лишним лет болеет, была даже около трех лет на пенсии, теперь опять работает, но все время поддерживает себя инъекциями и высококвалифицированной медицинской помощью. Двое профессоров и несколько врачей, наших близких знакомых, постоянно ее лечат и она таким образом может существовать и работать. В районах освоения целинных земель медицинская помощь, конечно, обеспечена, но там

нет пока больших специалистов по глазным болезням, по обмену веществ, почечным заболеваниям, к услугам которых она прибегает почти ежедневно.

Предполагаем, что в стольном граде Киеве такие врачи есть, и благодаря этому, а главным образом потому, что там проживаете вы и поэтому мы решили возвращаться в Киев или в его непосредственную близость. Думаю, что в тягость вам не будем, а наоборот, вы уже люди пожилые и за вами должен быть присмотр. Насколько я понял из писем, от родственников киевских ожидать много нельзя.

Я на днях возбуждаю в здешнем посольстве ходатайство о выезде в Киев к вам, а вы с вашей стороны хлопочите перед Министерством иностранных дел о нашем приезде в Киев для присмотра за вами и соединения нашего семейства воедино после сорокалетней разлуки. 8 сентября я подал в здешнее посольство заявление с просьбой разрешить выезд в Киев.

В нашей семье процесс репатриации был встречен очень болезненно. Многолетняя мечта воссоединиться с нашими бабушкой и дедушкой, которые проживали в Киеве была на пороге свершения. Однако... Наша бабушка Нина Дмитриевна написала письмо, в котором советовала нам приехать в СССР, но поселиться в другом городе, куда направлялась основная масса репатриантов. Такое отношение к многолетней мечте оправдывалось трудностями с жилплощадью и устройством с работой, а также с неопределенностью возможности продолжить мое образование в городе Киеве. Состояние здоровья моей мамы также требовало особых забот.

Обсуждение возможности переезда в Киев возбудило очень активную переписку в эти годы с обеих сторон. С нашей стороны шли эмоциональные порывы скорейшего возвращения на Родину, без наличия какой-бы то ни было информации о жизни там. Со стороны бабушки и дедушки приходили отрезвляющие письма с советом повременить, переждать и при благоприятной обстановки, осуществить мечтаемое возвращение и воссоединение семьи.

Из письма Закхей Михайловича от 25 сентября 1954 г.:

Все мы мечтаем о том, что пора бы уже быть всем вместе, пользуясь мирным временем и дружественной связью с Болгарией. Дубовые листья оторвались от ветви родимой волею судеб и ждут своего возвращения к пенатам, но опять на пути стоят всякие преграды, заставляющие опять ожидать более благоприятных обстоятельств. Вы прекрасно понимаете их, о правильно рассудили, что нельзя опрометью рисковать своим положением. Мы всегда думаем о том, как бы вам устроиться здесь безболезненно. Не думайте, что мы не хотим увидеть своих дорогих детей, которые были оторваны сложившимися обстоятельствами около 40 лет тому назад от нас. Старики там умерли, а вы томитесь одиночеством, ибо и дым отечества нам сладок и приятен! Вы знаете, что здесь освоение целинных земель, что и является для вас перепоной в осуществлении давних мечтаний. Желательно, чтобы вы устроились в Киеве или в других городах Украины или России, а не где-то вдали, чтобы опять тосковать и, как говорится, попасть из огня да в полымя. Жизнь теперь короткая, а вам уже по 45 лет, нужно беречь здоровье, так как силы уже подорваны. Вы привыкли к культурному быту и нужно его продолжать, а удастся ли все это с приездом сюда? Этот вопрос столь серьезен, что мы не можем его разрешить сразу, а нужно хорошенько все взвесить, 7 раз измерить, а потом отрезать. Чтобы здесь устроиться, нужна протекция, но как раз мы растеряли влиятельных особ: одни умерли, а другие поуехали и не к кому обратиться за содействием. В министерстве иностранных дел сказали, что вопросы с переездом разрешаются консулами. Там у вас тов. Приходов оформляет эти дела у пусть Боря там все разумеет. Может, мы близоруки, а вам издали все виднее будет, стоит ли теперь переезжать или подождать... Анна Георгиевна как истинный педагог, беспокоится о воспитании Юрочки, чтобы он был под влиянием близких родственников и не был одинок, чтобы не подпал дурной компании. Разделяю ее заботы в этом отношении, ибо наша мама Нина Дмитриевна как раз в этом грешная и не способна быть воспитателем. Она так руководила Алешей, что не помогала ему в учебе и, подростки, он вел товарищество с морально испорченными мальчиками, пока не начал работать на заводе до призыва в армию. А я не мог уделить ему внимания, так как с утра до ночи был в школе, ибо

время было голодноватое. Благо там, где есть разумная бабушка, умеющая руководить внуками, а у нас в этом отношении нет возможностей, ибо взрослые либо на работе, либо не способны заняться должным воспитанием как наша бабушка, вечно думающая о кошечках, а не о людях.

Стоим на границе осени и зимы. «Лето красное пропела, оглянуться не успела...» Так и вся наша многомятежная жизнь! Скажу прямо, если есть возможности спокойно жить — живите и не рискуйте фразу искать приключений, а увидится успеем, будем надеяться на лучшее будущее.

Из письма моей мамы Закхею Михайловичу от 7 декабря 1954 г.:

Предположительно 10–12 дней тому назад посол СССР тов. Ю. Приходов на собрании в Клубе сообщил нам следующее: Советское правительство взяв под внимание, что большая часть жизни мы прожили на юге, разрешает русским, живущим в Болгарии, независимо от их гражданства ехать на постоянное жительство в следующие районы освоения целинных земель: Ростовскую, Ставропольскую, Сталинградскую, Астраханскую, Саратовскую, Акмолинскую, Семипалатинскую и Павлодарскую области в Совхозы. Люди нашей квалификации будут работать по специальности, для других будут устроены курсы переквалификации. Въезд назначается с мая по август. Главе семьи на границе представитель Министерства сельского хозяйства вручит по 3000 руб., а членам семьи по 600 руб. безвозмездно, а по приезду сможем получить ссуды от 10-15 тыс. руб. на постройку дома и до 3000 руб. на корову. Выплачивать должны через 3 года после постройки дома в течении 10 лет. Отправка будет проводиться по возможности в те места, куда желают переселенцы. Запись продолжается до начала организационных работ по отъезду. Откровенно сказать мы очень хотим переехать. Быть иностранцами почти всегда нежелательными. К 1 января муж остается без работы, а для того чтобы ее получить ему придется ехать в провинцию, значит снова разлучаться. Как мы вам раньше писали, возможностей для нас совсем нет. Конечно, мне придется перейти из ВУЗа в среднюю школу, но зато мужу будет дана возможность работать по специальности. Ему бы очень хотелось работать пищиком в заводе замораживания фруктов. Мы думаем, что со временем он сможет

осуществить свое желание. Трудовой стаж нам засчитают т.ч. я смогу пенсионироваться если захочу. Мы ждем ответа и совета, куда ехать лучше всего, раз вы считаете, что в Киев не стоит.

Приписка папы .к этому же письму:

Письмо ваше получили. Откровенно сказать, я был им очень разочарован, но по размышлении зрелом решил, что вы зла нам не желаете, и если так пишете, значит так по-вашему лучше. Теперь гадаем, куда лучше поехать. Как-то во время наших странствований мы с Дедушкой попали в Ставрополь и прожили там месяца 3—4. Это было летом и ранней осенью и мне как и город так и окрестности очень понравились. Теперь же мы отправляемся на целину, что по моим представлениям будет где-то между Ставрополем и Астраханью. Были мы и в Ростове. Теперь колеблемся между Ростовской и Ставропольской областями

Из письма Закхей Михайловича от 10 декабря 1954 г.:

К Вашему сентябрьскому письму о возвращении на родину я ответил, и Вы, вероятно, обижены, что мы холодно отнеслись к этой радости, какую вы переживаете в связи с разрешением консула вернуться к своим пенатам. Не огорчайтесь, а действуйте, как намерились. Очень бы хотелось, чтобы тебе Боря, удалось устроиться где-нибудь здесь, в теплой полосе, потому что болезнь твоей супруги Анны Георгиевны вряд ли позволяет заехать куда-то далеко, где еще нет надлежащего устройства. Вот это обстоятельство и заставляет всех задуматься. Хотелось бы всем быть вместе. Беда в том, что нет у нас знакомых влиятельных лиц, которые бы помогли нам в этом отношении, и мы здесь беспомощны. Риск, говорит пословица, благородное дело, но не для всех дает благоприятные результаты. В комиссии по распределению эмигрантов вас должны причислить в особую категорию, потому что вы детьми были увезены туда родственниками, которые не принимали никакого участия в политике и явились как бы жертвами революционных событий. Вот на это обстоятельство должен обратить особое внимание наш Консул и дать соответствующие указания при вашем переселении в Киев, о чем вы должны просить его.

На первых порах можно поселиться у нас, место в квартире найдется. А уже здесь на месте потом все выясним и распределим. На Шумявке есть

тоже у нас одна комната, которую можно будет потом предоставить вам, после переговоров и согласования с родичами. В общем можно уладить этот вопрос.

Относительно выезда, желательно было бы для вас сделать это весной, а не в зиму, чтобы не простуживаться. Жалко то обстоятельство, что нельзя вам сделать разведку, а то ты Боря, прилетел бы сюда и узнал бы все на месте.

Не унывайте, а бодритесь, будьте мужественными и готовы ко всяким невзгодам, если вас встретит разочарование в чем-либо. Например, возьмем маму. Она как-то странно по своей нервозности, реагирует на ваш приезд, как будто какой-то чужой приедет, будто ей неприятно и т.д. Я сегодня хорошенько пробрал ее за такие «материнские» чувства. Здесь нужно радоваться, а она дикаря строит. А ведь все время она пилила меня за то, что будто бы я отнял у нее первенца-сына, и упрекала бабушку за это же. Ее все здесь знают и сочувствуют мне. Я уже привык нести этот жизненный крест, а вам нужно подготовиться к этому и не обращать внимания на эти странности. Она отходчива после раздражения и потом ведет себя нормально. Лечить свои нервы она не желает, считает себя совсем здоровой. В общем, потом узнаете ее и привыкнете. Как говорится, в семье не без урода, так и у нас. Родственники хорошо уже знают ее характер, и очень редко нас посещают. Все это я написал «pro domo sua» не с тем, чтобы вас опечалить. Мы свои люди и как-нибудь сочтемся, не будем ссориться.

Итак, желаю от души свиданья с вами и шлю пожелания постепенно приспособиться к отплытию сюда. Придется вам много хлопот с имуществом, которое накопили, ибо камень обрастает на месте, а всякий переезд, это разорение, которое и мы неоднократно испытали.

Из письма от 10 января 1955 г., ответ Закхей Михайловича:

Вы сердитесь, что мы будто не сочувствуем, той великой радости, которую вы переживаете в связи с возвращением на родину. У нас общая давняя мечта увидеть своих милых детей и поделиться радостями и печальми нашей многотрудной жизни. Хотелось бы, чтобы всем жить вместе, здесь в Киеве, а не опять быть в разлуке. Мы старые, но покае еще бьются наши

сердца, оживим их приятной встречей, что мы не одиноки, что у нас есть еще надежда о опора в жизни, которая пойдет веселей, если наша семья соберется дружной. Будем бодро смотреть вперед, без сомнений и страха на разные затруднения! Итак, дорогие, постепенно собирайтесь к нам, уповая на бога. Если не удастся вам поселиться сразу в Киеве, что огорчило бы нас, то поневоле придется выбирать меньшее зло, т.е. ехать в Ростовскую или же в Ставропольскую область, где климатические условия лучше, чем в других местах, так мы полагаем. Думаю, что каждому найдется работа по специальности, а также возможность иметь жилье и пропитание, потому что теперь очень большое внимание уделяет правительство на благоустройство целинных земель и снабжением всем необходимым работающих там.

Если удастся поселиться вам в Киеве, то квартира совместная найдется у нас. На Шулявке можно будет иметь одну небольшую комнату, потому что две отдельные квартиры заняты старожилками, которых трудно теперь выкурить. То что писала вам мама о ремонте квартир и какой-то обиде Алеши, является вымыслом; она всегда враждебно относится к Неониле Моисеевне, которая там трудится и и заботится по домохозяйству. Хорошо было бы выстроить флигель, но теперь в связи с реконструкциями города, не разрешит горсовет делать построек, да на это дело нужно иметь и большие деньги. В общем, старайтесь получить путевку к родителям, сюда, а с квартирным вопросом здесь уладим. Здесь бы и для лечения Анны Георгиевны и для безболезненного продолжения учения Юрочки нашлись бы возможности.

К этому письму Нина Дмитриевна приписала: «Счастье вам немного улыбнулось и вот вас приглашают в область Ростовскую на Дону и Ставропольскую! Как люди туда будут, да и вы с ними. У всех в умах будет думаться найти службу и хату, так и вы ищите по приезду эшалона, в намеченную область то и другое Весело и приятно будет ваше путешествие молодых и прекрасных! Соберите немного денжат и папу попросите прислать тысячку. Вообще точно пишете, что предстоит. В Киев сразу устроиться нельзя.

В результате развернувшейся акции по репатриации в СССР возвратилось около 5 000 человек, которые специальными поез-

дами отправлялись на Родину. Это составило около 90 % советских граждан, проживающих в Болгарии. На софийском вокзале уезжавших с завистью провожали остающиеся в Болгарии. Тем временем в стране оставалось около 7 500 русских, большая часть не принявших советское гражданство. В эти годы из Советского Союза прибывали новые волны советских граждан. Это были преимущественно женщины, вышедшие замуж за болгар, посланных в СССР на учение или работу. Прибывало также и много советских специалистов, которые помогали в налаживании новой индустриализации страны. Менялась структура русской диаспоры, проживающей в Болгарии. Огромная, мощная организация Союза советских граждан практически распалась на глазах и трансформировалась в Общество болгаро-советской дружбы.

Тем временем, новости, которые мы получали из писем уехавших знакомых, были неутешительными. Условия жизни, в которые попали «целинники», были несопоставимы с жизнью в Софии.

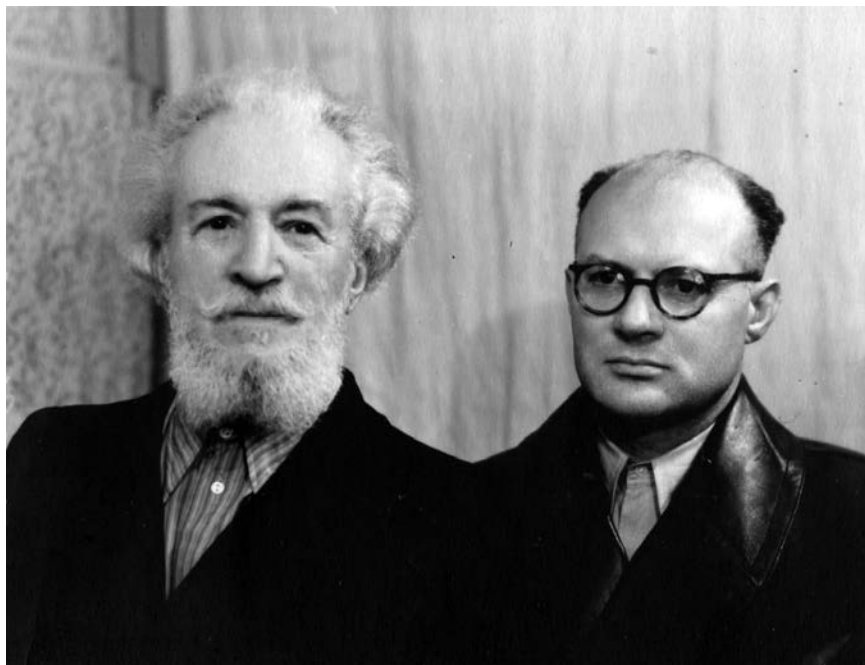
Из письма друга отца Евгения Преображенского из совхоза им. Молотова Старо-Полтавского района, Сталинградской области от 22.09.1955 г.:

Вот скоро будет 2 месяца, как выехали из Болгарии и пока не знаем настоящего своего положения, конечно человек живет надеждой на лучшее. Послали нас в совхоз им. Молотова, дали комнату, кухню, кладовую и сени, но боюсь, что зимой будем мерзнуть, домик деревянный финский, запаслись кизяками, купили угля, но здесь уголь антрацит и не знаю, как он будет гореть, надо к нему приспособиться. Мне вспоминается, старая песенка «нет ни сахару, ни чаю, нет ни пива, ни вина, вот теперь я понимаю, что я прапофа жена», вот и наше положение такое, что первую зиму придется даже и поголодать, так как без своего хозяйства жизнь будет неважная. Доставка продуктов первой необходимости ниже всякой критики, даже пусть и денег много, но купить негде. Очень плохо в отношении жиров, олио совсем нет, а масла тяжело достать, а поэтому не гнушаемся если попадетя и лой, на лук и картофель тоже не богатые, как уже

сказал, что необходимо свое хозяйство, купили себе свинью на 70–80 кг, думаем ее кормить, тогда будет свой смалец, а на весну, если не удастся куда-нибудь улизнуть, то придется обзаводиться своей коровой и насадить свой огород на что земли дают, вспашут, а ты сади. В совхоз нас послали 12 семейств, а осталось сейчас только 3 – все другие разъехались по городам, но мы, не имея специальности, сидим и ждем, как говорят, у моря погоды. Не знаю, что будет дальше, а пока что положение неважное, заработки плохие, оплачивается труд слабо и пока что постоянной работы не дали, а служим на побегушках, сейчас рублю хворост, а Коля возит молоко на сепаратор в другой хутор, совхоз наш занимается, главным образом скотоводством. Как уже упомянул, что всякий может уехать из совхоза, но для этого сам должен найти работу, ближайшие города Сталинград, Камышин и Саратов, садись и поезжай, не нужно никаких разрешительных, свободно. Одно удовольствие, что есть речка, хожу ловить рыбу, как только свободен. До сих пор я и жена не можем устроить с паспортами – я выхожу на карточках слепым, а жене все не хватает карточек, а фотографа найти нелегко. Есть, некоторые попали еще в более паршивые места – совсем глушь, Гирский и Нечаев на станцию в совхоз по зерну и сейчас тягают целыми днями кули с зерном, но за этих я радуюсь, не все коту масляница.

После такой информации о состоянии дел от вернувшихся в СССР, мы решили сперва «послать в разведку» отца для встречи с родителями, ознакомиться с обстановкой, осмотреться на месте и если будут благоприятные условия реализовать мечту переехать на постоянное жительство попозже, а не с основной массой возвращающихся на Родину.

Позади хлопоты с оформлением приглашения, визы, проводы, и вот папа в пути. Мы с больной мамой с волнением ожидали письма об исторической встрече с родителями. Дедушка, несмотря на свои 72 года, все еще служил протонереем в Покровском женском монастыре в Киеве. Потеряв младшего сына на войне, престарелые родители, с нетерпением ожидали встречи со старшим сыном, с которым вели переписку 40 лет.

Памятная фотография, сделанная в Киеве в 1956 г. после сорокалетней разлуки

Расставшись случайно с родителями в Тифлисе семилетним ребенком в 1916 г., мой отец Борис Закхеевич Словачевский встретился с ними только 22 сентября 1956 г. на вокзале в Киеве 40 лет спустя.

Вот как описывает свой первый приезд и встречу с родителями мой папа в письме нам в Софию.

До Киева я ехал один в купе. На советской границе в Унгенах дали заполнить анкету о валюте и драгоценностях, которые я везу, вещей не осматривали, и мы поехали дальше. Поезд запоздал на три часа и вместо 4 пришел Киев в 7.

Я вышел из вагона — наши вагоны были в хвосте и пошел к голове поезда — думал, что наши там. Дошел до паровоза — никого нет — я тогда пошел к моему вагону и решил вытащить вещи подождать, а если никого не будет взять такси и ехать к нашим, а там пусть расплачивается, кто хочет.

Вытаскиваю вещи из вагона – смотрю, папа – я его скорее угадал, чем узнал – волосы совсем седые, но крепкий молодец – смотрю, рядом стоит маленькая старушка – а это, говорит, твоя мама. Мама чем-то напоминает твою маму (речь идет о бабушке Дуне, которая умерла в 1946 г.).

Послали мы папу за носильщиком, ждем, ждем, а он пропал. Наверно полчаса где-то ходил. Наконец явился, взяли вещи, сели в такси и приехали к нашим. Квартира состоит из одной комнаты светлой, одной полутемной и темной кухни. Из окон открывается хороший вид на Киев. Водопровод в соседнем коридоре, уборная с водой общая, внизу в подвале. Особых удобств нет.

Для встречи дорогого гостя папа купил шампанского, утку, торт «полено» (очень вкусный) и прочее.

Пока готовился ужин, дали мне рассматривать семейный альбом – на первом снимке Дедушка Дамиан в бытность Архимандритом – как раз с тем крестом, что я привез. Я прикидываюсь и спрашиваю, а где сейчас этот крест? Они, конечно, не знают где он, может быть. Я тогда его торжественно вынимаю, показываю и возлагаю на папу крест. А на маму цепочку, ну они, конечно, в восторге.

На другой день, позавтракав, отправились с папой осматривать Киев. Ездили за Днепр, поднимались на Владимирскую горку, смотрели памятник Св. Владимира и вообще город.

Письмо Закхей Михайловича от 7 декабря 1956 г.:

Прежде всего, хочу выразить тебе, Боря и твоим домочадцам несказанную радость за то, что ты осуществил долгожданную встречу. Я недостоин той похвалы, которой вы меня награждаете, хотелось бы тебя достойно принять, такого дорогого гостя, но прошу прощения – все зависит от хозяйки дома, а у меня ее нет, в чем ты достаточно убедился. Не было ни пирогов, ни угощений, как у других людей. Мне досадно, что даже в день твоего отъезда ничем тебя не угостили на дорогу, и ты выехал полуголодный!

Очень рад, что все были очарованы встречей с тобой, не говоря уже о нас, убогих! Воспел бы тебе целый акафист, но не имею поэтического вдохновения, за что извините. Все мои знакомые и сослуживцы завидуют твоей выдержанности, рассудительности и такту в поведении, ласковости

и необходимости и т.п. Благодарю Бога, содеяв всего во благое! Вечная память блаженному Дедушке воспитавшему тебя! Слава твоим учителям и руководителям! Теперь, наконец, ты увидел свое Отечество и побывал в его столицах, а главное узнал своих родителей, долго тосковавших о тебе. Ты ознакомился с нашими родичами и ситуацией на месте и имеешь о всем реальное представление. Мы также довольны, что узнали твою жизнь и благодарим Бога, что все обстоит благополучно. Будем надеяться, что в будущем удастся разрешить благополучно много еще наболевших вопросов.

Анализируя теперь события 50-летней давности, становится очевидно, что живя в Болгарии, наша семья подходила к процессу переезда в СССР глубоко эмоционально. Мы совсем не осознавали, куда мы перебираемся, и что нас там ожидает. Мы хотели лишь быть вместе с нашими родными. Дедушка же Закхей Михайлович, оценивая совсем трезво обстановку и зная положение на месте, не желая нас обидеть и огорчить, прожив долгую и трудную жизнь, очень осторожно нас предостерегал от таково опрометчивого шага.

После первой поездки отца к родителям осенью 1956 г. последовали долгожданные встречи всей нашей семьи в 1961 и 1963 гг. с нашими дорогими дедушкой и бабушкой, а также и с остальными родственниками в Киеве. Постепенно мы убеждались в нецелесообразности возвращения на Родину. Это определялось трудными условиями быта, невозможностями устройства с работой и состоянием здоровья мамы. Годы брали свое. Многие из уехавших на Родину в 1955 г., после долгих и сложных хлопот возвращались обратно в Болгарию. В 1963 г. Закхей Михайловича освободили от службы в Женском Покровском монастыре. В феврале 1964 г. с Ниной Дмитриевной случился инсульт. Состояние ее ухудшалось постепенно, 16 октября 1965 г. на 81 году жизни она скончалась.

При этих обстоятельствах оставался единственный необходимый и правильный ход – перевезти в Болгарию к нам дедушку

Закхей Михайловича. К счастью процедура оформления приезда. Сперва в гости – это не отняла много времени. Впоследствии не составил особого труда перевод нашего дедушки на постоянное жительство в Болгарию. Нельзя сказать, что переезд пожилого человека в новые условия, несмотря на прекрасные бытовые условия и уход, не сказался на здоровье Закхея Михайловича. Весной 1968 г. с ним случился легкий инсульт. Состояние медицины в эти годы, несмотря на окружение квалифицированных врачей, не находило способов спасения от этого коварного недуга. Постепенно состояние дедушки создавало все большие и большие проблемы с его уходом в домашних условиях. Вся тяжесть падала на моего отца, так как состояние здоровья мамы требовало желать лучшего. Неожиданно 20 апреля 1971 г. папа получил инфаркт на площади у храма «Света Неделя» и ушел из жизни. Похоронили мы его в могиле Преосвященного Владыки Архиепископа Дамиана на 97 участке Русского кладбища. Закхей Михайлович пережил сына на 17 дней. Он похоронен в соседней могиле. Так печально закончилась мечта о воссоединении семьи после разлуки в Гражданскую войну... «Летай иль ползай, конец известен; все в землю лягут, все прахом будет...» (М. Горький, «Песня о соколе»)

Послесловие

Описанная жизнь одной разделенной семьи – лишь капля огромного потока вылившегося из России в Гражданскую войну. По оценкам Американского Красного Креста в период Гражданской войны страну покинули около трех миллионов человек. Разбросанные по всему миру русские люди, спасая свою жизнь и детей, никогда не теряли надежду, что придет день и они вернутся на Родину, с мыслями о которой жили на чужбине. А хотела ли их эта Родина? Конечно, это была уже другая страна и люди в ней переменились. Большевики, пришедшие к власти в 1917 г. «всерьез и надолго» продержались до 1991 года.

Здесь следует вспомнить пророческие слова епископа Дамиана, произнесенные на торжествах по случаю 50-летия освобождения Болгарии от турок в «Славянской беседе» 10 марта 1929 г., которыми мне хотелось бы закончить: *«Большевизм родился у нас, большевизм и умрет естественной смертью у нас же и время его уже сокращается в России, и на руинах его немедленно потребуются построить новое здание. А как построить здание, если нет архитектора?»*

Литература

Еременко В. Мессия // Вождь – Ленин, которого мы не знаем. Саратов: Приволжское книжное издательство «Слово», 1992. С.19.

Карнов. Н. Галиполи – Балканы, М., 2002.

Епископ Даминан – Дневник моего беженства (личный архив).

Моя мама

Анна Георгиевна Верченко

Описывая родословное древо Словачевских, останавлиюсь подробнее на образе моей мамы, которая была моим лучшим другом и наставником в жизни. Она была главным ваятелем моей личности. Приходится лишь сожалеть, что она очень много болела и это помешало ей занять более активную позицию в жизни. Состояние здоровья помешало ей использовать свой большой интеллектуальный потенциал. Она была двигателем в нашей семье.

Анна Георгиевна Верченко родилась 22 декабря 1907 г. в городе Лебедине Сумской области. К сожалению, после Великой Отечественной войны, сколько она не искала, не смогла найти никого из своих многочисленных родственников. Находились люди с фамилией Верченко, но они в итоге оказывались только однофамильцами.

Сохранилось два дневника – один, который она вела в детстве, и другой, который писала в пожилом возрасте, когда была свободна от работы, переводов и домашних дел. Это помогло мне восстановить события, сопутствовавшие ее детству и жизни на Украине до эмиграции в Болгарию.

Ранний дневник моей мамы.

Смерть папы и жизнь после его смерти.

Я хочу писать о том, что очень давно прошло, хочу описать смерть моего дорого папуса и его болезнь. Был 1917 год, начало революции, приблизительно в феврале месяце, мама уехала в Белгород и должна была

пробыть там около двух недель. Было хмурое, пасмурное утро, мне нужно было идти в гимназию, которая находилась от нашего дома через дорогу. Так как невозможно было перейти через дорогу, чтобы не замочить ноги, то папа приказал дворнику, чтобы он меня перенес. Причем мой папа стоял и смотрел, чтобы он меня не уронил. Когда я возвратилась домой, меня встречал один лишь дворник, папы не было. Войдя в комнату, увидела, что папа лежит на кровати, на мой вопрос, что с ним? он ответил, что ему нездоровится. Он сказал это совершенно спокойно, но я испугалась. К приезду мамы, у папы началось воспаление легких, потом воспаление почек. Папа отсылал меня гулять, когда у него начинались приступы.

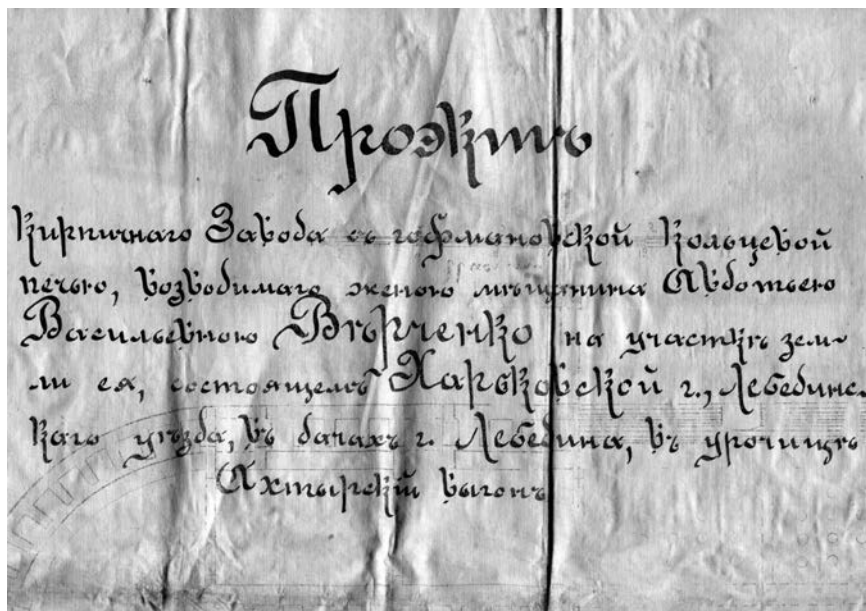
В деревне около нашего города была чудотворная икона Параскевы, которую каждую весну приносили в наш город, эту икону носили по домам и служили молебны. Папа был очень религиозный. Когда икону принесли к нам на второй этаж и начали служить молебен, то боль в раненой руке начала постепенно проходить. Дня через два после молебна и совсем прошла. Доктора, посещавшие папу, сказали, что за всю свою жизнь они не встречали такого случая. Один старый врач говорит: никогда не было такого случая, чтобы все вены и артерии большие закрылись, а на их место открылось множество маленьких кровеносных сосудов. На благовещение папе было очень худо. Тогда он вызвал нотариуса, стали делать духовную, из которой моим старшим опекуном стал дядя Миша, мама была вторым опекуном. Всю нашу экономию, все земли и состояние он завещал мне. Один кирпичный завод, 3 дома и недостроенную фабрику. Мне попали в душу слова, когда он говорил дяде: «Поручаю тебе да Божьей Матери Ньюру, Миша». Он не очень волновался о маме, зная, что она не пропадет, он больше всего беспокоился обо мне. После Пасхи папе захотелось поехать в экономию, а до нее было 45 верст от нашего города. Папа ехал в ландо на перинах. Когда мы приехали, папа занял громадный зал, потому что в других комнатах ему было душно и не хватало воздуха. Господи, я и не думала о смерти папы и веселилась вовсю. Там кроме меня было много других детей родственников. Было очень весело, и вдруг слышу папин голос, который поет: «Як умру так поховайтэ мэнэ Вкраїні, серед степу широким на ридний могилі». Мне стало очень грустно, и я пошла в сад, где, выплакавшись и нарвав ягод, пошла в дом.

1-го июня умер мой папуся, случилось это так. 31 мая в 8 часов вечера мы резвились, шалили и бегали по комнате переворачивая стулья и столы. Вдруг вошла кухарка и обращаясь ко мне сказала: «Как вам не стыдно, Нюра, ведь папа ваш при смерти, а вы с ума сходите?» Эти слова сразу навели на меня грусть, и я, укрывшись одеалом начала плакать. Хорошенько выплакавшись, я закуталась в одеало и пошла, попрощаться с папой. Когда я вошла, он меня не узнал. Он вообще уже никого не узнавал, кроме мамы, присутствие которой, он как-то инстинктивно чувствовал. Я поцеловала его в руку и в лоб, и меня выпроводили в гостинную. У меня появилось предчувствие папиной смерти, именно в эту ночь. Перед моими глазами представилась картина: как будто бы на столе лежит папа уже мертвый. Проснулась я отчего-то часа в 2 ночи, на дворе было совсем темно, никого нет, очевидно, все уже встали. Тогда я начала кричать пока ко мне не пришла нянька моего брата. Она мне сказала, что папе, слава Богу, стало легче и сейчас же ушла. Тогда я стала снова кричать, и ко мне пришел кучер, только что отвозивший доктора. Я задала ему тот же вопрос, что и няньке, он сказал, что папе хуже. Тогда я вижу, что, что-то не так, начала одеваться. Только я одела платье, как ко мне вошла целая компания, во главе которой был дядя, а за ним мама. Дядя сказал, что папа умер. Меня это поразило, точно кто-то ударил обухом по голове. Тогда я пошла в зал, где было масса народа, и увидела папу, лежащим на столе, в таком виде, каком я его представляла два дня тому назад. Через три дня гроб папы повезли в город, где и похоронили в склепе вместе с дядей Андрюшей.

Год спустя мама вышла второй раз замуж. Пришли большевики, от которых мы мало пострадали. Эти большевики к Пасхе ушли. После был гетман, приезжал мой отчим, потом опять уехал. Вторые большевики были более бесчеловечными, они два раза сажали в тюрьму маму, первый раз она сидела 3 недели, в другой раз 2 недели. Потом разграбили наш завод. Мы с мамой все время прятались по деревням. Большевики послали нас на работу, где мы чуть не погибли. Нас привезли в экономию «Евченаль» и поместили в амбарах. Я, мама, Александра Георгиевна Карабан, моя подружка Галя Стешенко, ее брат Коля, моя бывшая симпатия, и еще

одна барышня. Однажды ночью нас разбудил шум. Мама и Александра Георгиевна подошли к двери и, отворивши ее, увидели всадников. Мама сейчас же разбудила меня, потом мы, накинувши на плечи одеяла, вышли на балкон амбара, нас заметили и велели нам идти запрягать волов и ехать с ними. Мы сказали, что хотим пить и пошли в сад, который лежал у подножия большого котловина. Только мы вошли в сад, как сейчас же один за другим свалились вниз, не успели подняться и снова полетели вниз. Утром они уехали, взяв с собой девушек. По дороге они спросили у них, что то за люди? И когда те сказали, что это лебединские буржуйки, большевики решили, что надо вернуться и расстрелять нас, но, подумав немного, передумали. Видимо решив, что нас расстреляют те, которые послали на эту работу. Так мы спаслись от смерти. Мы в один день прошли 35 верст. По приходу домой узнали, что наше счастье, что нас послали на работу в экономию Эвченталь. Большевики забыли название этой экономии и думали, что она по дороге, куда они должны были ехать... Опять пришлось бежать. Мы эвакуировались 14 ноября 1919 года на лошадах до Ахтырки, думали попасть там на поезд. В Ахтырке наш обоз задержали и велели возвращаться обратно, но мы остались у родственников. На другой день наш обоз не посмел возвращаться обратно, говорили, что в Лебедине уже большевики. Тогда мы запрягли лошадей и поехали дальше. Вместе с нами ехала М-те Долженко со своим сыном Колей, который за мной ухаживал, но мне совершенно не нравился. Недалеко от Харькова они отстали от нас, и мы поехали дальше. Долго мы путешествовали на лошадах, пока наконец не приехали 6 января на станцию Кавказскую, где я заболела сыпным тифом. Когда я начала выздоравливать, заболела мама. Через несколько недель после заболевания мамы, когда у нее прошел кризис, но она еще не ходила, мы эвакуировались. Отчим служил в железнодорожном батальоне, и это помогло нам эвакуироваться. Мы ехали вместе с мужчинами. После выздоровления от сыпного тифа, мама заболела ангиной.

На этом обрывается ранний дневник мамы, написанный, когда она была еще ребенком, в нем она отразила свои детские воспоминания. Выйдя на пенсию, она описала более подробно детство в Лебедине и обстоятельства исхода из Крыма.

Проект Кирпичного завода Георгия Верченко в г. Лебедине. 1910 г.

Второй дневник мамы.

Итак, с чего начинать? Описать в нескольких словах детство, которое было прервано смертью папы и затем Октябрьской революцией. Двумя событиями, коренным образом перевернувшими мою жизнь на 180°.

Насколько у меня сохранились воспоминания, мы жили в большом достатке. Мама помогала папе (родному папе Григорию Павловичу Верченко). Она торговала в лавке, гостиннице, хозяйство в доме велось как-то само по себе без ее участия. Много крови портили ей родственники папы, которые буквально все висели на их шее. Было их много. Четверо братьев папы и две его сестры. У нас в доме жил дядя Андрияша, холостой молодой шалопай, который много пил и почти ничего не делал. Папа его очень любил, когда он был убит в Первую мировую войну, ездил в 1915–1916 году на польский фронт вместе с мамой, под обстрелом германских орудий он нашел его тело и повез домой. Так как немцы наступали, тело им пришлось бросить, а самим убежать. И только вернувшись домой и отойдя немного от испуга, послал конторщика безногого Ивана Николаевича за телом бра-

та. Помнится мне, как он рассказывал, каких страхов натерпелся, едучи вместе с телом в запломбированном вагоне.

Было устроено шикарное погребение. Вся дорога от станции до дома, церкви и кладбища была усыпана ветками елок. На кладбище был построен специальный склеп для двоих, впоследствии там же был похоронен и мой папа.

Когда проходило погребальное торжество, маму судили за то, что из погреба, запечатанного по случаю войны были взяты все бутылки со спиртным, иностранные вина и шампанское, а на их место было положены в соответствующем количестве бутылки с вишневой настойкой. Мама не была на погребении, она смотрела из окна гостиницы на торжественную погребальную процессию, протянувшуюся на много кварталов.

Ночью после погребения в большом зале был устроен обед для большого количества людей. Давали водку и кулеши с мясом и хлеб. Пили «варену», напиток из вишен со спиртом и специями.

Пели псалмы и траурные песни. Со дня смерти 9 дней считается, что душа покойного находится в доме. Целые дни и ночи монашки пели псалмы. Один псалом мне понравился, «Про вечного жиды», я до сих пор помню часть его:

*И видел я царства там многих царей,
Я видел как злато губило людей
И теми местами назад проходил
Я видел там груды забытых могил
О люди, побойтесь прогневать Творца
Его наказаньям не будет конца...*

Все недвижимое имущество было записано на имя мамы, так как папа был болен туберкулезом и, будучи дельцом, всегда рисковавшим имуществом, он не хотел подвергать нас всяким случайностям. У него уже был опыт собственного отца, моего дедушки Павла Верченко, который, живя в городе Зенькове и будучи уважаемым человеком, занимая пост городского главы, широко поручительствовал за других, за что и потерял все свое имущество. Был вынужден со всей многочисленной челядью переехать в Лебедин. Этот дедушка умер до моего рождения, и я его не знаю. Тетей и дядей помню хорошо. Марья Павловна Гордиенко – вдова с двумя детьми – Нюсей, старше

меня на два года, и Васькой, не желавшим учиться и во время революции сбежавшим в Красную Армию. Тетя была высокая, худая, одетая во все черное с лицом, напоминавшим смерть, только в руках у нее не было косы. Она была замужем за родным братом отца моей мамы. За одну неделю от скарлатины она потеряла пятерых детей и мужа умершего от горя. Была озлоблена своим несчастьем и ненавидела всех. Когда после смерти папы мама через год вышла замуж, тетя публично ее прокляла на соборной площади перед церковью, встав на колени в базарный день.

Другая тетя, Марфа Павловна Золотарева была полной противоположностью. Она была ниже и толще раза в четыре. Лицо у нее было широкое и кроткое, на щеках румянец. Помню, одевалась она всегда в очень широкие одежды. У нее было трое детей: замужняя Настя, горбатая Дуня и сын Евлаша, лет на 5–6 старше меня. Это он бегал по улице и кричал: «Папа з лису прииде, купэ булки и ковбасы». Насколько мне не изменяет память, он тоже ушел на фронт в Гражданскую войну, но дрался или нет, не знаю, но мне кажется, что ушел он с белыми и, заболев, умер. Теперь о дядях. Самый старший был дядя Миша. Папа, желая его пристроить, женил на богатой, но не совсем нормальной девушке Наде, которая видела, как сгорели ее родители и после этого стала заикаться и вообще была какой-то странной. У них было много лавок в Ахтырке, в Лебедине два посудных магазина, в одном из них торговала тетя Маня. Три одноэтажных дома с большим двором, заросшим травой на Троещине. Помню у них было много детей. Дядя Миша после смерти папы был моим опекуном, но он всячески старался избавиться от этих обязанностей. Когда в 1923 году я ему написала из Болгарии, что хочу вернуться, он ответил, чтобы я слушалась маму и была с ней, а ему ничего бы не писала. Затем следовал дядя Якуша – Аким Павлович, женатый на обедневшей дворянке Домне Михайловне. У них было двое детей, Марушка и Поля. Дядя Миша и дядя Якуша были старше моего папы, но всеми ими руководил папа. Этот последний дядя всегда сидел на нашей шее. То он был надзирателем на нашем заводе, где жил в трехкомнатном флигеле, то детей его, больных коклюшем, привезли к нам в дом, и они заразили меня и мою 6-месячную сестренку Ниночку, и она, беденькая, умерла от этой болезни. Марушка была нашим бичом. Она была старше меня, очень маленького роста, бело-

курая с прекрасным румянцем, но слабообразованная. С носа у нее всегда текло через две губы прямо на подбородок. В письме от 1923 года Нюся написала, что торгует бубликами на базаре. Ее сестра Поля была обыкновенной, хорошей и нормальной девочкой. Самый младший – дядя Яша редко бывал в Лебедине, он где-то служил и приезжал наездами, а после нашего отъезда женился на одной из барышень Прокопцовых. Со стороны мамы помню ее родителей. Бабушку и дедушку как сейчас вижу перед глазами. Когда они жили в селе Белке, возле Тростянца, где находился большой сахарный завод, мы ездили с мамой просить денег на какое-нибудь папино предприятие. По-видимому это было до 1915 или 1916 года, так как последние годы после революции особенно ясно помню, бабушка жила с нами, а вот дедушка был ли с нами сразу же после бабушкиного приезда или нет, мне не помню. Кроме меня в семье было еще двое детей: Наташа – прожившая всего неделю, так как ее неудачно вынули доктора, и у которой было по 6 пальцев на руках, она была старше меня и умерла, кажется в 1905–1906 году, и Ниночка, родившаяся в 1915 году, умершая в 6 месяцев от коклюша. Будучи единственной дочерью, я была очень избалована всеми домашними. Папа во мне души не чаял и очень гордился мною, я помню, когда ездил по делам, главным образом, по банкам перезакладывать или учитывать векселя, брал меня с собой, мне было около 5–8 лет. Или вспоминаю такой случай – мы едем с ним вдвоем на пролетке, в ногах у нас лежат ворохи моих платьев, из которых я уже выросла. Мы их везли кому-то. Я думаю, что желание помогать людям, делать им что-нибудь полезное у меня от него. Он всегда делал что-нибудь для других. Возможно, что желание работать, эта непоседливость и перескакивание с одной деятельности на другую, у него было на туберкулезной почве (говорят, что туберкулезные все очень деятельные), я помню его всегда за каким-нибудь делом. Вставал он затемно и, одевшись, проходил с кнутом через мою спальню. Целый день был на ногах, а поздними вечерами у нас собирались нелегальные, и они допоздна говорили о революции, играли на кобзе и пели в полголоса запрещенные песни. Попоек не было. Папа пил только зельтерскую воду, а мама, хоть и любила выпить, но делала это втихомолку.

Так вот, возвращаясь к отношениям ко мне. Дядя Андриюша баловал меня, бабушка, мамина мама – тоже. Пожалуй, только мама, когда у нее было

время, была строга ко мне, однако времени для меня у нее было совсем мало. Она была вечно занята, две гостиницы и лавка требовали много внимания.

Быв в детстве всеобщим кумиром, мне очень трудно пришлось в жизни, когда обстоятельства круто изменились, и изменились они сразу после смерти папы. Смерть дяди Андриюши прошла довольно незаметно для меня, а вот после смерти папы все стало по-иному. А тут еще Октябрьская революция подспела, все старое стало рушиться, а мама, оставшись одна, конечно, не смогла правильно сориентироваться в происходящих событиях. И скажите на милость, было ли это по силам человеку, у которого было только начальное образование и положение такое, что после смерти мужа стала буржуйкой, так как имущество, раньше хоть и записанное на ее имя, не принадлежало ей, папа распоряжался им. Я затрудняюсь сказать, были ли мы богатыми людьми или нет. Папа все создавал из ничего. Все комбинировал, как я уже сказала выше, учитывал, переучитывал векселя, работал наравне с рабочими. Никогда у нас не хватало денег, всегда мы их старались достать у бабушки или занять, чтобы расплатиться с рабочими. Возможно, что образ действия был таковым. Как я уже упоминала выше, за кирпич мы тоже частично получали не деньгами, а натурой. Помню материя, взятая за кирпич, шилась портными за кирпич и большая часть комнаты была завешана костюмами, которые папа раздавал рабочим, а, главным образом, разным босякам и тем же нелегальным, с которыми по вечерам встречался.

Мне очень любопытно, как бы сложилась наша жизнь после Октябрьской революции, если бы папа был жив. Что бы в нем победило, его любовь к свободе или желание сберечь свое имущество. Впрочем, я до сих пор не знаю, кого принимал и укрывал папа. Помню, что среди этих людей с волчими билетами был некто Кочубей – высокий человек, красивой внешности, причастный к убийству Столыпина.

И, несмотря на то, что папе было плохо, помню его радость, что царя уже нет и все теперь будет по-другому. Это было в начале 1917 года. Весна ли была тогда ранняя, или оттепель была, не помню. С этого дня папа уже не вставал, на Пасху его соборовали, он умирал с полным сознанием того, что умирает, однако ему снова стало настолько лучше, что по совету врачей его повезли в экономию, приспособив его ландо как кровать..

Запомнились «Сижу за решеткой в темнице сырой», «Катерыно мамы наша змылуйся над нами». Поражает меня все же, как до последнего момента его жизни у него были различные интересы, и какое мужество надо иметь, зная, что уходишь, не хныкать (как это делаю я), а спокойно, сознательно распоряжаться всем, все устраивать и предвидеть. И совсем скоро, как мне кажется, после его смерти, матрос Ерофеев, которому он помогал, раз устроил у себя шить дружинные матрасы, второй, когда он выломал стену и выкрал много дорогих вин из магазина. Отсидел положенное в тюрьме (в это время ему по приказанию папы носили передачи). Отец взял его к себе заведующим ремонтной мастерской в экономию (там было много земледельческих машин, которые достались нам от немца фон Рота, прежде арендовавшего экономию). Так вот, этот Ерофеев, между прочим, мастер на все руки, после смерти папы устроил бунт. Разграбили мастерскую и все машины, сожгли все, что могло гореть.

Вот такие, как этот Ерофеев, внесли немало смуты в последующие события. Им надо было только разрушать и больше ничего. Они ловили рыбу в мутной воде, а пострадавший народ принимал их за вождей и шел за ними.

Тут заканчиваются записки мамы, и я возвращаюсь к своим воспоминаниям, которые остались от ее рассказов.

В 1920 г. город Лебедин, после вторжения в него Петлюры, был снова под угрозой взятия его атаманом Шубой. Из 25 тыс. жителей эвакуировались 6 тыс. человек. Ее мать с бабушкой и отчимом оказались на станции Кавказской, на хуторе Романовском. После заболевания тифом их судьба зависела от эвакуации госпиталя, который был эвакуирован сначала в Новороссийск, а потом в Феодосию.

Они оказались в Турции, пробыв около двух лет в лагерях для беженцев «Тузла» (около Смирны), Сан Стефано и Селимие. В 1920 г. буквально за 5 ноябрьских дней к берегам Турции прибыло около 150 тыс. эмигрантов, 70 тыс. из них были офицерами и солдатами врангелевской армии. Эвакуированные воинские части были сведены в три корпуса и размещены в лагерях Галлиполи, на острове Лемнос и в районе Чатаджи, в 50 км от

Всероссийская прогимназия в лагере Селшимия (Турция). Анна Верченко – вторая справа, влево от дерева. 1920 г.

Константинополя. Гражданских лиц разместили в 10 лагерях вокруг города, затем свели в четыре – на острове Холке, в Тузле, Селимие (Скубари) и Бернардоре (Сан-Стефано). В лагерях царили невыносимые условия, но, несмотря на это, мама закончила там 3-й класс. В конце 1922 г. они перебрались в Болгарию.

Жизнь в Болгарии

Местные жители в большинстве своем по-человечески относились к попавшим в беду русским людям и помогали им вписаться в местный быт и образ жизни.

Трудно было жить маме с ее родителями в Болгарии. Они поселились сперва в гор. Велико Тырново, где с 1922 по 1925 г. мама, не имея никакой специальности, работала сперва на табачной фабрике «Болярин», а позже на трикотажной фабрике «Братя Малееви».

На трикотажной фабрике «Братя Малесви»

А.Верченко среди русских студентов в Софии. 1934 г.

Анна
Верченко
с болгарской
подругой.
1922 г.

Анна Верченко с болгар-
ской подругой в нацио-
нальном обряде. Велико
Тырново, 1923 г.

Выпускники Русской Крестовоздвиженской гимназии в г. Пештера.
1927 г. Анна Верченко поправляет пенсне

Выпускники Русской Крестовоздвиженской гимназии в г. Пештера.
1927 г. (А. Верченко помечена крестиком)

Выпускники Русской Крестовоздвиженской гимназии в г. Пештера. 1927 г. (Анна Верченко и Борис Словачевский помечены крестиками)

ЛИЧНА КАРТА № 1581

Пристигнал от Великобритания на Временна Анна Роден в Милден
на 2 ноември 1922 г. 9 ноември 1917
Подпис на бежанец: А. Верченко

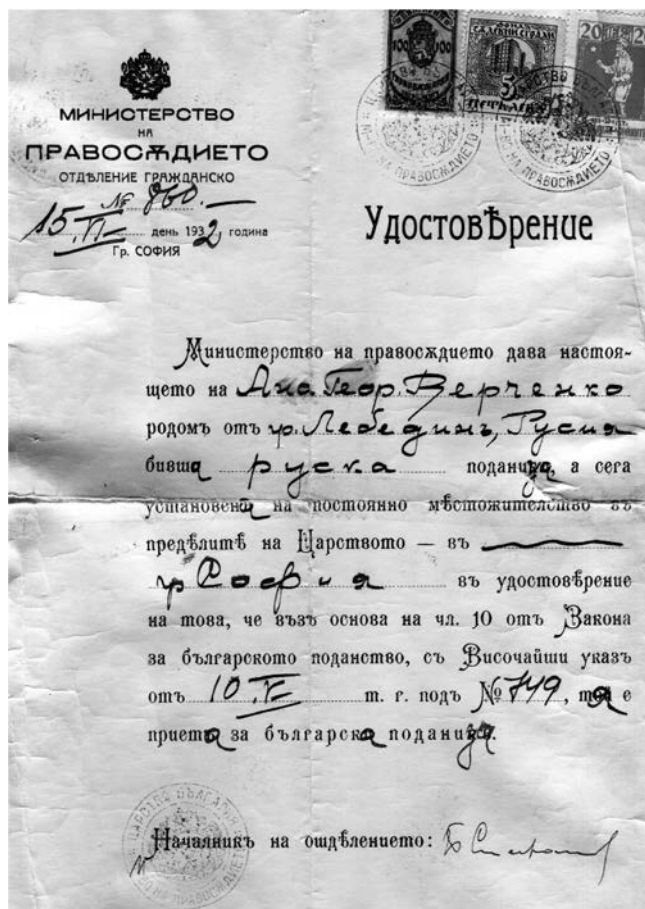
1) № на паспорту _____
2) Занятие Безработна
3) За каква работа е способен сега _____
4) Женен ли е, ако са жена му и децата с него, имената им: _____
5) Ржст _____
Очи _____
Коса _____
Особенни знаци _____
6) Знае ли язици и какви _____

София, 5 ул. Шейново 20 ноември 1922

Представител в България на Лигата на Народите, В. К. за покание на Р. Б.

Первое болгарское удостоверение личности Анны Верченко. 1922 г.

Удостоверение
о предоставлении
Анне Верченко
болгарского под-
данства. 1932 г.

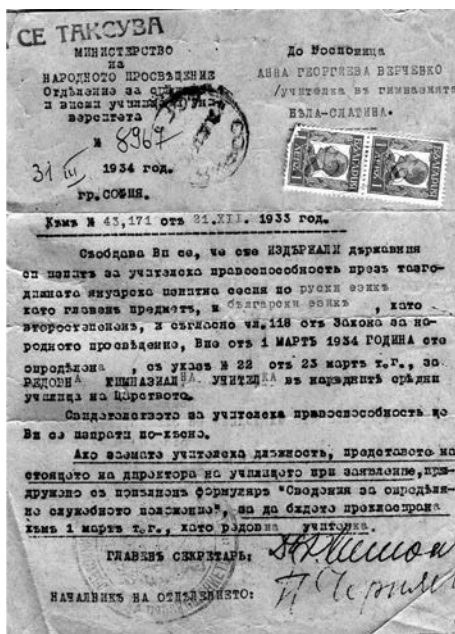
классах гимназии, по 2 часа в неделю, и он был дополнением для всех учителей, которым не хватало часов.

В 1936 г. мама выходит замуж за моего отца Бориса Закхеевича Словачевского, с которым они познакомились еще в Крестовоздвиженской гимназии.

В 1938 г. она получает работу в Софии. Написав в 1940 г. работу «Байронизм у Пушкина», она проходит по конкурсу на постоянное место работы. В то время очень легко переводили учителей с места на место (как и моего отца, который работал агрономом) и из одного города в другой, не считаясь ни с каки-

Анна Верченко с супругом Борисом Словачевским и сыном Юрием, 1958 г.

Свидетельство об учительской правоспособности Анны Верченко, 1934 г.

Диплом Анны Верченко об окончании Софийского университета. 1931 г.

ми обстоятельствами. Таким образом, мама проработала 10 лет в средних школах в Софии (9 лет в 5-й девической и год в 6-й мужской школах).

В годы фашизма (если считать, что он был в Болгарии – просто страна была в зоне влияния Германии) мама преподавала русский язык. Ее не раз вызывали в Министерство просвещения, где ей делали замечания, что, мол, «русский язык мы терпим, чтобы не волновать народ, а двоек за его незнание ставить нельзя». Всегда читая «Полтаву» Пушкина, мама указывала, что все завоеватели уходили из России посрамленными, и никто там не задержался – ни татары, ни тевтонские псы, ни шведы, ни французы. Этим подразумевалось, что так закончится и авантюра Гитлера. Ночами дома, с напряжением следили за последними известиями Совинформбюро у приемника, который папа как-то умудрился настроить, несмотря на запечатанную сургучом ручку коротковолнового диапазона.

Анна Словачевская. 1968 г.

В марте 1944 г. нашу семью постигла новая беда. Объявление Болгарией войны Великобритании и США привело к многочисленным бомбандировкам ни в чем не повинных жителей Софии. Одна из бомб попала в дом, в котором мы жили на улице Царя Ив. Асена II, уничтожив все, что успели нажить родители.

Напряженная жизнь сказалась на здоровье – мама получила заболевание глаз и по болезни вышла в 1947 г. на пенсию.

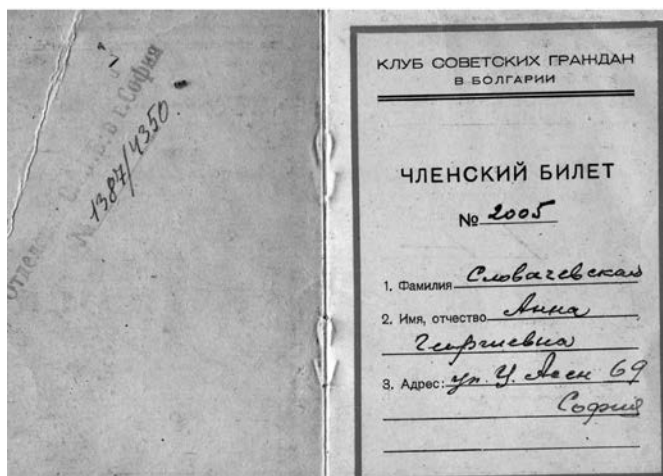
В годы «строительства социализма» русский язык в Болгарии стал очень востребован и являлся обязательным предметом в средних школах. Дома очень часто звучали стихи С. Маршак из учебников русского языка: «Дама сдавала в багаж: диван, чемодан, саквояж, корзину, картину, картонку и маленькую собачонку...», которые зубрили многочисленные мамы ученики, бравшие у нее частные уроки.

Она не знала покоя и в 1950 г. решила вернуться на работу. Прошла по конкурсу на место преподавателя в Высший инсти-

тут физической культуры им. Г. Димитрова. Там мама проработала 10 лет. Была преподавателем, старшим преподавателем и заведующей кафедрой иностранных языков. За время работы в институте физкультуры написала 4 учебника по русскому языку для студентов этого ВУЗа.

Русский клуб

Поворотным для нашей семьи стал 1946 г. – мама с отцом были восстановлены в советском гражданстве. Это обеспечивало защиту от недоброжелательно относившихся к нам соседей и сослуживцев родителей, приспособившихся к новым политическим условиям. Годы были жестокие, когда за донос о недостаточно «прогрессивном происхождении», за «буржуйство» можно было запросто быть высланным из столицы и даже попасть в трудовой воспитательный лагерь. Твою квартиру занимали «верные сыны партии», а карьера и ыт, ломались навсегда. Так поступили со многими нашими знакомыми. Чудом спасаяся от ужасов Гражданской войны в 1919 г. на Украине, мама была настигнута коммунистическим режимом в Болгарии после переворота 9 сентября 1944 года. Парадокс заключался в том, что защиту от официальных болгарских органов, проводивших репрессии по отношению к «вражеским элементам», какими являлись русские беженцы или, как теперь их называли, «бе-

логвардейцы», осуществляло Советское консульство. Аналогом советской власти в Болгарии была «народная власть». По любому поводу на лицо желающее учиться, поступить на работу, поехать за границу и т.д. требовалась характеристика, которая выдавалась организациями ОФ по месту жительства. В этих характеристиках были такие вопросы: «Имеет ли лицо правильное отношение к мероприятиям народной власти?» или «Затронута ли лицо мероприятиями народной власти?» И несмотря на защиту, которую нам оказывало при необходимости Советское посольство, нельзя не отметить, что политическая полиция (Държавна сигурност) не оставляла нас без внимания. Об этом я узнал намного позже, в 2001 г., когда наступили демократические перемены в Болгарии. Запросив наличие досье на родителей в органах Госбезопасности, я узнал, что на маму и, в особенности, на папу по месту жительства и по месту работы собирались сведения.

Вот как описывает маму некто агент Китов в рапорте от 2 декабря 1959 года: *«Анна Георгиевна Верченко происходит из помещицкой семьи. У ее отца было 14 тыс. гектаров земли в Царской России. Предполагается, что он убит во время Октябрьской социалистической революции. Ее мать с родственниками сбежали в 1917 г. в Турцию, где вторично вышла замуж. В 1922 г. прибывают в Болгарию. Ее мать ненавидела Советский Союз и коммунистов. Здесь, в нашей стране, скончалась. Объект (уже так называют маму) имеет одного сына-школьника в гимназии (это я), который ведет себя в квартале плохо, является хулиганом. Объект закончила прогимназию в Турции, гимназию в г. Велико Тырново. Высшее образование получила на филологическом факультете славянской филологии. Была некоторое время учителем в г. Бяла Слатина, в г. Сталин (Варна) и в г. Софии – в V девичьей гимназии. В 1946 г. вышла на пенсию по болезни. В 1950 г. снова поступает преподавателем по русскому языку в ВПФ им. Г. Димитрова. В настоящее время исполняет обязанности заведующего кафедрой русского языка. Согласно сведениям Маргариты Ботевой и Вески Качамачковой, которые живут по этому адресу известно, что объект в прошлом был непримиримым врагом коммунизма. Обожала немецких оккупантов. Общается исключительно*

с белоэмигрантами. Высказывается враждебно по отношению к СССР. Находится в близких отношениях с друзьями мужа. В квартале не общается ни с кем, однако к ней приходят незнакомые лица, преимущественно, белоэмигранты. В ВПФ, согласно сведениям Живко Филитова, к своим обязанностям она как преподаватель относится легкомысленно. Не популяризирует русскую литературу, смотрит только, чтобы побыстрее прошли уроки. Допускает беспорядки и не соблюдает дисциплину, ввиду чего на нее жалуются студенты. В политической жизни не принимает никакого участия. Недооценивает организацию болгаро-советской дружбы, членом которой является. В отношениях с людьми кривляется, угодничает с ректором. Поддерживает связи с реакционными элементами в институте».

Вот так, ни больше, ни меньше. Как это звучит в 2011 году? Бедная мама так и не дожидаясь, чтобы, узнать, кто и за что на нее стучал! Сколько людей занималось бестолковыми делами? О какой безработице могла идти речь при социализме, когда тысячи агентов трудились денно и нощно, чтобы защитить «народную власть» от вражеских элементов, какими являлись и мы?

В 1947 г. был создан Клуб советских граждан в Болгарии (КСГБ), который сперва помещался в здании бывшего немецкого училища на бул. Клементина Готвальда (ныне бул. Евлоги Георгиева). По субботам и воскресеньям мы посещали собрания, концерты, кино, которые приобщали нас к жизни Советской страны. Это вызывало неудовольствие проживающих в квартале соседей, которые в эти годы втягивались в организацию Отечественный фронт (ОФ). Ввиду новых обстоятельств наша семья просто не имела времени участвовать в мероприятиях ОФ. Вскоре Клуб переименовали в Союз советских граждан в Болгарии, который превращался в мощную организацию и становился не только местом общения русской диаспоры и воспитания ее в духе строителей коммунизма, но и в огромную экономическую структуру. ССГБ поддерживали ряд промышленных предприятий Болгарии, бывших ранее немецкой и итальянской собственностью. Находясь под экономическим руководством Управления советским имуществом в Болгарии, эти предпри-

ятия были в известной степени свободны от налогообложения и выделяли средства, которые поступали этой организации. Там работал лучший в Софии ресторан. Общество «Красная звезда» занимало значимое место в спортивной жизни страны, процветала художественная самодеятельность, которая была на профессиональном уровне, издавалась газета «За Советскую Родину». Активно функционировали молодежная и пионерская организации. Нельзя не упомянуть русский интернат для иногородних детей, которые обучались в школе с преподаванием на русском языке. Русский инвалидный дом в Княжево, Русскую больницу Берзина (так ее называли). Дом отдыха в Панчарево. В крупных городах Болгарии работали региональные филиалы Союза. ССГБ существовал как своеобразное государство в государстве под эгидой болгаро-советской дружбы, с полной поддержкой Советского Посольства.

В результате непрерывно увеличивающихся капиталов было принято решение построить новый Дом, напротив старого здания Немецкого училища. Однако структура ССГБ обростала и ненужными звеньями, и в конце концов превратилась в «кормушку» для значительной части управляющих деятелей и их приближенных. Дело доходило до того, что руководители ССГБ назначали своих людей и в промышленные предприятия. В октябре 1954 г., в новом клубе посол СССР Ю. Приходов объявил о решении советского правительства разрешить возвращение на Родину, на целинные земли новым советским гражданам. С отъездом в СССР значительной части диаспоры в середине 1950-х гг. эта мощная русская структура в Болгарии распалась, в результате чего новый клуб был подарен Обществу болгаро-советской дружбы. Русский клуб все же оставался доступен для всех желающих присутствовать на многочисленных мероприятиях, проводимых в Доме в последующие годы.

С наступлением в Болгарии демократических перемен, самозванный представитель русской эмиграции присвоил здание и продал его группе «Овергаз». Так Дом стал местом обитания

всяких чиновников, а зал, ресторан и другие помещения попали в руки неизвестных коммерческих структур. Средства от продажи дома, принадлежавшие всем русским, проживающим в Болгарии, были проедены группой благодетельствованных лиц. Русская диаспора распалась на несколько общин с различными интересами. Востребованность русского языка и курс Болгарии на всестороннее сближение с Советским Союзом давали преимущество в работе специалистам в этой области. В 1954 г. мама прошла по конкурсу переводчиков в Издательство Болгарской академии наук, войдя в десятку из числа 700 кандидатов. Начавшаяся в этом же году кампания по возвращению на Родину внесла в нашу семью большой эмоциональный подъем. Однако поездка на целинные земли, ввиду состояния здоровья мамы для нашей семьи была неприемлемой. Был вариант переезда в Киев к родителям отца. Посетив неоднократно СССР и убедившись в невозможности там устроиться, мы решили остаться в Болгарии.

В 1959 г. мама второй раз вышла на пенсию по болезни, но продолжала заниматься переводами. Перевела много диссертаций, была сотрудником Торговой палаты, Болгарской академии наук. Перевела книги «Боянская церковь» и «Биография Христо Ботева».

Интересно подробнее остановиться на переводе в 1969 г. «Оды Советскому Союзу» написанной поэтом Орлином Орлиновым. Сперва «Ода» вышла в органе Коммунистической партии «Работническо дело». Мама, как настоящая поклонница всего русского (она не делала разницы между русским и советским), перевела ее и с согласия автора послала в журнал «Огонек». И вот в 39 номере за сентябрь 1968 г. «Ода Советскому Союзу» вышла в переводе Анны Словачевской. Через несколько дней после публикации стихов в советском журнале, последовало поздравительное письмо от Тодора Живкова Орлину Орлинову. Вскоре автор «Оды» получил Димитровскую премию. От автора мама не удостоилась даже благодарственного телефонного звонка, а от редакции «Огонька» за перевод получила 130 левов.

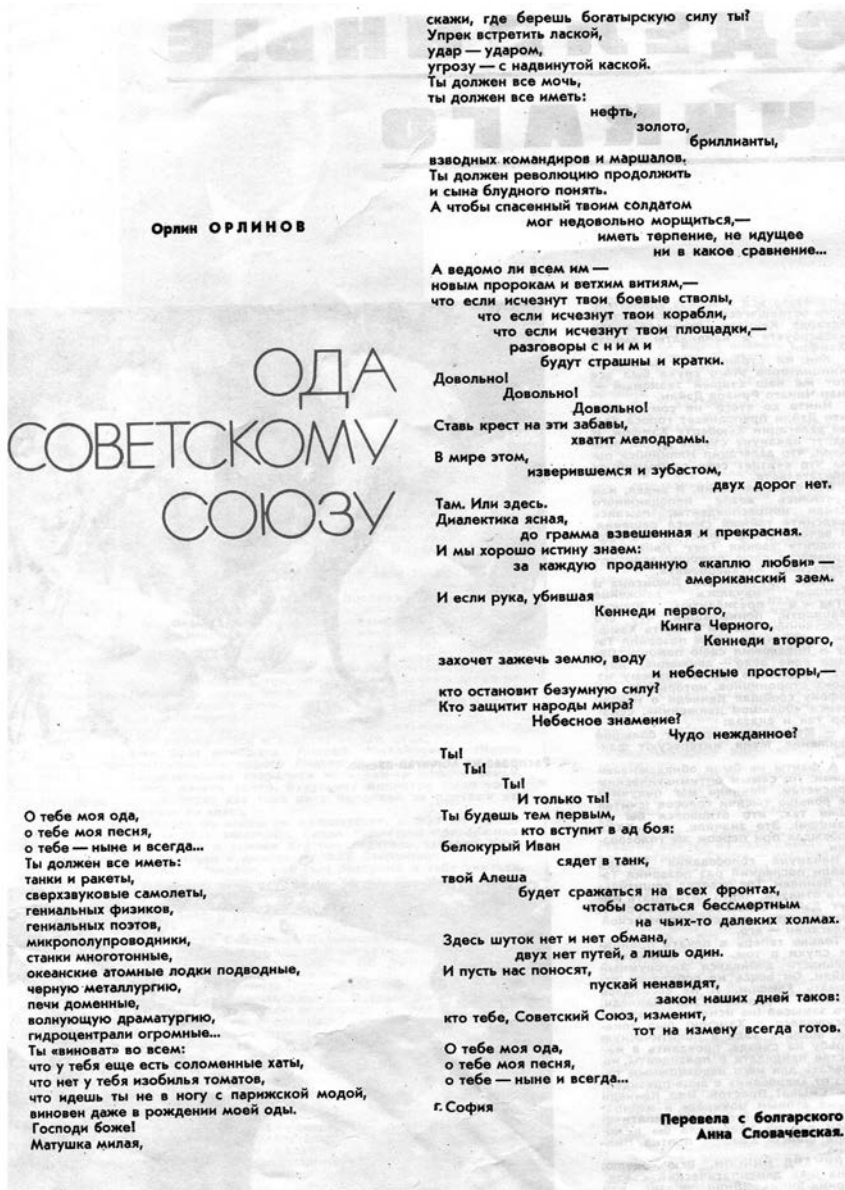

Мать Евдокия Васильевна Верченко и отчим Алексей Васильевич Прокопович. 1940 г.

Мама знала наизусть много стихов, которые часто читала. Так я познакомился с романсами Вертинского, Сашей Черным, Алексеем Толстым – авторами, которых мы не проходили в школе.

Рано ушли из жизни мамини родители. Бабушка Дуня – мамина мама Евдокия Васильевна... я, очевидно, был очень маленьким, и у меня почти не осталось воспоминаний о ней. В последние годы жизни она стала плохо видеть. Помню, как мы с мамой и крестной Ольгой Тимофеевной пошли в глазную клинику Александровской больницы выписывать ее после операции. Это был первый день весны 1945 года. Меня оставили в коридоре. Вдруг случилось какое-то замешательство, после чего мама начала плакать. Оказалось, что бабушка Дуня ночью умерла. Ее сердце не выдержало даже этой, обыкновенной, на первый взгляд, операции. Мама очень тяжело перенесла эту потерю.

Ее отчим Алексей Васильевич Прокопович, мой дедушка, которого я помню, после смерти бабушки Дуни переехал жить в рус-

Орлян ОРЛИНОВ

ОДА СОВЕТСКОМУ СОЮЗУ

О тебе моя ода,
о тебе моя песня,
о тебе — ныне и всегда...
Ты должен все иметь:
танки и ракеты,
сверхзвуковые самолеты,
гениальных физиков,
гениальных поэтов,
микрочипы, микрочипы,
станки многотонные,
океанские атомные лодки подводные,
черную металлургию,
печи доменные,
волнующую драматургию,
гидроцентрали огромные...
Ты «виноват» во всем:
что у тебя еще есть соломенные хаты,
что нет у тебя избытка томатов,
что идешь ты не в ногу с парижской модой,
виновен даже в рождении моей оды.
Господи боже!
Матушка милая,

скажи, где берешь богатырскую силу ты!
Упрек встретить лаской,
удар — ударом,
угрозу — с надвинутой каской.
Ты должен все мочить,
ты должен все иметь:
нефть, золото, бриллианты,
авиационных командиров и маршалов.
Ты должен революцию продолжить
и сына блудного понять.
А чтобы спасенный твоим солдатом
мог недовольно морщиться,—
иметь терпение, не идущее
ни в какое сравнение...
А ведомо ли всем им —
новым пророкам и ветхим витиям,—
что если исчезнут твои боевые стволы,
что если исчезнут твои корабли,
что если исчезнут твои площадки,—
разговоры с н и м и
будут страшны и кратки.
Довольно! Довольно!
Довольно!
Ставь крест на эти забавы,
хватит мелодрамы.
В мире этом,
извержившемся и зубастом,
двух дорог нет.
Там. Или здесь.
Диалектика ясная,
до грамма взвешенная и прекрасная.
И мы хорошо истину знаем:
за каждую проданную «каплю любви» —
американский заем.
И если рука, убившая
Кеннеди первого,
Кинга Черного,
Кеннеди второго,
захочет зажечь землю, воду
и небесные просторы,—
кто остановит безумную силу?
Кто защитит народы мира?
Небесное знамение?
Чудо нежданное?
Ты!
Ты!
Ты!
И только ты!
Ты будешь тем первым,
кто ступит в ад боя:
белокурый Иван
сядет в танк,
твой Алеша
будет сражаться на всех фронтах,
чтобы остаться бессмертным
на чьих-то далеких холмах.
Здесь шуток нет и нет обмана,
двух нет путей, а лишь один.
И пусть нас поносят,
пушай ненавидят,
закон наших дней таков:
кто тебе, Советский Союз, изменит,
тот на измену всегда готов.
О тебе моя ода,
о тебе моя песня,
о тебе — ныне и всегда...
г. София
Перевела с болгарского
Анна Словачевская.

Журнал «Огонек» № 39 за 1968 г. «Ода Советскому Союзу» в переводе Анны Словачевской

ский инвалидный дом в Княжево. Мы часто к нему ездили, мне хорошо запомнилась обстановка в этом русском уголке Софии. Он держал маленькую продуктовую лавку у входа в инвалидный дом. С дедушкой мы часто ездили на русское кладбище, где была похоронена бабушка Дуня.

Дедушку я очень любил. В возрасте 7–8 лет, когда папа с мамой уходили в гости, мне было страшно оставаться дома одному. Тогда дедушка приезжал на вечер, и я проводил с ним прекрасные часы. В летние дни мы ходили с ним за город, в лес, брали с собой еду. До сих пор помню вкус бутербродов.

Когда я поступил в пятый класс русской школы, дедушка заболел, его приняли в больницу Берзина. Хорошо запомнился приход мамы в школу в черной шали. Она принесла мне печальную весть о смерти дедушки. Правда, он не был мне родным дедушкой, но у меня в памяти на всю жизнь сохранились самые теплые воспоминания об этом любимом человеке.

Несмотря на то обстоятельство, что в Гражданскую войну мама потеряла на Родине все наследство, которое оставил ей отец и, прожив в нужде за границей, она сохранила любовь к России, ко всему русскому, что с детства привила и мне. Она все время стремилась при подходящих обстоятельствах вернуться на Родину. Однако ей не суждено было осуществить эту мечту. При тех немногочисленных поездках в Киев и Москву, она чувствовала себя особенно уютно в кругу родных, и на боковых аллеях Крещатика в беседах со случайно подсевшими людьми. Поездки по Днепру возвращали в детство, напоминали ей о любимой Украине. Вот что в июне 1954 г. писала мама в Киев дедушке Закхею Михайловичу.

Очень обрадовались вашему письму, только что вы не хотите, чтобы мы приехали нам не особенно понравилось. Видите ли, многие уже получили визы и могут или уже вернулись на родину, только для этого надо следующее: чтобы был кто-нибудь из близких в Советском Союзе, который на первых порах мог бы обеспечить жилплощадь и помог ознакомиться с условиями. Мы оба специалисты и в тягость никому не будем.

Возможно, что вы не знаете этих подробностей. Только вот, что мы время от времени поднимаем этот вопрос совсем это не потому, что не мы не понимаем обстановки. Думая о будущем Юры и имея все меньше и меньше возможности здесь, считаем, что время уже возвращаться на базу. Здесь мы всегда иностранцы и только помощь консула помогает нам держаться на поверхности. В этом году, вернее, начиная с июня прошлого года, много было у нас неприятностей квартирных и служебных, а в промежутке между ними болезни.

В общем, в этом письме мы вам задаем много непосильных задач — и я, и Борис. Только очень просим серьезно обдумать положение и написать, есть ли какие-либо возможности. Здесь некоторые подали заявление с просьбой разрешить им ехать на целинные и залежные земли, мы тоже перед моей болезнью думали над этим вопросом, но боимся, что мы слишком стары для такой затеи.

Итак, возвращение на Родину в нашей семье не осуществилось. Воссоединение с родными произошло в Болгарии. Из Киева к нам переехал дедушка Закхей Словачевский, похоронив жену Нину Дмитриевну в 1965 году. Тем временем уклад нашей семьи сильно изменился. Я создал новую семью. Напряженная жизнь сказалась на здоровье сперва отца, потом деда, а в 1975 г. ушла из жизни и мама, светлой памяти которой я посвятил эти воспоминания.

Семья Трейман в Болгарии

Жизнь человека составлена из разных частей, мгновений, событий, периодов. Она похожа на головоломку, в которой нужно упорядочить и соединить отдельные части, чтобы получить образ человека.

Мы собираем информацию о нашем деду Федоре Федоровиче Треймане и прослеживаем жизнь его семьи, его самого как врача и его приезда вместе с Белой армией в Болгарию. Отъезд с Родины был против его желания, продиктован обстоятельствами, которые доблестные и честные люди приняли в знак несогласия с Богопротивной властью. Мы наследники славного русского народа, и живем здесь и сейчас неслучайно. Мы обращаемся к недалекому прошлому, потому что есть чему поучиться у наших предков, и чем живее будет эта связь с прошлым, чем крепче будут наши связи с ним, тем достойней мы будем нести имя нашего рода и нашей Отчизны.

Федор Трейман родился 1886 г. в Санкт Петербурге. Получил хорошее и многостороннее образование. Был отличным фехтовальщиком. В их роду все были музыкантами или врачами, он ориентировался на профессию врача. Женился на Екатерине Ватаци – далекой наследнице византийского императорского рода. У них родились сын Сергей и дочери-близнецы Нора и Катя. В таком семейном составе они встретили Октябрьскую революцию, которая внесла основные перемены в их жизнь. Наш дед эмигрировал из России вместе с армией генерала Врангеля, вместе с дивизией ген. Кутепова остановился в Болгарии. Он был уверен, что ситуация в России изменится, и держал свои чемоданы готовыми для обратного пути.

Генерал доктор Феодор
Трейман

Санаторий после его постройки

Семья доктора Треймана

Санаторий
в 1940-х г.

Санаторий
сегодня

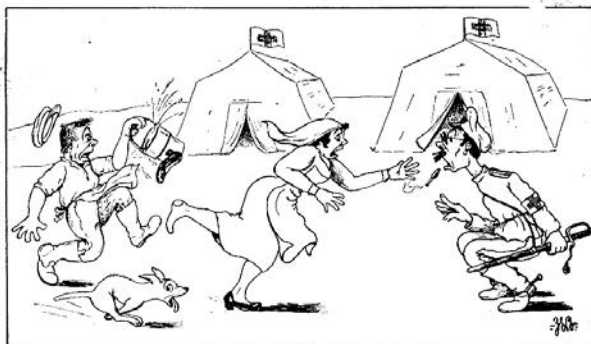
Судьба уготовила ему другой сценарий. Он остался в Болгарии, и его семья приезжает к нему, у него рождается второй сын, Эммануил. Д-р Трейман начинает здесь свою врачебную деятельность. Генеральское звание ему присудили не за военные, а за его медицинские заслуги во время войны. В Болгарии он жил с семьей в Велико Тырнове и оставил там много хороших воспоминаний среди благодарных пациентов, прежде всего, как отзывчивый и ласковый человек.

Среди жителей города Тырнова он также был хорошо известен своим санаторием, который сам построил и обслуживал вместе со своей семьей. Он находится на холме Святая гора вблизи же-

Мемориальная доска
на здании санатория

Карикатура из жизни
санатория

ПАНИКА.

— Доктор!!! Къ намъ Командиръ Корпуса идеть!!!!*

лезнодорожной станции. Работает и сегодня и носит его имя. В то время в нем были и бесплатные места, этим он оказывал помощь русским гражданам.

Мы могли получить много информации о нашем деду от дяди Сергея и отца, но начали интересоваться историей нашего рода лишь после их смерти. Наши тети – Нора умерла в возрасте 18 лет от простуды, а Катя, которую называли настоящим ангелом за ее доброту, погибла в коммунистическом лагере. Она была членом какой-то организации с художественно-патриотическим уклоном. От нее осталось несколько писем из лагеря, в которых она, не жалуясь на условия жизни, рассказывает сколь дороги ей родственники и как их ей не хватает.

Наш дядя Сергей продолжил медицинскую традицию в семье. Он был очень ответственным, совестливым и серьезным. Когда мы гостили у него в Габрово, он встречал нас как больших, официальных гостей. Обычно был одет в костюм, и обувь у него была всегда как бы отполирована. Он все оценивал с медицинской точки зрения – еда, отдых, эмоции. Не было случая, чтобы при встрече он не сунул бы нам, детям, в карман немного денег со словами: «На мелкие расходы».

Совсем другим по характеру был отец, которого все звали «Мусиком», – он был душой компании, энергичный и коммуникабельный. У него было много друзей, и все его высоко ценили и любили. У него было сильно развито чувство юмора, он все время смеялся, создавая разные комические ситуации. Он имел высшее образование по химии. После того, как он закончил свое активное участие в клубе белоэмигрантов, начал заниматься по своей специальности фотографией. Женился на русской, от которой имел сына Дмитрия. Они разошлись, а в 1958 г. отец женился на нашей матери – Доре. Он достиг многого в управленческих структурах Болгарской государственной фотографии, занимаясь подготовкой кадров. Также он работал фотографом во многих издательствах и участвовал в разных проектах, а в условиях социализма развил кустарную деятельность. Он был очень инициативным и можно представить себе, как бы он жил в условиях «демократии».

Мой отец скончался в 1991 г. – прошло два года после начала «демократии» - время, когда он успел организовать и создать клуб «Радуга» для русских, живущих в Болгарии. Говорил, что может спокойно умереть, после того как увидел, что Тодор Живков лишился власти. Он получил инфаркт у порога монастыря в Княжево. Говорят, что умереть на божьем месте – это милость и утеха, и твоя душа ближе к Богу.

Нас трое братьев – Митя, Юра и Коля. Самый старший, Митя живет в Канаде и работает врачом. Среди его пациентов много эмигрантов из Болгарии и Россией. Говорит прекрасно на 6 языках.

Юра по характеру похож на отца. Он всегда инициативен, действует и живет на широкую ногу. Окончил факультет русской филологии, но всецело отдался фотографическому бизнесу. Создал фирму «Фомус» и стал представителем «Кодака» в Болгарии. Каждое лето организует «Фотовакансии» – событие продолжительностью в одну неделю, где встречаются отдых, забавы и фотография. В 2011 г. он передал эстафету этого начинания своему сыну Эммануилу.

Я, Николай Трейман, стараюсь жить по православному. Женат, имею трех дочерей, являюсь руководителем двух фотоателье. Готовлю свою четвертую самостоятельную фотовыставку. Провожу курсы обучения фотографии.

Школа Русского детского дома. Воспоминания

Я родился в конце 1932 г. и в начале 1939 г. достиг того возраста, когда детей отправляют в школу.

Годы 1938 и 1939 в Болгарии были годами максимального благополучия, стабильности и достатка. Рань I Мировой войны (а также Балканской 1912 и междусоюзнической 1913) зарубцевались, экономический кризис 1929–30 гг. отразился на Болгарии не столь остро, как на высокоиндустриальных странах. Политический кризис, связанный с переворотом 19 мая 1934 г. «Звено», также был в значительной мере преодолен.

У ребенка из русской семьи было несколько путей получить образование. Поступить в болгарскую начальную школу в I–IV отделения (классы), и так делали многие. Более состоятельные родители отправляли детей в французский или американский колледжи или в немецкую школу. Можно было отдать ребенка в русские школы: лицей В.П. Кузьминой и в русский Детский Дом, куда определили меня. Преподавание велось на русском языке, все учителя были русскими (кроме, конечно, преподавателей болгарского языка).

Мысленно возвращаясь к тем годам (а прошло свыше 70 лет!), я поражаюсь той демократичности, национальной и этнической терпимости, которые существовали тогда в царской Болгарии. Мы, русские, имели возможность учиться на родном языке, быть членами русских организаций, молиться в русской православной церкви.

Детей не только обучали грамоте, но и воспитывали в любви к России, к ее истории, литературе. Всегда говорилось о величии России и о ее победах (Суворов, Кутузов, Нахимов) в войнах, в том числе в освободительной войне 1877–78 гг. (Скобелев). Считалось, что рано или поздно мы сможем вернуться в Россию, что это время не за горами.

Школа Русский Детский Дом находилась на улице Марин Дринов, 28 рядом с полицейским участком. Здание было довольно большое – не менее 3 этажей, белого цвета, с небольшим двором сзади. Оно было разрушено при одной из больших бомбардировок Софии (либо 10 января 1944 г., либо в марте того же года).

Директором школы была Ксения Васильевна Скоропадская-Столица.

Преподавали Варвара Степановна Новосильцева, Мария Петровна Паренсова, Николай Николаевич Свечников, батюшка о. Н. Владимирский.

Плата за обучение была невысока, но все же была и, как я понимаю, она была дифференцирована в зависимости от состоятельности родителей. Вообще, школа в значительной мере содержалась за счет, как бы теперь сказали, фондов, благотворительности отдельных людей, а также средств, оставшихся еще со времен царской России. Кое-что, видимо, давало и болгарское правительство. Очевидно, средств было мало, и приходилось экономить.

Детям выдавали учебники (по истории, по русскому языку, арифметике и, может быть, по другим предметам), а издавать новые учебники было невозможно, поэтому мы, переходя из класса в класс, получали набор довольно-таки потрепанных книг и потом сдавали их обратно.

Приходя в школу, дети раздевались и входили в классы. Как положено, в начале и конце занятий читались молитвы. В каждом классе висели образа. Хорошо помню, что в нашем классе был мальчик, его звали Джамгар Ингушев (калмык) – во время

молитвы вставал вместе со всеми, но молитву не читал. Вот она на деле, религиозная терпимость. Уважение к вере и обычаям других людей, которые нам, детям, прививали не на словах, а на деле.

Моей учительницей была Варвара Степановна, которая вела сразу несколько предметов. Уроки начинались рано, скорее всего, в 8 часов утра и продолжались до обеда в 12 часов. С 12 до 13 часов был обед, а после него еще 1 или 2 урока. Обед состоял из трех блюд, например: на первое чечевичная похлебка, а второе котлета с гарниром, и, как водится, компот или чай, кисель. Не знаю, нужно ли было платить отдельно за питание, но при общей бедности русских, для многих семей это было подспорьем – ребенок накормлен, а если и надо платить, то немного. Часам к 3 занятия в школе заканчивались, и дети самостоятельно (в III и IV классах) или в сопровождении взрослых (чаще всего бабушек) отправлялись домой. На дом задавались домашние задания, которые надо было готовить, и свободного времени было мало.

После школы и после того, как были сделаны уроки, дети были предоставлены самим себе. Родители работали. Часы с 4–5 до 7–8 были свободны. У меня было много друзей – соседей. Кроме того, по праздникам Пасхи, Рождества, именин и дней рождений мы общались с родственниками: моими двоюродными братьями Мишей Городецким и Юрой Бурцовым. Было принято дарить небольшие подарки и устраивать детский ужин, после чего взрослые продолжали общение уже без нас. Но это, по крайней мере, у нас, было нечасто, так как требовало дополнительных расходов, а средств было немного.

В конце каждого учебного года в воскресенье в присутствии родителей выдавались документы: свидетельства об окончании школы детям IV класса (отделения) и с какой оценкой («хорошо», «отлично») ребенок переходил в следующий класс. Насколько я помню, я не был среди отличников. Первым учеником был Глеб Задорожный (на фотографии со знаменем). Должен еще сказать, что часть детей жила в Софии, а другие (приехавшие из провин-

ции) жили в интернате. С ними я мало общался. Воспитатели их приводили в школу, а после уроков их уводили.

Запомнился мне перевод в последний IV класс. Это было воскресенье 22 июня 1941 года. Мы сразу заметили волнение взрослых, торжества, а ожидаемые подарки или угощения не состоялись (или не в той степени, как ожидалось).

Закончил я школу в 1943 г. и получил свидетельство с правом поступления в I класс гимназии, куда я и был зачислен (если судить по штампу, 15.09.1943). Однако учиться в русской гимназии мне фактически не пришлось.

Гимназия находилась на ул. Опылченской и представляла собой весьма ветхое здание. Не помню, по каким причинам регулярное начало занятий было отодвинуто до середины октября и дети приезжали раз в неделю, преподаватели нам что-то говорили и, может быть, давали задания на дом.

С лета 1943 г. участились налеты авиации союзников, которые бомбили Плоешти (Румыния), а также сбрасывали бомбы и на некоторые болгарские города, главным образом, на Софию, пролетая над болгарской территорией с баз на Крите или на Мальте.

Опрометчивое безумное решение болгарских властей объявить войну Англии и США начал давать свои горькие плоды. Так называемая символическая война превращалась в реальную. Как хорошо видно из дневника Б. Филова, болгарские власти практически не были готовы к такому повороту дел.

Хотя уже почти 4 года шла II Мировая война, мирная жизнь в Болгарии продолжалась в целом до начала 1944 г. Это время я уже хорошо помню. Конечно, были кое-какие сложности с продовольствием, качество товаров падало, росла инфляция. Политическая обстановка делалась неустойчивой. Фронт приближался к границам Болгарии, и уже всем было ясно, что Германия будет разбита. Болгарское правительство во главе с Б. Филовым (бывшего премьер-министром до смерти царя Бориса III 28.08.43, а позже, с сентября 1943 г., регентом) надеялось, что

Свидетельство об окончании С. Третьяковым школы Русского Детского дома

Ученики IV отделения (класса) Русской подготовительной (первоначальной) школы на ул. Марина Дринова, 28. Слева направо. Задний ряд: Аня Саенко, Джангар Ингушев (Джама), Вера Топоркова, Глеб Задорожный (у знамени), Петя Березов, Нина Никулина, Вася Потатуев, Сережа Черкасов, Венцеслав Бондаренко, Валентина Малых; средний ряд: Николай Свечников (учитель гимнастики), Таисия Дмитриевна Самсонова (летом 1994 г. еще благополучно жива), Варвара Степановна Новосильцева (классный руководитель), Юлия Самоходская, Оля Кузнецова, Ксения Васильевна Скоропадская (Столица) – директор, Мария Петровна Паренцова (учительница франц. яз.); первый ряд: Катя Шандарь, Валентин Мохов, Сережа Третьяков, Лилет Черепанова, Петя Знаменский (интернатские под карантинном). 1943 г.

сможет сообразности нейтралитет, выйти сухими из воды. Политика Филова была типичной авантюрой, заблуждением наивного человека, а не позицией государственного мужа.

Хотя следует отметить, что кое-какие основания у Болгарского правительства были: Болгария поддерживала дипломатические отношения с СССР, посольства и консульства работали, болгары, несмотря на уговоры германских властей, не посылали войска на Восточный фронт.

Русские в Болгарии, как и в других странах, объединялись по интересам (РОВС, «Сокол»), но главным местом встречи русских после тяжелой работы (6 дней в неделю) было посещение

русской церкви св. Николая, которая находилась на ул. Царя Калояна, 7. Она была разрушена во время налета в январе 1944 г. (но кое-что осталось до сего времени).

Окормление верующих осуществлялось архиепископом Серафимом Богучарским в сослужении о. Георгия (Голубцова), о. Николая (Владимирского), о. Андрея (Ливена), о. Пантелеймона (Старицкого) и некоторых других священнослужителей. Протопресвитер о. Г. Шавельский служил в церкви Св. Седмочисленицы. Церковь св. Николая была небольшой и всех нас вместить не могла. Многие приходили к шапочному разбору для встреч со знакомыми. В описываемое время (1942–1944 гг.) я, мой двоюродный брат Миша Городецкий прислуживали владыке Серафиму и часто бывали в церкви. Думаю, что это отразилось благоприятно на становлении нашей личности. В 1944 г. или в начале 1945 г. болгарские церковные власти выделили для русских крохотную церквушку в начале бульвара Марии Луизы. Она являлась исторической достопримечательностью и там продолжались службы.

Владыка Серафим с братом архимандритом Сергием, о. Пантелеймоном и монахом о. Василием жили на ул. Велико Търново, 30. Это был небольшой дом, где в мансарде, кажется, проживал и преподаватель русской словесности Петр Алексеевич Корбутовский, весьма известная в русской колонии личность.

События сентября 1944 г. – вход советских войск в Болгарию и образование нового правительства Отечественного фронта во главе с Кимом Георгиевым знаменуют собой начало новой эпохи в жизни русской эмиграции в Болгарии.

Воспоминания о моих белоэмигрантских знакомых

Интервью Председателя РАС в Болгарии доктора Сергея Рожкова с профессором, д.г.-м.н. Платоном Васильевичем Чумаченко

*А я с собой мою Россию
В дорожном уношу мешке.*
Владислав Ходасевич

С.Р. Платон, как получилось, что в Княжево поселилось много белоэмигрантов?

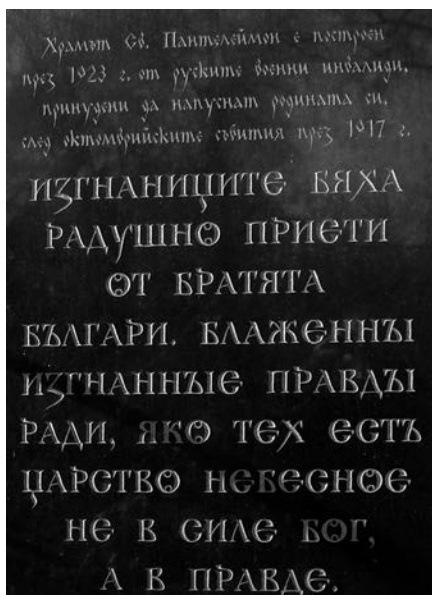
П.Ч. В середине 20-х годов XX в. из 1,5–2 млн русских эмигрантов, покинувших Россию после революции и Гражданской войны, на болгарской земле в юго-западной части Софии осела лишь малая часть, 50 000 из которых – военнослужащие, эмигрировавшие из Крыма по суше и по воде.

После пребывания в военном лагере на Галлиполийском полуострове, одна из воинских частей была расквартирована в деревню Княжево (тогда недалеко от Софии, а теперь квартал города). Здесь и образовался своеобразный треугольник из белоэмигрантов.

Холостяков устроили в бывшей военной казарме в центре деревни, а семейных разместили в частных болгарских домах у местных крестьян. Понемногу все обустроились. Начались и свадьбы между военными и болгарками. Первая такая свадьба была между поручиком И. Петрусенко и болгаркой Възкресней. Сразу встал вопрос, кто будет служить – болгарский священник или русский. В конце концов, договорились, что будут служить одновременно болгарский и русский священники. Новоиспеченные муж и жена поселились в семейном доме в Княжево, где вырастили четырех сыновей и одну дочь.

Церковь Св. Пантелеймона. 2010 г.

Памятная доска у стены церкви. 2010 г.

Здание бывшего
Инвалидного дома.
Фото 2011 г.

Дома из бывшего
инвалидного дома.
Фото 2011 г.

По всей вероятности те, кто женился на болгарках из Княжево, покупали или получали как приданое участки неплодородной земли села, недалеко от речки Домус дере.

На западном углу треугольника вблизи с. Княжево располагался Русский инвалидный дом со своей церковью св. Пантелеймона, построенной в 1923 г., и жилыми домами.

На восточном углу в 1920–1930-х гг. находилась Больница Русского Красного Креста. Располагалась она как раз во дворе нашего дома по улице Черковной (ныне Евлия Челеби), 1.

Больница
Русского
Красного
Креста. 1920-е г.

Последняя
фотография
здания сана-
тория до того,
как его снесли.
1970-е г.

В северо-западном углу треугольника на территории сельского кладбища образовалось со временем и русское кладбище, которое занимало одну маленькую высотку. В нем были захоронены бывшие питомцы Русского инвалидного дома, среди них похоронен и полковник Абрамович (01.09.1876 – 12.05.1944) – председатель Союза Русских инвалидов в Болгарии.

В последние годы при финансовой помощи «Жокер-Медиа» и г-на О. Мелик-Пашаева и при активной деятельности г-на Петра Ивановича

Надгробие на кладбище. Фото 2011 г.

Могила полк. Абрамовича. Фото 2012 г.

В Петкове старые русские надгробные памятники, которые были почти снесены временем, заменены новыми, а также выкуплены и места. При помощи посла Авдеева был установлен и памятник русским, умершим в Болгарии.

Мы, потомки захороненных на русском участке кладбища с. Княжево, благодарны г-ну П.И. Петкову за его самоотверженный труд по восстановлению этих могил. У многих из русских нет уже родственников в Болгарии, но и те из потомков, которые еще живы, не находят, к сожалению, времени позаботиться о могилах своих предков. Мы хотели бы выразить нашу большую благодарность г-ну П.И. Петкову за его усилия и за помощь «Жокер-Медиа» и русского посольства в Софии в деле восстановления русского кладбища в Княжеве. Также они воскресили и храм Св. Пантелеймона в Русском инвалидном доме, благодаря их усилиям сейчас продолжается духовная жизнь этого храма.

Кстати, г-н П. Петков – болгарин по происхождению (его биологический отец болгарин, а мать – русская). В юном возрасте его родители умерли, и он с сестрой был усыновлен семьей донских

Петр Иванович
Петков. 2010 г.

казаков. Они вырастили их в городе Елин-Пелине, близ Софии. В память о приемных родителях г-н Петков и взялся восстанавливать старые русские могилы в русском уголке Княжевского кладбища.

Наша семья была в дружеских отношениях со многими из жителей Русского инвалидного дома, но особенно дружили с доктором Павлом Алексеевичем Охотиным и его супругой Ксенией Васильевной. Когда мне было 12 лет, я заболел альбумином почек. Тогда д-р Охотин взялся лечить меня. Это было осенью. Я остался дома. Он прописал мне диету, в которой даже обычный хлеб был очень соленым для меня. К моему счастью, в канун Нового года я был практически здоров и перешел на менее строгую диету. Он лечил меня и от желтухи. Это был очень добрый и отзывчивый человек, он лечил и Никиту, когда тот заболел сапом и лежал дома. Несмотря на то, что это инфекционная болезнь, я его часто навещал. Д-р Охотин его вылечил. Когда Никита болел и лежал в постели, ему кто-то одолжил радиоприемник, и он мог слушать радио Монте-Карло. Он этим очень гордился. Никита выучил одну рекламную песенку и пел ее вместе с радиоприемником.

Д-р Охотин лечил не только людей, но и животных. У нашего соседа бая Ставри была дворняжка. Кто-то подстрелил ее, но не успел убить. Естественно, д-р Охотин, как бывший фронтовик, вылечил ее. Через некоторое время

Д-р П.А. Охотин. 1923 г.

Кс. В. Охотина. 1965 г.

другой собаке разбили голову (кто-то пытался истребить всех собак). И снова Павел Алексеевич пришел на помощь и вылечил ее. Эта собака кусала многих людей, но к д-ру Охотину она очень привязалась и ни разу его не укусила. Говорят, что собаки умеют ценить добрых людей.

Д-р Охотин часто брал меня с собой по грибы. Он был заядлым грибником, но знал только те грибы, которые росли в сосновых лесах – как у них, к северу от Петербурга. А болгары наоборот собирали только те грибы, которые росли в полях, но Павел Алексеевич не знал их и боялся даже есть. На этих грибных экскурсиях мы много ходили – поднимались, спускались, но он не уставал. Единственно, что ему не хватало в лесу, так это чая – и он жалел, что не имеет возможности попить чай во время похода за грибами!

Однажды мы пошли за грибами в район хижины Фонфоны и Золотых мостов. По дороге прошли мимо одного разрушенного, каменного дома недалеко от хижины Белые березы. Павел Алексеевич рассказал мне, что в этом доме жил один русский, который делал булыжники для мощения улиц, но партизаны-коммунисты его убили и забрали все его деньги и пищу.

Как болгарский гражданин, в период 1942–1944 гг. д-р Охотин был мобилизован и послан в Восточную Сербию и Македонию в составе II Болгарской армии, которая помогала немцам. После 9.IX.1944 г., болгарская армия из союзника немцев стала их врагом, и начались отдельные бои между ними. Д-р Охотин, вместе с толпами болгарских солдат, пешком вернулся в Болгарию. Рассказывал, что по дороге зашли в одну сербскую корчму, где сербы их встретили хорошо. Болгары захотели отдохнуть и выпить немного, но в корчме был только денатурированный спирт и они вместе с сербами пили его. Д-р Охотин два раза в своей жизни пережил хаос войны и эвакуации!

В начале 60-х гг. д-р Охотин работал в составе XX поликлиники участковым врачом. В его участок входила Бояна. Однажды в поликлинике состоялось профсоюзное собрание, на котором он должен был присутствовать. Он опоздал и ему сделали выговор. Он встал и объяснил, почему он опоздал – его вызвали к одному больному. Встретила его одна старая женщина, све-кровь больной и показала ему туалетный горшок, полный фекалиями снохи и спросила врача: «Как это возможно?» и из-за этого д-р Охотин опоздал на профсоюзное собрание. Все присутствующие на собрании, начали смеяться и конечно простили опоздание врача. В последние годы своей жизни д-р Охотин работал врачом в Русском инвалидном доме в Княжево. Там ему выделили комнату, напротив амбулатории. Д-р Охотин выпол-

нял и обязанности лектора. Часто приходил ко мне искать литературу по одной или другой теме, связанной с геологией. Питомцы Инвалидного дома очень интересовались темами из науки, техники и политики.

**Наталья, Василий и Платон
Чумаченко. 1963 г.**

Дом семьи
Чумаченко.
2011 г.

Мы жили в доме, который находился во дворе больницы. По какой-то случайности рядом с нашим домом имелось скопление русских (в самом широком смысле этого слова – для болгар все белоэмигранты и их семьи были русскими). Возможно, потому что некоторые из них вначале работали в русской больнице, а потом остались жить недалеко от нее, не знаю. Мы, дети, звали их только по имени и только потом узнали фамилии и имена.

После 1936 г. мой отец сделал капитальный ремонт в русской больнице и открыл свой собственный туберкулезный санаторий. К сожалению, он умер 14 января 1940 г. и заботы о санатории перешли к моей матери.

После первой большой бомбежки Софии англо-американскими самолетами (днем американцами, а ночью англичанами как лучшими пилотами-бомбардировщиками) 10 января 1944 г. к нам в дом и в санаторий пришло очень много живших в Софии русских – наши знакомые или знакомые наших знакомых. И мы, и наши гости расположились кто на земле, кто на столах и на наших кроватях, а ночью все прятались в подвале от бомбежек. К счастью, мы были вне центра Софии и самолеты не бомбили нас, а только пугали. В нашем доме было истинное вавилонское

столпотворение, тем более что во дворе лежал глубокий снег и было очень холодно. Через несколько дней большинство русских продолжили свою дорогу эвакуации подальше от города, а у нас осталась только г-жа Третьякова – учительница музыки по классу фортепиано, которое она привезла с собой. Если не ошибаюсь, ее звали Марьей Николаевной, и она была вдовой генерала Николая Александровича Третьякова – героя русско-турецкой освободительной войны. Я не помню, чьей она была знакомой – в общем, не нашей семьи, но осталась жить в санатории – спала в ванной одной неработающей бани, так как кровати ей уже не хватило. У нее не было денег, чтобы оплатить за «квартиру» и расплачивалась она, давая нам, детям уроки музыки. К ней приходил играть дуэтом на скрипке один молодой русский, который говорил, что она очень хорошая пианистка. После 9.09.1944 года, когда в Болгарию вошла Красная армия и Болгарией стала править Союзная Контрольная Комиссия (28.10.1944–16.09.1947), г-жа Третьякова начала давать уроки дочерям генерал-полковника Бирюзова, детям начальника штаба 3-й Украинской армии и председателя этой комиссии. Личный шофер генерала Бирюзова приезжал забирать г-жу Третьякову на машине и потом отвозил ее обратно. В это время в Софии было очень мало легковых машин и этот приезд машины ген. Бирюзова было для нас, детей, интересным спектаклем. Г-жа Третьякова даже выступала на концерте, который транслировали по Софийскому радио. Этот концерт был встречен хорошо софийской публикой.

Очень близок нашей семье был и друг моего отца Александр Карпович Умнов, живший на ул. Христо Ботева, 25. Поздней осенью, когда в Софии выпадал густой туман, он часто приходил к нам, потому что около нашего дома стояла солнечная погода. У него была астма, и он не выносил туман. Он был электротехником и работал у одного крупного фабриканта.

В санатории работал завхозом Диомид Павлович Гуляй – украинский националист и хороший бухгалтер. Со своей супругой

он уехал с отступающей немецкой армией в Западную Германию и попал в лагерь беженцев. Он часто писал оттуда моей матери и посылал нам мелкие подарки – шариковые авторучки. Это были первые шариковые ручки, которые я видел.

С.Р. Кто из других русских жил недалеко от вашего дома?

П.Ч. В доме, в котором мы жили, было еще три семьи. Одна из них была русской. Она жила наверху, на чердаке – мастер Василий Федоров и его супруга Марья Николаевна. Мастер Василь, как все его звали, был мастером на все руки – преимущественно водопроводчиком, но занимался и разными другими ремонтными работами в квартирах своих знакомых. Марья Николаевна была домохозяйкой. Во дворе его хозяина бая Ставри росло много

фруктовых деревьев (кстати, посаженных моей тетей).

Мастер Василь сделал сушильню для этих фруктов. В то время у него был хороший набор инструментов для работы, и мы, дети, завидовали ему. Неизвестно почему, но в канун 9.09.1944 мастер Василь и Марья Николаевна, взяв немного багажа с собой, уехали вместе с отступающими немецкими войсками. Через несколько лет он прислал письмо, в котором объяснял, что они находятся в Западной Германии, в лагере для беженцев и «живы-здоровы». Никогда эти люди не занимались политикой в Софии и в России тоже едва

Александр Карпович Умнов в центре Софии. 1942 г.

Дом, в котором жила семья князя Бицадзе.

2012 г.

ли. Но они испугались прихода Советской армии в Болгарию. А его инструменты остались в наследство хозяину. На их место в доме поселилась семья болгарского турка-милиционера Сали, по-видимому,

из-за того, что там до этого жили белоэмигранты, тем более беженцы.

Через наш квартал протекает маленькая речка Домус дере, истоки которой находятся в горе Люлин. Она протекала посередине «улицы» Гробородина (улица как таковая не существовала), которую позже переименовали в ул. Букет. На берегах этой речки заселилось несколько семей русских белоэмигрантов, которые или построили себе дома сами, или жили в домах болгар. На левом берегу находились 6 домов белоэмигрантов. Первым на ул. Гробородина, 60 был двухэтажный дом с конюшней.

В нем проживала грузинская семья князя Бицадзе (раньше я знал неправильно его имя как Пицати). Как говорят, «на Кавказе что ни гора, то князь», но указывают, что фамилия Бицадзе – одна из известных грузинских фамилий. Они занимались, как настоящие джигиты, разведением породистых коней для верховой езды. Все соседи звали их просто «князь» и «князица» (именно так, не «княжной»). Князь, я не знаю, как его звали, по воскресеньям надевал типичную кавказскую верхнюю одежду – черкеску, у которой было много мест для патронов. Мы, дети, очень интересовались: они пусты, или в них были настоящие патроны? Его супругу звали Анастасией. У них была дочь Лена – настоящая красавица (мы были маленькими, но могли это оценить!) и сын

Иван (Ваня). Когда немецкая армия была в Болгарии, немецкие офицеры часто приходили к ним поездить верхом, а Лена составляла им компанию. Перед прогулкой князь готовил коней на поляне перед нашим домом, и это зрелище было очень интересным для нас. Когда Красная Армия вошла в Софию, в доме Бицадзе остановилось несколько советских солдат, а самого князя и его дочь Лену офицеры из «СМЕРШ» отвезли в неизвестном направлении. Говорили среди соседей, что они слали письма откуда-то из Сибири. Здесь оставались Ваня и его мать. Ваня позже закончил факультет русской филологии, стал преподавателем в Софийском университете и переселился в город, а «князица» умерла в начале 60-х годов. До конца жизни она так и не научилась говорить ни по-русски, ни по-болгарски. В последние годы из Грузии приезжает внук брата князя, чтобы осмотреть свое наследство – он ведь тоже из рода Бицадзе.

В этом большом доме часто жили квартиранты. Такой была и семья Ластенко. У них была красивая дочь Наталья и сын Игорь. Старшие ребята договаривались, кто будет ухаживать за Наташей. Выбор выпал на самого старшего из нас – на Гошу.

Позже здесь жила и семья нашего бухгалтера Георгия, которого из этого дома интернировали куда-то под Плевну.

Рядом с князем, в доме 62 жил Семен Севастьянов, коротко бай Семен (1897–1978) со своей болгарской супругой – Надеждой (1905–1986). Во время гражданской войны кисть его руки была прострелена пулей, но это ему не мешало быть искусным столяром – он делал скрипки из липового дерева. Однажды во время дождя проводив меня до

Семен Севастьянов. 1950 г.

калитки, он мне сказал: «Старые раны болят». Сказал с таким чувством гордости, с таким чувством превосходства! Чувствовалось, что контекст был: «А, что вы знаете?»

У дяди Семена были 4 коровы. Летом, во время каникул 1946–1947 гг. я нанялся пасти этих коров в долине Домус дере – утром с 8 до 12 и после обеда с 4 до 8 часов – восемь часов в день, как положено в Кодексе о труде! Дядя Семен арендовал один пустующий участок земли напротив трамвайной остановки Шипка в Княжево, сделал из него прекрасный огород, на котором выращивал клубнику. В то время в Болгарии никто тогда не выращивал ее, так как нужно было затратить много труда и получить всего лишь ягоды, а не хлеб! Через некоторое время он поехал в Советский Союз, насколько помню, куда-то в Крым, в гости к своим родственникам. Они его встретили очень хорошо. Он хотел вернуться на родину, остаться там и заняться выращиванием клубники. Однажды после пьяного застолья один из его родственников ему сказал откровенно: «Оставайся в своей Болгарии! Здесь для тебя нет места, а еще можешь и в лагерь попасть!» Дед Семен последовал этому совету и вернулся в Болгарию и остался тут до конца своей жизни. Сейчас в доме живет его племянник Валентин Алексиев, который занимается ремонтом легковых автомашин.

Рядом с С. Севастьяновым, в доме 64, жил другой Семен, у которого не было родственников. Он обрабатывал во дворе шкуры и временами загрязнял воду в Домус дере химикатами.

На участке 66 находился сад дяди Платона, а под номером 68 был шикарный дом Красовской. Она жила одна и, по-видимому, была интеллигентной женщиной. Позади дома Севастьянова был дом, в котором жил Феодор. Он был электриком. Когда в Софии были советские солдаты, некоторые из них поселились в его доме, и он сделал для них пекарню, где выпекал русские сорта хлеба.

Рядом с домом Феодора, располагались еще два дома, которые являлись собственностью одного ушедшего на пенсию учителя – Даскала. В одном из этих домов жил русский, который оглох

во время гражданской войны, так как рядом с ним разорвался артиллерийский снаряд. Он был сыном генерала. Его называли Свирчо – никто не знал, как точно его звали. Деньги он зарабатывал, разнося газеты в Инвалидном доме, в одном железном ведре он приносил газеты и продукты, которые закупал в магазинах. После одной из денежных реформ, говорили, что милиция нашла под его матрасом 1 миллион левов – крупную сумму денег по тем временам! Через несколько лет он погиб – был раздавлен грузовиком, который совершал маневр задним ходом. Д-р Павел Охотин, врач Русского инвалидного дома, был свидетелем в суде и доказал, что шофер не виноват, так как Свирчо был невнимателен и по своей вине попал под колеса.

В другом доме Даскала жила семья Артамонцева. Он тоже был женат на болгарке, от которой имел двух дочерей и сына. Артамонцев-отец умер в 1943 году. Его сын Иван был моим сверстником, он хорошо играл в футбол, и мы вместе играли.

С другой стороны речки жила семья Митрофана (не знаю его фамилии). Они работали в городе и особо не дружили с другими русскими. У них во дворе жили павлины – очень красивые, но поднимающие невероятный крик птицы. Наличие таких «бесполезных» птиц не нравилось другим соседям, у которых всегда были во дворе домашние птицы: куры, утки, гуси, от которых можно было получить и мясо, и яйца, и перо.

Недалеко от Митрофана жила семья болгарина Марина Г. Маринова (1895–1974). Во время бомбежек Софии к ним пришли жить родственники – тетя Дора – супруга эмигранта Чеботарева, умершего в 1942 г., и их сын Андрей, который стал впоследствии геологом. Однажды Андрей, находясь в Париже, пошел в русскую церковь недалеко от Триумфальной арки. Там познакомился со священником этой церкви. Когда тот, узнал что Андрей из Софии, сразу расспросил его насчет моего отца – оказывается, они были друзьями, но священник не знал, что он умер.

На углу нашей улицы Черковна с Горнобанским путем находилась бакалея, принадлежавшая русским: Яко (его фамилия неиз-

вестна – все его звали только бай Яко) и Кирилла Ковалевскому. У Яко была жена-болгарка – тетя Катя. Яко с Катей работали в магазине, а Кирилл Ковалевский ходил покупать продукты в город. Яко получил ранение кисти, но это ему не мешало очень быстро свертывать бумажные кульки для продуктов и нам казалось, что эта раненая рука ему в этом даже помогает. Яко посылал нас в Горную баню, наливать минеральную воду, и нам за это платил. Чтобы заработать больше денег, мы ходили пешком до Горной бани или «зайцем» на троллейбусе. Когда я стал уже гимназистом и начал заниматься геологией, дядя Яко меня спросил однажды: «Ты будешь путейцем?» Я ничего не понял, но он мне объяснил, что в России геологи занимались проведением путей и поэтому он так спросил. Один за другим и бай Яко, и Ковалевский умерли, а болгарские родственники супругов Яко унаследовали их дом.

В сторону с. Горна баня, но не в самом селе, жила в хорошем, двухэтажном доме семья Дьячиных. Я был знаком только с их сыном – с Борисом, который был на 7–8 лет старше меня. Мы играли вместе в футбол, но он играл за команду соперников. Борис Дьячин хорошо пел и работал в труппе Софийской оперы.

С.З. Платон, однажды, когда читали рассказ Т.К. Пчелинцевой о школе Кузьминой, вы сказали, что лично их знали. Так ли это?

П.Ч. Да. Во время бомбежки 30 марта 1944 г. над Софией, бомбы упали и зажгли школу Кузьминой. Сначала Варвара Павловна, Ольга Михайловна и другие из школы переехали к нам, а позже поселились у нашего соседа бая Ставри Василева. С ним приехал и один из их учеников – Владимир Летягин (1931 г., София), мальчик который учился в 3 (по-нынешнему – 7) классе. Владимир рассказывал, что он и председатель их класса поклялись оставаться навсегда друзьями. Володя поклялся на кресте, который висел на его шее, а его друг – на красной пятиугольной звезде. Позже Володя закончил медицинский факультет, некоторое

Лицей В.П. Кузьминой
(из архива Ю. Бурцова)

время работал врачом в амбулатории Русского инвалидного дома после смерти д-ра Охотина, а затем уехал во Францию.

Осенью Варвара Павловна вместе со своим окружением переехала в один дом в Красном селе, где тоже давала уроки. Мы с братом брали у Варвары Павловны несколько уроков русского языка. Помню, у нее прочел детскую сказку, в которой петух пел песенку «я иду-иду, несу косу, лисе голову снесу». Потом они сняли дом в Софии – на перекрестке ул. Раковского и бульвара князя Дондукова.

Там Варвара Павловна и Ольга Михайловна продолжили давать уроки русского и французского языков (мы вместе с

На втором этаже этого дома на ул. Раковски В.П. Кузьмина жила и давала свои последние уроки в Софии. Фото 2011 г.

Памятник полк. Саблину на кладбище Княжево. Фото 2011 г.

Никитой взяли у Ольги Михайловны несколько уроков французского языка). Из этого дома они уехали во Францию, где продолжили свою деятельность.

Ксения Васильевна Охотина рассказывала мне, что Варвара Павловна вместе с другими уехала из России через Кавказ в Турцию, а позже обосновалась и в Болгарии.

Я тоже пошел на вокзал провожать их, но приехал с опозданием, после того, как поезд уже тронулся. Ирина Васильевна Лобанова пошутила тогда надо мной и сказала, что надеется, что я не опоздаю проводить их, когда они будут уезжать. Тогда мне казалось, что это только шутка, и что они навсегда останутся в Болгарии.

После того, как Кузьмина выехала, в доме поселилась семья Николая Римко – муж и жена. Он работал поваром в городе и возвращался поздно. Часто забирал с собой и доски от нашего забора, чтобы разжечь у себя печь. У них сохранились детские книжечки, которые они нам давали, чтобы мы научились читать по-русски.

Еще к вечеру 10 января 1944 г., после первой большой дневной бомбардировки Софии, к нам приехала знакомая моей матери Зинаида Павловна Саблина, а вместе с ней и ее знакомые Петренко и другие. Зинаида Павловна подружилась с моей матерью, потому что могила ее мужа – полковника Саблина была рядом с могилой моего отца в русской части кладбища села Княжево

Полковник Федор Петрович Саблин (25.10.1871–12.12.1938) в Гражданскую войну был сапером, а в Болгарии создал гелиографическое ателье, находящееся на бул. Дондукова – для раз-

Дом в котором жил дядя Платон. 2010 г.

множения чертежей архитектурных бюро Софии. Его ателье имело очень хорошую репутацию, и оно обслуживало самых известных архитекторов Софии. После

его смерти его супруга Зинаида Павловна Саблина продолжила его работу. Она оставалась у нас в доме долгое время, а потом переехала в кв. Павлово, но нас не забывала и часто приходила к нам в гости. Последние годы она после сдачи каких-то экзаменов стала преподавать и так зарабатывала на хлеб. Было время, когда и я брал несколько уроков русского языка.

Зинаида Павловна часто посещала могилу мужа. Однажды летом, в июле 1976 г., в очень жаркий день, она пошла на кладбище, но по дороге у нее случился инфаркт. Она упала и там умерла. Ее нашли через несколько дней дети, игравшие на кладбище. При содействии райсовета ее похоронили на кладбище «Бакърена фабрика», так как в то время на Княжевском кладбище уже не хоронили (кладбище готовилось под снос!). Моя мать вместе с К.В. Охотиной заказали Зинаиде Павловне заупокойную службу в церкви Св. Петки в Софии.

На самом Горнобанском пути был дом дяди Платона. В передней части дома у дяди Платона была пивная (корчма), в которой собирались мужчины, жившие недалеко от его дома. Сам дядя Платон жил в задней части дома, а рядом с домом он разводил породистых зайцев, шиншил – ангорских гигантов и т. д. Между домами Красовской и Семена (который обрабатывал шку-

ры) у дяди Платона был маленький огородный участок, на котором стоял небольшой деревянный дом, типа дачи. Там он тоже разводил зайцев. У дяди Платона жил большой кот. Однажды я и мой друг Любомир Левчев, который потом стал одним из лучших болгарских писателей и поэтов, собирали кошек с целью продать их для экспериментов студентам медицинского факультета в Александровскую больницу. Естественно, из-за денег. Я попросил у дяди Платона его кота, и мы его продали. Я думал, он забудет, но через несколько дней он спросил, где его кот. Я попал в очень неловкое положение. Он меня понял и ничего больше не сказал. Это было хуже, чем если бы он меня выпорол. Все думали, что я собирал кошек вместе с Никитой, так как он жил недалеко от нашего дома, и никто не мог представить, что я действовал вместе с Любо и его сестрой Верой (в то время студентка медицинского факультета). Она и помогала нам и давала нам контакты студентов.

С.Р. Где жила семья Лобановых в это время?

П.Ч. На соседней улице Мърфи, ныне Загребска 12 с 1947 года поселилась семья Лобановых-Ростовских: Дмитрий Иванович, Ирина Васильевна (урожденная Вырубова) и Никита Дмитриевич – их сын. Дмитрий Иванович был сыном Ивана Николаевича и Веры Дмитриевны (урожденная Калиновская); последняя была писательницей, писавшей под псевдонимом Наталья Захарина (Захарина Наталья. 1936–1937 гг. Разкази на една майка: Преживяна действителност. К-т Бълг. Лит.,София, в 4 т., 938 с.)

Эта семья берет корни от Рюриковичей – варягов, веками владевших русским престолом. Сначала они жили южнее трамвайной остановки Горнобанский путь, у подножия холма Форга, позднее переехали на улицу Мърфи, 6 (сейчас 12). С Никитой мы учились вместе с начальных классов во французском колледже Св. Кирилла и Мефодия на улице Пиротская, 7 и до конца гимназии в Пятой единой школе им. Ивана Вазова в Павлове. Впервые мы

Дом, в котором жили Лобановы: ул. Мърфи, 12. Фото 2010 г.

Никита Лобанов на Витоше. 2010 г.

встретились в 1943 г. и продолжаем встречаться до сих пор – по крайней мере – два раза в год во время его служебных поездок в Софию. Его отец Дмитрий Иванович работал бухгалтером на текстильной фабрике «Фортуна» в Софии, принадлежавшей итальянцам. Осенью 1948 г. он пошел за молоком в квартальный молочный магазин и не вернулся. Больше никто его не видел.

Позже, когда в Болгарии воцарилась «демократия», я был уполномочен Никитой Лобановым подать документы в полицию.

Оттуда пришел официальный документ, в котором было написано, что Д.И. Лобанов «умер от невыносимых условий в специальном концентрационном лагере», предназначенным преимущественно для белоэмигрантов вблизи г. Пазарджика в Южной Болгарии. По всей вероятности, его убили надзиратели лагеря. В досье Дмитрия Ивановича имелся документ об обыске в его рабочей комнате на фабрике. В нем подробно были описаны все «компрометирующие вещи». Среди них билеты на трамвай, расписки об оплате для школы Никиты и тому подобные. Существовало и одно донесение, малограмотно написанное, в котором женщина, работавшая на фабрике «Фортуны», сообщала милиции, что Д.И. Лобанов пытался флиртовать с ней. В данный по закону срок документ о смерти Д.И. Лобанова был готов, и сама инспекторша с очень озабоченным видом спустилась в приемную, чтобы вручить лично мне лист, в котором было написано, что Д.И. Лобанов умер в лагере, но акта о его смерти не существует. О его смерти говорит только докладная записка, в которой какой-то милицкий офицер просил позволения у вышестоящих органов «вынуть» Д.И. Лобанова из отчета. Позже я был уполномочен подать просьбу в общину «Овча купел» по месту последнего местожительства Д.И. Лобанова о получении полагающейся суммы на возмещение убытков по случаю его смерти. Ответ комиссии был «шедевром» бюрократии. Так как свидетельства о смерти Д.И. Лобанова в лагере вблизи Пазарджика не существует, возмещение убытков по случаю смерти его отца сыну не полагается!

Однажды Никита Лобанов летел в одном самолете с тогдашним президентом Болгарии Жельо Желевым. Никита осмелился объяснить президенту казус со смертью его отца и не выплачивание полагающейся суммы денег. Сам президент возмутился бюрократией чиновников и пообещал разрешить вопрос. В результате Никита ничего не получил или, как в болгарской поговорке сказано, «кди письмо от умерших людей»!

Такой же случай повторился и осенью 2010 года. Режиссер Антоний Дончев работал над фильмом о белоэмигрантах

в Болгарии. Ему необходимо было работать с документами Лобановых-Ростовских, которые хранятся в специальном архиве МВД. Нужно было получить официальное согласие Никиты Дмитриевича, который был обязан доказать, со своей стороны, что он является сыном Дмитрия Ивановича. Для этого ему нужно предъявить удостоверение о наследстве. Я был снова уполномочен пойти в райсовет «Овча купел» и попросить получить такое свидетельство. Там меня встретила красивая молодая женщина, которой я объяснил, в чем дело. Первое что она попросила – предъявить свидетельство о смерти Д.И. Лобанова-Ростовского. Я ей объяснил снова, что Дмитрий Иванович умер в лагере, и никто не располагает таким актом – тогда никто и не выдавал таких актов – дело же было о секретном лагере, о существовании которого никто не знал. Окончательный ответ был, что удостоверение о наследстве выдается только при предъявлении свидетельства! Они, то есть руководство лагеря, были обязаны выдавать свидетельство о смерти тому, кто умер в лагере! Снова все побежало по кругу! И в этот раз никто не смог побороть бюрократию!

Для меня было очень интересно, что в Досье Д.И. Лобанова имелись «документы» с датой конца 30-х годов. Среди них не было ничего важного, но оказывается, царская полиция наблюдала за многими из белоэмигрантов, в том числе и за князем Д.И. Лобановым-Ростовским еще в 30-е годы!

Хотел бы отметить и другое. Д.И. Лобанова выслали в болгарский лагерь, не как белоэмигранта (данных, что он участвовал активно в каких-то белоэмигрантских организациях, нет), а из-за его попытки перевести свою семью нелегально через границу. Лагерь близ Пазарджика был не для белоэмигрантов, а для людей, которые пытались нелегально пересечь через болгарскую границу.

С.Р. Что Вы помните о матери Никиты?

П.Ч. Мать Никиты – Ирина Васильевна Лобанова (урожденная Вырубова) была прекрасным, солнечным человеком, всегда

улыбающейся, всегда готовой помочь другим, несмотря на то, что часто и у них денег не хватало. Она была из тех немногих русских, которые научились великолепно говорить и писать на болгарском языке! В знак протеста, что ее супруг был брошен неизвестно в какой лагерь, она отказалась от карточек (купонов), по которым все покупалось. Мне неизвестно, каким образом она покупала себе хлеб, который продавали только по таким карточкам. Несмотря на свое образование, она не работала, также в знак протеста и получала деньги на жизнь только от отца, из Франции. Такое положение отразилось и на ее здоровье – она заболела раком, и операцию ей делал самый лучший болгарский хирург д-р Капитанов. Позже, французские врачи сказали, что операция была сделана очень хорошо, очень профессионально, но болезнь дала рецидив, что и привело к ранней смерти Ирины Васильевны во Франции.

Жизнь Лобановых после ареста Дмитрия Ивановича 18.08.1948 была не из легких – часто Никите приходилось, чтобы сэкономить немного, кормиться два раза в день: завтрак и поздний обед, который мог заменить и ужин. Даже пришлось зарабатывать немного денег «подставным» журналистом. Ему попадали в руки разные «западные» журналы, из которых он собирал пикантные случаи из жизни известных в то время западных спортсменов. В конце концов он их передавал Любо Левчеву, у которого были связи в газете «Народна младеж», где их публиковали, чтобы показать разницу между нашими, социалистическими, и западными спортсменами. За это Любо получал несколько левов, которые и передавал Никите.

Я был удивлен одной распиской, сохранившейся в Государственном архиве Болгарии (ДА). Она была выдана великому князю Ивану Лобанову-Ростовскому от имени Русского инвалидного дома, что он в начале сороковых годов получил небольшую сумму денег! Выходит, и в то время семья Лобановых попадала в затруднительное финансовое положение.

PS:

Разписка

Князь П.Н. Лобанов-Ростовски, роден с. Лобаново, Ефр. Об. Тульск / Русия/ получих от касата на Съюза на Руските инвалиди в България временна помощ в размер на 600 (шестотин) лева.

31.X. 1942 г.

Ирина Васильевна как французская поданная всегда получала приглашения из французского посольства на приемы, которые они устраивали. На одном приеме, генерал Владимир Стойчев, который занимал тогда высокий пост в администрации, хотел пошутить над ней и спросил ее: «Где сейчас находится брат вашего мужа?» Он очень хорошо знал, что он сидит в лагере Белене и таким образом хотел скомпрометировать ее в глазах других посольских гостей. Она сразу ему ответила: «Он там, где и ваш родственник (по-моему, зять) генерал Крум Лекарски». Они были вместе с дядей Никитой в лагере Белене – тогда быть в коммунистическом лагере было стыдно – в Болгарии не сажают без причины! После этого ответа ген. Стойчев отошел в сторону и перестал придираться к Ирине Васильевне.

Никита Дмитриевич уполномочил меня познакомиться с досье его матери, которое хранилось в архивах болгарского Министерства внутренних дел. В ее досье хранятся доклады об ее «подрывной» деятельности, подробные сводки, написанные неизвестными лицами, о том, кто, когда – час, минуты, входил к ним в дом и точно когда выходил. Чтобы защитить своего сына, Ирина Васильевна приняла на себя обязательство писать отчеты о своих встречах и беседах со своими близкими людьми. Она была должна делать это, чтобы не последовать за своим супругом в лагерь – тогда сын Никита остался бы один. В отчетах о встречах описано подробно, как и с кем, она встречалась, но нет ни одного слова против своих знакомых – они были полны кулинарными рецептами и женскими сплетнями.

С.Р. Вы жили долгое время вместе с Никитой, что от этой жизни осталось в вашей памяти?

П.Ч. Семья Лобановых жила в одной из комнат квартиры Егоровых. Егоровы предпочли «уплотниться» и делить квартиру со своими знакомыми – все лучше, чем с чужими, да и по закону они были обязаны жить на меньшей площади.

Кстати, после того, как Лобановы поместились в новой однокомнатной квартире, на кухне жила семья милиционера. Часто мне приходилось проходить через их жилище, чтобы попасть в квартиру Лобановых.

О семье Лобановых написано много книг и статьей. Сейчас Никите 76 лет. Мало или много это? Смотря, кто на какой возраст себя чувствует. Для молодого душой и сердцем это не много, чтобы не сказать – мало. Пусть Бог отпустит ему еще много, много лет активной жизни!

Однажды в мае 2000 г. вечером мне позвонила из Лондона Нина Лобанова-Ростовская, на тот момент супруга Никиты. Кстати, отец Нины Жорж Пико в 1920 г. был послом Франции в Болгарии. Он встречался с болгарским царем Борисом III и договаривался с ним об условиях приема белоэмигрантов на болгарской территории. Нина узнала, что на днях Никита будет в Софии, и, не предупреждая его, приехала к нам. Мы ее встретили в аэропорту. Она нам рассказала, что хочет поговорить в последний раз с Никитой и уговорить его отказаться от бракоразводного судебного процесса. Это как раз совпало с моим 65-летним юбилеем. Я позвонил Никите в гостиницу и пригласил его на свой юбилей. Он согласился и вечером пришел к нам. Никита очень удивился, когда вместо гостей увидел только Нину, которая встретила его у меня дома. Эта встреча не закончилась успехом, но все-таки они успели поговорить, и Нина убедилась окончательно, что Никита решил расторгнуть брак. Мы проводили Нину в аэропорт, где они увиделись снова. Пока мы разговаривали с ними, мимо прошел Дима Паница – уважаемый друг Никиты и Нины. Он не поздоровался с Никитой, показывая

этим свое отношение к его бракоразводному процессу. Никита принял это как оплеуху...

По поводу 70-летия Никиты. Стало уже модным печатать его «Воспоминания»*. Мне трудно добавить о Никите что-то новое, несмотря на то, что мы провели много лет вместе. Никита прирожденный коллекционер. Он начал коллекционировать кристаллы со школьного возраста. Вторым его увлечением были молодые девушки. Причем сначала он предпочитал девушек постарше себя. А позднее уже выбирал помоложе. Также любил коллекционировать и картины художников русского театра (1880–1930 годов). Сейчас, будучи пенсионером, коллекционирует написанное о нем и им самим о себе (автобиографическая книга «Эпоха. Судьба. Коллекция», 2010). И, как неизменный ловелас, продолжает коллекционировать молодых женщин (гораздо моложе себя). Никита любит женщин, но и они не остаются в долгу – они тоже его любят (и не только его деньги, а и его самого!). Одна симпатичная русская мне рассказывала, как они с трудом достали билеты на какой-то спектакль Большого театра. Во время спектакля утомленный Никита заснул, но она говорила, что он чувствовал музыку всем своим телом, несмотря на то, что потихоньку похрапывал. Так может высказаться только глубоко влюбленная женщина, но не законная супруга!

В молодости Никита быстро увлекался какой-то идеей и старался увлечь и других, тем самым приобретая себе единомышленников. Так, когда он был в 8 классе, ему попала в руки книжечка Саркисяна о закаливании путем водных процедур. Он начал закаляться и приобщил меня к этим процедурам.

Под влиянием Света Петрусенко Никита увлекся минералогией. Он увлек за собой плеяду людей: меня, Света Докучаева,

* Лобанов-Ростовский Н.Д. 2005. Воспоминания. Записки коллекционера. Памятники культуры, Российская Академия наук, Москва, 5, 2003. С. 64–288, или писать о нем: Горбовский А.А. 2004 г. Рюрикович. Детство Никиты. Изд. Н.Д. Лобанов-Ростовский, Москва; 129 с.; Мрочковская-Балашова С.П., 2005. Никита Великолепный. Русская газета, София, рубр. «Выдающиеся современники русского зарубежья», № 04 (75), 05 (76), 06 (77), 07 (78); Левчев А. 2005. газета «Стандарт», София.

С. Докучаев,
Н. Лобанов,
С. Петрусенко,
П. Чумаченко на
Витоше.
1972 г.

Леню Ратиева, Христо Пулиева и др., для которых геология стала профессией на всю жизнь.

Позже Никита, получив диплом в Оксфорде, отказался от геологии, а мы, его «ученики», продолжили заниматься этой наукой до пенсии да и после. Может быть, он увлекал за собой других умением говорить с людьми с маленькой дозой иронии, и человек, чтобы избежать этой иронии, следовал за ним, а позже и сам увлекался и получал удовольствие и удовлетворение от своего увлечения.

С Никитой мы совершали много экскурсий. Он всегда ставил перед собой какую-то цель, например, найти новые для него минералы или кристаллы и очень редко участвовал в экскурсиях просто так, прогуляться. Сейчас, когда он приезжает в Софию, ставит передо мной специальную задачу – дойти до альпийской зоны на Витоше, полюбоваться там солнцем и подышать свежим воздухом. Иногда я выбирал маршруты по лесу, он очень сердился на меня и в следующий раз обязательно вел меня в горы.

Первая совместная экскурсия, в которой участвовали и я, и Никита была в конце третьего прогимназического класса. Экскурсию в г. Якоруда в Родопах организовала наша школа. На вокзале в городе Варвара, где была пересадка на другой поезд,

нам пришлось подождать. Никита спустился к железной дороге и нашел кусок породы, содержащей пирит. Все дети, особенно девочки, смотрели на него как на полубога! Потом нас загрузили в товарный вагон, у которого не было крыши. Погода стояла солнечная, и, естественно, Никита был «гвоздем» всей группы. Он пел «джазовую» песенку, которая была новинкой для нас, он ее выучил на концерте джаза Овчарова с певицей Леей Ивановой. Вдруг пошел ливень – мы не смогли перейти в вагоны, потому что поезд не останавливался нигде, и сильно промокли. Вот такие, все мокрые мы благополучно доехали до Якоруды, переночевали на полу в местной школе, а на следующий день остановились на ночлег в одной из Велинградских школ. В городе из-за сильного дождя, не было холодной воды в кранах, и мы не могли попить воды. В магазинах минеральная вода тогда не продавалась.

В школе Никита ходил небрежно одетым – у нас тогда не было формы, но мы были обязаны надевать темные брюки, и светлую рубашку. После обеда, когда он уходил в город (обычно в Советский клуб), он одевался «официально» – это его раздражало. Однажды он мне сказал, что завидует мне, ведь я могу одеваться, как мне хочется, а он обязан одеваться хорошо и ходить всегда при галстукe. Я его спросил: «А кто тебя заставляет одеваться так?» На это он мне ответил: «В Софии есть много знакомых моего деда и если кто-нибудь из них увидит меня одетым неподобающим образом, то он сразу напишет ему, и бабушка будет сердиться на меня!» – и добавил на французском языке: «La noblesse oblige». Что делать!

В нашем классе учился Христо Пулиев – очень умный парень, но не занимался никаким спортом. Его ребята не любили, а поскольку детям свойственно проявлять жестокость, его все время старались ударить, сделать ему больно. Семьи Пулиевых и Лобановых жили дружно, и Никита все время защищал его, беря на себя роль старшего брата.

Наша первая совместная геологическая экскурсия была в Искарское ущелье. Предпосылкой послужила студенческая

Друза горного хрусталя (Майн кампф) со станции Бов

экскурсия, гидом в которой был доц. Иван Костов. В ней участвовал и Свет Петрусенко. Там они обнаружили интересные кристаллы кварца, поэтому и мы пошли искать их. Поднялись на скалу в Диабаз-филитоидном комплексе, в которой были прожилки кварца – горного хрусталя. Мы работали в трещине и собирали друзы. Я успел после долгой борьбы со скалой вытащить одну друзу, которую назвал «Майн кампф», потому что трудно вытаскивал ее из трещины. Моя рука была вся исцарапана и окровавлена. В Софии я подарил эту друзу моей соученице Лене Чакаловой, которая хранит и до сих пор ее. Лена – дочь инженера Стефана Чакалова, болгарина, который учился в кадетской школе в Петербурге. Кадетом три года сражался в Гражданской войне на стороне Добровольческой армии, несмотря на то, что ему приходилось скрывать свой возраст. Он участвовал в психических атаках, проводимых Белой армией, был несколько раз ранен, переболел тифом, дизентерией, но остался в живых. В конце войны его с группой военных направили охранять один из кораблей Врангелевской армии. На этом корабле он смог эвакуироваться в Бизерту (Тунис). Он демобилизовался раньше своих друзей и вернулся в Болгарию. О своем участии в гражданской войне Стефан Чакалов рассказывал очень интересно. По возвращении из армии он уехал учиться в Германию и поступил в университет

Кристаллы кварца из Калково (Минералогический музей Софийского университета). 2009 г.

учиться на инженера-электрика. У него дома на двери висела маленькая табличка, на которой написано: «Дипломированный инженер-

электрик». С его дочерью Еленой мы учились вместе пять лет, после чего она поступила в университет, а затем и в аспирантуру. Сейчас она доцент, вышла на пенсию, и продолжает читать лекции в университете.

Но вернемся к Никите и нашим геологическим экскурсиям.

Вторые поиски были близ деревни Калково, на берегу реки Искер. Мы работали в карьере с полевым шпатом. С нами была и наша знакомая Диди Спасова. Там мы обнаружили красивых кварцевых кристаллов и нагрузили наши рюкзаки до того, что они стали неподъемными. Обратно мы шли еле-еле. К вечеру вышли к автобусной станции. Автобус приехал, но в нем было только одно место и мы, как кавалеры, уступили его Диди, свалив на нее все наши рюкзаки, чтобы она их транспортировала до Софии. А сами успели сесть на автобус до Самокова в противоположную сторону с надеждой оттуда, как-то добраться до Софии. В Самокове собралась большая группа людей, которая, как и мы, старалась вернуться в Софию. В конце концов, нашли какого-то подвыпившего шофера, который согласился отвезти нас в город на своей грузовой машине. Без происшествий мы прибыли в Софию и добрались до нашей трамвайной остановки «Горнобански път». Удивлению не было границ, на остано-

ке сидела и плакала Диди с нашими тяжелыми рюкзаками. До трамвая добрые люди ей помогли донести. А дальше? Она была счастлива, что нашла нас. Мы были еще более счастливы, что нашли ее и свои кристаллы в сохранном виде. На следующий день мы с Никитой пошли к доц. Костову показать ему наши находки. Он поздравил нас с хорошим «уловом» и, естественно, забрал несколько экземпляров, которые сохранились и сегодня в музее Минералогии Софийского университета.

Через несколько недель мы снова сделали вылазку к Калково. В этот раз с нами был и Свет Петрусенко. Мы ночевали около костра на берегу реки. От этой экскурсии осталось лишь одно воспоминание – комары! Мы ночевали на берегу реки Искер. Спали прямо на земле, около лагерного огня. С заходом солнца, как, по единой команде, на нас спустились облака комаров. Всю ночь мы добавляли траву в огонь – без успеха. В конце концов, солнце взошло, и комары, накормленные нашей кровью, ушли спать, а мы остались расчесывать их укусы.

В конце учебного года наша школа организовывала регулярные походы в горы. Я помню один из них, после 10 класса в Риле. Это был длинный переход. Весь день моросил дождь. Мы все промокли и устали. Остановились на ночлег в хижине Иван Вазов. Вечером в хижине Никита стал петь одну блатную песенку на русском языке. Наш учитель сделал ему замечание, что таких песен нельзя петь, а он ему ответил, что эту песню пели красногвардейцы во время Гражданской войны. Учителю стало неловко из-за его «невежества» и замолк. И в этот раз Никита взял вверх!

Однажды вечером, перед отъездом Никиты во Францию, мы гуляли с ним недалеко от его дома, вошли в один огород и сели на кучу сена. Никита стал мечтать о будущем (это очень редко случалось с ним). Как будет посылать «оттуда» мне посылки, чтобы облегчить мою жизнь «здесь». Должен признаться, что он сдержал свое слово и, всегда, как только имел возможность, приносил и приносит подарки. Замечу, и не только мне! Я успел

сдержат свое слово, данное Ирине Васильевне, и не опоздал на вокзал.

Они уехали навсегда!

Никита Лобанов стал бакалавром по геологии Оксфордского университета в Англии и магистром – в Нью-йоркском университете. Женился на Нине – дочери французского дипломата Жоржа Пиго и русской эмигрантки. Нина работала журналисткой и написала несколько книг о русском революционном фарфоре. Сейчас продолжает работать специалистом в Сотби и Кристи в Лондоне.

Нина является «зачинщиком» большого дела в жизни Никиты – она увлекла его коллекционированием образцов русского театрального искусства. Сейчас их коллекция находится в Петербурге. Ее продали русскому государству за большие деньги!

Райна и Платон Чумаченко, Данчо Иванов, Галя и Валя Иванов, Нина Лобанов-Ростовский (с цветами), Л. Ратиев, Наталия Чумаченко, Ксения В. Охотина – проводы Нины в аэропорту Софии. 1965 г.

Где-то в 1964–1965 г. Нина приехала в Софию, с целью узнать, сможет ли Никита в будущем тоже приехать в Софию, так сказать, выступила в роли разведчика. Она остановилась у Данчо Иванова – певца Национальной оперы Болгарии и доброго друга Никиты. Кроме всего этого, у них в доме была ванная комната, а у нас – не было! И Данчо жил в центре города, что предпочтительней, а я – на окраине. Я встретил Нину, и мы на автобусе доехали до нашего дома. Я хотел показать ей обстановку, в которой Никита провел свое детство. Разговор вели на французском языке, так как Нина не знала тогда русского языка, не смотря на то, что ее мать была русской. Дома она говорила только на французском языке. Также автобусом мы вернулись обратно в центр города. Я ей похвастался, что эта автобусная линия новая, и Никита о ней еще не знал. Хотя стоит признаться, что автобусы были такие грязные, такие допотопные!

Я повел Нину познакомиться с няней Никиты, но не знал точно, где она живет. И нам пришлось очень долго ходить по улице Царя Симеона. В конце концов, мы нашли дом Иванюка. Естественно, няня обрадовалась Нине, и захотела угостить ее ужином. Нина говорила немного по-русски, но акцент ее был ужасным. На приглашение она ответила: «Я не буду кусать!» Вечером все знакомые Никиты собрались в ресторане у гостиницы «Рила» (новая, шикарная тогда гостиница с рестораном). Данчо было очень трудно говорить по-французски, поэтому он был мне очень благодарен, так как я ухаживал за Ниной и разговаривал с ней только на французском. На следующий день мы все – я, моя супруга Райна, моя мать Наталия Яковлевна, Данчо Иванов, Леня Ратиев, Свет Петрусенко, Валя и Галя Иванюк, Ксения Васильевна Охотина – поехали в аэропорт провожать Нину.

Никита в это время гостил у родственников в Бухаресте и когда после своего путешествия он увидел Нину живой и здоровой, то очень обрадовался. Это было первое посещение Ниной Софии в роли разведчицы.

В сентябре 1984 г. я получил приглашение участвовать в Международном симпозиуме по стратиграфии юры в Ерлангене в Западной Германии. Мое участие спонсировал организационный комитет. Все было готово, но я по каким-то причинам не получал выездной визы и не мог выехать. Я обратился за помощью к Л. Левчеву, но и он ничего не смог сделать, так как на следующее утро сам улетел за границу. В то же время я получил приглашение сразу после симпозиума поехать в Англию. Я испугался, если мне не дадут выездную визу в Германию, дадут ли мне визу в Англию? Хотя для меня посещение Англии не было так интересно с профессиональной точки зрения, как выезд на симпозиум в Германию. Проблема заключалась в том, что я не имел права отказаться от поездки в Англию, так как в те времена все выезды за границу фиксировались милицией и в моем досье могли указать этот отказ от поездки в Англию. Для меня это не было так важно, но у меня росли дети и с такой характеристикой отца в Болгарии у них не было бы будущего! Поэтому мне очень хотелось получить, по крайней мере, визу в Англию. Так и случилось, перед поездкой в Англию, мне позвонил Никита, чтобы уточнить, где меня встретить и т. д. Я спросил у него: «Могу ли я остановиться у вас в Лондоне?» На что он ответил сразу: «Да, останавливайся!» Итак, я получил визу в Англию, остановился у Никиты на две недели, работал в музеях и, в конце концов, вернулся из капиталистического рая в социалистическую Болгарию также не без помощи Никиты. В 2000 г. я был на Международном конгрессе по брахиоподам в Лондоне. Мы с супругой остановились в доме Нины, так как на тот период они уже разошлись с Никитой.

Помнится и другая встреча с Никитой и Ниной. В феврале и марте 1984 г. Никита сумел организовать первую официальную выставку, выставив свою коллекцию «Театральная живопись в Советском союзе» в Москве. Он пригласил меня с Райной на открытие выставки. Оплатил нам железнодорожные билеты София–Москва–София. Они пригласили еще сестру Нины

и двоюродного брата Никиты Юру Трубникова из Парижа. В день открытия Никита давал пресс-конференцию, а перед этим нам, приглашенным им, дал обед в ресторане на Казанском вокзале, где стены и потолок были расписаны самим Бенуа. Официальное открытие состоялось в залах Пушкинского музея, где состоялся и концерт.

Вот сейчас вспомнил о Юре Трубникове. Он работал на французском предприятии по продаже машин для химических заводов. Приехал в Софию во главе своих коллег с целью заключить контракт о продаже этих машин болгарам. Переговоры шли медленно и трудно. До обеда болгарская делегация вела переговоры с одними представителями, а после обеда – с делегацией Трубникова. По его словам, так вести переговоры не положено, это не лояльно! Однажды он пригласил меня и Райну в гостиницу, где он остановился, на ужин. Гостиница была люкс, и нам она очень понравилась. Находилась она напротив болгарского парламента (Народного събрание). Через несколько дней мы его пригласили в гости уже к нам в дом. Мы со своим сыном и тещей жили в одной комнате и небольшой кухне. У нас тогда не было даже стола, который мы смогли бы празднично накрыть. Мы с Юрой сели на табуретки, а еще одна табуретка послужила нам столом. Шел интересный разговор (с таким собеседником всегда приятно разговаривать!) Вечером я его посадил на автобус, у меня не было машины, а заказать такси невозможно, так как у нас не было телефона!

На следующий день я позвонил ему по телефону, спросить, как он добрался. Он, как культурный человек, не жаловался, а сказал мне, что провел самый приятный вечер из всех вечеров в Софии. Он приезжал на переговоры несколько раз, поэтому мы часто встречались с ним.

Однажды мы его пригласили в ресторан «Гамбринус» – в то время очень популярное заведение. Находился он на улице Царя Симеона, недалеко от бульвара Г. Димитрова (сейчас ему вернули первоначальное название – царицы Марии Луизы). В ресто-

ранее исполнялись так называемые «городские песни» 30-х годов. Сначала ему было очень неловко, так как все время он приглашал друзей и знакомых в ресторан при гостинице, где плату за ужин включали в стоимость номера. А здесь пригласили его мы, и оплата происходила сразу на месте и наличными. Хотя мы с ним не так тесно знакомы, но в его компании я чувствовал себя хорошо и свободно, как будто мы знали друг друга много лет. Вечер удался на славу.

Встречи с Никитой стали регулярными – два раза в год, когда он приезжал на заседания бюро Фонда Кирилла и Мефодия в Софии, куда Никита попал при помощи нашего общего друга Любомира Левчева.

Однажды, во время его очередного посещения Софии, г-жа Светлана Мрочковская-Балашова (потомок польских графов Мрочковских, отец которой погиб в лагерях ГУЛАГа) устроила ему презентацию в Русском культурно-информационном центре в Софии. Светлана Балашова-Мрочковская была одним из биографов Никиты. Зал был полным, и аудитория с большим интересом слушала Никиту. Вдруг свет погас. Никита, с олимпийским спокойствием, сказал: «Я, как бывший ЗЕК, всегда имею при себе фонарик!» Он спокойно его вытащил из сумки и продолжил презентацию. Кстати, С. Балашова хотела узнать побольше о жизни Никиты в Болгарии и пошла в Инвалидный дом в Княжево. Там она встретилась с Ксенией Охотиной, у которой и спросила: «Что Вы знаете о Никите?» Но Ксения Васильевна отчего-то испугалась этого вопроса и сказала, что она ничего о нем не знает. Ее познакомила с матерью Никиты Наталия Яковлевна Чумаченко. «Лучше спросите о нем у Платона».

Недавно вспомнил, как мы встречали его день рождения, который он праздновал в Болгарии последний раз. Это было в 1953 году. Он пригласил меня, Леню Ратиева и Христо Пулиева (тот пришел со своей матерью). Ирина Васильевна постаралась и приготовила много блюд. У меня были проблемы с умением пользоваться столовыми приборами, но я справился! Что было

выставлено на стол – не помню, но помню один анекдот, который рассказал Ленья. Он тогда работал переводчиком.

Ленья: «Геббельс умер и попал в рай. Сидел некоторое время, но там все было идеально и скучно. Ему надоело. В одну щель успел увидеть жизнь в аду. Он увидел бар. Там сидели красивые девушки, а мужчины пили вино. Тогда Геббельс пошел к Господу Богу и сказал, что хочет попасть в ад. Господь не хотел его пускать, но в конце концов Геббельс его уговорил, и тот согласился. Пошел Геббельс в ад и сразу в тот бар. Видит, там стоят девушки. Поднял стакан с вином, вот удивление: вино вытекло. Оказалось, бокалы были без дна. Он пошел жаловаться Сатане, а тот ему говорит: «пропаганда, герр генерал, пропаганда!»

Мне хочется еще рассказать о Никите, описать его характер. Дочь няни Никиты Валентина Иванюк продолжала жить в софийском квартале «Сточна гара» (Стоковый вокзал). Дом этот старый, без современных удобств. Никита хотел, чтобы Валя жила в более комфортных условиях и поэтому купил ей квартиру, сделал там ремонт. В квартире было центральное отопление и теплая вода. Никита вообще известен как скупой человек, но тут потратил немало денег для удобства Вали. Он отблагодарил ее за все хорошее, что она для него сделала. Валя же в последний момент отказалась переехать на новую квартиру и осталась жить в своей старой, холодной.

Вспомнился другой случай. Умерла няня Никиты. Валя хотела ее похоронить рядом с отцом, но там не было свободного места. Что делать? Никита позвонил нашему другу Любомиру Левчеву, который занимал высокий административный пост. Тот позвонил в Управление кладбищ (у этой службы было какое-то сложное название!) и попросил какого-то знакомого, чтобы тот сделал все, что возможно, для его друга Лобанова. Потом Любо мне сказал, куда нужно пойти и к кому обратиться, чтобы получить место рядом с могилой Николая Иванюка. Я пошел, встретился с этим человеком и он мне выписал нужный документ. Так и похоронили няню Никиты рядом с ее супругом, но не на обычном расстоянии, как положено, а совсем рядом со старой могилой.

Никита знал, как получить все, что необходимо и кому надо позвонить. Он мог договориться даже из Лондона.

В августе 2009 г. со мной случилась неприятная история. Хакеры взлезли в мой персональный компьютер и в мою электронную почту. От моего имени сообщили всем моим корреспондентам, что я в Лондоне и у меня украли деньги. Они сообщали, что мне нужны 2 800 долларов, чтобы я смог расплатиться с гостиницей и купить обратный билет на самолет. Много из моих знакомых начали мне звонить по телефону и спрашивать, что случилось. Один только Никита сразу приказал своим банкирам перевести деньги, в которых я якобы нуждался. Он и не задумался, я послал это письмо или нет. Для него достаточно того, что я прошу помощи, и он сразу отозвался на нее! Так мог поступить только настоящий друг!

С.Р. Платон Васильевич, что вы знаете о семье Егоровых, у которых Лобановы жили в течение несколько лет?

П.Ч. Егоровых я лично хорошо не знал и поэтому попросил Никиту рассказать о них. Вот что он мне написал в одном письме от 9.01.2009 года: «Мы подружились с Егоровыми, главным образом, на языковой почве. Госпожа Мария Егорова (мадам Мей), была наполовину француженкой, а на вторую половину – англичанкой. По-болгарски она говорила очень плохо, но зато общалась свободно на родных языках. Она служила горничной в британском посольстве. После прихода советских войск в Болгарию 9.09.1944 господин Дмитрий Егоров получил советский паспорт и работал водителем в новосозданных советских учреждениях в Софии. Это помогло ему избежать репрессий. До этого он служил водителем у фабриканта Есауленко. Дмитрий Егоров играл на гитаре, пел и был всегда в центре застолья. Моя мать часто встречалась с Егоровым, который жил на окраине Софии, чтобы “покалякать” на английском языке (мои родители – отец и мать – окончили школу в Англии), и она часто брала с собой и меня. Мы играли с детьми Егоровых: Федей (на год моложе меня) и его

сестрой Мези (тоже Мария, на год старше меня). Для меня самым привлекательным в их доме был принадлежавший Феде детский велосипед, на котором мы оба умудрялись одновременно кататься по немощеным улицам пригорода. Тогда этот район считался еще пригородом, хотя и располагался в семи минутах езды на машине от центра (где тогда жили мы). В конце 50-х годов госпожа Егорова как француженка вернулась к себе в Монт-Пелье, где ее родственники держали кафе-бар, в котором она и Мези стали работать. Мези играла на аккордеоне и пела. Впоследствии к ним присоединился и господин Егоров. Но там жизнь ему была не по душе, ибо он по-французски не говорил. В связи с этим он вернулся в Софию, купил себе другую квартиру, так как его бывшая квартира была уже занята одним офицером милиции.

С.Р. Были ли у Вас и другие русские соседи?

П.Ч. Да. В конце ул. Мърфи (ныне Загребска), на углу с ул. Царицы Йоаны (ныне Любляна), в маленьком доме жила семья Якова Николаевича Федченко. Яков Николаевич (1879, под Киевом – 1965, София), белогвардеец, женился на болгарке Марине Соларовой (1895, Русчук (Руссе) – 1975, София). У них родились дочь Вера (1923–2009) и сын Борис (который позже уехал в Торонто). Господин Федченко запомнился мне тем, что имел телескоп. По всей вероятности, он разбирался в астрономии, потому что часто во время каких-то астрономических явлений ставил свой телескоп в садике перед Центральной баней Софии и за деньги показывал эти явления в ночном небе Софии – тогда воздух был чистым, и звезды были огромными. Позднее его внучка Мария Мургова (дочь Веры Яковлевны), рассказала, что Яков Николаевич был юристом и работал адвокатом еще в царской России. После Октябрьского переворота его вместе с другими интеллигентами арестовали военные атамана Скоропадского и бросили в лагерь. В охране оказался солдат, которого Федченко как юрист спас от тюремного заключения. Этот солдат открыл дверь и выпустил арестованных. Таким образом,

Федченко оказался на свободе. На корабле уехал в Варну, где женился на Марине и с ней переехал в Софию. Работал юристом. Некоторое время был мэром нескольких сел в Юго-Западной Болгарии. В свое свободное время он занимался техникой и зарегистрировал два патента.

Большинство русских, которые приехали в Болгарию одни, без семей, женились на болгарках (в редких случаях – на русских). Среди моих соседей только Митрофан был женат на русской, а грузинская семья Бицадзе приехала в Болгарию уже супругами.

Так получилось, что много русских обосновалось недалеко от нашего дома. Не знаю, почему. Может, из-за того, что здесь располагался Русский инвалидный дом? Хотя наши соседи не поддерживали связи с ним, а жили отчужденно, как обычные болгары.

Когда мне было 15–16 лет, помню, в Софии я часто встречал одного русского инвалида, у него была только одна нога, и он ходил по городу на костылях. Это был красивый мужчина, всегда гладко выбритый, ходил только в одной рубашке, несмотря на погоду – и в холод и в жару, он всегда был одет только в одну серую рубашку, без пиджака, в настоящей русской рубашке с воротничком. Все оборачивались и смотрели на него с восхищением. Он одевался так не потому, что не было у него денег на пиджак, а потому, что был закаленным (возможно был участником «ледяного похода» Корниловцев?)

По окончании школы, я заболел экземой и пошел лечиться в кожно-венерический институт при Александровской больнице в Софии (кстати, больница носит имя Александра II, царя – освободителя от турецкого ига). Там рассказали такой случай.

В больницу поступил один молодой человек, долго исследовали его и с трудом установили, что он заболел проказой. Тогда все врачи и сестры милосердия испугались и не хотели больше ухаживать за этим больным – боялись заболеть. В больнице дворником служил один русский, белогвардейский эмигрант, и он взял

на себя миссию ухаживать за этим больным. Он говорил другим, что уже ничего не боится после того, что видел и вытерпел во время Гражданской войны! Он знал, что у этой болезни длинный инкубационный период и, если заболел проказой, у него не будет времени выздороветь, так как ему было уже за 60 лет. Он пожертвовал собой во имя милосердия!

Вернусь к близкому другу моего отца доктору Павлу Алексеевичу Охотину. Что же у него была за судьба?

Павел Алексеевич окончил духовную семинарию в России, участвовал в Гражданской войне и после этого обосновался в Болгарии. Здесь окончил медицинский факультет в Софийском университете (в 30-х годах). Долгие годы работал дежурным врачом в санатории у моего отца. Больные очень любили, когда он делал свои обходы, так как он подолгу разговаривал с каждым из них. Он был одновременно и врачом, и батюшкой – лечил их болезни и успокаивал их души. Он был и нашим домашним врачом. Я уже писал, как он вылечил меня от болезни почек, а Никиту от какого-то воспаления полости рта. Когда национализировали наш санаторий, доктор Охотин стал работать участковым врачом в местной поликлинике, а потом стал и врачом Русского инвалидного дома в селе Княжево. Они с Ксенией Васильевной жили в одной комнате, рядом с тогдашним медпунктом, который был круглосуточным. Павел Алексеевич любил выпить, но я никогда не видел его пьяным. Однажды, когда я уже был студентом, он пришел к нам, и моя мать пригласила его пообедать с нами. За ужином мы выпили немного ракии. Мы разговаривали о том, о сем, и я за разговором не понял, когда мы с ним опьянели. Могу сказать с чистой совестью, что эта выпивка мне доставила такое удовольствие, какого я никогда после этого не испытывал ни с кем из своих «собутыльников». После обеда мы прилегли ненадолго, и все встало на свои места. Вот какой он был интересный собеседник.

Где-то в 1965 г. они с Ксенией Васильевной поехали в гости к его родственникам, под Ленинградом. К сожалению, там он

и умер от инфаркта. После смерти доктора Охотина Ксения Васильевна осталась жить в Инвалидном доме. Сначала у нее поселилась Ефросинья Кондратьевна (все ее звали всегда по имени и отчеству). Во время 1 Мировой войны она служила медсестрой в Галиции, а потом у белогвардейцев – в Дроздовском полку – до конца Гражданской. В последние годы своей жизни работала медсестрой в Русском инвалидном доме вместе с доктором Охотиным, а потом с доктором Лягиным. Умерла в Инвалидном доме в 1971 году.

Ксения Васильевна, по словам Ларисы Ивановны Григоровой из общества «Милосердия», умерла в своей комнате. Эта дама узнала о том поздно вечером. А на следующее утро она вошла в ее комнату и увидела, что Ксения Васильевна лежала в каких-то больших, вероятно 46 размера, мужских ботинках, а все ее добро было украдено. Так случилось, что санитары, прежде чем сообщить руководству дома о смерти, грабили все, что им попадалось под руку и только потом сообщали руководителям. У Ксении Васильевны не было уже ничего. Лариса Ивановна сказала мне, что их общество похоронило более сорока питомцев Инвалидного дома. Ксения Васильевна была очень симпатичной женщиной. Она дружила с моей матерью и часто гостила у нас, надеясь, что эта дружба поможет научить ее хорошо говорить на болгарском языке. К ее сожалению моя мать все лучше и лучше стала говорить по-русски и все время они общались на русском. Так получилось, в конце концов, что Ксения Васильевна не научилась хорошо говорить по-болгарски, не смотря на того, что она жила гораздо больше в Болгарии, чем в России, но и в Болгарии она жила только среди русских.

Когда мне было 3–4 года, к нам приходила Олимпиада Александровна из Русского инвалидного дома. Она была нашей гувернанткой, давала мне и моему брату уроки французского языка и гуляла с нами в парке санатория. Когда мой отец умер, и его тело лежало для прощания на столе у нас в гостиной, наша гувернантка пришла, не зная о кончине моего отца. Я помню,

что она начала делать глубокие поклоны на все четыре угла стола. И это осталось в моей памяти как часть скорбного события.

С.Р. Были ли у Вас соученики, дети белоэмигрантов?

П.Ч. Я начал свою учебу в далеком 1942 г. во Французском мужском коллеже Св. Кирилла и Мефодия в Софии, который находился на ул. Пиротска, 7. В первом и втором отделении нам преподавала учительница госпожа Горбатова из белоэмигрантов. Она была очень милой и внимательной и относилась к нам как настоящая мать. В то время из русских со мной учился только Александр Малиновский, с которым мы очень дружили. Во время учебы во втором отделении англо-американские самолеты разбомбили Софию, и мы почти не ходили в школу. На третьем отделении к нам попал Никита Лобанов, а учительницей была болгарка. Она посадила Никиту рядом со мной, как к русскому, чтобы он легче привыкал к нашему классу. Помню, что он очень гордился своими часами, в которых был встроен хронометр. Все восхищались этими часами, ну и, конечно, немного завидовали ему. Еще тогда Никита говорил, что они уедут во Францию к его бабушке. Это я слышал до окончания школы в одиннадцатом классе, поэтому и не верил, что когда-нибудь Никита все-таки уедет из Болгарии.

Когда я учился в основной школе, то брал уроки скрипки у одного русского учителя, г-на Антона Тони (1885 –1945, София, Красное село), который со своей супругой Александрой Шильхан (бабушка Шура, 1895–1963, София, Красное село), жил в Красном селе, в маленьком красивом доме с хорошим садом. Несколько лет назад этот дом снесли и построили на его месте высотный дом. Говорили, что Антон Тони был дирижером, в каком-то Петербургском театре, а Александра (Шура) Шильхан была балериной (она показывала фотографии своим болгарским соседям). Антон Тони, а позже и его супруга А. Шильхан были похоронены рядом с могилой моего отца на кладбище с. Княжево. У них не было других родственников кроме усыновленной дочери Марии (в свою очередь, у нее была усыновлен-

ная дочь Ефросинья). Эта Мария (фамилия неизвестна) работала медицинской сестрой в санатории д-ра Хаджи Иванова в Владе. В 1956-7(?) годах якобы в связи с попыткой совершить белогвардейский переворот в Болгарии, эту Марию арестовали и сослали в лагерь куда-то в Сибирь. Позже она связалась со своими знакомыми и рассказала, что пережила в лагере. Через несколько лет в могилу Тони-Шильхан была похоронена Евдокия Позументщикова (1891–1963), но на ее памятнике не отмечено, что там раньше были похоронены А. Тони и его супруга. Так что памяти о ранее умерших в этой могиле не осталось.

Осенью 1946 г. я заболел и болел до Нового года. Мое отсутствие в школе совпало с отсутствием и Никиты в школе, но он никогда не объяснял, почему он в тот период не ходил в школу. Гораздо позже, когда он жил уже во Франции, мы узнали, что его семья, осенью 1946 г. неудачно пыталась нелегально пересечь границу с Грецией и убежать из Болгарии, после этого Никита попал в болгарскую тюрьму. Об этом эпизоде жизни Лобановых никто не рассказывал, оно оставалось тайной для всех нас. Такое «пятно» в биографии молодого человека, жившего в Болгарии, могло пресечь его дальнейшую карьеру – в коммунистическую тюрьму просто так не сажают! Ведь Никита, как все его сверстники, готовился после окончания школы поступить в университет. Он был членом пионерской организации «Септемврийче», а потом стал и членом комсомола, как и все молодые люди, встречался и влюблялся в болгарских девушек. Поэтому никто о том не знал, даже мы, его одноклассники и друзья.

В 1946 г. в наш класс пришло много новых учеников, в числе которых и Ян Шпилер, сын о. Всеволода Шпилера. Позже он уехал в Советский Союз, там закончил консерваторию и стал известным дирижером. Сначала работал в Харькове, а потом переехал в Москву. Его концерты пользовались большим успехом среди музыкальной публики.

В 1948 г. когда мы учились во 2 классе, закрыли Французский колледж (как капиталистическую школу). В 3 класс я перешел

муниципальную школу. Тогда семья Лобановых переселилась на Горнобанский путь, и Никита записался в ту же школу. Как всегда, он любил быть в центре внимания, тем более что в классе уже были и девушки. Однажды он захотел показать девушкам, какой он смелый. В то время школа и наш класс топился печами. Никита обнял горячую дымовую трубу печи и вдруг уронил ее. Настушила суматоха и появилось много дыма! Учебные занятия прекратились, но все девушки смотрели на него как на настоящего героя!

В 1949–50-х гг. в школе начались перемены. Как в советских школах, обучение сразу начиналось с 1 класса. Вот почему после 3 класса в 1949–1950 учебном году мы сразу «попали» в 8 класс и перешли в V единое училище им. Ивана Вазова в кв. Павлово. В 9 классе к нам пришли Никита Лобанов и Светослав Докучаев, а в 10 классе учился Светослав Петрусенко. Учительницей русского языка была дочь белоэмигранта Ольга Швейковская (1928–2005). Она была очень молодой, немного старше нас и стеснялась спрашивать. Никита и Свет знали хорошо русский язык, для них он был родным. А я, наоборот, его не знал. Мой отец умер, когда мне было 4 года, а моя мать, чешского и румынского происхождения, его хорошо не знала. Дома мы говорили на болгарском или на румынском языках. Ольга Швейковская думала, что и я тоже знаю хорошо русский, поэтому и не спрашивала меня. Мои плохие ответы она принимала как выражение моего плохого воспитания. Так я не успел ничему научиться, но зато я начал много читать на русском языке – тогда основные книги и самые интересные в книжных магазинах были на русском языке и к тому же очень дешевы.

Однажды зимой, наверно, это было в десятом классе, мы совершили многодневную лыжную экскурсию – поднялись со Светом Докучаевым на Витошу, и он начал меня учить говорить по-русски. Я его считаю своим первым учителем русского языка. Мы принесли с собой пищу и много хлеба. Часть хлеба была свежей, а часть нет. Я предложил Свету начать есть несвежий

хлеб, чтобы он не испортился, но он мне сказал, что нужно начинать с самого свежего. Я согласился с ним, увидев в этом хороший резон, и это стало для меня принципом в жизни, когда я собираюсь делать несколько дел, то начинаю с самого «свежего», которое появилось недавно и над которым я думаю и переживаю, а потом уже принимаюсь и за другие дела! Помню, Свет мне рассказал один современный анекдот. Много из его друзей, как и он, приняли советское гражданство. Он говорил: «Мы, советские люди, в Болгарии как редиски – снаружи мы красные, а внутри остались белыми». Чем только люди не шутят? И это – шутка, да конца 50-х годов!

К сожалению, я так и не выучил в совершенстве русский язык, он, так сказать, остался «ломаным». С Никитой мы всегда разговаривали на болгарском языке – ему было неприятно, когда я старался «говорить» на русском.

Однажды Никита увидел у одного маленького школьника интересную мартеницу с индейцем. Она была чем-то новым – своеобразным отрицанием нашей комсомольской жизни, Никита решил во что бы то ни стало получить этого индейца и предложил мальчику денег. Мальчик испугался: он подумал, что Никита издевается над ним и заберет силой эту мартеницу, поэтому согласился на предложенную сумму и отдал мартеницу, боясь, что тот раздумает и возьмет ее силой!

В конце средней школы в 11 классе, впервые в 1953 г. в Болгарии ввели «русские» экзамены – по всем учебным предметам школьники были обязаны их сдавать. Ночью, перед экзаменом по математике, Никита пришел ко мне и разбудил. Он сообщил, что Любо Левчеву передали решение экзаменационной контрольной работы, и мы собираемся у нашего соученика Шуши (Шушулов) решать ее. Собралось много учеников. Шуши и Диньо успели уже ее решить, а мы у них списали и вернулись домой досыпать. Утром собрались в школе, нас распределили по комнатам. Мы с Никитой сдавали экзамен в спортивном зале. Я сел где-то в середине зала, с правой стороны сидел Никита, позади меня

был Любо Левчев, за ним Здравко Паскалев (Карота), а за ним Александр (Сандаля). Оказалось, что задания были другими, но близкими к тем, которые мы решали ночью. Я решал и диктовал Никите, за мной списывал Любо и так далее по цепочке. Никита, в то время, брал уроки по математике, решив задачу, он перешел к алгоритмам и сдал свои листы первым. Так наша группа была из немногих школьников, сдавших экзамен в физкультурном зале, и, не списав с листов, которые нам принес учитель по физкультуре. В конце концов, один учитель из комиссии обнаружил эти листки с готовым решением и многие наши одноклассники – дети коммунистов, которые должны были продолжить учебу в Советском союзе, провалились на экзамене.

Летом Никита с матерью уехал во Францию, подал документы в Оксфорд и там же получил степень бакалавра.

Впервые я увиделся с Никитой в Алжире, в самой шикарной гостинице «Джордж V» осенью 1970 г., когда я там работал. Сначала он меня не узнал, подумал, что я являюсь каким-то агентом болгарской разведки и держался настороженно, но потом все стало на свои места.

С.Р. Где учился Ваш брат Петер и с кем из русских?

П.Ч. Мой брат Петер на 4 года старше меня. Он учился во Французском колледже. Долгие годы вместе с ним учились Леонид Ратиев и Константин Раппопорт. После окончания колледжа Леня (1931–2003) работал долгие годы переводчиком в Полиметаллах (советско-болгарская геологическая партия). Отец Лени работал директором деревообрабатывающего завода, позже он написал книгу о русских в Софии (Ратиев, 1998).

Отец Кости Раппопорта, Георгий Константинович Раппопорт (1893–1972) был журналистом и писателем. Он написал несколько книг о русских во время Русско-Турецкой войны, о жизни русских в период до 09.09.1944.

Сам Костя Раппопорт (Рапец) работал руководителем проектной организации в Софии.

С.Р. Как сложилась Ваша жизнь дальше?

П.Ч. Сразу после окончания средней школы в 1953 г. я подал документы в университет, но меня не приняли – не успел сдать экзамены.

Осенью 1953 г. Свет Докучаев меня пригласил на работу в «Маданский бассейн», где его отец был врачом. Таким образом, я успел получить так называемый «открытый лист», разрешавший жить и работать в приграничном районе. В январе 1954 г. мы со Светом поехали к его отцу, доктору Николаю Георгиевичу Докучаеву (01.03.1900, Баку – 20.03.1970, Видин). Поездка была через Пловдив до Кырджали, а оттуда – на грузовике до селения Бориева. Николай Георгиевич был сыном генерала князя Георгия Николаевича Докучаева (участник на Восточном фронте Русско-Турецкой войны, а также и 1 Мировой войны). После Гражданской войны Николай Георгиевич учился в военной школе, а потом через Галлиполийский лагерь попал в Болгарию. Некоторое время работал на стройке Софийского Рильского водопровода, потом вместе с будущим руководителем Болгарской коммунистической партии и государства Тодором Живковым трудился на стройке кинотеатра «Влайков» в Софии и одновременно изучал медицину в Софийском университете. По окончании учебы работал участковым врачом в селе Стрелча, близ Панагюрище, а потом – в Александровской больнице в Софии. Там он встретил медсестру Катю Шопову-Карамিশеву (наследница болгарских эмигрантов, бежавшая из России) на которой и женился. Через некоторое время они разошлись, а от этого брака у него остался сын Светослав. Мать Светослава с сыновьями от первого брака, репатрировалась в Россию, и Свет остался один в Софии. Долгие годы доктор Николай Георгиевич работал в Родопах. У него была новая, молодая супруга – Слава.

Приехав, мы расположились в квартире доктора Докучаева. Квартира состояла из одной комнаты и кухни, в которой ночевал я. Зимой 1954 г. в Родопах было много снега. Я помню такой случай.

У меня были специальные английские ботинки, которые мне подарил Никита на память при отъезде из Болгарии. Я не ходил в них на работу – они были слишком шикарные! Я их очень берег. Однажды выпал глубокий снег. Николай Георгиевич их обул, чтобы пойти на работу. На подошве у них были специальные формы, которые наполнялись снегом. Войдя в амбулаторию, снег с подошв начал таять и кусками падать на пол. Работавший вместе с ним фельдшер начал их подбирать, думая, что д-р Докучаев обронил какие-то пилюли. Потом они долго смелись, поняв, в чем дело!

Каждое утро со Светом мы делали сами себе дорогу от Бориева до рудника Долна Петровица, где мы работали, а после работы спускались обратно в Бориеву. Свет меня научил работать в руднике: как зарисовывать забой (постепенно продвигающийся в ходе работ конец горной выработки, рабочее место горняка), какие пробы нужно отбирать, вообще он был хорошим учителем, и я ему многому обязан! Вместе со Светом я работал на участке Южная Петровицы. Однажды, в солнечную погоду, даже увидели острова Тасоса. Вначале мы работали вместе со Светом, а потом меня перевели на отдельный участок. После работы Свет меня учил играть в карты. Весной мы собрались вместе с молодым советским геологом Сокоркиным, на его джипе, сделать одну геологическую экскурсию до известного в литературе Шейтан кюпрю (Дьявольский мост). Мост был построен в 1515–1518 гг. мастером «уста» Димитром над рекой Арды. В этих окрестностях имеются интересные кварцевые кристаллы. Когда мы доехали до моста, внезапно, как бывает в горах, пошел ливень. Мы успели приютиться под крышей ворот в маленьком турецком селенье. Через некоторое время вышла из дома одна молодая турецкая женщина, чтобы взять немного дождевой воды. Она нас увидела и сразу вернулась в дом, откуда вышел молодой мужчина. С ним было трудно общаться, но, в конце концов, он нас пригласил в дом. В комнате, в которую мы вошли, не было стульев: наверно, они сидели прямо на полу. Специально для нас хозяин снял

стулья со шкафа, и мы сели нормально. Он принес нам грецкие орехи. Мы покушали, переждали дождь и, попрощавшись с хозяевами, вернулись обратно в Бориеву.

В этом же 1954 г. нас со Светом Докучаевым приняли на геологический факультет университета.

Осенью у нас были совместные лабораторные работы по физике. Работали с каким-то амперметром. Не понял, как случилось, но мы испортили прибор. Наш ассистент сказал, что мы обязаны его починить и принести его в лабораторию на следующий день. Что делать? А это было поздно вечером! Я вспомнил об инженере Чакалове, отце моей соученицы Лены, и тотчас поехал к нему. Он ничего не сказал, а сразу сел за стол и начал работать над амперметром. Он починил его быстро. Тогда я его не воспринимал как белогвардейца, он был для меня любезным отцом моей одноклассницы! Уже позже из его записок я узнал, что он воевал кадетом в Гражданскую войну на стороне Белой армии.

Вот так мы со Светом Докучаевым сначала учились во Французском коллеже, были одноклассниками в средней школе, работали подземными коллекторами (так назывались люди, которые брали геологические образцы для химического анализа пород), стали вместе студентами, а позже и работали коллегами. Свет женился на одной из самых красивых девушек на курсе – на Лиляне Трифонове.

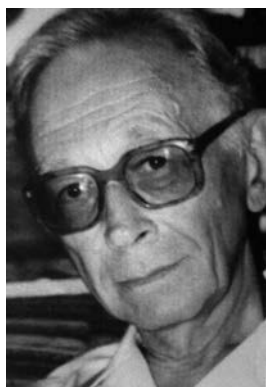
Заходя немного вперед – отец Света доктор Докучаев вышел на пенсию в 1962 г. и уехал в Видин, где проработал еще несколько лет участковым врачом вплоть до того, как получил второй обширный инфаркт и окончил свой земной путь. Но всюду с ним был мешочек с русской землей. С ним его и похоронили

На руднике «Долна Петровица» работал коллектором и другой потомок белогвардейцев – Иван Сюсюкин – добродушный гигант. Он жил вместе с шахтерами в одном бараке. Немного позже женился на болгарке, и вместе с ней уехал на целинные земли в Казахстан. Через некоторое время они вернулись обратно в Болгарию, так как его супруге не понравилась жизнь на целине.

С.Р. Были ли у Вас в Университете другие потомки белоэмигрантов?

П.Ч. Да. На нашем курсе училась Мария Никаноровна Писарева, которая после третьего курса уехала вместе со своими родителями в Крым. Ее отец был агрономом и поселился в Симферополе. Маша закончила свою учебу в Киеве, вышла замуж за коллегу – гуцула из Западной Украины, с которым и уехала работать на Камчатку на золотые прииски. Она мне писала много писем, заманивая меня романтикой геологической работы в Сибири и на Дальнем Востоке. Но у меня была мать, и я не мог оставить ее одну с больным братом. Так что на нашем курсе было трое уже из второго поколения русских эмигрантов. Маша приезжала несколько раз в Болгарию, на каникулы. В 1971 г. мы встретились с ней в Софии. Она мне показала кусок самородного золота, который спрятав в материал, привезла через таможду.

Курсом старше учился Леонид (Леня) Ратиев, наследник обрусевших грузинских князей. Его отец в царское время был директором мебельного завода в Софии. После того как он вышел на пенсию, написал очень хорошую книгу о жизни русских эмигрантов в Болгарии. Леня закончил свою трудовую карьеру, став старшим научным сотрудником в Институте черной металлургии в Кремиковцах, близ Софии.

Леонид Ратиев. 1993 г.

На одном курсе с ним училась и Александра (Ася) Харьковская, которая родилась в одном селе в Старой Загоре, где ее отец работал врачом.

На курсе младше учился наш с Никитой «наставник» по геологии Святослав Иванович Петрусенко. После окончания университета Свет пошел на работу в Родопы, недалеко от города Чепеларе. Через некоторое время он поступил в Геологический институт при Академии наук, а оттуда перешел в Национальный природно-научный музей

в Софии, стал старшим научным сотрудником и работал вместе с академиком Иваном Костовым – нашим тогдашним кумиром с первых шагов в геологии.

Также на этом курсе училась и одна красивая девушка – Людмила Михайлова, эмигрантка уже по другой линии – ее отец был болгарин, эмигрантом в Советском Союз, который женился на русской – специалисте по офтальмологии. После 9 сентября 1944 г. ее отец со своей семьей вернулся в Болгарию. Здесь служил офицером в болгарской армии. Людмила Михайлова окончила Софийский университет в 1960 году. Всю жизнь она работала на предприятии по геологическому картированию в Софии – каждый год в разных районах Болгарии – и была одной из лучших полевых геологов того поколения. На два курса младше нас училась и потомок белогвардейцев второго поколения Ирина Лысенко. После окончания университета она поступила на работу в Геохимическую лабораторию Комитета геологии и работала в рентгеноструктурной лаборатории.

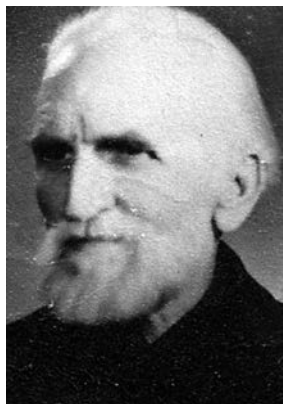
Собирая новые данные о русских геологах в Болгарии, я связался с геологом второго поколения **Зоей Дмитриевной Гольшевой** из г. Севлиево. Она и ее внук Траян Косташки очень сердечно приняли мою просьбу об информации и вспомнили, что в Севлиево жили семьи следующих белоэмигрантов: Бондаренко, Владимировы, Гольшевы, Дюбины, Ключсы, Леоновы, Майдановы, Миклашевские, Митины, Пастушковые, Сурьковы, Феодоровы, Чеботаревы, Чекурны, Шеверни, Шевченко, а в Габрове – Калмиковы, Караджи, Тикбиюки,

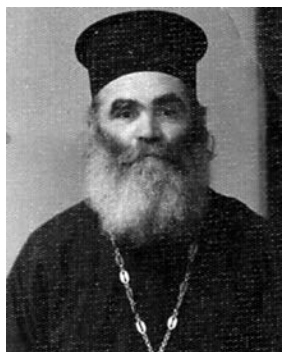
Зоя Д. Гольшева

Дмитрий Гольшев

**Илья Андреевич
Леонов**

**Константин Григо-
рьевич Федоров**

Таранцы, Пистовы, Барановские и др. Русский клуб в Габрово находился вблизи Шиварова моста, где каждую неделю они собирались, приятельски общались и помогали друг другу. Зоя Гольшева и Траян Косташки рассказали мне, что их отец и дед Дмитрий Федорович Гольшев (08.11.1898, г. Темрюк Екатеринодарского, ныне Краснодарского края, – 13.06.1950, Севлиево) был по происхождению донским казаком, сражавшимся против красных и уехавшим в Турцию. Позже он приехал в Болгарию и поселился в Севлиево, где женился на болгарке Анне Тотеовой Матеевой. Дмитрий Федорович работал машинным техником. Зоя Гольшева вспомнила и о других русских, живших в Севлиево. Среди них был Василий Васильевич Бубликов (10.04.1897, Беловский район – 1986, Габрово, Болгария), который из Турции тоже переехал в Севлиево, где женился на Цанке Ивановой Плевнелиевой. Через несколько лет семья Бубликовых переехала в соседний индустриальный город Габрово, где Василий тоже работал машинным техником. Среди друзей Гольшева были и два священника – Илья Андреевич Леонов (02.08.1895, ст. Вешенская Березовского района, Сталинградской (Волгоградской) области – 1983, с. Малык Выршец, Габровская область) и Константин Григорьевич Федоров (1894, Харьков – 1959, Пирея, Греция). Во время Гражданской войны Илья Андреевич был офицером. В Болгарии окончил богословское училище, после окончания которого служил священником в с. Малык Выршец Габровской области. У него было три сына и одна дочь, и он всегда был пре-

дан болгарской православной церкви. Константин Григорьевич родился в многодетной семье священника. Сам он окончил семинарию в Харькове, а в Гражданскую войну дослужился до чина полковника. Приехав в Болгарию, вначале учился в русской школе в г. Пещера, которая поддерживалась Русским Красным крестом, а после ее закрытия работал священником. В 1949 г. коммунисты хотели забрать его священнические одежды, чтобы оскорбить религию во время чествования Октябрьской революции. Он не смог перенести этого позора и перешел нелегально границу и поселился в Греции. Работал священником в Пырее, где и умер. Среди друзей Голышева был и Митин Прокопий Васильевич (1900, Кременчуг – 1960, Севлиево). Он происходил из многодетной дворянской семьи. Во время Гражданской войны, чтобы спасти своих сыновей, его отец послал 5 своих сыновей в пять разных европейских стран. Прокопий попал в Болгарию, в Плевен. Сначала занимался тем, что попадалось по рукам; позже его отец сумел послать ему немного денег и он открыл пивную. В ней собирались бедные люди, преимущественно из русских эмигрантов, но скоро деньги кончились, и пивную пришлось закрыть. В это время познакомился со Стефанкой из с. Хирево, под Севлиевом, с которой создал семью, жили они в Севлиево. Работал строителем. У них родились два сына – Василий и Георгий и много внуков. Знаком был и со Сергеем Григорьевичем Федоровым (1898, Курск – 1967, Севлиево). Во время Гражданской войны он работал санитаром в Белой армии, так как до этого учился на втором курсе медицинского факультета. Приехал в Болгарию в 1920 г. и продолжил свою учебу в университете в Софии (по всей вероятности, учился у проф. Янишевского), очень успешно закончил его и вернулся в Севлиево. Там основал Первую эпилептическую больницу, позже превратившаяся в Психоневрологическую больницу. После его смерти служащие захотели, чтобы их больница получила имя доктора Федорова, но им отказали в этом, так как он был белогвардейцем. Дружили и со Снегиревым Иваном Федоровичем (25.05.1899, ст. Чамлыкская

**Иван Федорович
Снегирев**

**Прокопий Васильевич
Митин**

Краснодарского края, под г. Армавиром – 12.03.1963, Габрово). Последний родился в многодетной казашкой семье, в которой Иван был самым младшим. Во время отступления армия Врангеля прошла через их станицу, и 18-летний Иван поступил ординарцем к одному офицеру. В Ростове-на-Дону заболел тифом. Больным его погрузили на корабль в Одессе и после многих перипетий он оказался в лагере Галлиполи в Турции. Уехал оттуда с группой эмигрантов и попал в Севлиево, а потом и в соседний Габрово, известный своей промышленностью. Здесь работал на фабриках Калпазанова и Момерина, а с 1946–1956 гг. – снабженцем на пороховой фабрике «Еловица». В 1928 г. женился на болгарке Надежде Петровой, вдовой с одной дочерью (Йорданка Иванова Снегирева – Даша), которую он удочерил и послал учиться в русские школы в Варне и в Софии, а позже и в Финансовую академию им. Д. Ценова в Свищове. Даша работала долгие годы учительницей русского языка и экономики в ТМЕТ «Д-р Н. Василиади» в Габрово. Сейчас ей 86 лет, живет она в Габрово. В 1956 г. Иван Федорович, вместе со семьей уехал на родину, встретился со братом Павлом и со сестрой Марией, посетил родную станицу Чамлыкскую. Вся семья осела в г. Армавире, где он работал заведующим товарным магазином, а его супруга – швеей. После выхода на пенсию он вернулся в Болгарию, где прожил 40 лет, которую считал своей второй родиной, и где умер.

С.Р. Были ли среди ваших университетских преподавателей русские?

П.Ч. Да, ассистентом по минералогии и кристаллографии тогда работала русская эмигрантка второго поколения Соня Барская. Она была руководителем нашей практики по минералогии на втором курсе в Родопах – от деревни Михалково, через вершины Персенка, мимо скальных мостов Эр кюприно (Чудные мосты), через деревню Забырдо до города Чепеларе. Из-за каких-то межличностных недоразумений

(она не была членом коммунистической партии), ее попросили покинуть университет, так как беспартийный человек не может воспитывать молодежь в духе интернационализма. Она перешла на работу в лабораторию при горном комбинате «Бухово».

В университете во время моей учебы была лаборатория макропалеонтологических изысканий Главного управления геологии. Если у меня возникали какие-либо вопросы, я заходил туда и спрашивал у работающих там специалистов. В этой лаборатории руководителем работала Наталия Димитрова (1929, Кемерово, Западная Сибирь – 9.03.1981, София). Она была из полурусских, родившихся от болгар. Ее отец после революционных сентябрьских событий 1923 г. эмигрировал в Советский Союз, где женился на русской. После 9.09.1944 вернулся в Болгарию вместе со своей семьей. Его дочь Наталья окончила в 1950 г. Софийский университет, работала в геолого-съемочной бригаде, а потом перешла в Палеонтологическую лабораторию. Позже поступила в Геологический институт при Болгарской академии наук. Там защитила кандидатскую диссертацию. Наталья Димитрова была одним из ведущих специалистов по изучению макрофауны нижнего мела Болгарии. Она автор многих научных статей,

Соня Барская

Наталия Димитрова

а также двух монографий – т. IVa – Нижний мел, Nautiloidea & Ammonoidea и IVб – Bivalvia & Gastropoda, многотомного издания Фосилий Болгарии. Умерла сравнительно молодой, не успев закончить свои научные труды.

С. Р. Где Вы работали после окончания университета? Были ли на Вашей работе потомки русских белоэмигрантов?

П.Ч. После окончания университета я по распределению два года работал на геологической съемке, там познакомился со своей будущей супругой Райной. Затем поступил в Геологический институт БАН, где работал до 2003 г., потом вышел на пенсию.

В 1970–72 гг. работал в Алжире, а с 1977 по 1979 г. – в Монголии. В Улан-Баторе живут монголы, которых называют «семеновцами». Они являются наследниками белых русских, которые после Гражданской войны под командованием атамана Семенова перешли в Монголию. Большинство из них осталось там и женилось на монголках. Их дети отличаются от других монголов своей внешностью.

Светлана П. Чернявская

В Геологическом институте работала старшим научным сотрудником доктор Светлана Павловна Чернявская (1930–2002) – специалист с мировым признанием по мезозойским и третичным спорам и полень. Я знал ее как очень хорошего специалиста, но она мало с кем дружила и умела выбирать себе знакомых. Мы стали близкими друзьями гораздо позже, когда она уже довольно хорошо меня узнала. Помню, осенью 1965 г. в Софии проводился съезд Карпато-Балканской геологической ассоциации. В то время иностранцы выступали с переводом на

болгарском языке – мало кто знал английский язык среди болгарских геологов. Выступала одна венгерка. С. Чернявская переводила ее на болгарский язык. Но английский язык этой венгерки был с таким венгерским акцентом, что трудно было вообще его понять. Светлана Павловна хорошо справилась с этим переводом. После выступления я ей сделал комплимент на счет отличного знания английского, но не знал, что она, оказывается, знает и венгерский! Помню, Светлана Павловна справляла свое 50-летие в Геологическом институте. Был большой светский прием. На нем присутствовала и ее дочь Светлана Величкова Николкова, которая окончила медицинский университет и работала психотерапевтом. Слышал, что она работает с большим успехом. Мне было интересно, как и на какие темы психотерапевт беседует с незнакомыми людьми. Я подошел к ней поближе и начал следить за ее разговором. Разговор был абсолютно не на профессиональные темы. Светлана Павловна, увидев, что я один, подошла ко мне и познакомила со своей дочерью. Через несколько дней мы со Светланой Павловной выехали в совместную командировку. Поехали на моей машине «Славчо» (так я называл свои Жигули). По дороге она рассказывала мне о своей семье, об их жизни в Сербии, которую она очень любила. Она рассказывала о своей матери-сербке, о своих друзьях из Белградского университета. Кстати, она часто ездила в Белград по приглашению своих коллег. Всегда, когда они собирались отметить какое-либо событие, они ее приглашали. Несмотря на то, что она жила в Болгарии, она оставалась сербкой! По дороге мы остановились на несколько часов в Берковице, где жила ее мать. Она нуждалась в ежеминутной медицинской заботе, а в Софии не было таких возможностей.

Мы хотели работать рядом с вершиной Врышка Чука, на самой болгаро-сербской границе, недалеко от г. Кула (северо-запад Болгарии). Прежде всего, нам необходимо было получить разрешение от пограничной заставы, поэтому мы отправились к пропускному пункту. Не доезжая до заставы, нас остановил один

пограничник и забрал наши паспорта. Он говорил что-то по телефону с начальником заставы и через некоторое время нам сообщил, что нам не разрешается работать в приграничном районе. Мы не стали спорить, так как не хотели быть арестованными. Причины, почему нам отказали в доступе к Врышке Чуке, мы так и не узнали. Я думал из-за моей бороды, а Светлана Павловна решила, что из-за ее паспорта – он был советским с разрешением пребывать в Болгарии. Может быть, она была права. Наши коллеги тронулись обратно в путь, а я никак не мог завести машину: видимо, аккумулятор сел! Пришлось Светлане Павловне толкать машину, чтобы та быстро завелась.

Мы вернулись в Видин, где был отряд пограничников, но мы не успели уже получить разрешение на работу, так как был вечер. Ночевали по дороге в г. Димово, в какой-то школе, которую переделали в гостиницу, при невероятно примитивной обстановке. Кстати, железную дорогу от Димово (раньше назывался Князь Александрово) до Видина была построена белогвардейцами – донскими казаками в 1923–1924 годах. Душа в гостинице не было, и утром мы мылись у фонтана во дворе. Светлана Павловна смотрела с интересом, как я буду мыть свою бороду. Днем мы доехали до Михайловграда (ныне Монтана) и работали около с. Николово. К нам присоединилась и доктор Ковачева, которая работала в одной комнате со Светланой Павловной. К вечеру наша группа разделилась на две и мы со Светланой Павловной и Дорой Ковачевой вернулись на моем «Славчо» в Софию. Была уже поздняя ночь, когда мы проехали через Петроханский перевал. Светлане Павловне понравилось, как я вожу машину и сказала, что она согласна платить мне, когда ее семье нужен будет шофер. Мало кто так ласково высказывался о моих водительских способностях!

Спустя некоторое время я начал геологические изыскания у Восточной Стара Планины. Естественно, я набрал много образцов для определения возраста пород, которые отдавал на обработку доктору Чернявской. Мы вместе по-новому изучили

геологию этой горы. Некоторые люди согласились с нашими заключениями, а другие и до сегодняшнего дня не согласны и спорят.

Светлана Павловна работала как лабораторный геолог, а я был полевым геологом. Начали оформлять свою работу для печати, но она захотела сама лично посмотреть на полевые работы. Опять на моей машине «Славчо» вместе с нашим коллегой и приятелем профессором Иво Сапуновым поехали в долину реки Лудой Камчии. Иво был сторонником противоположного мнения о геологии Восточной Стара Планина. К моему счастью, и Светлана Павловна, и Иво Сапунов согласились с моей точкой зрения. Это была последняя наша поездка в поле со Светланой Павловной. Далее вместе с французскими коллегами мы опубликовали нашу точку зрения.

Было очень интересно и полезно работать со Светланой Павловной. Позже, во время новых геологических работ, оказалось, что определения возраста пород, сделанные Чернявской, были абсолютно точными.

Кроме того, что она была прекрасным специалистом, она была и прекрасным человеком. Работая с ней, я получил огромное удовольствие.

Совместно мы опубликовали несколько научных статей, связанных с геологией Восточной Стара Планины.

Ее отец профессор Павел Иванович Чернявский (1892–1969) окончил университет в царской России, став ботаником, но во время Гражданской войны потерял свой диплом. Во время эвакуации через Грецию попал в Югославию. Ему пришлось вновь поступить на ботанический факультет Белградского университета, который он окончил и получил новый диплом. Его научные труды до сих пор цитируют исследователи из Сербии и Болгарии.

Он женился в Белграде на сербке, здесь родилась и его дочь Светлана.

В 1950-х гг. семью Чернявского, вместе с другими белоэмигрантами, хотевшими вернуться на Родину, выбросили из Юго-

славии, и они попали в Болгарию. Здесь Светлана Павловна окончила университет и вышла замуж за болгарина д-ра Величко Николкова.

Проф. Чернявский работал в Болгарии в Институте лесоводства БАН, а потом вернулся в Россию и продолжил свою лесоводческую работу в Волгограде. Был очень авторитетным человеком. Сотрудники его любили и уважали. Дочь рассказывала, что во время похорон невозможно было вырыть ему могилу, так как земля замерзла очень глубоко. Тогда его сотрудники взялись сами ночью копать могилу. Они разводили костры, чтобы земля понемножку согревалась и позволяла копать.

Его внучка мне рассказала другой случай, из которого тоже видно как его высоко ценили в Волгограде. У профессора Чернявского была аспирантка, фамилия которой была тоже Чернявской. Когда, после смерти проф. Чернявского, она узнала что в город приехала учиться его внучка Светлана Николкова, то сразу попросила Светлану Величковну встретиться с ней и выразить ей свое уважение к дедушке. Во время встречи она рассказала ей, каким большим человеком и специалистом он был. Сербы и сегодня ценят дело Павла Чернявского (они звали его Павле), а совсем недавно издали его научную биографию.

У Светланы Павловны Чернявской была аспирантка Полина Павлишина, которая сейчас работает доцентом в Софийском университете. Очень талантливый и перспективный ученый-микропалеонтолог. Она была моей студенткой – самая умная из всех студентов, которым я читал спецкурс по палеоэкологии. В настоящее время она продолжает мое дело и читает этот курс, дав ему очень современный облик. Все студенты хотят попасть на ее курс.

Отец Полины Всеволод Павлишин (1924–2009) родился в Югославии, в г. Княжевац. Его родители, оба русские, поселились там после Гражданской войны, но были экстрадированы из Югославии.

Всеволод (Вова) поступил в Политехнический университет в Софии. Стал хорошим инженером, сделав карьеру главно-

го инженера Фармацевтического завода в Разграде. Всеволод женился на болгарке и до конца своих дней прожил в Болгарии. Я его уговаривал написать об истории своей семьи. В последнее время, оставшись один после смерти супруги, он начал рассказывать мне о своей жизни в Югославии, как во время войны он боялся ночевать в доме и вместе с другими приятелями ночевал в кукурузных полях – боялись, что ночью, их могли застать дома и убить усташши.

Но, к сожалению, он не захотел написать биографию династии Павлишиных. Говорил мне, что это история, а история должна остаться в прошлом и мы должны жить только будущим.

Однажды поздним вечером его дочь Полина (Поли) позвонила мне по телефону и сказала, что ее отец чувствует себя плохо и пригласила меня к ним. Я пошел к ним, внизу стояла машина «Скорой помощи», необходимо было донести Павлишина до машины. Мы собрались несколько человек и, завернув его в одеяло, на руках донесли до машины. Через несколько дней его выписали из больницы – у него был инсульт.

Поли устроила его в частный дом для престарелых людей, находившийся в Княжево. Там он, несмотря на хороший уход, умер через месяц, в июне 2009 года.

Большим специалистом по изучению осадочных пород Болгарии была **Надежда Андреевна Гноевая** (12.09.1929, Прилеп, Македония – 20.02.1996, София). Ее дед был атаманом казачьих войск, у которого было 9 детей. После Гражданской войны дед со старшим сыном Андреем эвакуировался в Югославию

Всеволод Павлишин.
2009 г.

Надежда Андреевна
Гноевая. 1970 г.

и обосновался в г. Прилепе, Македония. Остальные 8 детей остались в России. Однажды мать собрала их и сказала им, что каждый сам должен пойти своим путем. Так они разъехались по разным частям СССР, а две из сестер сумели добраться до США, где и обосновались жить. Один сын стал офицером КГБ, второй стал известным металлургом, работавшим в Жданове, другой – профессором начертательной геометрии в Москве. Этот профессор, кстати, женился на вдове одного из близких сотрудников Сталина, которого тот заключил в ГУЛАГ.

Но вернемся к атаману и его старшему сыну. Мне неизвестно, каким путем они достигли Балканского полуострова. Может быть, будучи атаманом, он вместе с другими казаками остановился на острове Лемнос? Известно, что в 1922 г. они оба были уже в Прилепе. Будущая мать Нади Гноевой – Ольга, учительница, осталась в России и предприняла много усилий, чтобы ей разрешили поехать к своему любимому человеку, к Андрею Гноевому. В конце концов, сам Калинин (по другим источникам – сам Ленин) разрешил ей поехать к нему в Югославию. Она легально приехала в Прилеп в 1923 г. и вышла замуж за Андрея. Там, в Прилепе, у них родились сын и дочь – Надежда. Позже семья переехала в Белград, где Андрей работал инженером водоснабжения. Там родились еще два сына. Надежда Андреевна поступила на геологический факультет в Белградский университет, но после решения Коминтерна в 1948 году, Тито экстрадировал их вместе с другими русскими, не захотевшими принять югославское гражданство. Надя со своими родителями и со своими братьями приехала в Болгарию. Она продолжила свою учебу в Софийском университете, а ее брат Юра поступил в балетную труппу Федора Лобанова. В 1956 г. ее родители и братья вернулись в СССР. После долгих перипетий они обосновались в Днепропетровске, на Украине, на родине своих дедов. Корни их семьи вышли из деревни недалеко от г. Жданова (восточная Украина) на берегу Азовского моря. Они жили в СССР, но не поддерживали никаких связей со своими родственниками.

В Болгарии осталась только Надя, которая окончила университет в 1954 г. и сразу вышла замуж за проф. Бояна Алексиева, известного специалиста по литологии осадочных пород, открывателя цеолитовых минералов в Болгарии и большого специалиста по марганцевым рудам.

Надежда Гноевая поступила на работу в Комитет геологии в Софии и стала специалистом по изучению минералопетрографических особенностей осадочных пород Болгарии. Она изучала верхнемеловые сидеритовые конкреции месторождения Шешкинграда, района Сливена.

Большой вклад был внесен Н. Гноевой в изучение псаммитовых пород и конкреции Добруджанского карбонского угольного бассейна. Своими литологическими исследованиями она способствовала проведению корреляции угленосных слоев, их литофациальную характеристику и изучению каолиновых пород того же бассейна. Опубликовала свои исследования конгломератных галок в керне глубокой скважины Р-3 Ветрино в Варненской области, как минералого-петрографическую характеристику юрских седиментов глубоких скважин в районе города Тырговище, Северо-Восточной Болгарии. Особо велик ее вклад в изучение литологической характеристики триасовых пород из естественных обнажений Северо-Западной и частично в скважинах Северо-Восточной Болгарии.

Она работала много и по изучению горючих сланцев у с. Красавы, вблизи города Брезника, ЮЗ Болгарии, а также и вблизи с. Гурково, «Боровдол» /Старая планина/ и «Копринка», недалеко от города Казанлык.

Надя сделала много в разностороннем коллективном изучении геологической истории территории Северной Болгарии.

Надежда Гноевая – автор и соавтор более 20 работ по литологии и минералогии осадочных пород Болгарии как из поверхностных обнажений, так и из глубоких поисковых скважин.

В Геологическом институте БАН работала Александра Харковская.

Александра Харьковская. 2009 г.

Она родилась в 1935 г. в деревне близ г. Старой Загоры, где ее отец работал врачом. Закончив геологический факультет Софийского университета в 1958 г., поступила геологом в бригаду изысканий и геологической съемки. Стала научным сотрудником в Геологическом институте БАН, а, защитив кандидатскую, Харьковская, стала старшим научным сотрудником II степени. После защиты докторской диссертации ей присвоили звание доктора геолого-минералогических наук и старшего научного сотрудника I степени.

Алексей Бендерев. 2008 г.

Ася – выдающийся специалист по тектонике третичных образований. Автор более 90 научных публикаций.

Недолго в нефтяной лаборатории Геологического института работала геолог Нина Барановская. Позже она перешла на работу в Научный институт строительства.

В Геологическом институте, работает старший научный сотрудник д-р Алексей Бендерев (это уже следующее поколение белоэмигрантов). Он гидрогеолог и очень хороший и перспективный ученый. Алексей Бендерев является близким родственником

поручика Бендерова, одного из героев Сербско-Болгарской войны 1885 года. Позже, как русофила, его заставили эмигрировать в Россию, где взяли служить в армию. В конце своей ка-

рьеры он стал губернатором Дагестана. Во время Гражданской войны был представителем генерала Деникина в Болгарии.

Так сложились обстоятельства, что мы жили в одном доме с инженером Павлишиным и с симпатичной болгаркой Славеной Левченко, вдовой Георгия Игнатьевича Левченко. Последний был одним из руководителей транспортного предприятия СОМАТ и являлся последним прямым потомком династии Левченко в Болгарии.

Я хотел бы рассказать немного о династии Левченко. Основателем этой династии в Болгарии является Игнат Павлович Левченко (20.12.1897 – 04.01.1972, София).

Семья Левченко жила в одном из районов Киева.

Игнат Павлович записался добровольцем в Белую армию, воевал на территории Украины, после пребывания в лагере Галлиполи переехал в Болгарию. По его словам, семья в Киеве была большой, но он никогда не общался с ними, как и никогда и никому не рассказывал о них, даже своей супруге. По-видимому, для него, да и для многих других белоэмигрантов, поселившихся в Болгарии, жизнь в России до революции и Гражданской войны была тем периодом, о котором они не любили вспоминать. Тем более, для советских родственников было опасно поддерживать связь с эмигрантом! Живя в России, он не успел освоить никакой профессии, так как еще совсем юным поступил на службу в армию. В Софии начал работать на кирпичной фабрике. В наше время на ее месте расположен Южный парк Софии. В 1933 г. женился на болгарке Пенке Крыстевой (1901–1991).

Многие из его русских друзей также работали на кирпичной фабрике, с ними он и поддерживал контакты. Общение, как с русскими, так и с болгарками отразилось на его лексике. У него был своеобразный словарь – смесь русских и болгарских слов, но это не мешало ему хорошо понимать своих собеседников.

Тесть Игната Павловича уехал на работу фермером в южную часть России еще в 1910 году. В то время многие мужчины уезжали на заработки в Россию либо в Венгрию. В Болгарии у него

была супруга и трое детей, самая младшая из которых – Пенка. На Украине у него была другая семья, там росли 2 дочери.

В 1917 г. жена в Болгарии заболела, и ее родственники позвали его проститься с ней. Он успел приехать в Болгарию и, получив от нее прощение, взял с собой на Украину двух старших детей – сына и дочь, которые уже были взрослыми и могли помогать ему по работе. Самую младшую дочку – Пенку, он оставил у дальних родственников. В 1919 г. Пенка покинула свою родную деревню Плаково Великотырновского округа и переселилась в Софию. Эта деревня у подножия Балкан была маленькой, но очень красивой.

В апреле 1925 г. в Софии коммунистами-экстремистами было совершено покушение на болгарского царя Бориса III – взрыв кафедральной церкви Св. Крал (Св. Неделя). Пенка была поблизости и чуть не погибла. Шок, который она испытала, остался на всю жизнь.

В начале 30-х гг. XX в. в Софии Пенка встретила русского белоэмигранта Игнатия Левченко. Девушка была красивой и имела успех у молодых людей. Один из ее ухажеров даже пытался застрелить ее за то, что она не ответила ему взаимностью и вышла замуж за Игнатия Левченко. В 1935 г. у них родился сын Георгий.

Георгий И. Левченко

После 2 Мировой войны, в 1960 г. брат из России послал Пенке приглашение посетить их. Он жил со своей семьей в хуторе Чебачи, недалеко от Ростова-на-Дону. Более сорока лет они не видели друг друга. В одном из писем брату Пенка послала ему болгарский платочек как опознавательный знак. Приехав на вокзал, она повязала и себе такой же платок.

Люди, которые ехали в этом же поезде, да и проводница также помогли встретиться им и узнать друг друга.

Спустя несколько лет последовало новое приглашение, и Пенка отправилась вновь в гости, но на этот раз взяла с собой и своего 10-летнего внука Игнатчо. В это время к иностранным гостям власти относились с осторожностью, поэтому Пенка со внуком не имела права покидать территорию хутора – по приезде об этом их предупредил милиционер.

Но, как все дети в этом возрасте, маленький Игнатчо не мог усидеть на одном месте... да к тому же недалеко и речка протекала. Конечно, никому не сказав, вечером, тайком от взрослых, Игнатчо сел в одну из лодок, и отправился путешествовать. Он очень любил заниматься водными видами спорта. Естественно поднялась большая суматоха. Во-первых, справится ли десятилетний мальчик с лодкой, во-вторых, он нарушил запрет местных властей!

К счастью, все обошлось. Игнатчо вернулся живым и здоровым, а происшествие осталось неизвестно начальству.

Пенка умерла в канун 1 мая 1990 г. в возрасте 89 лет. Ее похоронили на Боянском кладбище, в могиле мужа.

Георги, сын Игната Левченко и Пенки Крыстевой, родился в Софии 18 мая 1935 года. Для него родным языком уже стал болгарский, так как возможности выучить хорошо русский язык в местной школе не было. И для Георгия это был совсем чужой, иностранный язык.

Славена Левченко (слева в светлом) и Райна Чумаченко. 2011 г.

Георги (или, как его звали все друзья, Жоро) интересовался двигателями внутреннего сгорания. Долгое время он проработал на Заводе-12 – военный завод, где делали и ремонтировали двигатели внутреннего сгорания. Позже он перешел на Предприятие международных автомобильных перевозок, где руководил службой безопасности транспорта. На этом предприятии он познакомился со своей будущей супругой. Как и отец, он женился на болгарке. У Жоры было одно очень полезное для того времени хобби – столяр-краснодеревщик. В конце 70-х гг. в софийских магазинах было трудно найти какую-либо мебель. И он для своего нового дома в Красном селе сделал отличную и удобную мебель.

Жора Левченко умер 5 мая 1988 г., в канун дня своего ангела. Похоронили его тоже на Боянском кладбище.

Его супруга Славена родилась 15 апреля 1937 г. в Бояне, квартал Софии. Знакомство ее матери и отца произошло на базаре, когда Иванка возвращалась с покупками домой: ее просто украли и, загрузив в фаэтон, увезли.

Славена окончила специальную школу по подготовке воспитателей в детские сады. Но, к сожалению, ей не пришлось работать по специальности, так как распределили ее далеко от дома, а бросить отца она не могла.

Игнат Г. Левченко

В течение 14 лет Славена работала планшетисткой на военной авиабазе, близ Софии – очень секретная работа. Чтобы поддерживать профессиональный и политический уровень, на авиабазе проводились разные политические и профессиональные курсы. Все время нужно было учиться! После 14 лет упорной работы она не выдержала нагрузки и перешла работать на предприятие международных автомобильных перевозкам,

где и осталась и до пенсии. В это время Болгария была на одном из первых мест в Европе по автомобильным перевозкам.

У Славены и Георгия 23 ноября 1958 г. в Софии, родился сын Игнат. Он окончил школу с углубленным изучением английского языка. Стал техником по холодильным установкам, работал на том же предприятии по международным перевозкам. Специализировался по грузовикам с хлад установками. Был приглашен посетить филиал предприятия в Иране.

Его хобби были экстремальные виды спорта. Летом он уезжал в окрестности Созополя, чтобы попрыгать в море со скал. Зимой катался на горных лыжах в горах.

Он трагически погиб 8 июня 1982 г., возвращаясь с прогулки на побережье Каспийского моря: пьяный иранский шофер сбил его насмерть машиной. Так скончался самый молодой член болгарской династии Левченко.

Жизнь семьи белогвардейца Игнатия Левченко – пример того, как жили молодые русские эмигранты в Болгарии, которая, вопреки всем языковым барьерам, приняла их радушно. Среди болгарок они находили жен, создавали семьи и становились настоящими болгарами, продолжая жить вдали от Родины. С другой стороны, семья Левченко – редкий пример, того, как в одной семье пересекались эмигрантские и иммигрантские потоки. В направлении из России – Игнат Левченко, который навсегда остался в Болгарии и в направлении к России – тесть, отец его супруги, который уехал в Россию искать свой хлеб насущный, создал там свою новую семью и остался.

В последние годы очень известен в Болгарии стал инженер Никита Шервашидзе, потомок обрусевших грузин, директор «Энергопроекта», дважды министр энергетики Болгарии. Он умер в 2009 году.

В болгарской геологии есть и другие русские имена, среди которых необходимо отметить А. Янышевского, Р. Берегова – представители старшего поколения. Есть и те, с которыми я не был знаком. Много болгар-геологов учились в разных университетах

бывшего Советского Союза, например, Х. Хрисчев, Д. Моллов, вклад которых в болгарскую геологию очень важен и неоценим.

С.Р. Были ли среди ваших коллег русские, которые приехали из бывшего Советского Союза?

П.Ч. Еще в начале 60-х гг. XX в. в Геологический институт начал поступать на работу совершенно другой тип русских эмигрантов – супруги болгар, получивших образование в Союзе. Так, болгарский минералог Георги Терзиев вернулся в Болгарию с русской женой Тамарой Хысиной. К сожалению, они погибли в Индии, где Жоро Терзиев работал специалистом по линии ООН.

Другим русским представителем болгарской геологии была Марина Вавилова (1935–1997), с которой мы много работали по исследованию юрского керна глубоких нефтяных скважин северо-восточной Болгарии.

Она родилась в Ленинграде, окончила нефтяной институт, вышла замуж за своего болгарского коллегу Любо Брюкнера и обосновалась в Варне. Марина являлась родственницей известного советского биолога Н.И. Вавилова.

Надо заметить, что болгарские женщины встречали «в штыхы» это поколение русских эмигранток. С большим пренебрежением говорили, что русские женщины плохие домохозяйки. Конечно, ведь красивые русские девушки «забирали» себе самых интересных молодых мужчин! Что делать, женская ревность...

В настоящее время русских невесток принимают в болгарском дамском обществе куда лучше. Болгарские же мужчины относились и продолжают относиться хорошо и с любовью к своим русским супругам.

Хотелось бы рассказать историю моего друга доктора Василя Златарского – это мой коллега, большой специалист по современным кораллам. Сначала он был женат на болгарке. Она была его большой студенческой любовью. Потом уехал работать на Кубу, где встретил русскую девушку Ольгу. Он женился на ней и позже эмигрировал в Мексику. Через некоторое время

переехал в США, уже вышел на пенсию и до сих пор они живут там. Василь часто рассказывал, что Ольга несколько раз спасала ему жизнь. Да и относилась всегда с заботой и любовью к нему. Ольга, после того как вышла на пенсию, с большим успехом начала писать православные иконы.

Но В. Златарский не потерял интерес и к культурной жизни Болгарии. Вместе с женой одного его соученика я покупаю для него книги и отправляю в США. Так я познакомился с Гинкой Степановой.

Это семья, о которой не могу не написать несколько строк. Гинка, оказывается, была замужем за сыном русского белоэмигранта – Евгения Степанова.

Родоначалником этой семьи в Болгарии является Григорий Ферапонтович Степанов. История его жизни в Болгарии началась следующим образом. Его будущая супруга Елена была польского происхождения и на тот период уже помолвлена с одним молодым человеком. Перед свадьбой она не могла найти себе обувь и поэтому поехала искать ее в Германию. В это время вспыхнула 1 Мировая война и границы закрылись. Вернуться обратно в Польшу она не смогла. Каким-то путем попала в Финляндию (тогда территория Россий-

Григорий Ферапонтович Степанов. 1917 г.

Елена Степанова. 1953 г.

Гинка Степанова. 2010 г.

Евгений Степанов и его внучка

ской империи). В поезде познакомилась с одним русским – Григорием Ферапонтовичем Степановым, комендантом поезда. Пересаживаясь из поезда в поезд, они, в конце концов, оказались в Евпатории, в Крыму. Там у них родилась дочь. Будучи офицером Белой армии, Степанов эвакуировался в Турцию и через Галлиполийский лагерь переехал с семьей в Болгарию. В 1935 г. родился их сын Евгений, который учился в школе вместе с моим другом В. Златарским. Во время бомбежек над Софией в 1944 г. семья Степановых эвакуировалась в деревню Тас-тепе близ г. Карнобата. Елена Степанова умела делать все, даже принимала роды у местных женщин. После 9.09.1944 г. они вернулись в Софию, Григорий умер, а Елена приняла польское гражданство. Их дочь вышла замуж за донского казака Балибина (который до того был женат на болгарке), жили они в Бургасе. В 1941 г. у них родился сын Григорий. Балибин, он вместе с братом Григория Степанова обосновался в Русском корпусе, который находился в Югославии. Балибин больше не возвращался в Болгарию, после окончания военных действий переехал в США, а брат Григория Степанова вернулся из Югославии в Болгарию, женился на болгарке-коммунистке и, чтобы избежать репрессий, изменил фамилию на Стефанов. Сын Григория Стефанова Евгений женился на болгарке Гинке и уже с болгарской примесью продолжил род Степановых.

Таким образом, я познакомился с последними членами династии Степановых в Болгарии.

У моего отца сохранилась одна фотография 1923 г., на которой изображено много русских, в том числе и батюшка

Рождественский. Я нашел в телефонном указателе Софии фамилию Рождественский и позвонил 2 июля 2010 года. К телефону подошел Георгий А. Рождественский. Оказалось, что он не имеет ничего общего с тем Рождественским, который изображен на фото.

Но он все же вкратце рассказал мне о судьбе семьи. Георгий А. Рождественский родился в 1930 г. в болгарском городе Червен Бряг. Его отец, после Галлиполийского лагеря, поселился в городе Червен Бряг и женился на болгарке, работал официантом. Георгий получил высшее образование в СССР.

Его отцу в свое время очень повезло получить советский паспорт. Это событие совпало с днем капитуляции Японии – 2 сентября 1945 года.

По словам Георгия, болгарское население очень радушно встречало Красную Армию в сентябре 1944 года. Для всех это было большим праздником. Среди советских офицеров Рождественский узнал одного своего одноклассника, который уже был в чине полковника. Их встреча продолжилась уже дома, где они предавались воспоминаниям до поздней ночи.

Георгий Рождественский упомянул, что в г. Червен Бряг жило около 20 русских. У них был свой Русский клуб, где они часто собирались.

В последнее десятилетие, в районе, где я живу, часто читаю упоминания о Татьяне Филипповне Куценко (01.01.1905, Россия – 16.05.2002, София). Они написаны с большой любовью семьей Галины – Петко, Димитром и Татьяной Петковыми. Наверняка это уже новое поколение потомков бабушки Татьяны.

С.Р. Что такое «русский эмигрант» в Болгарии?

П.Ч. После 1944 г. в Болгарии появились так называемые «смишанные семьи», – они и образовали новое поколение русских эмигрантов – эмигранты по любви!

Возникает вопрос: что такое русский эмигрант в Болгарии? Некоторые считают эмигрантами тех, кто не по своей воле по-

пал в Болгарию, то есть эмигрантами могут считать себя только белоэмигранты.

Но мне кажется, что эмигранты – это все люди, покинувшие свою родину по разным причинам и в разное время. Для уточнения можно пользоваться и эпитетами «политические», «экономические» и т. д. эмигранты, но все они являются эмигрантами.

С.Р. Знаете ли вы, какие были отношения между русскими, которые обосновались в Болгарии?

П.Ч. Говорят, что «где один русский, там талант, там гений; где двое – там обессиливающий обоих спор; где много русских – общественный скандал». В молодости я мало общался с другими русскими, но думаю, что отношения между ними были самые разные. У обитателей Русского инвалидного дома близ села Княжево отношения были преимущественно добрососедские. Но были и те, кто так и не смог вжиться в сплоченную общность, как, к примеру, турки или евреи в Болгарии.

Например, князь Ратиев в своих мемуарах рассказывает только о жизни некоего узкого круга белоэмигрантов, которые жили недалеко от него и с которыми он поддерживал экономические связи. И практически ничего не пишет о жизни белоэмигрантов, живших в Русском инвалидном доме! Как будто они жили где-то в другом городе, на другой планете.

Вспомнил один случай. Однажды я ехал в поезде. В нашем купе было мало народа – я да одна симпатичная женщина моего возраста. Так слово за слово, как часто это бывает в поездах, мы разговорились. Она поняла, что я русского происхождения и начала рассказывать свою историю. Она родом из какой-то деревни. Мать ее родила в 30-е годы. В роддоме, где она лежала, познакомилась с болгаркой. Болгарка родила одновременно с ней тоже девочку, которая умерла в роддоме. Тогда эта русская попросила болгарку поменять дочерей. Себе она взяла умершую девочку. Она, оказывается, убежала из дома, так как боялась за свою жизнь и за жизнь будущего ребенка. Через несколько дней

русскую женщину нашли убитой в доме. Как и при каких условиях это случилось – неизвестно, вероятно, ее убили русские из другого «лагеря».

Так болгарка вырастила маленькую девочку как свою дочь и рассказала ей обо всем, когда та стала взрослой. Этой девочкой и была моя попутчица. Чтобы ей стало легче, она рассказала это мне, а не своему мужу и детям!

Из этой истории видно, что отношения между русскими были как во времена Гражданской войны – воевали одни против других.

С.Р. Есть ли у Вас знакомые болгары, которые писали воспоминания о русских в Болгарии?

П.Ч. Нет, таких знакомых у меня нет. Но когда мои соседи узнали, что я интересуюсь историей белой эмиграции, то одна моя знакомая по утренним прогулкам с собаками – Эвелина Божкова предложила мне переписать воспоминания ее деда Диньо Божкова, в которых имелась информация о русских.

Сам он был преподавателем русского языка, закончил духовную академию в Казани в конце XIX века. В России он познакомился со священником, проповедником и писателем Григорием Спиридоновичем Петровым, впоследствии став его последователем и другом. Вернувшись в Болгарию, он перевел и издал все его книги.

Д. Божков закончил семинарию в Самокове, Болгария, и духовную академию в Казани. Он пишет в воспоминаниях: *«В семинарии нам давали знания о вере, о людях–профетах, апостолах, об Иисусе, Мохаммеде, Моисее. В академии дополнили эти знания. Но ни семинария, ни академия мне не укрепили моей веры, наоборот, они убили во мне даже ту веру, которую я взял у своих родителей. Все это было схоластично и не затрагивало ни одной струны души. Случайно прочел в конце 1898/1899 годов одну книгу Григория Петрова – “К свету”. II книги Петрова мне дали свет, открыли новые горизонты, осветили мою собственную жизнь. Я понял, зачем я живу и зачем я должен жить. Имя Григория Петрова в то время несло из уст в уста по всей России».*

Григорий Петров

В конце Гражданской войны Григорий Петров был у себя на даче в Крыму и работал дома, когда ему сообщили, что большевики наступают и опасность грозит всем интеллигентам. Наспех, без денег, он успел подняться на один из последних уходивших пароходов и прибыл со всеми беженцами в Галлиполи. А его сын, офицер в армии Деникина, погиб.

В Галлиполи он несколько месяцев служил рядовым солдатом, после чего переселился в Триест. Здесь его разыскали сербские эмиссары и пригласили в Сербию на работу в Белградский университет.

Одновременно и Д. Божков сделал ему приглашение приехать в Софию. Но предложенная сербами зарплата была в пять раз выше болгарской. Естественно, Петров остался в Белграде.

Д. Божков перевел и издал в Болгарии все труды Петрова и выслал ему авторские гонорары. В Болгарии, в середине 20-х гг., интеллигенция полюбила Григория Спиридоновича Петрова: повсюду продавались его книги. К примеру, его роман «Финляндия, страна белых лилий» переиздавался в Болгарии 14 раз!

По словам Д. Божкова, Григорий Петров родился 26 января (6 февраля) 1866 г. в Ямбурге, под Петроградом и умер 18 июня 1925 г в Париже.

Диньо Божков состоял в переписке и с автором исторических романов Дмитрием Сергеевичем Мережковским (02(14).08.1865, Санкт-Петербург – 09.12.1941, Париж).

Их знакомство переросло в дружбу, так как в конце гражданской войны Дмитрий Сергеевич приехал в Париж. Д. Божков перевел на болгарский язык его исторический роман

«Наполеон», в котором, по словам Божкова, Мережковский сделал такие исторические исследования личности Наполеона, какие в свое время никто из французских писателей не делал. Этот роман был издан и Божков переслал ему гонорар. За этот благородный поступок Мережковский уполномочил его быть ответственным за сохранение авторских прав в Болгарии.

Д.С. Мережковский

Высоко ценил Божков и роман Мережковского «Атлантида–Европа». Он написал, что «это не роман, а научный труд, в котором имеются цитаты более 2 300 авторов, начиная с Платона и кончая современными авторами».

Но самое главное в этом романе – то, что судьба Атлантиды постигнет и Европу – но она утонет не в водах, а в крови Второй мировой войны – так и случилось.

В своих воспоминаниях Д. Божков рассказывал и о Василии Ивановиче Немировиче-Данченко, который был военным корреспондентом во время Русско-турецкой войны и написал о ней несколько книг.

Также упомянут Федор Федорович Раскольников – советский посол в Болгарии. Он не вернулся в Советский Союз, а уехал во Францию, предвидя скорый арест и расстрел. Оттуда писал письма, в которых обличал репрессивную сталинскую политику.

С.Р. Платон, были ли у Вас попытки получить советское подданство?

П.Ч. Нет, ни я, ни мой брат не делали таких попыток, несмотря на то, что среди русских в то время было стремление получить советское гражданство. По-моему, некоторые из них искренне

хотели стать советскими подданными и вернуться на Родину. У многих это получилось. Другие, преимущественно молодые мужчины (эмигранты второго поколения), приняли Советское гражданство, чтобы не попасть в болгарскую армию (в то время в армии служили 3-4 года – очень много потерянного времени!). Я уважаю энтузиазм русских, проживавших в Югославии. Многие из них не согласились взять югославское гражданство и из-за этого были высланы в Болгарию, Венгрию и т. д. Через несколько лет жизни в Болгарии, некоторые продолжили свои эмигрантские странствия и уехали в Союз (как проф. П. Чернявский).

У других жизнь пошла по иному руслу – молодые эмигранты второго поколения встретили в Болгарии своих «половинок» (например, Светлана Чернявская или Надя Гноевая), вышли замуж за болгарских парней, создали свои семьи.

Но из-за ностальгии по Родине большинство русских приняли советское гражданство.

Во время работы над текстом мой друг и коллега Святослав Петрусенко связался с людьми из г. Чепеларе, в Родопских горах, недалеко от г. Пловдива, где, оказывается, тоже жили русские. Константин Глушков постарался собрать информацию о русских, живших и работавших в Чепеларе. Мы ему очень благодарны за это. Вот что написал он о русских белогвардейцев из Чепеларе.

1. Петр Андронович Желтушкин. Родился в июле 1900 г. в деревне Джиново вблизи г. Новочеркаска. Приехал в Болгарию вместе с армией Колчака (?). Работал чернорабочим в деревнях вокруг Пловдива, после чего переехал в Чепеларе, где и женился на болгарке, с которой имел 3 сыновей. Петр Желтушкин с тех пор жил и работал в Чепеларе, где и скончался 15.09.1992.

2. Борис Давыдов. Женился на чепеларке, они имели двух сыновей. В 1944 г. эмигрировал в США. Оттуда он поддерживал связь со своей семьей, но никогда больше не вернулся в Чепеларе. Скончался в США.

3. Константин Петрович Домашенко. Служил артиллеристом в армии ген. Врангеля. Приехал в Болгарию через Константинополь. Женился на болгарке, с которой имел 4 детей. Работал в лесном хозяйстве г. Чепеларе, где и скончался.

4. Василий Герасимов – женился на местной уроженке. Скончался в Чепеларе.

5. Константин Воронежский. Осел в Чепеларе вместе со своей русской супругой. У них две дочери, которые окончили среднюю школу в Чепеларе, после чего поступили в ВУЗ в Софии. Семья уехала из Чепеларе в 50-е годы.

6. Михаил Авдеев Жарков. Родился 12.01.1886 на станции Казанской, хутор Свидовского, Верхнедонская обл.

7. Татьяна и Михаил ... (?) из Екатеринославля (ныне Днепропетровск, Украина). Некоторое время жили в Чепеларе.

8. Священник Борис Ермаков. Служил в деревне Левочево, а после этого – в с. Стойките, где и скончался в 1982 году.

9. Павел Голубятников. Жил и работал некоторое время со своей семьей в Чепеларе, после чего уехал неизвестно куда.

В деревне Гела служил протоиерей Семен Васильевич Гармашов (1888, Россия – 23.07.1943, с. Гела Смолянской обл.). Во время Гражданской войны был военным фельдшером. В Болгарии стал священником. Кроме села Гела, он обслуживал и деревню Триград. В церкви с. Гела он организовал хор, в котором с радостью участвовала местная молодёжь. О нем Ф. Марински написал рассказ «Изгнанник».

С.Р. Платон, что Вы можете в заключение сказать о Ваших воспоминаниях, о знакомых белоэмигрантах, живших или работавших рядом с Вами?

П.Ч. Тяжелой была жизнь русских белоэмигрантов. Доктор Охотин рассказывал однажды, что в 20-е гг. XX ве., маленькая группа эмигрантов собиралась в корчме, где они питались. В этой корчме делали салат из репы. Салат был бесплатным. Некоторые из русских питались весь день только этим салатом. В конце кон-

цов, корчмарь начал убирать со стола этот салат, когда видел, что русские входят в его корчму – он не имел возможности кормить их без денег.

В. Лавров писал: «Русский эмигрант – чаще всего и принц, и нищий в одном переплете». В Болгарии они селились повсюду, где могли найти возможность жить и питаться. Мой друг Дмитрий Тронков мне рассказывал, что несколько человек из русских начали работать в охране медных рудников во Врачанской Старой планине, так как среди эмигрантов значительная часть была военными. В день полочки эти охранники, одетые в свои военные плащи, спускались вниз в город Враца и как принцы, покупали подарки своим женам. Все болгарки завидовали тому, что русские мужья относились к своим женам как к богиням!

С.Р. Платон Васильевич, что Вы думаете о «волне русской эмиграции» в Болгарии?

П.Ч. Прежде всего, хотел бы объяснить, почему ставлю «русские эмиграционные волны» в кавычки. Обычно под «русскими» в Болгарии (и не только в Болгарии) в прошлом подразумевались все выходцы из Российской империи, а после Второй мировой войны – все выходцы из Советского Союза, несмотря на то, что среди них было много грузин, калмыков и т. д. На территории Болгарии обширно присутствовал Юг России.

Обычно считается, что первая эмигрантская волна состояла из эмигрантов, приехавших в Болгарию во время Первой мировой (или, как ее звали в Болгарии, европейской войны), а также после гражданской войны. Но, как правильно указано в книге «Русское зарубежье» (2010), до этого времени была и другая – так называемая «религиозная волна», когда на территорию нынешней Болгарии, еще во времена Петра Великого приехали и заселились старообрядцы.

Также мало кто знает, что русские эмигранты были и в период средних веков. Хочу сообщить некоторые сведения о них.

Об этих людях ничего не пишут в школьных учебниках для болгарских школ, а найти более подробную информацию мож-

но только в книгах об истории болгарского народа во времена средневековья. Например, в книге П. Мутафчиева «История на българския народ» (1992), или же в трудах В.Н. Златарского и в некоторых других научных источниках такого же уровня.

После покорения монголо-татарами Черниговского княжества в 1239 г. много черниговских воинов во главе с князем Ростиславом Михайловичем покинули пределы княжества и поехали искать свое счастье на запад, к венграм (мадьярам).

Ростислав Михайлович был сыном черниговского князя Михаила Всеволодовича.

Венгры (мадьяры) его встретили очень тепло. Они остались там жить. Ростислав женился на дочери мадьярского короля Бела IV и став мадьярским наместником, получил в управление области Мачвы (между реками Сава и Нижняя Дрина). Позже мадьяры овладели областью около Белграда и Браничево, которую присоединили к землям, и которыми управлял Ростислав.

Князь Ростислав отдал свою дочь Марию замуж за болгарского царя Михаила Асена (1246–1256). В 1255 г. болгарский царь Михаил Асен проиграл войну, которую вел с Никейской империей. От имени болгарского тырновского царя мирный договор между Болгарией и Никейской империей подписал князь Ростислав. Через несколько месяцев после подписания мирного договора с никейцами царь Михаил Асен был убит своим двоюродным братом Коломаном II, который женился на Марии, супруге Михаила Асена и дочери князя Ростислава.

Сам Ростислав хотел воцариться в Тырново, но не получил поддержки болгарских бояр и отказался от этого. Он забрал обратно свою дочь, вдову Михаила Асена и Коломана II, и вернулся обратно.

Но, как пишет П. Мутафчиев, «его поход на Тырново не прошел бесследно для Болгарии. На обратном пути русский князь оккупировал остатки свободных северо-западных болгарских земель, по всей вероятности, вместе с городом Видин. И принял титул “царь болгарский” (imperator Bulgariae)».

Так, по сути, русский эмигрант стал в 1256 г. болгарским царем.

После царствования Каломана II в Болгарии начались междоусобные войны, в итоге которых на болгарском престоле воцарился Константин Ассен (1257–1277). Он провел несколько неудачных войн с византийцами. По словам П. Мутафчиева (с. 324), «они наступали и на землях вокруг Софии и Западной Старой планины». Там наместником тырновского царя, носившего титула деспота, правил боярин Яков Святослав. Он был одним из тех русских князей, которых татарское нашествие выгнало с родных земель и принудило искать новое отечество в чужой стране.

Приехав в Болгарию, по всей вероятности, очень молодым, он достиг видного положения, а после воцарения Константина Асена породнился с ним, получив в жены внучку Ивана Асена II.

К сожалению, Константин Асен не смог прийти на помощь, потому Яков Святослав обратился за помощью к мадьярам. Они с готовностью отозвались на его просьбу и помогли ему отбросить византийцев.

После этого Яков Святослав был вынужден стать политической главой мадьяр, а его земли вышли из состава болгарского государства. Чтобы привязать его к себе и противопоставить Константину Ассену, мадьяры отдали ему во владение Видинскую область. Они подбили его, по примеру его предшественника Ростислава, который незадолго до того умер, взять титул «болгарского царя (*Imperator Bulgariae*)» (1266–1272).

Таким образом, в те времена создалось второе болгарское государство. Первое Тырновское, во главе с Константином Ассеном, и второе Западное, во главе с Яковом Святославом. Во владения последнего, кроме Видинской области, входили земли вокруг городов Ниша, Пирота и Трына, а возможно, и Средеца.

Неизвестно, какой город был столицей Святослава. Но так как спустя 20 лет Видин уже являлся столицей отдельного княжества, можно с уверенностью допустить, что это крепкий город представлял собою политический центр северо-западных болгарских земель».

В одной статье в Интернете «Болгаро-венгерская граница-2» о Святославе написано, что он являлся «русским авантюристом знатного происхождения».

Итак, в болгарской истории в средние века (XIII век) правили два царя русского происхождения, которые были эмигрантами. Они получили международное признание, ибо о них имеются записи не только в венгерских документах, но и в Погановском и в Боянском упоминаниях – книгах списков для поминовения усопших в церкви.

По всей вероятности, они и их свиты представляли первых русских эмигрантов в Болгарии, первую русскую эмигрантскую волну.

Вторая волна – волна староверов.

Третья волна – «белая волна».

Четвертая волна – русские, приехавшие в Болгарию вместе с болгарскими политэмигрантами.

И последняя волна – это супружеские пары, смешанные браки, члены которые учились или работали в Советском Союзе, либо в Российской Федерации.

Внутри этих больших волн были так называемые «эмигрантские импульсы», часто в литературе описываемые как самостоятельные волны.

Например, среди белой волны, выделяются примерно три. Волны зависели от времени прибытия и от теплоходов, которые перевозили эмигрантов.

Среди этих больших эмигрантских волн имелись и отдельные случаи, которые можно отнести к промежуточным волнам.

Часть русских осталась в Болгарии после Русско-турецкой войны 1877–78 годов. Из такой семьи происходит один из премьер-министров Болгарии до переворота 09.09.1944 – Константин Муравиев.

Другая личность из такой семьи – Антон Прудкин (украинец по происхождению) – известный болгарский морской капитан, который был в свое время и градоначальником Софии. Но из-за

Фрагмент надгробной плиты Михайло Драгоманова на Софийском католическом кладбище. Фото 2010 г.

своей революционной деятельности, а также из-за участия в нескольких терактах, он получил четыре смертельных приговора. Последний из них был исполнен 01.08.1942.

Почти во всех промежуточных волнах были русские-одиночки.

Таким, например, был и известный ученый историк, этнограф, профессор Михайло Драгоманов (на деле украинец по национальности).

Такая периодизация весьма условна, так как дает только беглое представление о сложном процессе эмиграции «русских» в Болгарию на протяжении многих веков истории Болгарии.

С.Р. И все-таки, как чувствуют себя эмигранты разных поколений в Болгарии?

П.Ч. Когда белоэмигранты обосновывались в Болгарии, они и их дети старались приобщиться к жизни и к традициям болгар.

Это было естественно, потому что многие из них были женаты на болгарках, а те, которые являлись уже вторым поколением, родились в Болгарии.

Одним из путей приобщения было удаление из фамилий суффиксов – «ий» – для мужского рода и «ая» – для женского рода. Так, например, фамилия Чернявский (или Чернявский) превратилось в Чернявски – в мужском роде, а Чернявская – в Чернявска; или, например, фамилия Муравник превратилась в Муравиев (большой болгарский политик русского происхождения, последний премьер-министр с 2.09 по 9.09.1944 г., который обя-

вил о выходе Болгарии из союзников Германии и о вступлении ее в войну с последней). Также двойные фамильные имена, как Лобанов-Ростовский, превратились в Лобанов, тем более что по тогдашним болгарским законам двойные фамилии были запрещены. Официальное (по паспорту) имя князя Никиты Лобанова-Ростовского было, да и сейчас есть только Никита Лобанов, а его первая супруга по паспорту – Нина Лобанова-Ростовская.

Эмигранты первого поколения чувствовали себя русскими. Приведу высказывание русского поэта-писателя, лауреата Нобелевской премии, академика И. Бунина: «Разве можем мы забыть Родину? Может человек забыть Родину? Она — в душе. Я очень русский человек. Это с годами не пропадает».

Это несмотря на то, что их жизнь проходила в жизненном круговороте: «*Вечером концерт, по утрам похороны и каждый день безработица*» (В. Лавров, 1989).

Потомки русских эмигрантов подносят цветы к Докторскому памятнику. 3.03.2009 г.

Так себя чувствовали и большинство русских эмигрантов, которых я знал. Они всю жизнь стремились вернуться к себе на родину, но не все успели. Но уважали и любили Болгарию.

А некоторые, которые успели вернуться, нашли уже не свою Родину, о которой мечтали. Не ту Родину, которая осталась в их памяти.

Может быть, сыграла свою роль и обстановка, в которой жило большинство русских в Софии – в замкнутых обществах, где каждый говорил на русском, а жили только с новостями из России. Так жили и питомцы Русского инвалидного дома в Княжево. Очень мало кто из них хорошо овладел болгарским, несмотря на то, что большую часть жизни они провели в Болгарии.

Некоторые из эмигрантов первого поколения побоялись остаться в Болгарии. Но как истинные русские не вернулись и на Родину. Они уехали в Западную Германию вместе с отступающими немецкими войсками.

Эмигранты второго поколения, к которым отношусь и я, чувствуют себя несколько иначе. Я своего отца не помню – он умер, когда мне было всего четыре года. Моя мать не была русской, но она воспитывала нас с братом в любви и уважении к нашему отцу.

У меня самые хорошие чувства к России, к моим родственникам, живущим в России, Грузии и т. д. Поэтому моей первой поездкой за границу, в декабре 1959 г. – была поездка в Москву: познакомиться с родственниками, узнать и почувствовать русский дух. Мы иногда гостим друг у друга, но остаемся болгарами и русскими.

В Болгарии я не чувствую себя стопроцентным болгаринцем! Настоящим болгаринцем я чувствую себя лишь, когда нахожусь за границей. Там я болгарин и представитель Болгарии. Вот такой жизненный парадокс.

Конечно, я являюсь патриотом своей страны. Когда я работал в болгарской геологической партии, в Международной геологической экспедиции в Монголии, мы работали и соревновались

с другими геологическими партиями других национальностей – поляками, чехословаками, венграми. И я знал, что первостепенной моей обязанностью было представить Болгарию достойно, «победить» и стать первым в области геологии!

Во славу Болгарии!

Мне хочется упомянуть также мнение А.Х. – тоже эмигрантки второго поколения. Она родилась в Болгарии в русской семье, отец и мать ее были русскими из первого поколения эмигрантов. Ее родной язык – русский, которым она в совершенстве владеет. Но это не мешает ей чувствовать себя болгаркой: «Я – болгарка!» Она родилась в Болгарии и поэтому чувствует себя настоящей болгаркой.

Интересное для меня рассуждение сделала С.Н., эмигрантка третьего поколения. Ее дед, пройдя длинный путь эмиграции через Грецию, Сербию и Болгарию, всю свою жизнь стремился вернуться на Родину. Везде его хорошо принимали как превосходного специалиста и прекрасного человека. В конце концов, он вернулся на Родину, где также его приняли хорошо. Ее мать родилась и выросла в Сербии и, конечно, по крови она истинная сербка. Но жизнь накладывает свой отпечаток и впоследствии она воспринималась и русской, и болгаркой, выйдя замуж за болгарина и проведя остаток своей жизни в Болгарии. Отец С.Н. – настоящий болгарин, но С.Н. провела много времени вместе с дедом в России, где русская атмосфера «впиталась» в ее кровь. Она закончила в России университет и вышла замуж за русского. Поэтому она себя чувствует и сейчас, в Болгарии, в первую очередь русской, а потом уж болгаркой.

Эмигранты третьего поколения, какими являются наши дети, питают хорошие чувства к России. Хотя они и учат русский язык, но уже являются настоящими болгарами. Это относится не только к русскому поколению эмигрантов.

У меня коллега и друг поляк древненемецкого происхождения, профессор Альфред Урман из Кракова. Его семья жила веками в Силезии вместе с другими польскими немцами. Во 2 Мировой

войне немцы надеялись что эти «соотечественники» будут им помогать. Фред мне рассказывал, что ни один из польских немцев не пошел помогать немцам, они вели войну против них как настоящие поляки.

Передо мной лично, стоит и другая проблема: а кем являюсь я? Полурусским, или полуукраинцем? Моя мать – румыно-чешской национальности.

Я об этом начал задумываться только в самое последнее время. Мой отец считался русским – так мне рассказывала моя мать, говоря о нем, так было написано и во всех его документах, оставшихся после его смерти. И это было достаточно для меня – я, как и мой отец, считался русским. Но сейчас думаю немного по-другому.

Мой отец из запорожских казаков, которые являются частью украинского народа, то есть я должен считаться не русским, а украинцем. Плохо то, что я неважно, но все-таки знаю русский язык, а украинского языка я не знаю совсем. Но думаю, что это не главное. Все равно я частичкой своей души принадлежу к украинской нации, к украинскому народу, и я являюсь украинцем!

Русскими себя считали и большинство белоэмигрантов, разбросанных по всему миру. Обычно так пишется и в книгах – сейчас много пишут о «Русском зарубежье», о «Русском исходе». Отмечается это и в самом авторитетном журнале из всех эмигрантских журналов – в «Новом обозрении». Этот журнал недавно издал специальные выпуски, озаглавленные «Russian Emigration in France» (New York, 2008), «Russian Emigration in Yugoslavia» (New York, 2010), которые являются результатом проекта журнала «Russian Emigration at the crossroads of the XX century».

Мне кажется, более корректно было бы заменить эпитет «русская» эпитетом «белая». Белая эмиграция. Как, например, пишет А. Ратиев в своих мемуарах(1999). Так будет отдана дань и украинским и другим участникам Белого движения, «белой эмиграции».

Болгаро-американская поэтесса Катерина Стойкова в радиопередаче Горизонт 02.12.2009 сказала, что «человек несет свою Родину с собой». А что такое Родина?

В. Набоков немного с другого ракурса смотрит на этот вопрос: «Моя тоска по Родине лишь своеобразная гипертрофия тоски по утраченному детству». И связывает свою Родину со своим детством!

Выходит, по крайней мере, это мое скромное мнение, что человек себя чувствует больше всего той национальности там, где он родился и провел свою молодость, там, где окунулся в обстановку, которая помогла ему стать человеком!

Недавно читал дневник инженера Стефана Чакалова со времен гражданской войны. Он приехал в Россию 12–14-летним мальчиком и поступил в кадетский корпус. Там быстро обрусел и во время Гражданской войны воевал на стороне белых с целью свергнуть большевистскую диктатуру. Он проливал свою кровь, был несколько раз ранен и ни на минуту не задумывался, почему он – болгарин, а воюет в России. Но чувствовал уже Россию своей родиной и воевал за нее, отстаивая свою честь и честь России.

Исключением может быть мой друг князь Никита Лобанов-Ростовский, который родился и вырос в Болгарии, но его семейная среда оставалась всегда русской. У него хорошие чувства к Болгарии, но он не чувствует себя болгариним. Он считает, что случайно родился и вырос в Болгарии по капризу своего деда, который был влюблен в ортодоксальные хоровые песнопения. В то время хор храма Св. Александра Невского в Софии был первоклассным и доставлял ему высшее удовольствие. Никита, несмотря на то, что живет в Лондоне, чувствует себя настоящим русским и болеет за русскую культуру, за русский дух.

Э.М. Ремарк писал в «Лиссабонской ночи», что белоэмигранты приняты в Европе очень хорошо, с большим сочувствием, как жертвы большого зла, в отличие от других эмигрантских волн, которые затопили Европу как эмигранты нацистской Германии и т. д. Может быть, это было правдой, но все-таки судьба белоэмигрантов была и остается очень трудной.

Закончить свои воспоминания я хотел бы словами, написанными Мурадом Аджи в 2008 г.: «Кто есть я? Что есть мои корни?»

Подобные вопросы наверняка задавал себе каждый. Но не все находили ответ. Думаю, из сотни читателей лишь единицы назовут своего деда или прадеда, расскажут о них; о седьмом или двенадцатом колене не говорю. А ведь с корней, с обычаев, с традиций начинается всякий народ».

Человеку нужно знать прошлое своей семьи. Знать и друзей своей семьи, чтобы уважать ее, себя самого, несмотря на то, где он родился и живет, в каком государстве, кем себя считает и чувствует – русским, болгаринном, татаринном и т. д.

В первую очередь нужно быть человеком, знать и любить прошлое своей семьи, своего рода.

Библиография

- Анонимное. 2010 г. Българо-унгарската граница-2. Интернет, 19 стр.
- Марински Ф. 2007. Светлинки от догорели свещи – Изгнанникът., Варна, 147-151.
- Мутафчиев П. 1992 г. История на българския народ. Четвърто издание. Изд. БАН, София, 374 стр.
- Ратиев Князь Александр. 1999 г. То, что сохранила мне память. Мемуары. Беляя эмиграция в Болгарии 1918-1945. Том первый. Лизбет Любенова, Ганка Рупчева (редакторы). – Изд. Софийского университета им. Св. Климента Охридского, София; 685 с.
- Рожков С. 2009 (координатор). Русское Зарубежье в Болгарии: история и современность. Русский Академический союз и Фонд „Русский мир”, София; 315 с.
- Чумаченко П. 2011. Воспоминания эо моих белоэмигрантских соседях. – Новый Журнал, 265; 237-260.
- The New Review. 2008 г. Russian Emigration in France. The New Review Publishing, New York; 156 p.
- The New Review. 2010 г. Russian Emigration in the Kingdom of Serbs, Croats and Slovenes/ Yugoslavia. The New Review Publishing, New York; 189 p.

Стефан Чакалов

Записки болгарского кадета (1911–1921 годы)

От редакторов

В семье инженера Чакалова сохранился архив, в котором находятся воспоминания молодого кадета Белой Армии, а потом – матроса русского флота Стефана Чакалова. Эти воспоминания уникальны: Гражданскую войну в России описывает человек, принимавший непосредственное участие в тех событиях на стороне Белой Армии. По понятным причинам таких воспоминаний немного, и каждое из них – живое свидетельство происшедшего – бесценно. При обработке рукописи обращает на себя внимание характер записи: до того, как начать свой рассказ, автор делал для себя по пунктам хронологический конспект событий. К сожалению, некоторые из намеченных пунктов так и остались недописанными.

Воспоминания написаны в разное время, с разрывом в 50 лет. Первая часть датируется 1919–20 гг., вторая относится к 1970 годам. Первый текст написан на русском языке в старой орфографии, второй – на болгарском языке. Очевидно, Стефан Чакалов начал вести свои дневники сразу же после возвращения в Болгарию из рядов Белой армии, а потом дополнил их в 70-х годах. Отдельные листы мемуаров датированы летом 1924 года. Наличие записей вызывает уважение: хранить и вести записи о своем белоэмигрантском прошлом в социалистической Болгарии было достаточно опасно. Часть текста, написанная на болгарском языке, переведена М. Арсеньевой.

Публикуемый текст мемуаров С. Чакалова был подготовлен другом семьи Чакаловых проф. Платоном Чумаченко, а также Василием Чумаченко, председателем «Русского академического союза в Болгарии» Сергеем Рожковым и Марией Арсеньевой. Публикаторы выражают благодарность дочери Стефана Чакалова Елене и его внучке Елизавете за бережное хранение рукописи и разрешение публикации текста воспоминаний. Часть воспоминаний из главы «Эвакуация» была опубликована в «Новом Журнале» (2010, кн. 258, с. 225–239), а также в журнале «Россия сегодня» под названием «Эвакуация болгарского белогвардейца» (№ 5(581), 5–11.02. 2010 и № 6(582), 12–18.02.2010).

РОССИЯ

1911 год

В августе 1911 г. я уехал в Россию, в город Орел с целью попасть в подготовительный пансион для поступления и дальнейшей учебы в кадетском корпусе. Мой отец, дав денег господину Братоеву, попросил, чтобы он сопровождал меня вместе с сыном до Орла, где

его сын собирался поступать в тот же корпус. Сын Васи́ла Братоева был на год старше меня. В Софии состоялись торжественные проводы. В Варне я переночевал в доме дяди моего отца и отца Яны Чакаловой, дяди Или́и и тети Мари́и. К вечеру следующего дня мы отплыли на пароходе в Одессу. У нас была отдельная каюта. До полуночи было весело, старшие плясали на палубе, а мы, ребята, смотрели на них. Ночью поднялась буря, у меня началась морская болезнь. Плавание продолжалось полтора дня. Из Одессы мы выехали поездом. В Киеве остановились на время и осмотрели город. Когда прибыли в Орел меня поселили в пансион Крагиных, где уже проживало 20 пансионеров: 7 болгар – (я, Николов, Янев и др.), 5 сербов, 3 черногорца, 6 русских. Прибыл я одним из первых, вместе с 3 болгарами, а сербы и черногорцы появились позже. Оказался в спальне с 2 черногорцами и 2 сербами. Помню фамилии одного из черногорцев – Бухичевич и одного из сербов – Ковачевич. Я заболел скарлатиной, и меня отвезли в инфекционное отделение городской больницы, где я пролежал 25 дней. Отделение состояло из двух палат, в каждой по 10 коек. Я был самым маленьким и почти не знал русского языка.

1912 год

Кадет Стефан Чакалов. Болгария, 1912 г. (из архива С. Чакалова)

Май. Приемные экзамены для поступления в кадетский корпус состоялись в мае 1912 года. Их сдавали все пансионеры Орловского корпуса Бахтина. Я сдал экзамены хорошо и вернулся в Болгарию на летние каникулы, которые провел в Чамкории (ныне курорт Боровец).

Кадет С. Чакалов на каникулах в Чамкории. Болгария, 1912 г. (из архива С. Чакалова)

В начале августа получил сообщение, что я определен в Симбирский кадетский корпус на Волге. Мой отец послал запрос с просьбой перевести меня в другой корпус, но до получения ответа мне пришлось ехать в Симбирск. До Орла я доехал с группой кадетов, а дальше добирался в сопровождении какого-то студента. В Симбирск мы приехали во второй половине дня. Мне помнится только один большой мост, по которому мы ехали на извозчике. В корпусе я провел одну ночь, и, получив сообщение о моем переводе в Петроград, выехал туда на следующее утро. По приезду меня переодели в кадетскую форму и в первую же перемену ввели в класс. Тут же дежурный офицер вышел из класса, и какой-то кадет мне сделал подножку, я от неожиданности грохнулся на пол. Последовал взрыв смеха моих будущих соучеников. Как буйный болгарин, я не мог позволить потешаться над собой, быстро вскочил и дал сдачи – вцепил обидчику оплеуху. Подобной реакции от новичка никто, а тем более оскорбитель моего достоинства, не ожидал. Таким было мое первое знакомство с соучениками. Барабанная дробь объявила конец перемены, все расселись по своим местам. Так возможность драки была предотвращена, а я в дальнейшем был принят с подобающим уважением.

1913 г. – взятие Эдирне

Как-то часам к десяти утра в класс посреди урока русского языка вошли командир роты, дежурный офицер и наш воспитатель штабс-капитан Шумилов. Все встали со своих мест. Полковник Сорокин – командир роты подошел ко мне, обнял, расцеловал и поздравил с падением Эдирне и со славной победой болгарской армии. Потом остальные офицеры сделали то же, за ними последовали все кадеты. Урок закончился поздравлениями и разговорами о падении Эдирне.

Чествование годовщины войны 1812 г.а, экскурсия в Ораниенбаум.

1913 г. – празднования 300-летия царского дома Романовых.

Переэкзаменовка по французскому языку.

Летние каникулы в Чамкории (Болгария).

Петербург – не успел сдать экзамен по французскому языку.

София–Бургас – на крыше вагона, Бургас–Варна–Одесса – Междусоюзническая война; война с Румынией.

На второй год в первом классе, классный воспитатель подполковник Николай Александрович Костычев.

1915 г.

Болгария вступила в 1 Мировую войну на стороне Германии, и я остался «висячим». В это время я был в Петрограде, в Николаевском кадетском корпусе. Новый 1915 г. мы встречали в болгарском посольстве в Петрограде, на улице Моховой, 19. Уполномоченным министром (послом) Болгарии в то время был генерал-майор Радко Димитриев. Он пригласил всю болгарскую колонию встретить новый 1915 год. Все салоны были переполнены гостями. В Петрограде тогда было много болгарских офицеров, которые учились в Военной академии, а также несколько юнкеров. Кадетом был только я – самый маленький представитель Болгарии. У Радко Димитриева было два сына, оба кадеты Одесского кадетского корпуса. Из моего корпуса меня сопровождал солдат, по недоразумению мы пришли к девяти часам, когда семья села ужинать. Меня тоже пригласили за стол. Вечер встречи Нового года был назначен на одиннадцать часов, стали съезжаться гости и ровно в 12.00 мы подняли бокалы, полные шампанского. Я находился среди молодых офицеров Академии.

Когда была объявлена война между Болгарией и Россией, генерал Радко Димитриев вернул все свои болгарские ордена и остался на службе в Русской армии, таким образом, объявив свой протест против вступления Болгарии в войну с Россией на стороне Германии. Вместе с ним остались и многие другие болгары, которые не были согласны с решением болгарского правительства воевать против России. Я хочу отметить, что генерал Радко Димитриев как один из руководителей взятия Эдирне и участник других боев, включая бои под Чатаалджей, был объявлен героем Балканской войны.

В России, в начале войны, кроме офицеров, которые учились в Военной академии, почти во всех кадетских корпусах городов Орел, Воронеж, Сумы, Киев, Одесса, Петроград, Москва и др., обучалось много болгарских кадетов. Отдельным царским указом по армии и военно-учебным заведениям все болгары должны были продолжать учебу в корпусах, находясь под Высочайшим покровительством. Как-то после построения роты к завтраку, дежурный офицер скомандовал: «Смирно!» и командир роты полковник Сорокин, отослав меня в столовую, зачитал указ. Он обратился ко всем кадетам:— обещают ли они не обижать меня как болгарина, а то он будет вынужден перевести меня в другой корпус, где есть другие болгары. Так как все меня любили и считали хорошим другом, все подтвердили это обещание. Тогда меня вызвали из строя и перед лицом всей роты, ротный командир огласил этот указ. С тех пор я стал центром внимания, что не мешало мне продолжать старые взаимоотношения с одноклассниками и другими кадетами, с учителями и воспитателями.

Июль—август; 1916—1917 гг. Финляндия

Во время летних каникул в корпусе оставалось не больше 3—4 кадетов, среди которых был и я. Это было в 1915, 1916 и 1917 гг., во время войны, когда я не мог возвратиться к своим родителям в Софию. В 1916 и 1917 гг., нас четырех кадетов, отправили на каникулы в Финляндию, в село Ахярви, в 25 км от станции Райвола.

Там в последние годы отдыхали семьи наших офицеров-воспитателей. Семья подполковника Х. приняла нас в качестве пансионеров с оплатой расходов. Отдыхала там и семья подполковника Калиновского, с детьми: дочерью Ниной, нашего возраста и сыном Александром — на год моложе нас. Только так могу объяснить себе, почему нас не отправили, вместе с кадетами других корпусов, в лагерь в Петергофе близ Петрограда, как в 1915 году.

После ежегодных июньских экзаменов кадетов распускали на каникулы с июня до сентября. Утром мы, со всеми необходимыми вещами доехав до Финляндского вокзала Петрограда, сели на поезд в Райволу-Ахярви. Я знал, что Финляндия находится в границе царской России, о чем свидетельствовал титул царя – Царь Всероссийский и Король Финляндский, поэтому меня удивило, что поезд остановился на какой-то станции, и появились таможенники, сначала русские, а потом и финские. Они проверили наши документы и наш багаж. Спустя два часа мы пересекли границу между Россией и Финляндией и остановились на станции Райвола, уже в Финляндии, не доезжая до Выборга, в то время принадлежавшего Финляндии, а уже после 1940 г. – СССР. Там ждали подводы, на которые погрузили наш багаж и членов семьи подполковника Х., мы же вчетвером, во главе с капитаном Шумиловым, отправились пешком. Капитан Шумилов был определен нашим воспитателем в первой половине каникул, а во второй – подполковник Калиновский. В веселом расположении духа мы тронулись по направлению к деревне Ахярви меж сосновых лесов по хорошему шоссе. То тут, то там возникали небольшие тщательно обработанные поля. Мелкнула и современная деревообрабатывающая фабрика. Часам к двум пополудни мы остановились и перекусили бутербродами с маслом и колбасой, которые мы приготовили еще в Петрограде. После шести часов ходьбы, мы, наконец, добрались до развилки дорог, ведущих к озерам, дачам и деревне.

Большое впечатление на меня произвел собственник находившейся там лавки. Он окончил факультеты права и философии и кроме своего родного языка, отлично владел русским и немецким, но, несмотря на высшее образование, он продолжал вести торговлю своего отца и вел ее честно и порядочно. Был женат, имел двоих детей. У него было два брата: один занимался сельским хозяйством и был агрономом, а другой окончил факультет лесоводства и руководил деревообделочной фабрикой и торговал лесом; оба были женаты и жили в деревне. Образованные,

регулярно выписывающие газеты и журналы, имеющие богатые библиотеки, они были довольны своей жизнью, не завидовали друг другу и жили дружно. У магазина нас встретил подполковник Х., который и познакомил нас с его владельцем. Показал нам почтовый ящик, магазины, где продавались книги, журналы, продукты и где можно купить любой другой товар. Мы отправились к даче, приютившейся в сосновом лесу на холме недалеко от Чертова озера. Дача была девятикомнатной, с большой гостиной и кухней. Нас встретила кухарка и накормила вкусным обедом. В корпусе в Петрограде мы обедали обычно в пять часов – в Финляндии в 12.30–13 часов. Нас разместили по двое в комнате – распаковав вещи, мы побежали к озеру, но были немного разочарованы его размерами. Озеро, окруженное со всех сторон лесами, было небольшое. До него можно было добраться только по деревянным мосткам или по колено в грязи через трясины. Видимо, раньше озеро было большим, но постепенно обмелело и обросло растительностью. Как мы позднее узнали, его назвали Чертовым из-за его труднодоступности, глубины и черного цвета воды. На даче имелась небольшая лодочка, и мы, воспользовавшись ею, немного покатались. Помнится и речка, которая вытекала из озера, она потом исчезала куда-то. Еще ранним вечером, утомленные, после сытного ужина, мы вернулись в свои комнаты и заснули блаженным сном младенцев. Так закончился наш первый день в Ахярви. В то время в дачном поселке еще не было электричества, отдыхающие пользовались свечами или керосиновыми лампами, нам давали только свечи как менее пожароопасные, так как дачи были деревянными. Сейчас, перед тем, как продолжить описание жизни на каникулах 1916 и 1917 гг. в Ахярви, хотелось бы сказать несколько слов о тогдашней да и теперешней Финляндии. Это страна многих озер, больших лесов с относительно суровым на юге и очень суровым на севере климатом, населенная честным и трудолюбивым народом, сохранившим чувство национальной гордости и готовность жертвовать жизнью во имя своей свободы. Несмотря на то, что

Финляндия входила в состав царской России, финны добились самоуправления и автономии. У финнов был свой собственный парламент, университеты, как и многие другие демократические приобретения, немислимые для других народов царской России. Советская Россия признала Финляндию, но отношения между ними всегда были натянутыми. Когда отношения между гитлеровской Германией и СССР ухудшились, возник конфликт, который в 1939 г. перерос в войну. Естественно, победителями вышли советские люди, Советская армия. Эта война закончилась заключением перемирия 1940 г. и мирного договора 1945 г., которые отодвинули границы Финляндии, причем СССР занял территорию, составляющую около 50 000 кв. км, куда вошли город Выборг и те места, о которых идет речь в моих воспоминаниях. Эти земли были сугубо финскими, но были нужны Советскому Союзу из военно-стратегических соображений.

Честность финнов пословична, и на меня, молодого человека, это произвело особо сильное впечатление. Если кто оставит своей чемодан или что-нибудь другое на улице, то на другой день он найдет его там же или, в крайнем случае, в ближайшем общественном месте – в магазине, на почте и т. п. где, когда зайдешь туда, обязательно спросят, не твоя ли это вещь. То же касается торговли и торговцев. Нет обмана, а есть посредник и определенные цены. Финн – буйный и вспыльчивый, несмотря на флегматичный внешний вид, на учтивость и уравновешенность. Это особенно относится к молодым людям, а тем паче, когда они находятся под влиянием алкоголя. Финны как северный народ – любители алкоголя и табака. При ссорах финны любят пользоваться ножами специальной выработки, именуемыми финками. Они большие патриоты и любят свою родину, что доказали и в войне 1939–40 годов.

Я бы хотел описать то место, где дважды проводил летние каникулы. Кроме Чертова озера, рядом с нашей дачей было еще 2 озера, одно из коих длиной 15–20 и шириной 10–12 м, с очень чистой водой, без трясины, окруженное сосновым ле-

сом. Маленькая речка отводит его воды в большое озеро Ахярви. В этом озере приятно было купаться, вода была чистой и холодной. Оно находилось недалеко от магазина, по пути к даче. По ночам озеро очень романтично, особенно при луне, мы часто ходили туда гулять. Звуки ночного леса, чистый сосновый воздух, в темноте отражение луны в озере давали нам чувство покоя и блаженства. Однако нашим любимым местом, было другое озеро, побольше, длиною в несколько километров и шириною около 2 километров. Берега были почти всюду доступны и удобны для купания, имелись места, обросшие камышом, в которых водились утки. В озере было много пресноводной рыбы, а в речке, которая вытекала из него, – много раков. Дача, в которой мы жили, была большой: из девяти комнат, кухни и столовой и находилась втрех минутах от озера. Рядом с нашей дачей были расположены еще две, а дальше, по направлению к главной дороге – еще несколько дач. В большинстве из них жили русские семьи: в одной подполковник Калиновский с женой и двумя детьми нашего возраста – Ниной и Колей; в другой, рядом с шоссе – русская семья, у которой была дочь, Нинина подруга. Мы гуляли, ловили рыбу, купались, играли в крикет, катались на лодках, собирали грибы и бруснику, играли в разные игры, читали книги. С самого начала сформировалась группа из пяти человек: Нина, ее брат Коля, Катя с соседней дачи, Володя – кадет на год старше меня – и я.

Большую заслугу в хорошем препровождении свободного времени имел капитан Шумилов. Он был заядлым спортсменом, охотником, рыбаком, любил греблю, походы, сбор грибов и брусники. Он учил нас рыбачить, ловить раков, собирать грибы и охотиться. Мы с Володей с удовольствием стали его учениками и помощниками, в то время как другие два кадета жили с ожиданием отъезда, что и произошло, так каждый из оставшихся обзавелся своей комнатой. Первое, чему научил нас капитан Шумилова, это бороться с клопами. Порошки, которые нам давали в этих целях были не очень эффективны, а поэтому

капитан Шумилов посоветовал нам под железные ножки коек, подставить тарелки с керосином.

Несмотря на принятые меры, клопы были более изобретательными, чем мы, и когда не находили возможности добраться до нас, доползали до потолка и оттуда падали на наши кровати. Такие клопы были обречены на смерть. Во-первых, потому что падали на места, посыпанные порошком, или же мы их ловили и давили. Рыбачить было очень интересно. В спокойной воде пользовались удочкой с поплавком, а в быстрой – без поплавка, непосредственно короткими удилищами с грузилом, чтобы крючок погрузился в воду, иногда использовали невод. Сперва мы учились ловить рыбу удочками без поплавков. Обычно еще с вечера мы набирали червей в коробки и, позавтракав, в девятом часу кап. Шумилов, я и мой друг Афанасьев отпраивались на озеро, садились в лодки и плыли куда-нибудь в тихое место, где нет движения, недалеко от берега и там бросали якорь. У каждого из нас были две удочки. Удочки были короткие, с одного конца палок свисала леска с крючком и грузилом. На крючок насаживали червя и держали удилища так, чтобы крючок оставался на средней глубине и ждали, когда рыба клюнет. Это мгновение улавливалось рукою. Когда рыба клюет, она натягивает леску и попадает на крючок. Меняем червей, и снова закидываем крючок. Этот способ хорош для мелкой рыбешки – ерша, окуня, из них получается хорошая уха. Бывали особо удачные дни, когда, при хорошем клеве каждый из нас ловил по 50–100 штук. Прямо не успевали снимать с крючков! Пока снимаешь одну рыбу, на другой удочке клюет вторая. Нужно сказать, что не надо шевелиться в лодке, чтобы не испугать рыбу. Были дни, когда за 1–2 часа втроем ловили всего 30–40 рыб. Когда улова хватало на уху, мы собирали снасти и возвращались домой, чтобы подготовиться к ночной рыбалке. Для этой цели, выбирали 20–30 рыбешек пошустрее, что бы использовать их как наживку. Собираемся и к вечеру идем ставить приманку, приманка – рыбешки или червяки. В лодке нас обычно двое – один ведет спокойно лодку,

а другой закрепляет веревку и на ней ставит поплавок, начинает закидывать один за другим крючки в воду. Труднее всего было сделать так, чтоб леска не запуталась. В данном случае важно чтобы приманка из живой рыбы была подвижной и шевелилась, чтобы крупная рыба ее заметила. Создавалась своего рода дорожка. Она представляла из себя, веревку длиной 20–30 м, намотанную на подвижной катушке; к концу ее закреплен крючок, около которого имелись металлические блестящие кусочки. При движении лодки они вертятся и создают впечатление, что это движется рыба. Щука или другая крупная рыба, ища себе жертву, бросается на эти отблески. Один из нас ведет лодку, а другой сидя на корме, разматывает дорожку. Мы часто делали прогулки на лодке, и приглашали на них девушек Нину и Сапу. Нам самим посчастливилось только раз поймать щуку, вторую мы поймали вместе с капитаном Шумиловым. Щука, которую поймал наш капитан, весила больше полтора килограмма и была длиной три фута. Ее мы съели, приготовив специальным способом. Было очень вкусно. Ранним утром мы проверяли установленные ночью крючки. Эта операция требовала большого умения со стороны гребца и рыбака. Гребец должен плыть кормой вперед, так чтобы рыбак мог подтягивать веревку, снимать рыбу и укладывать снасть в сундуке. Трудно было, когда попадалась большая рыба. Нужно было подхватить ее сачком, чтоб не сорвалась корда или веревка и чтоб крючки не замотались. Только однажды мне пришлось видеть, как ловиться крупная рыба таким способом. У нас рыбы были маленькими или средними – не больше 100 граммов. Другой наша забавой была ловля раков. Раков мы ловили ночью, тремя способами. Первый способ – сачком, поставленным на кол, вбитым в дне реки. В середину сачка кладется приманка – умершая лягушка, пойманная днем и оставленная на солнце, чтобы протухла. Ставим 5–10 таких сачков и через каждые полчаса выгаскиваем и проверяем. Второй способ – один идет по берегу речки с фонарем в руках, и освещает дно, другой, в сапогах, хватает рака сзади. Рака берут пальцами от хвоста

через спину. В противном случае его клешни очень сильны и могут поранить руку. Третий способ – нужно сунуть руку в нору, в которой прячется рак, и вытащить его оттуда.

Лодкой мы ходили по речке. Очень красиво плыть при луне. Часто мы выходили раньше, чтобы перед ловом, вместе с девушками, покататься на лодке. Озеро спокойное луна делает рябь воды серебристой. Где-то далеко, на другом конце озера, слышны звуки мандолины – это играл мой друг Афанасиев, а ему подпевала Саша, у которой был хороший голос. По поверхности воды звуки разносились далеко, и ощущалась их легкость и благозвучие.

1917–1918 гг.

В ноябре 1917 г. я попал в лазарет, в палату для инфекционных больных. Несмотря на это, я продолжал поддерживать связь с товарищами, участвовал в издании журнала и принимал участие в других мероприятиях. Положение тем временем становилось все более напряженным. Большевики взяли власть. С середины декабря 1917 г. они распустили кадетов, которые вернулись домой преждевременно – 16-го, а не 23-го, как было до сих пор. Говорили, что занятий больше не будет.

В лазарете работал фельдшером студент-медик, с которым я был в хороших отношениях. Через него я связался с организацией, которая посылала людей в армию Корнилова. Дон, Новочеркасск, Украина, обособились в отдельные области и автономии и были независимы от центральной власти Петербурга. Борьба между большевиками, эсерами, меньшевиками и другими партиями, продолжалась. Фронт с Германией и Австро-Венгрией почти распался. Так начался новый, 1918 год. У меня была примитивная машинка, благодаря которой можно было печатать листовки. Несколько человек вместе со мной начали фальсифицировать документы. Так я сделал себе увольнительный билет добровольца и справку, что я кадет, которого отпустили к родителям в Ростов-на-Дону после того, как корпус был закрыт.

Машинка представляла собой сосуд с размерами 50–30 см, заполненный мягкой желатиновой массой, которая впитывала чернила. На листе бумаги химическими чернилами писали нужный текст, лист клали на желатин. Таким образом, можно было отпечатать 5–10 экземпляров текста на белых листах бумаги. Для новой серии нужно было промыть поверхность желатина.

1918 г.

В начале 1918 г. я решился ехать на юг – записаться в армию и вместе с ней освобождать Россию от диктатуры и хаоса.

Много чего было в этом году: с боем мы взяли Бердичев – там реквизировали сапоги и зубные щетки. Потом вернулись в Киев, где, помнится, отседали денатурированного спирта, пропущенного через уголь и разбавленного водой с грушевой эссенцией. Там схоронили одного из своих товарищей. Потом был новый поход на Миргород и на Полтаву. Отправились в разведку дрезиной в направлении Харькова. По дороге наткнулись на 10 мешков с трофейным сахаром, а в Харькове разбили винно-водочный склад. Последовал запой в гостинице, с участием женщин. Продолжили наш путь железнодорожным эшелонем в сторону Крыма, проходили мимо Славянска, Мелитополя и Симферополя. В пути казнили одного из наших за мародерство. Потом вернулись в Мелитополь. В Александровском мы устроили большой запой и пробовали кокаин. Одного юнкера сильно ранило в ногу. Жили в одном из лагерей на берегу Днепра. Посетили Хортица – остров запорожских казаков – «Запорожскую сечь».

Первое ранение – Киев, 23 января старого стиля

6.I. – В Петроград приехала болгарская делегация, которая посетила наш корпус, а я получил передачу, в которой было письмо из Болгарии, баклава и 100 марок. Меня обещали 8–9 числа отправить в Болгарию через Швецию.

8.I. – По фальшивым документам я бежал на юг, в армию Корнилова.

8–9.I. – Я еду на поезде до границы с Украиной.

10. I. – Злоключения на границе.
11. I. – Киев – корпус, бюро добровольцев.
- 13–18.I. – Лукьяновский Пост.
19. I. – Отряд красных казаков.
- 20.I.– Снаряд в спальном помещении отряда.
- 23.I. – Первое ранение в голову – 9 часов, в 23 ч. покидаем Киев.
- 24.I. – Отступление, ночевка на даче в одной комнате 8 человек и одна доброволка. Ночное отступление. Бой под Бердичевом – взятие Бердичева. Покупка в еврейской лавке за счет английского короля. Встреча с немцами. Киев – денатурированный спирт; Миргород, Полтава.
- 25.I – Пешком в Житомир.
Харьков – путешествие в эшелоне с сахаром и взятие винного склада с охраной из 15 человек; проживание в гостинице – женщины.

Письмо Стефана Чакалова своим друзьям

«Вы просите, чтобы я вам рассказал о своих похождениях в России. Я начну с того момента когда я был в Петрограде. Как вы знаете, я учился в кадетском корпусе в Петрограде. У нас после переворота (революции) образовалась партия, которая выжидала случая подняться против Советов. Я грешным делом был тоже в этой партии. Когда в августе 17 года ген. Корнилов пошел на Петроград, то мы вышли на связь с одной из офицерских организаций, которая поддерживала ген. Корнилова. Мы ничего не успели сделать, т.к. ген. Корнилов был разбит и арестован. Наступило полное затишье, но ненадолго. В октябре произошел большевицкий переворот и нам пришлось туго. В конце ноября, до нас дошел слух, что формируется армия ген. Алексеева и что ген. Корнилов бежал из-под ареста на юг – к ген. Алексееву. Не буду описывать, что творилось в это время в Петрограде, но скажу, что в декабре две группы по 6 человек уехали к Корнилову, по поддельным документам которые сделала наша организация. Моя очередь ехать в начале января, я уже подготовил все документы. 4 января 1918 г. приехали в корпус двое болгар и передали письмо от моего отца, который писал, чтобы я ехал домой. Эти господа обещали заехать за мной на другой день, забрать меня с собой. Я по своей глупости 16-летнего мальчишки решил вместо дома ехать на юг и потому 8 января сел на поезд еще с 2-мя кадетами и уехал в Киев. Перед отъездом я отдал письмо, написанное отцу, одному кадету, чтобы он передал его господину, который придет за мной от отца. Наш отъезд был тяжелым, не было денег, много суток приходилось голодать, пока не прибыли к границе

Совдепии и Украины, где нужно было делать пересадку. Здесь мы взяли у нашего приятеля 20 руб. Поужинали и после ужина, вышли на перрон пройтись, как вдруг нас останавливают и требуют документы. Мы вынули солдатские документы и показываем. Один из красногвардейцев посмотрел и говорит – вы арестованы. Нам не оставалось ничего другого, как подчиниться ему. Нас отвели к их комиссару, последний посмотрел наши документы и отпустил нас, видимо потому что даже не смог прочесть их как следует, чтобы не выдать своей безграмотности, он отпустил нас. Не успели мы прийти в себя, как новая задержка и вторичный арест. Теперь нас повели к Главному Комиссару, который был из матросов. По дороге мы спрятали солдатские документы в голенища сапог, а вынули кадетские (кадетской партии – прим. автора). Матрос нас продержал около часа, за то, что мы кадеты “контрреволюции” (по мнению большевиков) и, в конце концов, отпустил, после предупреждения, что если он заметит, что-нибудь подозрительное в нашем поведении, то арестует и даже пригрозил расстрелом. Мы опять вышли на перон и на наше счастье подошел экстренный поезд начальника движения этой ж.д., который отправлялся в Киев. С нами был еще один офицер, который знал начальника движения, и он пообещал, что двоих из нас сможет устроить. Взамен этого один из нас должен отдать ему свой солдатский документ. Мы согласились кроме третьего нашего товарища, который объявил, что предпочитает больше не рисковать. Не прошло и 10-ти минут, как офицер вернулся и провел нас в вагон. Начальник нас встретил очень любезно и предупредил, чтобы мы сидели тихо, не привлекая ничего внимания, иначе нас могут арестовать. Мы пообещали ему и вошли в купе. Там мы увидели 2-х сестер милосердия, которые, как и мы, хотели проехать границу, не имея с собой никакого разрешения на это. Моментально начался оживленный разговор, и мы очень весело провели время в течение ночи. Только под утро мы заснули и даже не слышали, как проехали границу. Днем мы прибыли в Киев и сразу отправились в Киевский Кад. Корпус, где и остановились. В Корпусе мы прожили 2 дня и в это время ходили в бюро Записи добровольцев для отправки на Дон. Записались, получили документы и деньги на еду. Мой приятель узнал, что Текинский полк стоит в эшелонах и собирается отправиться в армию ген. Корнилова. Отец моего

приятеля служил в этом полку, командовал эскадронам, по этой причине мы решили отправиться туда. Мой приятель не нашел отца, т. к. он в последнем бою пропал без вести; офицеры, знавшие его, предложили нам остаться. Я не остался, т.к. стремился в действующую армию, а Текинский полк оставался в Киеве. Я познакомился с юнкером и несколькими кадетами, с которыми мы составили теплую компанию. В это время начал формироваться отряд, который должен был отправиться к Корнилову в эшелоне, в сопровождении бронепоезда. Нас собралось до 400 чел., большинство офицеры, много кадетов, юнкеров и вольноопределяющихся. Мы стояли на станции Киева товарной I. Нас вооружили, кроме того у нас было 8 орудий, около 300 пулеметов, масса разного оружия и боеприпасов. Уже было решено ехать 17 января, но как раз в этот день подняли восстание большевики, это помешало нам уехать. Мы тогда сгрузили с платформ 4 орудия, поставили их на полотно и начали обстреливать арсенал, в котором засели большевики, часть вооруженных людей пошла в город для охраны пристанционных кварталов. Нам не удалось удержаться долго. 18 января 18 г. мы были окружены украинцами, которые потребовали сдать все оружие, за это они нас отпускали без препятствий куда угодно. Пришлось подчиниться, и мы разошлись. Наша компания отправилась на другую станцию — пост Лукьяновский, где стоял эшелон донских казаков, которые должны были отправиться на Дон. Нам дали вагон теплушки, где мы и разместились. Мы ждали два дня отхода эшелона, питаясь одним хлебом и то в малом количестве. Казаки решили идти походным порядком и не разрешили нам идти с ними. На 3 день мы были принуждены вернуться в город, где узнали, что формируется отряд, который должен охранять товарную станцию Киев I. Мы записались в него на хороших условиях, по 10 руб. в сутки на всем готовом. Нас поместили в один госпиталь, где нам отвели громадную комнату в нижнем этаже. Нам не пришлось воспользоваться этим помещением — первые 2 дня мы были в карауле. II вот, наконец, с 23 на 24 января получили разрешения пойти домой поспать. Выставив караул, мы легли спать и заснули как убитые. Нас разбудил страшный грохот. Подумав, что это большевики бросили бомбу на улице, мы в один миг схватились за винтовки, но каково было наше удивление, когда увидели, что в середине комнаты что-то вертится. Когда прошел

первый шок, мы увидели лежащий на полу не разорвавшийся снаряд от 4,5-дюймового орудия. Он влетел к нам через окно, разбив стекла и попортив стену, нас не задел. Мы получили приказание немедленно отправиться на вокзал, большевики наступали со стороны Дарницы, как потом оказалось, это были матросы из Москвы. Мы заняли позицию. Бронепоезд выехал вперед, стал обстреливать соседние дома, где уже находились большевики. Я, как пулеметчик, был в бронепоезде, но потом вышел и взял пулемет, который стоял около моста и переставил его под вагон так, чтобы обстреливать вышку, на которой заметил пятерых людей. Только я приготовился стрелять, как что-то ударило меня в голову, и я упал. Как будто сквозь сон слышу голос одного юнкера, который сообщает другим, что я убит. Сначала и я подумал, что убит, но потом пришел в себя и отправился на перевязку. После перевязки, я остался лежать на станции и задремал. Вдруг вбегают солдат и кричат что то. Я проснулся и в это время слышу страшный шум, и звон разбитого оконного стекла. Сообразив, что снаряд попал в здание я вместе с другими выбежал на улицу. Увидев, что наши дела стали совсем плохи, я, собрав оставшихся солдат, которые не знали что делать, повел их вглубь квартала, где мы на перекрестке поставили два пулемета и стали ждать солдат нашего взвода. Через 20–30 мин. пришел командир взвода и привел с собой 5 чел. из нашего взвода. Оказалось, что он ходил в обход, но солдаты из железнодорожной дружины, бросили его, и ему пришлось отступить. Он привез с собой еще 1 пул.[емет] и мы укрылись за углом. Через час пришли еще 10 чел. из нашего взвода, у них случилась та же история, как и с группой коман.[дира] взвода. Когда мы все собрались, то решили связаться с офицерским отрядом, находящимся в городе. Дело клонилось к ночи и мы, захватив с собой пулеметы, отправились спать. На другой день 25 января мы присоединились к офицерскому отряду и отступили еще на два квартала, хотя со сторон большевиков не было давления. Мы уже знали, что нам придется покинуть город. К обеду возобновилась перестрелка и была слышна сильная артиллерийская канонада, обстрел по городу велся со стороны Дарницы (большев.). Начались пожары и к вечеру нам объявили, что в 10 часов мы выступим из Киева к Святошино и оттуда будем отступать к Житомиру. Началась небольшая паника, но скоро все успокоилось, и наш отряд из 190 чел. (раньше было 450) высту-

пил из Киева. Задача отряда была служить арьергардом и прикрывать отступление. У Житомирского шоссе мы остановились и стали ждать прохода всех частей, а за ними двинулись и мы. На рассвете мы пришли в Святошино, где нас разместили по санаториям. Я и мой приятель попали в одну комнату и проспали до 9 часов утра. В 10 часов 26-го мы двинулись дальше из Святошино на Житомир. Не пройдя и 10 верст, свернули в сторону на проселок, и пошли по направлению на деревню, которая находилась в 10 верстах от шоссе. Пришли туда, и нас расквартировали на ночлег. На другой день нас собрали и объявили, что мы теперь входим в состав Украинской армии и из нас был сформирован офицерский волонтерский отряд. После этого объявления часть офицеров отделилась, и нас осталось 80 человек. Прошли еще сутки в этой деревне, и мы выступили по направлению в одну экономию, которая находилась в 8–10 верстах от деревни. Прибыли туда под вечер и расположились на ночлег. Не успели заснуть, как вышел дежурный по отряду и скомандовал «готовиться к выступлению». Это было в 10 часов вечера. Оказалось, что мы почти окружены большевиками и нам нужно уходить. Меня и еще 2 юнкеров послали за подводой. Наконец мы нашли одну подводу, оставленную большевиками, но лошади были без вожжесей. Тогда один юнкер сел на лошадь и стал ею управлять. Приехали мы в экономию часов в 11 и не нашли никого. Тогда мы отправились по проселку, который вел к Житомирскому шоссе. Наш ездовой погнал лошадей во всю прыть, так что мы с трудом удерживались на подводе. Вдруг подвода наклонилась, и мы кубарем полетели в канаву, а наш ездовой с подводой поехал дальше. Все в грязи мы пошли дальше и скоро нагнали отряд, который опять был в арьергарде. Нам пришлось идти всю ночь. Настроение было у всех подавленное. Наутро мы пришли в деревню, расположенную около шоссе, где мы и остановились. Проснав сутки, мы двинулись дальше. Все были бодры и даже шли все время с песнями в ногу. Пройдя около 30 верст, пришли в деревню, в которой была назначена дневка. Пробыв там две ночи и один день, двинулись дальше на Житомир и на 2-й день к вечеру прибили туда. По прибытию сейчас же были размещены по квартирам на ночлег. На следующий день нас погрузили в эшелон и повезли в Коростень. Там мы простояли продолжительное время, нас обмундировали и привели в порядок. Наконец мы выступили по на-

правлению на Бердичев. Дошли до станции Бердичев II (20 верст от Бердичева). Отойдя верст 8, мы остановились на ночлег. На другой день мы проснулись рано. Первый взвод нашего отряда в коллич. 25–30 чел. пошел в деревню, которая находилась в 3 верстах. Задача его была выбить большевиков из деревни и наступать на Бердичев вдоль железнодорожного полотна слева. Наш взвод пошел справа железнодорожного полотна. Я был оставлен на связи. Через полчаса получил приказание передать взводному, чтобы он остановился. II я отправился догонять свой взвод. Пройдя по полотну около версты, я вступил в лесок и пошел дальше. Не успел пройти и полверсты, как заметил бронепоезд неприятеля и группу людей возле него. Я остановился в нерешительности идти дальше или нет, как вдруг слышу оклик справа из леса. Я обернулся и увидел одного из нашего взвода, который мне знаками передал, чтобы я спрятался и шел к нему. Я отправился к нему. Оказалось, там были окопы, в которых расположился наш взвод (состоящий из 15–20 чел.). Я доложил обо всем взводному, и он приказал остаться с ним. Мы расположились в хорошем месте, т. к. были на опушке леса и имели хороший обзор и вдобавок были в окопах. Не прошло и 10 минут, как слева от нас началась перестрелка. Мы догадались, что это наш 1-й взвод. Потом заметили, что бронепоезд двинулся вперед и начал обстреливать опушку леса, как нашу, так и с другой стороны полотна. Мы не отвечали, не хотя выдавать себя. Стрельба слева начала удаляться назад, это означало, что наши отступили. Бронепоезд прошел в наш тыл. Наконец появилась цепь большевиков с нашей стороны, которые были очень спокойные, не подозревая, что мы находимся на опушке. Подпустив их шагов на 600, наш пулемет открыл стрельбу, а мы со своей стороны открыли залповый огонь. Моментально большевики спустились и отошли назад. Мы стали ждать продолжение. Наш наблюдатель на правом фланге заметил, что большевики нас обходят. Взводный сейчас же собрал нас на правом фланге и приказал открыть залповый огонь. Наш пулемет, переустановленный ближе к правому флангу, стал тоже обстреливать их. Большевики отошли, потерпев порядочный урон в своих рядах. В это время другая неожиданность посеяла маленькую панику у нас, которая скоро прошла. Это был пулеметный огонь, который велся с левого фланга, как раз вдоль наших окопов. Оказалось, что большевики нарочно

пустили обходную цепь, чтобы отвлечь наше внимание. В это время, зашли нам во фланг с другой стороны полотна, установили пулемет и начали нас обстреливать. Т.к. мы не получили приказ отступить, взводный приказал держаться, пока возможно. Началась стрельба у нас в тылу, которая все усиливалась, потом затрещали пулеметы и, наконец, начался артиллерийский обстрел. Мы очутились между двух огней. В таком положении мы пробыли около двух часов. У нас одного пулеметчика ранили в ухо. После двух часов, мы заметили, что большевицкий бронепоезд стал спешно уходить, а за ним пехота. Думая, что это маневр, мы решили пробиться к своим. Когда мы стали выходить из леса то увидели цепь, которая направлялась к нам. Меня и еще одного юнкера отправили вперед, узнать кто это, а сами залегли и приготовились к отражению атаки. Мы, с юнкером, скрываясь за деревьями, подобрался поближе, и когда кончился лес, мы вышли и стали махать фуражками. От них отделилась группа из 4 человек, которая пошла навстречу нам. Когда мы подошли ближе, заметили, что это наш первый взвод и пошли смело к ним. Оказалось, что большевики пошли в атаку под прикрытием бронепоезда, но в это время подошла наша батарея, которая моментально стала на позицию и прямой наводкой начала обстреливать бронепоезд и цепь большевиков. Бронепоезд моментально открыл ответный огонь из своих орудий по батарее, было убито 3 чел. и ранило 8 чел. и подбито одно орудие. Большевики стали отходить. Отдохнув, мы стали греться, т.к. все замерзли, лежа на земле 5 часов в мороз. Через полчаса привезли консервы и хлеб – раздали нам, и мы стали есть первый раз за весь день. Тут опять нам не дали поесть спокойно, т.к. большевики вновь начали обстреливать нас из артиллерии. Мы отступили по направлению на Бердичев II и залегли там. Это отступление нам обошлось дорого? т.к. артиллерия большевиков, пристрелявшись, убила у нас 5 чел. и всех лошадей, которые везли 1-е орудие. Пришлось его оставить. Пролежав до вечера, мы отошли на станцию, где находились наши обозы. На другой день утром к нашей станции подъехала дрезина из Бердичева, на которой были представители города, с просьбой войти в город т.к. большевики ночью оставили его. Наши эшелоны сейчас же поехали в Бердичев. Приехали туда к обеду. Город, предвидя наш приезд, приготовил нам встречу и обед. В тот же день при-

ли немцы. Через 2 дня мы пошли по направлению на Киев. Доехав до железнодорожного моста, через реку мы сгрузились и пошли походным порядком. К ночи мы пришли в Святочино, не встретив никакого сопротивления со стороны большевиков, а на другое утро вошли победоносно в Киев. Встреча была трогательная. Все население вышло встретить нас с цветами. Пришли к зданию рады (на Крестьянке), где отслужили молебен, и после сказанной речи нас разместили в гимназии, где мы отдыхали 2 недели. После этого мы выступили по направлению к Полтаве. Ехали в эшелонах. Впереди был бронепоезд, за ним шли эшелоны. В начале не было почти никакого сопротивления. Так мы дошли до Ромаданы, и, не доезжая до станции, были обстреляны из артиллерии».

1918 г., Новочеркасск.

1918 – немцы и украинцы – март–апрель

Убедившись, что дальнейшее пребывание в рядах украинской армии, которая была в союзе с немцами, а немцы оккупировали почти всю Украину, невозможно, я вместе с несколькими офицерами отправился в Новочеркасск. Там формировалась новая армия Деникина и Алексеева. К службе в такой армии я стремился еще в Петрограде. Получив в Киеве информацию, мы поехали в Новочеркасск, куда прибыли ранним утром и сразу отправились в добровольческое бюро. Там всех офицеров, юнкеров и других добровольцев записали в Марковском добровольческом полку, расквартированный в девичьем пансионе, а меня, как несовершеннолетнего, не взяли, и я остался на улице. Для меня это было большим ударом, но еще сильнее была обида, которую нанесли моему самолюбию отказом принять меня – ведь я уже воевал больше пяти месяцев и даже был однажды ранен! Я почувствовал свою беспомощность и пожаловался знакомым по Киеву офицерам, с которыми я воевал в рядах украинской армии. Они утешили меня, объяснив, что эта проблема не может быть решена официальным путем, а лишь благодаря лич-

ным связям, какие у них имелись в рядах офицеров Марковского полка. По их протекции я был зачислен в ряды добровольческой армии, в пятую роту Марковского офицерского полка. В этой роте преобладала молодежь. Одна половина роты состоялась из офицеров – поручиков, подпоручиков, прапорщиков, а другая – из юнкеров, добровольцев и кадетов. Кажется, я был самым молодым среди них.

Из истории известно, что Керенский, опасаясь, что большевики могут захватить власть, вызвал с фронта войска усмирить Петроградский гарнизон. С этой целью был послан корпус генерала Корнилова с его казаками и кавказцами из «дикой дивизии». Когда войска приблизились к Петрограду, Керенский по той или иной причине вооружил рабочих Петрограда, которые вместе с гарнизоном города вышли навстречу войскам Корнилова, чтобы не допустить их в Петроград. Узнав о двуличии Керенского и правительства, Корнилов со своим корпусом решил не воевать ни против немцев, ни за правительство, а отправился на юг. В боевом порядке весь корпус во главе с ген. Корниловым, ген. Алексеевым, ген. Деникиным, ген. Драгомировым отправился на Дон. Поздней осенью они добрались до Ростова на Дону и Новочеркаска. Там сформировалась новая армия, которая поставила себе целью освободить Россию от большевиков. Были открыты пункты, где вербовались добровольцы для этой армии. Большевики захватили власть 7 ноября 1917 года. Украина обособилась в самостоятельное государство во главе с Радой (парламент). Дон, во главе с ген. Калединым, тоже обособился. Под защитой донских казаков ген. Корнилов вместе с ген. Алексеевым и другими приверженцами идеи освобождения России от большевиков и ратующими за созыв Учредительного собрания в целях определения нового государственного строя, сформировали и организовали армию, в состав которой, кроме казачьих полков, вошли еще три офицерских полка. Первый офицерский полк, в честь павшего во время первого похода ген. Маркова был назван Марковским. Второй полк,, после того как на Кубани, зи-

мой 1917–1918 гг., а еще точнее, в начале 1918 г. ген. Корнилов пал в бою на подступах к городу Екатеринодар – Корниловским, а третий офицерский полк получил имя Алексеевский после смерти ген. Алексева осенью 1918 года.

Смерть ген. Корнилова, как и не удачная попытка поднять кубанских казаков против большевиков, поставили в очень трудное положение не очень многочисленную Добровольческую армию. Она отступила в Новочеркасск, где занялась пополнением и подготовкой к новому удару против большевиков. В то время Украина при помощи немцев освободилась от большевиков. Образовалась Украина во главе с Радой и ген. Скоропадским, поддерживаемым немцами. Немцы дошли до Ростова на Дону. Там находился центр самоуправления Донской области – свободной и независимой от большевиков, во главе с ген. Калединым. Новочеркасск и очень небольшая часть Донской области обособилась как маленький островок, куда ни немцы, ни большевики не имели доступа. Там формировалась и готовилась к своему второму походу Добровольческая армия. Как раз в эту пору (18 июня) я вступил в ряды армии, под командованием ген. Деникина, принявшего пост командующего армией после смерти ген. Корнилова. Как рядовой пятой роты я получил винтовку, обмундирование и прочие принадлежности, в том числе котелок для еды и вещевого мешок, какой был у меня со времен службы в украинской армии. Меня зачислили во второй взвод роты, первый взвод был только из офицеров. Скоро стало известно, что я болгарин-доброволец и ко мне пришел из 9-й роты кадет Киевского корпуса, болгарин Василий Тодоров – он был старше меня на два года, сын болгарского полковника запаса Василия Тодорова. И так нас, болгар, оказалось двое, чему я был безмерно рад. Через несколько дней мы отправились в поход, освобождать Кубань и Кавказ от большевиков. Донские казаки охраняли наш тыл. Нас грузили по 10–15 человек на подводы, и мы очень быстро добрались до линии фронта, откуда должны были начать наступление. На самом деле именно здесь я получил свое боевое

крещение в первом бою с большевиками. Те военные действия, в которых мы участвовали до сих пор на Украине, – легкие перестрелки, за исключением боев под Бердичевым. В нашем полку мы шли в атаку цепью в полный рост, без перебежек, с ружьем наперевес и с песней, на расстоянии 5–10 шагов, в зависимости от ситуации. Таким образом демонстрировались решительность к победе, уверенность в успехе и оказывалось психическое воздействие на противника. Представьте себе: вы в поле, укрылись в наспех вырытом окопчике, а на вас поднимается и идет в 1 500–2 000 м цепь противника, с песней и в ногу, не пригибаясь, как бы на параде, с винтовками наперевес! У противника сразу же чувствуется неуверенность. Начинается быстрая и малоэффективная стрельба. Включаются и пулеметы, затем и артиллерия тоже начинает стрелять, а мы на это не обращаем никакого внимания – идем напролом, подходим все ближе, не меняя своего строя. Стрельба становится более беспорядочной. Кое-кто приподнимается, некоторые из вражеских солдат, перебежками отходят назад, а это уже первый признак того, что психологически бой выигран наступающими. Бывало, что в атаке мы подходили к противнику на расстояние меньше чем на 150–200 шагов. В панике враг бежит в маленькие укрытия в ближайшее селение, где расположен транспорт, так начинается отступление. Таким был первый бой во время моего боевого крещения в рядах Добровольческой армии.

Нас разбудили затемно, и мы заняли позиции на расстоянии 1 500–1 800 м от противника, соблюдая абсолютную тишину. Получили приказ: как только забрезжит рассвет и начнет артобстрел подниматься во весь рост и в ногу с винтовкой наперевес и с песней атаковать противника. Противник (большевики) как нам показалось, не ожидали наступления: тронувшись, мы заметили, что из ближайшей станицы стали выбегать солдаты и стрелять из винтовок. Бой закончился очень быстро. Большевики не выдержали и разбежались. В нашей роте оказалось только несколько раненых. В казачьей станице нас встре-

тили очень хорошо. После окончания стрельбы и отступления противника наша кавалерия последовала за ними, а пехоте дали передышку. День был очень жарким, и мы разбрелись по станице в поисках воды и еды. Нас встречали очень радушно, выносили кринки с молоком и простоквашей в кувшинах, напоминавшие болгарские кувшины «гърнета» для варенья и соленья. Пока мы ели и отдыхали, подтянулись подводы, и мы снова тронулись в путь. В следующей станице, уже освобожденной от противника, нас так же радушно встретили, накормив пирогами. Нас расквартировали по домам, велели рано ложиться спать, так как на следующий день предстоял новый бой. После полуночи все повторилось: погрузились на подводы человек по 6–10, и еще ночью отправились к следующей станице. Когда мы приблизились к противнику, все попрыгали с подвод, перестроились в цепь и начали ждать дальнейших распоряжений. Уже светало, стали проступать очертания станицы. Противник, видимо, был подготовлен и ждал нас. Встретил нас стрельбой из винтовок и пулеметов и артиллерийскими залпами. Мы лежали среди поля, в маленьких окопчиках. Прозвучала команда «в атаку» и мы цепью с винтовками наперевес и с песней ринулись вперед. Пальба усилилась, но с нашим приближением к противнику, становилась все более беспорядочной и неэффективной. Видимо, то, что мы не стреляли, а пели нашу песню, подействовало на противника. Когда мы оказались в 400 м, прогремело наше «Ура!», и мы побежали с винтовками наперевес. Этого вполне хватило посеять панику и хаос в рядах противника, что привело к одиночному, а потом и массовому бегству противника. Нужно отметить, что наша артиллерия, обстреливала гранатами и шрапнелью противника и окраины станции, а когда послышалось наше «Ура!» сразу перенесла огонь на бежавшего на подводах врага. Наша артиллерия все время перемещалась с одной позиции на другую, чтобы более точно стрелять по убегающему противнику. Наше наступление продолжилось, и вновь повторились события вчерашнего дня.

Здесь нужно напомнить, что в нашем полку, кроме меня, был еще один болгарин, сын полковника Василия Тодорова и брат Косты Тодорова – будущего полномочного министра кабинета Александра Стамболийского в 1922 году. Но он служил в другой роте и в другом батальоне. Мы с ним часто встречались, когда наши роты оказывались, расквартированными на отдых в одной станции. В таких случаях или я ходил к нему, или он приходил ко мне. От Новочеркасска дошли до станции Екатериновка, здесь мы встретились с ним в последний раз, за день до наступления. Я зашел к нему, мы разговорились. Он был в угнетенном состоянии духа и несколько раз повторил, что предчувствует свою скорую смерть. Естественно, что молодость не признает предчувствий и других предрассудков, я высмеял его. В армии и на фронте, люди становятся фаталистами, ни во что не веря. До поздней ночи мы с товарищами старались отвлечь его внимание и переводили разговор на другие темы, но он постоянно возвращался к тому, что ему уже недолго оставалось жить. Поздней ночью я вернулся к себе. На другой день мы вновь погрузились на подводы и отправились вперед. В тот раз нашей роте выпало быть на позициях справа от железной дороги в направлении Тихорецкой, в районе станции Екатериновка. Бой был ожесточенным. Противник яростно сопротивлялся, его артиллерия и бронепоезд, обстреливали нас. Мы сломали сопротивление противника. При атаке одна граната взорвалась недалеко от меня. Волной меня отбросило в сторону, обломки гранаты пролетели возле моей головы, меня присыпало землей. На мгновение я почувствовал, что теряю сознание... хорошо, что граната взорвалась не так близко от меня, я быстро восстановился от контузии и пришел в себя. Встал, немного ошеломленный, как пьяный, и вместе с товарищами двинулся вперед. Противник быстро отступил, бой закончился. Наш бронепоезд поехал вслед за противником, а нам поступило распоряжение собраться у будки железнодорожного сторожа. Мы пошли по шпалам и вдруг кто-то из наших солдат, который шел передо мной сказал: «Вот один

из наших лежит убитым на железной дороге. Это доброволец из девятой роты, не друг ли это Чакалова». Я подбежал к убитому и, правда: это был мой друг, болгарин Василий Тодоров. Я нагнулся и увидел, что пуля прошла сквозь голову, в области виска, справа налево. Крови было немного, она осталась только на левом погоне. Я подобрал его вещмешок, маленький эмалированный погончик, значок Киевского корпуса. В его роте сказали, чтобы я взял его вещи и передал их его родным в Болгарии. С друзьями из его роты мы перенесли его тело и похоронили в общей братской могиле рядом с остальными погибшими. Делая все необходимое, мы вслух рассуждали о фатализме, о предчувствиях и о человеческой жизни вообще. Такие думы приходят в голову после тяжелых испытаний, и потери близкого человека. Впоследствии его боевые товарищи поделились со мной воспоминаниями, о том, как его убили. Он был первым в строю, когда их рота стремилась занять железнодорожное полотно, и пересечь дорогу бронепоезду. Пошли в атаку и в первых рядах он. Достигли насыпи, он первым поднялся на нее и повернулся с высоко поднятой винтовкой показать, что противник бежит, и что-то начал кричать. В этот момент с тачанки противника обстреляли полотно. Наши солдаты залегли на короткий миг. В это время уже одна из пуль попала в него, и Тодоров упал ничком на шпалы. Наши бойцы подождали, и когда пулемет замолк, бросились на другую сторону, противник отступил. Таким образом, я стал обладателем реликвий: одного блокнота-дневника с записями Тодорова, погона с его кровью, серебряного значка-погончика и каких-то личных документов – свидетельства о святом крещении, удостоверения из корпуса, писем из Болгарии. Эти вещи я привез с собой в Болгарию. В 1922 г. я встретился с его братом Костой Тодоровым, министром кабинета Стамболийского, рассказал ему о смерти брата, что у меня хранятся его вещи. Он не проявил к ним интереса, они остались у меня навсегда. Так погиб один честный, молодой, храбрый идеалист, который не пожалел жизни во имя достижения своего идеала.

Заметки о Василии Васильевиче Тодорове

Родился в декабре 1898 года. До пятого класса учился во Владимировском Кадетского корпусе. В 1915 г. покинул корпус и поступил добровольцем в Русскую армию. Раненый в боях под Дубно, он попал в плен к австрийцам. Был пленным в Австро-Венгрии и в 1918 г. при содействии Красного креста как инвалид вернулся из плена. Через Москву, в июне 1918 г. прибыл в Киев и 23.VI.1918 получил документы, что окончил 5 класс и сдал экзамен как вольноопределяющийся второго разряда. Затем уехал в Новочеркасск и вступил в армию Деникина, где был зачислен в первый Марковский полк.

1918 г. Полтава

По приезде наш отряд разместили в гостинице в центре города. В нашем номере нас было шестеро. Среди моих соквартирантов был и один офицер, который часто напивался и буянил. Как-то мы с другом сидели в номере, когда он ворвался пьяный, с револьвером в руке и стал угрожать застрелить любого, кто будет противостоят ему. Мы не знали, как быть с ним. С большим трудом уговорили его зайти в ванную, чтобы освежиться. Когда он туда вошел, закрыли его на ключ, надеясь, что он ляжет в ванну и уснет. Но вместо этого, он начал кричать и, в конце концов, стрелять в дверь. Зная, что у него наган, а в нем семь патронов, мы укрылись и начали считать выстрелы. Одна пуля расщепила дверь и ударилась в противоположную стену. Выстрелы вызвали панику и несколько человек из соседних номеров с командиром нашего взвода вбежали к нам. Выяснив, что происходит и узнав, что уже прозвучало семь выстрелов, по команде все одновременно ввалились в ванную, обезоружили и связали буяна, дали ему возможность прийти в себя. На нас посыпались угрозы попеременно со слезами и просьбами развязать его. Но мы были неумо-

лимы и лишь спустя два часа, когда он окончательно пришел в себя, я развязал его и выпустил из ванной на свободу. В результате – новые угрозы отомстить за себя и только благодаря присутствовавшим офицерам, скандал удалось погасить.

Бой у хутора Журавлевка – июль 1918 г.

После того как мы заняли станицу Кореневка на железной дороге Тихорецкая-Екатеринодар, нашу пятую роту направили в хутор Журавлевка, по правую сторону с целью остановить отступление вражеских войск в направлении Кавказ-Армавир. Наша рота, примерно 200–220 человек, состоявшая из добровольцев, кадетов, студентов, гимназистов и нескольких офицеров, залегла в ложбине кукурузника. Хутор же, занятый красными, находился наверху, на холме. После приказа нашего командира полковника Зашева атаковать хутор, мы бросились в атаку. Противник, опытный и отчаянный, занял оборону. Наш взвод остался на левом фланге. Занятая нами позиция в кукурузнике препятствовала проведению психической атаки, которых боялся противник. Мы пошли цепью, стараясь не перерывать ее и не потеряться среди посевов, у просеки, где нивы были уже сжатые, мы подравнялись перед тем, как пойти в бой. Противник стрелял часто, и можете себе представить, как воздействовали на нашу психику звуки пуль, проходивших сквозь стебли кукурузы. Нехотя пригибаешься к земле, продолжая двигаться вперед. Когда мы вышли из кукурузного поля, перед нашей наступающей цепью оказался отступающий противник, а дальше вражеские солдаты, окопавшиеся в кукурузнике за сжатой пшеницей. Позже мне рассказывали мои друзья, с которыми мы шли в цепи, что я выбежал вперед, через каждые 15–20 шагов останавливался и стрелял, а потом озирался, чтобы проследить, идут ли за мной мои товарищи, и снова пускался вперед. Находясь в решительном состоянии, я хотел как можно быстрее достигнуть противника. Думаю, что подобное психическое состояние испытыва-

ет, по крайней мере хоть раз, каждый солдат. Обычно в таких случаях, о таком вонне говорят, что он храбрый, бесстрашный, не боится смерти и даже является героем. Я бы сказал, что наш инстинкт вызывает то или иное действие, тот или иной поступок, который является самым подходящим в данном случае. На войне нет трусов или героев, а имеется психическое состояние на данный момент боя, и в зависимости от него солдат проявляет себя трусом или героем. Итак, мой поступок увлек моих друзей и мы стремительным броском достигли того места, где должен был находиться противник, но его там не было. Позиция вправо от нас сильно изменилась. Внизу противник был разбит и начал отступать. Наша кавалерия последовала за ним, но откуда ни возмись справа от нас появилась вражеская кавалерия, которая напала на нашу цепь, мы остановились и начали отступать. Завязался кавалерийский бой, противник оказался в лучшем положении, мы вынуждены были отступить вместе с цепью, которая находилась справа. Противник, получивший подкрепление, начал контратаку. Ранено одного из моих друзей, он упал навзничь. Я быстро подполз к нему, он уже был без сознания. В это время мимо нас проезжала тачанка с пулеметом. Я остановил ее и уложил на нее моего товарища. Он был в агонии, я должен был крепко держать его, чтобы он не упал с тачанки. Подобрал еще троих раненых, тачанка в карьер, помчалась по склону вниз. В медпункте выяснилось, что у друга два тяжелых ранения в живот и жить ему осталось недолго. Немного спустя, пока перевязывали других раненых, мой друг умер. Прибыло несколько подвод, на них погрузили раненых, мне приказали сопроводить их до Кориновки. Дело было вечером, начинало темнеть. Уже в темноте мы приехали в Кориновку. Я сдал раненых. Возвращаться в роту уже было поздно, походные кухни с питанием уехали на позиции, поэтому я решил заночевать в станице. Рано утром, вместе с кухней я прибыл в роту, где меня встретили восклицаниями – все думали, что меня уже нет в живых, что я погиб. Утро прошло в затишье, и мы решили пойти туда, где был размещен

медпункт, там я оставил, кроме своего умершего друга, и других раненых в бою. Противник занимался перегруппировкой своих частей, а наши дозоры ушли далеко вперед. Подобрав убитых, мы отвезли их на наши позиции и похоронили в станице. До вечера мы остались на позициях. Когда стемнело, пришли подводы из другого военного подразделения и нас отвезли занять позиции по левую сторону от железнодорожного пути, чтобы не позволить противнику прорвать окружения. Наша позиция была невыгодной, так наш правый фланг «висел в воздухе». На следующий день противник обрушился именно на нас и наш правый фланг.

После взятия узловой станции Тихорецкая, мы отправились по железной дороге Тихорецкая-Екатеринодар. После боя под хутором Журавлевский, у станции Кориновка нашей роте в количестве 160–180 человек было поручено помешать противнику, отступить к Армавиру и пересечь железную дорогу. Еще с вечера мы залегли в поле по левую сторону железнодорожной линии. Мы занимали хорошую позицию километрах в двух от линии. Дело было летом, и поля были уже сжаты. Снопы пшеницы были сложены в стога и могли служить хорошим укрытием. Местность была ровной, но хорошей видимости препятствовали стога сена и пшеницы. Восход солнца застал нас бодрствующими, и тишина не подсказывала, что этот день окажется трагичным для многих из нас, а мне принесет несправедливую обиду, нанесенную без умысла. Наша рота состояла в основном из молодых ребят, таких как я, или чуть постарше и молодых офицеров. Командиру роты, полковнику было за 40. В нашем взводе служил молодой еврей-доброволец. В ожидании боя, мы лежали тихо, разговаривали. Еврей, храбрый солдат и хороший товарищ, сказал, ни с того, ни с сего, что ему почему-то муторно на душе, он опасается, как бы чего не вышло, и просил в случае несчастья сообщить его родственникам об этом при первой возможности. Мы все стали подшучивать над ним, но в душе у меня осталось какое-то гнетущее чувство. Не прошло и часа после

восхода солнца, как началась перестрелка. Бойцы заняли свои позиции, и мы стали следить за противником. Перестрелка усиливалась, в действие вступили пулеметы и артиллерия обеих сторон. Противник начал передвигаться к нам, его стрельба становилась все более целеустремленной, так как он заметил перебегающих, от одного к другому стогу сена солдат. Во время этой перестрелки нашего друга-еврея тяжело ранило в ногу и его пришлось посадить на санитарную подводу и отправить в тыл. Провожая его, мы пожелали счастливого выздоровления. Он тоже, несмотря на боль в ноге – у него, по-моему, был перелом, приободрился и улыбнулся сквозь слезы, видимо, решив, что его плохие предчувствия уже сбылись, он только ранен, а не убит и значит, еще будет жить. К нашему величайшему сожалению поздно вечером, после окончания боя, когда мы вернулись в станицу поужинать и переночевать, мы узнали, что еврей умер: недалеко от станицы случайная пуля попала ему прямо в голову и он погиб, думая, что на этот раз вырвался из лап смерти. Проводив нашего друга, мы сосредоточили наше внимание на противнике. К большому нашему сожалению, мы располагали только двумя пулеметами, чего было недостаточно для ведения боя. Противник, судя по стрельбе, располагал, по крайней мере 10–12 пулеметами, установленными на тачанках. Наши потери росли, противник прижимал нас так, что мы с трудом продвигались направо, чтобы заткнуть дыру. Наши два пулемета были позиционированы на правом фланге, бой становился все более ожесточенным. В конце концов, противнику удалось найти брешь, он прорвался, стал вытеснять нас, угрожая оказаться у нас в тылу, т. е. окружить нас. Наши потери были огромными, и мы начали отступать к станице, стараясь подобрать и вынести наших раненых. Мне и одному из моих друзей выпала доля выносить на руках нашего ротного командира, который был тяжело ранен. Под градом пуль мы отступили на полкилометра от первоначальных позиций, чем дали возможность противнику прорваться в эту брешь в направлении Армавира. Мы принесли рот-

ного командира в перевязочный пункт. Ротная сестра Ксения перевязывала раненых, перевязав полковника, мы уложили его на подводу с двумя тяжелоранеными. Наш полковник дал мне свой планшет с документами, бумагами и личными вещами и приказал мне отнести их в станицу. Так как бой фактически кончился, и почти не было никакой стрельбы, я решил приступить к исполнению приказа, тем более, что расстояние до станицы, было не больше 2–3 километров. Под влиянием поражения, мне показалось, что у меня есть основание удалиться от опасного места. Тем более, что и сестра Ксения слышала, что мне было приказано отнести документы. Я направился спокойно к станице, что было и мой позор, с винтовкой в руках. Не прошел я и километра пути, как увидел, что на возвышенности, близ дороги, по которой я шел, стоял командир полка – полковник Тименовский вместе со своим адъютантом и смотрел в бинокль. Для того, чтобы продемонстрировать спокойствие и дисциплинированность, проходя мимо, я отдал честь. И вдруг – О, ужас! – прозвучало «Застрелить его!» и в ту же минуту адъютант поднял винтовку и выстрелил. Неожиданность и выстрел до такой степени испугали меня, что я присел на корточки от страха. «Немедленно назад в строй, трус!», – выругал меня командир полка. Я понял, что со мной все в порядке, повернулся и пошел к нашим позициям. Пройдя 100–200 шагов, я почувствовал у себя во рту какую-то горечь от бессилия и обиды, по щекам катились слезы. В таком состоянии меня увидела сестра Ксения и, заплакав как маленький, я рассказал ей, что случилось. Приблизившись к жалким остаткам нашей роты, я увидел, что из 160–180 человек, осталось не больше 70–80 солдат. К нам пришло подкрепление из 40–50 человек, во главе с командиром батальона полковником Плехановым. Полковник Плеханов и рядом с ним наша сестра милосердия Ксения, оба с револьверами в руках и со словами «Труссы, вперед», «Пусть одна женщина вам покажет, что такое смелость и честь оружия! Ура!» оба они бросились в контратаку. Мы, разбросанные в поле и укрывшиеся за стогами сена, дей-

ствительно устыдились и тоже ринулись в контратаку. Контратака настигла противника. С момента отступления в полкилометре от места атаки за полчаса, этого времени хватило противнику проявить садизм по отношению к нашим раненым товарищам – тем, кого мы не успели вытащить с поля боя, или тем, кто был ранен в последний момент нашего отступления. Так мы нашли 17 изуродованных трупов, раздетых, с проколотыми штыками грудью и животом. Видно было, из их положения, что большинство из них были ранены, но живы, и потом проколоты штыками. Среди остальных трупов мы нашли одного друга, тоже кадета, который был раздет, но, в отличие от других, не был проколот штыком. К нашей всеобщей радости, он проявил признаки жизни. Мы отнесли его к сестре милосердия Ксении, которая в то время перевязывала нашего славного полковника, командира батальона, полковника Плеханова. Нужно сказать, что наша контратака длилась не больше 10–15 минут, но понятно, что с такими небольшими силами, без пулеметов и без артиллерии, преследовать противника не было смысла. Остановившись, мы заметили отсутствие нашего командира батальона. Сестра Ксения отправила меня и еще одного из нашей роты на его поиски. Совсем скоро, шагов в двухстах от нашей первоначальной позиции, мы нашли его. Он лежал ничком, из его груди вырывался хрип, но револьвера он из рук не выпускал. Перевернув его, сестра милосердия Ксения обнаружила на лбу большую кровоточащую рану от шрапнели. Она занялась им, а мы отправились на место боя за другими ранеными. Я пошел вперед, кто-то вернулся за подводами для раненых. Немного спустя я нашел своего друга-кадета и отнес его на руках к сестре. Пока мы дожидались перевязки, и подхода подводы, мой друг очнулся и спросил: «Что случилось? Больно! Куда я ранен?» Он был ранен в обе ноги, и пуля снесла ему щиколотку. Мы дали ему попить немного воды, и рассказали, как ему повезло, что он совсем недолго побывал в стане противника, с него сняли сапоги, а штаны оставили, так как они были в крови. Вдруг он закричал «Где моя табакерка? Моя сере-

бряная, с золотым вензелем и в бриллиантах табакерка?» – «Наверно, ее взял противник», – предположили мы. «Ох! Лучше бы убило меня, а не лишило табакерки, ведь она у меня от отца, полковника, а его уже нет в живых. Он ее получил за отличие в бою. Она мой талисман. Помню, что она была у меня в кармане до ранения». Бумага не потерпит тех выражений, которыми он кистил мародеров. Он клялся и обещал, что жестоко отомстит им за все! Сестра сделала ему повязку, санитары положили его на подводу и увезли, а он все честил, не умолкая. Солнце стало сильно пригревать. Сестра отправилась на подводе с командиром батальона, но перед нами, выразила свое беспокойство, что, не смотря на то, что его немедля прооперируют, он вряд ли останется в живых, ведь у него затронут мозг. Что же касается кадета, она уверена, что выживет, но, возможно, ему придется ампутировать ногу.

Обсудив с нами ход боя, ротный командир расставил дополнительные сторожевые посты.

Екатеринодар

После моего ранения 2 октября 1918 г. меня посадили в санитарный поезд и отправили в Екатеринодар. Туда мы прибыли вечером и началась разгрузка раненых, т.к. я был почти гол то мне дали обмундирование одного казака, который умер еще по дороге. Сначала нас отнесли на распредел. пункт. Долго пришлось ждать, пока нас расквартируют. Наконец в числе последних меня отправили в госпиталь, который находился в ... училище. Положили меня в 3-ю палату. Переночевал спокойно. Наутро начали делать перевязку ран. Я не мог говорить, потерял голос. Сдружившись впоследствии с пор. Шавидским мы начали ходить по разным вечерам. Начали пить водку и нюхать кокаин. Водка и кокаин помогли моему голосу, и он у меня появился.

Однажды Шавидский меня приглашает пойти на вечер в клуб. Я согласился и мы пошли. Там мы познакомились с двумя офи-

церами. Пробыв 2 часа с ними, решили пойти в номер и провести остаток ночи в нюхании кокаина, но т. к. кокаин у нас кончился, мы нашли одного поручика, который имел кокаин, и пригласили его с собой. Утром мы были встречены Еленой Никодимовой (нашей сестрой). Когда я вернулся в госпиталь и посмотрел на свою физиономию, то пришел в ужас настолько я изменился. Прошло Рождество и январь. В феврале я уехал на несколько дней в Новочеркасск. Подробно не буду описывать, как провел время до Пасхи. Как-то раз, перед Пасхой по обыкновению я пошел на Красную улицу, где было намечено свидание с одной девочкой. Мне пришлось ждать долго и напрасно. Она не пришла, с горя я пошел прогуляться по улице. Часов в 12 пошел в ресторан выпить с горя и немного поужинать. Сел одиноко в угол и начал пить, как настоящий пьяница, для которого компания не имеет никакого значения. Сижу я, и черные мысли лезут в голову. Я так углубился в себя, что не обращал внимания на окружающих. Вдруг один тонкий и веселый смех заставил меня очнуться. Он раздавался из соседнего со мною кабинета, в котором веселилась какая-то компания. Но не самый смех заставил меня очутиться, а то, что он был мне знаком. Я начал перебирать в голове, чей бы этот смех мог быть. После долгих стараний я узнал смех Аси. Тогда возник передо мною вопрос, как и с кем бы она могла быть. Здесь всплыло много картин прошлого, когда я с нею ходил, и она смеялась, так же и сделалось мне так грустно за прошлое и за то, что я бросил ее, и захотелось мне снова пережить все. Но я знал, что это почти невозможно, и потому решил, что хоть еще раз, но она должна быть моею. В эту минуту мои мысли прервались шумом открывшейся двери, в дверях появилась она – такая веселая и такая хорошенькая. Она была теперь куда красивее, чем раньше, и уже выглядела женщиной. Ее сопровождал какой-то штатский. Я отвернулся, чтобы не расстраивать себя и сделал вид, что не вижу ее. Здесь произошло то, чего я никак не ожидал. Увидев меня, она бросилась ко мне и сама поздоровалась со мною. Я смутился, но скоро оправил-

ся и начал извиняться за свою рассеянность. Она обрадовалась нашей встрече и засыпала меня вопросами: где я проживаю, что не было меня видно, не ранен ли я опять и так далее, так что я не успевал отвечать ей на вопросы. В конце концов, она успокоилась немного и познакомила меня со своим кавалером. Мы холодно представились друг другу. Она же меня представила как своего старого друга детства.

1919 г., Главная квартира

Военно-полевой суд. Казнь осужденных на перроне вокзала: три дня с виселиц не снимают тела с табличками на груди.

Март 1919 – пересеем реку Донец по железнодорожному мосту. Взятие первой станции на линии Лисичанск – Куянск – Белгород. Проверка телефонного провода от вокзала до леса. Взятие в плен мною 18 красноармейцев. Изъятие денег, передача в тылу пленных с обещанием сохранить им жизнь за исключением одного человека еврея, которому я этого не обещаю, но предлагаю ему сказать, что его взял в плен кадет Чакалов и обещал сохранить жизнь. Состоявшаяся спустя некоторое время встреча с пленными, подтвердила, что все они живы. Деньги были переданы в фонд создания кооперативной лавки 7-й роты. Во время наступления на Куянск этот человек был старшим связным Образцова. Куянск – апрель 1919 г. – двое китайцев были ординарцами Образцова. Бал, организованный ген. Тимоносовым – Образцов отказал мне в разрешении остаться на балу. Белгород – наступление на Курск – бой с бронепоездом. Военно-полевой суд над коммунистом из нашей роты. Казнь во дворе мехообделочной фабрики. Июль – наступление на Сумы. Ранение – эвакуация Белгорода – выздоровление. Комендантская команда Белгорода – адъютант Матнехов. Кадет Петров ночует у командира. Обыск у сомнительных лиц – обыск у железнодорожного служащего. Обыск у спекулянта, предложившего 20 000 рублей. Летний бал в парке. Казнь двух шпионов. Пикник за городом. Пьяная супруга артиста. Заражение – лечение; любовные свидания. Военно-полевой суд над 8 коммунистами и их казнь. Балы и танцы. Встреча с сестрой милосердия, у которой хранился значок Тодорова. Карательный отряд в деревне – направление Курск. Обыск сомнительных домов – изъятие у крестьян льняного полотна. Изъятие денег и ценностей у крестьян. В гостях у попа в 10–15 км от Белгорода. Эвакуация – поездка Харьков – Изюм – арест большевика, который попытался меня убить, но мой друг застрелил его.

Белгород. Сентябрь. На маскараде

В одну из суббот в конце сентября в зале т. «Одеон» устроили бал маскарад. Я и Сережа как постоянные посетители балов и веселых мест решили пойти на маскарад. Часов в 9 мы уже были одеты в марковские мундиры и собрались идти на маскарад. На маскараде должны были быть Валя, Вера и Мура. Мы отправи-

лись туда к 9½. Маскарад уже был в разгаре. Мы отправились прямо к комендантской ложе, где и оставили свои шинели и фуражки. В ожидании наших дам мы начали прогуливаться по зале и старались узнать, кто находится под масками. В такой прогулке мы провели около ½ часа, шутя и задевая маски, которые нас знали. Как мы не старались догадаться, откуда они нас знают, и кто они, но это нам не удалось. Я и Сережа решили не стараться больше узнать незнакомок, а идти ближе к дамам. Мы попросили их сказать свои имена и сказали, что их не знаем. Они конечно нам не сказали свои имена, а сказали чужие. Как сейчас помню одна, которая была поменьше, назвалась Зина, а другая побольше – Женья. Я начал валять дурака с меньшей, которая была хорошенькой, судя по ножкам и фигуре. Однако она была чертиком вся в черном. Ножки были очень маленькие и шикарные, фигурка миниатюрная и казалось точеной. Сережа начал ухаживать за Женей. Женья представляла собой тоже очень грациозное существо. Одета в костюм феи, она действительно была похожа на фею своею грациозностью. Как всегда на маскарадах, мы начали с ничего не значащих фраз вроде: «Я тебя знаю», «Ты очень хороша», «Твои миниатюрные ножки как будто созданы только для поцелуев» и т. д. Нужно заметить для тех, которые этого не знают, что на маскараде обыкновенно принято говорить со всеми на «ты». После первых банальных фраз начался более литературный разговор о разных вещах. Скоро мы начали болтать, как будто мы знакомы уже давно. Так прошло еще ½ часа. Когда мы проходили мимо буфета, я предложил туда зайти. Конечно, Сережа меня сразу поддержал, и нашим маскам ничего не оставалось делать, как согласиться с нами. Мы сели за столик и заказали бутылку хорошего вина и фрукты. Зина и Женья начали протестовать против того, чтобы пить вино, но в конце концов мы их уговорили и, посидев немного за вином, решили пойти танцевать. Перед тем как уйти, Сережа шепнул мне, что нужно купить конфеты. Мы купили по коробке, каждый для своей маски. Выйдя из буфета, мы направились в танцевальный зал. Я, как не

танцующий после ранения в горло, передал свою даму кавалеру, который подошел к нам с предложением потанцевать. Сережа тоже не мог танцевать, потому что был ранен в грудь и это ему мешало. Передав Женю и Зину кавалерам, мы им сказали, что будем их ждать у комендантской ложи. Они обещали, что как только закончат танцевать, подойдут к нам. Мы уселись в ложе и начали наблюдать. Должен вам заметить, что наша ложа находилась около самого оркестра, была открыта, т. е. не имела перегородок, и выходила прямо в зал. Здесь произошел один интересный случай, который считаю нужным упомянуть. Вдруг в самой середине веселья электричество потухло. Конечно, сейчас же получилась суматоха. Неожиданно мы услышали шелест платья и вдруг, какая-то фигура вошла в ложу и воспользовавшись темнотой решила взять конфеты. Здесь я решил не упускать удобного случая и начал тихо без всяких восклицаний бороться с маской. Я, конечно, сразу почувствовал, что передо мной находится женщина. В тот момент меня не интересовало, кто она такая. Она со своей стороны начала защищаться. Мне показалось, что она защищается нарочно и потому я пошел дальше. Маска сдалась, и я посадил ее к себе на колени и начал целоваться. Поцелуи пошли взасос. От поцелуев я понял, что она страстная и бывалая баба. После этого пошло... От этих объятий и поцелуев я раздразнился довольно сильно. Это не могло продолжаться долго. В самом интересном месте электричество зажглось. Она сидела у меня на коленях, и мы наслаждались этим. После этого мы вернулись в зал. Там мы сразу встретились с Женей и Зиной. Они нам сказали, что ищут нас давно. Мы извинились тем, что у нас было дело и нам нужно было пойти в ком. управл. Они нам поверили и, таким образом, мы были снова вместе. Разговаривая о всякой всячине, мы незаметно разошлись, т. е. я с Зиной и Сережа с Женей, и потеряли друг друга. Я так увлекся разговором, что сразу не заметил этого. Зина тоже не заметила этого. Я все время старался намеками узнать, не будет ли иметь она что-нибудь против нашего дальнейшего знакомства, но она все отделялась

улыбками, так что я не мог ничего добыться определенного. Так мы провели наш вечер, и когда она меня спросила, который час, я ей ответил что уже 1½. Немного погодя началась американская лотерея. Зина изъявила желание пойти посмотреть, что делается на лотарее, и мы пошли посмотреть. Там нам понравилась одна вещь – корзинка с искусственными фруктами. Я спросил, нравится ли ей эта корзинка, и когда она ответила утвердительно, я решил во что бы то ни стало взять ее. Дошла очередь до корзинки. Она сразу начала подниматься в цене. По всему было видно, что желающих взять ее много. Я выждал момента, когда останутся двое тогда начал сам набавлять покрупнее. В конце концов, она осталась за мною, хотя она не стоила больше 200 рублей, она мне обошлась в 400 рублей. Как только ее принесли, я ее подарил Зине, отчего она была тронута. Немного погодя, кончился базар и по традициям маскарада все должны снять свои маски. Зина не хотела почему то снять свою маску, а хотела уехать домой, как я ее ни просил, она не согласилась. Тогда я предложил пойти найти Сережу и проводить их. Мы долго искали их, потом Женя тоже захотела уехать и маски своей не сняла. Она направилась в гардеробную одеваться. Немного попозже, мы уже были одеты и ждали их у подъезда. Они вышли, но опять были в масках. Я позвал извозчика и приказал ехать.

Кто не знает и не испытал на себе осенние ночи, когда луна светит и придает окружающему какую-то неземную красоту! Так тебе кажется, что ты находишься в другом мире и забываешь все земное. Выехав за город, мы почувствовали всю прелесть осенней ночи, и отдались ее власти. Нам казалось все таким восхитительным. Под влиянием прекрасной ночи мне казалось, что я давно знаком с Зиной и давно ее любил, но не было случая обясниться с нею. Это все промелькнуло у меня в один миг, и я решился. Начал издалека, стараясь придать себе равнодушный вид, но когда находишься под влиянием такой ночи, очень трудно сдержаться. Я не в силах овладеть собою, начал выказывать свою страсть. Она тоже была под влиянием ночи. Мы говорили о раз-

ном, и в каждом нашем слове просвечивало наше настроение. Я уже начал говорить о любви и об отношениях. Обняв ее, я начал нашептывать ей слова любви. Она не сопротивлялась, а только еще больше прижималась ко мне. Мы подъехали к рассаднику и извозчики развернулись назад. При повороте я заметил, что Сережа тоже сидит, обнявшись с Женей и что-то ей горячо объясняет. На обратном пути я был настолько возбужден, что уже не владел собою. Эта моя возбужденность передалась Зине. Не знаю, как это вышло, но у нас губы слились в один продолжительный и страстный поцелуй. Зина дрожала в моих объятиях. Но ...после нескольких таких поцелуев мы оказались уже в городе. Было уже 2½, мы приказали извозчикам ехать по адресу, который нам назвала Зина. И так нашему счастью пришел конец. Попрощавшись, Зина обещала утром прийти на Короченскую, я был счастлив. Вот калитка за ними закрылась, и мы остались вдвоем с Сережей. Приехав к себе, мы были удивлены, услышав женские голоса. Это были голоса Веры, Вали и Муры. Но какую картину мы застали там! Почти все дамы были навеселе, не говоря о кавалерах. Нас встретили с шумом и упреками – Валя подлетела ко мне, а Мура к Сереже, и началась сцена ревности, почему мы гуляли с какими-то другими, а не с ними. Нам стоило большого труда их успокоить. В наказание нам налили по стакану водки, чтобы мы выпили. Скоро мы почувствовали воздействие водки, после чего началось что-то невероятное. Хоть я и много выпил, но помню, как усадил к себе на колени Веру и Валу и целовал их по очереди. После этого я очутился в спальне Ел. Кон., где, устроившись с Валею в уголке на диване, скрылся от посторонних глаз. Я целовал ее сначала в губы, потом в глаза опускаясь все ниже и ниже, она вся дрожала от страсти. Здесь я уже забылся, снял с нее кофточку и начал сосать соски. Она лежала на диване, тяжело дыша, но я уже оказался уже больше не на что не способным, потому что переутомился. У Вали тоже скоро прошло возбуждение, потому что она не выдержала и кончила... Успокоившись немного, я помог ей одеть кофточку, и мы выпш-

ли в комнату, где продолжалось пьянство и веселье. Уже было светло, когда мы развели домой дам и легли спать. Спали мы с Сережей как убитые до обеда. Встав, умывшись и одевшись, мы вышли к обеду бодрыми, как будто и не провели ночь в пьянстве и разгуле. После обеда мы вернулись к себе в комнату, где, усевшись в кресла, закурили и погрузились каждый в свои думы. Что думал Сережа, я не знаю, но я думал о своей вчерашней незнакомке и о свидании с нею. Я спросил, куда он думает идти. Он мне ответил, что на свидание к Жене. Я сообщил ему, что я тоже собираюсь на свидание с Зиной. Только теперь я понял, что я не смогу узнать Зину, потому что я ее видел только в маске. Я высказал свои соображения Сереже, и он согласился со мной.

Мы двинулись вместе с Сережей к Красной (Корочанской) улице, где было назначено свидание. Придя туда, стали прогуливаться в надежде, что, может быть, нам удастся узнать Зину и Женю.

Таким образом, мы ходили около $\frac{1}{2}$ часа, но напрасно: нам не удалось узнать их. Нам понравилась одна парочка, которая проходила мимо нас дважды. Мы решили, чтобы не терять зря время, приударить за нею. Когда они прошли третий раз, мы повернули за ним и начали их преследовать. Попытались заговорить с ними, но получили от них ответ, который был нам не очень приятен. После этого ответа мы стали нахальными и начали приставать еще больше. Вдруг они развернулись круто, и мы встретились лицом к лицу. Они рассмеялись нам в лицо, у нас мелькнула одна и та же мысль: „Не они ли?“ Их смех выдал их. Это были Женья и Зина. Мы, поздоровавшись, пошли вместе. Да, это были они. Проходя мимо кондитерской под «Одеоном», я предложил зайти туда. Войдя, сев за стол, мы начали смеяться, и шутить по поводу нашего ухаживания и преследования их. В смехе и шутках прошло время, пора было им идти домой. Мы предложили проводить их. Оказалось что они двоюродные сестры. Дойдя до их дома, они пригласили нас к себе. Конечно же, мы сразу согласились на это. Когда разделись и вошли в столовую мы были представлены матери и отцу Зины, которые встретили нас очень мило. Начался

общий разговор, скоро отец и мать вышли, и мы остались одни. Разговор принял более интимный характер. Таким образом, мы просидели порядочно, пока наш разговор не был прерван приходом матери, которая начала накрывать на стол. Решив, что это тонкий намек на наш уход, мы стали прощаться, но мать воспротивилась этому, и нам поневоле пришлось остаться, что было нам очень приятно. Сев за стол мы просидели таким образом до 10 часов. Тут мы уже решили, что нам пора, встали и начали прощаться. Нас приглашали заходить к ним еще. Поблагодарив, мы ушли. Только теперь мы узнали, что они еврейки. Это нам не помешало продолжить с ними начатые отношения, и мы часто встречались и заходили к ним. Все дело клонилось к одному... Наши отношения становились все более близкими. Раз, когда мы встретились с ним, они предложили нам зайти к ним говоря, что они остались одни, отец и мать уехали в Харьков по делу на два дня, что им скучно одним сидеть дома. Мы, конечно, согласились. Зайдя к ним, мы действительно никого не застали. Сначала вели общий разговор, потом разделись. Я сел с Зиной в одном углу, а Сережа в другом с Женей. Мы уединились, чтобы не мешать друг другу. Поболтав немного с Зиной, я предложил перейти в другую комнату, чтобы Сережа с Женей не мешали и чтобы мы не стеснялись их. Зина как будто этого ждала и сразу согласилась, предложив мне перейти в спальню матери. Извинившись, мы вышли. Придя в спальню, я сел в глубокое кресло и посадил Зину на колени. Потом мы перешли на кровать, где чувствовали себя удобнее. Мы легли рядом, электричество, конечно, не зажигали. В темноте мы чувствовали себя свободнее. Только на кровати я начал чувствовать, что со мною рядом находится не невинная девчонка, а женщина, позже я убедился в этом. Я не могу вспоминать эти поцелуи иначе как с болью в душе, что, может быть, мне не придется испытать эту радость еще раз. Итак, эти поцелуи меня заставили забыть. В тот момент я не владел собою. Если бы вы только испытали, то, что переживал в ту минуту я!

Я полулежал в кресле, Зина была в моих объятиях. Я чувство-

вал теплоту ее тела и упивался этим. Наши поцелуи были так горячи, так приятны, что у меня зашумело в голове. Головка Зины была немного опрокинута назад. Ее глаза были полузакрытыми, она вся отдавалась наслаждению.

В порыве восторга и опьянения, дрожащими от волнения руками, я начал снимать ее кофточку и не сразу разобрал томный шепот Зины: «Милый не надо, не надо, ради Бога, я и так вся твоя, мне стыдно». Действительно, я заметил в темноте, как она покраснела и закрыла лицо руками. Но в эту минуту я был не в состоянии думать о ее стыде, мне казалось, что она притворяется. После когда я узнал ее ближе, я задумался над вопросом, неужели она так невинна, хотя женщина, которая несколько раз отдавалась мужчинам, не может быть такой стыдливой. Я не смог ответить себе на этот вопрос ни тогда, ни сейчас, когда пишу эти воспоминания. Мне кажется, что женщина есть существо, которое в некоторых случаях нельзя понять. Я тогда был еще очень молод и до некоторой степени был идеалистом в отношении женщин. Сейчас, попав в такую же обстановку, я думаю, что вел бы себя совершенно иначе.

Тогда я колебался всего минуту, пока возбуждение не взяло верх, и я уже не мог совладать с собою. Я продолжал свое дело, и когда показалась небольшая часть ее белой и свежей привлекательной груди, я начал покрывать ее поцелуями. Это было что-то восхитительное. В полу тьме комнаты, освещенной уличными фонарями, белели ее восхитительные белоснежные груди, я припал к ним лицом и начал осыпать их поцелуями. Я уже не воображал ничего, а только хотел теплоты этого женского тела. Зина, вся дрожа в моих объятиях, шептала «Ах! Степа, Степа»...

Но всему приходит конец, наше возбуждение прошло, и мы понемногу стали приходить в себя и скоро совершенно успокоились, чувствуя одну только приятную усталость.

Изредка мы целовались, но уже не с таким пылом. Зина, приведя свой костюм в порядок, села ко мне на колени. Мы начали говорить о впечатлениях. Таким образом, незаметно прошло по-

рядочно времени, и когда я посмотрел на часы, то уже было далеко за 12. Я предложил Зине спросить Сережу, не пора ли нам пить чай, нам ответили, что, действительно, пора. Мы вошли в столовую, где находились Сережа с Женей и начали спорить о том, кому заняться самоваром. В конце концов, решили: Сережа с Женей должны, были приготовить все к чаю, а мы с Зиной пойдем ставить самовар. Мы оставили Сережу и Женю в столовой, а сами пошли в кухню ставить самовар.

Конечно, я больше мешал Зине, чем помогал, поминутно лез к ней то с шуткой, то целовать. В конце концов, нам удалось поставить самовар; в ожидании пока он закипит, мы вернулись в столовую. Женя с Сережей уже все приготовили и сели на диван, ожидая самовар. Мы присели к ним и начали шутить и смеяться. Скоро Зина пошла на кухню и сообщила что самовар уже готов. Я пошел и принес его, все присели к столу. За чаем мы провели довольно много времени, нужно было идти домой, и мы начали поговаривать об этом. Зина и Женя не хотели, слышат об этом, и предложили остаться спать в кабинете отца. Мы и отрез отказались от этого предложения, посчитав его неудобным. Договорившись насчет следующего свидания, мы ушли от них, вполне довольные проведенным временем. Домой пришли около 4-х часов и сразу завалились спать.

На следующий день под вечер мы отправились на встречу с Зиной и Женей.

Мы сразу начали намекать, что не мешало бы нам собраться еще разок и так же весело провести время. Они пригласили нас зайти завтра к ним, если только не приедут родители. Мы с удовольствием согласились на их предложение.

День свадьбы Женьки Матюхова

Встав по обыкновению в 9 часов, идя умываться, я увидел, что Женя уже давно вымылся и хлопчет над приготовлением свадьбы. Я и Сережка принялись помогать ему. Сходили в город и сде-

лали покупки для Жени. Не буду описывать приготовления и хлопоты, которыми сопровождается каждая свадьба, а перейду прямо к самой свадьбе. К 6 часам все были в сборе. Нас было шесть шаферов и у каждого по одной шаферке. Кроме того каждый имел тройку. Меня и Сережу отправили вперед к невесте. Там мы нашли всех шаферок в сборе и трех из них отправили к жениху. Когда мы приехали, то нашли невесту еще не одетой, шаферки тоже были еще не готовы. Должен упомянуть, что со мною шаферкой была Валя, а с Сережей его Мура. Я имел дело с Валей, а Сережа с Мурой. Мы их нашли еще не одетыми и, конечно, не стеснясь, начали им помогать. Со смехом и шутками мы помогали им одеться. Наконец подошло время, ехать в церковь. С шутками мы уселись каждый в свою тройку и покатались к церкви. В первой тройке ехала Таня с Иваном Григорьевичем. За ними ехала моя, в которой ехали я и Валя. За нами уже Сережа и Мура. Наши друзья уже ждали нас с нетерпением. Сам обряд не буду описывать подробно, спустя час мы ехали в дом невесты, где нас ожидали посаженная мать и посаженный отец. Отцом был комендант полк. Митрофанов. По дороге мы пустили тройки во всю прыть и начали гонку при общем смехе и шутках. Таким образом мы прибыли в дом невесты. Там выпили по бокалу шампанского, поздравили молодых и отправились в Комендантское управление, где нас ждали другие гости, ужин и музыка. Как только приехали музыканты заиграли, и мы под музыку, расселись по столам и начался оживленный ужин. Сам ужин с его тостами и подробностями описывать не буду, а только скажу, что к концу ужина почти все были навеселе, не исключая жениха и невесту. После ужина начались танцы и общее веселье. Я останавливаюсь подробнее на себе и Сереже. Будучи оба под градусом, мы были, веселы и смелы. Я не помню, почему стал увиваться возле Веры, с которой был в близких отношениях, но не настолько, чтобы мог позволить что-нибудь. Она тоже была под хмельком и поэтому была тоже очень веселой и чересчур свободной. Не знаю, как, но помню только то, что, в конце концов, она очутилась

у меня на коленях в одном из углов и пошли объяснения в любви. Потом я покинул ее на одну минуту и подошел к Сереже, чтобы предупредить его, что наша комната будет занята мною на полчаса. Вернувшись к Вере, я повел ее в нашу комнату, где и женился на ней, хотя и не венчался предварительно в церкви. Покончив дело, я вернулся обратно, как будто ничего и не было. Меня сейчас же позвала Валя, и начала спрашивать, где я был. Я обрадовался этому, потому что не хотел больше оставаться с Верой. Так я пробыл с Валею около получаса, как вдруг установилось изчезновение Сережи и Нины, которая была по уши влюблена в Сережу. Я предположил, в чем дело, но я ошибся, дело вышло куда интереснее, чем я думал, но об этом позже. Часам к двум ночи все были пьяны, и уже начался разгул без стеснения. Так мы пробыли на свадьбе до четырех часов ночи, после чего решили расходиться. Мне было поручено проводить Валею, Муру, Веру и Нину большую, а Сереже – Таню и Катю. Я посадил своих дам в тройку и приказал везти окружным путем, чтобы потянуть время. Только как мы тронулись, не знаю, что со мною случилось, но я, чувствуя себя настолько свободным, начал глумиться над всеми и рассказывать разные соленые анекдоты. Они не были против этого, только смеялись, и это прибавляло мне смелости. В конце концов, мы приехали к дому, где жили Вера, Валя и Мура. Прощание было трогательное. Мы долго целовались и обнимались. Когда я начал прощаться с Верой, она мне шепнула, что я ей очень нравлюсь, и что она бы с большим удовольствием повторила эту ночь еще раз. Конечно, я ей это обещал и не только обещал, но и исполнил, о чем напишу дальше. Когда, наконец, мы распрощались, я сел в тройку и приказал ехать к Нининому дому. Не помню почему, но у меня появилось ужасное желание обладать Ниной. Будучи еще под хмелем, я, конечно, решил, что это можно сделать легко. Когда мы приехали к ее дому, я приказал ямщику приехать через два часа и поднялся в ее комнату. Должен сказать, что она жила одна. Ее родители жили где-то в другом городе. Поднявшись в ее комнату, я

начал ее раздевать. Это я сделал в одну минуту. Я разделся догола и бросился на кровать, где уже лежала Нина. Одним сильным взмахом, я сорвал с нее ее рубашку, наши руки переплелись, а губы слились в один страстный поцелуй. Когда первый порыв страсти прошел, мы лежа, начали болтать о том, о сем. Это не продолжилось долго. После первого порыва, наступил второй не менее сильный. Мы поменялись ролями с Ниной. Она была на мне. Этот порыв был менее приятным и страстным. После этого порыва мы успокоились, и я начал думать, как бы разнообразить нашу страстную и счастливую ночь. Я начал говорить разные глупости, которые говорят в таких случаях. Она оставалась холодной к моим горячим словам. Тогда я прибег к одному из способов для возбуждения. Сейчас, когда пишу эти строки, мне кажется, что я испытывал любовь к ней. Я бросился на ее грудь и начал сосать ее соски языком. Не прошло и одной минуты, как она вздрогнула и пришла в такое возбужденное состояние, что я решил использовать это для своих низких целей. Я ей предложил показать гусарский способ. Она согласилась. Я сел на стул, а она села на мои колени и начала двигаться, как будто едет на коне. Это ей очень понравилось и потому продолжалось долго. После этого я делал с нею все, что мне хотелось. Не буду описывать это. Наконец часам к 6½ приехала за мной тройка и я, попрощавшись, уехал. Я обещал прийти дня через два. Выйдя на улицу, я сел в сани и сказал ямщику ехать скорее. Не прошло и одной минуты как мне казалось, как мы подъехали к подъезду комендантского управления. Я поднялся в свою комнату, где ждал меня Сережа. Оказалось, что он сам вернулся недавно. Мы начали раздеваться. Вдруг Сережа, посмотрев на меня, посоветовал поглядеться в зеркало. Я посмотрел и пришел в ужас. На меня смотрело како-то страшное лицо. Я не узнал себя. Мы легли спать и спали до 2-х часов дня, когда нас разбудили к обеду. Мое лицо приняло обыкновенный вид. Пообедав, мы пошли в свою комнату и начали рассказывать друг другу свои вчерашние похождения. Я ему рассказал свои, а от него услышал его интересные

похождения. Он сначала не обращал внимание на Нину мал., а валял дурака с Таней. Нина начала ревновать к Тане и не давала покою Сереже, звала к себе, чтобы сообщить ему какую-то интересную вещь. В конце концов Сережа согласился и присел к ней, извинившись предварительно перед Таней. Но Нина не удовлетворилась этим и попросила отвести ее куда-нибудь, где бы их никто не услышал. Сережа не знал, куда бы ее отвести, потому что знал, что я нахожусь в нашей комнате. Для того чтобы выиграть время, он стал шутить и разговаривать с нею. Это продолжилось недолго, потому что я скоро вернулся, а он повел ее в нашу комнату. Они прошли туда, и как только он по ее просьбе запер комнату на ключ она бросилась ему на шею и начала страстно объясняться в любви. Сережа сначала притворился удивленным, но потом ответил тем же самым. Он ее довел до того что она сказала роковые слова: «Милый мой, возьми меня, я вся твоя телом и душой». Он воспользовался этим, и, не дожидаясь, что бы она повторила просьбу, положил ее на кровать. Но здесь случилось невероятное – он потерял возможность удовлетворить ее страсть. Она думала, что он хочет довести ее до белого коленья, лежала готовая броситься в омут безрассудной страсти, смотря на него взглядом, который показывал всю ее страсть. Заметив, что он не торопится, она начала его умолять, чтобы он не мучил ее и начинал, потому что она уже не в силах терпеть. Но когда услышала его объяснения, пришла в ярость и начала его проклинать и ругаться. Когда ее ярость прошла, она решила сама привести его в такое состояние, чтобы он был способным ее удовлетворить. Сначала она разделась догола, обняла его шею и начала его возбуждать, но это не помогло. Тогда она его раздела и когда они оба были голыми, прижалась к его тылу своим теплым телом. Это тоже не помогло. Вы, конечно, можете себе представить его положение! Одевшись, они пришли обратно в залу и продолжили веселье, как будто ничего не было. Когда подошло время ехать по домам, Сережа принял одну таблетку, которую ему дал д-р П-к. Нина попросила его, чтобы он притво-

рился, что уезжает, а спустя $\frac{1}{2}$ часа чтобы пришел и постучался в окно. Он повез Катю домой. Чтобы подготовиться к предстоящему делу, он валял дурака с Катей до тех пор, пока она не начала прижиматься к нему. Он приказал ехать к питомнику, а сам посадил ее на колени, так чтобы она ехала как будто на лошади. Катя была баба страстная и вся отдалась в этот миг счастья. Это действительно была минута упоения, которая может быть только раз в жизни. Сколько это продолжалось, он не мог сказать, опомнился, только когда они подъехали к дому Кати. При прощании она просила, чтобы он зашел к ней, но он наотрез отказался. Чтобы избавиться от нее скорее, он обещал заехать к ней на днях. Он приказал ямщику приехать через $\frac{1}{2}$ часа к дому Нины и там подождать его. Сам взял еще одну пилюлю и пошел к Нине. Дошел туда за 10 минут, которые были нужны для того чтобы лекарство полностью подействовало. Он постучал в окно Нины, которое тут же осветилось. Спустя минуту дверь открылась и показалась Нина. Она обняла его и поцеловала крепко-крепко. В одно мгновение он очутился в ее комнате. Она его уже ждала и была готова для этого. Ее костюм был очень не затейливым – один пенюар и под ним рубашонка. Он моментально стал раздеваться и был уже около нее, обняв ее, пошел к кровати. Там он снял с нее пенюар и сам сбросил рубашку и только хотел начать дело, как вдруг она выскользнула из его рук и начала смеяться над ним. Это привело его в ярость, и он захотел силой заставить ее подчиниться своему желанию. Между тем завязалась борьба, в тот момент, когда он уже думал что она в его власти, она вскрикнула и вдруг и вдруг – О, ужас! Представьте себе положение Сережи – дверь в комнату открылась и на пороге в ночной рубашке показалась Таня, смотрящая на них с удивлением. Потом подходит к Сереже и, глядя ему прямо в глаза, говорит: «Подлец». Это его ошпарило как кипятком, и он сейчас же оделся, не говоря ни слова, взялся за ручку двери, собираясь уходить. Потом гневно обернулся к кровати, на которой лежала Нина и увидел, что та плачет. Тани уже не было – она ушла во время его одева-

ния. Он услышал сквозь слезы только одно «Прости, милый Сережа. Я хотела только пошутить». Не говоря ни слова, он вышел из комнаты и очутился в коридоре. К большому своему удивлению он заметил, что дверь комнаты Тани открыта и Таня стоит полуодетая как будто поджидает его, она бросилась к нему, но сразу остановилась как будто, что то ей мешало. Сережа в полумраке заметил, что она тоже плачет. Он остановился и стал ждать, что будет дальше. Таня, наконец, подавила приступ слез и попросила его одну минуту ее выслушать, чтобы объясниться. Он решил узнать, в чем дело, и согласился. Она начала умолять Сережу, чтобы он ее не покидал. Потом она сказала, что любит его, и не знает, что сделает с собой, если она его лишится. Сережа был тронут признанием и начал извиняться перед нею и просить, чтоб она его простила. Таня бросилась ему на шею. Тут уже Сережа не помнит ясно, что было дальше. Вспоминается только, как Таня в порыве страсти, сбросила с себя все и бросилась ему на шею. Он не помнит, как разделся и что было потом, но когда опомнился, уже было поздно – Таня была лишена невинности, и он был виновником этого. Ему стало стыдно своего поступка, и он решил скорее уйти. Начал поспешно одеваться и заметил следы крови. Одевшись, он попрощался с Таней и вышел в коридор. Когда он проходил мимо двери Нины, оттуда высунулась рука и передала ему письмо. Он, не обернувшись, положил его в карман. Только утром он вспомнил о нем и прочел. Кончив свой рассказ, он мне дал прочесть письмо Нины, которое он получил вчера таким странным образом. Приблизительно оно было следующего содержания.

Дорогой Сережа,

Ты может быть, думаешь, что я сержусь на тебя и на Таню. Нет, я не сержусь, хотя и знаю, что было после твоего ухода. Как только ты вошел в ее комнату, я написала это письмо, чтобы показать тебе, что я не такая девчонка, как Таня и что не ревную тебя. Если я хочу что-нибудь, то должна это получить. Так и сейчас,

хотела, чтобы ты хотя бы одну ночь был моим и, хотя ты изменил мне, я не отказываюсь от своего решения. Ты сделал большую глупость, что лишил невинности Таню, потому что этим ты связываешь себе руки. Итак, если ты согласен на мое предложение, то можешь мне сообщить об этом, но так, чтобы никто не знал. Пусть останется все, что было между нами, в тайне. Написала бы еще многое, но боюсь не успеть, ты выйдешь и тогда я не смогу тебе передать это письмо. Пока, будь здоров и не забудь то, о чем я тебя прошу. Остаюсь твоей, телом и душой.

Нина

Октябрь 1919 г.

г. Белгород

Сейчас пока прекращаю писать об этом, но должен упомянуть, что Сережа ходил к Нине и провел время весело. Я же, со своей стороны тоже ходил к своей Нине. Подробности об этом и дальнейшие наши приключения опишу в другой раз, как и то, как Сережа чуть не женился на Тане.

Расстрел самозванца (рассказ Сережи)

Мне было приказано штабом полка привести в исполнение решение суда.

Дело в том, что был полевой суд над одним самозванцем, который присудил его к расстрелу. Так как весь полк знает меня как любителя сильных ощущений, как хотите это назовите, мне было поручено расстрелять его. Вот что этому предшествовало.

Во время взятия города К. нами были мобилизованы все бывшие офицеры, в число которых попал и этот самозванец Комиссаров, которого при формировании 4-го батальона нашего полка поставили на командную должность.

Я, как бывалый вояка, был послан в этот батальон в 15-ю роту. Я был назначен начальником связи при ротном командире и жил с пом. р. ком. Так как нам не нужно было ходить на занятия, я вста-

вал поздно и только к 10–11 часам отправлялся смотреть, как они проходят. Однажды от нечего делать, пошел на занятия вместе с пом. р. к. Пока что проводили только одиночные учения, так что взводные командиры не принимали в них участие. Проходя мимо второго взвода, мы были удивлены тем, что все солдаты уже были вымуштрованы. И пом. р. к. сказал, что можно приступать к взводным учениям. Мы остановились, и стали смотреть как будут производиться эти учения. Взводным командиром был Комиссаров. Еще с самого начала мы заметили, что последний не может подать правильной команды, поэтому пом. р.к. приказал мне принять взвод и произвести учебу. Я принял командование взводом и начал отдавать команды. Положение сразу изменилось и взвод начал выполнять все мои команды с большим успехом, п.р.к. остался очень доволен. Видя, что солдаты подготовлены, он приказал взводному обучать солдат дальше, но у него появилось сомнение, действительно ли Комиссаров был офицером, которое он сообщил мне, когда мы отошли к другим взводам. Так прошло 2 часа. Когда была дана команда «Вольно, оправиться» ротный, пом. р., дежур., и я собрались в сторонке и начали болтать о том, о сем. Между тем в разговор вступил и Комиссаров. Р.к. сообщил свое недовольство ведением дел Комиссаровым. Через полчаса занятия возобновились и, т.к. Р.к., должен был идти в штаб, то он оставил за себя п.р.к. Еще в самом начале мы отправили п.р.к. ко 2-му взводу и заметили, что командир поручил вести обучение одному ст. упр. оф. а сам ушел куда-то. Немедленно было послано за ним, и когда он явился, после строгого выговора со стороны п.р.к., было ему приказано вести учебу самому. П.р.к. сказал ему, какие построения он хочет видеть. Но тот не мог отдать ни одной правильной команды. Это вывело п.р.к. из себя и он позвал Комиссарова, который явился к нему.

«В каком военном училище вы обучались?» – был первый вопрос п.р.к. Этот вопрос смутил Комиссарова, который не мог сразу ответить и только спустя 1 минуту ответил.

– Я из Петергофской школы прапорщиков.

– В каком году вы были там?

– В 1917 г., в сентябре месяце. Я был нестроевым офицером, г-н Х.

– В какой полк вы были назначены после выпуска?

Он назвал один полк, который не существовал раньше, а сформировался позже.

Видя, что последний отвечает невпопад, я задал ему несколько вопросов, ответы на которые были довольно неубедительны. П.р.к. задал ему еще один вопрос: «Были ли вы на стороне противника?» Тот, не успев ответить, побледнел и задрожал.

– Да! – ответил Комиссаров и начал быстро что-то говорить.

П.р.к. бросил ему прямо в лицо: «Вы нам все лгали, наверное, вы шпион!».

Комиссаров ничего не ответил, а только еще больше задрожал. П.р.к. приказал мне немедленно арестовать Комиссарова и ждать дальнейших приказаний, а сам отправился в штаб доложить о случившемся. Я, вызвав охрану из 2-го взвода, посадил его под арест. После этого отправился в штаб, узнать, что делать дальше. Мне было приказано сделать обыск на квартире последнего. То, что мы нашли при обыске, дало нам еще больше материалов для его обвинения в шпионаже.

В его квартире были обнаружены чемодан и чемодан-кровать. Просматривая их, я нашел несколько документов, в которых ясно было сказано, что он занимал руководящую военную должность у противника, кроме того орден с документами на имя Комиссарова. Такие ордена получали, как правило, командиры Красной армии. В офицерской походной сумке я нашел несколько портретов и письма. Каково же было мое удивление, когда я увидел портрет моего друга Кости Р., попавшего в плен к противнику, тело которого мы нашли несколько дней назад брошенное на съедение собакам. Костя был замучен противником. Я пришел в ярость от этой находки. Сделав опись найденных документов, я отнес их п.р.к., рассказав ему о портрете Кости.

Он сообщил мне, что ему поручено произвести дознание и обо всем доложить в штаб. Немедленно мы отправились к арестованному, взяв с собой вещественные доказательства, найденные при обыске. Придя к нему, мы нашли его изменившимся. Он держался вызывающе и нахально. П.р.к. стал вести допрос, я же вел протокол.

– Как ваша фамилия, когда родились, где, какое образование имеете, где служили.

После первых формальностей приступили к другим вопросам.

– Когда поступили в нашу армию? Какими документами доказали, что вы офицер? Почему ваши ответы сейчас и утром не совпадают? Какую должность занимали в рядах противника?

– Я был начальником обоза II разряда Н. полка.

– Каким образом вы попали к нам? – Не хотел больше оставаться в рядах противника, т. к. был ранее ими мобилизован и хотел перейти в вашу армию, которой я симпатизирую.

Видя его ложь, п.р.к. начал нервничать и задавать более прямые вопросы.

– Вы сказали, что были нестроевым офицером у противника. Почему же, по имеющимся у нас сведениям, вы считаетесь командиром Красной армии?

– Не знаю, но это ошибка.

– Будете ли отвечать на вопросы откровенно или хотите, чтобы вас заставили говорить правду?

– Я говорю сущую истину.

Наконец п.р.к. не выдержал и ударил Комиссарова по лицу, на что последний ответил:

– Какое имеете право меня бить?

– Ах, ты, с..., еще имеешь нахальство говорить так. Тебя мало повесить! Это то, что мы нашли у вас в чемодане и п.р.к. – вынул из кармана орден Комиссарова. Это повлияло на Комиссарова как холодный душ. Он сразу переменял тон, но все же пытался оправдываться, хотя и понял, что все пропало, раз был сделан

обыск в его вещах.

– Этот орден не мой. Я его получил от одного товарища .

– Врешь, с..., этот документ выдан тебе.

– Нет, не вру.

– Теперь говори всю правду, а то будем разговаривать иначе.

– Я уже все сказал... Что вам еще нужно?

– Ах, так!

Послышался свист воздуха и плетка вилась в лицо Комиссарова. Послышались удары. Он старался закрывать лицо руками, но напрасно.

– Ради бога довольно... Я все наврал... сейчас скажу всю правду, сказал наконец Комиссаров прерывавшимся голосом.

Вся эта сцена меня до того возбудила, что я с трудом сдерживался, чтобы не вмешаться и не задушить Комиссарова. Я ждал того момента, когда дойдем до портрета Кости.

– Говори все сам, – сказал п.р.к. перестав бить Комиссарова. Началось признание Комиссарова, насколько оно было правдоподобным, до сих пор сказать не могу.

– Вы уже знаете наверно по моим документам, которые вы нашли у меня в чемодане, что я был ком. Н-ской дивизии. Да. Я был там, все, что пришлось наблюдать, там мне не нравилось, все меня отталкивало от этих мерзавцев. Я бы давно бросил свою должность, но боялся, что меня посчитают предателем и убьют. Так я продолжал быть командиром и не решался убежать до тех пор, пока не прибыли мы в город К. Там наша дивизия простояла полтора месяца. В городе я познакомился с одной барышней, в которую влюбился. Я выдал себя за бывшего офицера, сделав подложные документы. Она меня тоже полюбила. Ей не нравилось, что я нахожусь в рядах Красной армии. Однажды я признался, что хочу дезертировать из дивизии и перейти в ряды противника, где мое настоящее место. Она выслушала с большой радостью, и мы начали обдумывать способ, как это сделать. В то время вы начали наступать и, когда были под самым К., она мне сказала, что лучше всего будет, если я спрячусь у нее. Я на-

чал ждать с большим нетерпением, когда это произойдет, и все боялся, что мне это не удастся. Наконец подошел решительный момент, когда вы прорвали оборону наших и вошли в город. Появилась ужасная паника, во время которой мне удалось скрыться от своих. Вы пришли в город, и я стал свободным. Мне не хотелось идти в ваши ряды, но она мне поставила условие, если не пойду, то не выйдет за меня замуж. Это и толкнуло меня записаться в армию. Признаю себя виновным только в том, что я присвоил себе звание офицера.

Этим он кончил свое признание. Стал на колени и начал молить п.р.к. со слезами на глазах не расстреливать, а простить, что он будет лучшим солдатом в нашей армии. Это не произвело на нас никакого впечатления, т. к. мы не могли поверить ему. Мы стали более мягкими в выражениях и продолжили допрос.

– Когда ты был командиром, что ты делал с пленными, которых приводили к тебе?

– Я их отсылал дальше в штаб армии.

– Сколько приказов о расстреле ты подписал?

– Ни одного.

Этот ответ дал мне повод расспросить его о портретах. Я вынул портреты и показал ему сначала одну женщину.

– Кто это такая?

– Это моя невеста.

Тогда показал портрет Кости.

– Это кто такой?

При виде этого портрета он побледнел и не смог сразу ответить. Спустя немного он сказал

– Это ее брат.

– Врешь, сволочь. Скажи, откуда он у тебя?

– Это портрет одного пленного, которого я отправил в штаб армии.

– Вот как. Значит, ты его отправил в «штаб Духонина». Что же ты, сволочь, врешь, что никого не расстреливал!

– Я... я его не расстрелял. Он... я не знаю, что с ним сделали

в штабе.

– Кто же его поймал в плен?

– Наш разъезд... и привел ко мне, когда я был на позиции, проверяя посты.

– Что же ты с ним сделал, сволочь, говори, или я тебя убью как собаку! – закричал я в иступлении и со сжатыми кулаками приблизился к нему.

– Н...ни... ничего. Честное слово, ничего.

– Кто же его расстрелял и бросил на съедение собакам его труп?

– Н... не знаю.

– Ах вот как... не знаешь! – С этими словами я набросился на него как зверь и начал его бить, чем попало, говоря: – Это тебе за Костю. Вот тебе за него... Мало тебя расстрелять или повесить... Где он?... Что с ним сделал?... Говори, с...!

– Пощадите... больше не буду! Ай!.. ай!..

Наконец п.р.к. оторвал меня от него. Комиссаров был весь в крови, я дрожал и все не мог успокоиться. Дав время Комиссарову прийти в себя и вытереть кровь, п.р.к. продолжил допрос.

– Говори, что сделал с К.Н.?

– Я... передал его разъезду, чтобы... чтобы отправить его в штаб.

– Врешь... – и плетка опять заиграла по спине Комиссарова.

– Подождите... я... я... приказал его... расстрелять.

– Довольно! – сказал п.р.к. – Пойдем, Стефан.

Мы вышли, оставив его, и отнесли протокол дознания со всеми документами в штаб.

На следующий день Комиссарова повели в штаб для дополнительных показаний. На третий день после нашего дознания был суд, который приговорил его к расстрелу. Не знаю, как он держался на суде, что говорил, но когда я зашел к нему при проверке караула, то не узнал его. До того он изменился за эти два дня. Он похудел, как будто стал ниже, был бледен, оборван и жалок. Мне стало его жаль в один момент, но вспомнил про Костю и сразу вернулась вся ненависть, и захотелось самому его убить.

Было около часу дня, когда я пошел домой обедать. П.р.к. меня уже ждал, мы вместе пообедали. Во время обеда он сообщил мне, что Комиссаров осужден на смерть и нужно после обеда вместе зайти к ком. р. Пообедав и отдохнув мы отправились к ком. р. Последний нас ждал, поговорив о тем о сем, он сообщил, что получил приказание из штаба уже сегодня привести в исполнение приговор суда, и что я назначен командиром отделения, которое расстреляет Комиссарова. Я попросил разрешения лично отобрать солдат для этого и отправился к моему другу П. и сообщил ему эту новость. Он с готовностью согласился на мое предложение. Мы отправились в ресторан, где должен был ждать еще один мой приятель. Там мы выпили и закусили, после чего пошли в гости к девчонкам. У них присидели в приятных разговорах допоздна, и чуть не опоздали на вечернюю поверку, после которой должен был состояться расстрел Комиссарова. Успели как раз вовремя. Я пошел к 2-му взводу и после молитвы спросил, есть ли желающие. Вышло 4 человека, сказав им, чтобы к 9 часам они были готовы, с винтовками и взяли бы 2 винтовки, для меня и П. Взяв у ротного письменное приказание передать мне Комиссарова отправился в казармы, где меня уже ждали солдаты и П.

Первым делом меня спросили: «Куда мы пойдем, и что нам нужно будет делать?»

– Возьмем Комиссарова и отведем его в «штаб Духонина», – ответил я со смехом.

Они меня не поняли и подумали, что действительно поведем его в штаб, а не к праотцам. Мы пошли к караульному начальнику, я передал ему приказание. Он послал разводящего привести Комиссарова. Увидев меня и солдат с винтовками, Комиссаров понял, для чего, я его увожу и не мог сразу встать с места. В эту минуту он походил больше на мертвеца, чем на живого человека, до того он был бледен.

– Могу ли поговорить с вами немного наедине? – сказал он дрожащим голосом.

– Конечно да! Выйдите и ждите меня у дверей, – сказал я солдатам, оставив с собой П.

– Слушайте... вы меня поведете... на расстрел... сейчас... – было первыми его словами, когда мы остались одни.

– Кто вам сказал? Ничего подобного. Мне приказано отвести вас только в «штаб Духонина». Что вы думаете. Это не так далеко. Вы, думаю, сами знаете, как это делается, когда водили Костю туда. На таких с..., как ты, жаль тратить патроны.

– Ради бога, подождите до утра, я чувствую, вы меня сейчас расстреляете. Ради самого дорогого для вас, ради ваших родителей, не надо сейчас, завтра утром!

– Вот еще что выдумал, буду я возиться с тобой до утра. Отведу в штаб, а там что хотят, то пусть и делают.

– Ведь я послал прошение главнокомандующему, чтобы меня помиловали... Не спешите... Не берите грех на душу...

– Чего там рассентиментальничался? Сказано, что нужно повести, и так потеряли уже столько времени на пустые разговоры. Пойдем!

Комиссаров встал со стула и, шатаясь, направился к двери. Дойдя до середины комнаты, он остановился, повернулся ко мне и со слезами на глазах хотел, что то сказать, но по всей вероятности, видя мою холодность, повернулся к П. и сказал:

– Ради любимой вами женщины... подождите.

– А ну тебя к ... – и отвернулся, – что пристал как банный лист.

Мне стало его жаль. С удовольствием бы оставил его хоть до утра, все равно завтра бы его расстреляли, на приказ нельзя было нарушать. Я старался нарочитой грубостью скрыть те чувства, которые меня в эту минуту охватили. Нет, не хочу сказать, что я его пожалел, это длилось мгновение, передо мной всплыла другая картина ужасная смерть Кости, его труп, полуразложившийся с 7-ю штычковыми ранами в груди и разрубленной головой. Виноват, значит, кровь за кровь.

Видя нашу грубость, он пошел дальше и открыл дверь. Там

в ожидании ждали солдаты. Его окружили и мы тронулись. Выйдя на улицу, мы направились к окраине города. Начинало темнеть, нужно было спешить. В молчании мы подошли к шерстяному заводу, который давно уже не работал. На заднем дворе завода находились специальные пруды для мойки шерсти, которые сейчас пересохли. Солдаты остановились в нерешительности и смотрели на меня вопросительно.

– Ну, идем дальше! – сказал я.

– Разве это штаб!.. Избавьте нас, ради Бога, от этого, мы не привыкли к расстрелам. Разрешите нам идти домой или ждать вас здесь.

– В чем дело! Вы только теперь поняли, зачем я вас взял? Ну, если не можете, то бог с вами. Идите домой. Мы с П. сами справимся.

Услышав наш разговор, Комиссаров зашатался и чуть не упал. Он все еще надеялся, что его сегодня не убьют. У него вырвался сдавленный крик: «Товарищи, не уходите... не дайте этим меня убить».

Солдаты быстро повернулись и почти бегом начали быстро удаляться. Мы с П. вынули револьверы и встали по обе стороны Комиссарова.

– Раз нужно, то не уйдешь от судьбы! – сказал Комиссаров упавшим голосом и, еле передвигая ноги, пошел дальше. Подошли в молчании к прудам и остановились.

– Ну, молись богу в последний раз. Комиссаров упал на колени и вместо того чтобы начать молиться повернулся к нам и начал говорить быстро, быстро как будто боялся что ему не дадут высказаться. Нам самим было жутко и неприятно. Хотелось отсрочить минуту расстрела.

– Господа...товарищи...зачем вы так жестоки, ведь я вам ничего не сделал. Пожалейте меня. Ведь у меня есть невеста, которая меня ждет. Она меня любит. Она не выдержит моей смерти и тоже умрет. Не берите на свою совесть и ее смерть. Она не виновата. Я виноват, но ради нее, ради моей Маруси, не убивайте

меня. Ах, Маруся, Маруся, если бы ты знала, что через несколько минут меня уже не будет среди живых, ты бы на крыльях прилетела сюда и спасла меня. Зачем я послушал тебя, зачем не остался... Ах, пощадите... не надо... не надо... еще стрелять... Дайте помолиться Богу.

Как бы были мы счастливы с тобой, если бы я не пошел в армию. Услышь меня, Боже, и спаси. Я хочу жить... жить... я так молод. Зачем люди так жестоки. Пощадите... дайте еще несколько минут. Нет, нет, я больше никогда не буду... Довольно...Ай...ай... Зачем вы меня бьете...я не вру...

Голос его становился все тише и тише, и мы могли только иногда расслышать кое-что.

– Мама... ведь она старуха... зачем я тебя не послушал... прости... вспоминай обо мне... молись богу... за меня... Я только тебя... Соня... Коля... папа... почему я так несчастен...

Мы с П. стояли и ждали, когда он кончит. Не знаю, что переживал он в этот момент, но только во мне бушевала целая буря эмоций. Во мне боролись долг и жалость. Как он плачет об отце, матери, братьях и сестере. Все в эти несколько минут промчалось как ураган в моей голове. Представилась картина, что я пойман в плен, что не я буду расстреливать, а меня. Все передо мною потемнело. Не знаю, если бы он в этот момент попытался бы бежать, смог ли я стрелять в него.

Чем тише он говорил, тем больше я старался заглушить все то, что у меня творилось в душе, и начал опять вспоминать Костю. Комиссаров читал молитвы, какие ему в голову взбредут. Наконец он остановился, и я воспользовался этим, чтобы прекратить эти мучения.

– Довольно. Если кончил молиться, то вставай, и так уже поздно!

Действительно стало уже почти совсем темно. Комиссаров, не вставая с колен, повернулся к нам и начал снова: «Вы убийцы... чтоб вам умереть от руки палача. Ироды вы... антихристы. Думаете, что моею смертью вы спаситесь. Нет, на место одного

убитого явятся тысячи других... Не убивайте меня, и вам Бог простит все... Будьте вы прокляты и все ваше будущее поколение... Чтобы вам мучиться, пока вы живы... Смотрите, ваши руки все в крови... Нет, вам не отмыть эту кровь... Это клеймо вы отмоете только своею смертью... Бог вам отомстит за меня.

Мы его слушали и не стали ему мешать высказаться. Наконец нам надоело все эти проклятия, тем более что они меня вернули к действительности, и я ответил:

– За твою смерть Бог нам простит 100 грехов. За смерть таких с... бог вознаграждает.

Это фраза дала другой оборот словам Комиссарова.

– Слушайте... вы меня сейчас убьете... исполните только мое последнее желание... Сообщите Марусе в К., что я расстрелян, чтобы она пришла и похоронила меня... Не стреляйте ради самого святого мне в голову. Маруся захочет видеть мое лицо... Ну, кончайте скорее.

Я приказал лечь лицом в землю после того как обещал ему все исполнить... Раздались два сухих выстрела. Вся голова была разбита вдребезги. Стреляли в голову, оба, чтобы не мучить его. С тяжелым чувством направились к выходу и пошли докладывать ротному командиру об исполнении приказа. Через полчаса мы были уже в городе на балу и совершенно забыли о том, что было, что пережили час тому назад.

На другой день я исполнил последнее желание Комиссарова, послал телеграмму его невесте в К., что он расстрелян и указал место захоронения.

(Запись 8.VI.1924 г.)

Осужденная актриса

– Любите ли вы поцелуй, любите ли целоваться с молодой девушкой, молодой человек? Были первые слова одной актрисы какого-то провинциального театра, которая была осуждена на смерть. Она обратилась ко мне, когда я проходил мимо нее. Этот

неожиданный вопрос заставил меня, остановиться в недоумении, не зная, что ответить в первый момент.

У меня сразу промелькнула мысль в голове, что она хочет испытать свое очарование на мне и спастись от смерти, решила, что нашла подходящего человека для этого. «Она ошибается, если действительно так считает, потому что, откровенно говоря, я бы провел с нею ночь, но спасать бы не стал», – думал я в тот момент.

Мое замешательство продолжалось не больше нескольких секунд, которых было вполне достаточно, что бы оправиться от смущения.

– Конечно да, если имею дело с хорошенькой женщиной! – ответил я актрисе.

– Тогда я вам продекламирую одно стихотворение о поцелуях, – и, не ожидая моего ответа, она встала и начала читать.

Не могу вам дословно пересказать содержание стихотворения, но впечатление, которое оно произвело на меня, и чувство, с которым оно было исполнено, я больше никогда не испытывал. Слушая ее, я чувствовал, будто сам пережил это, как будто все это испытал сам, и все это произошло со мной. Это стихотворение или вернее поэма о любви и поцелуях начиналось вступлением.

Сначала плавно и красиво с жаром в голосе говорилось о молодом человеке, который был чист и невинен, его душу поражает чувство первой любви. Той чистой и красивой любви, которую только поэты могут описать и только люди, пережившие ее, могут понять.

Переход от чувств молодого человека к чувствам молодой девушки так же красивый и душевный. Актриса декламировала ровным тихим голосом, похожим на журчание ручейка, голосом, который чуть оживился, когда она начала говорить о любви, о первых чувствах, переживаемых, наверное, каждым из нас, голос стал более теплым, проникающим в душу. Первые встречи, нерешительность, глупые разговоры, все это проходило перед моими глазами как будто наяву. Но вот молодые люди стали понимать, что с ними творится, они не были уже детьми, не пони-

мающими и не знающие, что такое любовь это были два противоположных пола, которых тянет один к другому. Переживания молодой девушки, ее терзания и слезы, бессонные ночи, все это отчасти переживается и молодым человеком. Когда под влиянием прелестей молодой девушки, как бокал шампанского, пенясь и уже не в силах сдерживать себя, в порыве чувств, он крадет от молодой девушки первый поцелуй, поцелуй чистый, не опьяненный чувством страсти, а только как знак той любви, которая бушевала в его груди. Поцелуй, сравнимый с поцелуем иконы самым боголюбивым человеком. Ах, как сладок этот поцелуй, молодой человек отскакивает в сторону и ожидает, что гром убьет его в этот момент. Молодая девушка, которая не раз мечтала об этом моменте и не представляла себе этой силы, в нерешительности блуждающим взором смотрит в воду. Как ни странно, но эта ночь не принесла больше ничего и скоро оба разошлись, чтобы не спать, всю ночь сидеть у окна и мечтать о любви. Только когда они остались одни поняли, что новое чувство начало терзать их с новой силой. Первый поцелуй поджег огонь страсти, которая не в силах угаснуть пока не будет потушен ласками любви, близостью двух тел, страстью ощущения. Ласки любви уже не удовлетворяются одними взглядами и пожатием рук, они переходят в ласки инстинкта животного и человека. Но вот подходит развязка. Пламя страсти до того разгорелось, что она уже не может без дрожи ждать предчувствия того ощущения, которое испытывала Ева, первая женщина, созданная Богом. Какое разочарование получает молодая девушка в первый момент. Ах! Это ночь безумного сладострастья. Скольких томлений и ожиданий стоила она и как она красива и упоительна. Ничто не может сравниться с теплотой другого тела, опьяняющий рассудок страстный поцелуй губ.

К кому? – через поэму обращается молодая женщина, которая борется со смертью.

Слышется просьба жертвы, дать ей еще хоть раз возможность испытать блаженство страсти.

В комнате находились осужденные на смерть люди, я и чашовой, все слушали с затаенным дыханием. У многих навернулись слезы на глаза. Сама актриса начинавшая рассказ спокойным голосом, постепенно перешла к тональности выражающей всю силу чувств и переживаний человека знающего, что скоро придется проститься с жизнью. Ее глаза горели, она дрожала от силы чувств, которые она хотела выразить в этой поэме – что ей удалось.

В тот момент мне казалось, что передо мной божество, до того она была прекрасна, и если бы я был в состоянии ее спасти от смерти, то сделал бы это не колеблясь.

Не могу высказать все то, что пережил и чувствовал в тот момент.

Только человек, который чувствует, что ему скоро надо распрощаться с жизнью, с таким жаром и силой может передавать свои переживания.

К концу поэмы, актриса заплакала, и ее слезы были так искренны и чисты, что могли бы заставить камень плакать.

Тогда мне было 18 лет и, понятно, я еле сдерживался, чтобы не расплакаться. Когда актриса закончила она спросила сквозь слезы, как мне понравилась ее поэма? Я не смог ей ответить, потому что чувствовал, если скажу хоть слово, то выдам себя, и вышел из комнаты не отвечая. Закрылся в своей комнате, чтобы никто не видел моих переживаний.

Немного успокоившись, я решил предложить актрисе дать ей возможность еще раз испытать чувство любви и страсти. С этим решением я пошел к караульному и попросил его разрешить вызвать актрису ко мне в комнату, чтобы поговорить с нею, на что он согласился. Радуюсь, что смог исполнить свое решение, я отвел ее в свою комнату. Когда мы остались вдвоем, я сказал ей: «Ваша поэма заставила меня кое-что понять, то, что вас заставляет просить о жизни. Я не в состоянии спасти вас от смерти и так как вы первая женщина, которая дала мне понять, что такое жизнь, я хочу вам предложить, то, что в моих силах сделать,

а именно, дать вам возможность перед смертью еще раз почувствовать силу страсти и любви. Конечно, это я делаю не только из сострадания к вам, но и потому, что вы произвели на меня сильное впечатление и предлагаю вам ответить мне согласны ли вы на это. В противном случае вы можете вернуться обратно.

«О, как бы я была счастлива, если бы умерла от руки молодого человека, который бы дал мне в последний раз счастье. Вы, молодой человек, поняли меня, и я благодарю вас за это. Можете не спрашивать, согласна ли я, раз поняли мою мечту. Моя последняя просьба, если можете, убейте меня вы, чтобы я спокойно умерла с мыслями о Вас.

Говоря это, она начала быстро раздеваться. Я был возбужден, но перед тем как потерять рассудок, попросил ее.

– Я вам верю, но обещайте мне, что не попытаетесь убежать, так как, уверяю вас, что, во-первых, вам это не удастся, а во-вторых, если вы это сделаете, то навлечете на меня массу неприятностей.

– Клянусь вам всем святым, что есть у меня, я этого не сделаю. Разве я не должна вам быть благодарна, за то, что вы делаете для меня!

Час спустя я отвел ее обратно к остальным, обещав ей участвовать при ее казни, что мне нетрудно было сделать, так как я был назначен караульным начальником для сопровождения осужденных на смерть.

Об этой женщине я до сегодняшнего дня храню хорошие воспоминания.

Я остался в помещении осужденных и начал разговаривать со всеми по очереди, с бывшим офицером, с женщиной (II), с комиссаром, с крестьянином, с начальником чрезвычайки в Б., со старым жидом.

(Запись 18.VII.24 г.)

Обет

Мне было приказано расследовать случай расстрела ответ-

ственных руководителей противника, которые попали в плен и не были препровождены в штаб полка. Их расстреляли три офицера, среди которых был командир роты. Во время расследования в разговоре с командиром роты, я узнал, почему он это сделал. Он рассказал о несчастье, которое произошло с его семьей и о своем обете отомстить за это.

Я в роте за несколько дней успел подружиться с Вовой, с первого дня мы проводили время вместе. Мы сидели на опушке рощи, усталые и молодые, ожидая обеда, после боя закончившегося для нас, хотя и благополучно, но с большими потерями. Из 180 человек нас осталось 60. Нами были взяты трое пленных. Комроты подошел к нам и, обращаясь ко всем, спросил:

– Нет ли желающих расстрелять тех с..., которые там сидят? – он показал на пленных.

«Разрешите мне!» – разнеслось в тишине, образовавшейся после этого вопроса. Я обернулся и увидел, что Вова встал и ждет ответа от комроты.

– Хорошо! – был лаконичный ответ комроты. После расстрела Вова сел возле меня и спокойно попросил у меня ножик. На мой вопрос, зачем он ему, сказал, что хочет сделать отметку на ружье. Мне стало интересно. Видя это, Вова рассказал мне о своем обете...

Справа и слева доносились еще отдельные выстрелы, слышались в замершем от летнего зноя воздухе раскаты артиллерийской стрельбы, по всей вероятности, это наш броневик стрелял по гостинице, где засел противник. На опушке небольшой рощи, обосновалась рота солдат. Они сидели, где попало и в самых разнообразных позах, их лица выражали усталость, безразличие ко всему и глаза смотрели с безысходной тоской, как будто говорили: зачем все это, кому оно нужно. Тут же была и кухня – около нее возились люди, торопливо поглощавшие пищу.

Всё закончилось час назад, а все как будто еще находятся под впечатлением этого боя и молчат. В нескольких шагах от общей группы сидели трое мужчин, они отличались от других тем, что

не были вооружены и их караулили двое солдат с винтовками. По виду один из них выделялся своим спокойствием, тогда как у других двух на лице был написан животный страх и ужас. Это были солдаты противника, случайно попавшие в плен. Неподалеку от них сидела группа, спорившая о чем-то. Это был состав полевого суда. К расстрелу приговорили одного отв. руков. После обеда заставили о. р. выкопать самому себе яму и поставили его на краю. Нашелся доброволец, готовый привести приговор в исполнение. Это был человек, который дал обет мстить противнику за смерть близких ему людей. «Можешь помолиться Богу», – а тот ответил: «Мне все равно – вы всех не уничтожите, на мое место придут 10, таких как я». Раздался выстрел и он упал. Стрелявший вынул ножик и сделал на винтовке еще одну черточку. Так он отмечал количество уничтоженных за расстрел его семьи противников.

(Запись июль 1930 г.)

Февраль, 1920 г.

Новороссийск. Эвакуация

С того момента, как К.К. перешел на сторону противника и обнажил наш тыл, нам не оставалось ничего другого, как начать отступление, по возможности планомерное и быстрое, чтобы успеть эвакуировать раненых и отвести военные части из Новороссийска в Крым. Отступление началось с Ростова. Наша комендантская команда получила приказ отступать в походном порядке, следя за порядком и спокойной эвакуацией других частей. Зима, начало февраля, не очень холодно, но ужасно сыро и слякотно, везде, куда бы мы ни заходили, нас встречали враждебно, их сыновья, отцы, родители и другие родственники воевали на стороне противника. Период февраль-март, всегда считался наиболее благоприятным для заболеваний тифом. После десяти дней отступления, полного беспорядка и хаоса, я заболел. Мне выдали удостоверение и деньги, посоветовали ехать в Новороссийск лечиться. Несмотря на жар и полный упадок сил, мне удалось

добраться пешком от деревни до станции и сесть на первый проходящий поезд. Это был эшелон с артиллерийскими снарядами. Убедившись, что поблизости никого нет, и никто меня не видит, я залез в вагон и лег на ящики со снарядами. Укутался шинелью и впал в забытье. Мною овладела полная апатия ко всему, началось смеркаться. Даже если бы мне сказали, что через пять минут весь вагон взорвется, я бы не сдвинулся с места. Проснувшись утром, я не знал, сколько прошло времени, как я впал в забытье. Ночь прошла в сплошном кошмаре, который не имел ничего общего с действительностью. Утром я почувствовал себя совершенно обессиленным. Но жажда была сильнее моей апатии, и мне пришлось вопреки всему собраться с силами и выйти из вагона. Оказалось, что мы застряли где-то на подходах к станции, у которой все железнодорожные пути был забиты составами. Вопреки своему отчаянному положению, я не потерял самообладания, а побрел к станции, до которой было не меньше километра. Эта дорога отняла у меня целый час. Мне хотелось купить молока, но, к моему ужасу, никто не брал предлагаемых мной денег – это были белогвардейские деньги, деньги противника. Я был до такой степени обессиленным, что мне даже в голову не приходило забрать у кого-нибудь кринку, выпить молоко, а потом отдать деньги. А если откажутся взять их, ничего не платить или позвать кого-нибудь из наших проезжающих мимо солдат и арестовать продавцов. Дойдя до фонтанчика, напился воды. Все-таки, несмотря на свое состояние, я смог узнать, какой из поездов отправляется первым. Так я оказался в вагоне, нагруженном патронами. Опять впал в забытье. Началось темнеть, когда я стал приходить в себя и вновь ощутил сильную жажду. К жажде прибавился и холод – меня бил озноб и трясло всего. Я вышел из вагона и пошел к станции. Это была уже другая станция. В буфете я успел выпить горячего чая, немного согрелся. Это удовольствие обошлось мне в 50 раз дороже: денег моих не меняли, сдачи не возвращали, пришлось потратить все наличные. Стало совсем темно, надо было узнавать, какой из поездов первым от-

правляется на Новороссийск, но сил больше не было. Я спросил об этом одного солдата, но он только взглянул на меня с удивлением: «Да если бы я знал, когда и который из десятка составов поедет, разве я бы стоял с тобою». Все сновали взад-вперед с надеждой узнать это. Запоры ужасные, паника – наши войска отступают. Только у выхода я понял, что нахожусь на узловой станции Крымская, где сходятся три ветки, а на юге, идет лишь одна – на Новороссийск. У коменданта станции набилось много народа. Все кричат, ругаются, спорят. Мне вдруг стало ясно, что если не доберусь до Новороссийска, то здесь и умру. Поэтому я пробрался к поездам, стоявшим на втором пути, подошел к одному из вагонов третьего класса, связанным в непосредственной близости с товарным вагоном. Платформа пассажирского вагона показалась мне удобной для моих целей. К моему несчастью, двери были заперты. Я уже отказался было устроиться в этом вагоне, но решил проверить двери тамбура. К моей бесконечной радости, они были не заперты. Тихо, чтоб меня не услышали, я пробрался в вагон. После этого я лег, подложив под голову свой вещь мешок. Снял башмаки (был в американских башмаках, а не в сапогах, поэтому у меня мерзли ноги) и шинель, чтобы ногам было теплее, засунул их в рукава шинели. К моему счастью, я начал снова впадать в беспамятство. Только время от времени приходил в себя из-за жесткой поверхности, на которой я лежал. От холода и скрученной позы у меня ломило в костях. Поменяв положение рук и ног, я снова впадал в бездну вечности и небытие. Приходя в сознание, я высовывался из-под шинели и одним глазом смотрел в окно. Я впадал в ужас только при мысли что меня могут выгнать с облюбованного мною места. Просыпаясь, испытывал безумный страх, мне казалось, что остался один и противник найдет и убьет меня. В конце концов, после долгих и мучительных периодов беспамятства, я открыл глаза и заметил, что стало светать. Почуввав ужасный холод и шум снаружи, я с трудом оделся и потихоньку выбрался из своего убежища, давая себе слово, если до вечера поезда не уйдет, вернуться обратно.

Подлезая под вагонами, я вышел к станции. Она мне показалась большой, красивой и не похожей на предыдущие маленькие полустанки. Так я понял, что за ночь мы подошли к Новочеркасску (Краснодар), совсем недалеко от Новороссийска. Я был рад, что нахожусь так близко у своей цели, тем более что мои силы были на исходе. Я чувствовал, что если поездка продлится еще дня два, я, наверное, умру в вагоне, и никто об этом не узнает.

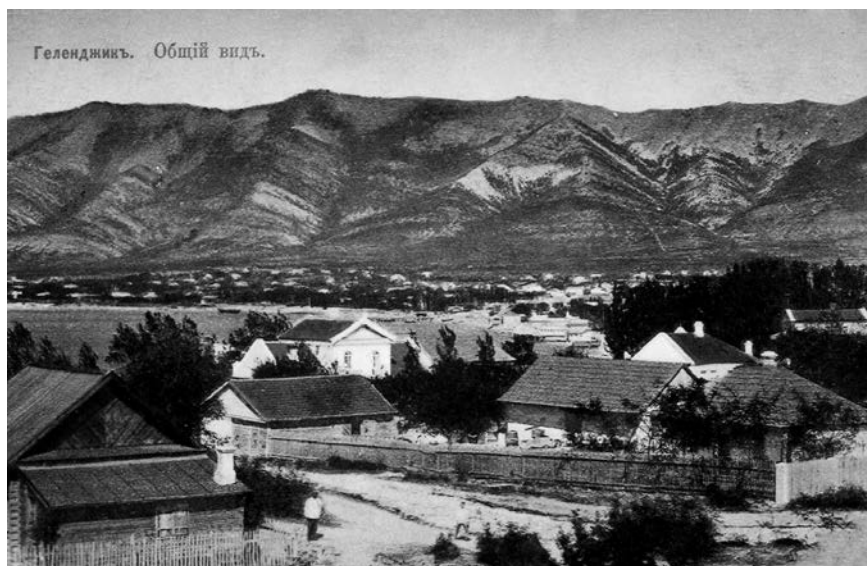
Я недоумевал, как вообще могу еще передвигаться, ощущая свинцовую тяжесть в руках и ногах, во всем теле. Возможно, страх оказаться в плен, двигал мною, возможно, что-то другое, но, так или иначе, в полубредовом состоянии я добрался до станции и вошел в буфет. Там было много народу, все что-то жевали и пили чай. От вида распивающих чай людей, опущение жажды нарастало, но пробраться к стойке буфета было почти невозможно. С невероятными для моего состояния усилиями, я это сделал, выпив несколько стаканов чая и молока подряд. Очень сильно утомленный, я нашел место у выхода и уселся прямо на полу. Кажется, я просидел много времени, открыл глаза, увидел жующих людей, но сдвинуться с места у меня не было сил. Я даже не смог окликнуть проходящего мимо однополчанина. На обратном пути, он заметил меня и, приблизившись ко мне, спросил: «Чакалов, Степа, это ты? Что с тобой? Иди к нам, в нашем вагоне одни марковские». Видя, что я болен, он помог мне встать и, придерживая меня, проводил в вагон. Оказалось, в этих вагонах размещен обоз нашего полка. В вагоне меня встретили очень хорошо, сразу усадили поближе к печке и налили чаю. В знак благодарности, чувствуя, что теряю свои силы и умираю, я подав ему свои два нагана, один офицерский, другой обычный со словами: «Держи, они мне больше не нужны и вряд ли будут нужны». Он взял и спрятал их, ничего не сказав. Немного погодя, я снова потерял сознание. Помню, что несколько раз мне давали пить. Помню, что ко мне приходила сестра милосердия и ставила мокрый компресс на голову, что меня уложили на носилки и понесли куда-то. Очнувшись и открыв глаза, я увидел, что лежу

на койке в большом зале и какие-то люди бегали туда-сюда. Сестры милосердия переходили от койки к койке. Наблюдалась какая-то суета. Я протянул руку, взял с тумбочки кружку и выпил залпом всю воду. Тут я вспомнил все, что пережил за последние несколько дней, и догадался, что нахожусь в госпитале, который готовят к эвакуации. Я хотел выяснить, что происходит. Но у меня пропал голос от истощения сил. Хотел встать, но не смог. Это мое беспомощное состояние, повергло меня в отчаяние. Я лежал и следил за всем, что происходило вокруг меня. Время от времени, у меня на глазах выступали слезы бессилия и отчаяния, и все вокруг меня покрывалось пеленой, а я как будто взлетал с койки и парил в воздухе. Вдруг я увидел нашего полкового врача. Я замахал, чтобы обратить на себя внимание, он подошел ко мне и сразу узнал. Я с трудом прошептал ему свою просьбу помочь мне попасть в эвакуацию. Наверно на моем лице было выражение боязни остаться в Новоросийске, что он засмеялся и успокоил меня: «Все будут эвакуированы». Я попросил еды и пожаловался на боль в ногах. Доктор объяснил мне ее следствием обморожения и обещал позаботиться обо мне. Попрощавшись со мной, он пошел дальше. У него я узнал, что мы находимся в госпитале Белого креста. Я не спускал с него глаз, думая, как бы он не забыл позаботиться обо мне, хотя был уверен, что вряд ли он меня обманет. Мне трудно описать то напряженное состояние, в котором я пребывал. Наконец я успокоился и расслабился, на мои глаза навернулись слезы, в этот раз это были слезы расслабленности и успокоения. Впервые за время болезни я с удовольствием съел, что принесли на завтрак, и выпил две кружки чая. Оказывается, я двое суток был в обморочном состоянии: меня принесли в четверг, а сегодня уже суббота. Не прошло и часа после моей беседы с врачом, как санитары, переодев меня, на носилках спустили вниз и вместе с другим раненым уложили на подводу и повезли к пристани, где больных и раненых грузили на пароходы. Несмотря на небольшое расстояние, от госпиталя до порта мы добирались полтора часа. Трудно описать сло-

вами то, что происходило у меня на глазах, только переживший этот кошмар поймет меня: поломанные машины, подводы, полые кухни, брошенные на произвол судьбы лошади, бойцы и офицеры с мешками, все стремятся в порт, есть и такие, кто в поисках оставленного добра роется в покинутом имуществе. Наконец, и мы добрались до общей цели. Сопровождающий нас санитар показал свой пропуск, и мы оказались на набережной, где эвакуировали больных. Набережная представляла собой бесконечную вереницу носилок, подвод с больными и ранеными, тут и там мелькали сестры милосердия и санитары. Где-то вдали виднелись два парохода, которые зловеще дымились, будто, говорили: « Мы уходим в море, не дожидаясь вашей погрузки». День был солнечным и сравнительно теплым, несмотря на раннюю весну – было, начало марта. Солнце как-то не вязалось с картиной, которую являла собой набережная, забитая ранеными на носилках, каждый из них был воплощением трагедии. Те, кто уже попал на пароход, были спокойны, хотя не знали, куда их везут и что их ожидает в будущем. Все остальные, кто еще не попал на пароход, смотрели молча с выражением бесконечной тоски и без исходности. В глазах этих горемык читались бессильная злоба, отчаяние, надежда, страдание и грусть. Наш санитар исчез и больше не вернулся, а мы с товарищем по несчастью остались на подводе. Время шло к обеду, все нас обходили, и никто не собирався переносить нас на пароход. Оказавшись на набережной, мы думали, что все плохое позади, мы спасены, но сейчас снова возникли сомнения, что нас оставят здесь. Мой товарищ по несчастью, не выдержал, с трудом поднялся с носилок и заковылял по направлению к пароходу. Моя последняя просьба к нему была замолвить несколько слов обо мне перед кем-нибудь, кто помог бы мне забраться на пароход. Жажда усиливалась все больше и больше, а надежда остаться в живых постепенно угасала. Слабость мешала мне говорить. Меня одолевали тоска и чувство одиночества, ощущение, что я здесь никому не нужен. Все это нарастало и усиливалось с каждой минутой, от безысходности, невозмож-

ности позвать кого-либо из проходящих мимо санитаров или сестер. Иногда у меня на глазах выступали слезы, и тогда я укрывался одеялом, чтобы скрыть их. Начинало смеркаться, на пристани осталось совсем немного больных и раненых. Меня забыли, в отчаянии думал я, пытаюсь несколько раз преподняться, но это мне не удавалось из-за слабости и сильного головокружения, я опять валялся на носилки. Похолодало. Я пытался звать на помощь, но без успеха, даже я не слышал своего голоса. Сестры милосердия проходили мимо, не замечая меня, и тут мне показалось, что одну из них я знаю. Я вспомнил Екатеринодар. Когда был ранен, Елена Николаевна была нашей сестрой. Она остановилась поблизости и о чем-то заговорила с одним санитаром. Во мне затеплилась надежда и вновь померкла, когда я понял, о чем шла речь. Меня словно облило холодным потом. Оказывается, на кораблях больше нет мест и всех оставшихся на набережной больных, нужно возвращать обратно в госпиталь. Я дотянулся до Елены Николаевны и дернул ее за рукав пальто. Взглянув на меня, она прочитала в моих глазах призыв о помощи, подошла ко мне и своим теплым, грудным голосом спросила: «Чакальчик, неужели это вы? Как вы оказались здесь?» Я не сумел сдержать слез, да и не было сил скрывать их. Она нежно как мать, погладила меня по голове, а я сбивчиво стал объяснять ей все. «Не беспокойтесь, я вас обязательно устрою на пароход еще сегодня – успокаивала она меня. Потерпите немного, я вернусь». Сказав это, она направилась к кораблям. Я увидел, как она разговаривает с кем-то и старается убедить его в чем-то и услышал его ответ: «Да поймите же вы, на судне ни одного свободного места, и вы это прекрасно знаете. К чему вам лишние заботы?» Но Елена Николаевна попросила, что она лично устроит место на палубе, у входа в машинное отделение, рядом с дымоходной трубой. В конце концов, человек махнул рукой и выругался: «К черту! Вас, женщин, невозможно переубедить! Несите его, но я не отвечаю, если его снесет волной или он там замерзнет на ветру». Все это происходило так стремительно, что мне подумалось, не

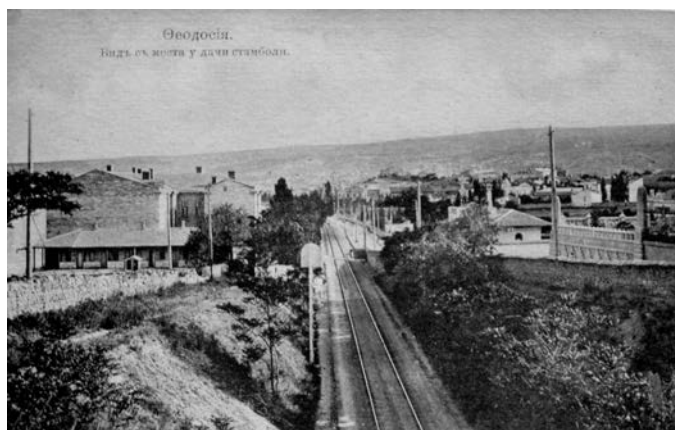
галлюцинация ли это. Чтобы убедиться в реальности происходящего, я уцепился за руку, глазами следя за уходившей фигуркой Елены Николаевны. Тьма все больше сгущалась, а я все еще лежал на носилках. С трудом верилось, что мне повезет, и я окажусь среди спасенных больных. После мучительного ожидания – прошло не менее получаса – Елена Николаевна вернулась с двумя санитарями и приказала им перенести меня на паром. Она шла рядом и рассказывала, с каким трудом ей удалось обеспечить мне место на палубе парохода. Елена Николаевна исчезла и после нескольких минут вернулась с кружкой горячего чая, куском хлеба и двумя одеялами. Она укутала меня, чтобы я не простудился, и это очередное проявление ее заботы вызвало у меня слезы, когда я спросил, почему она не едет с нами, она ответила: «Не могу, дорогой Чакальчик, в госпитале осталось еще 100 человек, о которых я должна позаботиться». Я взял ее маленькую ручку и осыпал поцелуями благодарности. Это была моя последняя встреча с Еленой Николаевной. Потом я узнал, что она осталась на территории противника вместе с больными

Геленджик. 1911 г. (из архива С. Чакалова)

Феодосия,
Казанское под-
ворье. 1919 г.
(из архива
С. Чакалова)

Феодосия,
Крым. 1919
г. (из архива
С. Чакалова)

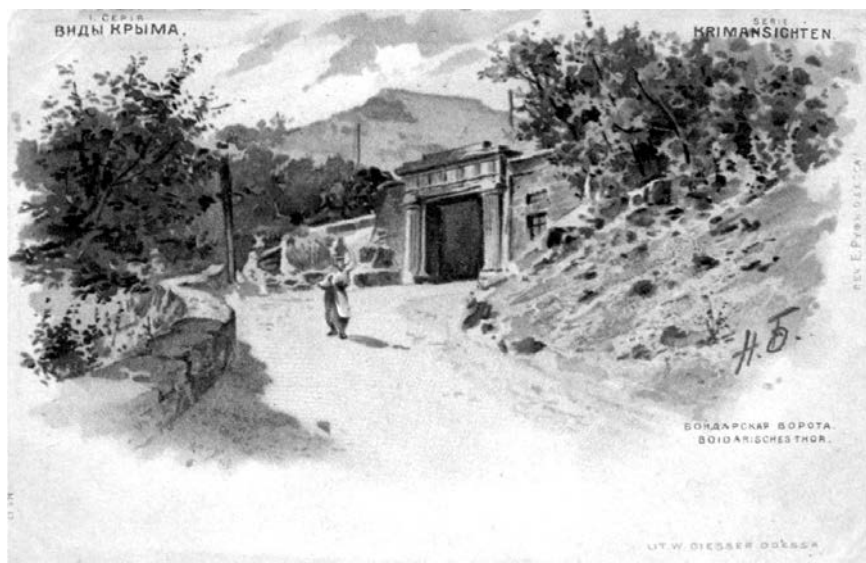
и ранеными. Такой самоотверженностью может быть исполнена только женщина, которая способна пожертвовать всем, даже собственной жизнью, только чтобы уменьшить страдания вверенных ей людей. Ее, определенно, можно назвать святой! Много таких ангелов мы встречаем в нашей жизни, но не всегда замечаем их своими эгоистическими глазами. Нужно оказаться в беде чтобы оценить их подвиг.

Когда совсем стемнело, мы отплыли от Новороссийска в Феодосию, куда прибыли на следующий день, и были определены в госпиталь. Бесперывно подвозили больных и раненых, эвакуация армии обязывала поскорее освободить место для вновь

прибывших. По этой причине, больных, которые почувствовали себя лучше, отправляли самостоятельно поездом в Севастополь. Спустя два дня я стал поправляться и сыпной тиф начал уходить из меня, но я все еще был очень слаб. Меня вместе с другими больными и легко ранеными отправили санитарным поездом в Севастополь, куда мы прибыли ранним утром, где нас поместили в госпиталь. Там я оставался еще два дня и стал вставать на ноги. У меня появился аппетит, хотелось ходить, не хотелось больше оставаться не у дел. Комиссия, через которую я прошел, направила меня в Евпаторию для укрепления здоровья. Мне не хотелось разъезжать по здравницам, и я отправился в город, где нашел второй марковский полк. Там я встретил старых знакомых и друзей, попросился в полк, хотя все еще был достаточно слабым. Командир комендантской роты взял меня, и я пошел в госпиталь за вещами, из которых у меня был только английский саквояж. Содержание моего саквояжа легко перечислить: брезентовый несесер с документами, пара белья, полотенце и мыло. К этим вещам нужно добавить шинель и то, что было на мне – вот все мое богатство.

Итак, я снова в полку. Не прошло и двух дней, как мы должны были снова отправиться в путь. Полк получил назначение в Симферополь, на пополнение и экипировку для будущих военных действий. Перевозка инвентаря и снаряжения хозяйственной части осуществлялось посредством небольшого количества транспортных средств, так как большинство лошадей осталось в Новороссийске. Погрузку в вагоны производили солдаты. Именно здесь мне хотелось бы описать свои личные впечатления и впечатления моих друзей о картине, которую представлял собой Новороссийск во время эвакуации Добровольческой армии. Спешное отступление приводило к тому, что люди теряли ощущение времени, и способность логически рассуждать. Страх, паника и стресс вызвали беспорядок, который царил в городе и его окрестностях. Только на дороге, ведущей в порт, благодаря усилиям фронтовиков и их начальства, поддерживался порядок.

Но бывали случаи, когда расстреливали инициаторов паники или тех, кто препятствовал планомерному ходу эвакуации. Когда все закончилось, по городу и его окрестностям, в районе порта, среди заброшенных подвод, пушек и другой амуниции, метались оставшиеся без присмотра голодные лошади и бродили одиночные солдаты. Наш полк был расквартирован на высотках, а вокзал находился под нами. По ведущей туда лестнице мы стали переносить вещи. Я был еще слаб, поэтому меня оставили внизу принимать и охранять наше имущество. До обеда мы управились, сели в вагоны и отбыли в Симферополь. Здесь я уже бывал прежде. Нас расквартировали в конце города, в большом доме, меня определили на постой в еврейскую семью. Не прошло и двух дней, как я снова захворал. Почувствовав упадок сил, я с трудом выбрался во двор, чтобы погреться на солнышке. Мне постоянно было холодно и бил сильный озноб. Мои друзья-однополчане отправились на учения, а я остался совершенно один, меня непрерывно мучила жажда, не хотелось есть. Хозяева были сильно озабочены моим состоянием, предлагали мне под-

Крым, Бондарские ворота. 1920 г. (из архива С. Чакалова)

Крым, Севастополь. Вид с Южной бухты города. 1920 г. (из архива С. Чакалова)

Севастополь, Приморский бульвар (из архива С. Чакалова)

крепиться их национальным хлебом, похожим на бисквит, и каким-то напитком, но я не мог ничего принимать, кроме воды. Они сообщили в штаб полка о моем состоянии. Немного погодя пришел штабной офицер и, убедившись в тяжести моего состояния, приказал отвезти меня в госпиталь. Я поблагодарил моих хозяев и распрощался с ними, пожалев, что не дождался своих товарищей. В госпитале мне поставили диагноз «малярия». Так я пролежал до Пасхи. Мое выздоровление шло слишком медленно, и после консилиума меня решили отправить для укрепления здоровья на море – в Ялту или Алупку, но я отказался и предпочел вернуться в свой родной Второй офицерский Марковский полк, который в то время воевал на Перекопском перешейке. Получив билет до Армянска (город на Перекопе), прекрасным утром, солнечным и теплым, отправился в путь. В Джанкое я пошел в ресторан и поел с огромным аппетитом. После обеда взял в комендатуре направление на Армянск. Я пошел в соседнюю деревню, которая отстояла на 3–4 километра от станции. Там собирались подводы. Не прошел и километра, как у меня начались рези, и возникла необходимость свернуть с пути. Пришел в деревню на два часа позже, когда подводы уже ушли, так что пришлось ждать новых подвод до утра. На ночлег меня устроили в школу, вместе с другими возвращающимися на фронт бойцами. Наступила ночь, надо было выспаться, это мне не удалось, так как меня замучили частые позывы в туалет. Я устроился у двери, чтобы не беспокоить других. Луна освещала все вокруг. Наутро меня нашли во дворе в полуобморочном состоянии. Уложили на подводу и направили в больницу, но с дизентерией ни в одну из трех больниц Джанкоя меня не принимали. Наконец меня устроили в лазарет, помещавшийся в гостинице недалеко от станции. Там один из номеров был отведен под палату для таких, как я больных – как выяснилось в дальнейшем, с диагнозом «безнадежная холера». Часто впадал в полусон, рези в области живота были невыносимые и непрекращающиеся. Выделенная нам комната была узкой и длинной. В ней стояли 2 ведра, которыми мы

пользовались. Выделения у всех нас были уже не только слизистыми, но и кровянистыми. В комнате стояла полная тишина, временами нарушаемая всхлипами и стенаниями больных. Лечили нас какой-то горькой микстурой, которая подавляла рвоту. Трудно представить себе то состояние, в котором я находился. В номере было 7 коек, разделенных узким проходом, посредине одно окно и дверь напротив него, два ведра и нестерпимые миазмы, которые исходили из этих ведер, в ужасном сочетании с вонью хлорки – все это делало атмосферу в палате очень тяжелой. Доступа к нам не было ни у кого, кроме лечащего врача и санитаря. К счастью я не так остро ощущал ужас этой обстановки, так как сперва находился в полубреду, а затем полностью потерял сознание. Так прошло несколько дней, теперь всплывают лишь те моменты, когда я приходил в себя. Первый из них был вызван странным шумом. Прийдя в себя я услышал как санитары, поднимая и обыскивая больного, переговаривались: «Слава Богу, одним меньше, избавился от мук». Дня два спустя я снова пришел в себя: санитары спорили между собой, кому достанутся вещи умершего, которого они выносили из комнаты. Потом вынесли еще одного, и нас осталось трое. Что происходило вокруг меня, я не видел – я так ослаб, что не в силах был, даже повернуться к двери. В голове мелкнула единственная мысль – вот наступил и мой черед, и я снова впал в забытие. Дня 2 или 3 спустя, когда пришел в себя, я увидел, что во дворе греет солнышко и в палате светло, стоит необычная тишина. Я почувствовал, что рядом никого больше нет. С трудом повернул голову и понял, что в палате осталась только моя койка. Вокруг было пусто. Я понял, что остальных уже нет в живых, и скоро наступит мой черед. Мне вспомнились разговоры о том, что у нас холера и никакой надежды на выздоровление нет. Я пожалел себя, на глаза навернулись беспомощные слезы, их было две-три, потому что все мое тело иссохлось, в нем не осталось и капли жидкости, ее не хватило даже на слезы. Я был похож на скелет с натянутой на него кожей. Сил двигаться не было – любая попытка осуществить

хоть малейшее движение было мучением для меня. И, несмотря на это, на внушение, что больные холерой не выживают, что врачи и санитары меня списали в расход, я почувствовал, что живу. Я просто лежал и ждал. Но время шло, я был вне времени: какой сегодня день и час, утро или вечер – я не знал. Ждал и верил, что кто-то придет ко мне и спасет. И вот дверь открылась, в комнату вошла женщина-врач с ней санитар. «Как себя чувствует больной?» – шупая мой пульс, спросила она. Мне хотелось распросить ее о моем состоянии, но я потерял голос от слабости и только прошептал что-то невнятное. Чтобы ободрить меня, она сказала: «Тебе, кажется, повезло, ты все-таки выкарабкался. Лежи смиренно и поправляйся». Назначила мне лекарства и строгую диету, я понял, что обязательно выберусь. Постепенно в мой рацион начали вводить молоко и каши. Я так ослаб, что с усилием поднимал руки, не мог вставать с постели или сидеть на ней. Целыми днями я лежал и страдал от одиночества. Мне стали приходить в голову мысли о Болгарии, о доме, о матери, которая бы позаботилась обо мне. В такие моменты беспомощности я начинал сожалеть, что поддался авантюре воевать за спасение России. Иногда на глаза наворачивались слезы, и я горько плакал без голоса. Чтобы убить время, придумал себе игру. Стены были оклеены рваными обоями, местами под ними проступали газеты. Я отклеивал клочки газет и из напечатанного на них, составлял шарады: из нескольких букв я придумывал слова, из обрывков слов – предложения. Игра утомляла меня, но отвлекала от тягостных мыслей. Так прошло несколько дней, силы мои потихоньку стали восстанавливаться, я стал пытаться приподниматься и вставать с постели. Мой дневной пищевой рацион постепенно увеличивали, но еды мне все равно не хватало. Как-то раз я решил, что должен сам позаботиться о своем пропитании. Дождавшись, когда санитар принесет завтрак, зная, что до обеда больше ко мне никто не зайдет, я с трудом оделся и тихо, без лишнего шума, спустился по лестнице вниз, благо, она находилась рядом, и вышел на улицу. Медленными и неуверенными

шагами я двинулся вперед. Недалеко от лазарета я заметил мужика, который торговал соленым творогом и хлебом. Я купил эти продукты и быстро вернулся в палату. Подняться по лестнице было настоящим испытанием, на каждой ступеньке приходилось останавливаться, чтобы передохнуть. Хорошо, что мне никто не повстречался, и я успел вернуться в палату незамеченным. Передохнув, я собрался было раздеться и лечь в постель, но голод был настолько силен, что я набросился на хлеб с творогом. Я испытал такое удовольствие, какого не испытывал ни один обжора при поглощении своего любимого блюда. Наевшись до отвала, я спрятал остатки под подушкой и успокоился, лишний раз убедившись в том, что обладаю крепким здоровьем и железным организмом, раз смог пережить одну за другой три смертельные болезни – тиф, малярию и холеру и остаться в живых! И досыта наестся тем, что опасно для здорового человека, не то что для восстанавливающегося после холеры! Видимо, я очень крепкий человек и суждена мне долгая жизнь. Наступил день, когда мне объявили, что окончательно выкарабкался и явно иду на поправку, а поэтому меня переводят в другое место, ведь я уже в состоянии, хоть и с усилием, но передвигаться. После осмотра в больнице для выздоравливающих медкомиссия назначила мне продолжение лечения в Евпатории или Ялте. Почему, не знаю сам, но я снова отказался и потребовал, чтобы меня выписали и отправили в полк. В больнице меня еще немного подлечили и, получив документы, теплым весенним утром в конце апреля – начале мая, я на открытой платформе, нагруженной снарядами, направился по новой железной дороге, введенной уже в эксплуатацию, Джанкой – Перекоп – г. Армянск, к новому месту назначения во Второй офицерский Марковский полк. В наши дни я бы не решился ехать по такой дороге: рельсы были положены прямо на землю и только, там где место позволяло, производился их крепеж. При таком состоянии железной дороги, скорость передвижения поездов была 15–20, в редких случаях до 30 км/час, что опять таки усложняло снабжение фронта. Наш поезд

остановился только 2–3 раза, для ремонта дороги, поврежденной проследовавшими поездами. Вагон качало то в одну, то в другую сторону в зависимости от того, какое колесо лишалось упора. Все это было потому, что из-за недостатка времени железная дорога была проложена наспех. Готовилось наступление на Украину, Днепр, Донбасс и Кубань. Итак, после длительной поездки к обеду мы приехали в Армянск. Там были расквартированы штаб полка и штаб дивизии. В нескольких километрах находился город Перекоп и наши передовые позиции. Я представился в штабе полка и меня направили в комендантский взвод поручика Березитского. Он являлся и командиром разведки полка, но лошадьми разведка не располагала. Я был рад снова оказаться в полку. Смешно вспомнить, как я выглядел: худой, кожа да кости, 18-летний парень в американском обмундировании, в портянках, почти лысый, бледный и еле двигающийся от слабости. Прямо огородное чучело, а не солдат. Паек в полку был очень скудный: четверть фунта (120 г) соленой хамсы, 50 г проросшего лука, 200–400 г сухого хлеба, и то если все это было уже доставлено. Иногда крупа – обычно пшенка или мука, вместо хлеба. Немного сахара. Кстати, вода в колодцах Армянска соленая и не годится для питья, даже если ее прокипятить. За питьевой водой приходилось ходить за 2 км в направлении фронта. От нее исходил болотный запах, но это не мешало нам употреблять ее. В таких обстоятельствах мы, бойцы Добровольческой армии, умудрялись готовить что-нибудь более-менее съедобное, сопровождая прием пищи шутками и прибаутками, с большим аппетитом ели: котлетки из хамсы или хамсу отварная с пшенкой, хамсу, обжаренную в муке, или хамсу сырую с проросшим луком, лук, обжаренный в масле, мучную кашу с хамсой. Конечно, лишение хамсы голов и хвостов являлось преступлением, которое «наказывалось» голоданием. Позволить себе такое мог только человек, располагающий средствами и возможностью прикупить себе у местного населения дополнительную провизию. Такие люди отдавали нам головы, хвосты и лук, а мы

В гостях у багюшки. 1919 г. (из архива С. Чакалова)

по-братски делились между собой этой богатой витаминами и другими питательными веществами едой. Молоко, сливочное масло, и другие продукты роскоши, как то мясо и мясные продукты, были исключены из состава нашего лексикона как лишние и непотребные, обременяющие мозг бойца. Такие вот обстоятельства и высококачественная пища должны были способствовать моему постепенному и далеко не скорому выздоровлению.

Как-то раз, на площади города Армянска, состоялся парад нашей Марковской дивизии, что было первым признаком предстоящего наступления. Это случилось в начале мая, когда в город прибыли первые танки, артиллерия, новые воинские части. Все мы с нетерпением ожидали начала наступления. Парад на площади Армянска свидетельствовал о нашей готовности к наступлению. Три Марковских полка, наряду с тремя дивизионами артиллерии, были построены в каре, а наша комендантская рота – в непосредственной близости от штаба полка.

Кадет С. Чакалов среди боевых друзей. 1919 г. (из архива С. Чакалова)

Май 1920 г. Армянск – Каховка – Керчь

В начале мая мы начали наступление в направлении Перекоп – Аскания Нова – Каховка.

Наша команда не имела коней. Она следовала за наступающей армией в качестве резерва на подводах вместе с лазаретом и обозом со снарядами, снаряжением и кухней. Таким образом, мы шли в авангарде резерва непосредственно после боевых частей через территорию занятую несколько часов тому назад у противника. Первый крупный населенный пункт был Аскания-Нова. Это заповедник, созданный в 1901–1902 гг. (по другим данным, в 1898 г.), был оснащен современной сельскохозяйственной техникой. На полях выращивали зерновые культуры и кукурузу, в садах – фрукты, разводили скот, птицу. Там имелись кон-

Солдатские будни на Юге России. 1919 г. (из архива С. Чакалова)

Обоз в походе. Юг России. 1919 г. (из архива С. Чакалова)

ный завод, молочная и мясоперерабатывающая фабрики и пр. Хозяйство размещалось на нескольких десятках тысяч гектаров земли, на которой с весны до поздней осени трудились крестьяне окрестных деревень. Кроме руководящего персонала, в нем были заняты многочисленные специалисты бухгалтеры, мастера и другие рабочие. Основателями и собственниками этого хозяйства были обрусевшие немцы, заселившиеся давным-давно на территории старой России, сохранившие свою самобытность в течение нескольких веков, приобщившиеся к русским традициям и имевшие статус национального меньшинства. Они сохранили характерный национальный облик домов и дворов, свою католическую религию и немецкий язык. Здесь следует отметить, что в Таврической губернии есть много сел с немецкими колонистами. В этой губернии есть и болгарские села, где люди занимают-

ся огородничеством.

Издали перед нами простиралось большое поле, в дали которого был виден остров зелени – оазис. Это была Аскания-Нова. У шоссе, по которому мы ехали, находилось хозяйство немецких колонистов. Все здания были в немецком национальном стиле. Улицы шириной 30–40 метров, жилые дома с высокими крышами под черепицей, а не как украинские, крытые соломой. Высокие ворота вели к внутренним дворам. На улице выходит несколько окон. Посреди улицы – подбитый танк, в нем два сгоревших танкиста, остальные убитые лежат возле танка. Это был наш танк. Противник не испугался танковой атаки и успел бросить в него бутылку с керосином и поджечь его. Экипажу это стоило жизни. Наша атака была приостановлена, и противник отошел с позиций и отступил на Каховку, мы прошли, не останавливаясь. Привал устроили в поле между Перекопом и Каховкой, вблизи немецкой деревни. После стольких месяцев питания хамсой с луком и небольшими пайками хлеба, не дожидаясь, когда пропахшая дымком, обильно подслащенная сахаром пшеничная каша немного остынет, мы набросились на нее и наелись до отвала – такого величайшего удовольствия от еды я давно не испытывал.

Друг кадета Чакалова капитан Гасаненко. 1920 г. (из архива С. Чакалова)

Из-за луково-хамсовой диеты был позабыт вкус нормальной пищи. Обжигаясь горячей кашей, мы ели, очень скоро показалось дно котла, нужно признаться в тот день я переел. Была моя очередь мыть посуду, я очень старательно помыл котел и вернул его немецким колонистам, которые нам его одолжили вместе с продуктами. Не забыл поблагодарить их за молоко, пшено и сахар. С нами они были очень любезны, большевики воспринимали их как кулаков, врагов коммунизма. Немецкие колонисты в России повсюду в мире довольно зажиточны благодаря своему трудолюбию, умению внедрять все технические достижения для облегчения физического труда, бережливости и честности. Нужно добавить к этому их независимость и уважение к частной собственности. Обойдя пешком весь юг России, я в очередной раз, убедился в том, что немецкие колонисты наряду с донскими и кубанскими казаками пользуются техникой очень разумно, чем решительно отличаются от хохлов, тем более от северных крестьян, которые гораздо менее используют технику. Каждый немец или казак имеет с десятков-полтора лошадей, реже волов и пользуется не парой лошадей, запряженной в один лемешный плуг, а добрым десятком запряженных в четырехлемешный. Один работает за четверых и в четыре раза быстрее.

Расстояние от Перекопа до Каховки на Днестре около полутора километров. Наши части быстро передвигались, противник, боясь быть отрезанным, отступил за линию Днестра. Достигнув Днестра, мы остановились на несколько дней на высоком левом берегу, а противник остался на более низком – правом. Абрикосов, хлеба, яиц, масла и т. д. было вдоволь. Боев не было, только артиллерийские перестрелки. Ежедневно в обеденное время мы купались в Днестре. Противник постреливал одиночными снарядами. Наши артиллеристы стреляли в ответ. Так начиналась артиллерийская стрельба, а мы спокойно продолжали купаться. Пришел день, когда мы должны были завладеть другим участком фронта, километрах в шестидесяти от Александровска, эта часть между Днестром и железной дорогой оставалась ни-

чей. Противник отступил за Днепр, за линию Мелитополь–Александровск. Вдоль Днепра стояли болота заросшие тростником. В них прятались «зеленные» отряды батьки Махно. Это были банды грабителей, которые не признавали ни нас, ни большевиков и терроризовали местное население. Сейчас эти места затоплены водой Каховской ГЭС, а Александровск переименован в Запорожье. В нескольких километрах против течения находится остров Хортица, где когда то было селение знаменитых запорожских казаков, описанных Гоголем в повести «Тарас Бульба» и запечатленное Репиным в картине «Запорожцы пишут письмо турецкому султану». Пока мы ждали приказа, два раза ходили на конях и с подводами в разведку до Александровска. Обычно отправлялись рано утром и к обеду уже были у Александровска. Там население встречало нас с безразличием – без особой радости, но и без враждебности. Они знали, что после нас придут зеленые или большевики, которые тоже выезжали в город на разведку. Во время второй вылазки у меня был неприятный случай. Я стоял у магазина, куда за чем-то зашел мой товарищ. Тут подошла красивая, стройная девушка, или, вернее, молодая женщина в деревянной обуви. Она направлялась в магазин и поднялась по лестнице. Я засмотрелся на ее ноги и сказал глупую реплику, она услышала меня. Она подошла и ударила меня по лицу. Это была первая оплеуха, полученная от женщины, а она с гордым видом спокойно пошла в лавку. Ее реакция застала меня врасплох, и я, без слов, постыдно удалился, не дожидаясь своего товарища. Нужно признаться, что пощечина была вполне заслуженной. Город Александровск я знал еще с того времени, когда служил в Украинской армии, и нас два раза расквартировывали там. Это было мое последнее пребывание в этом городе. В тот раз обошлось без встреч с зелеными и большевиками. Поздним вечером мы вернулись к нашим. Дело было летом, в жаркую погоду, мы пребывали в постоянном движении, поэтому не расквартировывались в домах, а оставались спать в подводах. Как-то раз, услышав шум самолета, приняли его за своего, тем более что

он появился со стороны Каховки. Вдруг из самолета посыпались бомбы. К нашему счастью, они никого не задели. Враг повторил свой заход, обстреливая нас из пулемета, мы в ответ отгоняли его винтовочными залпами. Так состоялось мое боевое крещение в боях с авиацией противника. Можно сказать, что это был первый авиаобстрел наших позиций, хотя мы знали о том, что авиация используется противником не только в целях разведки, но и для нападения. Появление самолета подсказывало, что противник активизируется и вскоре начнутся новые бои. Вправо от нас появились конные разъезды противника, мы получили приказ отправить группу из 10 конников, чтобы разведать положение противника в направлении железной дороги и Александровска. У нас было 10 коней. Из них ездовыми можно было считать девять. Десятая же была хорошей, сильной, но упряжной лошастью, которая передвигалась слабой рысью и которую мы запрягли в подводку. Так как для меня не было еще коня и седла, которыми я надеялся обзавестись у противника, мне приказали остаться. После длинных уговоров кап. Березницкий, командир нашей команды, согласился взять меня с собой, дал мне свое казачье седло и эту лошадь. Я ее оседлал и включился в разъезд десятым конником. Пока мы ехали вперед по направлению к противнику, мы не спешили, опасаясь попасть в засаду. Моя лошадь передвигалась в общем темпе, и я не отставал от группы. Так мы прошли 10–15 км, так и не обнаружив никого. Доехав до какой-то деревни, мы узнали, что вчерашнего дня сюда приходил разъезд противника. В этот раз обратная дорога была другой. Мои товарищи во главе с капитаном Березницким двинулись карьером с достаточно быстрым темпом. Моя лошадь постепенно начала отставать. Мы ехали по проселочной дороге, которая изгибалась между полями подсолнуха, кукурузы, пшеницы которые не везде еще были убраны. Факт моего отставания оставался незамеченным моими товарищами. Я оказался один в поле. Лошадь, оставшись одной, замедлила свой ход. Только после кнута, она побежала слабой рысью и снова сбавила ход. Мне хотелось плакать от бессилия и

ярости, я опасался, чтоб разъезд противника пойдет по нашим следам и захватит меня в плен. Дорога туда длилась полтора часа, теперь же прошло более трех часов, а я еще не вернулся обратно. Я мог бы спешиться, бросить лошадь и вернуться гораздо быстрее, если бы не проклятое седло кап. Березницкого! Известно, что тогда лошадь было найти легче, чем седло. Время подошло к обеду, судя по жаре – полдень. Солнце сильно пекло, а вокруг негде укрыться от его лучей. Весь в поту, перевозбужденный, мучимый жаждой, я с усилием продвигался вперед. И тут передо мной раскинулось огромное поле, длиной в километр, не менее, а посреди дорога, по которой надо было проехать на виду у противника. Если меня заметят, мне каюк, так что хочешь не хочешь, а гнать лошадь надо. Минут через 20 я преодолел это пространство как можно быстрее, снова нырнул в кукурузник. Повернув голову напоследок, я заметил трех всадников на другой стороне поля. Кто они такие – наши или враги, почему не последовали за мною, я и до сих пор не знаю. Вполне возможно, что они меня видели, но, опасаясь, что я не один, а в составе большого разъезда, когда их же только трое, не предприняли никаких действий. Еще час плутания по проселочным дорогам, и я вышел на пятерых медленно бредущих всадников, которые остановились, увидев меня. Выбора у меня не было, и я продолжал следовать своей дорогой. Подойдя поближе, друг к другу, мы выяснили, что являемся бойцами одной армии. «Уж не из команды Березницкого?» – спросил меня один из них и, получив утвердительный ответ, рассказал, как было дело: капитан заметил мое отсутствие лишь по прибытии в штаб. Предупредил об опасности встретиться в том направлении с противником. Их группу направили следить за передвижением врага, который, по всей вероятности, схватил меня. Они должны были охранять фланг и осуществить связь с нашими частями, находящимися по соседству. Я поведал то, что видел час тому назад и проследовал дальше. Моя лошадь, то ли с голоду, то по какой-либо другой причины, вдруг поскакала быстрой рысью. Спустя полчаса я уже

Визитная карточка кадета Стефана Чакалова. 1919 г. (из архива С. Чакалова)

был в нашем лагере и рассказывал о своих злоключениях, что вызвало много смеха. Вернув седло кап. Березницкому, я дал себе слово никогда больше не ездить на тяговых лошадях.

Июль был на исходе, когда в полк поступил приказ выделить молодых людей, у которых было начальное военное образование. Таковым в полке оказался только я – восемнадцатилетний кадет и меня подготовили к уходу. В этот раз мое нахождение на фронте оказалось бесславным. За три месяца я не принял участия ни в одном бою и не выстрелил ни разу. На противника я смотрел лишь издали, в бинокль (под Каховкой). Как оказалось, в дальнейшем это было мое последнее пребывание на фронте. Прощание с товарищами и офицерами было недолгим, но сердечным: я обещал вернуться как можно скорее и причем вернуться в наш славный Второй Марковский полк с тем, чтобы продолжить и довести до конца начатое славное дело.

Меня послали в Мелитополь, там находилось интендантство полка и дивизии. Там я сдал свое оружие, получил новое обмундирование, документы, по которым мог сесть на поезд, и права на поступление в Алексеевское военное училище в Феодосии. Я в третий и, как оказалось, в последний раз, прибыл в Мелитополь. С собой у меня был лишь саквояж с документами, бельем и личными вещами.

В Джанкое я сделал пересадку на Феодосию, куда добрался на следующее утро и без замедления отправился в Алексеевское во-

енное училище. В канцелярии училища я сдал свои документы, после недолго ознакомления с ними, меня отправили к одному подполковнику.

Вот перечень вопросов подполковника: 1) Вы кадет? – Да; 2) Какого корпуса? – Николаевского кадетского корпуса в Петрограде; 3) В каком классе вы учились? В пятом; 4) У вас имеются документы? – Да – и я показал ему бумагу, которую дал мне полковник Сорокин при случайной встрече с ним в 1918 г. в Екатеринодаре; 5) Когда уехали из Петербурга? – В январе 1918 года. 6) Когда записались в Добровольческую армию? – В июле 1918 года; 7) Где вы были до того? – В Украинской армии; 8) Когда и где родились? – 26.09.1901 в Болгарии; 9) Вы болгарин-доброволец? – Да; 10) Имеются ли у вас родители или родственники в России? – Нет. Он аккуратно все это записал и в итоге, сказал, что я не имею права поступить в их училище, так как туда принимаются ученики со средним образованием или кадеты, окончившие VI классов. Я объяснил подполковнику, что прибыл не по своей воле, а по приказу, и потребовал получить отказ в письменном виде и направление на фронт. Кажется, этот ответ ему понравился, и он объявил, что переправляет меня в Керчь, в училище им. генерала Корнилова. Получив новое письмо и документы, я отправился поездом в Керчь.

В Керчь я прибыл утром в конце августа – начале сентября и направился в военное училище. Оно находилось на берегу моря в трехэтажном здании, на окраине города, которое по всей вероятности раньше было табачным складом. Между берегом и складом проходило шоссе Керчь – Маяк. Несколько дней назад учащиеся вернулись из неудачного десанта на Тамань. Занятия еще не начались и юнкера были свободны и сходились лишь для еды – на завтрак, обед и ужин, утреннюю и вечернюю проверку. Меня приняли во вторую роту 1-го взвода. Взвод состоял из кадетов Владикавказского кадетского корпуса. Большинство из них было моложе меня. Взводный юнкер, князь Казбеков, симпатичный, хорошо воспитанный кавказец. Еще в первый день

я познакомился с ребятами и сразу пошел с ними купаться, так как стояла жаркая погода. Юнкера были еще под впечатлением их боевого крещения и десанта и все время говорили об этом. Из их разговоров, я узнал, что десант, его организация, были плохо обдуманы и осуществлены, что привело к плохим результатам. Прошло несколько дней, и наш взвод принял дежурство по училищу и его охране. Здание училища было обращено к морю, рядом стояло несколько одноэтажных строений, служивших вспомогательными помещениями: склады, карцер, помещения для проживания кашеваров и другого персонала. Имелся и внутренний двор – сорок на сорок, окруженный высоким каменным забором. Во двор вели два портала. Один из главного здания, а другой – со стороны города. Через массивные дубовые ворота, въезжали подводы. Там же была небольшая дверь (0,80 на 2 м), которую я должен был охранять с 10 до 12 ночи и с 4 до 6 утра. Караульный юнкер стоял с внешней стороны забора. Ворота и дверь закрывались изнутри, и охранять надо было весь периметр забора. Кроме того двое юнкеров, патрулировали с внешней стороны. Первая смена с 10 до 12 прошла хорошо, хотя мне очень хотелось спать. Я даже вздремнул немного, патруль разбудил меня, и я не подав виду, что засыпал. Вторая смена с четырех утра была настоящим испытанием: меня так клонило ко сну, что я прямо-таки засыпал на ходу, а чтобы не заснуть, курил, несмотря на строгий запрет делать это на посту. Первые два обхода патруля выдержал, а потом присел ненадолго и крепко заснул. Сколько времени я проспал – трудно сказать, меня разбудил патруль. Юнкера, видимо, тоже прикорнули где-то по близости, а в 5,45 пошли снова. Мне повезло: чуть позже появился ротный командир и застал меня бодро шагающим и застегнутым на все пуговицы.

Как-то я узнал, что фельдфебель-юнкер первой роты плохо отзывался о кадетах, и это подтвердили многие. Он обзывал кадетов трусами, недисциплинированными, бестолковыми бабами, которые ничего не понимают в военном деле.

Дело было утром. Возбужденный, я взлетел на верхний этаж,

где помещалась первая рота. Она была полностью укомплектована и являла собой старший курс училища, а вторая еще не укомплектованная – была младшим курсом. Вслед за мной потянулись еще 2–3 человека. Быстрым и энергичным шагом я направился к фельдфебелю. Он был в общем помещении и разговаривал с кем-то. Подойдя к нему, я отдал честь и отчеканил: «Разрешите обратиться по личному вопросу». Он посмотрел на меня с удивлением и спросил в чем дело. Завязался разговор, который привлек внимание остальных, ведь они знали мнения фельдфебеля о кадетях. «Я хотел бы поговорить с вами с глазу на глаз», – промолвил я. «Я не намерен вести личные разговоры, у меня нет секретов» – прозвучало в ответ. «Скажите, правда ли то, что распространяется между юнкерами насчет вашего мнения о кадетях?» – «Я не намерен давать никаких объяснений ни вам, ни кому либо другому». – «Я вас снова спрашиваю, вы, что либо обидное, говорили по адресу кадетов, или нет?» – прокричал я. «Кадет, смирно! Ты говоришь с фельдфебелем!» – «Ты не фельдфебель, а трус. Я сказал, что это личный разговор». – «Кадет, немедленно покинуть роту! Я доложу о твоём поведении», – сказал он. «За такие слова бьют по морде», – ответил я, повернулся и добавил – «Если ты не попросишь извинения и хоть что-нибудь прозвучит по адресу кадетов, ты получишь от меня!» После этих слов я спустился вниз. Не менее 20–30 юнкеров первой роты, в том числе мои друзья стали свидетелями этой перепалки. Новость распространилась молниеносно. Не прошли десяти минут, как ко мне потянулись не только кадеты с поздравлениями, но и другие юнкера. Никто не любил фельдфебеля первой роты за его надменность, злость и отвратительное качество считать себя выше других. Он еще не бывал на фронте и его боевой опыт ограничивался событиями в Тамани. В половине двенадцатого меня вызвали к дежурному офицеру, поручику Иванову. Он встретил меня словами: «Юнкер, вы не знаете, что дисциплина и чинопочитание – основа армейской жизни?» «Так точно, г-н поручик. Знаю». «Вот рапорт фельдфе-

беля, что вы были грубы с ним и лезли в драку. Это правда?» «Нет, совсем нет! Я не хотел драться, приватный разговор был, ничего общего со службой не имеющий». – «Вы ведь были в помещении его роты и там в присутствии многих юнкеров вели себя грубо и недостойно. Поэтому – в карцер до распоряжения батальонного командира. Дежурный, отведите юнкера Чакалова в одиночный карцер!» И так, с утра я оказался в карцере. Новость о моем аресте распространилось по всему училищу, в тот день я ел так много всего, как никогда ранее, хотя арестованным дают только хлеб и похлебку, без второго и третьего. Караул как бы не замечал, что юнкера подавали мне в окошко кто во что горазд – котлеты, пирожные, папиросы и многое другое. Почти все юнкера не только моей роты, но и первой были на моей стороне. К двум-трем пополудни в училище приходили офицеры – воспитатели и ротные командиры, для подготовки к занятиям. В тот день пришел и батальонный командир. Всем им был предъявлен рапорт фельдфебеля 1 роты. Батальонный командир уехал в город докладывать про мой случай генералу, начальнику училища. Часам к пяти ко мне пришел наш ротный командир. Он объявил, что ситуация довольно серьезная и меня могут отдать под трибунал. «Так точно, господин капитан, знаю», – отрапортовал я. «Расскажите мне, что там случилось, но только правду, ничего не скрывая. Ротный командир должен знать все в подробностях, даже то, что собирался делать, но не сделал». – «Его надменное поведение заставило меня заявить ему, что за такие слова бьют по морде». – «Рукоприкладство с вашей стороны имело место или же было только предупреждение?» – захотел узнать капитан. «Руки я не поднимал, да и не собирался. Спросите у тех, кто был со мной. Они не дадут солгать». Выслушал меня, капитан объявил, что по всей вероятности, на другой день будет созван совет училища для рассмотрения рапорта фельдфебеля. До принятия решения я останусь в карцере. На совете состоялись бурные дебаты, и было принято решение провести расследование и установить правду не только относительно рапорта фельдфебеля,

но и его слов по адресу кадетов. Во время прений большая часть участников требовала немедленного исключения юнкера Чакалова и отправки его на фронт, другая требовала вычеркнуть его из армейских списков как большевика. Наш ротный командир заявил: «Юнкер Чакалов с радостью вернется на фронт. Он доброволец болгарин, имеет три ранения и с января 1918 по сей день уже почти 3 года доблестно сражается в рядах армии. Исключать его из состава армии совет не имеет права, а вернуть в Болгарию – тоже, к тому же это не будет для него наказанием. Необходимо проверить все факты и не принимать решения лишь на основе одностороннего освещения вопроса. По имеющейся информации, написанное в рапорте сильно преувеличено». Совет постановил, чтобы ротные командиры 1 и 2 рот под председательством батальонного командира расследовали все факты и на следующий день доложили совету. Второй день моего ареста был сильно перегружен. Комиссия допросила меня, фельдфебеля и многих других. До меня доходило все, связанное с расследованием: кого о чем спрашивали и как кто отвечал. Все, конечно, выяснилось. Фельдфебель сознался в том, что он плохо отзывался о кадетях, что я на него не поднимал руку, а только угрожал расправиться с ним. После окончания допросов, комиссия уехала в город, а в училище поползли предположения о том, чем все закончится. Преобладало мнение, что меня исключат из училища и вернут обратно в полк. Я тоже так считал, но не боялся этого и ни о чем не сожалел, чем и делился с приходившими ко мне юнкерами. С этой мыслью я смирился и проспал без просыпу всю вторую ночь в карцере. Утром третьего дня в городе заседал совет, и неведомыми путями до училища донеслись оживленные дебаты и блестящая защита нашего ротного командира успевшего убедить всех в моей невиновности. Чуть позднее мы узнали подробности его выступления, которые звучали так: «Во-первых, поступок юнкера Чакалова с точки зрения дисциплинарного устава заслуживает порицания. С точки зрения чести военного мундира он заслуживает похвалы. В нашем учили-

ще мы воспитываем молодых людей защищать честь мундира и погон, быть честными и доблестными, а когда сталкиваемся в действительной жизни с подобными проявлениями, мы ограничиваемся лишь строгим соблюдением дисциплинарного устава. Во-вторых, имел ли право юнкер Чакалов чувствовать себя в обиде и не только за себя, но и за всех воспитанников кадетских корпусов? Господа, если не все, то, по крайней мере, половина старых кадровых офицеров воспитывалась в кадетских корпусах. Из расследования установлено, что фельдфебель 1 роты позволил себе по адресу кадетов, недостойные будущих офицеров высказывания, причем не однократно и не случайно, а многократно и систематически. Мы знаем, что в Добровольческой армии служит много кадетов. Юнкер Чакалов тоже является кадетом. Он болгарин, приехавший из Петербурга, чтобы добровольно присоединиться к нашим рядам. У него три ранения, и он прибыл к нам по приказу, а не по собственному желанию. Разве мог юнкер Чакалов реагировать как-то иначе на слова фельдфебеля 1 роты? Он лишь хотел с глазу на глаз поговорить с ним. Хочу напомнить, что с самого начала Чакалов требовал личной беседы, а что получилось в ответ? Надменность и недоброжелательность. Если принять во внимание буйный нрав южан, в том числе и болгар, мы поймем его поступок. Хочу признаться, что я горжусь возможностью иметь в своей роте такого юнкера, да и еще многих других кадетов». В заключение он предложил принять следующие решения: « 1) Освободить юнкера Чакалова из-под ареста; 2) Обязать фельдфебеля и юнкера Чакалова извиниться друг перед другом перед строем училища; 3) В случае отказа обоих отправить на фронт». Выслушав мнения и других членов комиссии, Совет принял предложение. К обеду наш ротный командир лично приказал освободить меня из-под ареста. Согласие извиниться я дал, но лишь взамен на извинение фельдфебеля. Ротный командир 1 роты принял согласие фельдфебеля, и мы стали готовиться к предстоящему событию. Во время вечерней поверки на плацу выстроились все офицеры во главе

с начальником училища. По окончанию проверки начальник училища выступил с краткой, но содержательной и эмоциональной речью на тему «Честь офицера и человека», суть которой заключалась в том, что каждый человек, тем более офицер или будущий офицер, должен приложить все свои силы, чтобы защитить свою честь. Возникшее в училище недоразумение должно быть своевременно улажено и устранено. Он сказал «Фельдфебель 1 роты и юнкер второй роты Чакалов – ко мне!». Мы оба вышли из строя, и он обратился к нам: «Вы, фельдфебель, затронули честь кадетского корпуса и посему, перед лицом всего училища, призываетесь извиниться за необдуманные слова. Вы, юнкер Чакалов позволили себе нарушить не только дисциплину и чинопочитание, но и перед множеством юнкеров обидеть вышестоящего, чем нанесли урон его достоинству. Обычно за подобные проступки военнослужащий предается трибуналу. Однако, в виду ваших заслуг перед армией, а именно трехкратного ранения и с учетом вашего желания о приватном разговоре в отсутствие посторонних, что было отвергнуто фельдфебелем, вам удалось избежать строгой кары. Фельдфебель извинился, вслед за ним и я признал свою ошибку. Для того чтобы положить конец столкновению, генерал предложил нам обменяться рукопожатиями и принять обоюдные извинения. Впредь подобные поступки, заявил он, будут строжайшим образом караться. Мы обменялись рукопожатиями и вернулись в строй.

Прочитав вечернюю молитву, все разошлись по своим спальным помещениям. Не могу описать радости и оваций всех юнкеров-кадетов. Самым главным для нас было то, что я не был наказан и передо мною извинились. Естественно, это являлось исключительной заслугой нашего ротного командира, который блестящим образом защитил значение чести офицерского погона и достоинства человека.

Некоторое время спустя училище перевели в город в более удобное здание, где уже повзводно и по ротам стали проводить регулярные учения; состав нашей второй роты был пополнен

молодыми, еще не служившими юнцами. Меня определили отдельным юнкером второго отделения второго взвода; ротным фельдфебелем был назначен кадет Агабегов, взводным – другой кадет. Помещение, отведенное нашему взводу, вероятно, ранее служило складом: часть окон выходила во двор, а другая – в поле, где проводились строевые занятия. В состав моего отделения входило 11 человек, из них только пятеро кадетов, а остальные – бывшие гимназисты. Строевые учения проводились с 8 до 12, но, так как было много новичков, их приходилось обучать в отдельности, что и было вверено мне. Это происходило в укромном уголке плаца, за небольшим строением и чередой деревьев.

Мне пришлось муштровать их, каждого в отдельности. Звучали команды: «Налево», «Направо», «Шагом марш», «Стой». Я демонстрировал исполнение каждой команды, а потом предоставлял возможность обучаемым делать это самостоятельно. Тем, кто быстро усваивал, я разрешал присесть и подавать команды другим. А тех, кому это давалось с трудом, я брал под личный контроль и гонял до седьмого поту. За мою настырность меня прозвали «мордочесом». Я добивался хороших результатов, с отстающими не за положенных десять дней, а за пять, и в оставшееся время предоставлял им возможность расслабиться, но каждое утро начиналось с демонстрации усвоенного. Таким образом, мне удалось подготовить к общему строю всех вверенных мне парней. Мои успехи в обучении новичков привели к тому, что мне стали доверять и отстающих из других отделений. Во второй половине дня проводилась теоретическая подготовка, три раза в неделю мы отправлялись в другой конец города, где в одной из школ нам читали лекции. Туда и обратно мы ходили, конечно, ротным строем с песней. В нашей роте были хорошие запевалы. Мы старались демонстрировать это и добивались заслуженной похвалы. Потому что наши фельдфебель и взводные должны были ходить на лекции с 1 ротой со старшим курсом, зачастую сопровождать роту в город приходилось мне. Еще на выходе я подавал команду «Запевай» и стройными рядами с задор-

ной песней мы направлялись на лекции. Когда же я находился в строю в качестве юнкера, мы с товарищами запевали любимую песню, не дожидаясь команды. Кстати, я не отличался особым слухом и красивым голосом, но был неплохим запевалой: стоило мне начать, как мои товарищи дружно подхватывали задорную песню, которая оглашала всю окрестность. Надо отметить, что сплоченность нашего отделения прославилась во всем, чем бы мы ни занимались в повседневной армейской жизни: и в уборке помещений, и в дежурствах на кухне – все мы делали быстро и с задором, нами были довольны. Поэтому кашевары от души накладывали в баки нашего взвода и роты хорошей пищи. Так же дружно по вечерам, чаще всего не имея разрешения на увольнение, мы, спрыгнув в окно, убегали в приморский сад. Я, несмотря на то, что в качестве отделенного должен был следить за соблюдением порядка, не отступал от своих товарищей.

Так мы жили и учились, а на фронте становилось все тревожнее. Противник вел наступление, бои за Перекоп ужесточались. Нашей армии снова пришлось вернуться в Крым.

Нашему отделению и мне в том числе приходилось по нескольку раз принимать участие в стрельбах на Маяке и нести караул в Военной тюрьме. Обидно было смотреть на арестованных за нарушение дисциплины офицеров и солдат и мы, сочувствуя им, делились папиросами. Наступила осень, похолодало, и мы надели шинели.

В октябре уже было решено, что мы эвакуируемся и оставим полуостров. Прибыли пароходы, для погрузки наших войск. Нашему Корниловскому военному училищу выпала честь охранять порядок эвакуации. Фронт был прорван, и наша армия спешила в порт грузиться для эвакуации. В Керчь приехал грузовой пароход «Екатеринодар», нагруженный до отказа зерном. Меня, вместе с офицером и 12 юнкерами, послали охранять этот пароход. Первым делом нужно было выйти в открытое море и освободиться от некоторого количества зерна, чтобы погрузить людей. Всю ночь работали моряки и команда казаков, которые

освободили трюм высотой 2–2,5 метра. После этого, чтобы сохранить порядок, наш корабль остался на рейде в порту и катера начали подвозить части дивизий донских казаков и семьи штабных офицеров дивизии. Штаб устроился в кают-компании и в свободных каютах. Нужно было охранять машинное отделение и не допускать до него никого из эвакуируемых солдат. Эту задачу доверили нам, мы устроились в отдельную каюту на носу парохода, где имелось 10 коек. Так как пароход был грузовым, в нем была свежая вода и еда только для экипажа. Погрузка казаков продолжалась долго, так получилось, что наш пароход был одним из последних, который вышел из порта. На берегу было видно скачущие на конях люди, неизвестно, белые или красные, но я видел, что многие люди, которые хотели эвакуироваться, остались в порту, так как не хватало мест на пароходах. На нашем пароходе находилось около 4 000 казаков, которые поместились в трюмах и на палубе вместе со своим личным имуществом. При погрузке каждый стремился взять с собой, что-нибудь ценное. Склады в порту были разграблены. Сахар, мука, оружие, материя и все, что попадалось под руку, было изъято насильно. Погода стояла дождливой и холодной. С самого первого дня, когда отправились в Константинополь, нас встретили трудности.

Прежде всего, была проблема с туалетами. На судне имелось пять туалетов: для офицеров – два, для матросов – два и для «внутреннего персонала»: моряков машинного отделения, кухни и прочих – один. Можете себе представить, в каком положении оказались мы, а вместе с нами и казаки: перед туалетами все время стояли длинные очереди на носу и корме парохода. Ждать своей очереди, было невыносимо и мужчины все свои нужды справляли прямо в море через борт корабля, который, конечно, через некоторое время потерял свой внешний вид.

Следующая проблема – питьевая вода. Был один ручной насос для питьевой воды, который стоял под капитанским мостиком. Место было оккупировано казаками, и там все время происходили скандалы, часто переходившие в драки. Нашей задачей была

охрана порядка. Мы поставили посты перед машинным отделением и перед кают-компанией. Я был разводящим и должен был менять посты каждые два часа. Сначала я поставил посты и у водопроводных кранов, чтобы каждый мог получить немного воды. После многих скандалов, наш офицер попросил вмешаться штаб дивизии – генерала и других представителей командного состава. Но они не имели возможности подчинить казаков и установить дисциплину. В этой ситуации мы отказались от поста у крана и оставили казаков самих разбираться между собой. К вечеру первого дня эти скандалы усилились. Последовали самочинные расправы с тяжелыми ранениями. В конце концов, самые благоразумные казаки созвали митинг, приглашая и караул. Целый час люди высказывались и приняли решение, что каждый имеет право получить по стакану воды, и должен сохраняться порядок. От имени всех казаков нас пригласили поставить снова пост у крана, нам давалось право стрелять в любого, кто нарушает порядок. Мы получили заверения, что в случае возникновения проблем будет оказана помощь от находящихся рядом казаков. Мы согласились и к вечеру поставили пост у крана с водой. До конца рейса не было больше инцидентов.

Следующая проблема касалась питания. Решить ее было очень трудно. Пищу невозможно было готовить, так как не было продуктов, несмотря на то, что погрузили несколько полевых кухонь. Казаки делали себе тесто из муки и морской воды и сушили его у дымоотводов. Всегда было много людей, которые пекли такой хлеб. Хлеб был невкусным, но все-таки сытным. Другие, у которых имелись какие-либо съестные припасы, ели их от других тайно.

Часовых нужно было менять каждые два часа. Днем образовывалась дорожка, по которой можно было пройти, но ночью, когда проголодавшиеся и утомленные казаки ложились спать, они пользовались любым пустым местом и мы все время спотыкались о них. Все терпели, не протестовали и говорили: «Давайте, вытерпим и это!»

Были и такие, которые ругались, ругали начальство, всех, но

только не нас! Мы старались не наступать на них, но это не всегда удавалось. Несмотря на то, что казаки подчинились установленному порядку, имелись и такие, которые не верили нам, и часто мы слышали за спиной, что «Им хорошо: они пьют хорошую воду из машинного отделения и получают пищу из матросской кухни!» На самом деле мы не получали ничего из матросской кухни, а имели только то, что получили на 6 дней сухим пайком в виде консервов, хлеба, сахара. Было запрещено носить воду в наши каюты – ни свежей из-под крана, ни из машинного отделения. Я позволял пить воду только из крана или из машинного отделения только часовым, когда они стояли на посту. Остальные брали морскую воду, добавляли в нее сахар и соду и такую воду пили. Этот напиток не был приятным, также как и вода из машинного отделения никуда не годилась. Представьте себе, что вы пьете перегорелое машинное масло, к которому добавлена вода из котла парохода. И от одного, и от другого нас тошнило. Мы ждали, что придут к нам проверять, какую воду мы пьем, и после второго или третьего дня к нам в первый раз пришли три казака и попросили им дать выпить немного воды. Я им сказал, что с удовольствием угощу их, если хотят, могут напиться готовой водой, но только нужно добавить немного соды. Я налил им в стаканы, налил и себе и выпил свой стакан залпом, не морщась. Они взяли по одному стакану, я им положил немного соды, но всю воду выпить они не смогли. Они с удивлением спросили: «Разве вы пьете такую воду?» Им стало стыдно своих подозрений, и они покинули нашу каюту. Такие проверки делались несколько раз в течение нашего пятидневного путешествия до Константинополя.

Будучи разводящим, я стал автоматически просыпаться, каждые два часа, будил часовых и вел их на смену. Так как не было мест для всех, я был вынужден спать на скамье. При этом я спал не более 80–85 минут и вставал, а потом ложился снова. В общем, я спал не более 5–6 часов за ночь. Напряжения, которое у меня было все время, плохая пища и вода отразились на моем

здоровье и на 4-й день нашего плавания у меня страшно разболелся живот и голова. Продолжать службу в таком состоянии было невозможно. Я лег и пролежал весь день. Отсутствие служебных обязанностей позволило мне постирать свою верхнюю и нижнюю одежду. Конечно, полноценной стиркой это нельзя было назвать. При нехватке пресной воды, отсутствии места для стирки и моем плохом физическом состоянии, об этом не могло быть и речи. Но мне помогла практика моряков. Одежду стирали следующим образом: её привязывалась к канату, к концу которого прикрепляли какая-нибудь тяжесть, чтобы одежда могла находиться в воде. Канат бросали в море через круглые иллюминаторы. Мыло было не нужно: морской воды и движения парохода было достаточно, чтобы выстирать одежду. В нашем случае время стирки не имело значения – мы оставляли одежду стираться несколько часов. Но здесь имелось две опасности.

Первая, что какая-нибудь большая рыба, подумав, что это маленькая рыбешка или пища с судна, могла проглотить ее или сорвать с каната. Но это случалось нечасто, потому что пищевые отходы сбрасываются со стороны кормы и рыбы ищут пищу позади парохода. Вторая опасность – это машинное масло, которое плавает около корабля и может оставить пятна на одежде. С этой опасностью мы боролись, бросая одежду с передней части корабля, перед отверстием для сброса мусора, канализацией парохода и машинного отделения. Кроме того, тяжесть, которая привязывалась к одежде, опускала ее на уровень чистой воды. Мне хватило времени отдохнуть во время четвертого дня путешествия и спокойно поспать в ночь с четвертого дня на пятый. Я оправился окончательно и заступил снова на службу. При этом у меня уже была чистая, выстиранная одежда.

От моряков узнали, что скоро будем в Босфоре. К вечеру пятого дня получили распоряжение почистить пароход с внешней стороны и выбросить всю грязь, которая находилась на палубе. Для этого нужно было всем встать раньше и дать возможность матросам почистить судно. Еще с раннего утра шестого дня был

виден берег, и матросы щетками с маленьких [навесных] мостиков отмывали пароход с внешней стороны от всей грязи и человеческих испражнений. Так пароход получил более приличный вид снаружи. Настроение казаков приподнялось, и все ждали с нетерпением, чтобы пароход вошел в Босфор, что и произошло к 8–9 часам утра. Несмотря на то, что панорама была очень красивой, никто из нас этому не радовался – нам было не до этого!

С двух сторон Босфора, перед городом, находились дачи и дворцы богатых турок. Каждый из нас думал о двух вещах. Во-первых, напиться до отвала свежей, чистой воды и, во-вторых – наесться хорошей пищи. Конечно, любители спиртного, которые составляли, по крайней мере, 60 % пассажиров, под водой понимали немного воды и потом водку, коньяк или другое спиртное. Когда мы приблизились к городу, к нам отправилось много гребных и моторных лодок. Мы подумали, что это контрольные суда, но скоро поняли, что это торговцы. В лодках были всевозможные съестные товары: белый хлеб, колбасы, мясные и рыбные консервы, лимонад, вода, пиво, вино, ракия, и т. д. Все, о чем может мечтать жаждущий и голодный человек – все было в лодках. Кажется, что торговцы, из опыта предыдущих дней, знали, что нужно, что мы хотели и по какой цене. Так, они продавали нам продукты с 200–300 % прибылью и имели по 300–500 % от покупки предлагаемых нами в обмен вещей. Они хотели хорошо заработать на нашем несчастье.

Наш пароход остановился на рейде далеко от порта, началась настоящая борьба за товар. Не у многих были деньги, валюта, чтобы позволить себе купить что-либо. Каждый, кто мог что-то предложить в обмен на хлеб или напитки, старался сделать это. Нашлись веревки, канаты, корзинки, сосуды, чтобы спустить или поднять товар. Нашелся общий язык, на котором изъяснялись, кто чего хочет и чего предлагает. Крики, ругань, смех, радость, все слилось в один гул – как бывает на больших ярмарках. Люди торговались, что-то доказывали друг другу, не понимали друг друга, но видно было взаимное стремление получить товар дешевле

и продать подороже. Продавцы с лодок быстро распродавали товар и через некоторое время их лодки становились пустыми, они возвращались за новым. Хлеб, колбаса, вода, лимонад, ракия, пиво, консервы потреблялись с невероятной быстротой. После утоления первых нужд, появлялись новые желания и потребности. Для обмена вначале предлагали преимущественно одежду, белье, обувь, а потом в ход пошли и другие вещи: серебряные монеты, серебряные вещи, портсигары, кольца, золотые монеты, седла и даже оружие. Случалось, турецкие продавцы получали за хлеб, консервы, воду и прочее и бумажные русские рубли, но с прибылью в 700–1000 %. Казаки были рады избавиться от этих русских рублей и соглашались на любые цены, которые им предлагались. Кажется, турки нашли какой-то способ посылать рубли в Россию и поэтому забирали все рубли с прибылью, стараясь сделать большой оборот. У меня не было ничего для обмена, я только смотрел на все это. То же было и с моими приятелями-юнкерами. Так мы сидели на рейде до вечера. Торговля около нас потихоньку начала затихать. Во-первых, уже были удовлетворены первые желания, а во-вторых, нам прислали теплую пищу специальными катерами.

Вечер пароход провел на пристани города Скутари. Константинополь находится на правом, европейском берегу Босфора, а на левом, уже на азиатской стороне находится пригород Скутари. На следующее утро пароход продолжил свой путь и вошел в Мраморное море, после 2–3 часов остановился у одного из островов. Там все люди и багаж сошли на берег, а на пароходе остались команда и караул, охраняющий пароход. Он отправился снова в Константинополь разгрузить остаток зерна из трюмов. Мы должны были вернуться в наши военные училища. Так эвакуация армии Врангеля начала свой первый этап. Сейчас нужно было найти место для 150 000 солдат и 50 000 беженцев. Нужно было найти и место для стоянки торгового и военного Черноморского флота.

Для себя я решил, что мне хватит воевать, так как мы покинули

Константинополь (Стамбул). 1920 г. (из архива С. Чакалова)

Россию. Я хотел добраться до Константинополя и найти болгарское посольство или консульство, и с их помощью связаться с моими родителями и вернуться в Болгарию. Я ни на минуту не считал себя никем другим, как болгарин, но *я всегда был и продолжаю быть противником всякого террора, диктатуры и насилия.* Я был и продолжаю быть демократом – я за социальную справедливость, и за эту идею я пошел бороться против узурпаторов-коммунистов.

Я решил сначала добраться домой в Софию, а после решать, что мне делать дальше. Если бы я вернулся вместе с другими юнкерами в училище, это лишило бы возможности попасть в Константинополь, а вместе с этим и возможности связаться с Софией. Между юнкерами были ребята, чьи семьи происходили из Николаева, у которых были друзья на кораблях эвакуированного русского Черноморского флота. Они решили не возвращаться в училище, а перейти во флот, так как считали, что там им будет лучше. Для достижения своей цели я тоже ре-

шил присоединиться к ним. Таким образом, мы, 5 из 14, решили перебраться во флот. Сразу после разгрузки зерна с корабля «Екатеринодар» нас посадили на катер, чтобы отвезти на паром, на котором было наше училище. Все мы пятеро, попросили остановиться у миноносца «Капитан Сакей», на котором у моих коллег были друзья, и было известно, что в экипаже есть свободные места. Так как на катере никто не знал, кто мы, наша просьба была удовлетворена. Таким способом мы прибыли на миноносец и, к нашему счастью, были приняты капитаном корабля – командиром «Капитана Сакей», которому нас рекомендовали друзья моих юнкеров во главе с боцманом. Наша просьба остаться служить на миноносце была принята, и с этого момента я перестал быть юнкером и превратился в матроса. В боевое время я должен был отвечать за склад с амуницией, а в мирное – был палубным матросом. Поступил я матросом с надеждой во время увольнения в город успеть попасть в болгарское посольство. Мне не приходило в голову, что я мог написать письмо и послать его по почте.

В качестве палубного матроса, я несколько раз плавал в лодке на веслах в штаб флота, находившийся на корабле «Генерал Алексеев», а также на пристань за получением сведений и продуктами. Из личного опыта я убедился, что течение от Черного в Мраморное море очень сильно, и нам – 4 матросам с 4 веслами, нужно было приложить много усилий, чтобы грести против него. Дредноут «Генерал Алексеев» стоял на рейде посередине Босфора и чтобы доплыть до него, нужно было обойти его, встать перед его носом и спусткаясь по течению, зацепиться крючком за трап. С освоением новой службы матроса, с ежедневными обязанностями по поддержанию порядка и чистоты на палубе, время проходило незаметно. Я ждал, когда подойдет моя очередь получить увольнение на берег и верил, что с этим наступит конец моей одиссеи. Но правильность пословицы «человек предполагает, а Господь располагает» подтвердилась и в этот раз. Пришел день, когда и я должен

был получить разрешение отправиться в город. Но поздним вечером предыдущего дня мы получили по радиации приказ по флоту, в котором отменялись все отпуска офицерам и матросам, было дано распоряжение о подготовке кораблей к дальнему плаванию. Наш миноносец был не на ходу, потому что машины не были до конца отремонтированы, и нас взял на буксир ледокол «Северная звезда», который пришел в Крым из Владивостока. Нам предстояло подготовить два буксировочных каната. У нас такого каната не было, и нам прислали один стальной трос длиной в 120–130 м, которым мы должны были закрепить с ледоколом. Мы привязали прочно трос к нашему миноносцу и на лодке отвезли другой конец на ледокол. Этим была сделана одна связка, но нужно было сделать и другую. Нужно было искать новый трос, на это уже не было времени, и капитаны наших кораблей решили, для второй сцепки, использовать цепь от нашего якоря. Была поставлена и другая задача: подготовиться заранее для путешествия в штормовом море и обеспечить безопасный проход до руля, радиорубки, кухни и кают-компания. Эта подготовка состоялась в том, что мы протянули два пеньковых каната, за которые во время шторма человек может ухватиться, чтобы не упасть за борт. Все это делалось очень быстро. Отплытие всех кораблей было определено, и каждому был задан свой маршрут. Для нас, небольших пароходов, маршрут проходил через Мраморное море, Галлиполийский пролив, Эгейское море до Коринфского канала и оттуда в Адриатическое море, Средиземное море – до Бизерты (Африка), без остановок в портах. Все было готово, и в конце ноября был получен приказ об отплытии.

Прежде чем описать наше путешествие в Бизерту, я бы хотел рассказать об экипаже миноносца «Капитан Сакей». Наш командир, молодой и симпатичный офицер, был капитаном второго ранга. У него было два помощника, оба старшие лейтенанты, один из них – главный механик-инженер, второй – помощник командира. Все трое жили в каютах в центре

миноносца с выходом до камбуза (кухни) и радиорубки. Там был и вход в машинное отделение. Над ними – капитанский мостик с кабиной для руля и компасом. В радиорубке жил радист, который поддерживал связь по азбуке Морзе. Остальная команда жила в общей каюте на носу парохода и состояла из боцмана – старого и опытного матроса в возрасте 40–42 лет, 3-х машинистов из морского училища из Николаева, 3-х кочегаров из того же училища, 3-х кормчих, 3-х матросов и одного повара, в общем 18 человек. Мы, три юнкера из Корниловского военного училища – Петров, Хилько и я, служили матросами. Это был минимальный состав экипажа, без которого выходить в море, особенно, когда у тебя нет собственного хода, невысимо.

Перед отплытием боцман распределил смены у штурвала следующим образом: три смены по 4 часа – один рулевой и один кочегар и сам боцман, 1 машинист в помощь на 4 смены – заместитель боцмана и 3 матроса в помощь сменам у руля и в повару. У руля должно было быть два человека: один – опытный и другой типа меня – стажер. Так как у нас гидравлический усилитель штурвала не работал, мы все делали вручную и должны были быть всегда начеку.

В четверг вечером наш миноносец получил приказ подготовиться к дальнему плаванию. Нас должен был взять на буксир ледокол «Северная звезда». В воскресенье вечером, мы должны быть готовыми выйти в открытое море. В конце концов, был отдан приказ отправляться. Мы получили продукты и все необходимое на 15 дней. В 7 часов вечера мы отправились в дальний поход. Весь военный флот состоял из 19 судов. Командование подготовило и взяло с собою и весь Черноморский флот, который мог двигаться на собственном ходу и на буксире. Это были следующие судна: пароход, на котором находился штаб армии – дредноут «Генерал Алексеев», 3 крейсера, 3 подводные лодки, 4 миноносца типа «Новик», 3 миноносца типа «Новик» недостроенные, 4 миноносца старого типа, пароход – ремонтная фабрика

«Кронштадт», 6 ледоколов, буксиры и обслуживающие пароходы. Это то, что я видел собственными глазами, но думаю, что это было не все*.

Кроме нашего парохода и еще двух миноносцев типа «Новик», которые были еще не законченными, все другие суда были в движении, и могли плавать самостоятельно. С нами плыл и французский миноносец, от которого давались команды о направлении движения. Вначале все было спокойно, и мы благополучно пересекли Мраморное море и Дарданеллы, где видели торчащие мачты потопленных союзнических пароходов еще со времен Первой мировой войны. К вечеру мы вышли из Дарданелл и вошли в Эгейское море. Старые матросы начали волноваться и говорили, что будет шторм. Мы, молодые моряки, не видели пока ничего, кроме сильного ветра. С удалением от берега, море все более и более волновалось. К 8 часам вечера наше радио приняло приказ держаться ближе к берегу, т.е. к островам, каких много в этой части моря. После 9 часов наш радист получил сообщение взять влево и держаться подальше от одного острова, мимо которого предстояло нам пройти. В то время волнение было такое сильное, что мы уже не видели нашего ледокола и не могли свободно связаться с ним. Еще в начале бури мы получили приказ, что у руля должны стоять три человека – двое управлять штурвалом, а третий – помогать им при необходимости. Это было необходимо, так как у нас не работала гидравлика штурвала управления. Рулевой должен был следить за тем, чтобы наш корабль находился в направлении буксировки, чтобы он не отклонялся и не вставал перпендикулярно движению, что могло привести к крушению корабля. Команды с ледокола подавались вначале рупором, пока их можно было услышать. Потом

* В составе Русской эскадры были: дредноут «Генерал Алексеев», эскадренный броненосец «Георгий Победоносец»; крейсера «Генерал Корнилов», «Алмаз»; 10 эсминцев, 4 подводные лодки, 3 канонерские лодки, 3 тральщика, 3 вооруженных ледокола, 1 сторожевой катер, 2 гидрографических судна, ледокол «Илья Муромец», 2 учебных судна, транспорт-мастерская и база подводных лодок, 1 танкер, 4 буксира, яхта «Лукулл», пароход «Великий князь Константин», 19 транспортов. – Ред.

перешли на сигнальные флажки и световые сигналы, но через некоторое время и это стало невозможным. Шторм заглушал все звуки. Видимость отсутствовала. Волны переливались через палубу нашего корабля, он то нырял в волны то поднимался на гребень, и тогда был виден свет «Северной звезды». Дождь, ветер, волны – вот что окружало нас со всех сторон. Из командного миноносца приходили регулярные распоряжения, переданные азбукой Морза. Они были вроде таких: «Держите курс влево. С правой стороны подводные скалы». Мы получали распоряжения, и наши матросы, стоявшие у штурвала, старались их выполнять, и, боясь ошибиться. Хотя, честно говоря, управляли больше по чутью, чем по распоряжениям. Шторм усилился до такой степени, что волны все время заливали палубу. Все, кто не был на вахте, собрались в каюте, лежали в своих койках, держась, чтобы не вылететь из них, и ждали, что будет дальше. Аккумуляторная батарея разрядилась, мы остались без освещения. Светили только сигнальные лампы. Темнота еще более угнетала, чем шум разбивающихся волн о наши борта. Ветер все усиливался и громыхал в одном непрерывном концерте самых разных звуков. К 10 часам пришла моя очередь принять вахту у штурвала. Проклинаю день своего рождения, я с трудом оделся и пошел к выходу нашей каюты, которая находилась на носу корабля. Не прошел я и нескольких шагов, как почувствовал тошноту, подступающую к моему горлу. Потом пароход накренился, и я ударился головой о железную дверь каюты. Одновременно с этим ударом я сразу вспомнил все морские сквернословия. Кажется, что мои коллеги слышали мои проклятья, как и удар головы о дверь. Они засмеялись, довольные, что я нарушил их однообразие. С трудом я открыл дверь и ухватился за веревки. Не успел сделать и двух шагов, как что-то горькое подошло к моему горлу. Я почувствовал, что мои внутренности разрываются на части, и... я освободился от своего ужина, но не естественным путем. Мой рот наполнялся по очереди то рвотой, то проклятиями. В конце концов, я успел прийти в себя и почувствовал, что одна волна ударила меня в

ноги. Я обрадовался этому, так как решил, что вода смое следы моего позора, никто не увидит его, и я не стану посмешищем старых матросов. Я успокоился и начал двигаться осторожно по палубе, но ничего другого не видел, кроме темноты. Я ощущал только веревку, которую держал в руках, и волны, которые ударили меня в ноги. Часто я терял равновесие и опору. С большими усилиями и многочисленными проклятиями, я добрался до моей цели. Когда сменяемый мной матрос отвязался и пошел обратно в каюту, я занял его место, привязал себя и ухватился за специальные рукоятки. Сейчас мне предстояло в течение 4 часов стоять и любоваться штормом. Через некоторое время прошли мимо меня один за другим и оба дежуривших у штурвала, они с ругательствами поднялись по лестнице. Так же ушли и сменные матросы. Голоса матросов были последними человеческими голосами, после чего наступила одна ужасная какофония из воя ветра и шума волн. Мне не верится, что существует оркестр, который может воспроизвести такую музыку. Я старался думать о чем-нибудь другом и начинал вспоминать что-то из моего прошлого, чтобы скоротать время. Но все время в голову лезла одна мысль. Я думал о том, какое я несчастное существо и не только я, но и весь наш пароход, такой маленький и незначительный в сравнении со стихией! Я чувствовал себя совершенно потерянным в этой страшной буре. Все время мне казалось, что при каком-то более крутом уклоне миноносца или при ударе больших волн, мы погибнем. Инстинктивно я держался за рукоятки, и мне казалось, что нет такой силы, которая могла бы меня оторвать от них. В такие моменты я забывал, что я привязан к кабине и не могу вылететь в море, даже если мои руки разожмутся. Лицо было мокрым от брызг разбивающихся волн. Не знаю, существует ли другое положение, в котором человек может почувствовать себя таким беспомощным, как во время шторма на море, когда единственной надеждой на спасение является пароход, а в то же время видишь, как волны играют им, как щепкой. Не знаю, сколько времени прошло, мне показалось, что целая вечность,

когда из окна радиорубки меня вызвал дежурный.

Я увидел, что часы показывали 11,15. Радист сообщил, что французская канонерка, сопровождавшая нас, наскочила на подводные скалы и затонула. Сигналы S.O.S. достигли нашего радиста, но мы и еще менее наш ледакол были не в состоянии помочь чем-то. Я передал это сообщение дежурному офицеру и пошел сообщить эту печальную новость в нашу каюту.

В отдельные моменты слышался вой сирены. Позднее он стих, и мы больше ничего не могли услышать. Я вернулся на свой пост и еле дождался конца вахты, после чего вернулся в каюту и упал на койку. Позднее мы узнали, что в спасательной акции погибли 2 француза и 2 наших гардемарина, которые были на канонерской лодке. Сообщение о потонувшем корабле растревожило нас, мы были беспомощны и всецело находились во власти стихии, случайности, и опыта матросов ледакола. Неожиданно мы почувствовали, что наш корабль стало трясти, он начал неестественно раскачиваться. Мы оцепенели. Боцман резко встал и отправился в рулевую. Нам казалось, прошла вечность до его возвращения, но никому не хотелось встать и посмотреть самому, что происходит. Каждый знал, что если случилось чего-нибудь, спасения не будет. В первых, у нас не было спасательных лодок; во вторых, в такую бурю обычная спасательная лодка мало чем поможет; в третьих, в такой темноте трудно надеяться, что тебя спасут другие корабли, даже если у тебя был бы спасательный пояс и ты еще не утонул; в-четвертых, неизвестно, успеет ли наш радист сообщить о случившемся и позвать помощь... В конце концов, у дверей кабины появился боцман и с ругательствами настоящего морского волка, каким он в действительности и являлся, сообщил что по всей вероятности, оборвался канат, связывающий нас с ледаколом. Нужно было идти на нос корабля и проверить, на месте ли буксировочные канаты. Боцман спросил, есть ли добровольцы. Никто не ответил ему... Можете себе представить, сколько матросских ругательств вышло из уст нашего милого боцмана... Он назвал нас трусами, не выпустив из своего

внимания наших родителей, наших родственников, нашей народности и так далее. В ругательствах боцмана звучало презрение, возмущения, гнев и... бессилие. В конце концов, он плюнул с презрением на нас, снова отправился к выходу каюты со словами: «Если хотите умирать, не зная, что происходит, я вас благословляю идти к черту и жарьтесь в вечном огне». Разумеется, эти слова передают только общий смысл того, что он сказал. Если я их повторю досконально, я получу бы приговор не меньше, чем на 3 года за использование нецензурных выражений. Пока мы ждали возвращения боцмана, начался спор, почему мы отказались пойти. Начались взаимные обвинения и оправдания. Одни готовились пойти на вахту, поэтому они должны быть отдохнувшими, вторые были утомлены после вахты, что еле держались на ногах, другие прямо сказали, что они побоялись или заболели морской болезнью. После длительного и мучительного ожидания снова появился боцман. Он не сказал ничего, только распорядился смене готовиться к вахте. Боцман посоветовал вахтенным быть осторожнее с рулем, так как якорная цепь сорвалась, и нас буксировали только на стальном канате. Поэтому наш корабль ведет влево, так как стальной канат находится с правой стороны носа. Боцман с большим трудом, держась руками за канаты, все время обливаемый волнами, успел добраться до носа и увидел, что цепь оборвана, а стальной трос – натянут как струна. Ему иногда удавалось, услышать ледокол, с которого доносился шум. На другой день стало ясно, откуда такой шум. Команда ледокола, поняв, что цепь сорвалась, решила выбросить в море кусок оставшейся цепи, чтоб она не попала в винт или в руль ледокола и не испортила их. При такой аварии в такую погоду, это было губительно для обоих кораблей. Быстро и энергично действуя, с большой опасностью для жизни, моряки ледокола выбросили цепь и продолжили плавание. Несмотря на то, что мы успокоились, мы долго не смогли уснуть.

На следующее утро наступил туман, ничего не было видно, но позже выглянуло солнце, и наступил хороший, солнечный день.

Не смотря на то, что волны были еще большие, они уже не заливали палубу. Связь с ледаколом была флажками и рупором.

Разумеется, после такой ночи все свободные от наряда расположились на палубе и грелись на солнце. Темой для разговоров был шторм, прошедшая ночь и героических действиях боцмана. Каждый из нас вспоминал «благословения» боцмана, ответы отдельных матросов, и наш смех вспыхивал с новой силой после каждого повторения или воспроизведения слов и действий боцмана. Во всем этом активное участие принимал и сам боцман, улыбка и добродушными замечаниями и исправлениями некоторых недостаточно точных или неудачно повторенных «благословений».

К обеду мимо нас прошел американский миноносец. Картина была впечатлительной. Американский корабль спокойно рассек волны, с немного приподнятым носом, в то время как наш миноносец продолжал качаться во все стороны. Так мы приблизились к Коринфскому каналу и после недолгого ожидания, вошли в него. Сам канал представлял прекрасную картину. Освещался он с двух сторон и ночью был похож на туннель. С двух сторон поднимались громадные отвесные скалы, не ниже чем 15–20 метров. Посередине находился мост, по которому проходил поезд. Чтобы сохранить борта корабля, все матросы держали в руках бухты с веревками, которые ставили между бортами корабля и скалами канала.

После выхода из Коринфского канала, мы всю ночь плыли, и к утру перед нами показался остров Кефалония. Из-за того, что буря в Средиземном море еще бушевала, мы остановились в бухте Кефалонии. Там нам сказали, что наше судно могло перевернуться, так как максимальный для него наклон является 42° , а мы во время шторма достигали критической до 41° .

Мы должны были подготовиться для дальнейшего плавания. Получили приказ загрузить трюмы корабля углем, чтобы он стал более устойчивым. Пришлось работать почти всю ночь, перебрасывая уголь с грузового парохода в наши трюмы. Мне выпало

грузить уголь в ведра и кричать «вира» – наверх и «майна» – вниз. Можете себе представить, какими мы стали после 2–3 часов разгрузки угля.

В конце концов меня послали в трюм миноносца, где работа была легче. Нужно сказать, что с нашим приездом в Кефалонию прибило несколько лодок с греками, которые предложили нам апельсины, коньяк, хлеб и постарались подороже продать эти товары. У нас не было денег, мы давали взамен одежду, и другие вещи. Поздним вечером мы закончили с погрузкой угля. Вымыли палубу, закрыли трюмы и искупались. Много смеялись, смотря друг на друга, какими мы были черными, прямо как негры. Крепко уснули и встали, только когда пришло время, идти на вахту. Во сне я почувствовал, что мы движемся, и когда встал, понял, что мы снова находимся в открытом море и пересекаем Адриатическое море. Мы обошли Италию, видели дым над Везувием, пересекли Средиземное море. Потом наш флот доплыл до Бизерты – военный порт и форт французского флота в Северной Африке, в Тунисе. Бизерта является маленьким портом с относительно маленьким заливом, но он имел канал между двумя высокими берегами (высотой в 150–200 м), который связывает море с двумя озерами. Наверху, на высоких холмах располагаются два форта, правый из них называется «Бен-Негро». Сам по себе этот канал был относительно глубоким и широким, так что через него могли пройти все типы военных судов, включая и сверхдредноут «Генерал Алексеев», у которого было водоизмещение 42 000 тонн... Мы вошли в первое из озер, где спустили якоря недалеко от левого берега. Все корабли были военными. Наш торговый флот, вышедший из России, был отправлен в Марсель.

Лагерь Бен Негро

Лагерь охраняется неграми. Живем в бараке, спим на полу, на соломенных тюфяках. Воду привозим снизу, с побережья, там же и стираемся.

Бизерта, 1920 г. (из архива С. Чакалова)

Отказ везти воду

Сегодня моя очередь быть водоносом с бочкой. Мне уже это не доставляет удовольствия, и я решил никуда не ходить. Хочу напомнить, что нас определили в форт на берегу Средиземного моря, приспособленный под лагерь и мы, по милости нашего штаба, числимся военнопленными большевиками, хотя и не являемся таковыми.

Дойдя с русской флотилией до конечного пункта и оказавшись не у дел, мы получили статус беженцев. Наш штаб объявил нас большевиками, а посему разместили нас в лагере под сильной охраной. Т. к. лагерь был расположен на холмах, где не было воды и нам приходилось по очереди, с сорокаведерной бочкой, за четыре версты от лагеря, ходить по нескольку раз в день по воду. Как нетрудно догадаться, на обратном пути бочку надо было поднимать в гору – не менее шести человек с трудом могли бы справиться с этим. В распоряжении коменданта имелись лошади, но ему было жаль бедных животных – ведь у него имелись и русские большевики – этих паршивых псов нечего жалеть – пусть сами обеспечивали себе водой.

Итак, сегодня я должен идти, но не пойду. Все бы окончилось благополучно, если бы не один из намеченных в команду не пожаловался, что меня нет. Дежурный по лагерю нашел меня и сказал, что бы я шел. Тогда я ему в ответ сказал: «Я инвалид и не могу идти».

– Я вам приказываю.

– Забудьте ваши приказания и спрячьте их до более благоприятных времен. Я вам не солдат, а беженец и не буду исполнять вашего приказания. – Видя мое упорство, он ушел и назначил другого солдата.

Я успокоился и решил, что на этот раз мне сошло с рук. Успокоенный, я пошел в барак и стал играть в шахматы. День

прошел благополучно, но когда после ужина, стало темнеть, является в барак дежурный и приглашает меня проследовать к коменданту лагеря (один из наших офицеров). Я направляюсь туда, и когда вхожу сразу вижу, что становится для меня плохо. Комендант сидит в кресле и смотрит на меня серьезный и злой. Я не успел еще войти, как слышу:

– Вы, почему не хотите идти за водой?

– Так как я при всем моим желанием не могу по той простой причине, что я инвалид, был мой ответ.

– Марш под арест! – кричит он на меня.

– Прошу разобраться, в чем дело, господин комендант, а потом сажать под арест.

– Нечего разбираться, дело и так ясно. Вы хотите манкировать вашими обязанностям.

– Прошу не обижать и, если не верите, то доктор может подтвердить, что я болен.

– Ну, хорошо! Но помните: если от доктора не последует подтверждения, то наказание будет вдвойне строже. Дежурный, отвести его к доктору, чтобы он его осмотрел.

Видя, что из мухи сделали слона, меня пробил смех. Я позабыл поговорку «смеется тот, который смеется последним», и с самым торжественным образом отправился к доктору.

Подходим к бараку доктора, стучим и получаем ответ: «Войдите!»

Входим, и дежурный объясняет ему, в чем дело.

По всей вероятности доктор обиделся на коменданта и ответил:

– Скажите вашему коменданту, что у меня есть приемные часы каждый день и завтра я осмотрю больного, а не теперь, ночью.

Это меня заставило еще больше развеселиться, и, выйдя от доктора, я направился в свой барак довольный, что комендант мне ничего не сможет сделать.

Дежурный пошел к коменданту передать ему ответ доктора.

Не знаю, что произошло у коменданта, но по всей вероятности, он со своей стороны, нашел, нужным обидеться, и разозлил-

ся на ответ доктора.

Только я разделся и начал рассказывать хлопцам, что произошло у коменданта, как является дежурный с приказанием идти под арест до утра.

Я возмутился своеволием коменданта до того, что сказал прямо:

– Не пойду под арест до тех пор, пока меня не осмотрит доктор, кроме того, как видите, я уже разделся.

Дежурный ушел, не сказав больше ничего. Хлопцы меня стали уговаривать пойти: что мне стоит проспать одну ночь под арестом, а завтра все равно выпустят.

Не прошло и 10 минут, как является дежурный и зовет меня к коменданту. Под давлением ребят я оделся и пошел к коменданту, взяв с собой тросточку.

Арест. Меня отправляют в Арабский военный лагерь. Камера – келья 2,50 на 1,20 м; бетонная лежанка и параша. Изнасилование. Меня направляют в госпиталь, но там отказывают в приеме, посчитав здоровым. Снова Бен Негру. Письмо из Болгарии. Французские власти разрешают мне сходить свободно в Бизерту, чтобы уладить свой отъезд в Болгарию. Получение из дому денег – выпивка с Хилько и Петровым. Встреча с военным патрулем в публичном доме – у Хилько и Петрова нет разрешения на выход в город, за что арестовывают нас троих. Ночь в камере полиции наряду с пьяницами и нищими.

В Болгарии

Моя дорога в Софию прошла через Марсель, Пиреос (где я работал грузчиком), Салоники. В Софию я прибыл в мае 1921 года.

Сдача экстерном экзаменов за IV и V класс; обычный гимназист VI класса Первой софийской мужской гимназии; 1921/1922 учебный год.

Из лагеря Бен Негро он написал своим родителям, которые

отослали ему документы, подтверждающие то, что он по национальности болгарин и хочет вернуться на Родину, по этой причине его отчислили из рядов Белой армии.

(запись 1.VI.1924 года)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В жизни у меня, как и у каждого из нас, было много горьких и неприятных моментов, тяжелые обиды и унижения. Мне хочется поделиться с вами некоторыми из них. Это я делаю из следующих соображений: (1) Во-первых, мне хотелось бы высказаться так, чтобы освободиться от бремени воспоминаний – авось полегчает – и не нести такую тяжесть в себе; (2) Во-вторых, желание рассказать вам что-то интересное. Это привело меня к мысли рассказать несколько случаев. Итак, предлагаю вам выбрать один из следующих случаев моей жизни:

(а) Бой под Кориновкой (хутор Журавлевка) – июль 1918 г. (когда был отдан приказ «Расстрелять его!»)

(б) Пощечина на главной улице Александровска – июль 1919 г. (когда девушка влепила мне оплеуху ради того, что я ее обидел своими замечаниями).

(в) В качества добровольца принял участие во Втором походе Белой армии от Кубани через Новочеркасск, Екатеринодар и до Армавира, в составе пятой роты Марковского полка.

(г) Изнасилование в лагере близ Бена Negro, Бизерта – март 1921 года.

(А) Увольнение из Министерства торговли – 1946 год.

(е) Увольнение по непригодности – 1959 г. (в сущности же за то, что был кадетом Белой армии и сражался с большевиками, а затем учился в Германии, иными словами был царско-немецким воспитанником).

(запись 7.II.1970 г.)

Были ли в Болгарии русские помещики?

Одного такого помещика мы знали. Мои родители и я гостили часто у него в имении. Гостили мы у него и в Варне, где у него была большая квартира и большой сад. Я даже одно время у него работал и приобрёл специальность повара.

Звали этого человека Степан Леонидович Голиков. До революции он был мировым судьёй города Одессы. Было у него и под Одессой небольшое поместье, которым занимался управляющий.

Когда прозвенел первый тревожный звоночек во время Первой русской революции 1905 г., он, как человек состоятельный и предусмотрительный, решил вложить часть своих капиталов за границей в недвижимость. Так, на всякий случай. Он прибыл на пароходе в Варну, в Болгарии и обратился к маклерам по недвижимости. Ему предложили хороший вариант в селе Яс Тепе в 50 км от Варны. В этом селе турецкий ага продавал землю, дом с садом и хозяйственными постройками и половину земли всего села. Всё это продавалось по бросовой цене. Чтобы понять причём здесь турецкий ага, и почему он всё это продаёт почти даром, нужно сделать небольшой экскурс в историю Болгарии. Болгария была под турецким игом пятьсот лет. В 1877 году в ходе Русско-турецкой войны, Болгария была освобождена русскими войсками, под командованием генерала Скобелева, от турецкого рабства, но турецкие землевладельцы продолжали владеть землёй ещё долго, отнятой когда-то у крестьян. Уже к 1905 году на

пее бывших турецких хозяев, начала затягиваться петля возмездия. Бывший турецкий землевладелец нашёл за благо, продать всё по дешёвке и уехать в Турцию.

Так С. А. Голиков стал русским помещиком на болгарской земле. Он нанял управляющего, а сам уехал в Одессу и продолжил вести гражданские дела в суде.

Когда в 1917 г. богачи всех мастей бежали от революции, в лучшем случае захватив чемоданчики «камушки» и «золотишко», Голиков спокойно уехал в своё имение в Болгарии и стал барствовать в селе Ветрино, Так теперь называлось бывшее село Яс Тепе. В половине села дома принадлежали крестьянам, которые их построили, а земля под домами и участки подворья, принадлежали Голикову. Постепенно крестьяне выкупали у него землю, это приносило ему немалый доход. Разбирался ли он в земледелии? А наши русские помещики в царской России разбирались? Все они хозяйствовали, как умели. Голиков стал скупать американскую сельскохозяйственную технику. Он создал солидную базу: два пропашных трактора, каждый из которых, имея по 10 лемехов, за один проход перепахивал делянку шириной в 5 метров. Две сенокосилки и две жатки, Два автоматических окучевателя для кукурузы и подсолнечника. Две сеялки. Паровой локомобиль и молотилку. Голиков держал скот всех мастей, а также птицу. У него были дюжина лошадей, бричка и несколько телег.

По идее, имея такой инвентарь, можно многократно преумножить свой капитал и создать крупную сельскохозяйственную ферму. Но Голиков к этому не стремился, да и не было у него коммерческой хватки. Он хотел барствовать и жить припеваючи. Он был женат на Марии Сигизмундовне, родом из чванливой польской шляхты. У него была сорокалетняя дочь Лина (Вороневская), которую в этом возрасте все называли только Линочка. У Линочки было 4 детей: два сына и две дочери. В придачу к Линочке был ещё её муж Вороневский, который не работал, но был дружен с бутылкой. Вся эта орава сидела на шее у Голикова, не помогая ни в чём.

Сам же Голиков радовался жизни, кроме своей родни, всегда держал в имении несколько знакомых, тоже нахлебников. Кутежи, пикники, литературные и музыкальные вечера. Летом купание в море, в Варне, все гости проживали в его обширном доме. Надо сказать, что среди его гостей часто бывали дамы полусвета, если можно так деликатнее их назвать. Жизнь пролетала незаметно в кутежах и удовольствиях, а капиталы начали таять. Постепенно богатое имение стало увядать. Лишние земли Голиков начал продавать. Всё это не нравилось Марии Сигизмундовне, ведь это добро она считала наследством своих внуков. Однако Голиков с ней не считался. Она его возненавидела. Постепенно ненавидеть отца стала и Линочка. Трагическая развязка наступила в 1939 г., но об этом чуть позже.

Степан Леонидович был интеллигентным человеком. Он беззаветно любил свою Родину (Россию, а не СССР). Лично я ему очень многим обязан. Литературные вечера, музыкальные вечера – это частицы русской культуры.

Но, как многие российские помещики, он был и самодуром. Где-то вычитал из системы индийских йогов, что полезно по несколько часов сидеть, и сосредоточено смотреть на свой пуп. Он сажал своих младших внуков Леночку и Костика и заставлял наблюдать свой пуп. Ему взбрело в голову смоделировать на собаках в имении человеческое неравенство. У него было две дюжины собак. Он их разделил условно на три группы: дворяне – это домашние породистые и задиристые собачонки. Им разрешалось гулять везде: в доме, в саду, и в районе хозяйственного двора. Ни одна другая собака не имела права их тронуть, за нарушение запрета били палкой. Вторая группа это были мещане – собаки-полукровки. Они могли гулять в саду и на хоздворе, но не могли входить в дом. Цепные псы не имели права их трогать. Третья группа – это плебеи. Цепные псы, которые охраняли хоздвор. Ни в сад, ни в дом они входить не имели права. Голиков дубиной выдрессировал собак в таких правилах, и всем продемонстрировал неравенство среди животных, что должно было бы, якобы, узаконить и неравенство среди людей.

Семья Голикова 1939 г. (?)

В 1939 г. эта барская забава с собаками, чуть не стоила Степану Леонидовичу жизни. Фаворитом среди собак был личный фокстерьер Голикова по кличке Дода. Фокстерьеры по своей натуре очень задиристы, сообразительны и абсолютно бесстрашны. Дода давно понял, что старшая хозяйка и её дочь ненавидят его хозяина. На них он всегда рычал.

Однажды Мария Сигизмундовна пнула его ногой, а он её укусил за эту же ногу. Возмущённая Линочка схватила дамский пистолетик калибром 6.35 мм., и бросилась за собакой, чтобы её проучить. Догнав уже за изгородью собаку, она её ранила из пистолета. На дикий вой Доды прибежал Голиков с палкой и хотел палкой ударить дочь, но пуля была быстрее, она прошла насквозь через левую руку, не задев кость. Не ожидая такого оборота, Голиков бросился в мелкий ерик и стал его переползать на четвереньках. Линочка ему вслед выпустила всю обойму. Еще одна пуля вошла в спину и остановилась под языком, он же полз

почти в горизонтальном положении. Остальные пули прошли мимо. На выстрелы сбежались крестьяне, скрутили отцеубийцу и сдали полиции. Голикова после перевязок на легковой машине отправили в Варну, где его вылечили в стационаре. Чудо, что при двух ранениях он выжил и доехал живым в Варну.

Линочку ждал суд. По болгарским законам того времени её в лучшем случае ждало пожизненное заключение, а в худшем случае ждала виселица.

Голиков ненавидел свою жену, но дочь любил. Он чувствовал и свою вину во всём, что случилось. На суд он явился пьяный под руку с двумя проститутками. Вёл себя умышленно на суде непристойно, оскорблял судьбу. В такой ситуации, Линочку даже не посадили в тюрьму, но сослали её пожизненно в город Русе для свободного проживания, без права выезда из города. Она должна была каждую неделю отмечаться в полиции. Она жила в Русе, связалась с сектой евангелистов, там же в Русе умерла.

Когда Советская армия перешла Дунай, я работал у Голикова на кухне, учился на повара. Голиков дожил до коллективизации и периода раскулачивания. Его, дряхлого старика народная власть не тронула, даже оставили ему дом-развалюху и сад перед домом. Продавал фрукты и овощи, тем и жил. Иногда лечил крестьян, за это ему платили натурой. Умер одиноким, всеми забытым, а всё же многим людям он делал добро. Я был среди этих людей, однако в это время жил лишь на одну стипендию, а родители были мобилизованы. И всё равно, мне стыдно.

Волжский, 11 марта 2011 года

Об авторах

Мрочковская-Балашова Светлана Павловна – журналист, литератор, переводчик, исследователь. Выпускница МГУ (факультет журналистики). Работала редактором на Московском и Болгарском телевидении, многие годы была корреспондентом газеты «Советская культура» в Болгарии и Австрии. Перевела с болгарского языка на русский более десятка произведений болгарских писателей. Автор нескольких книг, первая из которых «Она друг Пушкина была» издана в Софии (изд-во «Христо Ботев», 1998), переиздана в Москве в 2-х т. (изд-во «Тerra», 2000). Последняя ее работа «Дневник Долли Фикельмон. Весь пушкинский Петербург» (перевод, комментарий, вступление и заключение; М., изд-во «Минувшее», 2009). Член СБЖ, Союза болгарских независимых писателей.

Бендерев Дмитрий Александрович (1914, Ревель – 2009, София). Родился в семье полковника Русской армии, болгарина по происхождению. Окончил Русскую гимназию в Софии, а затем счетоводный факультет Свободного университета в Софии. Работал главным бухгалтером в Транстросте, София.

Букасова-Богословова Софья Николаевна (Варна). Дочь русских эмигрантов. Окончила частную русскую школу в Варне, а потом и Девичью школу в том же городе. Училась на специальности русской филологии Софийского университета. С 1953 г. работала учителем русского языка разных школ в Варне, включая и 25 лет в Базовую школу в Варне, в качестве базового учителя. Приняла участие в конгрессе МАПРИЯЛ-1982 в Праге с докладом и исследований на тему «Психолингвистическая диагностика в процессе обучения русскому языку». Автор книг по истории русского движения в Варне.

Бурцов Юрий Ростиславович (15.01.1930, София). Окончил 7 классов в Лицее В.П. Кузьминой и Софийский университет им. Св. Климента Охридского. В настоящее время проживает в г. Волжском Волгоградской области. Пенсионер. По профессии преподаватель, публицист-политолог. Оператор кинокамер и телекамер. Снял 7 кинофильмов и множество телефильмов. Офицер болгарской и советской армии в звании капитана. Активный лектор. Состоит в Российской писательской организации, являясь писателем-любителем. Написал 12 книг.

Гюргов (Ерулски) Иван Тасев (25.12.1950, с. Ерул, община Трын). Образование получил в Металлургическом техникуме в Пернике. Окончил военное училище. Работал учителем в гимназии с преподаванием на иностранных языках, журналистом, организатором культурной и издательской деятельности в городском дворце культуры, а в настоящее время сотрудник Регионального исторического музея в Пернике. Иван Ерулски – автор и со-автор около 50 книг и более 600 публикаций, некоторые из коих переведены на иностранные языки.

Комаров Борис Евгеньевич (16.08.1933, о. Млет, Хорватия), сын Евгения Евгеньевича Комарова (музыкант) и Н.Б. Комаровой (урожд. Сундстрем), филолога, внук Евгения Наркизовича Комарова. В 1946 г. семья получила советское гражданство. После Резолюции Информбюро (конфликт между Сталиным и Тито) от 1948 г., семья была вынуждена покинуть Югославию, и переехала в Болгарию. В Софии Б. Комаров учился в болгарской школе (II мужская гимназия), а после открытия старших классов в Русской школе продолжил образование и получил аттестат зрелости. Закончил Медицинскую академию им. Вылко Червенкова. Работал врачом по распределению в с. Чорбаджийско (Момчилград), у границе с Грецией, в IV-й городской больнице и в XV-й поликлинике в Софии, а также и на болгарских объектах по линии Булгаргеомин в Алжире и Комитета геологии в Ливии.

После выхода на пенсию работал врачом в Софийской духовной семинарии Св. Ив. Рилского. Был председателем Отделения Российского Дворянского собрания в Болгарии (2002–2009).

Красноскулов Владимир Феодосиевич (1943, София).

В 1956 г. репатриировался в СССР, в г. Ростов-на-Дону. Композитор, дирижер, педагог, общественный деятель. Начал получать музыкальное образование весной 1949 г. в хоре «Бодра смяна» и фортепианном классе ДМШ при Софийской Государственной музыкальной академии (консерватории). Заслуженный деятель искусств Российской Федерации, Почётный деятель Союза композиторов России, профессор, заведующий кафедрой теории музыки и композиции Ростовской государственной консерватории (академии) им. С. В. Рахманинова. Автор более 200 произведений различных музыкальных жанров.

Левкова-Бесчастнова Евгения Васильевна (11.07.1943, София). Училась в Русской школе в Софии. В 1955 г. уехала в СССР. Жила в Магнитогорске Челябинской области, где окончила среднюю школу и поступила в Горно-металлургический институт. В 1961 г. переехала в Москву, окончила Московский институт радиозлектроники и горной электромеханики (Горный университет). Работала в Центральном научно-исследовательском радиотехническом институте. Ныне на пенсии. Замужем. Мать и бабушка.

Литвиненко Анатолий Гаврилович (1938, Бургас). Инженер-механик. Окончил Русскую школу в г. Софии (35 ССУ), а потом Машинно-электротехнический университет. После ВУЗа работал на машиностроительных заводах, потом – в Научном институте по металлообрабатывающим станкам в Софии. С 1973 по 1982 г. работал на Судоремонтном заводе «Океанского рыболова» в Бургасе. Издал книгу по своим «корабельным дневникам».

Литвиненко-Потерова Наталья Гавриловна (1935, Бургас). Окончила факультет славянской филологии (русская филология) Софийского университета им. Св. Кирилла Охридского. Работала преподавателем русского языка в Институте международного туризма в г. Бургасе.

Лысенко-Чехларова Ирина Владимировна (1938, София). В 1956 г. окончила школу с преподаванием на русском языке № 35 в Софии, а в 1961 г. – Софийский университет по специальности геология-геохимия. По распределению работала химиком в горно-обогатительном комбинате Елсейна, где изучала минералогический состав дыма, из трубы металлургического завода. В 1965–1967 гг. курировала геохимическую библиотеку геолого-географического факультета Софийского университета. С 1967 г. до выхода на пенсию в 1992 г. работала старшим специалистом в лаборатории рентгеноструктурного анализа на предприятии лабораторных исследований при Комитете Геологии.

Петрусенко Валентин Павлович (5.07.1961, София). Учился в Русской школе в Софии. Среднее образование окончил в Гаване, на Кубе. Окончил исторический факультет Софийского университета и аспирантуру в московском Институте Латинской Америки РАН, где в 1992 г. успешно защитил докторскую диссертацию по современной истории Мексики. Доцент (с 2003 г.) по новой и новейшей общей истории. Читал лекции по истории в университетах разных стран Европы и Мексика. Имеет свыше 30 научных публикаций и множества научно-популярных статей. Эксперт Агентства по образованию в Европейской комиссии в Брюсселе. Имеет свыше 40 научных публикаций в Болгарии, России и других странах.

Петрусенко Святослав Иванович (3.12.1933, Княжево, София). Геолог-геохимик, с.н.с. Окончил Софийский университет в 1960 году. Работал геологом в Центральных Родопах. Он стал отличным специалистом по изучению минералов Рило-Родопского горного массива. Позже поступил в Геологический институт БАН, перевелся в Национальном естественнонаучном музее БАН (НПНМ), где стал старшим научным сотрудником (1988 г.), вышел на пенсию заведующим секцией Минералогии. Под руководством академика И. Костова работал по восстановлению минералогической коллекции музея. С помощью Святослава Ивановича созданы минералогические кол-

лекции в музеях Благоевграда, Варны, Бургаса, Кырджали, Плевне, Враце и Чепеларе. Нашел много новых для Болгарии минералов. По его инициативе район Урдных озер в гору Рыла объявлен минералогическим заповедником. Автор более 70 научных и 20 научно-популярных статей. Член многих болгарских и иностранных научных обществ.

Пчелинцева Татьяна Константиновна (1942, София). Потомок русских эмигрантов. Окончила в Ленинграде Институт киноинженеров. По специальности инженер-химик. Работала в Московском Полиграфическом институте и в НИИ связи. С 1999 г. живет в Софии. Занимается историей русской эмиграции в Болгарии. Автор многих произведений на этой теме.

Словачевский Юрий Борисович (1939, София). Инженер-химик, кандидат технических наук. В 1957 г. окончила школу с преподаванием на русском языке в Софии. В 1964 г. закончила Высший химико-технологический институт (София). Работал 37 лет на производстве, в Государственном комитете стандартизации, Государственном комитете по науке и техническому прогрессу, в Министерстве промышленности. В настоящее время занимается архивами своего прадеда архиепископа Царицынского Дамиана. Юрий Борисович является автором более 40 работ и научных статей в области стандартизации и управления качеством. Почетный член научно-технических союзов в Софии и постоянный член Союза специалистов по качеству в Болгарии.

Рожков Сергей Александрович (1.03.1954, Москва). Окончил МВТУ имени Н.Э. Баумана в 1977 г. и поступил на работу инженером во «ВНИИМонтажспецстрой». В 1979 г. поступил, а в 1983 г. окончил аспирантуру Института истории естествознания и техники АН СССР. До 1988 г. был научным сотрудником этого института. В 1985 г. защитил диссертацию, получив степень кандидата технических наук (ВИНИТИ, Москва). С 1988 года после иммиграции в Болгарию, работал научным сотрудником в Центре научной информации БАН, Центре науковедения БАН (1989–1996), старшим научным сотрудником в Центре науковедения и истории науки БАН (1996–2010), доцентом в Институте исследования обществ и знания - ИИОЗ БАН (с 2011). Председатель совета правления Русского академического союза в Болгарии. Автор 137 научных и научно-популярных публикаций. Активный общественный деятель русской иммиграции в Болгарии. Исполнитель и руководитель исследований, способствующих сохранению духовного, научного и культурного наследия русской эмиграции, а также проектов, направленных на решение актуальных проблем российских соотечественников, проживающих за рубежом. В 2010 г. выбран «Соотечественником года» и награжден грамотой Координационного совета российских соотечественников в Болгарии за особый вклад в укрепление исторических связей между Россией и Болгарией.

Трейман Николай (5.09.1962, София). Потомственный фотограф. Директор фотоателье и многолетний организатор и руководитель фото курсов. В Софийском университете читает курс лекций «Философия фотографии». Автор многих самостоятельных фотовыставок: «Болото», «Православная Болгария» и других. Является председателем старейшего фото клуба в Болгарии, основанного в 1920 году.

Третьяков Сергей Леонидович (1932, София) Родился в семье русских эмигрантов Леонида Николаевича Третьякова и Ольги Леонидовны Третьяковой, урожденной Бурцовой. Учился в русской начальной школе К.В. Скоропадской. В 1946 г. отец бы арестован, а семья выслана в деревню, а затем в Плевне. Там он продолжил образование в болгарской гимназии. В 1951 г. поступил на экономический факультет Софийского университета, вскоре преобразованный в Высший экономический институт им. К. Маркса, который закончил в 1956 г. В дальнейшем до 1964 г. работал сотрудником военно-исторических музеев г. Плевны. В 1964 г. вместе с матерью переехал в СССР на постоянное место жительства. В 1965 г. поступил в очную аспирантуру Ленинградского государственного университета. В 1972 г. защитил кандидатскую диссертацию и до сего времени работает в университете в должности доцента.

Чакалов Стефан Христов (1901 – 13.01.1975, София). В августе 1911 г. уехал учиться в Россию. Летом 1912 г. принят в Петербургский кадетский корпус. После октябрьских событий 1917 г. Стефан решает вступить в ряды формирующейся Добровольческой армии и с товарищами уезжает на юг России. После разных злоключений он, наконец, добирается до мест дислокации Белой армии и зачисляется в Марковском полке. Стефан Чакалов воевал до лета 1920 года, участвовал в «психологических атаках», был три раза ранен, болел тифом, холерой и дизентерией. Летом 1920 г. его отправляют на учебу в Корниловское военное училище.

Стефан Чакалов был одним из тех, кто следил за порядком на грузовом пароходе «Екатеринодар», на котором осенью 1920 г. эвакуировались в Константинополь войска генерала Врангеля. После трудного перехода в Турцию, Чакалов начинает служить матросом на миноносце «Капитан Сакей» и вместе с кораблями Русской эскадры попадает в Бизерту.

Весной 1921 г. Чакалов получил, наконец, необходимые документы, доказывающие его болгарское происхождение, возвращается на родину. В Болгарии он оканчивает гимназию и уезжает учиться в Германию, в Мюнхенский политехнический институт. После окончания учебы моло-

Стефан и Дора Чакаловы

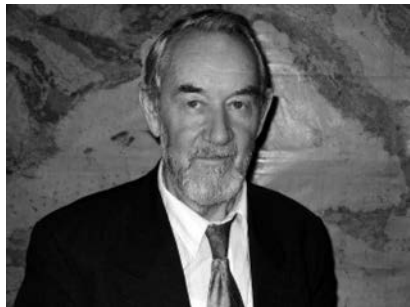
Дочь Елена (на фото справа) с друзьями

дой инженер вернулся в Болгарию. Последующая профессиональная жизнь Стефана Чакалова была связана с электротехникой. В 1929–1930 гг. он работает инженером электриком на гидроэлектростанции «Выча» в Родопах, затем в той же должности до 1947 г. – в отделе измерительных приборов Министерства торговли.

В 1947 г. его увольняют как бывшего белогвардейца и обладателя немецкого диплома. Пришлось устроиться на новом месте. В 1947–1949 гг. Стефан Чакалов работал в Болгарском электрическом обществе (болгарское отделение немецкой фирмы AEG), а с 1949 по 1959 гг. – инженером на заводе им. Климента Ворошилова. Здесь он создал первый болгарский водомер, сделав его из шведской стали. На него стали оказывать нажим, понуждая отказаться от шведской стали и перейти на советскую сталь. Он не согласился. Однажды к нему пришли два милиционера, которые под угрозой оружия приказали идти с ними в участок. Он встал со своего рабочего места, подошел к ним и спокойным голосом попросил спрятать свои револьверы, потому что он их не боится. В милиции его продержали несколько дней. За несогласие с мнением партийного руководства об использовании советского сырья он был лишен работы и уволен.

Его супруга Дора была сестрой милосердия, а его дочь Елена – доцентом на биологическом факультете Софийского Университета.

Стефан Чакалов скончался 13 января 1975 г. в Софии и похоронен на фамильном участке Софийского кладбища.

Чумаченко Платон Васильевич (1935, с. Бяла Сливенской области). Профессор, доктор геолого-минералогических наук. В 1959 г. окончил Софийский университет Св. Климента Охридского по специальности «геология». С 1960 по 2007 гг. – научный сотрудник Геологического института БАН. Почетный член Болгарского геологического общества. Автор более 240 научных статей, опубликованных в болгарских и международных научных журналах.

Чумаченко Василий Викторович (1959, Москва). Со своей семьей живет и работает в Москве. В 1969 г. получил среднее образование. Специалист-электронщик. Безвозмездно редактировал весь материал настоящего сборника.

Белоэмигранты в Болгарии. Воспоминания

под ред. В.В. Чумаченко, П.В. Чумаченко, С.А. Рожкова

Вёрстка ЗАО «Новые печатные технологии»

Подписано к печати 31.05.2013. Формат 60x84/₁₆.
Объём усл. печ.л. 16,62. Гарнитура Garamond. Печать офсетная.
Бумага типографская. Тираж 500. Заказ № 135031

